

Ю. А. Савватеев

ВЕЧНЫЕ ПИСЬМЕНА

Ю. А. Савватеев

ВЕЧНЫЕ ПИСЬМЕНА

Ю. А. Савватеев

ВЕЧНЫЕ ПИСЬМЕНА

(наскальные изображения Карелии)

Петрозаводск
2007

УДК 904(470.22)
ББК 63.4(2Рос.Кра.)

Вечные письма (наскальные изображения Карелии) /
Авт. Ю. А. Савватеев. Петрозаводск, 2007. 464 с. Ил. 160. Табл. 1.
Библиогр. 153 назв.

Предлагаемая книга рассчитана прежде всего на тех, кто так или иначе связан или сталкивается с наскальными изображениями Карелии и желает получить о них более полную информацию, включая современное состояние и уровень изученности. Онежские и беломорские петроглифы являются частью первобытного монументального искусства Евразии и мира в целом. Они отразили как общие закономерности доисторического изобразительного творчества, так и региональные его особенности. Это ценнейшие свидетельства «духовного производства» эпохи неолита на территории Карелии, отображающие уровень сознания и мышления людей той поры, их мировосприятие, верования и обряды. Неразрывная связь с впечатляющей природной средой только усиливает привлекательность этих достопримечательных мест.

Один из сквозных сюжетов книги – история изучения онежских и беломорских петроглифов, имеющих статус недвижимых археологических памятников федерального значения. Много внимания уделено исследователям-первопроходцам, формированию нового научного направления – петроглифоведения. Читатель получит представление и о насущных проблемах сохранения и разумного использования петроглифов, обострившихся на рубеже XX–XXI вв.

Книгу условно можно назвать путеводителем по скальным полотнам Карелии. Правда, путеводитель не совсем обычный. Он как бы в двух ипостасях: и по достопримечательным местам с рельефными изображениями, и по связанным с ними проблемам (включая охрану, музеефикацию и дальнейшее изучение). Автор рассчитывает на диалог с читателем, заинтересованное, беспристрастное обсуждение затронутых в книге тем и проблем.

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р :
ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, доктор исторических наук *М. А. Дэвлет*

Р е ц е н з е н т :
старший научный сотрудник сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН,
кандидат исторических наук *Н. В. Лобанова*

ISBN 5-9274-00229-1

© Ю. А. Савватеев, 2007
© Карельский научный, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю	5
Глава I. ВЕЧНЫЕ ПИСЬМЕНА. ИХ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ И ПЕРВОИССЛЕДОВАТЕЛИ	9
Из истории открытия и изучения	11
Мастерские сознания	12
Онежские петроглифы обретают известность	15
В Государственном Эрмитаже	25
На восточном берегу Онежского озера. Новые находки	32
Открытие петроглифов в Беломорье. Залавруга Старая и Новая ...	38
Продолжение открытия	43
Глава II. О ГЕОЛОГИЧЕСКОМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ В КАРЕЛИИ	55
Карелия в голоцене	57
Первоначальное заселение края	64
Мезолит	66
Оленеостровский могильник	72
Неолит	80
Период раннего металла	90
Железный век	104
Раннее средневековье	115
Глава III. ОНЕЖСКИЕ ПЕТРОГЛИФЫ	119
Топография и ландшафт	121
Достопримечательное место Бесов Нос	126
Мыс Кладовец	147
Устье речки Черной и Гажий Нос	150
Гурии острова	152
Пери Нос	157
Карецкий Нос	183
Остров Большой Голец и устье реки Водлы	190
Онежский очаг наскального искусства	195
По местам первобытных поселений	196
Глава IV. БЕЛОМОРСКИЕ ПЕТРОГЛИФЫ	221
Ландшафт	223
Бесовы Следки (северная группа)	228
Бесовы Следки (южная группа)	235

Ерпин Пудас	237
Старая Залавруга	242
Новая Залавруга	252
Первобытные поселения	283
Глава V. ИЗУЧЕНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ КАРЕЛИИ	307
Старые и новые подходы в изучении	309
Документирование	315
Хронология и периодизация.....	325
Этнокультурная принадлежность.....	340
Петроглифы как первоисточник	342
Расшифровка	346
Наскальные полотна Карелии и первобытное искусство	357
Глава VI. СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ КАРЕЛИИ	365
О чем скорбят скалы	367
Охрана, сбережение и использование	375
Законодательная и правовая база государственной охраны петроглифов Карелии	379
Популяризация петроглифов Карелии	383
Глава VII. ПЕТРОГЛИФЫ КАРЕЛИИ И НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ФЕННОСКАНДИИ.....	387
Феномен наскального искусства	389
Из истории открытия и изучения памятников наскального искусства Фенноскандии	399
Наскальные изображения Кольского полуострова	402
Писаницы Финляндии	408
Наскальные изображения Швеции	410
Памятники наскального искусства Норвегии	418
Международные контакты и сотрудничество	426
Некоторые итоги	431
ПОСЛЕСЛОВИЕ	434
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Хроника. Основные события и даты	442
Основные понятия и термины	450
Литература и источники	457

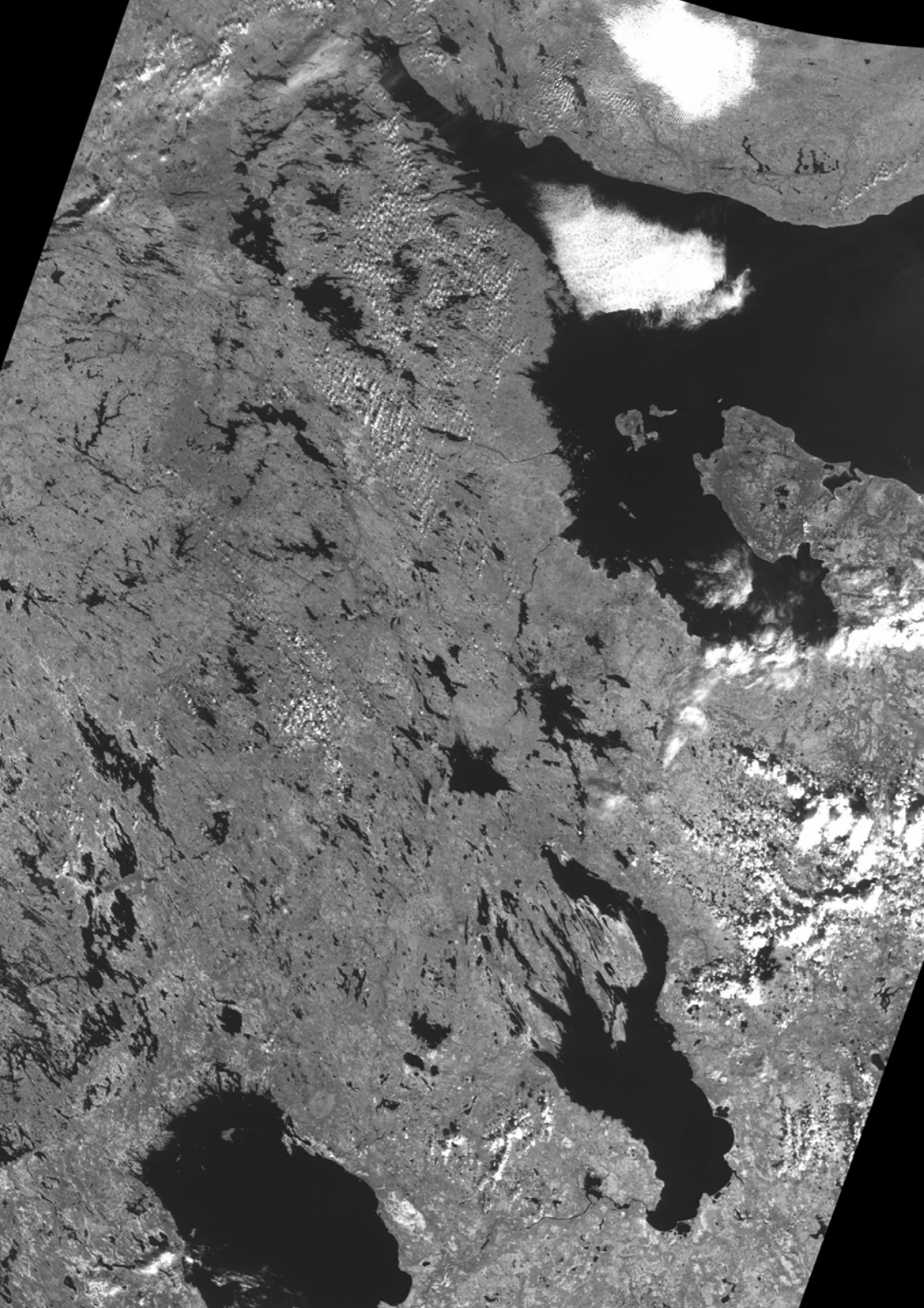

Обращение к читателю

К числу самых ярких достопримечательностей Карелии с полным правом можно отнести ее наскальные изображения, или петроглифы. Они являются частью отечественного и мирового культурного наследия, представляют значительный интерес для науки. Эти необычные памятники привлекают внимание всех, кому дорога история и культура своего края, погружают в мир первобытного монументального изобразительного искусства, позволяют лучше представить мироощущение и миропонимание людей первобытной эпохи, их духовную жизнь, верования и обряды.

Наскальные изображения называют «мастерскими сознания», «листами каменной книги», «протописьменностью», формой «духовного производства». В них запечатлен опыт обобщения, кодирования и передачи особо значимой информации в доступной для того времени образной форме. Выбитые на скалах фигуры и знаки — это в значительной мере мифологизированные образы, отразившие представление первобытных общин об окружающей действительности, ее движущих силах и связях, своих божествах и героях.

Знакомство с наскальными изображениями Карелии — по публикациям или в натуре — дело непростое. Потребуется определенное напряжение и концентрация ума. Слишком уж необычен сам первоисточник. Схематичные, грубые на вид выбивки камнем по камню при более внимательном рассмотрении становятся все притягательнее. Особое внимание вызывают композиции (сцены) повествовательного характера, а также необычные изображения, наделенные сверхъестественными, фантастическими чертами. Извлечение из них достоверной информации потребует немалых усилий, мысленного диалога и с первооткрывателями и первоисследователями, и с современными толкователями, экскурсоводами. Потребуется системный анализ отдельных групп, скоплений, фигур и сцен, включая их расположение и взаимосвязь, стиль и технику нанесения рисунков, ориентировку, место в окружающем природном ландшафте и т.д.

Распространение наскальных изображений по странам и континентам

Попытки доходчиво рассказать о наскальных изображениях Карелии (с учетом новых открытий и исследований) автор предпринимал и прежде в книгах «Рисунки на скалах» (1967) и «Наскальные рисунки Карелии» (1983), «Каменная летопись Карелии» (1990). Судя по откликам, их доброжелательно приняли читатели. Понятно, что названные книги взаимосвязаны, содержат немало переходящей информации. В то же время каждая из них обладает определенной новизной. Данное издание содержит некую базу данных и об онежских и о беломорских петроглифах. Жанр его не совсем обычен. Скорее всего, это своеобразный путеводитель в двух ипостасях. Он знакомит с самими онежскими и беломорскими петроглифами, их природным окружением. И, кроме того, погружает в проблемы, связанные с ними, включая изучение, сбережение и использование. Вместе с тем даются определенные ориентиры для самостоятельных поисков и раздумий. Читатель приглашается к диалогу, смысл которого заключается в том, чтобы лучше осознать непреходящую научную и культурно-познавательную ценность петроглифов Карелии, озаботиться их сохранением, разумным использованием и популяризацией, дальнейшим развитием на базе петроглифов международного сотрудничества.

Знакомство с ними может сделать каждого из посетителей чуть богаче, ввести в мир древнего искусства, расширить представления о культурном пространстве, приобщить к ценностям мировой значимости.

Петроглифы Карелии в силу ряда причин нуждаются в непосредственном практическом участии в их судьбе многих должностных лиц, учреждений и организаций с целью эффективной интеграции этих вечных ценностей в культурно-историческое наследие и культурное пространство Республики Карелия, страны и мира. Крайне желательны междисциплинарный подход и системный анализ (с использованием современных приемов моделирования), для более глубокого понимания наскальных рисунков и связанных с ними насущных проблем. Нужны максимальная открытость и прозрачность всей деятельности на данном поприще. Хорошо выверенная, объективная исходная информация поможет при принятии давно назревших и необходимых управленческих решений. Внятную позицию должны иметь и органы власти всех уровней, и профессиональные исследователи, и любители, и представители общественности.

Основная задача книги — привлечь внимание читателя к онежским и беломорским петроглифам, их современному состоянию, связанным с ними насущным проблемам, обострившимся в конце XX — начале XXI в. Неизбежно и обращение к другим ареалам и очагам наскального искусства мира, прежде всего Фенноскандии. Сопоставления, сравнительный анализ — один из доступных способов выявления общего и частного в наскальном творчестве отдельных стран и регионов.

Глава I

Вечные письма. Их первооткрыватели и первоисследователи

ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Открытие петроглифов Карелии не одноразовый акт, а длительный процесс, затянувшийся почти на 160 лет и все еще не оконченный. Это целая цепочка, как правило, неожиданных находок, сделанных в разное время различными исследователями, в основном приезжими, посещавшими Карелию с другими целями. Тем любопытнее еще раз, теперь уже вместе с первопроходцами, пройти по этой проторенной ими тропе, на которой не раз являл себя и случай, и «госпожа удача», и время от времени встречались все новые сокровища. Поэтапное выявление отдельных скоплений наскальных изображений на территории Карелии объясняется целым рядом объективных и субъективных факторов.

Сейчас уже признано, что эти памятники являются важнейшей составной частью культурного наследия первобытного общества в крае. Они появились здесь около 6 тыс. л. н. Уже в силу своей древности, неоднократной смены населения изначальная их ценность на время оказалась забытой. У местных жителей в XIX в. они особого интереса не вызывали. Скорее, их сторонились, считали проявлением каких-то чуждых, злых сил. Во всяком случае, им уже не поклонялись.

Воссоздавать значимость необычных образов древнего сознания пришлось заново, что потребовало времени и определенных усилий. Решающая роль в этом принадлежит науке, сделавшей их объектом длительных исследований. Со временем появились специалисты-профессионалы, началось формирование нового научного направления — петроглифоведения. Все больше внимания стало уделяться популяризации онежских и беломорских петроглифов.

История их открытия и изучения может стать и станет темой специальных историографических и источниковедческих исследований. С 30-х гг. XX в. они превратились в своеобразный опытный полигон для археологов страны, где испытывались приемы и способы поисков и фиксации наскальных изображений, формы их публикации, методы научной интерпретации, наконец, популяризации и пропаганды необычных памятников. Рисунки на скалах привлекли внимание известных ученых, вызвали острую дискуссию, насыщенную страстями, противоборством разных идей, представлений и гипотез, столкновением характеров. Используются данные других наук, постепенно утверждается междисциплинарный подход. Понять и оценить проблемы, связанные с петроглифами Карелии, оказалось не так просто. Требовались повышенное внимание, целеустремленность, усидчивость, многократное их посещение, а значит, время и силы. Но первооткрыватели и первоисследователи занимались и другими научными и научно-организационными делами (включая преподавание) и сконцентрироваться

на петроглифах не имели возможности, да, видимо, и не хотели сужать круг интересов. В итоге все те, кто заявил о своих замыслах, полностью реализовать их так и не смогли. Обещанные ими итоговые труды не появились.

Тем не менее, именно они, первопроходцы, заложили основы научного изучения наскальных изображений Карелии, первыми поставили вопрос о сохранении петроглифов. Появление первых научных трудов привлекало внимание любителей, интересующихся этими памятниками и даже посвящавших им собственные публикации. Вместе с читателями мы попытаемся понять и оценить вклад каждого из первооткрывателей и первоисследователей, что в их наследии выдержало проверку временем и отвечает современным требованиям отечественной и мировой науки, а что нет. Важно отразить и сложившуюся на базе наскальных изображений Карелии традицию их изучения, сохранения и использования. Неизбежно возникнет немало вопросов, догадок, собственных суждений, захочется увидеть петроглифы в натуре.

МАСТЕРСКИЕ СОЗНАНИЯ

Теперь необходимо дать первое, пусть пока самое общее представление о первоисточнике, т.е. о самих петроглифах Карелии — главном объекте и предмете повествования. Они рассматриваются как органическая часть культурного наследия Карелии и России, как весьма важный культурно-образовательный и просветительский ресурс. К сожалению, потенциальные возможности этих памятников все еще используются далеко не в полной мере.

Чем же привлекательны петроглифы Карелии для рядовых посетителей? Кому они сегодня нужны? Что ожидает их в ближайшем и более отдаленном будущем? В книге сделаны попытки найти ответы на эти и другие актуальные вопросы, показать непреходящую ценность таких уникальных свидетельств прошлого, которые дошли до нас в относительно хорошей сохранности.

Археологи, как правило, имеют дело с остатками и отходами материальной культуры прошлого, следами повседневной жизнедеятельности. С наскальными изображениями дело обстоит иначе. Они гораздо лучше сохранили свою первозданность и донесли до нас (хотя и в скрытой форме) самые сокровенные проявления жизни людей первобытной эпохи — их верования, ритуалы и обряды. По большому счету, рисунки на скалах имеют прямое отношение к одной из самых важных, самых глубинных сфер человеческого познания, а именно — к становлению сознания. Не случайно, как уже упоминалось выше, их

образно называют иногда «мастерскими сознания», «каменной летописью», «протописьменностью», «листами каменной книги», «вечными письменами», «библией каменного века» и т.д. Скорее всего, это были центры первобытных святилищ, где совершались ритуальные обряды и действия, «молитвы» и заклинания, общение с предками.

В петроглифах Карелии все еще немало таинственного, что тоже интригует посетителей. Они сами невольно на какое-то время становятся исследователями, пытающимися решить для себя многие вопросы: что и как изображено, в какой взаимосвязи находятся выбитые рисунки и сцены, можно ли установить индивидуальный почерк мастеров, с какой целью наносились выбивки и почему именно в данных местах? Как эти комплексы развивались во времени, в какой последовательности заполнялись наскальные полотна, какую эпоху отражают, с чего начинается и чем заканчивается это необычное творчество, что оно давало своим поклонникам и что дает нам? Как эти памятники связаны с современностью и связаны ли вообще? Вопросов возникает великое множество, и ответы на них найти не так легко. Придется думать, размышлять, сопоставлять, искать объяснения, вести мысленный диалог и с творцами наскальных полотен, и с их исследователями. Неизбежно проявляются разные подходы и точки зрения, что только усиливает интерес к скальным выбивкам.

Отсюда важная роль добротной исходной информации, которая бы давала первые ориентиры. обстоятельная исходная информация нужна особенно тем, кто впервые знакомится с петроглифами Карелии в натуре. Она значительно сокращает время, отводимое экскурсоводу на вводную часть и позволяет незамедлительно приступить к общению с самими наскальными полотнами.

Издание адресовано прежде всего тем, кто будет принимать управленческие решения. Ведь им тоже крайне необходимы какие-то исходные данные о самих памятниках, их нынешнем состоянии, отношении к ним в прошлом. В целом же доминировало стремление не ограничиваться фактологией, а вести диалог, вовлечь в обсуждение и научных, и прикладных проблем. Опыт показывает, что непосредственное общение специалистов и экскурсантов на памятниках первобытного искусства обычно бывает продуктивным, взаимно полезным. Особенно с любителями — теми, кто целеустремленно занимался этой темой.

Желание по возможности полнее и объективнее показать современное состояние насущных проблем, связанных с петроглифами Карелии, отразилось и на структуре книги, о чем речь уже шла. Хотелось рельефнее выделить и личностное начало. При знакомстве с петроглифами постоянно упоминаются имена первоисследователей, открывших миру данные сокровища. Сделано это прежде всего из желания отдать

дань уважения и выразить искреннюю признательность тем, кому приходилось двигаться по целине. Высказанные прежде идеи, гипотезы, оценки, заключения, характеристики вновь оживают, обостряя внимание, мысль и слух, настраивая посетителя на поиск собственных ответов на поставленные и возникающие вопросы, позволяют ощутить реальную связь времен и поколений, оценить накопленный опыт. Лучше осознается и влияние разных объективных и субъективных факторов, крепнет уважительное отношение к прошлому, вечным ценностям, которые остаются надежным связующим звеном прошлого с настоящим. Здесь как-то по-особому воспринимается и воздействует природное окружение, необычайно выразительное и впечатляющее.

К настоящему времени в Карелии известны два очага (центра) наскального монументального искусства – в юго-западном Беломорье и на восточном берегу Онежского озера, отстоящих друг от друга на расстоянии примерно 325 км по прямой. Очевидна необходимость продолжения их изучения с использованием комплексных, междисциплинарных подходов и системного анализа. Создание современной базы данных требует доскональной документации, полученной с помощью современных технических средств и приемов.

По всей книге проходит несколько сквозных сюжетов, что делает неизбежными некоторые повторения, так как время от времени приходится обращаться к упоминавшимся уже событиям, фактам, именам исследователей, принятым решениям, чтобы основательнее прояснить тот или иной конкретный вопрос, точнее расставить акценты, вести поиск оптимальных путей музеефикации онежских и беломорских петроглифов с учетом отечественного и зарубежного опыта. Свое слово могут сказать и посетители петроглифов.

Вовсе не исключено, что уже в обозримом будущем наскальные изображения Карелии попадут в Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО. Одно из обязательных условий их включения – продуманная стратегия управления ими на местном уровне, предусматривающая тесное взаимодействие федеральных, республиканских и местных (муниципальных) органов власти. Должны появиться «пользователи» этих памятников, ответственные за их состояние. Мировой опыт показывает, что там, где объекты культурного наследия не используются, они обычно быстрее разрушаются, а то и гибнут. Отношение к ним – важный показатель общей культуры населения и общества. Надо пытаться мобилизовать все средства и возможности для преодоления равнодушия, что благоприятно скажется и на повышении привлекательности Карелии как одного из центров культуры, образования, науки и туризма на Северо-Западе РФ, в какой-то мере будет содействовать улучшению инвестиционного и делового климата.

Общение с читателем включает и настоятельную просьбу откликнуться на книгу критическими замечаниями, пожеланиями, советами. Петроглифы Карелии останутся вечной темой, объектом возрастающего внимания науки, общества, государства. Тем ответственнее обращение к ним и связанным с ними проблемам. «Скороспелые» и «скоропортящиеся» инициативы, публикации, программы и проекты, рекомендации неуместны и непременно вызовут недоумения и нарекания в будущем. Да и данная книга – всего лишь один шаг на пути подготовки более совершенного издания. Популяризация наскальных изображений Карелии (как части культурного наследия республики) и впредь останется одним из условий формирования уважительного к ним отношения со стороны общества.

Документальную основу книги усиливают иллюстрации. Они образуют параллельный тексту изобразительный ряд, делающий его более доступным для усвоения. Иллюстрации содержат богатую зрительную информацию. Особую ценность они представляют для тех, кто еще не видел петроглифы Карелии в натуре.

ОНЕЖСКИЕ ПЕТРОГЛИФЫ ОБРЕТАЮТ ИЗВЕСТНОСТЬ

История открытия петроглифов Карелии весьма увлекательна. Почему-то одним исследователям, оказавшимся неподалеку от этих памятников, удавалось узнать о них, а другим – нет. Невольно приходит на ум мысль о роли случая. Известно, что все основные открытия сделаны с помощью местных жителей, но они подходили к приезжим ученым избирательно. Одним рассказывали о загадочных изображениях, а от других эти сведения скрывали или только приоткрывали.

Первыми найдены несколько скоплений онежских петроглифов. Жители окрестных деревень (и прежде всего ближайшей – д. Бесов Нос) знали о них всегда, но, видимо, предпочитали особенно не распространяться. Появление странных и загадочных наскальных полотен связывали с деятельностью какой-то нечистой силы. Не случайны и их названия: Бесов Нос на восточном берегу Онежского озера и Чертовы Следки в Беломорье. Показательно и то, что желание самим приложить руку к ним (подновить, выбить новые фигуры или надписи) у местных жителей не возникало. Видимо, рисунков побаивались и остерегались, а места с ними по возможности старались обходить стороной.

Петроглифы не служили серьезным препятствием для заселения и использования этих мест, но не стали и привлекательным объектом. Не случайно же, что почти никто из многочисленных путешественников по Карелии в XVIII–XIX вв. ни об онежских, ни о беломорских петроглифах не упоминает. Между тем они находятся на давно освоенных водных путях, в местах активной добычи рыбы и зверя.

Видимо, еще в XIV–XV вв. на Бесовом Носу побывали монахи Муромского монастыря, расположенного на том же восточном берегу Онежского озера, но в 20 км южнее. Они первыми попытались всерьез

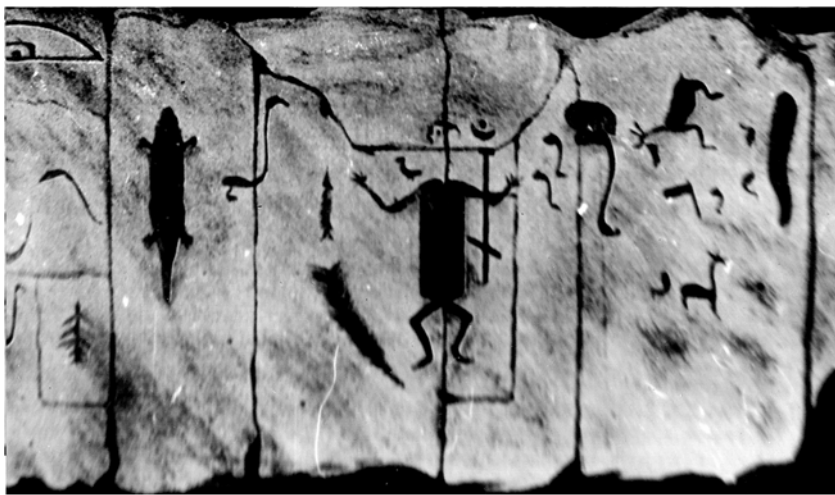
К.И. Гревингк
(1819–1887)

нейтрализовать негативную силу «дьявольских картин». Поверх двух фигур — и беса, и лебедя — ими были выбиты христианские кресты с соответствующей символикой. Любопытно, что «бесовское» название осталось и за д. Бесов Нос (в глубине берега), и за центральным мысом (на побережье Онежского озера).

В 1908 г., а затем в 1910 г. вдоль северного, восточного и южного побережий Белого моря путешествовал шведский археолог Г. Хальстрем. Позднее, после открытия А.М. Линевским и В.И. Равдоникасом беломорских петроглифов, он с удивлением писал, что ничего не слышал о Чертовых Следках и Залавруге ни в прибрежных населенных пунктах, ни даже во время трехдневного пребывания в Соловецком монастыре (где, видимо,

знали о низовье р. Выг, поскольку когда-то эти земли были вотчиной монастыря). Таким образом, длительное время петроглифы Карелии оставались неизвестными.

Первым удача улыбнулась Константину Ивановичу Гревингку — известному геологу, минералогу и археологу Прибалтики, профессору Тартуского (б. Дерптского) университета. В 1848 г., будучи консерватором минералогического музея в Петербурге, он по поручению Академии наук проводит длительное (продолжавшееся пять месяцев — с мая по октябрь) «геогностическое» исследование преимущественно по берегам Онежского озера и на полуострове Канин Нос. Оказавшись на восточном берегу Онежского озера, у д. Бесов Нос, К. Гревингк увидел и описал «три ранее не известные ученым группы картин». Надо сказать, что и до и после него побережье Онежского озера исследовалось не раз, но ни один из ученых-естественников или не столкнулся с петроглифами, или же не обратил на них должного внимания.

Копии П. Шведа

По сообщениям газеты «Олонецкие губернские ведомости» за 23 сентября 1848 г., из Повенца в Петрозаводск прибыл «хранитель музея Императорской Академии наук кандидат Гревингк». Видимо,

он возвращался домой уже после того, как при осмотре прибрежных мысов Бесов и Пери у д. Бесов Нос обнаружил, по его словам, «гранитную скалу с вырезанными на ней рисунками, не известными еще ученым». Скорее всего, ориентиром послужила информация местных жителей. К.И. Гревингк, тогда еще молодой ученый, сразу понял, что имеет дело с заслуживающим внимания и ценным для науки памятником. Ему же принадлежат копии двух особо выразительных наскальных полотен, которые потом не раз воспроизводились в научных и справочных изданиях. Задержался ли К.И. Гревингк в Петрозаводске или был только проездом, поведал ли кому-либо о своей находке — пока узнать не удалось.

Зато выяснилось другое: осенью 1848 г. (а возможно, и раньше) здесь о странных рисунках, похоже, уже знали. Свидетельство тому — архивные материалы о подготовке ответа на замечания «для объяснения и руководства» министра внутренних дел Петровского (на «Отчет» министерству о состоянии Олонецкой губернии за 1847 г.). Данные замечания поступили в канцелярию губернатора 16 октября 1848 г. и содержали просьбу предоставить сведения о карелах, проживающих в крае. Поскольку таковых под рукой не оказалось, то по уездам от имени губернатора был разослан специальный запрос вместе с «объяснительной программой» из 34 пунктов. Один из вопросов программы касался рунических и других надписей на камнях. Появился он не случайно; какие-то сведения о них, видимо, уже имелись. Существовал и интерес к древностям. Так, инженер Олонецкого горного округа Н.Ф. Бутенев начал собирать ставшую известной коллекцию каменных орудий. Другой любитель древностей — директор местной гимназии.

Показательно, что пудожский земский исправник, получив запрос, сразу понял, о чем идет речь. Уже 8 ноября он побывал на Бесовом Носу и установил, что выбивки на скалах здесь действительно существуют. Правда, «из-за волнения и замерзания» озера сам он ни одной фигуры увидеть не смог. Никто из крестьян не помнил, кем такие рисунки «насечены». Летом следующего года изображения были скопированы уездным землемером Н. В. Юматовым, а копии пересланы в канцелярию губернатора. К сожалению, судьба их неизвестна.

Наскальными изображениями в районе Бесова Носа заинтересовался также учитель истории и статистики Олонецкой гимназии П.Г. Швед. От кого он узнал о загадочных рисунках и когда посетил их — выяснить не удалось, но именно ему принадлежит первое сообщение «Крестовый и Пелий мысы», опубликованное в 1850 г. в «Известиях Русского географического общества». Оно содержит тоже еще не совершенные зарисовки тех же двух наскальных полотен, что сделаны К.И. Гревингком.

Информация К.И. Гревингка о его путешествии появилась вслед за сообщением П.Г. Шведа, в том же 1850 г., но в другом издании – в «Известиях физико-математического отделения Академии наук» на немецком языке. Она содержала лишь упоминание о найденных рисунках.

Таким образом, «снимки» (т.е. зарисовки) и краткое описание П.Г. Шведа появились в печати раньше, и что важно – на русском языке. Именно П.Г. Швед своей статьей побудил К. Гревингка вернуться к найденным им «картинам» и дать о них более подробную информацию. Последующие выступления К.И. Гревингка – устные и в печати – сильнее высветили его роль как первооткрывателя. В мае 1854 г. он выступил на заседании историко-филологического отделения АН с докладом «О рисунках, начерченных на гранитной скале у восточного берега Онежского озера». На следующий год данный доклад был опубликован в «Известиях» отделения и перепечатан еще в одном издании. К сожалению, более подробное описание с приложением копий рисунков, переданное в Вольное экономическое общество, осталось неизданным. В итоге усилиями К.И. Гревингка онежские петроглифы быстрее и основательнее вводятся в научный оборот.

Интересно, что упомянутая публикация привлекла внимание Н.Г. Чернышевского (1828–1889), русского революционного демократа, просветителя-энциклопедиста, писателя и литературного критика «...великого социалиста домарковского периода» (В.И. Ленин). В журнале «Отечественные записки» № 9 за 1854 г. в разделе «Новости литературы, искусств, наук и промышленности» среди прочих сюжетов имеется и такой – «Записка г. Гревингка о рисунках на берегу Онежского озера». «При скудости археологических открытий тем приятнее нам представить извлечение из записки г. Гревингка», – пишет Н.Г. Чернышевский.

Далее следует довольно пространная выдержка из публикации К. Гревингка, дающая некоторое представление о самом памятнике и обстоятельствах его открытия: «В 1848 г. во время геогностического путешествия по Олонецкой и Архангельской губерниям я нашел на восточном берегу Онежского озера гранитную скалу с вырезанными на ней рисунками, не известными еще ученым. Я упомянул о них в записке о своем путешествии, помещенной в “Известиях” физико-математического отделения Академии. Потом географическое общество обнародовало в своих “Известиях” снимки и краткое описание этих рисунков, сделанное г. Шведом; это подало мне теперь повод напечатать из моего неизданного отчета о путешествии место, относящееся к онежским рисункам. Они начертаны на скале Бесова Носа, мыса, лежащего против Петрозаводска,

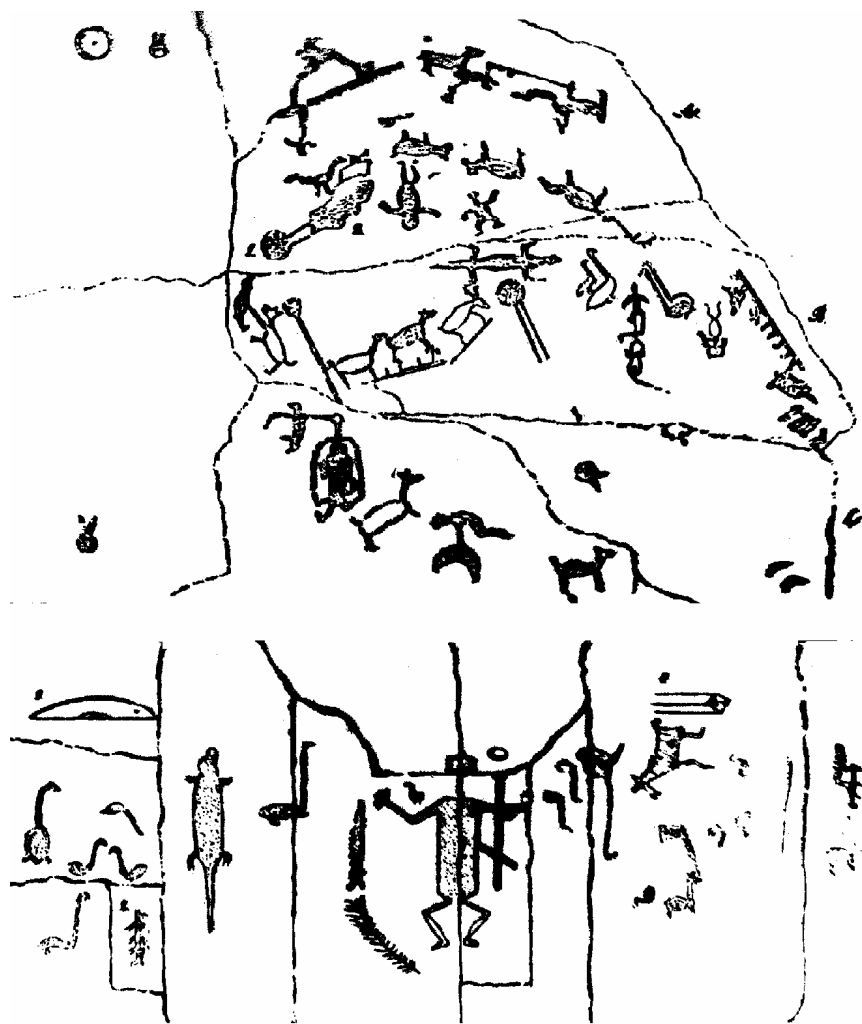
подле деревни Бесовец. На юг от этой группы рисунков находится другая, а еще южнее — третья. Фигуры или начерчены неглубокими линиями на чрезвычайно твердом граните, или камень выдолблен по всей поверхности фигур. Они изображают людей, сохатых, собаку, лисицу, белок, выдр, лебедей, уток, журавля и рыбу, почти все они представлены в профиль. Есть и символические знаки, но письмен, по-видимому, нет никакого следа...»

Далее Н.Г. Чернышевский передает информацию К. Гревингка своими словами. Он обратил внимание на сопоставление онежских с известными уже томскими и чардынскими рисунками и на заключительный вывод автора, что все они финского происхождения, а значит, «принадлежат времени, когда чудские племена жили по всему пространству от Сибири до Ботнического залива».

Из выступлений и публикаций К.И. Гревингка следует, что он первым из ученых наткнулся на изображения и упомянул о них в печати. В числе первооткрывателей не раз называли также имя П.Г. Шведа. Если В.И. Равдоникас полагал, что К.И. Гревингк открыл памятник «еще раньше Шведа», то, по мнению К.Д. Лаушкина, онежские петроглифы открыл все же П.Г. Швед. К сожалению, истинная роль П.Г. Шведа в этом открытии не совсем ясна. Сведений о нем самом мало. По архивным данным известно лишь, что в 1841 г. младший учитель русской грамматики и географии, действительный студент Петр Гаврилович Швед перемещен на должность старшего учителя истории и статистики при Олонецкой гимназии. В 1845 г. он избирается секретарем совета при гимназии.

В 1850 г. в «Известиях Русского географического общества» действительно появилась небольшая статья П.Г. Шведа «Крестовый и Пеллий мысы» с одним листом рисунков. В ней ничего не говорится о самом открытии «резьб на камне» как таковом, не упоминается и имя К. Гревингка. Были ли знакомы они, и знал ли П.Г. Швед о работах молодого исследователя — тоже не ясно. По признанию самого К. Гревингка, статья П. Шведа побудила его «отдать отдельно в печать ту часть ненапечатанного отчета, где речь идет об этих группах картин, чтобы историки смогли высказать более обоснованную и определенную точку зрения о происхождении и возрасте этих привлекающих внимание памятников». Возможно, было задето самолюбие и появилось желание застолбить открытие и вместе с тем более обстоятельно рассказать о загадочных изображениях.

В отличие от К.И. Гревингка, П.Г. Швед к теме петроглифов больше не возвращался. Правда, в 1858 г. газета «Олонецкие губернские ведомости» перепечатала его публикацию из «Известий Русского географического общества», на сей раз без иллюстраций и каких-либо комментариев, даже без ссылок на других авторов.

Копии К. Гревингк

Упомянутые сообщения надолго останутся единственным печатным источником об онежских петроглифах, весьма наивно толкующим сами рисунки как буквальное отражение событий из охотничьей жизни, имевших здесь место. Так, К. Гревингк писал: «По всей вероятности, эти группы картин происходили от охотников, которые частично на память о своей охоте, добыче, виде добычи, ее количестве,

о направлениях движения перелетных птиц и красной дичи, о способах проведения охоты и частично в честь своего бога охоты и рыбной ловли, прилагая немало труда, в течение длительного времени выполняли здесь работы по вырезыванию на камне, которые сохранились здесь через столетия и, вероятно, сохранятся еще тысячелетия...»

П. Шведу рисунки тоже казались высеченными неизвестной рукой и в неизвестное время. Он ставил их в связь с финскими преданиями о Вяйнямейнене, а среди выбивок находил не представленные в действительности изображения зеркала, циркуля и пилы. П. Швед допускал, что некогда значительно ближе к Онежскому озеру могло обитать «племя самоедов», но создавать подобного рода памятники, прокладывающие путь к искусству и письменности, они, по его мысли, все же не могли, поскольку находились еще «на самой низкой ступени умственного развития».

Как это ни странно, в таком же духе выдержаны и более поздние объяснения известного историка, исследователя русского фольклора и древнерусской письменности Олонецкого уезда, Е.В. Барсова (1836–1917), видимо, бывавшего на петроглифах. Он тоже, принимая во внимание «низкий уровень нравственного развития живших здесь финских племен», считал, что такие изображения, свидетельствующие о более или менее развитой мифологии, не могли принадлежать аборигенам, а должны быть приписаны более развитому новгородскому племени, обитавшему здесь «в отдаленную эпоху языческую».

Н.С. Шайжин, историк Олонецкого края, деятельный краевед, преподававший в Петрозаводске с 1906 по 1912 г., писал еще более определенно: «По нашему мнению, бесоносовские скалы с насечками на них языческой и христианской древности были несомненно местом умиловительных жертвоприношений и молитв со стороны как лопарей и чуди, так и проезжающих мимо новгородских ушкуйников».

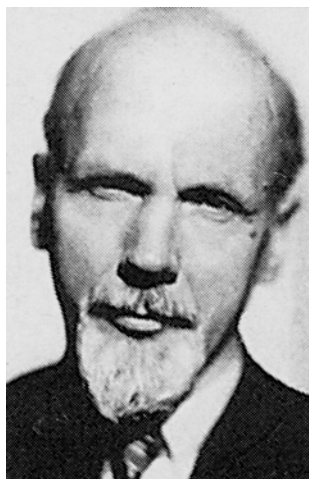
Естественно, что далекими от действительности оставались и объяснения неграмотных крестьян, дошедшие до нас благодаря свидетельству К. Гревинга: «В народе ходит легенда, будто бы много-много лет назад здесь обитали черт и его жена (бес и бесиха), и они удостоверили свое пребывание здесь в странных фигурах на скале. Но тут пришел живой Христос и истинная вера, и он якобы поставил кресты на дьявольских картинах. Злые духи должны были немедленно уйти: они хотели, отправляясь в путь, взять с собой на память о своем любимом месте часть скалы, но при исполнении своего намерения они обрушились вместе с блоком скалы ... в озеро и утонули».

Несколько иначе передал эту легенду П. Швед: «Бес и бесиха, нежные супруги, жили на берегу своим хозяйством; вдруг почему-то бес вздумал перенести свой дом подальше и, свив веревку, потащил мыс в озеро; но, вероятно, это превышало его силы: он успел оторвать только один угол, который вместе с ним и упал в воду».

Сообщения П. Шведа и К. Гревингга не раз использовались в научной и справочной литературе, например в книге П. Семенова «Географический и статистический словарь Российской империи» (1862). Ю. Аспелин дает рисунки К. Гревингга в своем известном атласе финно-угорских древностей (1877). На них ссылаются Г. Спасский и др. Правда, никто из них не пытался глубже вникнуть в сами изображения, лучше понять их. Напротив, увеличивалось число курьезов и домыслов. Да и широкой известности наскальные изображения Онеги в первое время все же не получили. Ни словом не упоминает о них известный этнограф Н.Н. Харузин (1865–1900), приехавший в Пудожский уезд летом 1887 г. для изучения древних обрядов и верований. Он жалуется на то, что пудожский край — наименее изученный в Олонецкой губернии — не привлекает внимания ученых. Исследуя пережитки ряда верований, Н.Н. Харузин ищет истоки в глубокой древности, но ни разу не упоминает петроглифы даже при рассмотрении вопроса о культе птицы. Видимо, не знал о рисунках и А.А. Шахматов (1864–1920), будущий знаменитый филолог и историк русской культуры и русского языка, побывавший в Пудожском уезде еще раньше, в июне 1886 г.

Однако со временем значимость олонечких достопримечательностей начинает осознаваться все сильнее, чему способствовали открытия новых памятников наскального искусства в Евразии. Пока их было известно не так много, исследователи без особого труда держали все в поле зрения и при появлении новых использовали уже введенные в научный оборот как сопоставительный материал. Так начиналось изучение онежских петроглифов, которое то замирало, то вновь активизировалось, привлекая внимание и краеведов.

Заметную роль в исследовании и документировании онежских петроглифов сыграли известные зарубежные и отечественные ученые, а также краеведы. Прежде всего следует назвать имена К. Петрова, А. Шидловского, А. Бреггера, А. Тальгрена, Г. Хальстрема, М. Биркита, Г. Нордмана, Г. Иессинга, Г. Кюна, А. Спицына, В. Городцова, Б. Землякова, М. Гимбутас. Большинство из них в той или иной мере занимались археологией Европейского Севера и использовали онежские петроглифы как сопоставительный материал при рассмотрении наскальных изображений Скандинавии, Урала и Сибири.

***Г. Хальстрем
(1880–1949)***

Первые фотографии онежских петроглифов, судя по сообщению К.М. Петрова (известного и разностороннего олонечского краеведа, историка и библиографа), сделаны в 1880 г. олонечским гражданским губернатором Г.Г. Григорьевым, принявшим участие в гидрологическом исследовании Онежского озера на пароходе «Ладога». Тогда были сняты планы бухт и устьев рек, в частности Водлы и Черной. Правда, в официальном отчете, из которого и взяты сведения о гидрологических изысканиях, о петроглифах ничего не сказано.

Особо следует выделить малоизвестные работы шведского археолога Г. Хальстрема, предпринявшего в 1910 г. вторую поездку по «русской Лапландии». Возвращаясь на родину, он произвел «по возможности обширное» исследование онежских петроглифов. К сожалению, через некото-

рое время по семейным обстоятельствам работы пришлось прервать. Возвратиться сюда удалось не так скоро, как хотелось, — лишь в 1914 г. Теперь Г. Хальстрем прибыл на Бесов Нос уже не один, а в сопровождении М. Биркита из Кембриджа и Б. Шнитгера из Стокгольма, но и на этот раз экспедицию пришлось свернуть еще до завершения всех запланированных работ. Причиной послужила начавшаяся Первая мировая война. Зарубежных исследователей местные жители приняли за шпионов, и те вынуждены были срочно возвратиться на родину.

Несмотря на непредвиденные осложнения обоих посещений, Г. Хальстрем проделал большую, трудоемкую и очень нужную работу — произвел «калькировку» 412 фигур. Всего удалось скопировать 7 групп изображений с 25 подгруппами. Велось и фотографирование, что является важной частью документирования петроглифов. Большой иллюстративный материал предназначался для печати. Сведения о подготовке онежских петроглифов к изданию сообщались и в научных публикациях. Но сначала другие «задачи и обязанности», а затем выход в 1936 г. первого тома труда В.И. Равдоникаса (который Г. Хальстрем нашел прекрасной и чрезвычайно достойной похвалы работой, изданной с завидной быстротой) помешали исследователю реализовать свой замысел. Только небольшая часть копий Г. Хальстрема опубликована вначале М. Биркитом в его труде по «Доистории Европы» (1925), а затем уже и им самим в исследовании, посвященном наскальным рисункам Швеции (1938). Но он поместил только изображения, ставшие музейными экспонатами и не вошедшие в публикацию В.И. Равдоникаса.

Подводя итоги дореволюционного периода в исследовании онежских петроглифов, необходимо отметить определенные успехи в их полевом и теоретическом изучении, активном использовании как сравнительного материала. И все же в целом они оставались полузабытым, неопубликованным памятником. По словам крупнейшего русского археолога А.А. Спицына (1858–1931), «никого не манил этот отрывочный, слабый и трудный для понимания материал». Сказывались и общая отсталость карельского края, и слабая археологическая изученность Европейского Севера. Ситуация изменилась в годы советской власти, когда началось систематическое изучение древностей северных областей, в том числе и петроглифов.

Новый импульс исследованию наскальных изображений Карелии дало открытие А. Линевским в 1926 г. Бесовых Следков в Беломорье. Естественно, что вскоре в поле его зрения оказались и известные уже петроглифы Онежского озера, служившие добротным сравнительным материалом. Они вызывали интерес и сами по себе, в силу заметного своеобразия. В конце 20-х – в 30-е гг. XX в., на протяжении почти 10 лет А.М. Линевский параллельно изучал оба очага наскального творчества – беломорский и онежский. Он рассматривал их в органическом единстве, как две ступени наскального творчества Карелии: раннюю, беломорскую, представленную Бесовыми Следками, и позднюю, онежскую, в районе Бесова Носа. А.М. Линевский был исследователем-одиночкой. Ему оказалось не под силу выполнить весь объем необходимых полевых исследований и подготовить их основательную публикацию.

***А. М. Линевский
(1902–1985)***

В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

Знакомство с наскальными изображениями Онежского озера можно начать в Санкт-Петербурге, точнее в Государственном Эрмитаже. В центре его второго выставочного зала находится необычный экспонат – массивная плита гранита. Понадобилось немало усилий, чтобы поместить ее в экспозицию музея. Она представляет интерес и сама по себе как образец древнейших кристаллических пород возрастом около 1,5 млрд лет. Но попала в музей совсем по другой причине: на ее гладкой коричневато-красноватой поверхности видны рельефные изображения. Они весьма архаичны – необычны и по технике исполнения, и по стилю, и по тематике, и по компоновке.

Плита очень удобна для осмотра. Поверхность ее имеет два, точнее, даже три ската и напоминает крышу. Отсюда и ее условное название: «крыша». Почти вся она покрыта выбитыми рисунками. Их здесь более 50: лодки, птицы, олени, люди, непонятные предметы. И сразу же возникают вопросы: существует ли какая-то система в столь хаотичном нагромождении, связаны ли разнообразные фигуры между собой? Где «верх» и «низ» наскального полотна?

Наскальное полотно («крыша») с мыса Пери III перед отправкой в Эрмитаж

Обходим его вокруг несколько раз и непроизвольно останавливаемся у единственного четкого угла. Если отсюда внимательно осмотреть всю поверхность, то в размещении фигур выявится определенный порядок. Все они выстроены как бы по спирали. В центре же оказывается несколько выразительных сцен и одиночных изображений. Быть может, здесь более или менее последовательный «рассказ в картинках»? «Вполне вероятно», - считал известный археолог, профессор А.Я. Брюсов. Его хороший и давний знакомый, писатель и ученый А.М. Линевский, автор увлекательной научно-фантастической повести «Листы каменной книги» и научной монографии «Петроглифы Карелии», был убежден, что все рисунки здесь образуют стройную и понятную композицию.

Копия петроглифов, экспонируемых в Эрмитаже

Правда, к такому выводу он пришел не сразу. Прошло немало лет, прежде чем вырвалось радостное «Эврика!». Много раз молодой тогда исследователь рассматривал наскальное полотно в натуре, но «прочесть» его никак не мог. И вот, когда на планшет с копиями рисунков он как-то наносил стрелку, указывающую направление север–юг, пришло внезапное озарение. Здесь, скорее всего, запечатлен годовой цикл хозяйства древних жителей восточного побережья Онежского озера.

Теперь вся композиция предстала перед А.М. Линевским так: в северной части скалы изображены сцены зимнего промысла, в южной – летнего, в восточной и западной – соответственно весеннего и осеннего. Хозяйственный год у творцов петроглифов начинался весной, с прилетом лебедей, которых добывали в большом количестве палками, бумерангами, капканами. Как только вскрывалось озеро, в дальнее плавание отправлялись большие лодки, с которых промыслили переплывающих реки лосей. Часть их экипажей выступала тогда в роли загонщиков. Затем начинался рыболовный сезон, а позднее и промысел водоплавающей птицы, особенно благоприятный в период линьки. Осенью охотники ставили капканы; с небольших лодок, теперь уже невдалеке от родных мест, били лосей, когда те преодолевали водные преграды. Зимой ведущую роль начинала играть индивидуальная охота на лосей и оленей и других лесных животных. Орудиями служили и копья, и капканы (т.е. механические ловушки-самоловы).

Таково краткое содержание этой древнейшей «хозяйственной летописи» первобытных охотников Европейского Севера. Две маленькие композиции в центре скалы – мужчина, «пляшущий» на большой рыбе, и расположенные друг над другом две женские фигурки (будто бы в акте дефлорации) – натолкнули А.М. Линевого на мысль о существовании у жителей восточного побережья особого периода брачных праздников с участием представителей разных родов, наступавшего весной, после коллективного промысла.

Поблизости, с запада и востока от основного скопления, выбиты две любопытные сценки (быть может, тоже связанные с ним), расшифрованные А.М. Линевским так. В первой изображен человек, задавленный громадным, почти в его рост капканом. Вторая, значительно более сложная композиция состоит из трех взаимосвязанных человеческих фигур, показывающая наступление двух смертей: чужеземец убил туземца и подвергся расправе – ранен в грудь и повешен.

Привлекает внимание и одиночное изображение в виде своеобразного колеса со спицами (символический знак солнца), и уникальная сцена деторождения рядом с ним. К сожалению, она уничтожена во время взрыва в 1934 г. при отделении «крыши» на мысе Пери Нос III, но сохранились хорошее описание и ее фотография. На ней мы видим

мужчину и женщину, из области гениталий которой тянется едва заметная в натуре линия, заканчивающаяся изображением ребенка.

Итак, восток, по А.М. Линевскому, ассоциировался у творцов петроглифов с рождением, а запад — со смертью, север же в их представлении означал будто бы зиму, а юг — лето. Наверное, не все читатели согласятся с таким прочтением одной из наиболее выразительных страниц «каменной книги». Разошлись во мнениях и ученые. Не все видят в покрывающих «крышу» изображениях единую композицию. Скорее всего, она действительно заполнялась отнюдь не в один прием и включает разновременные напластования. Сами изображения чаще рассматриваются как мифологические образы, отражающие представления об окружающем мире, его движущих силах и связях, поклонение солнцу, культ мертвых и т.д. Именно в таком духе выдержаны расшифровки, предложенные в 1950–1960-х гг. ленинградским этнографом К.Д. Лаушкиным.

На эрмитажной «крыше» в основании условной спирали можно рассмотреть такую сцену: лебедь с контурным туловищем, прямой и высокой шеей поражен каким-то длинным предметом. Позади его друг за другом, в горизонтальном положении показаны две человеческие фигуры. Если, по мнению А.М. Линевского, здесь запечатлен промысел лебедя с использованием какого-то метательного орудия, то К.Д. Лаушкин увидел графическое отображение мифа о поражении лебедя смерти — враждебного мифологического существа, связанного с нижним, «потусторонним» миром.

По мысли исследователя, люди — это мертвые, а поразивший лебедя предмет — чародейский (магический) жезл, наделенный страшной силой. Вся сцена отражает, по его заключению, некогда совершавшиеся здесь колдовские мистерии, преследующие цель вывести из нижнего мира души предков, охраняемые чудовищным лебедем. Данную задачу и выполняет магический жезл. Создать подобную сцену мог будто бы только колдун — человек, выделявшийся из среды сородичей особыми знаниями, способностями, силой. Древние колдуны и становились творцами петроглифов.

Или еще один необычный персонаж — человек с шестью, оканчивающимися кольцообразными утолщениями, похожий, по мнению А.Я. Брюсова, на Ахто — «хозяина» вод из рун «Калевалы». К.Д. Лаушкин истолковал его как божество с магическими жезлами, наделенными могучей сверхъестественной силой. Упомянувшийся уже человек, пляшущий на рыбе (на самом же деле это птица), по его мнению, тоже мифологическое существо.

*Погибшая сцена
деторождения*

Одно из тех, в которые перевоплощались онежские колдуны, когда разыгрывали пантомимы путешествия в загробный мир. Другой человек, с квадратной шапкой на голове (его А.Я. Брюсов сопоставлял с образом «хозяина» леса Тапио из рун «Калевалы»), по мнению К.Д. Лаушкина, представляет собой антропоморфное солнечное божество.

Вслед за В.И. Равдоникасом исследователь полагает, что жители восточного берега Онежского озера имели настолько развитый космический культ, что солнце в их сознании превратилось в мифологическое существо и приняло человекоподобный облик. Оно изображалось также в виде животных и птиц, но чаще всего в виде условных символических знаков – кругов и полукружий с отходящими от них лучами-линиями. А.М. Линевский же был убежден, что солярные знаки ни что иное, как механические самолеты-капканы. Эту точку зрения разделяли А.Я. Брюсов и др. Загадочные круги и полукружия надолго стали камнем преткновения всей полемики по петроглифам Карелии.

Там, где А.М. Линевский увидел человека, задавленного капканом, К.Д. Лаушкин находит графическое отражение мифа, посвященного одолению лунным божеством (олицетворение светлой космической силы) злого духа-оборотня – мифического существа, выступающего в образе человека-птицы. Он оспаривает и композиции, расшифрованные А.М. Линевским как сцены деторождения и дефлорации. Все они, по его мнению, имеют магический смысл и призваны обеспечить плодovitость женщин, размножение и процветание рода.

Кто же из исследователей прав? А.М. Линевский, принявший на скальное полотно за изобразительную запись годового цикла хозяйства, или К.Д. Лаушкин, увидевший на скале ряд злых и добрых мифологических персонажей, не связанных друг с другом? Покидая зал Эрмитажа, взглянем на соседние, гораздо меньшие по размерам плиты гранита и увидим еще одну интересную сцену охоты: человек (по К.Д. Лаушкину, антропоморфное солнечное божество), слева от него собака (?), а над головой – птицы, видимо гуси.

Подобный экспонат демонстрируется и в КГКМ. Это небольшая плита, на поверхности которой хорошо заметны изображения оленя, птиц и двух лодок с гребцами. Никаких документальных свидетельств об организации вывоза данного экспоната, его первоначального положения пока не найдено. Известно лишь, что плита доставлена с мыса Пери Нос III. Ряд глубоких высверлин по ее краю свидетельствует о том, что при отделении все же использовали взрывчатку.

Несравненно более сложным и трудоемким делом стала доставка в Эрмитаж с того же мыса Пери III «крыши». Ведь сама она, тоже полуотделенная естественными разломами, гораздо больше по размерам и весу. Тильную часть плиты с рисунками отделяли от коренного берега тоже с помощью взрыва. В результате погибла уникальная сцена деторождения. Лишь

благодаря старым фотографиям удалось представить первоначальное положение наскальных полотен, выставленных в Эрмитаже. Конечно, лишившись одного из наиболее выразительных полотен, весь онежский комплекс петроглифов стал заметно беднее, но Эрмитаж — явно богаче.

Удивительно, что наскальные рисунки, экспонирующиеся в музеях, долгое время не публиковались. Отсутствие их в фундаментальной публикации В.И. Равдоникаса «Наскальные изображения Онежского озера» — один из главных ее изъянов. Восполнить пробел не удалось ни во втором томе, посвященном петроглифам Белого моря, ни в планируемой им заключительной исследовательской части его капитального труда, к сожалению так и не появившегося, хотя подготовительная работа была проделана. О ней автор данной книги узнал спустя много лет от самого В.И. Равдоникаса, на его 80-летию, которое отмечалось в узком домашнем кругу. Тогда и состоялось наше личное знакомство. На прощание он подарил небольшой рулон копий и схем. Среди них оказалась и уменьшенная копия эрмитажной «крыши». Еще раньше в фотоархиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР мною были опознаны негативы подобных копий. К сожалению, ни время копирования, ни автора установить не удалось. К тому времени в книге «Залавруга» была опубликована другая копия. Основу ее составляли не прорисовки на кальку, а графитные протирки. Существует и третья копия, которую в 1914 г. выполнил, а в 1938 г. опубликовал шведский исследователь Г. Хальстрем в упомянутом выше фундаментальном труде, посвященном монументальному охотничьему наскальному искусству Швеции. В перечисленных копиях имеются некоторые разночтения, их предстоит устранить, чтобы получить более точное воспроизведение данного полотна.

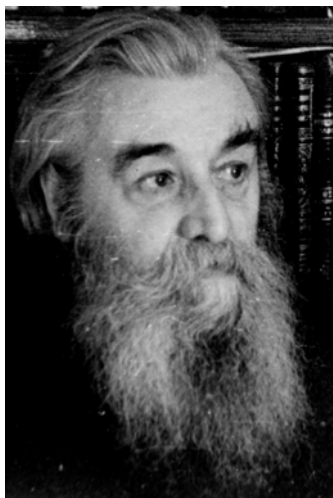
Сильное впечатление оставила фотосъемка «крыши» на слайды известным московским фотографом Д.В. Белоусом. Велась она ночью, в безлюдном Эрмитаже, при искусственном освещении. Предварительно «крышу» пришлось тщательно промыть, отчего она совершенно преобразилась. Поверхность ее стала ярче и сочнее, а рисунки — четче, рельефнее. Никогда не забыть ночного Эрмитажа — полуосвещенного зала и погруженных в темноту многочисленных совершенно безлюдных комнат и переходов. Но и обычные экскурсии (или специальный осмотр) выставленной для обозрения «крыши» остаются памятными. Дело в том, что выбитые фигуры и сцены отличной сохранности хорошо заметны, особенно во второй половине дня, при косом солнечном освещении из огромных окон, обращенных к Неве.

Чтобы еще лучше понять рисунки, желательно побывать на мысе Пери Нос восточного берега Онежского озера. От столицы Карелии (г. Петрозаводска) до онежских петроглифов не так уж далеко, нужно лишь пересечь Онегу, берега которого издревле привлекали внимание человека и всегда были заселены особенно плотно.

«Комета» за полтора—два часа доставит желающих в устье р. Водлы к пристани Стеклозное. С борта судна, особенно в ясный день, хорошо виден отрезок восточного берега озера, протянувшийся к югу от устья реки до маяка на мысу Бесов Нос, что в 17–18 км. Все это заповедная территория онежских петроглифов. По соседству с ними открыто еще около 50 поселений разных эпох, от мезолита до средневековья. Кромка берега со скоплениями наскальных изображений и остатками древних стоянок и есть цель путешествия. Теперь надо выбрать пеший маршрут или нанять моторную лодку, чтобы добраться до Бесова Носа, центра обширного археологического комплекса. Там мы сразу же попадаем в красочный и впечатляющий природный мир восточного берега Онежского озера.

НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА. НОВЫЕ НАХОДКИ

За решение столь сложной и трудоемкой задачи как документирование и издание онежских петроглифов взялась в 1934–1935 гг. экспедиция под руководством В.И. Равдоникаса. Немного раньше, в 1927–1928 гг., в

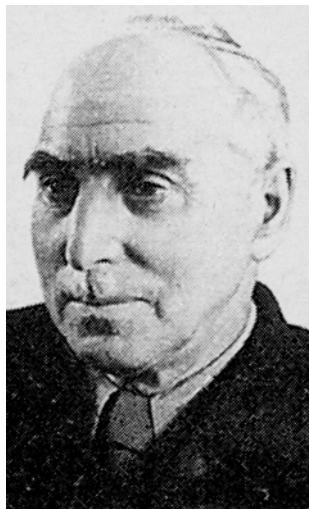
***В. И. Равдоникас
(1894–1976)***

районе онежских петроглифов побывал геолог Б.Ф. Земляков, а в 1929–1930 гг. — археолог А.Я. Брюсов. Они нашли неподалеку от наскальных изображений несколько древних поселений и начали их раскопки. В 1934 г. А.Я. Брюсов даже возглавлял экспедицию, основной задачей которой была фотосъемка петроглифов у д. Бесов Нос. Одновременно он попытался провести и их регистрацию, при которой фиксировались не отдельные фигуры, а лишь пункты с изображениями, включавшие то один, то несколько, а в ряде случаев (особенно на мысах Пери и Бесов Нос) десятки петроглифов. На Карецком Носу им отмечено 6 таких пунктов, Пери — 15, Бесовом Носу — 4, Кладовце — 3, Гажьем Носу — 2 и Гурьем — 2. Всего 32 пункта. Некоторые из расположенных близко друг к другу групп, по предположению А.Я. Брюсова, могли быть частью одной большой композиции. К со-

жалению, им не указано хотя бы примерное число зафиксированных изображений, отсутствуют схемы их расположения. Не опубликованы и фотоматериалы.

Ни свою, ни регистрацию В.И. Равдоникаса А.Я. Брюсов не считал исчерпывающе полной из-за наличия едва различимых фигур, часть которых «с трудом можно видеть только в течение некоторого времени, иногда несколько минут, при определенном угле падения солнечных лучей или при особо благоприятных условиях». Наблюдения за поверхностью скал в разные часы дня, в частности после дождя во время их подсыхания, а также анализ фотографий вызвали предположение о существовании петроглифов, «которые ни при каких условиях нельзя видеть глазом».

Исследователь склонялся к мысли, что совершенно точно воспроизвести петроглифы очень трудно, а в некоторых случаях почти невозможно, поскольку «линии рисунков часто не только слабо видны, но и расплывчаты или сливаются и переплетаются с естественными углублениями, которые далеко не всегда можно отличить от искусственных».

***А. Я. Брюсов
(1885–1960)***

С учетом современного опыта можно сказать, что в таких заключениях содержится немалая доля преувеличений, а вот озабоченность А.Я. Брюсова качеством получаемых и публикуемых копий вполне оправдана и заслуживает внимания. Справедливо и своевременно звучали категорические возражения против подкраски рисунков перед съемкой, как и требование предельной внимательности и осторожности в обращении с петроглифами, добиться точного воспроизведения которых не так легко.

А.Я. Брюсов указал на ряд конкретных неточностей в опубликованных копиях. У него сложилось свое мнение и по поводу сохранности наскальных полотен: сколы в прибрежной части берега разрушили массу рисунков, другая часть могла быть стерта льдами. А петроглифы мыса Кладовец — лишь кусочек «некогда существовавшей здесь целой группы изображений». Для таких догадок и утверждений некоторые основания были, но присутствует и налет субъективности.

Итоги изученности всех наскальных изображений Карелии на 1935 г. подвел В.И. Равдоникас. По его подсчетам из 700 с лишним известных к тому времени фигур было опубликовано не более 100. К тому же ни одна группа не воспроизведена целиком. Да и изданные копии будто бы весьма несовершенны и не соответствуют

оригиналам. Неудачными признавались и попытки исторической интерпретации выбитых фигур. Восполнить указанные пробелы и должна была двухтомная публикация самого В.И. Равдоникаса. Первый том (1936 г.) посвящался онежским петроглифам. В него вошли все известные ранее фигуры и не менее 150 новых, найденных при более внимательном осмотре известных уже наскальных полотен, расчистке их от мха и лишайника.

В целом 30-е гг. оказались весьма плодотворным временем в изучении петроглифов Карелии, вошедших в число приоритетных объектов советской археологии. Им посвящено несколько фундаментальных книг и много статей. Они вошли в научный оборот, получили широкую известность за рубежом, активно использовались в сравнительном анализе. Началась их популяризация. Успешное полевое изучение и подготовку завершающих исследовательских томов, задуманных В.И. Равдоникасом и А.М. Линевским, прервала начавшаяся Великая Отечественная война. Приостановились и раскопки соседних с петроглифами стоянок.

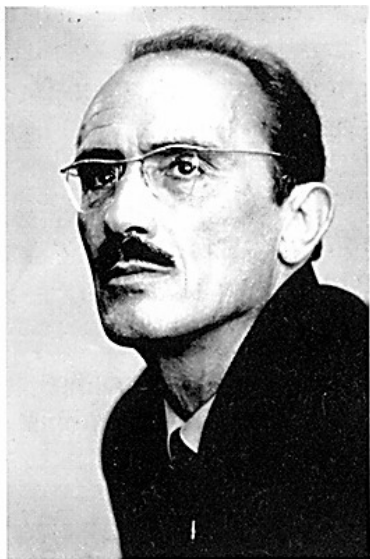
В послевоенные годы интерес к наскальным изображениям Карелии на время ослаб. Наличие превосходной публикации создавало обманчивое впечатление достаточной полевой изученности памятника, хотя сам автор верил в возможность новых открытий. «...Не сомневаюсь в том, что последующие изыскания обязательно откроют новые группы и, вероятно, новые районы наскальных изображений», — пророчески писал В.И. Равдоникас. Правоту такого оптимистического прогноза первым доказал в 1936 г. он сам в Беломорье.

Новый всплеск интереса к онежским петроглифам наблюдается в конце 50-х — начале 60-х гг. в связи с попытками расшифровки К.Д. Лаушкиным ряда композиций методом двуязычной надписи (билингвы), т.е. выявлением параллельных сюжетов и образов в наскальных полотнах и эпосе «Калевала» или же саамском фольклорном материале. Исследователь неоднократно бывал у петроглифов, но сам их документированием не занимался, а использовал копии В.И. Равдоникаса, считая их достаточно точными и надежными.

Толчком для продолжения полевых работ на онежских петроглифах послужило открытие в Беломорье в 1963–1969 гг. экспедицией Ю.А. Савватеева Новой Залавруги, а в 1969–1970 гг. — новых петроглифов на острове Ерпин Пудас. Эти неожиданные находки и помогли лучше осознать незавершенность исследований онежских петроглифов, выявить некоторые изъяны существующих копий и публикаций, наметить ориентиры для новых поисков.

Опыт, накопленный в Беломорье, как нельзя лучше пригодился в дальнейшем и здесь, на восточном берегу Онежского озера. Еще раньше, в 50-е гг., сюда дважды «заглядывал» Г.А. Панкрушев с целью обследования известных уже и продолжения поисков новых стоянок первобытной эпохи. В первый раз, в сентябре 1955 г., он как раз от Бесова Носа начал разведку восточного побережья Онежского озера. Результаты небольших рекогносцировочных работ оказались весьма скромными.

Разнообразнее становились формы популяризации онежских петроглифов. В 1965 г. снимался документальный фильм «По Бесовым Следкам». В состав съемочной группы входили А.Д. Столяр и К.Д. Лаушкин. В 1967 г. мы с Г.А. Панкрушевым посетили Бесов Нос вновь. Начались многолетние полевые работы, включавшие поиски стоянок и петроглифов, выполнение их контрольных графитных копий, обновление документации. В первый же год удалось обнаружить несколько новых фигур на мысах Карецкий Нос и Бесов Нос. На следующий год Г.А. Пан-

**К. Д. Лаушкин
(1922–1994)**

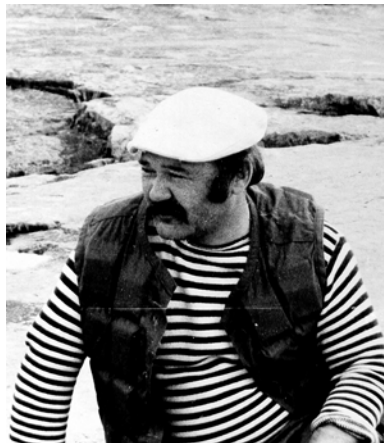
**А. Д. Столяр
(р. в 1921 г.)**

крушев начинает раскопки открытых ранее поселений. С 1971 г. полевые работы обретают более систематический характер и продолжаются до 1980 г. включительно. Они-то и привели к главным открытиям. В этих работах активное участие приняли Г.А. Панкрушев (1920–1990), ленинградский археолог А.Д. Столяр, московский искусствовед Р.Б. Климов (1928–2000) и др.

В ходе многолетних комплексных работ выяснилось, что онежские петроглифы изучены далеко не так досконально, как казалось. Показательно, что даже исследователи, бывавшие там неоднократно и продолжительное время, не нахо-

дили новых фигур. Да и в наших работах успех приходил постепенно, по мере того как накапливался опыт поисков на восточном побережье Онежского озера. Повышалась и их результативность. Находки участились.

В итоге хорошо известный памятник удалось заметно обновить. Естественно, что наши результаты обусловлены значительно лучшим, чем раньше, полевым обеспечением. Достаточно сказать, что в течение

***Д. В. Белоус
(1931–2005)***

нескольких сезонов Онежскому археологическому отряду придавалось научно-экспедиционное судно «Нептун». Если Г. Хальстрем отмечал лучшие, чем у него («в мире и спокойствии»), условия работы В.И. Равдоникаса, то наши возможности превосходили те, которыми располагали они оба. Да и велись эти работы на ином, более высоком этапе развития науки, с учетом опыта, накопленного в Беломорье и соседних странах Фенноскандии.

Помимо тщательного и многократного визуального изучения скал при благоприятном солнечном освещении предпринимались и их высвечивание, а также графитные протирки на бумагу

наиболее перспективных участков. В итоге открыто 11 новых скоплений, значительно расширивших территорию памятника к западу и особенно к северу, а также немало новых изображений в известных уже скоплениях. Первые проводились подводные археологические исследования, в ходе которых выявлены следы 14 изображений на отколовшихся от кромки берега и оказавшихся на дне, на глубине 3–5 м, плитах гранита. Ценность их заключалась в том, что они помогают воссоздать первоначальный вид наскальных полотен. Подводные изыскания входили в программу полевых работ 1972–1973 гг. и включали: 1) осмотр подводной

Р.Б. Климов и Н.В. Лобанова

части береговых склонов с рисунками с целью поиска подводного яруса петроглифов; 2) обследование отколовшихся от наскальных полотен и сползших в воду гранитных глыб; 3) поиски археологического материала – орудий, керамики и т.д., смытого или намеренно сброшенного в воду.

Работы проводились под руководством Е.В. Цуцкина и А.А. Айбабина. Использовались легкое водолазное оборудование и снаряжение. Особо перспективными для подводного исследования были признаны Бесов Нос, Пери Нос, Кладовец, но погружения проводились и на других мысах, а также у Гурьих островов. Перед оконечностью мыса Пери Нос обнаружен солярный знак, перед мысом Кладовец – четыре лебедя. У мыса Кладовец особенно тщательно обследовалась южная часть – от одиночного солярного знака на левом фланге до основного скопления.

Осмотрено множество плит, и на нескольких замечены рисунки (всего 14): стилизованное изображение человека, схематичная фигурка птички, подобие змеи, фигура, похожая на рыбу. Кроме того, отмечено шесть пятен, как будто выбитых. Перед центральной группой Бесова Носа, в южной части, есть изображение, напоминающее дерево, и два пятна, возможно, тоже выбитых. Севернее беса, напротив вылома в прибрежной скале, на глубине 6 м замечена схематичная птичка. Там же оказался камень с инициалами, свидетельствующий о продолжающейся деформации кромки берегового скалистого склона.

В целом итоги первого этапа подводных работ весьма скромные – следы 14 новых фигур. Тем не менее это успех. Главное, что положено начало, накоплен опыт, предложена методика разведок и фиксации рисунков под водой. Наиболее простыми и эффективными оказались поиски в ночное время с использованием подводного светильника или даже обыкновенного (помещенного в герметический бокс) карманного фонаря. Боковая подсветка поверхности плит делает рисунки рельефнее и хорошо заметными. Не требуется столько труда, как при поисках под водой (на ощупь) в дневное время.

Тщательно исследовалась подводная часть прибрежных склонов, нередко пологих и очень гладких, однако следов подводного яруса изображений найти так и не удалось – как в глубине, так и непосредственно на границе надводной и подводной частей, вдоль современного уреза воды (даже там, где распространяются идеальные для гравировок скалы). Видимо, ниже зафиксированных уже отметок петроглифы не опускаются. Перспективным остается лишь обследование отколотых природой и сползших в воду гранитных глыб. К сожалению, многие из них лежат гладкой поверхностью вниз.

Осмотр всех их, как и подъем, является делом дорогостоящим и, быть может, даже преждевременным. Вначале следует тщательно зафиксировать их положение и только потом решать вопрос о размещении поднятых со дна плит.

ОТКРЫТИЕ ПЕТРОГЛИФОВ БЕЛОМОРЬЯ. ЗАЛАВРУГА СТАРАЯ И НОВАЯ

История изучения петроглифов Беломорья короче онежских, но результаты не менее впечатляющи. Летом 1926 г. студент-этнограф Ленинградского университета А.М. Линевский отправился в Беломорье с тем, чтобы поближе ознакомиться с изменениями в быту поморов. Приехав в Сороку – ныне г. Беломорск, он решил посетить и соседнюю, расположенную всего в 7 км д. Выгостров. Там и произошло, по его словам, «случайное и непредвиденное» событие, во многом определившее дальнейшую судьбу начинающего исследователя. Местный житель Г.П. Матросов, с которым он познакомился по дороге, оказал гостеприимный прием молодому человеку и отвез его на гранитный островок посредине русла р. Выг, напротив деревни, у порога Шойрукша.

Можно представить изумление молодого этнографа, увидевшего на красноватой поверхности обнаженной прибрежной скалы множество выбитых изображений, среди которых выделялись колоритная фигура беса и семь отпечатков его ступни, вытянутых в линию вдоль края скалы. Отсюда и местное название всего скопления – Чертовы Следки. Открытием и изучением первого из скоплений петроглифов Беломорья А.М. Линевский, по словам известного археолога А.А. Спицына, «вписал новую интересную страницу в науку древностей Восточной Европы».

По инициативе А.М. Линевого к изучению наскальных изображений Беломорья подключился московский археолог А.Я. Брюсов, основное внимание уделивший поискам и раскопкам стоянок и местонахождений, в частности святилища и других памятников у Бесовых Следков. Исследователь понимал, что археологический материал, полученный при раскопках, исключительно важен для углубленного изучения наскальных изображений, прежде всего их более надежной датировки. Вместе с тем А.Я. Брюсов интересовался и самими наскальными изображениями. Он неоднократно знакомился с ними на месте, фотографировал и опубликовал несколько специальных работ, в том числе главу «Петроглифы Карелии» в своей основательной монографии «История Карелии» (1940). Вспомним и полемическую статью «К критике ошибок археологов при истолковании древних петроглифов» (1953), посвященную их интерпретации.

Стоянки привлекали и В.И. Равдоникаса, но главную свою задачу он видел в документации петроглифов Беломорья с целью их незамедлительного издания. Он приступил к ней уже в 1936 г. Тогда же ему удалось открыть (тоже с помощью местного жителя Т. Матросова) вторую, не менее выразительную и более позднюю группу – Залавруга. Теперь приходится только удивляться тому, что она, так же, как и Чертовы Следки, давно известная местному населению, обнаружена на 10 лет позднее.

Экспедиция В.И. Равдоникаса нашла рисунки еще в двух пунктах — на острове Шойрукша по соседству с Бесовыми Следками (названными южной группой, в отличие от известной уже северной) и на острове Ерпи́н Пудас, в том же русле р. Выг, но в 400 м ниже. В общем итоге в Беломорье В.И. Равдоникас зарегистрировал 610 изображений, а на Онежском озере — 570 и опубликовал их в двух больших по объему и роскошных томах-альбомах. Совершенная для своего времени публикация получила высокую оценку и в нашей стране, и за рубежом.

В 1947 г. А.Я. Брюсов совсем рядом с наскальными изображениями Залавруги находит стоянку Залавруга I и оказывается буквально на пороге еще более значительного открытия. Но, к сожалению, он ограничился небольшим разведочным раскопом, не позволившим приоткрыть вековую тайну — новые наскальные полотна, прикрытые слоем песчаных отложений толщиной до 1 м.

Возобновились полевые работы на беломорских петроглифов лишь 10 лет спустя — в 1957 г. Они велись там, где уже бывали А.М. Линевский, В.И. Равдоникас, А.Я. Брюсов и др. Казалось, что относительно небольшая территория с гравировками изучена досконально. Прежние оптимистические прогнозы в основном уже претворились в жизнь. Ничто не предвещало новых масштабных открытий. Быть может, именно поэтому никто из первопроходцев больше сюда не стремился, хотя каждый из них продолжение начатых работ считал делом весьма полезным и нужным. Они были правы.

Выяснилось, что хорошо знакомый науке участок низовья р. Выг протяженностью около 2 км обследован недостаточно основательно. И вскоре после начала здесь систематических полевых работ произошли новые открытия. Вначале это были стоянки, а затем и новые группы петроглифов. Самые первые из них обнаружены в сентябре 1963 г. в конце полевого сезона там, где их меньше всего ожидали, — под культурным слоем стоянки Залавруга I. К спасательным раскопкам на ней мы вынуждены были приступить в 1962 г. в связи с угрозой полного уничтожения песчаным карьером строителей Беломорской ГЭС. Раскопки пришлось продолжить и на следующий год.

Наступило 5 сентября — ровно 27 лет со дня открытия В.И. Равдоникасом петроглифов Залавруги. И надо же было так случиться, что именно в этот день, точнее, уже в самом конце рабочего дня, произошло новое, не менее яркое событие. При зачистке одного из квадратов стала обнажаться гладкая скала. Ее расчистили, подмели, внимательно осмотрели. Она уже не раз обнажалась в раскопе, вызывая слабую и тайную пока надежду на успех, и тут же разочаровывала. Но здесь поверхность оказалась особенно привлекательна — с густым «пустынным загаром», коричневатая, глянцевая. Несколько пар глаз и рук прощупывают холодную и влажную скальную поверхность. Совсем нелегко, особенно без привычки, разглядеть рисунок. Но вот чей-то радостный возглас: «Лодка!»

Когда скалу промыли, сомнений не осталось: проявилось четкое изображение лодки с тремя стоящими гребцами, а совсем рядом с ней фигура лося. Благодаря контрасту коричневатой поверхности скалы и белесых силуэтов петроглифов они различались очень отчетливо. Так был сделан первый, решающий шаг к открытию Новой Залавруги. Пожалуй, больше всего поражали два обстоятельства: рисунки, в отличие от известных ранее, находились в глубине берега, но что еще удивительнее — под культурным слоем древнего поселения. Тем самым выявились совершенно новые, непредвиденные возможности как для поисков, так и для углубленного изучения петроглифов, в первую очередь их датировки.

Понятно, что и в этот, и в последующие дни всех членов экспедиции переполняла радость открытия. Хотя о масштабах его судить было еще трудно, но все понимали, что найти новые петроглифы, да еще столь выразительные и в таких необычных условиях, — большая удача. Теперь начались утомительные, но более целенаправленные работы по расчистке обширного массива скал, примыкающего к Старой Залавруге с юга. Верилось, что вокруг двух выявленных фигур должны находиться и другие, однако нетерпеливые ожидания оправдались не сразу и не в полной мере. Рядом удалось найти всего лишь с десяток небольших лодок. Окружающая поверхность оказалась поврежденной эрозией, выветрившейся, шероховатой: рисунки на ней могли и не сохраниться. Прошел не один год, прежде чем скала совершенно очистилась от частичек почвы, забивавшей все ее поры. И тогда здесь удалось выявить еще несколько десятков фигур, не замеченных ранее.

Наконец вся перспективная площадка расчищена. Есть ли смысл продолжать поиски и где их вести? Внимание привлек карьер строителей в глубине берега, уничтоживший часть стоянки. В нем местами песок был выбран почти до самой скалы. Расчистка обнажившихся плоских уступов (куэстового типа) не представляла особого труда. Снова в ход пошли деревянные лопаты, метлы, кисти и щетки. И изпод земли, как по волшебству, появлялись все новые и новые полотна: II, III, IV, V группы — более 150 новых фигур. Особое впечатление производила IV группа, большая по площади и числу рисунков, с выразительными многофигурными сценами.

Новые скопления располагались на расстоянии 15–20 м друг от друга и занимали края гранитных уступов, ступеньками сбегающих от плоской вершины в сторону леса. Такие уступы отчетливо прослеживались внутри карьера. Вокруг него находился скалистый массив площадью в несколько гектаров, покрытый почвой, захлампленный отвалами, пнями. Расчистка скал за пределами карьера становилась уже делом гораздо более трудоемким. Предстояло снимать слой почвы, отвалы самого

карьера и, наконец, расчищать прибрежный склон, покрытый густым лесом и кустарником. К тому же нелегко было указать участки, наиболее перспективные для поисков. Наступил октябрь, начались заморозки, и работы пришлось прекратить. Оставалось ждать следующего полевого сезона, чтобы выяснить хотя бы часть возникших вопросов.

Можно представить наше нетерпение. Наконец долгожданные полевые работы 1964 г. начались. Теперь они прежде всего нацеливались на дальнейшие поиски петроглифов. Точных ориентиров еще не было, но общий фронт работ определился. Уступы внутри карьера в основном успели расчистить, но по краям лежали отвалы и набросы от вскрышных работ при создании карьера, весьма трудные для разборки. Под слоем перемешанной, захлавленной песчаной почвы как раз и могли оказаться рисунки.

Решили приступить к расчистке скал внутри самого раскопа, на наиболее высокой части Залавруги, ее плоской вершине. Здесь оставался нетронутым еще подстилающий слой песка, местами громоздились отвалы грунта. Обнажался тот самый скалистый массив, в северо-западном углу которого найдены петроглифы I группы. Пробные зачистки показали, что немалая часть скальной поверхности вполне пригодна для гравировок: ровная, гладкая и, что немаловажно, обширная.

День за днем вывозился песчаный грунт, а когда над скалой оставался лишь тонкий (предохранительный) пласт песка, его снимали не менее тщательно, чем культурный слой стоянки. Пользовались только деревянными лопатками, метлами, щетками. Обнажившуюся скалу подметали тщательнее, чем пол в доме, не по одному разу. Шли дни, вековая пыль, забивавшая даже мельчайшие выщербины в коренных породах, постепенно вымывалась и рассеивалась. Расчищенная поверхность скалы становилась все чище. Конечно, ее осматривали не раз и днем, и после окончания рабочего дня, благо экспедиционный лагерь располагался совсем рядом.

Однажды вечером, когда солнце склонялось к закату, у невысокого отвесного края уступа в косых лучах его стали отчетливо проступать фигуры. Когда присмотрелись внимательнее, то первоначальный восторг заметно угас. Выяснилось, что от выразительной большой лодки с тремя гребцами уцелела только кормовая часть, нос ее разрушен. Из скопления людей, выбитых над лодкой, отчетливо прослеживались только несколько фигур. Эрозия скалы «съела» поверхность с рисунками и способствовала распространению лишайников. Там, где им удалось закрепиться, гладкая скала превратилась в сильно шероховатую, неровную, даже ноздреватую. Хотя пострадал всего лишь небольшой пятачок скалы, но, к сожалению, именно тот, где концентрировались рисунки. А вокруг простиралась ровная и гладкая поверхность с немногочисленными разрозненными фигурами. Казалось бы, лучшее полотно для гравировок найти трудно, однако его не смогли, не успели или не пожелали использовать в полной мере.

Большой труд, затраченный на расчистку, не принес ожидаемых результатов, хотя и не разочаровал совсем. Ведь ценность представляет даже одно-единственное изображение, а их здесь, в IX группе, оказалось более 20.

Участники экспедиции Ю.А. Савватеева на Новой Залавруге

Теперь наиболее пригодные для раскопок участки Залавруги, казалось, уже были исчерпаны. Неисследованной оставалась прибрежная часть протоки, где обнаженные скалы уходили под слой пойменных отложений, иных по структуре, более молодого возраста, не содержащих никаких находок и к тому же густо заросших смешанным лесом. Плотная, сильно задернованная, пронизанная корнями почва с трудом поддавалась лопате. Влажная суглинистая супесь, прилипавшая и к скале, и к лопате, тоже затрудняла работы.

Поначалу в пониженной части склона сняли одну линию квадратов в виде траншеи двухметровой ширины с образовавшейся гранитной дорожкой на дне. Ее рассматривали долго и с пристрастием, но безуспешно. Никаких следов гравировок увидеть не удавалось, хотя поверхность вполне годилась для них. И лишь однажды вечером, после сильного дождя в косых лучах заходящего солнца скала ожила: появились какие-то пока еще бесформенные линии. Несколько ведер воды помогли окончательно проявить поверхность. На ней стали заметны фигуры оленей, людей, лодки.

Значит, петроглифы распространяются и здесь, за пределами стоянки, непосредственно вдоль протоки, непривычно низко над уровнем воды, почти на тех же отметках, что и Старая Залавруга. Теперь чем шире обнажался прибрежный склон, тем больше появлялось новых изображений. Они тоже располагались изолированными скоплениями неподалеку друг от друга, в совокупности образуя длинную цепочку, протянувшуюся вдоль протоки. Всего таких скоплений шесть – X–XV группы. Они различаются по численности, тематике, сохранности.

Весьма перспективным выглядело и еще одно место. Здесь в ходе рекогносцировки (предшествующей основным работам) обнаружилось довольно крупное изображение морского зверя – белухи, к которому с обеих сторон тянулись какие-то линии. Они уходили под не тронутый еще слой почвы и обещали привести к другим фигурам, скорее всего, к лодкам, из которых и брошены гарпуны. Площадка слегка покатога склона казалась весьма перспективной. При вскрытии ее выяснилось, однако, что поверхность подверглась сильной эрозии. Многие уже погибло, но сцену морского промысла, когда белуху одновременно бьют с нескольких лодок, удалось зафиксировать. Кроме того, вокруг нее на значительной площади уцелело немало других фигур и фрагментов. Так появилось еще одно наскальное полотно – VIII группа Новой Залавруги.

Перспективным для поисков оказался и район к востоку от центральной части Новой Залавруги, под окраиной стоянки. Там начали второй раскоп, который прорезал отвал карьера строителей, вскрыл сохранившийся под ним культурный слой и дошел до горизонтальной поверхности скалистого уступа. На нем также были рисунки, выделенные в VI группу. Еще одно небольшое. VII скопление, связанное с темой морского промысла, удалось найти в самом карьере.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТКРЫТИЯ

Параллельно с работами к Залавруге поиски петроглифов велись на окружающей территории и тоже весьма успешно. Небольшое скопление обнаружилось на островке, расположенном на полпути от Бесовых Следков к Залавруге, в русле р. Выг. До строительства электростанций он едва ли был доступен, поскольку находился в центре стремительного потока, несущегося к порогу Золотец. Но, когда русло обсохло, к нему открылся свободный проход. Островок оказался как раз на пути из экспедиционного лагеря на Залавруге в п. Золотец. Однажды, возвращаясь в свой лагерь, мы с Э.И. Девятовой решили на всякий случай осмотреть его повнимательнее. То ли время благоприятствовало поискам (дело было под вечер, когда яркое солнце клонилось к закату), то ли нам просто повезло, но на рисунки наткнулись

сразу. Они располагались необычно низко, на небольшой, слегка покато́й прямоугольной площадке, как бы слегка вдавленной в прибрежный склон. Ясно, что обнаруженные выбивки длительное время находились в воде. Не случайно они, хотя и покрыты темной патиной, сильно стертые и сглажены, но тем не менее заметны довольно отчетливо. Всего их 16, в основном лодки без гребцов. На соседнем острове также выявлено несколько полустертых фигур.

Естественно, подобные находки стимулировали дальнейшие полевые исследования. В 1965 г. наша экспедиция в девятый раз прибыла в низовье р. Выг. Цель ее – завершение раскопок поселения Залавруга I и продолжение поисков петроглифов. Предстояло доисследовать оставшиеся окраины стоянки и прилегающие к ней территории. Теперь раскопки велись в двух направлениях – к северо-западу и юго-востоку от расчищенного ранее обширного массива скал, окруженного огромными отвалами, которые год от года росли. В северо-восточном направлении мы стремились раскрыть скалу вплоть до петроглифов Старой Залавруги. До них оставалось всего 50 м, но пройти их оказалось очень трудным делом: приходилось корчевать пни, снимать плотный дерн и вязкую почву. Не прошло и недели, как на самой границе с открытым прибрежным склоном протоки, на том же самом полусферическом выступе скалы со Старой Залавругой, всего в 12 м к юго-востоку от нее, появилась первая значительная находка – новая, XV группа.

Выше, в глубь берега расчищать скалу казалось делом бесполезным. Поверхность обнаженных ее участков была совершенно испорченной, бугристой, о рисунках не могло быть и речи, однако работы настойчиво продолжались. И последовало вознаграждение – в центре небольшой скалистой ложбины, в 14,5 м восточнее Старой Залавруги, на крохотном пятачке скалы с ровной гладкой поверхностью обнаружилось еще одно скопление почти с двадцатью фигурами – XVI группа Новой Залавруги. Фрагменты изображений показали, что некогда скопление было значительно больше. И вот участок между Старой Залавругой и раскопом 1964 г. обнажен. Широкий массив коренных пород гнейсо-гранитов тянулся теперь более чем на 100 м, но раскопки продолжили дальше, уже в глубь берега, расширяя скалистый массив. И здесь нас ожидал приятный сюрприз: всего в 6 м севернее первой зафиксирована новая, XVII группа.

В целом на северо-западном участке «сражение» за петроглифы протекало вполне успешно. Начал проясняться и вопрос о взаимоотношении Старой и Новой Залавруги. Поначалу казалось, что мы имеем дело с двумя разрозненными и разновременными комплексами, но теперь между ними появились связующие звенья. Новые петроглифы смыкаются со Старой Залавругой, часть из них, хотя и

сравнительно небольшая, выбита почти на одной высоте над уровнем моря. Наиболее отчетливо такую связь демонстрирует XV группа. Старая Залавруга, скорее всего, лишь составная часть всей Залавруги — воистину грандиозной картинной галереи под открытым небом.

В противоположном, юго-восточном направлении нетронутой оставалась лишь самая окраина стоянки, где можно было продвинуться на несколько десятков метров до подошвы плавного подъема обнаженных скал, ведущих к вершине острова Малинин со стоянкой Залавруга II. Здесь расширился раскоп II, в котором в предыдущем году буквально в первых же квадратах раскопа, под подстилающим слоем стоянки удалось обнаружить петроглифы VI группы, а рядом под отвесным уступом расчистить кострище, угли из которого датированы затем по методу радиоактивного углерода.

Данный участок долго оставался в резерве по той причине, что его ограждал мощный отвал, образовавшийся при вскрышных работах в карьере. К тому же именно здесь, на окраине стоянки у опушки леса, вот уже несколько лет стоял экспедиционный лагерь. Более подходящего места для него не оказалось. Мы и не подозревали, что все годы, подобно жителям раскапываемого поселения, селились буквально на рисунках, скрытых довольно тонким слоем песчаных осадков. Вначале пришлось снять отвалы по краю карьера — наиболее трудоемкая и малоинтересная, но необходимая составная часть общих усилий. Поблизости от известной уже VI группы удалось выявить еще одну небольшую, XVIII группу, а рядом с III и VII и XIX, с 14-ю фигурами.

И вот наконец начинается расчистка очередного обширного уступа, того самого, на котором стоял экспедиционный лагерь, последнего участка Залавруги, перспективного на петроглифы. Передвигаются палатка за палаткой, квадрат за квадратом снимается почвенный слой, уже не содержащий никаких находок. Под ним-то одна за другой и появляются на свет три новые группы — XX, XXI и XXII. Это крайние с юго-востока скопления Новой Залавруги. Далее тянутся скалы, покрытые лишь слоем мха и вовсе обнаженные, с совершенно разрушенной поверхностью. Имелись ли на них рисунки, теперь установить невозможно. Примерно в 200 м на вершине острова под стоянкой Залавруга II расчищен значительный участок скалы с таким же чешуйчатым рельефом и гладкой поверхностью скалистых уступов, но рисунков не обнаружено. Не исключено, что выше уступа с XX–XXII группами они вообще не поднимались. Правда, чтобы убедиться в этом, нужна дополнительная расчистка скал между стоянками Залавруга I и II и руслом протоки.

Новая Залавруга. Открытия продолжаются

Результаты работ полевого сезона 1965 г. радовали. Они не исчерпывались открытием восьми новых групп петроглифов. В найденных прежде скоплениях тоже удалось зафиксировать новые, не замеченные ранее фигуры. Оказалось, что процесс «проявления» скал продолжается. Сама природа с каждым годом все лучше промывала поверхность раскрытых скал, делала то, что не под силу было даже пожарной машине (приходилось использовать и ее). По мере того как атмосферные осадки вымывали частицы почвы даже из мельчайших пор скалистой поверхности, отчетливее проступали белесые силуэты все новых и новых изображений. Как правило, они сливаются с фоном серой скалы, но при благоприятном освещении заметны довольно отчетливо; их с трудом, но все же можно скопировать и сфотографировать.

Тем не менее завершить работы на Залавруге так и не удалось. Вновь все силы поглотила расчистка скал с целью поисков петроглифов. Благоустройство территории, удаление оставшихся огромных отвалов, постоянно засорявших расчищенные уже полотна, пришлось оставить на будущее. И все же в известном смысле данный полевой сезон стал итоговым. Прояснились масштабы Залавруги, сделаны последние крупные открытия. По предварительным дан-

ным, всего за три года на Новой Залавруге, на площади примерно около одного гектара выявлены и зафиксированы 22 новые группы, включающие свыше 1000 отдельных фигур. Залавруга вошла в число крупнейших скоплений послепалеолитического наскального искусства Северной Европы. Прибавим и четыре скопления, открытые на островках в русле р. Выг.

Вид на Залавругу со стороны протоки

В 1966 г. археологические работы на Залавруге не велись, но она не оставалась без внимания. Здесь шли съемки документального фильма «По Бесовым Следкам». В последующие годы полевые исследования продолжались, но значительных прибавлений петроглифов не дали. В 1967 г. обнаружено лишь три сравнительно небольшие и не очень выразительные группы – XXIII–XXV, а в 1968 г. всего одна – XXVI, последняя группа Новой Залавруги. В те же годы скалы очищены по всей площади. Залавруга превратилась в прекрасный музейный объект под открытым небом. Но если над Бесовыми Следками возведен защитный домик-павильон, то на Залавруге никаких охранных сооружений не создавалось. Встала проблема охраны и разумного использования новых наскальных полотен.

Расчистка Залавруги в общей сложности длилась пять лет, и ежегодно появлялись на свет все новые и новые скопления петроглифов. В 1963 г. их открыто 5, в следующем – 9, затем – 8, наконец – 3 и в 1968 г. – всего одно. Правда, одиночные изображения здесь находили и позднее, вплоть до 1976 г. После открытия Новой Залавруги (и под его непосредственным влиянием) на острове Ерпин Пудас в 1969–1971 гг. найдена еще одна большая группа петроглифов – Ерпин Пудас.

Такова краткая история полевого изучения петроглифов Новой Залавруги, сразу же получивших известность и признание, и не только среди специалистов. О Залавруге много писали в центральных и местных изданиях, научной, научно-популярной и даже художественной литературе. Копии отдельных петроглифов многократно воспроизводились в самых разных изданиях. Наконец, им посвящена книга Ю.А. Савватеева «Залавруга» (1970). Вторая ее часть (1977) содержит материалы соседних стоянок. Палеогеографом Э.И. Девятовой издана книга «Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в юго-западном Беломорье» (1973).

Нередко возникает вопрос: будут ли в Карелии новые открытия такого рода? Он вставал и перед первоисследователями, которые допускали возможность выявления новых петроглифов, прежде всего в известных уже местонахождениях. Весь накопленный опыт позволяет утверждать, что надежда на успех остается. Значит, поиски следует продолжать. К тому же охота за наскальными изображениями пока велась преимущественно в пределах известных уже комплексов. Пора выходить за их границы и начать систематические, целенаправленные поиски на более обширных территориях.

Перспективными остаются прибрежные острова Белого моря, а также берега и острова Ладожского озера. Их обследование потребует много сил и времени, тем более что каких-то надежных ориентиров в названных местах пока нет. Но накопленный опыт позволяет вести такие поиски уже не вслепую, а более целенаправленно. В Карелии можно ожидать также открытия писаниц – изображений, нанесенных краской (охрой) на вертикальные поверхности скал. Уверенность в успехе внушают многочисленные писаницы на территории соседней Финляндии.

Нельзя считать исчерпывающе изученными территории известных местонахождений, в частности низовья р. Выг. Тщательное обследование обнаженных прибрежных склонов от Бесовых Следков до Залавруги, расчистка скал, покрытых почвой, с высотными отметками от 13 до 23 м над уровнем моря (наиболее перспективных на петроглифы) может привести к успеху. Хотя расстояние до Залавруги небольшое, но на всем протяжении имеются выходы коренных пород, обнаженных в прибрежной части и прикрытых тонким слоем почвы выше. Правда, пока поиски петроглифов на вершинах островов Ерпин Пудас и Большой Малинин результатов не дали, хотя там расчищены неплохие участки скальной поверхности. Нужно иметь в виду, что рисунки могут располагаться и ниже по склонам, ближе к руслу.

Нетрудно заметить, что все известные беломорские петроглифы распространяются на островах. Заманчивым было бы найти их и на коренных берегах реки. Как выяснилось, даже после появления первых рисунков Бесовых Следков река ниже их имела иной облик и неоднократно меняла свои

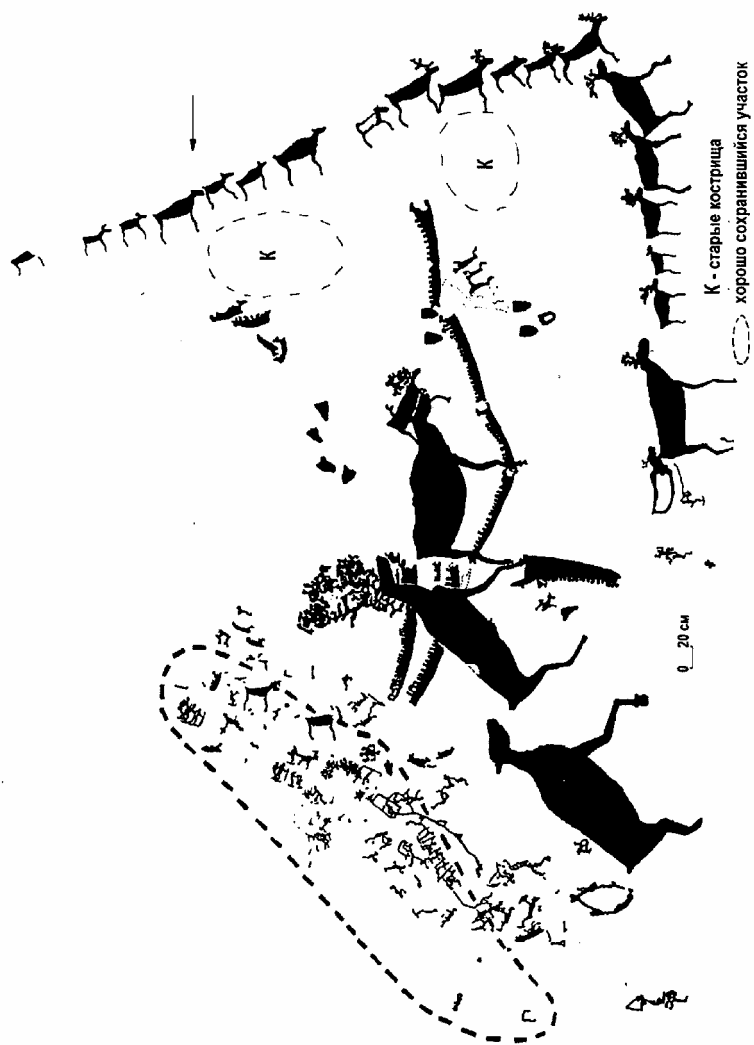
береговые очертания. За п. Золотец, например, все стоянки залегают на коренных породах. Пробные расчистки показали, что имеются участки гладкой плоской скалы, вполне пригодные для нанесения рисунков. Можно наметить еще ряд аналогичных участков на островах р. Выг. Например, на правом берегу под стоянкой Залавруга IV скалистые уступы очень напоминают залавругские и перспективны на петроглифы. Правда, даже их следов там пока не обнаружено. Разработка методики поисков рисунков под слоем почвы может сыграть важную роль в дальнейших работах и за пределами низовья р. Выг. Пока почти все известные скопления обнаружены попутно, в ходе разведок и раскопок стоянок. Исключение составляют специальные работы на восточном берегу Онежского озера. Пора приступать к организации многолетних целенаправленных поисков петроглифов и писанин по всей территории Карелии.

Не раз высказывалось мнение, что места для наскальных изображений выбирались отнюдь не случайно, не на скорую руку, не как попало. К ним предъявлялись особые требования. Они должны были быть изолированными и привлекательными и сами по себе. Таковы причудливых очертаний мысы на Онежском озере или острова у вечно шумящих порогов в Беломорье. Правда, не всегда учитывалось, что природная обстановка там неоднократно изменялась и всегда чем-то отличалась от современной. Особенно в Беломорье.

Естественно, мы не знаем точно, какими мотивами руководствовались первобытные мастера, выбирая места для наскальных полотен, но уже очевидно, что они были необычайно выразительны и производили сильное эмоциональное впечатление и что располагались в районах, особо благоприятных для охоты, рыбной ловли, морского промысла.

Сами рисунки всегда выбивались близко от уреза воды, на полосе омываемых ею прибрежных скал, там, где не могли закрепиться лишайники, а поверхность скалы оставалась наиболее чистой и гладкой. Петроглифы, оказавшиеся в глубине берега, далеко от воды, постепенно покрывались лишайниками, медленно «съедавшими» их. Со временем они становились незаметными и переставали играть сколько-нибудь важную роль в жизни древнего населения.

Подобные наблюдения подсказывают, что и впредь поиски можно вести в местах, удобных для промысла: в устьях рек, при впадении их в море и крупные озера, у водопадов и порогов, у мест скопления рыбы и морского зверя. Естественно, что одно из условий нахождения там рисунков — наличие выходов коренных пород гранитов и гнейсов, обнаженных или покрытых небольшим слоем почвы. Они давно известны, и нужно лишь выбрать наиболее интересные для археологов.

Петроглифы центральной группы Старой Залавруги (по В. И. Равдоникасу)

■ фигуры, выявленные в 2005 г.

Петроглифы центральной группы Старой Залавруги (по Н. В. Лобановой)

Намеченные, хотя и еще недостаточно определенные ориентиры могут помочь в поисках наскальных изображений на территории Карелии, особенно в самом начале. Действенность их подтвердили открытия в Беломорье и на Онежском озере. Охота за петроглифами и писаницами в Карелии должна продолжаться, и мы убеждены, что ее участников рано или поздно ждут в конечном счете открытия. Немало нового принесет и углубленное исследование известных уже групп онежских и беломорских петроглифов.

И очередное открытие случилось совершенно неожиданно – на центральном полотне Старой Залавруги. Совместная экспедиция карельских и британских археологов (руководитель Н.В. Лобанова), изучавшая микроландшафт беломорских петроглифов, в давно известной и неплохо задокументированной центральной группе Старой Залавруги зафиксировала целый пласт новых фигур. Их оказалось 282 – в два с лишним раза больше известных ранее. Автор при сем присутствовал и испытал чувство глубокого изумления и восторга. Воистину имел место случай, когда тайное вдруг стало явью. Новые изображения расположены рядом, а то и поверх известных ранее.

Помог новый, относительно простой и эффективный «скандинавский» способ поисков, заимствованный Н.В. Лобановой у норвежских коллег. Суть его в следующем. Берется большое полотно черного светонепроницаемого полиэтилена размером 4 × 5 м (или даже больше), которым накрывается участок проверяемой скальной поверхности. Исследователь находится в необычном «шалаше» и слегка приподнимает лежащий на скале краешек полотна. Проникая в темноту полоска света делает изображения более рельефными и хорошо заметными. Она легко регулируется с учетом наклона скалы и нужной интенсивности. Теперь контуры высвеченных фигур можно фотографировать, обводить мелом, изучать технику выбивки, стиль и состав сюжетов, выявлять композиции. Таким образом уже обследованы Старая Залавруга и три безымянных островка в русле р. Выг (между Залавругой и Бесовыми Следками). Все они будут подвергнуты повторному (контрольному) обследованию. Предстоит осмотреть таким способом испорченные эрозией участки Новой Залавруги, где находятся I, VIII, XI, XV и XVII группы.

Как выяснилось, состояние петроглифов Старой Залавруги не столь плачевно, как думали раньше. Еще В.И. Равдоникас предлагал поторопиться с их изучением, поскольку часть петроглифов он уже не смог зафиксировать из-за процесса их разрушения, который, казалось, продолжался на глазах. По мнению Н.В. Лобановой, с 30-х гг. XX в. «дальнейшего разрушения петроглифов не произошло». Больше всего новых выбивок оказалось на юго-восточном и северо-восточном флан-

гах полотна, ближе к его краю. Любопытно, что они выявлены и внутри гигантских трехметровых изображений оленей, выбитых более крупными и грубыми каменными инструментами (так, что по краю фигур выбивка выполнена несколько глубже, чем по площади силуэта, и менее тщательно). В их числе лодки, гарпуны, олени и множество непонятных фрагментов. Наслоения разновременных изображений имеются и в северной части рассматриваемого наскального полотна. Похоже, что оно после некоторого перерыва использовалось повторно — случай для петроглифов Карелии исключительный.

Общее число фигур Старой Залавруги приблизилось к 500. Теперь это самая большая и насыщенная группа, использовавшаяся довольно долго и, видимо, с перерывами. Скорее всего, при продолжении поисков и контрольных обследованиях найдется немало новых рисунков. Можно только пожалеть, что в южной части скала пострадала от костров и стала менее перспективной. Здесь тоже (судя по уцелевшим фрагментам) были выбиты олени. Похоже, что удастся зафиксировать новые фигуры и над головой среднего из трех идущих друг за другом огромных оленей, у которого на старой копии показаны роскошные рога. В действительности на их месте располагаются антропоморфные фигуры, возможно и лодки. Они сильно испорчены эрозией и потому почти не видны. Не случайно их не замечали раньше.

Даже при беглом знакомстве с новыми изображениями бросается в глаза разнообразие тематики, обилие многофигурных сцен, наличие редких сюжетов, случаи наслоения рисунков друг на друга. Среди новых изображений больше всего следов людей и животных (202), лодок (42) и фрагментов фигур (44). Насыщена следами северо-восточная часть полотна. Кажется, удастся различить следы оленей и людей. Имеются миниатюрные изображения — знаки длиной менее 1 см и крупные следы ног человека (15–20 см), подобные тем, что тянутся за бесом на Бесовых Следках. Есть и весьма редкие каркасные лодки (как в XI группе Новой Залавруги и на восточном берегу Онежского озера на мысе Карецкий и полуострове Кочковनावолок).

Прежде здесь не было сцен морского промысла. Теперь зафиксировано целых три. Все они в северо-восточной части полотна. Сохранность этих гравировок плохая, поскольку их перекрывают антропоморфные фигуры из известных батальных сцен. Среди необычных изображений — спираль (змея?). Похоже, что она соединена с задней ногой большого оленя, идущего в стаде из трех голов первым. Здесь зафиксировано больше всего новых фигур, преимущественно лодок различных размеров, характерных для Залавруги (беломорского типа). Все три крупных оленя покрыты множеством сцен с участием лодок и других фигур — всего их не менее 15.

Удалось выявить и устранить немало неточностей в копиях В.И. Равдоникаса, которые касаются как композиций, так и отдельных фигур. Корректировке подверглось множество фигур, включая и самые большие. Так, у последнего из стада оленя удлинлись обе ноги и исчезло копыто, оказавшееся естественной выбоиной. В юго-западной части полотна, ниже длинных и узких лодок, тоже имеются перекрытия одних фигур другими. В целом же доминирующими на центральной скале Старой Залавруги остаются те же сюжеты – следы, лодки и люди.

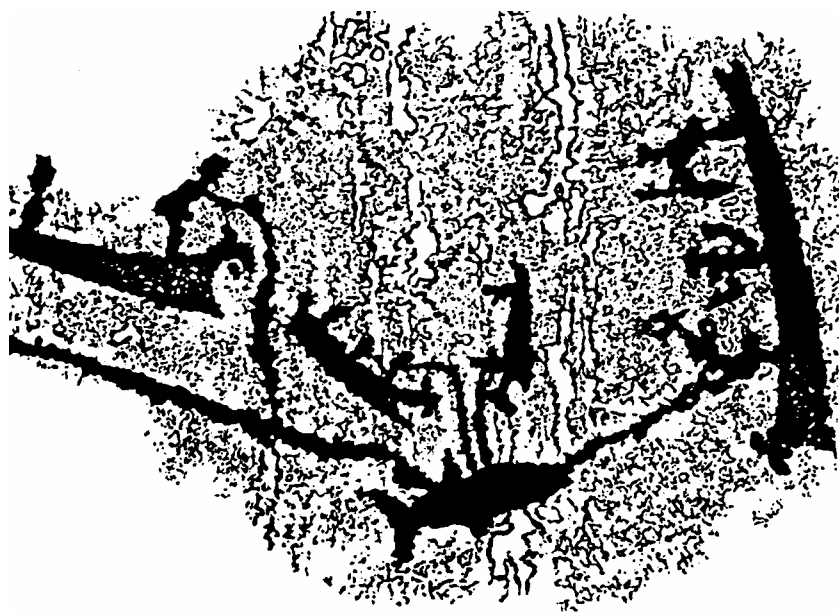
Приходится пересматривать и сложившиеся представления о процессе заполнения всего этого полотна, его стратиграфию. Особенно детально ее пытался воссоздать А.Д. Столяр. Теперь выясняется, что намеченный им процесс заполнения скалы, скорее, шел в обратном направлении. Самыми ранними Н.В. Лобанова считает небольшие лодки, участвующие в сценах морской охоты. Внутри туловища среднего и заднего из стада крупных оленей, а также северо-восточнее (где В.И. Равдоникасом скопирована большая «контурная рыба»). На самом деле выбита сцена морской охоты. На месте хвоста – лодка, а контур рыбы – это линии гарпунов, которые тянутся к белухам.

Северный и северо-восточный фланги центрального полотна Старой Залавруги теперь буквально преобразились. Н.В. Лобанова полагает, что именно здесь находятся самые первые рисунки. Затем на других участках юго-западного и северо-восточного склонов появляются олени, длинные лодки. Олень с рогами над головой среднего большого оленя появился еще до него и сам выбит поверх какой-то мелкой фигуры. На следующем этапе высечены многочисленные сцены с участием людей. В нескольких случаях они выбиты поверх сцен с лодками, гарпунами и белухами. Примерно в то же время активно используется северо-восточная часть склона, густо покрытая рисунками. Видны и более поздние дополнения – изображения змеи, человека в фас, непонятного знака, сцены родов (дефлорации).

Стадо из трех гигантских оленей высечено уже на самой поздней, заключительной стадии. Они по всем признакам выпадают из общего изобразительного комплекса и не имеют прямых аналогов. Сопоставления с триадой Бесова Носа пока не очень убедительны и не дают оснований для пересмотра их относительной хронологии. Предварительно Н.В. Лобанова выделяет на Старой Залавруге не менее трех разновременных напластований. По ее мнению, беломорские петроглифы относятся к IV тыс. до н.э. и функционировали до рубежа IV–III тыс. до н.э. Наскальное творчество здесь прервала мощная раннесуббореальная трансгрессия начала III тыс. до н.э.

Глава II

О геологическом и археологическом времени в Карелии

КАРЕЛИЯ В ГОЛОЦЕНЕ

Чем выше художественная и культурно-историческая ценность произведения, будь то живопись, скульптура, поэзия или другой вид искусства, тем сильнее желание познакомиться с его творцом. Сами произведения всех нужных сведений обычно не содержат, тем более когда речь идет о дописьменной эпохе. Весьма скудную информацию о своих создателях доносят до нас и наскальные изображения Карелии. Кто они? Какое место занимали в обществе того времени? Как относились к ним окружающие при жизни и после смерти? В какой мере они смогли (следуя традиции и канонам) выразить свою индивидуальность, свои мысли и надежды? И в какой мере им было свойственно это личностное начало?

Для ответов на подобные вопросы и понимания феномена наскального творчества (включая предпосылки и непосредственные причины его появления и функционирования, роли конкретных исполнителей) у нас пока остаются две возможности. Первая – это пристальное всматривание в сами наскальные полотна, в каждую фигуру и во все ее детали, чтобы понять, как и в какой последовательности и долго ли заполнялась та или иная группа (скопление), как много людей здесь творили, с чего начинался сам процесс заполнения наскальных полотен? Прерывался он или нет? Когда и чем завершился? Как продолжатели традиции относились к своим предшественникам?

Вторая возможность – это реконструкция самой эпохи, в которую создавались и функционировали петроглифы. Начинать нужно, видимо, с природной среды, многое предопределявшей в жизни первобытных родовых общин. Именно от природных условий зависели время и пути первоначального заселения и освоения Карелии, образ жизни ее обитателей в последующем. Неразрывная связь с окружающей природной средой повышает впечатление от общения с петроглифами Карелии и их силу воздействия.

Отсюда и желание получить общее представление о развитии природной обстановки на территории Карелии. Благодаря многолетним исследованиям специалистов в области естественных наук (ботаников Г.А. Елина, палеогеограф Э.И. Девятова, геологи-четвертичники А.Д. Лукашев, И.М. Экман, И.Н. Демидов и др.) сделать это гораздо легче. Первичная информация о голоцене – последнем геологическом периоде, продолжающемся и поныне – стала гораздо полнее и достовернее. Только что опубликована серия обновленных геолого-геоморфологических карт и составленных на их основе карт палеоклимата и палеорастительности по трем эталонным территориям (включая Заонежье и Беломорье) и по нескольким временным

срезам (от 3 до 6). Они позволяют лучше охарактеризовать природные процессы, происходившие на территории Карелии во время последнего, валдайского, оледенения, его отступления и таяния. По мере его сокращения преобладали водоемы, изменялись и очертания морей, завершались протекавшие прежде геологические и геоморфологические процессы, распространялись все новые растительные сообщества, формировался современный облик нашего края.

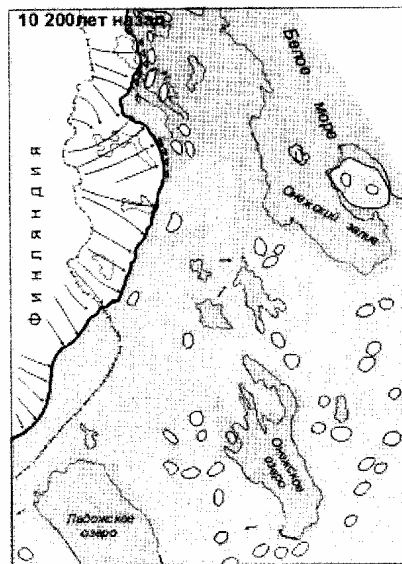
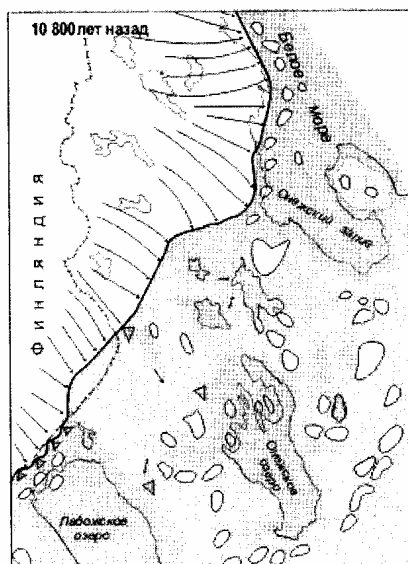
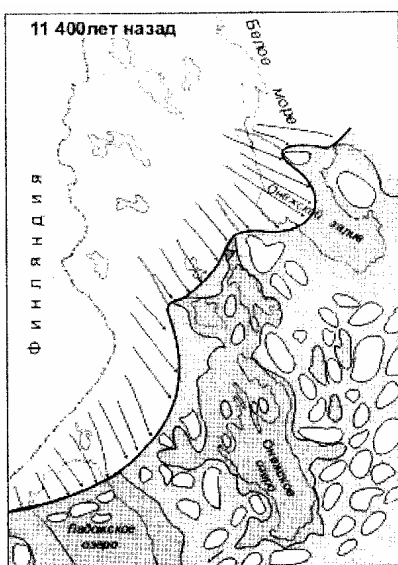
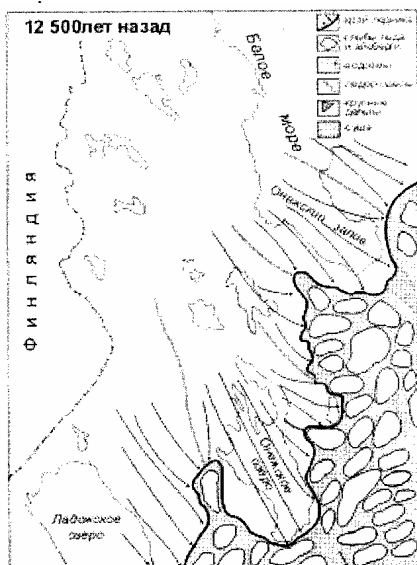
Деградация ледникового покрова шла на фоне общего потепления климата. В период с 12000 по 10500 л.н. происходили неоднократные изменения климата и влажностного режима. Четко выражены холодное позднеледниковье (10500 л.н.), климатический оптимум (6000–5500 л.н.), резкое похолодание (примерно 4800 л.н.) и, наконец, последующее направленное похолодание. Небольшие похолодания и потепления зафиксированы и в пределах этих основных циклов. Выделены следующие, заметно отличающиеся по природным условиям периоды (временные срезы):

- Пик позднеледникового похолодания – 10500 ± 100 л.н.
- Прогрессирующее потепление – 9500 ± 100 л.н.
- Пик бореального потепления – 8500 ± 100 л.н.
- Суббореальное потепление – 3500 ± 100 л.н.
- Пик субатлантического потепления – 1200 ± 100 л.н.

Напомним, что в настоящее время в Восточной Фенноскандии существуют пять ботанико-географических зон: тундра, лесотундра, северная, средняя и южная тайга. Число, границы и ширина этих «полос» в прошлом менялись. Хорошо очерчиваются и крупные геолого-геоморфологические выделы, определяющие границы разных типов ландшафтов.

Территория Карелии довольно быстро (по геологическим меркам) меняла свой облик. Видоизменялись все системы и ландшафты. Дольше ледник задержался в Западной Карелии. Оставшиеся реликтовые глыбы мертвого материкового льда окончательно вытаяли где-то 8000–7500 л.н. Именно деятельностью ледника во многом обусловлен современный рельеф Карелии, его впечатляющие особенности: грядообразные озы и камы, моренные и волнистые песчаные равнины, сильно сглаженные выходы твердых кристаллических пород («бараньи лбы») и другие ледниковые формы. В целом рельеф отличается значительной пересеченностью и сложностью строения. Абсолютные отметки колеблются в среднем от 5 до 250 м, но преобладают высоты от 100 до 120 м над уровнем моря.

Голоцен принято подразделять на ранний, средний и поздний. Ранний голоцен, в свою очередь, делится на пребореальный и бореальный периоды.

**Освобождение территории Карелии от ледника
(по И. Н. Демидову)**

В *пребореале* (10200–9300 л.н.) природные условия оставались еще суровыми, переходными от позднеледникового. Сохранилась высокая обводненность территории. Но суровый климат начал смягчаться, что привело к вытеснению гляциальной флоры с характерной травянисто-кустарничковой и кустарничковой растительностью и открытыми пространствами. То была своеобразная тундро-степь с древесной растительностью, прежде всего березой, правда, без больших сомкнутых массивов деревьев. Территория Карелии оставалась непригодной для проживания людей

В *бореальный* период (9300–7900 л.н.) наблюдаются повышение среднегодовых температур и смягчение климата, увеличение влажности. Меняется состав лесов. Уже в начале бореала по всей территории Карелии распространились светлые травянистые березняки с обилием папоротников и разнотравья – своеобразная «белая тайга». Максимальное распространение березы, по Г.А. Елиной, приходится на период 8900–8300 л.н. В середине бореала господствовали березовые и сосново-березовые леса, а во второй его период широко расселяются светлохвойные породы. Около 8500 л.н. появляются широколиственные породы – вяз, возможно, липа.

В промежутке 9000–8000 л.н. начинается процесс болотообразования. Большое количество диатомовых в водоемах позволяет предполагать, что в них появляется и рыба, в частности лососевые – семга, лосось, ряпушка и др. В целом же климат оставался еще более холодным и сухим, чем теперь. Г.А. Елина считает, что среднегодовая температура около 8500 л.н. была на 2–4°C ниже современной, а осадков выпадало примерно на 55 мм меньше. Правда, распространялись они неравномерно: на юго-западном побережье Белого моря, например, их выпадало более чем на 100 мм меньше, чем в наше время, а на западе и в средней части Карелии – близко к современному значению.

Если в настоящее время граница между северной тайгой и лесотундрой находится на Кольском полуострове, то тогда она проходила много южнее, примерно по 66° с.ш. При этом северная Карелия по составу лесов более напоминала современную северотаежную подзону. В центральной ее части произрастали сосново-березовые леса, и только на юге и юго-востоке начала распространяться ель.

Средний голоцен включает атлантический и суббореальный периоды – время первоначального заселения и освоения территории Карелии человеком.

В *атлантический* период (7900–4700±50 л.н.) климат становится теплее современного на 2–3°C. Средняя температура июля почти на всей территории Карелии поднялась примерно до 18°C. Нарастала увлажненность; количество годовых осадков в среднем составляло 500–

600 мм, причем в юго-восточной части Карелии их выпадало несколько меньше, а в северной — больше, чем в настоящее время. Повышался уровень воды в водоемах. В первой половине атлантического периода происходит смена березовых лесов сосновыми. Основную примесь к ним в центральной части составляла береза, а на юго-западе — ель. Весь юго-восток Карелии уже занимали еловые леса. На период 5500—5000 л.н. приходится так называемый атлантический максимум ели. В целом в середине атлантического периода продолжали господствовать светлохвойные сосновые леса, но уже начиналось уверенное продвижение ели с юго-востока Карелии на северо-запад и север. Граница между средней и южной тайгой проходила примерно на 800 км севернее современной, по широте г. Кемь — п. Калевала. Южнее ее заметной становилась примесь широколиственных пород, включая вяз, липу, дуб.

Вторую половину атлантического периода Г.А. Елина расценивает как наиболее выраженный климатический оптимум голоцена с четкой дифференциацией растительности на средне- и южнотаежные подзоны. Примерно 8000—5000 л.н. происходило широкое заболачивание территории. Во всех значительных понижениях рельефа образуются болота. Треть из 3 млн га современных болот сформировалась именно тогда. Природные условия стали особенно благоприятными для человека.

Суббореальный период (4750—2500 л.н.) характеризуется как неустойчивый по природно-климатическим условиям, с неоднократным чередованием прохладных, влажных и более теплых и сухих периодов. Среднегодовые температуры в средней Карелии оставались выше современных на 1°C, а средняя температура июля — выше на 1—3°C. Почти повсеместно выпадало 500—600 мм осадков в год (меньше всего в восточной части). Господствовали еловые леса. Ель встречалась везде, а во время своего максимума (4000—3000 л.н.) занимала самую большую площадь за всю историю голоцена. Напротив, роль широколиственных пород заметно понижается. Граница между средней и южной подзонами тайги сдвигается примерно на 1,5° южнее по сравнению с атлантическим временем (тогда она проходила по 64° с.ш.). В южной тайге господствовали сосново-еловые и еловые леса с примесью широколиственных пород, значительно сократившейся. В подзоне средней тайги преобладали сосновые и еловые леса. Развитие органической жизни в Онежском озере достигает своего пика.

Поздний голоцен приходится на *субатлантический* период, начавшийся 2500 л.н. и продолжающийся до сих пор. Теперь природные условия (включая зоны растительности, очертания озерно-реч-

ной сети) приближаются к современным. Правда, в первую половину периода еще господствовали темнохвойные еловые леса средне- и северотаежного типа. Раннесубатлантический максимум ели приходится на время 2000–1200 л.н. Около 1500 л.н., вновь начинается экспансия сосны, продолжающаяся и поныне. В результате сосновые леса вытесняют ельники и распространяются вплоть до крайнего юго-востока. Заканчивается формирование болот. Уже к середине субатлантического периода они занимали примерно ту же площадь, что и теперь, – 3 млн га.

Так выглядит геологическое время эпохи голоцена, отражающее развитие природной среды во время первоначального заселения и освоения территории Карелии и прилегающих к ней областей. Мы еще не раз будем обращаться к каждому из названных периодов голоцена, но уже в непосредственной связи с деятельностью человека, бытованием конкретных археологических культур. Неизбежно возникнут определенные повторения, возможно, даже какие-то нестыковки, связанные с наличием и других точек зрения. Важно, что теперь появилась возможность дать более основательную информацию о природных условиях (включая зоны онежских и беломорских петроглифов).

Знакомство с древней, дописьменной, историей Карелии придется начинать с первоначального заселения, чтобы лучше представить общий процесс последующего освоения края, его основные этапы, смену археологических культур. По археологической периодизации первые переселения на территории Карелии появились в эпоху мезолита (среднекаменного века), во второй половине VII тыс. до н.э. (т.е. около 8,5 тыс. л.н.). Связь археологического и геологического времени отражает на базе известных уже данных такая хронологическая схема.

Археологическое и геологическое время в Карелии

Археологический период	Археологическая культура	Периоды голоцена
Поздний мезолит (вторая половина VII – начало V тыс. до н.э.)	Онежская культура (вторая половина VII – начало V тыс. до н.э.) Северокарельская «культурная группировка» (вторая половина VI – середина V тыс. до н.э.)	Бореальный период (7,3 – 5,9 тыс. лет до н.э.) <i>Ранний</i> (BO ₁) – 7300 лет до н.э. <i>Средний</i> (BO ₂) – 6800 лет до н.э. <i>Поздний</i> (BO ₃) – 6400 лет до н.э.

Неолит (начало V – начало III тыс. до н.э.): <i>ранний</i> <i>средний</i> <i>поздний</i>	Культура сперрингс (начало V – начало IV тыс. до н.э.) Культура сярайсниеми I (конец V – вторая половина IV тыс. до н.э.) Культура ямочно-гребенчатой керамики (конец V – конец IV тыс. до н.э.) Культура гребенчато-ямочной керамики (конец IV – начало III тыс. до н.э.)	Атлантический период (5,9 – 2,8 тыс. лет до н.э.) <i>Ранний (AT₁) – 5900 лет до н.э.</i> <i>Средний (AT₂) – 5100 лет до н.э.</i> <i>Поздний (AT₃) – 4000 лет до н.э.</i>
Ранний металл (II – середина I тыс. до н.э.): <i>энеолит</i> <i>бронзовый век</i>	Культура ромбоямочной керамики (конец IV – начало III тыс. до н.э.) Культура асбестовой керамики или керамики «классического типа» (середина III – первая половина II тыс. до н.э.) Культура сетчатой керамики (середина II – середина I тыс. до н.э.)	Суббореальный период (2,8 – 0,5 тыс. лет до н.э.) <i>Ранний (SB1) – 2800 лет до н.э.</i> <i>Средний (SB2) – 2100 лет до н.э.</i> <i>Поздний (SB3) – 1200 лет до н.э.</i>
Железный век (V в. до н.э. – конец IX в. н.э.)	Арктическая культура (вторая половина I тыс. до н.э. – начало н.э.) Позднебеломорская культура (вторая половина I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.) Культура лууконсаари (вторая половина I тыс. до н.э. – V–VI вв. н.э.) Позднекаргопольская культура (середина I тыс. до н.э. – VI–VII в. н.э.)	Субатлантический период (с 0,5 тыс. лет до н.э.) <i>Ранний (SA1) – 500 лет до н.э.</i> <i>Средний (SA2) – 200 лет н.э.</i> <i>Поздний (SA3) – 1400 лет н.э.</i>
Средневековье (X – XV вв.)	Древнекарельская культура (VI – XV вв.) Приладожская курганный культура (X – начало XIII в.) Культура с керамикой приладожского типа (X – первая половина XII в.) Культура бескерамических поселений (X – XIV вв.) Средневековая культура русских и карельских сельских поселений (XIV – XV вв.)	

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ

Еще в 50-х гг. XX в. господствовало мнение, что «многочисленные следы заселения Карелии древним человеком относятся примерно к III тыс. до н.э.». Пионерами в освоении ее территории признавались племена, проникшие, вероятно, с востока — со стороны Западной Сибири и Урала. Часть пришедших племен, находившихся на стадии неолита, будто бы освоила северо-восточное и северо-западное побережья Онежского озера, южную и частично северную Карелию (район г. Кеми). Другая часть продвинулась далее на запад, вплоть до восточной Финляндии и осела там. Несколькими столетиями позже (около 2500 л. до н.э.) здесь, должно быть, появились другие племена, пришедшие уже с юга, с территории Волго-Окского бассейна. Их привлекала прежде всего южная часть Карелии с более благоприятными природными условиями. В конечном счете переселенцы с юга ассимилировали первых обитателей Карелии. До конца II тыс. до н.э. шло продвижение древнего населения Карелии на север и частично на запад. Началось освоение Кольского полуострова.

Эти выводы, изложенные в первом томе «Очерков истории Карелии» (1957) известным ленинградским археологом Н.Н. Гуриной, как бы подводили итог проведенных на территории Карелии исследований. Свою точку зрения она не навязывала, постоянно оговариваясь: видимо, по всей вероятности, возможно и т.д. Подобная осторожность суждений вполне оправдана, тем более что еще в начале 30-х гг. XX в. геолог Б.Ф. Земляков нашел более ранние, мезолитические памятники. Во время посещения северного побережья Онежского озера у г. Медвежьегорска и п. Повенец, в районе строительства Беломорско-Балтийского канала им открыта и обследована серия стоянок, расположенных необычно далеко от современного уреза воды и на относительно большой высоте. Уже само по себе местоположение на удаленных береговых террасах давало повод считать их самыми ранними из всех известных прежде. К тому же новые стоянки (Медвежья Гора 10 и др.) содержали весьма архаический каменный инвентарь и вовсе не имели остатков глиняной посуды, характерной для неолитических поселений. Б.Ф. Земляков отнес их к «арктическому палеолиту», к которому в то время причисляли группу своеобразных стоянок времени первого появления человека в Арктике. Они стали известны уже в северной Норвегии, финской Лапландии и на полуострове Рыбачий в северной части Мурманской области. Их датировали VIII–VII тыс. до н.э. По современным представлениям, это мезолит (или среднекаменный век). Попытку отнести к их числу и новые стоянки на северном побережье Онежского озера археологи поначалу восприняли скептически. И напрасно.

Только в 60–70-е гг. Б.Ф. Земляков был услышан. Известный карельский археолог Г.А. Панкрушев там же, на северном побережье Онежского озера, открыл и исследовал несколько стоянок (Повенчанка I, II и VII, Мянъ-Гора II), расположенных довольно высоко (от 35 до 41 м над уровнем озера) на древних береговых террасах и на значительном удалении от современного берега. Опираясь на высотные данные, Г.А. Панкрушев уверенно датировал их концом X–IX тыс. до н.э. и полагал, что первоначальное заселение Карелии началось очень рано (по существу, в самом конце верхнего палеолита – начале мезолита) и шло с востока – со стороны Урала и Западной Сибири. Вслед за стадами северных оленей оттуда на запад будто бы продвинулись и небольшие группы охотников. Однако по современным данным появление людей в указанное время здесь было еще невозможно в силу неблагоприятных природных условий.

Последующие изыскания (прежде всего В.Ф. Филатовой) показали, что процесс первоначального заселения и освоения территории Карелии протекал по-иному. Первые переселенцы появились в бассейне Онежского озера и по его побережью много позднее – где-то во второй половине VII тыс. до н.э., т.е. не более 8,5 тыс. л.н. А вот процесс заселения северной Карелии шел, вероятно, вообще с другой стороны – с Кольского полуострова. По мере освобождения от ледника территории Фенноскандии идет ее заселение, формируются первые местные археологические культуры со своеобразной каменной индустрией. Они распространяются вдоль морского побережья на территорию Восточной Скандинавии и достигают Кольского полуострова. Оттуда отдельные группы населения продвинулись вдоль водных путей на юг, до бассейна р. Кемь.

Считается, что древнейшие археологические культуры Фенноскандии имеют в основном западное происхождение и восходят к позднему палеолиту Центральной и Северной Европы, в частности к аренсбургской и свидерской археологическим культурам. Аренсбургская культура распространялась на территории северной Германии и Нидерландов где-то в 8850–8300-е гг. до н.э. Ареал свидерской культуры, бытовавшей в IX тыс. до н.э., охватывал территорию современной Польши. Население обеих культур использовало лук и стрелы, занималось охотой на северного оленя. В период финального палеолита оно начинает осваивать сопредельные территории. Проникновение на юг Скандинавского полуострова стало возможным после отступления ледника и обмеления Балтийского моря в районе датских проливов. Привлекало появление новых обширных охотничьих угодий. Начался трудный и длительный

процесс освоения пригодных для жизни районов Фенноскандии. Видимо, оно в основном шло вдоль западного побережья Скандинавского полуострова.

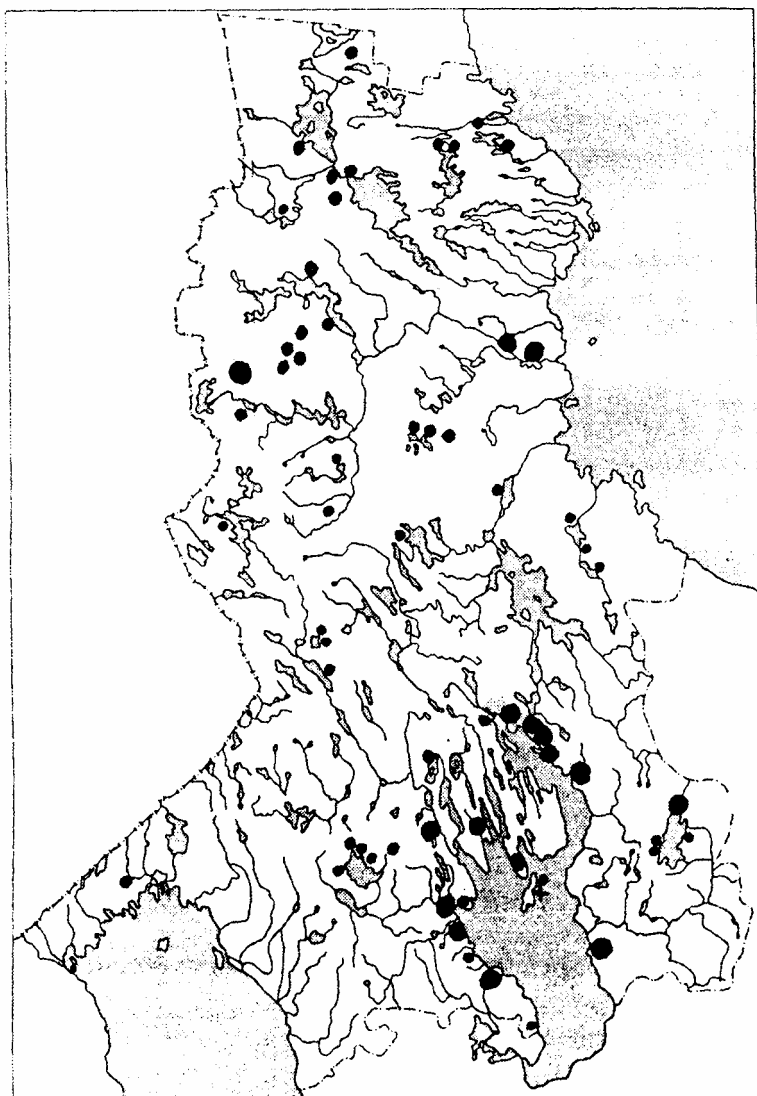
Результатом стало формирование в VIII тыс. до н.э. двух раннемезолитических культур: фосна на западе и юго-западе Норвегии и комса на севере Скандинавии и Кольском полуострове. Осваивая наиболее удобные для жизни приморские пространства, люди начали двигаться и на юг, в глубь территории, в ее внутренние районы. По мнению В.Ф. Филатовой, мезолитические памятники северной Карелии (бассейн р. Кеми) и их инвентарь имеют много общего с мезолитическими памятниками Кольского полуострова. Видимо, продвижение шло вдоль западного побережья Белого моря, с чем и связано распространение в северных районах Карелии схожего каменного инвентаря. Таким образом, истоки мезолита северной Карелии уходят к позднепалеолитической аренбургской культуре.

Основной путь заселения Карелии шел с юга и юго-востока и связан прежде всего с бассейнами Ладожского и Онежского озер. Возможно, миграция населения шла несколькими волнами. Первые мезолитические стоянки найдены в низовье р. Суны (стоянки Суна XII, XIII), а южнее – в районе с. Шелтозеро (стоянка Шелтозеро XV). Основу хозяйства составляли охота, рыбная ловля и собирательство. Мезолитические поселения Обонежья отнесены В.Ф. Филатовой к онежской мезолитической культуре, бытовавшей с середины VII до начала V тыс. до н.э.

МЕЗОЛИТ

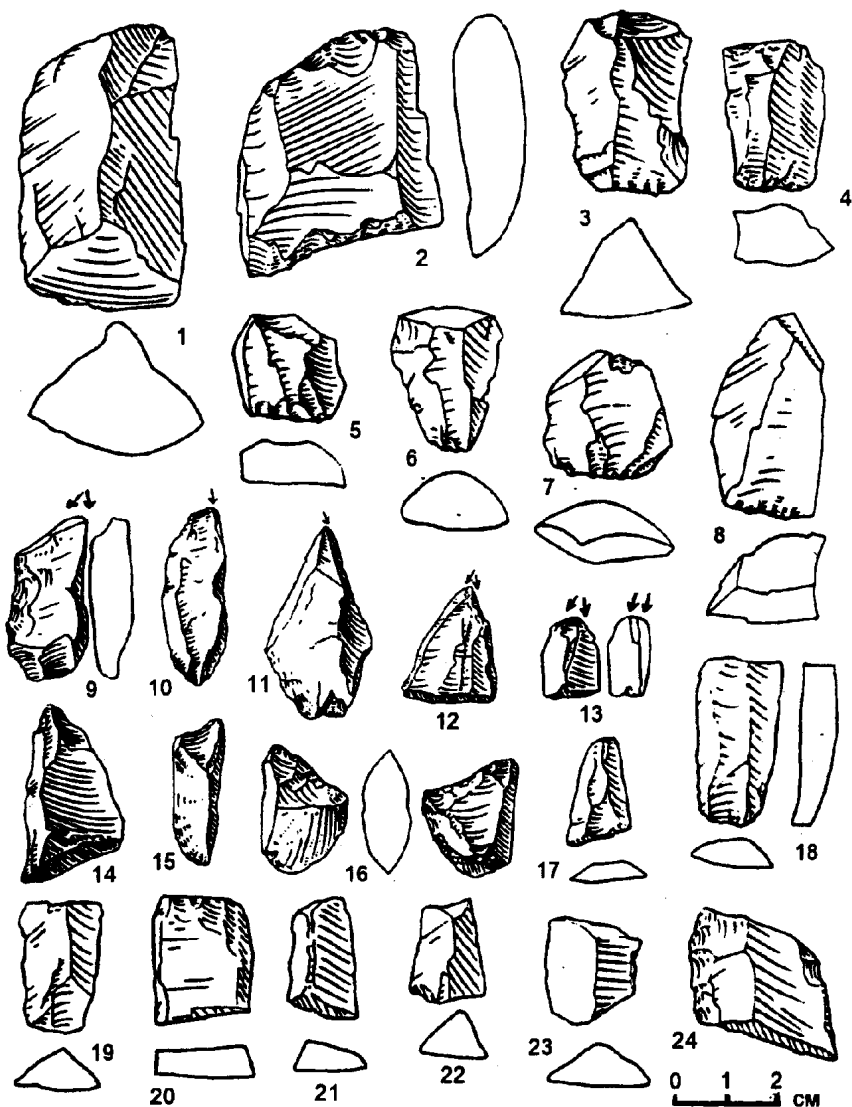
Основным источником знаний о дописьменном периоде истории Карелии служат археологические памятники, начиная с самых ранних, мезолитических. Их известно уже более 300, в основном в бассейне Онежского озера. Доминируют среди них остатки поселений – постоянных и временных.

Мезолитические памятники надежно упрятала сама природа. Не случайно основная их часть открыта совсем недавно – во второй половине XX – начале XXI в. Известно, что Балтийский щит после таяния ледника и освобождения от давления огромной ледяной массы начал медленно подниматься. Это происходило с разной интенсивностью в различных частях Фенноскандии – более северной и более южной. В связи с этим уровень воды в водоемах (особенно таких крупных, как Онежское озеро) менялся. Северные берега повышались, а южные, напротив, понижались и заливались.

- одиночные поселения
- группы от 5 и более поселений
- † могильник

*Мезолитические поселения в бассейне Онежского озера
(по В.Ф. Филатовой)*

Оровнаволок IX. Изделия из кварца

1-8 — долотовидные орудия; 9-13 — резцы; 14, 15 — сверла; 16 — скобель;
17-24 — сечения ножевидных пластинок

Очень наглядно эту неравномерность демонстрируют археологические памятники. Если в северной части Онежского озера самые ранние из них отодвинулись на несколько километров от современного уреза воды, то на юге они залиты водами озера. Располагаясь на нисходящих береговых террасах, мезолитические стоянки северного побережья Онежского озера как бы демонстрируют и свою хронологическую последовательность. Правда, она не абсолютная, поскольку случались и подъемы уровня водоемов (в ходе трансгрессий), ускорения или замедления данного процесса. И все же какие-то ориентиры высотные отметки и для датировки, и для поисков археологических памятников определенно дают.

На севере Карелии мезолитических памятников найдено гораздо меньше. Исследовано же около 30, в основном в нижнем и среднем течении р. Кеми (около 20) и на Кенто-Костомукшской озерной системе (примерно 10). Повышенный интерес вызывают те, что располагаются на древних береговых террасах, образовавшихся в процессе снижения уровня Белого моря и отступления его береговой линии. Они небольшие (площадь от 100 до 500 м²), с каменистым культурным слоем толщиной до 15 см. Ни жилищ, ни хозяйственных построек в ходе раскопок пока не обнаружено (кроме стоянки Костомукша II). Расчищены только следы кострищ в виде зольных пятен и линз диаметром до 1 м.

Каменный инвентарь включает орудия и изделия из кварца, сланца и кремня. Основным сырьем для производства каменных орудий оставался кварц – белый и бесцветный «горный хрусталь». Преобладают скребки из отщепов кварца разной формы, а также резцы (тоже из отщепов), сверла, встречались долотовидные орудия (из крупных отщепов и нуклеусов) для обработки дерева. Много отходов – осколки и отщепы кварца, нуклеусы. Возможно, обитатели северной Карелии начали заниматься морским промыслом, рыболовством и приморским собирательством. Во внутренних районах основное место занимали охота на лося и северного оленя, а также рыболовство. Судя по характеру стоянок, сохранялся подвижный образ жизни.

В северной Карелии эпоха мезолита заканчивается где-то в первой половине – середине V тыс. до н.э. Главным признаком смены культур стало появление здесь керамики сяръясьними I, распространенной в основном на территории Финляндии. Связано ли оно с продвижением сюда новых групп населения с запада или является следствием культурного влияния и заимствования – предстоит выяснить.

Значительно богаче и разнообразнее памятники весьма самобытной онежской археологической культуры (середина VII – середина V тыс. до н. э.), которая входит в ареал поствидерских культур, появившихся в юго-восточной Прибалтике. В ней выделяют две стадии: развитую и позднюю. Относящиеся к ней поселения (стоянки)

отличает значительное разнообразие. Судя по чертам сходства с мезолитическими памятниками восточного Прионежья, первоначальное заселение южной Карелии шло именно оттуда. В расположении стоянок прослеживается одна любопытная закономерность: размещаются они довольно компактными скоплениями (группами). Зафиксировано 14 таких скоплений, прежде всего в районе Медвежьегорска, Пиндуш и Повенца, на полуострове Оровनावолок.

Тяготение к одним и тем же местам объяснить нетрудно: во все времена люди предпочитали селиться на наиболее удобных для повседневной жизни и промысла участках местности. Они всегда хорошо выделялись на берегах водоемов (рек и озер) и оставались притягательными на протяжении многих веков и тысячелетий. Селились на прибрежных островах, полуостровах, в устьях рек. Предпочтение отдавалось сухим песчаным озерным и речным террасам, граничившим с водой. Мощность культурного слоя, как правило, от 10 до 60 см. Залегает он у самой дневной поверхности, на глубине до 7–10 см от нее, и обычно имеет яркую красновато-коричневатую окраску. Изредка встречаются многослойные поселения, на которых нижний культурный слой замывает вследствие значительного поднятия уровня воды в водоеме. Выше следует еще один слой или даже несколько перемешанных слоев, что убедительно фиксирует саму последовательность заселения конкретных участков, неоднократно привлекавших внимание. В таких случаях общая глубина слоя может достигать 1,6–1,7 м.

Стоянки онежской мезолитической культуры подразделяют на долговременные (некоторые с остатками жилищ) и сезонные поселения. Постоянные поселения с жилищами достигают значительных размеров 2 – 2,5 тыс. м² и более. Одновременно на них могло функционировать от 3 до 5 жилищ. Зачастую они имеют внешние признаки, поскольку при строительстве основание их слегка углублялось в землю. На современной поверхности почвы остались впадины округлой или овальной формы, диаметром около 5–6 м. Они служат и отличным ориентиром при поисках стоянок. Раскопано свыше 20 таких жилищных впадин мезолитического времени. Площадь жилищ не превышала 28–30 м².

Реконструкция их затруднена, поскольку строительные материалы в песчаном слое не сохранились. Скорее всего, использовались каркасно-столбовые конструкции. Столбы диаметром около 20 см врывали в почву под углом, на глубину до 30 см как по углам котлована, так и посередине стенок. Жилища, построенные в предварительно вырытых неглубоких котлованах (иногда в вытянутых естественных ложбинах между древними береговыми валами), уже сильно сгладились, оплыли, но углубления все еще заметны. Выход обычно делался в южной стене по направлению к берегу или параллельно ему.

Непременной принадлежностью жилища оставался сложенный из камней очаг, располагавшийся на песчаном полу, как правило, в центральной части. На полу же встречаются и следы кострищ. Между жилищами размещались хозяйственно-бытовые сооружения, но чаще всего и кострища диаметром до 1 м и мощностью зольно-углистого слоя до 30 см. Удалось даже проследить заслоны-стенки перед кострищами, защищающие огонь от ветра и дождя. Такие жилища использовались круглогодично. На полу и в заполнявшем их культурном слое всегда встречается немало разнообразных находок. По их составу можно уверенно говорить, что здесь занимались изготовлением и ремонтом каменных орудий, другого бытового инвентаря, одежды, утвари. Видимо, уже существовали разделение труда и даже определенная специализация.

Долговременные стоянки без жилищ располагаются в таких же местах. Они тоже вытянуты вдоль кромки берега в длину до 90 м, в ширину (в глубину берега) до 20 м. Площадь их составляет до 2000 м², а мощность культурного слоя – от 20 до 30 см. Непременной частью жилого пространства являлись очаги и кострища, вокруг которых протекала основная хозяйственно-бытовая деятельность. Такие поселения посещались неоднократно и использовались как сезонные, где люди пребывали в период промысла. Найденный при их раскопках инвентарь отличался по составу от инвентаря зимних поселений.

Кратковременные промысловые стоянки (стойбища) охотников и рыболовов имеют небольшие размеры и малую мощность культурного слоя. Площадь их не превышает 300–500 м² (редко достигает 1000 м²). Толщина культурного слоя не более 10–15 см.

Поселения онежской мезолитической культуры выделяются обилием и составом каменного инвентаря. Сырьем для него служили сланец, кремьнь и кварц, а также кварцит, песчаник и другие породы. Гораздо чаще, чем в северной Карелии, использовался сланец, залежи которого известны на юге Карелии. Довольно много кремневых орудий и изделий. Кремьнь добывался к югу от Онежского озера. Представлены орудия для обработки дерева, скребущие и режущие, орудия домашнего обихода и др. Встречаются различного вида топоры, тесла, долота и стамески из сланца. Разнообразны скребки, использовавшиеся для выделки шкур животных. Обычно они из кварца или кремня. Представлены и резцы, ножи, ножевидные пластины. Резцы, как правило, из кварца, ножи и ножевидные пластины из кремня. Встречались кремневые наконечники стрел и орудия рыболовства.

При изготовлении орудий широко использовались отбойники и ретушеры из кварца и кремня, шлифовальные плиты, точильные бруски, пилы из кварцита, сланца и песчаника. Встречались и сланцевые про-

колки (инструменты для шитья) и ложила (в виде сланцевых галек) для заглаживания швов. Каменная индустрия мезолита достигла довольно высокого уровня.

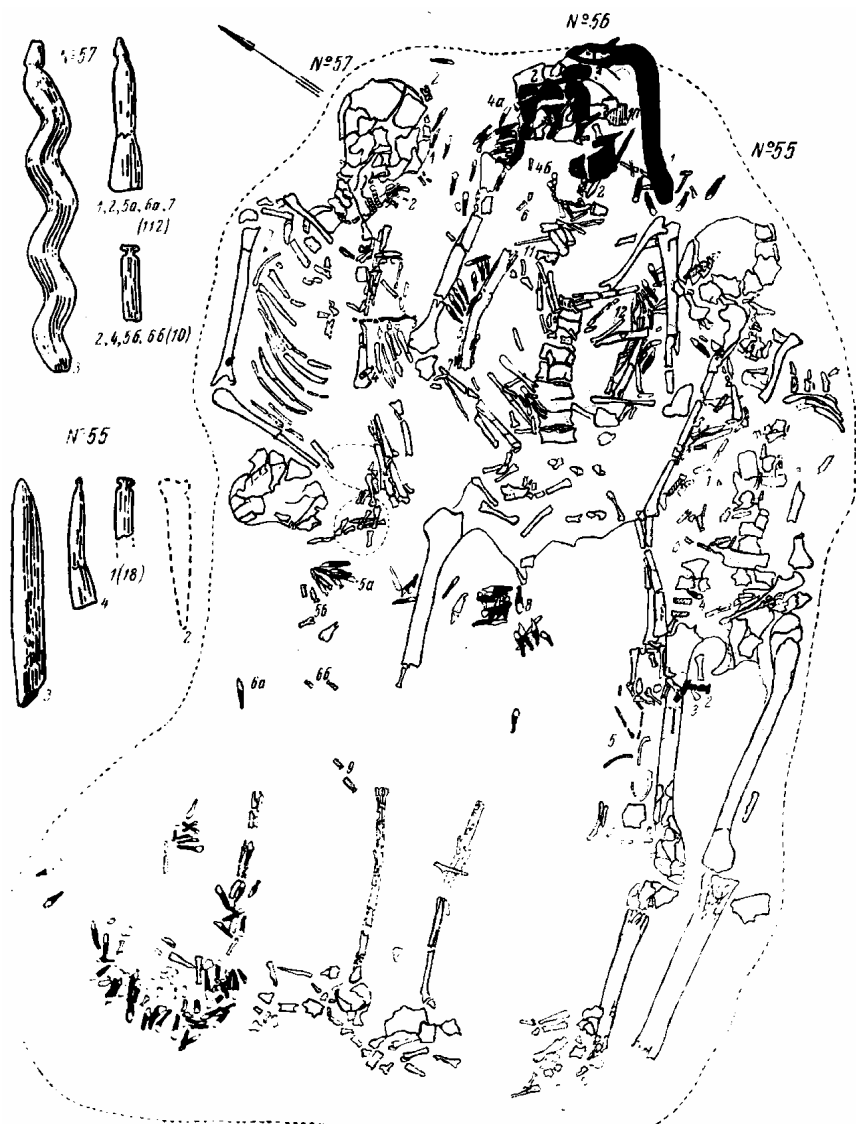
В карельских почвах не сохраняется органика – орудия и изделия из дерева, кости, кожи. Исключение составляет Оленеостровский могильник, расположенный на известняках.

ОЛЕНЕОСТРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

По берегам Онежского озера известно около 600 археологических памятников. Их много на северном побережье озера между г. Медвежьегорском и п. Повенец, на берегах Черной губы и на полуострове Оровनावолок, а также в районе Челмужского залива на восточном побережье. Значительный куст древних поселений выявлен и в 25 км южнее Бесова Носа, на побережье Муромского озера, бывшего в древности заливом Онежского озера. Какая-то часть памятников определенно близка по времени онежским петроглифам, тем не менее уверенно вычистить их и очертить территорию, для которой район Бесова Носа стал святыней, еще трудно. Пока мало что указывает на регулярное посещение его жителями отдаленных районов, скажем, северо-восточного побережья, берегов Водлозера и других. Скорее всего, данный культовый центр объединял население восточного побережья от низовьев р. Водлы, р. Черной и до Муромского озера.

Из очерченного района выпадает и остров мертвых – Оленеостровский могильник, расположенный примерно в 50 км северо-западнее Бесова Носа, неподалеку от знаменитых Кижей, на вершине островка шириной 0,7 км и длиной 2,7 км. В.И. Равдоникас и К.Д. Лаушкин были убеждены, что онежские петроглифы и Оленеостровский могильник относятся к одному времени и даже принадлежат одному племени. С их мнением теперь согласиться невозможно, но рассказать, хотя бы кратко, об этом воистину уникальном памятнике необходимо. Он, как и онежские петроглифы, помогает лучше понять мироощущение древних людей, уровень их сознания (до появления наскального искусства).

Найти могильник помогли рабочие карьера по добыче известняка. В начале 30-х гг. XX в. им стали попадаться человеческие кости. Технический руководитель известковых разработок Бородин доставил в конце 1933 г. в Карельский краеведческий музей вещи из разрушавшихся карьером могил. Он сообщал о подобных находках и позднее – в 1934 и 1935 г. По этим сигналам на острове побывал А.Я. Брюсов. Несколько дней потратил он на разведку, но безрезультатно. То ли времени было в обрез, то ли островок с его каменистой почвой показался бесперспективным. И исследователь прекратил дальнейшие поиски, когда стоял буквально на пороге сенсационного открытия.

Тройное захоронение Оленеостровского могильника

Через два года, в конце мая 1936 г., тот же Бородин сообщил в Петрозаводск, что он временно прекратил работы, поскольку карьер уничтожает какие-то захоронения. Карельский научно-исследовательский институт

культуры командировал туда своего сотрудника Н.Н. Виноградова. Тот, убедившись в достоверности сведений, незамедлительно сообщил о находках в Ленинград. Вскоре оттуда прибыла экспедиция во главе с В.И. Равдоникасом. Раскопки продолжались три полевых сезона, в которых принимала участие и Н.Н. Гурина, позднее опубликовавшая добытые материалы. Всего удалось вскрыть 141 могилу со 177 погребениями. Ничего подобного археологам в лесной полосе европейской части СССР еще не встречалось. Но это всего лишь часть могильника общей площадью около 2700 м², остальную уничтожил карьер. А.М. Линеvский считает, что погибло 110–120 могил. Могилы располагались тремя большими группами и представляли собой ямы глубиной в среднем 0,6 м от дневной поверхности и длиной до 1,8 м. В них клали разнообразные вещи. 9% из них – предметы из кости и рога. Это ли не свидетельство большой роли кости и рога в повседневной жизни. Встречались изделия из кремня и сланца. В 36 погребениях находок вообще не оказалось. Преобладали украшения: подвески из резцов лося, медвежьих клыков, а также пластинки из резцов бобра.

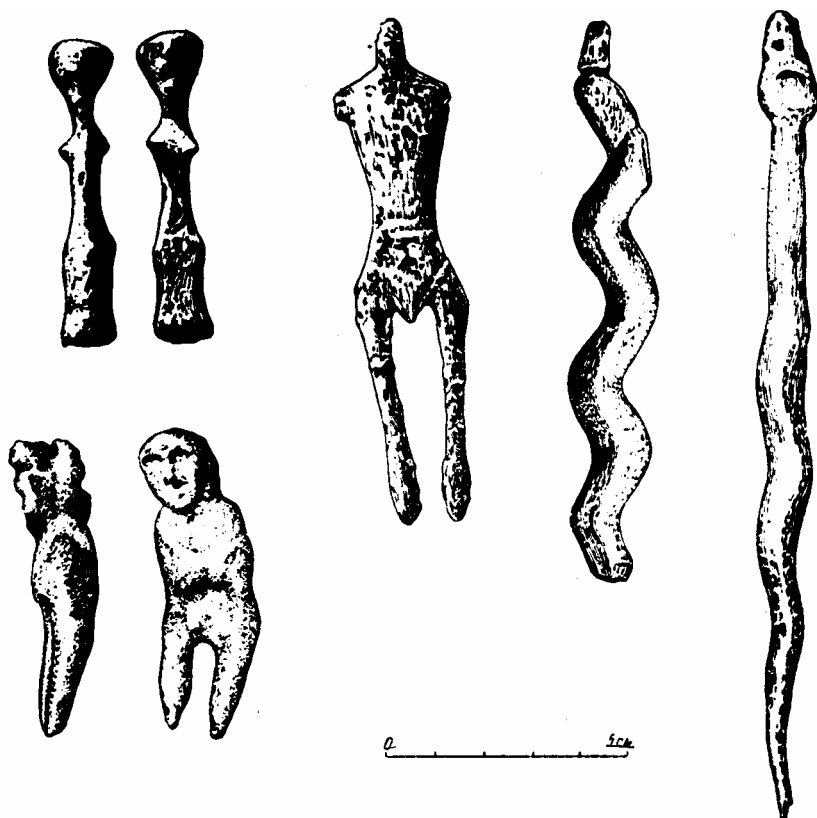
Представлены и орудия охоты и рыболовства: гарпуны, наконечники стрел и копий, кинжалы, рыболовные крючки и т.д., а также орудия для обработки кожи и кости. Выделялись сланцевые ножи (возможно, ритуальные), найденные в нескольких погребениях. Повышенный интерес вызывали жезлы в виде головы лося, скульптурные изображения змей, антропоморфные фигурки. В ряде погребений найдены кости животных: лося, медведя, оленя, бобра, волка, а также птиц. По ним можно судить об объектах охоты. Хозяйство погребенных имело промысловый характер и соответствовало укладу охотников и рыболовов лесной зоны. Основу составлял промысел лосей и оленей, а также озерное рыболовство.

Примечательно, что в могилах оказались и человеческие скелеты, черепа. Заметим, что даже в значительно более молодых памятниках Карелии ни кость, ни дерево не сохранились. Подавляющее большинство покойников положено на спину, 11 лежали на боку, а 5 – в скорченном положении. У них ноги сильно согнуты в коленях и подтянуты к груди, а кисти согнутых рук покоятся у подбородка.

Особенно удивили четыре необычайно глубокие могилы, в которых люди захоронены в вертикальном положении, почти стоя. Как правило, в каждой могиле встречалось только по одному покойнику, но в 16 их было уже по два, а в трех даже по три захоронения. В этих коллективных могилах взрослый человек, обычно женщина, лежит с ребенком, а в двух случаях – ребенок с ребенком. В одной из тройных могил захоронены дети (?), а в другой – мужчины, в третьей – мужчина с двумя женщинами. Вероятно, в каждом случае смерть наступала одновременно.

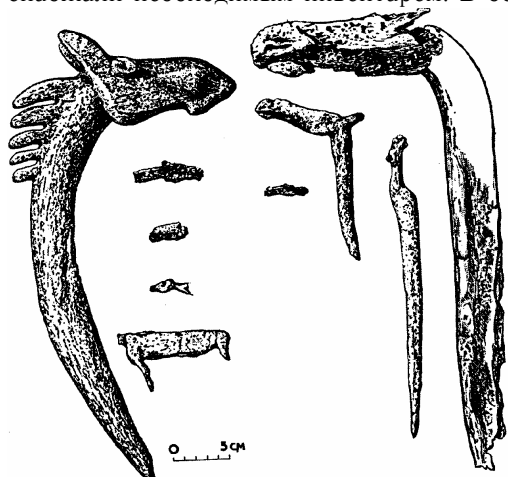
Антропологи, тщательно изучавшие костные остатки, установили не только пол, но и приблизительный возраст погребенных. В 49 могилах похоронены мужчины, в 37 – женщины. Оказалось, что в 73 погребениях покоились люди среднего и возмужалого возраста, в 23 – детского или юношеского и в 15 могилах – старческого. Средний рост мужчин достигал 171 см, максимальный – 182 см, у женщин соответственно 166 и 171 см. Когда расчищали скелеты (точнее, их остатки, так как многие из них сохранились все же плохо), то увидели, что зачастую они окрашены в красный цвет.

При погребении покойников обильно посыпали охрой – природной минеральной краской. Когда труп истлевал, краска переходила на кости и пропитывала их. Она окрашивала и почву в могилах, чем значительно облегчала их поиски и фиксацию. По-видимому, охра служила символом огня и крови. На стремление к солнцу, свету как будто указывает и положение покойников – головой на восток.

Скульптурные изображения людей и змей

В соответствии со своими представлениями о загробной жизни в потустороннем мире древние жители края соответственно и снаряжали сородичей в последний путь. Их не только нарядно одевали, но и снабжали необходимым инвентарем. В большинстве могил рядом с по-

Скульптурные изображения голов лося

койником лежали всевозможные вещи. В одних их много, по несколько десятков и даже сотен, в других всего единицы, в некоторых нет вообще. Всего в погребениях найдено 7132 предмета. Примерно 90% инвентаря из кости и рога. Подавляющее большинство находок (5527) – украшения (подвески из резцов лося, бобра, из клыков медведя, трубчатых костей, галек и т.д.). Их нашивали на одежду или подвешивали, возможно, прикрепляли к

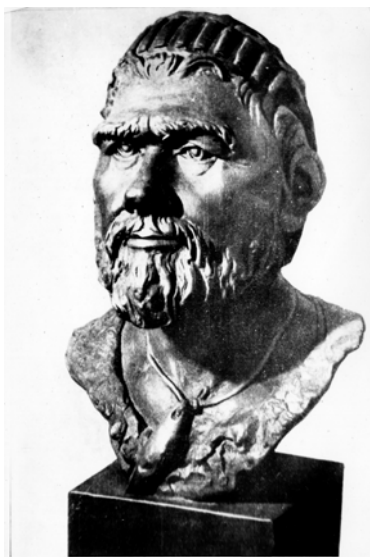
волосам. Из них же делались и ожерелья. Украшения охотно носили и женщины, и мужчины, для которых они могли служить и знаком особых заслуг, в частности, свидетельством охотничьего мастерства.

Представлены изделия из кости, рога и камня. По назначению среди них можно выделить орудия охоты и рыболовства (всевозможные костяные гарпуны с зазубринами), разнообразные наконечники стрел (каменные и костяные), рыболовные крючки, оригинальные кинжалы и кинжаловидные орудия. Один такой кинжал изготовлен из трубчатой кости, в которой сделаны пазы, заполненные плотно пригнанными друг к другу острыми кремневыми пластинками-вкладышами. Представлены орудия по обработке кости, дерева и кожи. Имеются кремневые ложила для заглаживания кожи, резцы, проколки, скребки и, наконец, ножи – длинные узкие кремневые пластины, обработанные по краю ретушью.

Особенно оригинальны ножи из сланца, представляющие собой тонкие и широкие отшлифованные пластины овальной формы с маленькими отверстиями у края, быть может, для привязывания к поясу. Конечно, такие ножи очень непрочные, хрупкие и использовались разве что для снятия шкур с убитых животных. Встречались также игольники, иглы для плетения сетей, различные стержни, костяные пластинки и непонятные по назначению изделия.

Присутствуют предметы искусства и культа. Это различные скульптурные изображения, обычно из кости. Среди них есть и исключительно выразительные по мастерству исполнения. Примером служит изображение головы лося, венчающего массивный костяной стержень. Две скульптурки указывают на почитание змей. Есть и человекоподобные фигурки. Их три. Особенно привлекательна двуликая янусовидная скульптурка человека — свидетельство довольно развитых мифологических представлений у древних оленеостровцев.

В самой богатой могиле оказалось свыше 400 вещей, тогда как в некоторых их нет вообще. Почему? Конечно, имущественного неравенства еще не было. Скорее всего, богатые могилы принадлежат вождям (шаманам) племени. И необычный способ захоронения (почти в вертикальном положении), и обилие вещей подчеркивали высокий статус умершего, его заслуги и особое отношение со стороны сородичей. Захоронения без вещей, возможно, принадлежали жителям еще не ставшими или не успевшими стать полноправными и почитаемыми членами общин. Скрупулезно изучали ученые многих специальностей каждую находку из Оленеостровского могильника и выясняли все новые подробности из жизни древних жителей края.

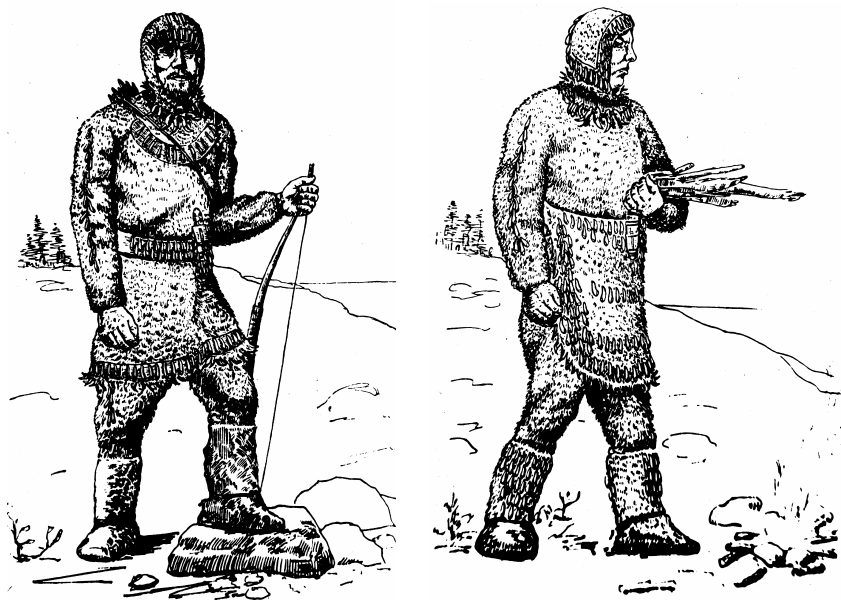

Физический облик оленеостровцев. Реконструкция М.М. Герасимова

Известный антрополог М.М. Герасимов по черепу воссоздал облик двух оленеостровцев — мужчины и женщины. Умершие, по

его мнению, принадлежали к архаичной восточной ветви европейского населения. Отмечалось присутствие у некоторых монголоидной примеси. В Карельском государственном краеведческом музее можно увидеть скульптурные портреты древних оленинцев. Многолетнее детальное исследование антропологических материалов из могильника выявило широкий спектр мнений о расовой принадлежности оленинцев. По расположению украшений на скелетах удалось восстановить костюм древних оленинцев. У мужчин и женщин он почти одинакового покроя и хорошо приспособлен к местным природно-климатическим условиям.

Могильник хранил и немало тайн. Одна из них – его возраст. Автор раскопок В.И. Равдоникас отнес его к середине II тыс. до н.э. А.Я. Брюсов, М.М. Герасимов, Н.Н. Гурина, Г.А. Панкрушев несколько удвинули датировку. В конце концов выяснилось, что Оленинцевский могильник возник еще раньше – до появления керамики – в мезолите. В.Ф. Филатова относит его к концу VII – началу VI тыс. до н.э. Столь значительное «удревнение» классического памятника позволяет по-новому оценивать его значение для реконструкции первоначального этапа заселения и освоения Северо-Запада России.

Реконструкция одежды оленинцев (по Н.Н. Гуриной)

Не менее сложно узнать, где же, в каких местах и поселениях жили люди, захороненные в могильнике. Могли ли они постоянно проживать на самом Оленьем острове? Он слишком мал, а во время функционирования могильника был еще меньше. К тому же поселиться пришлось бы вплотную к кладбищу. В.И. Равдоникас предположил, что Оленеостровский могильник оставлен охотничье-оленоводческим племенем, кочевавшим где-то между Онежским озером и Белым морем. Его стойбища не имеют сколько-нибудь значительного культурного слоя. На них не может быть керамики, не сохранились и следы жилищ, поскольку ими служили походные чумы, временные шалаши, шатры, скрытые в глубине лесов – в тайге.

Убедительных доказательств данному предположению так и не нашлось. Не выяснено пока время появления оленеводства в Карелии. Зато найдены сотни стоянок, принадлежавших рыболовам-охотникам. Они-то и создали этот некрополь, но откуда, с каких стоянок свозили сюда умерших – пока не вполне ясно. Установлено лишь, что он является частью местной онежской мезолитической культуры на ранней ее стадии и, видимо, функционировал не более 300–400 лет.

Следы оленеостровцев искали на соседнем 30-километровом Климонецком острове. На нем пока найдены лишь отдельные черепки, свидетельствующие о неоднократных посещениях острова в древности. Вспомнили и старые коллекции. Оказалось, что при раскопках стоянки Пески I под Петрозаводском А.Я. Брюсов нашел точно такие же сланцевые ножи, как и в могильнике, скорее одновременные. Здесь же при раскопках другой стоянки – Пески III – найден еще один подобный нож и очень похожий на оленеостровский кремневый наконечник стрелы. Видимо, названные находки, встречавшиеся не раз, близки по времени или даже одновременны могильнику. Но принадлежали ли они одному племени? Ведь расстояние между ними и могильником весьма значительное, и трудно представить, чтобы умерших из-под Петрозаводска доставляли на Олений остров (правда, история знает случаи гораздо более далеких транспортировок покойников).

Оставался ли островок безлюдным позднее? Оказывается, рядом с могильником есть и другой памятник – так называемая оленеостровская стоянка, занимающая большую площадь. При ее раскопках вскрыт ярко выраженный культурный слой мощностью до 60 см, а в нем 416 орудий и изделий из камня. Среди них топоры, тесла, стамески, долота, пилы, точильные бруски, шлифовальные плиты, наконечники стрел. Много отходов производства. Навряд ли здесь жили люди, которые захоронены в могильнике. Стоянка, содержащая неолитическую ямочно-гребенчатую керамику, найдена на соседнем Северном Оленьем острове, тоже небольшом, и обжитом, определенно уже после могильника.

НЕОЛИТ

Неолит приходится на середину – вторую половину атлантического периода. Отчетливо видно, как археологические эпохи становятся короче, как бы сжимаются и не совпадают с природно-климатическими периодами. Это отражение ускорения исторического развития, ослабления влияния физико-географической среды и возрастания социальных и духовных факторов в развитии общества. Конечно, резкие изменения среды обитания, будь то иссушение водоемов или быстрый подъем их уровня и другие стихийные явления природы, осложняли жизнь людей, влияли на размещение поселений.

Наскальные изображения, располагавшиеся непосредственно у уреза воды, тоже чутко реагировали на изменения климата и гидрологической обстановки. Так, подъем берегов и падение уровня воды в низовье р. Выг побуждали к освоению все новых и новых островов, расположенных ниже по течению, ближе к морю, – человек умел приспосабливаться к стихийным силам и капризам природы. Ни оттока населения, ни сколько-нибудь заметного уменьшения его численности, упадка культуры в связи с природно-климатическими изменениями на протяжении каменного века в Карелии похоже не наблюдается.

Неолитический период длился с начала V до начала III тыс. до н.э. в наиболее благоприятное по природным условиям время, на которое и приходится климатический оптимум. Самая ранняя – культура сперрингс – датируется началом V – первой половиной IV тыс. до н.э. (по другой версии – с середины V до середины IV тыс. до н.э.). В более северных и северо-западных районах бытует культура сярэйсьнеми I, относящаяся к концу V – середине IV тыс. до н.э. Ее рассматривают как северное ответвление сперрингс. Обе эти культуры выделены и названы в соседней Финляндии. Вторая из них изучена пока явно недостаточно.

Наскальное искусство в какой-то мере связано с культурой сперрингс, но главным образом с двумя последующими – ямочно-гребенчатой и гребеночно-ямочной керамики. Они бытовали с конца V до начала III тыс. до н.э. Стоянки названных культур найдены в районе и онежских, и беломорских петроглифов и будут рассмотрены по ходу знакомства с петроглифами Онежского озера и Белого моря.

Обилие стоянок по соседству, а порой и в непосредственной близости от петроглифов – весьма важная особенность, повышающая их ценность и привлекательность. Чем обоснованнее и убедительнее будут выделены поселения, предшествующие наскальным изображениям, синхронные им и возникшие после прекращения традиции их нанесения, тем увереннее можно будет судить о хронологии и периодизации петроглифов. Выяснение их возраста принципиально важно для изуче-

ния монументального наскального искусства не только Фенноскандии, но и всей Евразии, в частности проблемы его распространения и взаимодействия отдельных очагов.

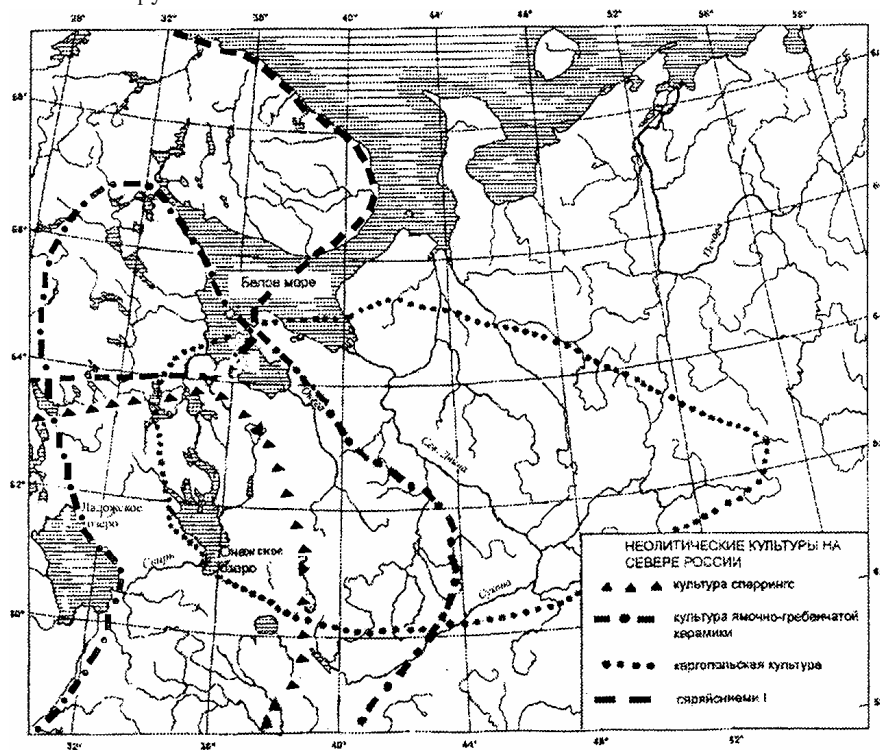
В южных областях Европы неолит связан с переходом к производящему хозяйству — земледелию и скотоводству, названному «неолитической революцией». Но лесной полосы Евразии, тем более северной ее части, она не коснулась. Здесь по-прежнему хозяйство оставалось присваивающим (промысловым), базирующимся на охоте, рыболовстве и собирательстве. Формы его со временем совершенствовались. Главным признаком неолита в лесной и лесостепной зонах, включая и территорию Карелии, становится керамика. Изобретение глиняной посуды (первого в истории искусственного материала) — одно из важнейших достижений человечества. В вылепленных руками из глины, обожженных на костре сосудах пищу можно было не только хранить, но (что особенно важно) и варить.

Сосуды обязательно украшались — покрывались орнаментом (зачастую по всей поверхности), ставшим важным этнокультурным признаком. При выделении археологических культур керамика выступает определяющим показателем. Как появилась глиняная посуда на территории Карелии? Связана ли она с новой волной заселения, или технология ее изготовления была заимствована позднемезолитическим населением в ходе культурных контактов и взаимодействий? Последнее не исключено, но главный импульс распространению здесь керамики дало появление населения, у которого глиняные сосуды стали неотъемлемой частью быта.

Самая ранняя неолитическая культура сперрингс, получившая свое название от одного из пригородов г. Хельсинки (Финляндия), сложилась в начале V тыс. до н.э., а к его середине широко распространилась на территории Карелии, где доживает до начала IV тыс. до н.э., когда постепенно вытесняется культурой ямочно-гребенчатой керамики. С ней она довольно долго находилась в тесном взаимодействии, особенно на позднем этапе. Благоприятное в климатическом отношении время (так называемого климатического оптимума), видимо, повлияло и на практику домостроения. Исчезают долговременные полуземляночные жилища. Предпочтение отдается легким наземным постройкам типа чумов.

Культура сперрингс возможно поволжского происхождения. Ее включают в зону ранненеолитических культур с гребенчато-накольчатой техникой в орнаментации керамики, охватывающую территорию от Каспийского моря до Кольского полуострова. В южной части данного ареала больше использовались тычково-накольчатые приемы орнаментации сосудов. И что еще важнее — начинается уже переход к производящему хозяйству (днепро-донецкая культурная общность). В северо-западных областях предпочитали гребенчато-отступающие приемы орнаментации. Хозяйство здесь оставалось присваивающим. Оригинальным и, похоже, чисто местным приемом стало использование в орнаментации сосудов

сперрингс оттисков позвонков рыб (окуня, сига и щуки). Видимо, это указывает и на возросшую роль рыболовства. Уже известно более 250 стоянок культуры сперрингс, которые подразделяют на три типа: небольшие, кратковременные сезонные стоянки площадью до 300 м², долговременные поселения площадью 250–600 м² со следами очагов, кострищ, хозяйственных ям; круглогодичные постоянные поселения площадью более 1000 м² с остатками очагов, кострищ, хозяйственных ям, иногда с какими-то каменными выкладками. Следы слегка углубленного в почву наземного жилища обнаружены лишь на одном из поселений на Водлозере. Оно выделялось пятном песка ярко-красного цвета 3,4х2,9 м. Выход обращен в сторону озера. В центре жилища на полу находился очаг, сложенный из некрупных камней.

Примерные границы неолитических культур на Севере России

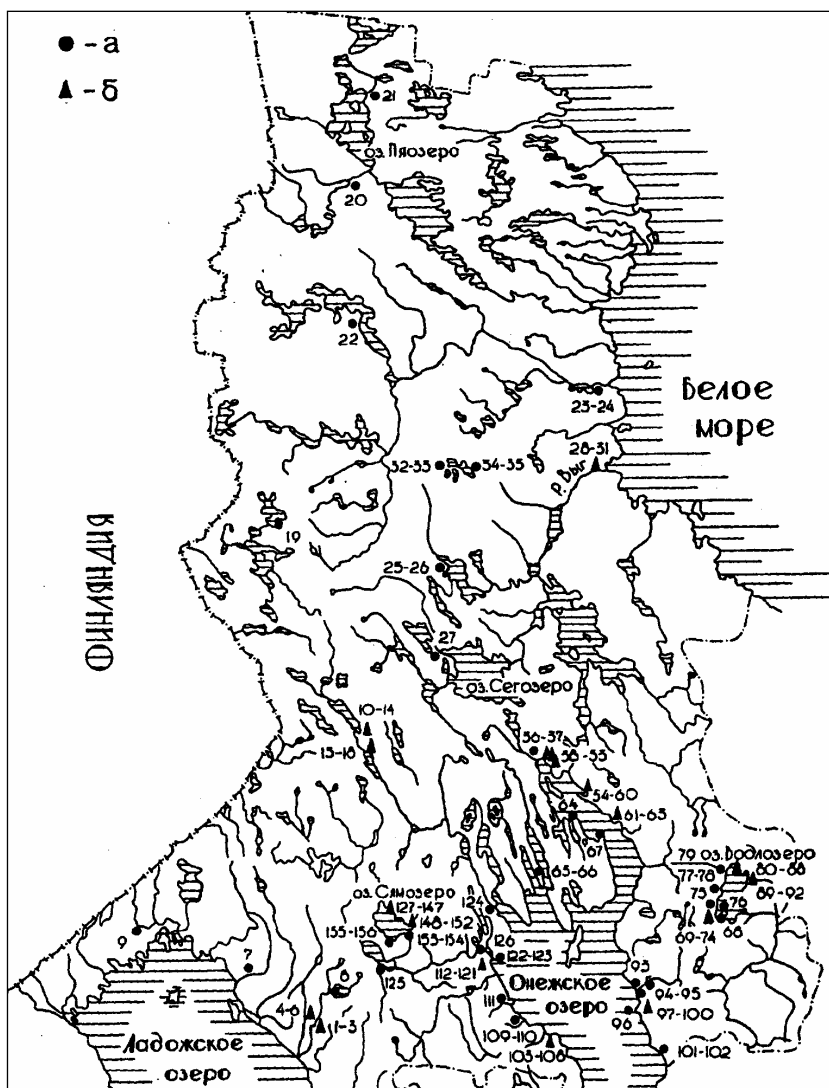
Из могильников культуры сперрингс самый известный – Сандермох около г. Медвежьегорска на северном берегу Онежского озера. В трех могилах сохранились мелкие фрагменты кальцинированных (обгорев-

ших) человеческих косточек. Всего раскопано 107 погребений, совершавшихся в ямах овальной и четырехугольной формы длиной до 2,3 и глубиной 0,15–1,55 м. При захоронении использовалась примесь охры. Изредка в верхней части заполнения положены небольшие валуны. Любопытно, что находок в могилах нет, за исключением нескольких сланцевых орудий и сланцевого кольца с насечкой. Какие сильные отличия от Оленеостровского могильника? Отчасти дело в плохой сохранности органики в погребениях Сандермоха (вспомним, что в Оленеостровском могильнике 90% – это изделия из кости и рога). Какие-то изменения произошли, видимо, в похоронном обряде. Показательно и то, что он располагается уже на коренном берегу и добраться до него гораздо легче, чем до островного Оленеостровского могильника.

В культуре сперрингс выделяют три хронологических этапа: ранний, развитый и поздний, финальный. На раннем этапе глиняных сосудов еще немного. Они покрыты простым орнаментом – из оттисков позвонков рыб, веревочных и гребенчатых штампов. На втором этапе (в середине V тыс. до н.э.) культура сперрингс распространяется по всей территории южной и центральной Карелии. Единичные поселения, раздвинувшие границы ее распространения на восток и юго-восток, найдены в Архангельской, Вологодской и Ленинградской областях. Сохранились фрагменты более 100 сосудов. Их орнаментация на втором этапе заметно усложнилась, появляются геометrizованные композиции, ощущается влияние ямочно-гребенчатой керамики. В финале (середина IV тыс. до н.э.) территория культуры сперрингс сокращается. При украшении сосудов оттиски позвонков рыб уже не используются. Всего сохранились черепки примерно от 2000 сосудов. Их можно подразделить на крупные диаметром 30–50 см, среднего размера диаметром 15–30 см и небольшие, порой миниатюрные сосудики чашевидной формы диаметром всего 5–12 см.

Основными элементами орнамента керамики сперрингс являются оттиски рыбьих позвонков; отступающие и прочерченные линии, отпечатки скрученных веревочки или шнура. Преобладают простые узоры, состоящие из горизонтальных поясов оттисков штампа, разделенных ямочными вдавлениями. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда.

Свои особенности имел и каменный инвентарь данной культуры. Ведущую роль в нем играли сланцевые рубящие орудия: топоры, тесла, стамески и долота. Вызывают интерес массивные кирки длиной 25–35 см, по форме напоминающие современные, которые применялись для земляных работ, а также для продельвания прорубей на водоемах (колки льда). Для изготовления небольших деревянных предметов, обработки кости и кожи использовались скребки, скобели, ножи, проколки и сверла из кремня, кварца и лидита (роговика). Широко распространились шлифовальные плиты и точильные бруски из сланца, кварцита и песчаника.

Неолитические памятники с керамикой сперрингс
 а – 1–2 памятника; б – больше двух памятников

По сравнению с мезолитом приемы обработки камня стали совершеннее. Появляются новые формы, в частности, упомянутые уже кирки, наконечники копий, сланцевые кольца, изделия для нанесения орнамента на глиняные сосуды. Встречаются глиняные скульптурки, включая изображения водоплавающих птиц, видимо уток. Аналоги им находятся во многих неолитических культурах лесной зоны Евразии. С появлением нового, более многочисленного населения с ямочно-гребенчатой керамикой местное раннеолитическое население полностью ассимилируется. На территории Финляндии культура сперрингс просуществовала до конца IV тыс. до н.э. и оказала влияние на формирование культуры гребенчато-ямочной керамики.

В северной Карелии в раннем неолите (конец V–IV тыс. до н.э.) существовала культура сярйясьнеми I, получившая свое название от финского селения на берегу озера Оулуярви в северной Финляндии. Памятники этой культуры известны в северной Норвегии и на Кольском полуострове. Считается, что она возникла на основе местной мезолитической культуры комса. К середине IV тыс. до н.э. ареал ее достиг максимума. В отличие от сперрингс, в орнаментации керамики преобладали оттиски гребенчатых штампов. Оттиски рыбьих позвонков в ней вообще не представлены. На территории Карелии известно более 50 стоянок данной культуры. Они распространяются в основном по берегам внутренних озер и рек. Площадь их от 300 до 2000 м². Следов углубленных в землю жилищ не выявлено. Неизвестны и погребения.

Все найденные при раскопках черепки относятся примерно к 80 сосудам. Это крупные горшки яйцевидной формы, изготовленные тем же способом налепа встык. В орнаменте преобладают простые зональные композиции из оттисков гребенчатых штампов и ямочных вдавлений. Каменный инвентарь включает орудия и изделия из кварца, кремня, кварцита: скребки, сверла, проколки, наконечники копий, шлифовальные плиты и бруски. Изредка попадались топоры, долота, стамески. Видимо, данное население приняло какое-то участие в формировании позднеолитической культуры гребенчато-ямочной керамики.

Можно считать установленным, что зарождение и развитие традиции наскального творчества больше всего связаны с другой археологической культурой – ямочно-гребенчатой керамикой. Прежде считалось, что она распространилась в Карелии из Волго-Окского междуречья. Более вероятной представляется гипотеза о ее северном, местном происхождении. С конца V тыс. до н.э. она занимает территорию, примыкающую к Онежскому озеру с юга и юго-востока и представляет «следующий во времени культурный тип эпохи неолита». Культура ямочно-гребенчатой керамики Карелии входила в обширный культурно-хронологический пласт, сменивший культуры

с гребенчато-накольчатой керамикой. Эти новые культуры простирались от северной Украины до Кольского полуострова и от восточной Прибалтики до Прикамья. Их известно около десятка, и во всех при орнаментации керамики использовались узоры из ямок и оттисков гребенчатых штампов (каргопольская, льяловская, белевская, балахнинская и др.).

В культуре ямочно-гребенчатой керамики Карелии выделяют два этапа. Ранний (конец V – середина IV тыс. до н. э.) представлен археологическими памятниками юго-восточной Карелии и Белозерья. Следов полужемлянок не обнаружено. Для орнамента сосудов типичны правильные и аккуратные горизонтально-зональные узоры из ямок и оттисков торца палочки (или скорее кости). Второй этап приходится на вторую половину IV и начало III тыс. до н.э. Теперь памятники с ямочно-гребенчатой керамикой распространяются уже почти по всей территории Карелии. Появляются полужемляночные жилища, что связывают с некоторым увлажнением и похолоданием климата. Орнамент усложняется. Всего известно более 200 памятников данной культуры, представленных главным образом поселениями. Они двух типов.

Для раннего этапа характерны долговременные стоянки площадью 1500–3000 м². На некоторых из них при раскопках найдены фрагменты от сотен сосудов (больше всего на стоянке Черная речка – до 800). Второй тип поселений – кратковременные сезонные стоянки площадью 200–400 м². Только на двух найдены остатки полужемляночных жилищ. Они прямоугольной формы, углубленные в грунт на 0,1–0,2 м, площадью 40–50 м², с выходами в виде узких коридоров в сторону водоема. Внутри на полу очаги и кострища. Встречались и каменные кладки неясного назначения, хозяйственные ямы глубиной от 0,2 до 1,5 м, диаметром от 0,5 до 2,5 м.

К культуре ямочно-гребенчатой керамики относится могильник Кладовец, расположенный на том же мысу, что и одна из групп онежских петроглифов (на оконечности мыса Кладовец). Всего вскрыто 11 могил размером от 1,8х0,5 до 2,6х1,2 м и глубиной 0,17–0,5 м, заполненных ярко-красным (от примеси охры) песком. В одной из могил сохранилась фаланга человеческого пальца. Видимо, умерших укладывали на спину и присыпали охрой. Находок в могилах немного, возможно, они (особенно, если изготавливались из органических материалов – кожи, кости, дерева) не сохранились.

При раскопках стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой найдены остатки 2500 сосудов. Четко выделяются горшки полуяйцевидной формы с прямыми и слегка выпуклыми стенками и округлым или округло-коническим дном, а также миски или чашки полусферической формы с округло-уплощенным дном. Встречаются и довольно крупные сосуды диаметром 31–45 см и совсем небольшие (даже миниатюрные), диа-

метром от 2 до 17 см. На внешней и внутренней поверхности некоторых имеются следы нагара — лучшее свидетельство того, что их использовали для варки пищи. Изредка встречались неорнаментированные (типа каргопольских) сосуды. Для нанесения орнамента использовались специальные инструменты из сланца и кости. Ими наносились круглые ямки и гребенчатые отпечатки. Встречались и весьма своеобразные изделия из глины, возможно амулеты. Это плоские диски диаметром 5–10 см или же обломки округлых в основании предметов диаметром 2–4 см.

Весьма разнообразен и богат каменный инвентарь, орудий охоты мало. Преобладают инструменты для разделки добычи и обработки шкур, изготовленные из кремня. При работе по дереву широко использовались топоры, тесла, долота из сланца, а для изготовления каменных орудий — пилы, отбойники, сверла, ретушеры и большое число абразивов из сланца, песчаника, кварцита, гранита и кремня. Орудия рыбной ловли (грузила из сланца и грузики) встречались довольно редко. Поздний (финальный) этап культуры изучен еще недостаточно. Население с ямочно-гребенчатой керамикой прежде многие исследователи относили к протофинно-угорскому. Теперь этот вывод кажется излишне категоричным, слабо аргументированным.

Поздний неолит в Карелии представлен культурой гребенчато-ямочной керамики, которая появляется здесь, видимо, в конце IV тыс. до н.э. Известно свыше 70 памятников, в основном на северо-западном побережье Онежского озера и в бассейне Сямозера в юго-западной Карелии. На постоянных поселениях появляются полуземляночные жилища. Хозяйство по-прежнему оставалось промыслово-присваивающим, основанным на охоте, рыболовстве и собирательстве.

Местом формирования гребенчатой керамики иногда называют Карельский перешеек, откуда она распространилась по обширной территории. Ее включают в культурно-хронологический пласт древностей от Прибалтики до Урала и от лесостепной полосы до Белого моря — это несколько археологических культур: деснинская, мстиоловская, прибалтийская. Их сближает прежде всего сходство в орнаментации глиняной посуды.

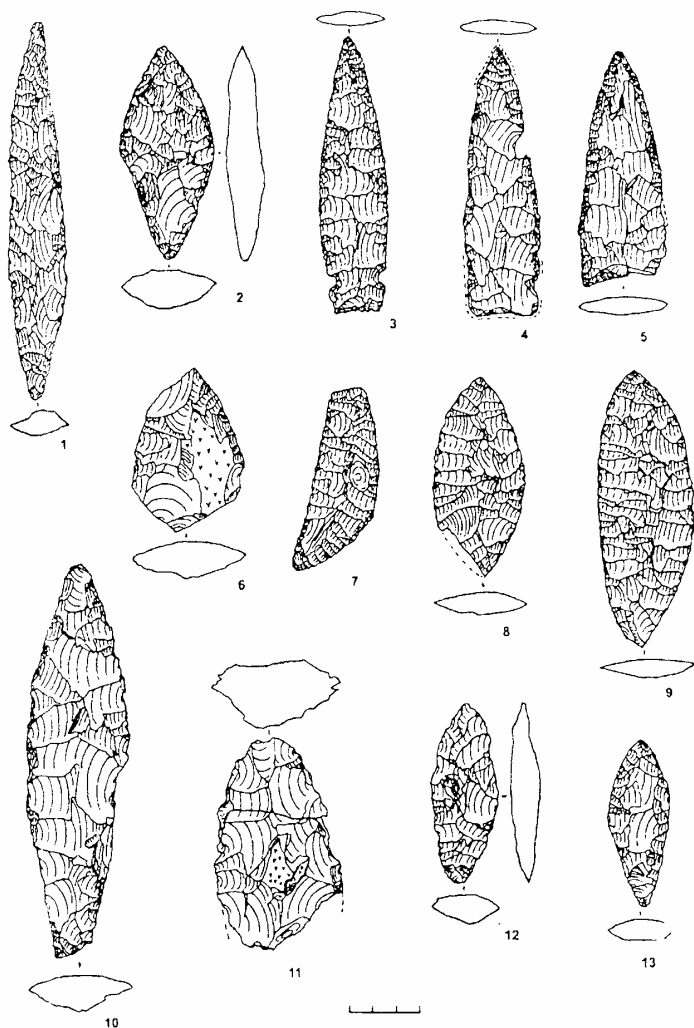
В позднем неолите на западе Карелии распространяются поселения с гребенчато-ямочной посудой, по мнению В.Ф. Витеновой, наиболее близкой «типичной гребенчатой керамике Финляндии и восточной Прибалтики». В конце IV тыс. до н.э. эта культура проникла в южную и центральную части Карелии. И в ней главным образом по изменениям в орнаментации керамики можно выделить два этапа. Любопытно, что на многих поселениях в культурном слое встречается также ромбоямочная керамика. Такое сосуществование объясняется тем, что ромбоямочная посуда появляется почти в то же время, что и гребенчато-ямочная, но обе развиваются самостоятельно. Гибридных форм совсем мало.

Между культурой ромбоямочной керамики (истоки которой находят в бассейне верхней Волги и Волго-Окском междуречье) и гребенчато-ямочной четкой территориальной границы не прослеживается. Время их бытования — конец IV — первая половина III тыс. до н. э. Стоянки располагаются на боровых террасах, как правило, по берегам больших и малых озер, в устьях рек, у порогов и протоков между озерами. На побережье Онежского и Ладожского озер они порой находятся на удалении до 1 км от современной кромки берега и на высоте до 12 м над уровнем воды. Известны долговременные поселения площадью свыше 1000 м² с остатками жилищ и летние стойбища без признаков жилищ площадью менее 1000 м². Жилища представляют собой полуземлянки прямоугольной или квадратной формы размером 6–8х4–7 м и глубиной 0,4–0,6 м с одним или двумя выходами-коридорами и несколькими очагами. Стены жилища (сруб) сложены из бревен. На стоянке Лакшезеро II на Сямозере обнаружен очаг для обжига глиняной посуды. Он располагался в яме размером 1,8х1,6 м и глубиной 0,6 м. Стенки и дно ямы были выложены камнями, на которых имелись следы огня. Внутреннее пространство заполнено углями и охрой.

Всего на поселениях найдены черепки от более чем 300 сосудов. Как правило, это крупные, толстостенные горшки диаметром 40–50 см. В качестве примеси к глиняному тесту использовалась дрсва, изредка — органика. На внутренней части сосудов нередко прослеживаются расчесы от заглаживания стыков лент, образующихся при лепке горшков. Все сосуды круглодонные, орнаментированы отрисками многозубого гребенчатого штампа и ямками цилиндрической, овальной и прямоугольной форм. На раннем этапе в орнаменте преобладают геометрические и простые горизонтально-зональные узоры, образующие ромбы, косые полосы, треугольники, зигзаги. На позднем этапе появляются более сложные узоры: зигзагообразные полосы, сложные узоры из треугольников.

В каменном инвентаре примерно тот же набор орудий и изделий. В технике изготовления бытуют традиционные приемы и способы: сверление, шлифование, пиление, оббивка. В качестве сырья использовались кварц и сланец. Кремень применялся значительно реже. Среди крупных сланцевых рубящих орудий выделяются топоры и тесла, появляются киркообразные орудия или клинья для работы по дереву и для пробивания льда. Типичны скребки, овальные или ромбовидные наконечники стрел, ножи для разделки мяса, сверла для работы по кости, дереву и камню.

Специальные трасологические исследования следов работы показали, что почти все обломки сланцевых и кремневых орудий (например, те же наконечники стрел) применялись в трудовых операциях вторично, использовались осколки и отщепы кварца, кремня, лидита. Украшениями служили подвески из яшмы, сланца и шифера, а также сланцевые кольца.

Каменные орудия эпохи неолита и раннего металла. Бифасы.

1–5, 8, 13 – наконечники дротиков; 7, 9 – двусторонне обработанные ножи; 6, 10–12 – заготовки бифасов; 9, 12 – культура ямочно-гребенчатой керамики (9 – Оровनावолок IV; 12 – Черная Речка VI); 2, 6, 7, 8, 13 – памятники с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой (2, 8 – Черная Губа IV; 6, 7, 13 – Вигайнаволок I). 1, 4, 10 – культура асбестовой керамики (1, 10 – Войнаволок XXVII; 4 – Тунгуда V). 3, 5, 11 – культура сетчатой керамики (3 – Горелый Мост VIII, 5 – Горелый Мост VI, 11 – Усть-Водла II); 1, 10 – лидит; 2–9, 11–13 – кремень

На смену культуре с ромбоямочной приходит культура с асбестовой керамикой. Ряд исследователей, прежде всего И.Ф. Витенкова, полагают, что с появлением стоянок с ромбоямочной керамикой связан новый период в древней истории края — энеолит, отмеченный началом использования самородной меди. Наблюдаются изменения в составе, ассортименте и технологии каменного инвентаря и, наконец, в орнаментации керамики.

Энеолит и бронзовый век можно объединить в один этап — эпоху раннего металла. Он навряд ли как-то связан с петроглифами, но дать представление о нем необходимо, чтобы лучше понять, когда, как и почему прервалась и забылась традиция выбивок на прибрежных скалах Карелии. Открытие металла и его использование вызвали глубокие изменения в жизни людей, ускорили весь ход исторического развития.

Обладая более высокой производительностью, металлические орудия привнесли много нового в земледелие, ремесла, военное дело, быт. Сказались они и на общественных отношениях, в социальной сфере. Население Карелии приобщалось к металлу поэтапно. Важно, что здесь возник свой, местный, очаг добычи и использования самого первого, открытого человеком металла — самородной меди, однако решающей роли в дальнейшем развитии края он все же не сыграл. Бронзовые и железные орудия и изделия в последующие периоды уже были заимствованы или принесены сюда пришлым с юга и особенно с востока населением. Довольно поздно в этих отдаленных северных районах стали заниматься земледелием и животноводством.

ПЕРИОД РАННЕГО МЕТАЛЛА

На территории Карелии данный период приходится на время от середины III до середины I тыс. до н.э. Первые медеплавильни возникли на территории Передней Азии, Кавказе и Балканах — районах, богатых медными рудами. Поначалу медь обрабатывали методом холодной или горячейковки. В Карелии медь встречалась в качестве самородков весом до десятков килограммов. Это довольно мягкий металл, легко поддающийся обработке методом оббивки на каменных наковальнях. Самородная медь встречается в Заонежье.

Энеолит Карелии подразделяют на два периода: ранний и поздний. Начинается он с появлением и распространением орудий и изделий из меди. По геологической периодизации это суббореальный период.

Другой признак энеолита наряду с использованием местной самородной меди — распространение ромбоямочной керамики. На данном этапе еще ощущается связь с предшествующими неолитическими культурами (и в керамике, и в каменном инвентаре, и в характере и размещении поселений). Типично энеолитической является посуда с примесью асбеста и органики, так называемого «классического» типа, имеющая сходство с позднеэнео-

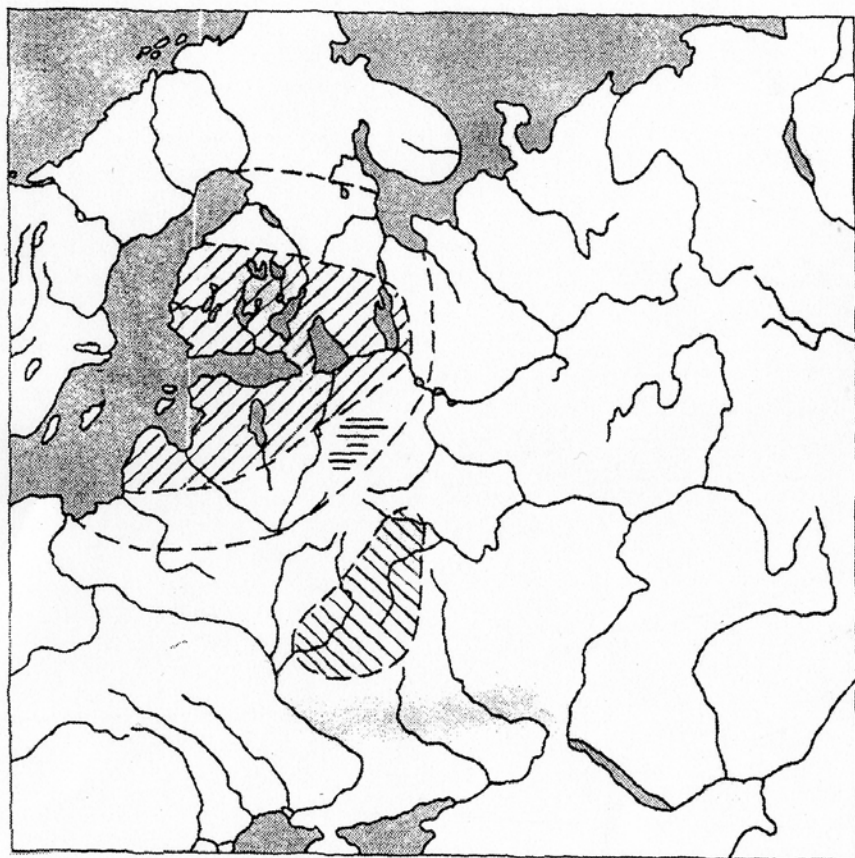
тической гребенчатоямочной керамикой и бытующая с середины III по первую половину II тыс. до н.э.

Появились жилища — полуземлянки, сланцевые изделия восточно-балтийских типов и янтарные украшения. Началось использование местной самородной меди. Бронзовый же век связан с последующей культурой сетчатой (текстильной) керамики и притоком нового населения на территорию Карелии с юга из бассейна верхней Волги во второй половине II тыс. до н. э. Культура сетчатой керамики оставила весьма заметный след в дописьменной истории Карелии. Она почти по всем признакам отличается от предшествующих, является пришлой, прекратившей широкое проникновение посуды и других вещей восточно-балтийских типов. Теперь складывается другой тип расселения, исчезают жилища — полуземлянки, прекратилось использование местной меди. Но петроглифы в это время, видимо, уже не функционировали, хотя о них, вероятно, знали.

Местная культура ромбоямочной керамики входила в довольно обширную культурную общность с ромбоямочной керамикой от озера Ильмень на западе до верховьев р. Оки на востоке и от верхнего течения р. Десны на юге до низовья р. Выг на севере. Одни считают, что в Карелии эта новая культура появилась на местной неолитической основе и, возможно, имеет преемственную связь с культурой ямочно-гребенчатой керамики. Другие ищут ее истоки в области верхнего и среднего течения р. Десны, где существовали белевская и деснинская археологические культуры. Там подобный орнамент появился еще в IV тыс. до н.э.

В Карелии культура ромбоямочной керамики приходится на конец атлантического — начало суббореального периода, время, отмеченное заметным похолоданием. Природные условия стали суровее, что вызвало более широкое использование на поселениях зимних полуземляночных жилищ. В настоящее время известно свыше 200 поселений, расположенных на песчаных береговых террасах высотой 1,5 м над уровнем воды (Онежское озеро, Сямозеро, Водлозеро, озера Березовое и Тунгудское, реки Шуя, Выг, Черная). Площадь поселений колеблется от 20 м² до 10 тыс. м². На некоторых прослеживаются жилищные впадины. Раскопки показали, что основания жилищ, углубленные в почву, имели четырехугольную форму, площадь от 16 до 96 м², выход в сторону водоема. В центре жилища или же ближе к выходу располагался очаг (или кострище) овальной либо круглой формы, слегка углубленный в песчаный пол. Отмечается сходство таких строений с жилищами предшествующей культуры гребенчато-ямочной керамики. Найдены следы хозяйственных построек, жилища-мастерские (стоянки Илекса I, Пегрема III), каменная кладка (ящик) из кварцевых плит размером 0,4 × 0,4 × 0,25 м, видимо, для обработки самородной меди.

Судя по кусочкам меди и остаткам медных изделий, а также обломку тигелька, рядом, на стоянке Пегрема III занимались плавкой меди. Встречались каменные кладки, хозяйственные ямы, очаги и кострища.

- ▧ – культура гребенчато-ямочной керамики
- ▨ – культура ромбоямочной керамики
- ▩ – мстинская культура
- ▤ – граница культур волосовского типа

Распространение археологических культур позднего неолита – энеолита

В находках преобладает керамика. Всего найдены фрагменты от 2000 сосудов, которые изготавливались тем же способом налепа глиняных лент. Сосуды подразделяются на три группы: преобладают крупные диаметром 25–45 см, средних размеров диаметром 10–25 см и миниатюрные чашечки (горшочки) диаметром 5–10 см. Сосуды толстостенные (0,8–1 см). Венчики их плоские, скошенные внутрь и так же, как и стенки, орнаментированные. Основным элементом орнамента являются ромбические и овальные ямки разных размеров и очертаний и оттиски различных гребенчатых штампов. Орудия изготавливались в основном из местных пород – кварца, сланца, лидита. Использовался и привозной

Разнообразен состав рубящих орудий: топоры, тесла, стамески, желобчатые долота, кирки и киркообразные орудия, клевцы (изделия ромбовидной формы с отверстием в центре). Все они изготавливались, как правило, из сланца. Скребушие, режущие и колющие орудия (скребки, ножи, скобели, проколки, сверла, резцы) сделаны из отщепов случайной формы кварца, лидита и кремня. В целом их не так много. Применялись шлифовальные плиты, бруски и пилы из сланца, песчаника и кварцита.

В качестве украшений использовались сланцевые подвески с просверленными отверстиями, кольца и их заготовки в виде оббитых сланцевых дисков. Каменный инвентарь имеет много общего с инвентарем стоянок предшествующего периода. Отмечается распространение таких орудий, как клевцы, круммеисели, желобчатые долота. Главное новшество – это все же изделия из меди. Основная часть из них найдена при раскопках в Заонежье, в районе Пегремы: медные пластинки, колечко, обломки проколов, нож, кусок кованой меди. Все они из сырья местного происхождения. Понятно, что большинство изделий из меди в силу ряда причин до нас не дошло.

Изобразительное искусство представлено мелкой глиняной пластикой – зоо- и антропоморфными изображениями на глиняных сосудах. Известны обломки скульптурок птиц, животных, змей и человека. Любопытно, что часть из них крепилась на венчиках горшков. На сосудах изображены водоплавающие птицы. По всему видно продолжение позднелитических традиций в изобразительном искусстве.

Хронология и периодизация культуры ромбоямочной керамики опираются на изменения в технологии изготовления, но главным образом в украшении керамики. На раннем этапе превалирует сплошная орнаментация ромбическими и овальными ямками, а также горизонтально-зональные орнаменты из ямок и отпечатков гребенчатого штампа. На позднем орнамент усложняется, появляется геометрический узор. В целом же существенных изменений ни в образе жизни, ни в домостроении, ни в металлообработке, ни в каменном инвентаре не произошло. Все еще сохраняются преемственность и верность традиции.

Во второй половине III тыс. до н.э. и первой половине II тыс. до н.э. на территории Карелии появляется археологическая культура с классической

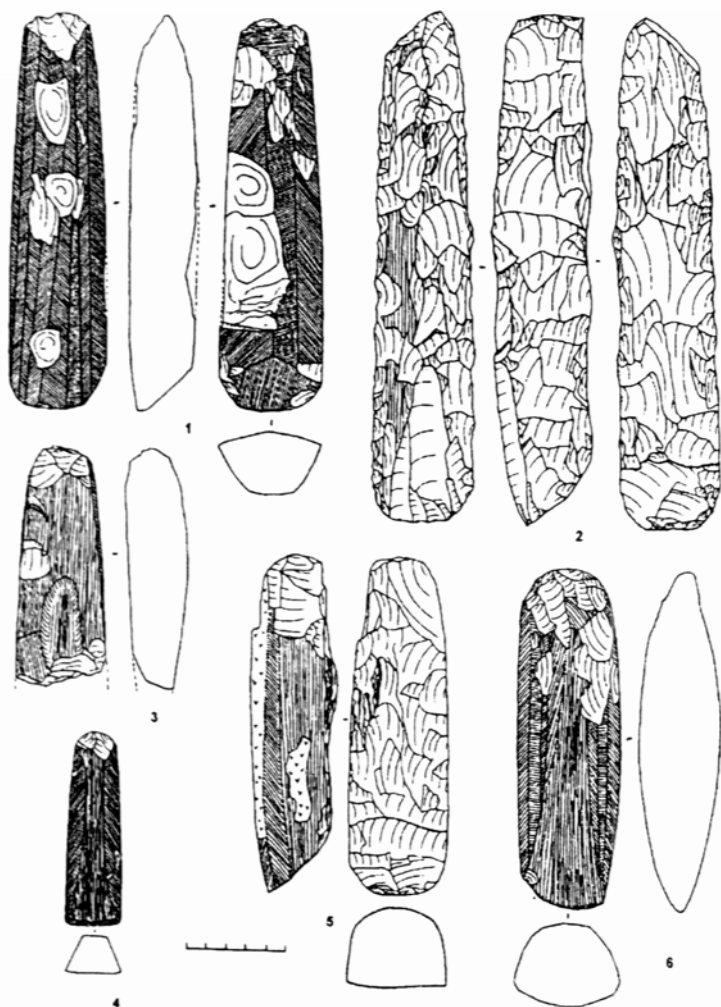
асбестовой и пористой керамикой, специфическим признаком которой является использование в качестве примеси к глиняному тесту толченого асбеста и органики. Асбест – местный материал, и за пределами Балтийского щита он, кажется, не встречается. На соседних территориях в позднем энеолите бытовали культуры с керамикой, имевшей органическую примесь в глиняном тесте (например, пух и помет птиц). Крупнейшей из них была волосовская, оказавшая опосредованное влияние и на формирование культуры асбестовой керамики в Карелии (своими корнями связанной с местной культурой гребенчато-ямочной керамики).

Культура асбестовой керамики существовала до середины II тыс. до н.э. в суббореальный период голоцена, на протяжении которого выделяются три климатические фазы. Во время первой наблюдалось раннесуббореальное похолодание, произошло увеличение влажности. Доля еловых лесов возрастает, широколиственных пород снижается. Во время второй фазы число широколиственных пород вновь увеличивается. В заключительной, позднесуббореальной фазе широколиственные породы полностью исчезают.

Известно более 230 поселений с асбестовой керамикой. Встречаются они и в районе петроглифов – в низовье рек Выг и Черной. Как и прежде, стоянки располагаются в устьях рек, на мысах, берегах заливов (не только песчаных, но и каменистых), иногда на озовых грядах. Их скопления найдены в устье р. Выг. В целом система расселения людей оставалась прежней. В развитии асбестовой культуры выделяют три этапа.

На первом (середина – третья четверть III тыс. до н.э.) в орнаменте керамики еще сохраняются позднеэнеолитические традиции. Продолжается обработка самородной меди методом холоднойковки. В каменном инвентаре появляются новые типы орудий. Развивается обмен, поступают янтарные украшения. На втором этапе (третья четверть – конец III тыс. до н.э.) на сосудах исчезают геометрические композиции. Ямочные вдавления, сочетания разных элементов становятся редкостью. Еще одно новшество – появление сосудов с плоским дном – свидетельство использования в быту стола. Осваиваются плавка и горячаяковка самородной меди. На заключительном, третьем, этапе (конец III – середина II тыс. до н.э.) преобладают плоскодонные сосуды.

Поселения подразделяются на круглогодичные площадью от 150 до 300 м² и сезонные. На постоянных найдены остатки как наземных, так и полуземляночных жилищ с очагами, кострищами, хозяйственными ямами. Жилища спасали от холода в зимний период. На летних стоянках следов полуземляночных жилищ нет. Редки и орудия, и изделия из камня. Сланцевых рубящих орудий, шлифовальных плит мало. Обнаружены и стоянки-мастерские, на которых велось изготовление сланцевых орудий.

Орудия русско-карельского типа. Культура асбестовой керамики

1 – желобчатое тесло (без вышлифованного желоба); 3 – желобчатое тесло, обломок; 4 – тесло; 6 – топор (применялся в качестве мотыги); 2, 5 – заготовки желобчатых тесел на стадии шлифования; 1–3, 5 – Войнаволок XXVII; 4 – Черная Губа IX; 6 – Фофаново XIV; 1–6 – алевролит, сланец

Среди раскопанных жилищ преобладают полуземляночные. Они двух типов. Прежде всего это прямоугольные в плане постройки с двумя выходами, двумя-тремя кострищами. Площадь их от 22 до 123 м². Второй тип – сооружения квадратной или прямоугольной формы площадью от 9 до 42 м², с одним выходом и одним кострищем или очагом. Основу составлял бревенчатый сруб, который перекрывался двускатной крышей, опирающейся непосредственно на землю. Жилища углублялись в грунт на 15–80 см и представляли собой шалашевидные постройки. Одновременно функционировали от одного до трех жилищ. Наземные жилища обнаружены пока только на двух стоянках. От них остались лишь плотные пятна красно-коричневого песка размером 2,5–4 × 3–8 м (стоянка Кереть V). При раскопках жилищ встречались кострища, очаги и хозяйственные ямы. Кострища имели размеры от 0,6 × 0,7 до 1,8 × 2 м и располагались против входа.

Следы погребений обнаружены только в двух местах – на стоянках Залавруга II и Путкинская I (Беломорский и Кемский районы). На поселениях с асбестовой керамикой найдены фрагменты от более чем 1000 сосудов. В качестве примеси-отощителя к глиняному тесту добавлялись не только толченые волокна асбеста, но и птичий пух, толченые раковины, растительная труха (кора?), редко толченая кость, шамот и дресва. Сосуды изготавливались ленточным способом, путем соединения лент встык с последующим заглаживанием стенок. Обычно они среднего размера, диаметром 20–30 см. Встречаются и крупные, диаметром 35–50 см, и небольшие горшочки и чашечки диаметром менее 20 см.

Форма горшков полуяйцевидная или баночная. Напомним о появлении плоских днищ, особенно на финальной стадии. Основными элементами орнамента служили ямки, отпечатки торца трубочки, оттиски гребенки, прочерченные линии, веревочные вдавления, отпечатки края ногтя и оттиски отступающей палочки. Характерными стали композиции из поясов вертикального («елочка») и горизонтального зигзагов, горизонтальных и косых линий, оттисков гребенчатых штампов и ногтевых вдавлений. Среди геометрических узоров представлены: ромбы, заштрихованные треугольники и сложные узоры из геометрических фигур.

Обработка камня достигает расцвета. Совершенствуется форма орудий, и особой тщательностью отличается шлифовка сланцевых орудий. По функциональному назначению в каменном инвентаре выделяется несколько типов. Прежде всего это орудия охоты: наконечники стрел, дротики и копья из кремня, лидита и сланца. Орудий рыбной ловли мало. Представлены они сланцевыми грузиками с канавками для привязывания лески и каменными грузилами для сетей. Для обра-

ботки дерева широко использовались топоры и тесла, стамески и долота, а при выделке орудий из камня и кости — шлифовальные плиты, точильные бруски, пилы и отбойники из сланца, кварцита и песчаника. Больше всего скребущих, режущих и колющих орудий и изделий из кремневых и лидитовых отщепов. Это сверла, проколки, ножи, скребки, скобели, резцы. Встречались и «орнаментеры» — изделия для нанесения гребенчатых штампов, изготовленные из сланцевых и кварцевых плиток.

Прослеживаются связи с населением культуры шнуровой керамики, проникшей на территорию Финляндии в конце III тыс. до н.э. Свидетельство тому — находки ладьевидных топоров из сланца. Высказано мнение, что «в целом каменный инвентарь культуры асбестовой керамики не находит аналогов в предшествующих комплексах с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой. Наибольшее сходство в формах орудий наблюдается с памятниками волосовской культуры».

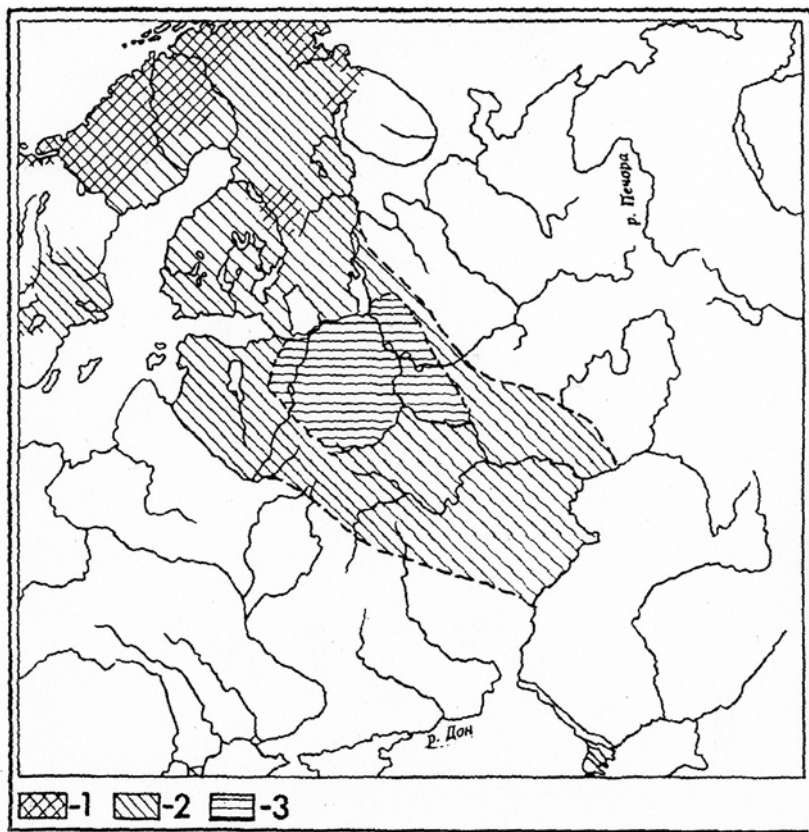
Одно из главных достижений носителей культуры асбестовой керамики в Карелии — освоение плавки и горячейковки самородной меди. Найдены медные предметы и изделия и глиняные тигли, необходимые при металлообработке. Из местной самородной меди изготавливали пластинки различной формы, проколки и заготовки для орудий. Обнаружено несколько изделий из кости. Это три стамески и обломок кинжала (аналог ему можно найти на поселениях восточной Прибалтики). Во второй половине III тыс. до н.э. в Карелию стали поступать янтарные украшения из восточной Прибалтики, в частности широко распространенные пуговицы и подвески.

Находили также глиняные и кремневые скульптурки. Антропоморфные скульптурки имелись на венчиках сосудов (друг напротив друга). На голове каждой из них есть ямки, в которые при желании могли вставлять небольшие перья или веточки. Кремневые фигурки изображают людей, животных, птиц, пресмыкающихся. Появление мелкой кремневой пластики связывают обычно с влиянием волосовских древностей, где она широко представлена. Глиняная же пластика, похоже, продолжает традиции, сложившиеся у населения с ромбоямочной и гребенчато-ямочной посудой.

На смену культуре асбестовой и пористой керамики приходит культура сетчатой керамики эпохи бронзы. Она начинает распространяться на территории Карелии примерно с середины II тыс. до н.э.

В бронзовом веке отмечен новый приток населения, возможно, даже в виде нескольких волн. И о бронзовом, и о раннем железном веках мы расскажем предельно кратко и только для того, чтобы не прерывать связь времен. Она важна для понимания заявленной нами темы — наскального искусства Карелии. Традиция его

была длительной, но не бесконечной. Вслед за ее расцветом наступает его упадок, а затем и забвение. Но поскольку петроглифы в основной своей массе оставались все время на виду у местного населения, невольно возникает вопрос: а как оно к ним относилось? Как воспринимало и интерпретировало? Связаны ли с ними какие-то более поздние представления?

Ареал древностей с сетчатой посудой бронзового – раннего железного веков на Севере Европы

1 – «вафельная керамика», 2 – сетчатая керамика, в – сетчатая керамика на раннем этапе

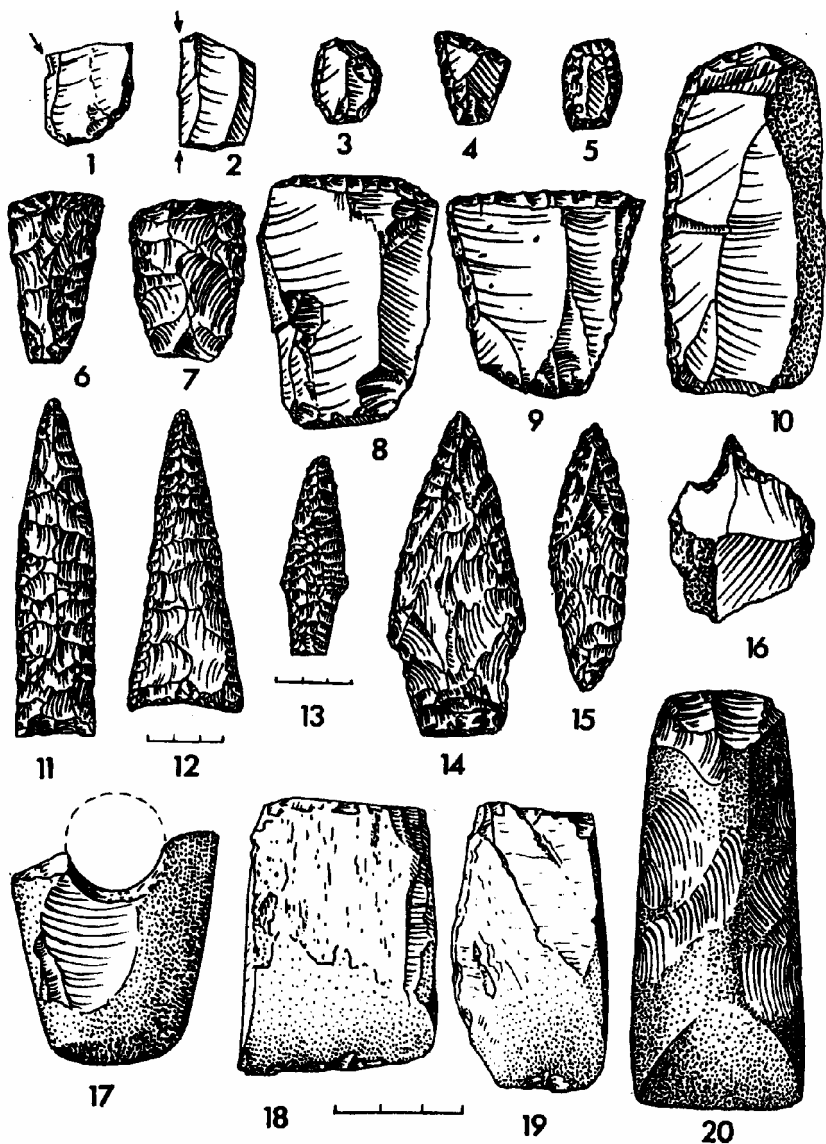
Напомним, что в III–I тыс. до н.э. в южных районах Евразии начинают использовать орудия и изделия из бронзы. Бронза – это сплав

меди с оловом (иногда мышьяка и сурьмы). Олово придавало твердость бронзе, и чем больше примесь олова, тем тверже бронза. Другое ее достоинство и преимущество – легкоплавкость. Вспомним, что медь плавится при температуре 1084°C, а бронза – при 700°C. Металл можно было выплавлять в углубленных в землю ямах-кострах. Такие ямы послойно загружали древесным углем, медной и оловянной рудой, а затем разжигали костер. Готовый сплав подвергали проковке, очищавшей его от ненужных наростов. Затем бронзу можно было использовать для выделки орудий и изделий. Позднее появились примитивные печи.

Технология литья орудий и изделий из бронзы со временем усложнялась. Использовались специальные формы из плиток сланца, песка, известняка. В них вырезалась нужная форма и заливалась расплавленным металлом. Порой формы состояли из разъемных створок, полых внутри и точно определявших форму нужного предмета. Появление бронзовых орудий оживило торговые связи, облегчило освоение слабо заселенных территорий, способствовало повышению продуктивности охотничье-рыболовецкого промыслового хозяйства, усиливало стабильность жизни, укрепляло контакты с восточными и южными соседями.

Эпоха бронзы длилась в Карелии около 1000 лет. Она представлена культурой сетчатой керамики, получившей свое название от сетчатых отпечатков, покрывающих всю поверхность сосудов. Это результат особого способа обработки поверхности сосудов перед обжигом и нового приема орнаментации. Правда, роль сетки понимают по-разному. Одни толкуют сетчатую орнаментацию как отражение особой технологии лепки сосудов в кожаных или тканевых формах («футлярах»). Другие на первое место ставят декоративные функции. Видимо, главной была все же технология, требующая последующего выравнивания поверхности и придания ей большей выразительности.

Зона распространения сетчатой керамики охватывала обширную территорию к югу от Карелии с центром в бассейне верхней Волги. Истоки ее находят в Прикарпатье и Прибалтике в культуре шнуровой керамики, шаровидных амфор и боевых топоров. В дальнейшем сетчатая керамика распространилась вплоть до Северной Фенноскандии (поселения культуры «вафельной керамики»). На территории Коми Республики – это памятники культуры коршак с грубыми отпечатками рогожи на стенках сосудов перед их обжигом. Для Карелии она явно пришлая, в формировании ее участвовало население фатьяновской и поздняяковской археологических культур.

Орудия культуры сетчатой керамики

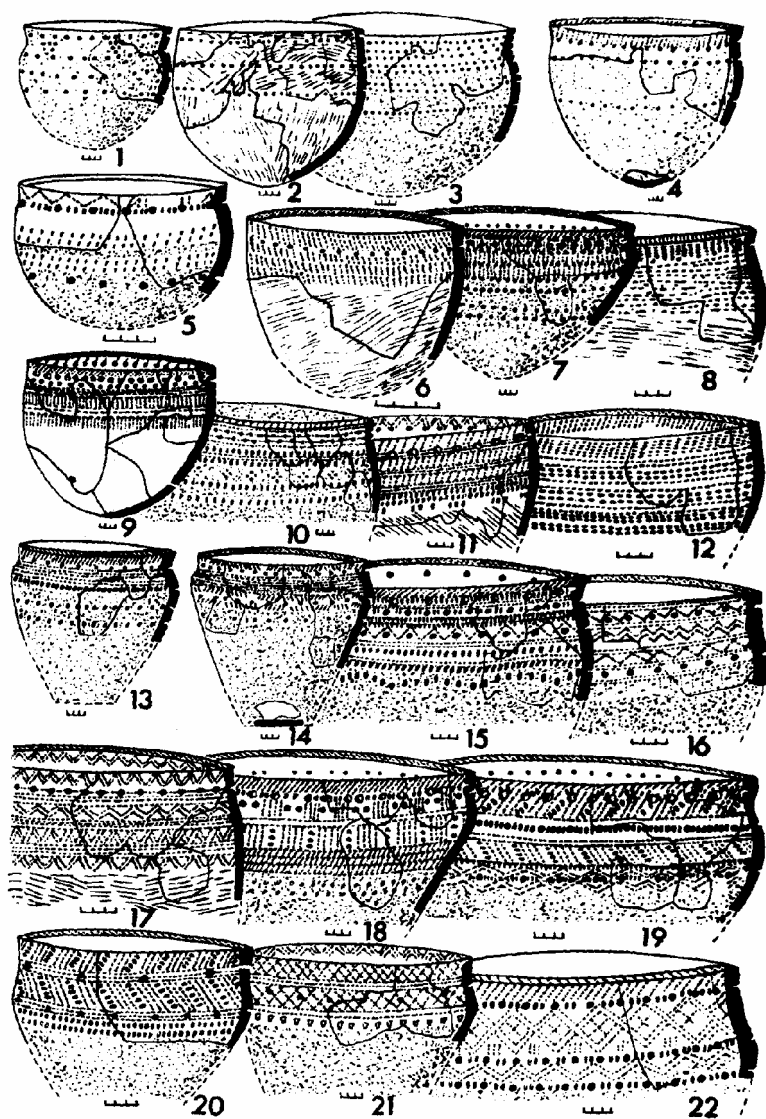
1, 2, 5, 10 – Елменская; 3, 4, 6, 11, 17 18 – Суна VI; 7–9, 14, 15, 20 – Келка III; 13, 16, – Горелый мост III; 19 – Пичево III

Каких-то кардинальных изменений с приходом нового населения здесь все же не произошло. Хозяйство оставалось присваивающим, промысловым (охота, рыболовство, собирательство). Не возникло и местного бронзолитейного производства, несмотря на наличие доступной самородной меди. В развитии культуры сетчатой керамики в Карелии выделяют два этапа. Первый связан с ее сложением в юго-восточной части. На втором этапе (первая половина I тыс. до н.э.) стоянки с сетчатой керамикой распространяются уже почти по всей территории Карелии. Всего их известно около 80. Могильники и погребения пока не найдены. Изредка встречаются остатки довольно крупных поселений площадью свыше 1000 м². Преобладают стоянки площадью менее 1000 м² (с черепками от 10–50 сосудов). Известны и кратковременные стоянки площадью до 200 м² и содержащие обломки не более 10, а чаще 1–2 сосудов. Большинство поселений тяготеет к бассейну Онежского озера. Все они располагались, как правило, в устьях рек, нередко на местах предшествующих, давно заброшенных и забытых поселений. И тогда археологи имеют дело с так называемыми смешанными комплексами.

Скопления поселений с сетчатой керамикой известны в устьях рек Келки, Охтомы, впадающих в Водлозеро, а также Водлы и Шуи, впадающих в Онежское озеро. Единичные поселения открыты в северо-восточном Приладожье и низовьях р. Выг в юго-западном Беломорье. Следов жилищ-полуземлянок, характерных для предшествующей энеолитической эпохи, не обнаружено. Теперь предпочитают жить в наземных постройках овальной или округлой формы в основании, площадью примерно 3 × 6 м, с одним–двумя очагами и одним или двумя выходами. Вокруг очагов бытовой мусор — черепки глиняных сосудов, кости животных, остатки орудий. Каменные изделия попадались вблизи стенок жилищ. Следов опорных сооружений не обнаружено. Видимо, жилища были каркасные, легкой конструкции (типа чума или саамской вежи).

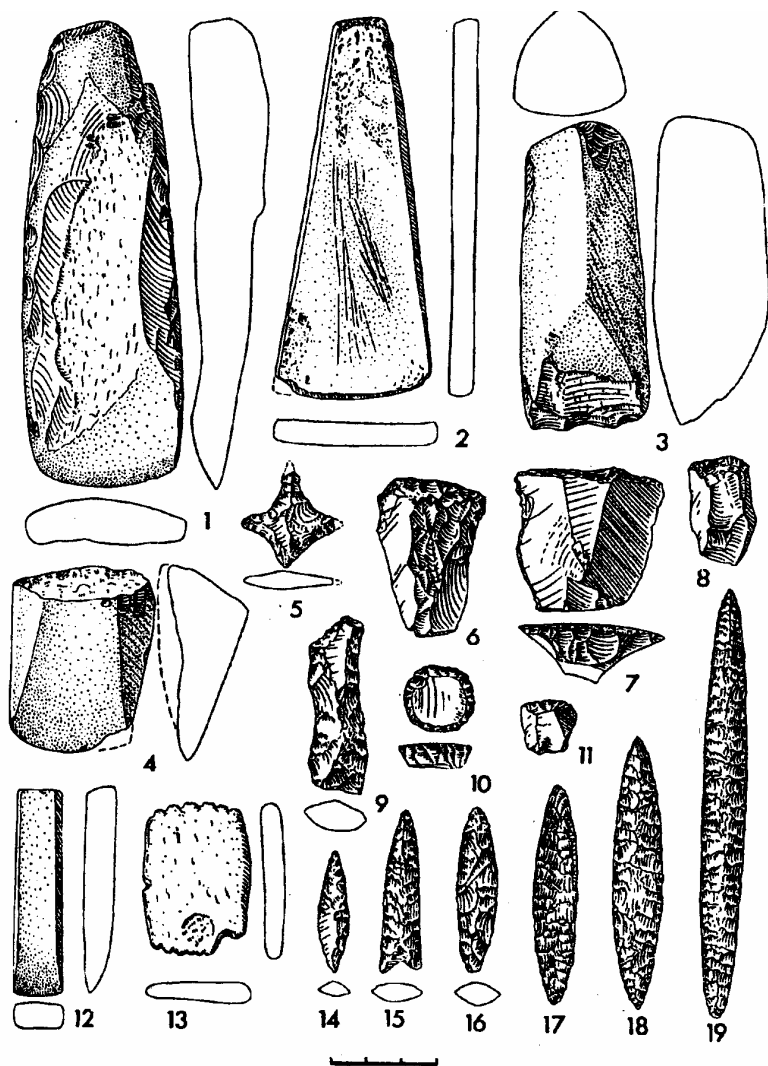
В находках преобладают керамика и каменный инвентарь, включая отходы производства. Известны остатки около 800 сосудов. Техника изготовления сосудов с сетчатой керамикой весьма своеобразна и отличается от прежней. Их лепили ленточным способом, так что глиняные ленты соединялись путем частичного накладки верхней ленты на нижнюю с последующим выравниванием (заглаживанием). В качестве примеси использовали главным образом песок и дресву и только изредка органические вещества или волокна асбеста.

В Карелии представлены два типа сосудов. Это горшки с прямыми стенками, имеющие аналоги в комплексах посуды эпохи неолита. Ко второму типу (около 70% всех известных сосудов) относятся горшки с выпуклыми стенками, изгибом у венчика, имеющие аналоги в культурах бронзового века лесной полосы европейской части России. Обычными становятся горшки с плоским дном.

Сетчатая посуда с зональным орнаментом

1 – Малая Суна IX; 2–4, 6, 8, 9, 11, 12, 17, 19, 21, 22 – Келка III; 5, 15, 18, 20 – Охтома III; 7 – Охтома I; 1; 10 – Пичево III; 13 – Пога I; 14 – Лахта III; 6 – Черная Речка V

Каменный инвентарь эпохи раннего металла

1 — топор; 2 — точильный брусок; 3, 4 — тесла; 5 — фигурный кремь; 6—8, 10, 11 — скребки; 9 — скобель; 12 — стамеска; 13 — штамп; 14—19 — наконечники стрел; 1—4, 12 — сланец; 13 — песчаник; 5—11, 14—19 — кремь. 1, 3 — Шелтозеро XII; 2, 4, 5, 10, 11, 14, 16 — Оровनावолок XVI; 6—9, 12, 13, 15 — Кочковनावолок II; 17—19 — Залавруга II

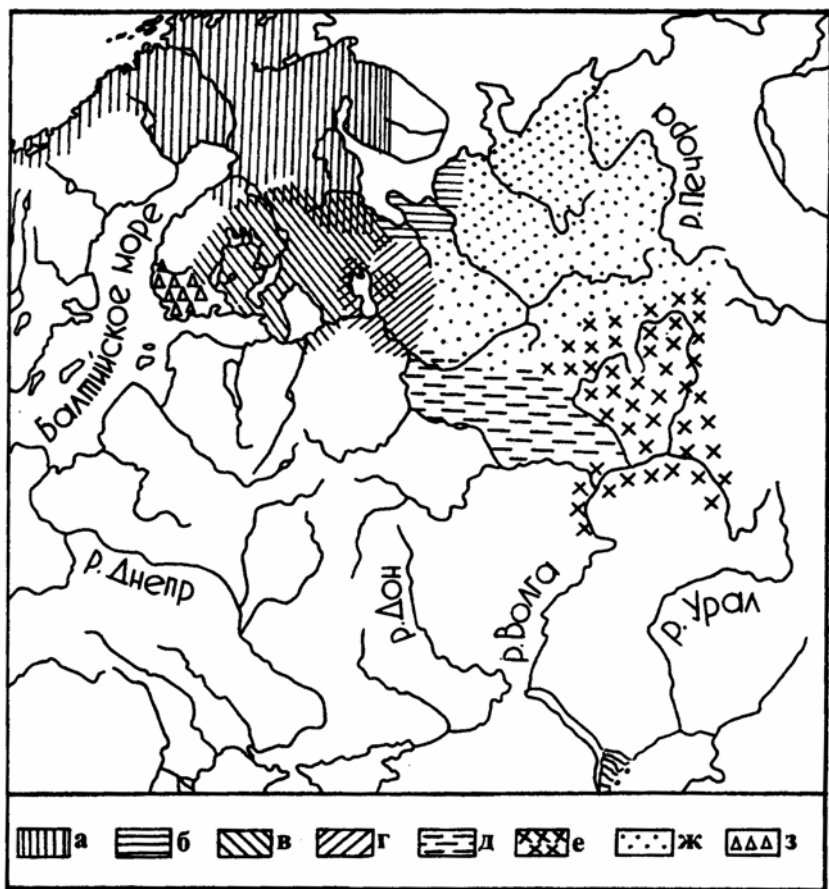
На их долю приходится от 10 до 25% всех сосудов. Набор элементов орнамента небогат: доминируют ямки и гребенчатые отпечатки, образующие в верхней части тулова простые и геометrizованные зональные узоры. Около 95% сосудов орнаментировано. За пределами Карелии (на территории Кольского полуострова и Норвегии) глиняные сосуды вообще не орнаментировались. Отказ от орнаментации глиняной посуды зафиксирован еще в конце бронзового века и наиболее ярко проявился в культурах раннего железного века.

В каменном инвентаре больших подвижек не произошло. Набор орудий в основном тот же, что и прежде. Видимо, использовались те же близлежащие месторождения каменного сырья. Если на востоке Карелии (откуда ближе до месторождений кремня) преобладали орудия и отходы из кремня, то на севере и западе в основном из кварца и сланца. Из сланца изготавливали преимущественно рубящие и долбящие орудия: топоры, тесла, долота, стамески. Из кремня и кварца делали мелкие скребущие, режущие и колющие орудия: скребки, резцы, ножи, проколки. Скребки составляют почти 60% всех каменных изделий. Известны наконечники стрел и копий с прямым или слегка вогнутым основанием.

Наличие инородных типов – скребков, молотов, топоров – указывает на пришлый характер новой культуры, не связанной генетически с местной энеолитической традицией. На первом этапе бронзового века следы бронзолитейного производства представлены весьма слабо – редкими обломками глиняных тиглей с ошлакованными изнутри стенками. На втором этапе появляются кельты, аналогичные кельтам поздняяковской культуры. Зафиксированы случаи местного производства бронзовых орудий в составных формах.

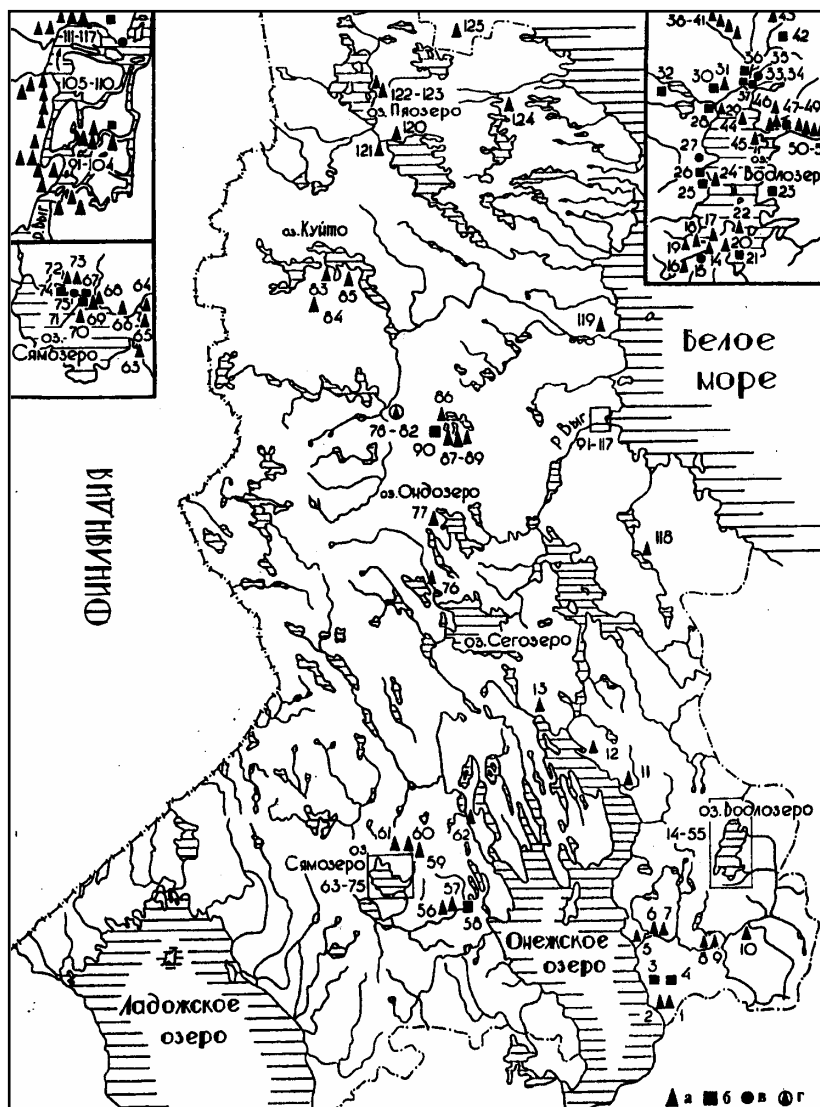
ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Рубежом бронзового и железного веков в Карелии принято считать (М.Г. Косменко и др.) распространение культуры с ананьинскими чертами, появившейся в восточной части бассейна Онежского озера не ранее середины I тыс. до н. э. В бассейне верхней и средней Волги и Оки в дьяковской и городецкой культурах сетчатая керамика бытовала до первых веков н.э., а в северной части ареала, включая Карелию, – примерно до середины I тыс. до н.э., когда вытеснилась древностями ананьинского круга раннего железного века. Наступает ранний железный век – важный этап археологической периодизации, связанный с началом использования железа. Сырье для изготовления железных орудий имелось в достатке, поскольку железные руды в природе распространены широко, а коэффициент полезного действия орудий из железа много выше бронзовых. Только железу оказалось под силу вытеснить орудия из камня, кости и рога, во всяком случае, значительно снизить их роль.

Культура древностей ананьинского пласта на Севере Европы

- а — культура с керамикой «арктического» типа;
 б — позднебеломорская; в — лууконсаари; г — позднекаргопольская;
 д — древности акозинско-ахмыловского типа; е — ананьинская;
 ж — культура Европейского Северо-Востока; з — культура морбю

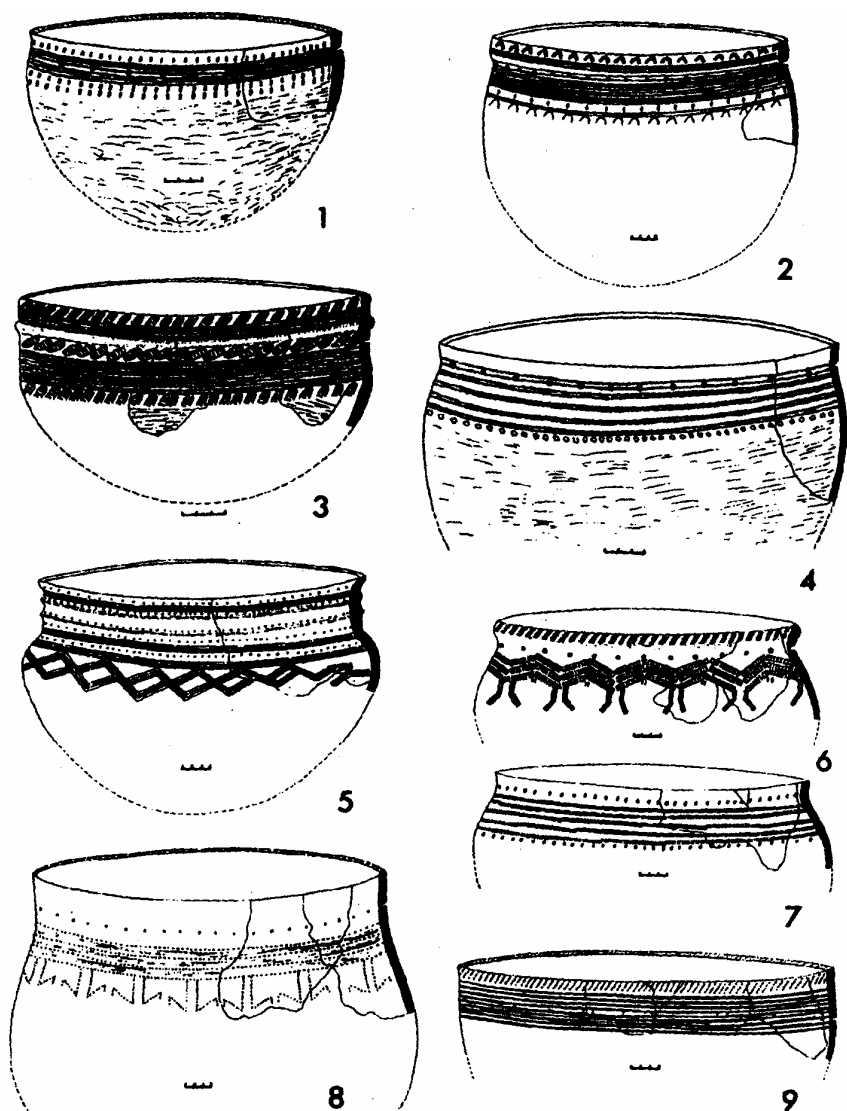
Памятники эпохи железа (по М.Г. Косменко)

а — кратковременные поселения; б — поселения средней величины;
в — крупные поселения; г — скопления поселений; 1-125 — номера памятников

Появление железоделательного производства связано с восточным Средиземноморьем, откуда оно после 1200 г. до н.э. проникает в Южную Европу и на Кавказ. Около 700 г. до н.э. железные инструменты и орудия начинают распространяться в Центральной и Западной Европе в пределах гальштатской культуры. В южной части Восточной Европы технология получения (восстановления) железа из болотной железной руды становится известна около 500 г. до н.э. Следы железоделательного производства зафиксированы на ранних памятниках ананьинской археологической культуры в Прикамье и среднем Поволжье и дьяковской археологической культуры на верхней Волге. Допускают, что «...первое знакомство населения севера лесной зоны с железом состоялось еще в финальный период существования культуры сетчатой керамики». Достоверных следов собственного железоделательного производства на поселениях с сетчатой керамикой в Карелии и других областях Севера пока не обнаружено.

Железный век для Карелии – это время становления и первоначального распространения железоделательного производства и металлообработки. На смену ему во второй половине I тыс. до н.э. приходит эпоха Раннего Средневековья. В раннем железном веке используется только сыродутный способ получения железа из руды. Сырьем служила болотная и озерная железная руда. Технология получения железа заключалась в следующем. В специальные, сооруженные из камней и плит горны послойно загружались железная руда и древесный уголь. Затем горн зажигался и в него нагнетался сырой воздух (отсюда и название способа – сыродутный). При температуре около 100°C начинался химический процесс восстановления железа из руды. В итоге образовывалась густая тестообразная масса, которая под действием собственного веса оседала на дно горна, образуя крицу.

Крица состояла из железа и шлака – различных минеральных примесей, содержащихся в руде и спекшихся (сросшихся) с металлом под действием высокой температуры. Образовавшаяся таким образом крица извлекалась из горна и еще в раскаленном виде подвергалась ковке. В процессе ее часть шлаков удалялась и получался более чистый металл (хотя в кричном железе какое-то количество шлака оставалось всегда). Горны были небольшие, одноразовые и давали не так уж много металла. Производство железа в целом было весьма трудоемким, затратным, требовало специализации и мастерства. Потому изделия из железа (орудия труда, оружие, украшения) высоко ценились, были желанными предметами обмена. Какое-то время продолжают бытовать орудия и изделия из кости, рога и камня.

Позднекарагопольские сосуды. Реконструкция М. Г. Косменко
 1, 4 – Илекса V; 2 – Келка III; 3, 5 – Охтома III; 6 – Сомбома I, 7–9 – Муромское VII

Наступление железного века на территории Карелии фиксируется по распространению после 500 г. до н.э. памятников, генетически связанных с ананьинской культурой. На территории Карелии и сопредельных областей выделяются четыре археологические культуры раннего железного века: позднекаргопольская, лууконсаари, позднебеломорская и кьелмо (или арктического типа). Лишь с периода раннего железного века можно говорить не только о культурной, но и об этнической принадлежности населения (с привязкой к ранним пластам современных уральских и прибалтийско-финских языков). Встречаются весьма категорические заключения на этот счет: «... никто не сомневается, что археологические культуры раннего железного века следует связывать с древним саамским населением края».

Истоки культур раннего железного века Карелии и сопредельных областей, видимо, находятся в среднем Поволжье, в зоне контакта раннеананьинской культуры и поздних памятников культуры сетчатой керамики. В среднем Поволжье в середине I тыс. до н.э. запустевают многие поселения, исчезают могильники. Видимо, население покидает обжитые места. Допускают, что первопричиной мог стать поход в Скифию персидского царя Дария в 514 г. до н.э., вызвавший движение кочевых народов степи и лесостепи Восточной Европы. Они, в свою очередь, оказали давление на своих северных соседей. Следы миграции раннеананьинского населения обнаруживаются на северных притоках Волги, на территории современных Ярославской и Вологодской областей. В V в. до н.э. в бассейне озер Белое, Воже, Лача и в восточном Прионежье формируется позднекаргопольская археологическая культура (получила название по памятникам близ г. Каргополя в Архангельской области).

В это же время или чуть позднее в западной части бассейна Онежского озера, на Карельском перешейке, в восточной части южной и средней Финляндии появляются поселения культуры лууконсаари, выделенной по памятникам на территории Финляндии. На северо-западе Карелии, севере Финляндии и в норвежском Финмарке тоже ощущается влияние южных культур ананьинского пласта. На северо-востоке Карелии, в южном Беломорье и северо-западе Архангельской области около 500 лет до н.э. формируется позднебеломорская культура.

Появление названных культур — результат синтеза западного варианта ананьинской и различных локальных вариантов культуры сетчатой керамики, распространенных в предшествующую эпоху бронзы в лесной зоне Восточной Европы и на востоке Фенноскандии. В специфических природно-климатических условиях Севера

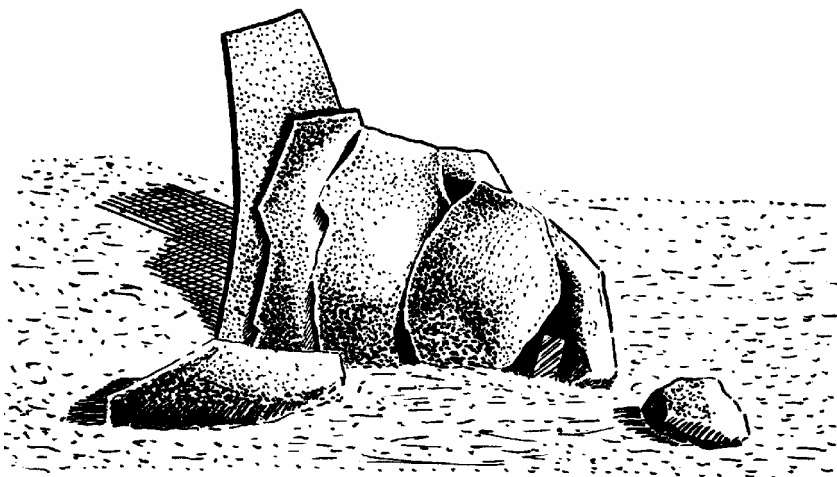
они приобретали свои региональные черты и особенности. Образ жизни, хозяйство пришлого населения адаптируются к условиям тайги. Основой жизнедеятельности остаются традиционные для Севера охота и рыболовство. Наблюдается переход к более подвижному образу жизни, связанному с сезонными миграциями вслед за промысловыми животными и на места нереста рыбы. В Прибеломорье продолжает развиваться морской промысел. Возросла роль индивидуальной охоты, ее специализация, появились новые формы и приемы, учитывающие и прошлый опыт. Видимо, сокращается и численность родовых коллективов (социально-производственных ячеек).

Изменяется и погребальная обрядность. В позднекаргопольской культуре погребений пока не обнаружено. В культуре лууконсаари известны единичные захоронения, совершавшиеся непосредственно на территории поселений. Видимо, появились новые формы погребений — непосредственно на поверхности земли. Сравнительно плотно в этот период было заселено восточное Прионежье, особенно берега Водлозера. Западные и северные районы оказались слабозаселенными. Скопления поселений культуры лууконсаари и позднебеломорской известны в Карелии лишь на Сямозере и в низовье р. Выг. В большинстве своем стоянки приурочены к устьям или истокам рек и располагаются на сухих песчаных участках берегов, преимущественно на предшествующих, уже забытых поселениях каменного века. Разновременные комплексы таких поселений, как правило, перемешаны в одном культурном слое. Размеры поселков небольшие.

На стоянках позднекаргопольской культуры в Карелии все хозяйственные сооружения и находки обычно распространялись на площади 100–200 м². И в эту эпоху одно и то же место могло заселяться неоднократно на протяжении нескольких столетий. Находки тяготеют к кострищам и очагам (нередко в виде беспорядочного скопления обожженных камней). Эти «пятна» и могли быть остатками жилищ, контуры которых проследить не удается. Похоже, что жилищами служили легкие наземные постройки, не оставившие следов в земле. Можно думать, что они были каркасными сооружениями из жердей, крытых корой или шкурами, и имели вид чумов (или индейских вигвамов). Одновременно бытовало 1–2 таких жилища, а значит, поселения были очень немногочисленными.

На одних стоянках найдены следы железоделательных горнов, на других — отходы производства железа — куски железного шлака. На памятниках позднекаргопольской культуры, в восточном Прионежье следы горнов представлены округлыми линзами сильно

прокаленного песка диаметром 0,2–0,45 м, в центре которых находились «лепешки» железного шлака. Слой вокруг линз содержал кусочки древесного угля. Конструкцию этих еще весьма примитивных горнов можно представить по вертикально поставленному по лому стволу дерева, который заполнялся слоями железной руды и древесного угля. Деревянные стенки такого горна не успевали полностью выгореть до завершения процесса получения железной крицы.

*Горн для получения железа сыродутным способом.
Стоянка Кудомы X*

В западном Прионежье, на территории культуры лууконсаари, наряду с подобными примитивными горнами обнаружено несколько горнов в виде прямоугольных ящиков из больших плоских камней размером примерно 0,5х0,8 м. Они могли использоваться для получения железной крицы неоднократно. Не случайно вокруг них большое количество шлаков. Известны горны, топочные камеры которых выглядели как невысокий купол диаметром около 0,5 м, сооруженный из глины вперемешку с мелкими камнями.

Уровень развития железоделательного производства на территории Карелии оставался еще весьма низким, а находки железных орудий на стоянках редкими. На одной из стоянок позднекаропольской культуры встретился единственный железный нож со слабо вогнутой спинкой. На поселениях культуры лууконсаари найдены железный нож с серповидным лезвием и два железных топора-кельта. В северной Карелии найден еще один топор-кельт.

Низким оставался и уровень развития бронзолитейного дела, казалось бы, весьма востребованного. В разных районах Карелии найдены фрагменты керамических тиглей для плавки цветного металла, льячек для разлива расплавленной бронзы в формы, а также обломки самих линейных форм, изготовленных из керамики и мягких пород камня. Среди бронзовых изделий встречались кельты ананьинского типа и простейшие поделки из отлитого бронзового прута. Видимо, сырьем для местного производства бронзовых изделий служили сломавшиеся и испорченные бронзовые предметы, которые шли в «металлолом», а затем использовались вторично в качестве сырья для изготовления новых вещей и предметов. Местная самородная медь и в раннем железном веке не привлекала внимания.

Украшения, культовые предметы относятся к так называемому пермскому звериному стилю. Они, как и бронзовая гарнитура поясных ремней, попали на Север путем обмена, поскольку относятся к типам, характерным для ананьинской (VII–III вв. до н.э.), пьяноборско-гляденовской (III в. до н.э. – II в. н.э.) и харинской (IV–VI вв. н.э.) культур Прикамья. Все эти предметы, судя по анализам, изготовлены далеко за пределами Карелии из характерных для Прикамья оловянистых бронз. Значит, в течение столетий пришельцы сохраняли культурные и торгово-обменные связи с далекой прародиной.

О каменном инвентаре культур раннего железного века судить труднее, так как он находился в смешанных слоях, но камень все еще продолжал использоваться. Из кремня изготавливали наконечники стрел, из кварца и кремня – скребки для выделки шкур, из сланца – топоры и тесла. Техника обработки камня переживает упадок. Ассортимент орудий и изделий сокращается и сужается. Ряд инструментов замещается более эффективными металлическими. В северных районах (культуры кьелмо и позднебеломорская) каменный инвентарь использовался шире, чем в южных. Скорее всего, были востребованы изделия из органических материалов, но в почвах Карелии, как правило, они не сохраняются. Кость и рога могли использоваться для изготовления наконечников стрел, гарпунов, острог, рукоятей ножей, рыболовных снастей и т.д.

Чаще всего встречаются фрагменты глиняных сосудов. Особое внимание привлекают их формы и орнаментация. В восточном Приладожье и Прионежье на памятниках позднекаргопольской культуры 90% посуды – низкие круглодонные котлы из глины с примесью песка и дресвы. Лишь 10% сосудов имеют плоское дно. Верхние части сосудов украшены поясками отпечатков шнура или имитирующими их горизонтальными бороздками в сочетании с от-

печатками гребенчатого штампа и ямками, иногда с рельефными валиками под венчиком, а также различными композициями из гребенчатых отпечатков и вдавлений. Считается, что формы позднекаргопольских сосудов и все многообразие узоров на них копируют, либо типологически восходят к керамике ананьинской культуры и культур сетчатой керамики (при преобладании первого компонента).

В западном Прионежье на стоянках культуры лууконсаари кругло- и плоскодонные сосуды представлены примерно в одинаковом количестве. Глиняное тесто, особенно на позднем этапе, имеет примесь асбеста, слюды и органики – наследие местной технологии изготовления глиняной посуды, восходящей еще к энеолиту. Орнаменты верхней части сосудов близки позднекаргопольским. Типично ананьинские черты в них уже сглажены или исчезают и представлены преимущественно в упрощенном и трансформированном виде. И в формах, и в орнаментации глиняной посуды преобладают черты, присущие культуре сетчатой керамики в ее поволжском и, возможно, местных вариантах. Эти черты нарастают по направлению к западной и северной границам культуры лууконсаари. В керамике позднебеломорской культуры и технологии ее изготовления, в формах и орнаментации посуды доминируют ананьинские традиции.

Финальный этап культур раннего железного века на территории Карелии и сопредельных областей прослеживается пока недостаточно отчетливо. Где-то около 500 г. н.э. на севере и востоке Фенноскандии, включая западное Беломорье и территорию вокруг Онежского озера, наступает «саамский железный век». Характерная его особенность – утрата традиции изготовления глиняной посуды. Памятники той поры становятся более скрытыми от исследователей. Исчезновение керамики прослеживается на территории всех четырех северных культур раннего железного века.

Отказ от производства керамики обычно связывают с переориентацией хозяйства местного населения в так называемое римское время на пушной промысел. Результатом стал переход к полукочевому образу жизни. Появились более транспортабельные сосуды из органических материалов и импортные металлические котлы. С полукочевым образом жизни связаны и блоковидные огнива из кварцита, песчаника и сланца, по периметру которых идет стальная окантовка для высекания огня. Эти предметы относят к III–VII вв. н.э. В Финляндии найдено около 400 экз. таких огнив. Несколько из них происходит из западных районов современной Карелии. Практически все они – случайные находки, не связанные с археологическими комплексами и культурным слоем поселений.

В начале новой (нашей) эры об обитателях североевропейской тайги впервые упоминают античные авторы. В «Анналах» Корнелия Тацита (I в. н.э.) имеется такое описание быта «финнов» (очевидно, южных лесных групп прасаамов): «У финнов — поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей, ни постоянного крова над головой; их пища — трава, одежда — шкуры, ложе — земля; все свои упования они возлагают на стрелы, на которые, из-за недостатка в железе, насаживают костяной наконечник. Та же охота доставляет пропитание как мужчинам, так и женщинам, ведь они повсюду сопровождают своих мужей и притязают на свою долю добычи. У малых детей нет другого убежища от дикого зверя и непогоды, кроме как сплетенного из ветвей и составляющего им укрытие шалаша; сюда же возвращаются финны более зрелого возраста, здесь же пристанище престарелых». Насколько достоверны эти сведения, полученные из вторых и третьих рук, — судить уже трудно, но какие-то жизненные реалии раннего железного века глухих таежных районов Фенноскандии они отражают. И прежде всего общий уровень жизни, ее трудности, «дикость», близость (почти слитность) с природой.

С окончанием раннего железного века заканчивается и «праистория» — доисторический период, не освещенный в письменных источниках. Основная роль в его изучении отводится объектам археологического наследия. Средневековая археология располагает уже письменной информацией (включая берестяные грамоты). Теперь выделяемые археологами культуры и конкретные памятники стремятся идентифицировать с конкретными народами, знакомыми по языкам и письменным источникам, уточняются географические термины и понятия. Гораздо отчетливее, чем прежде (в бронзовый и ранний железный века), проявляется фактор социальной и хозяйственно-культурной дифференциации населения южных (земледельческих) и северных (промысловых) районов лесной зоны Европы.

В середине — второй половине I тыс. н.э. окончательно формируется граница аграрных районов (относительно плотно заселенных на постоянной основе) на юге и охотничье-рыболовецких, редко заселенных районов на севере. Судя по археологическим данным, эта граница пролегла от южного Тромса Норвегии к центральной части Ботнического побережья Швеции (южнее Умео), Финляндии (примерно по линии Турку—Савонлинна) и далее к России по крайним юго-западным районам Карелии. Другой важный фактор для рассматриваемого региона — зарождение в конце I тыс. до н.э. государств в Северной и Восточной Европе.

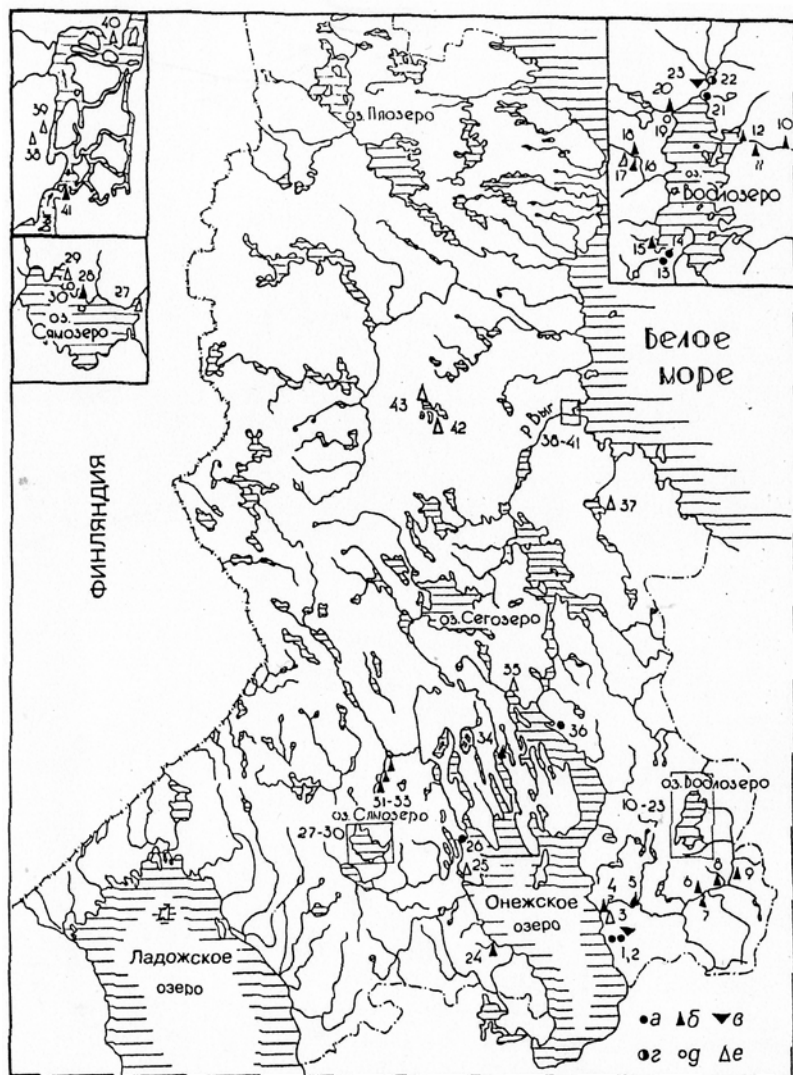
Появление государственных границ во многом предопределило дальнейшее развитие населения, оказавшегося в разных государствах. Обитатели северных охотничье-рыболовецких территорий

включаются в орбиту многообразных политических, торгово-экономических и культурных контактов с аграрным югом. Прежняя относительная замкнутость (а порой и изоляция) северных таежных археологических культур уходит в прошлое. Период зарождения государств в странах Северной Европы назван эпохой викингов. Он приходится на VIII–IX вв. н.э. Его сменил период крестовых походов – XI–XIV вв. В российской археологии эпохе викингов примерно соответствует эпоха Раннего Средневековья.

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Раннесредневековый пласт древностей на территории Карелии и соседних регионов формируется главным образом под влиянием процессов, происходивших южнее, юго-западнее и западнее. Сказались и экспансия викингов, расселение славян по лесной зоне Восточной Европы и дальняя международная торговля стран Балтики и Руси. В конце VIII в. формируется великий торговый путь, соединивший страны Восточной и Северной Европы с Арабским Халифатом. Он пролегал от Балтики, Ладожского и Ильменского озер через систему волоков на Волгу и Каспий. На протяжении IX–X вв. по Балтийско-Волжскому пути в Восточную Европу и в регион Балтики поступало множество арабских серебряных монет, часть которых оказалась в многочисленных кладах и погребениях торговцев и воинов той эпохи. Среди северных товаров, игравших важную роль в торговле и торговом обмене, главной становится пушнина, высоко ценившаяся в странах Халифата. В таежных районах Северной Европы имелись богатейшие охотничьи угодья. В систему международной торговли в конце I тыс. н.э. все сильнее втягивается финноязычное население сначала Приладожья и Верхневолжья, а затем и более отдаленных северных районов Восточной Европы.

В Карелии эпоха Средневековья началась около 1100 лет тому назад и представлена курганной культурой с керамикой приладожского типа (X–XI вв.) и в юго-западных районах – памятниками древнекарельской культуры. В бассейне Онежского озера (Прионежье) появились поселения с лепной керамикой, схожей с посудой приладожских курганов и памятники без керамики. Видимо, это немногочисленные древневепские колонии, а также древнесаамские промысловые поселения. Древнему саамскому населению принадлежат своеобразные культовые памятники в средней и северной Карелии. О древневепской курганной культуре восточного Приладожья, древнекарельской культуре северо-западного Приладожья, раннесредневековых древностях и древнесаамских промысловых поселениях Прионежья, памятниках средней и северной Карелии, наконец, средневековых сельских поселениях Прионежья мы только упомянем.

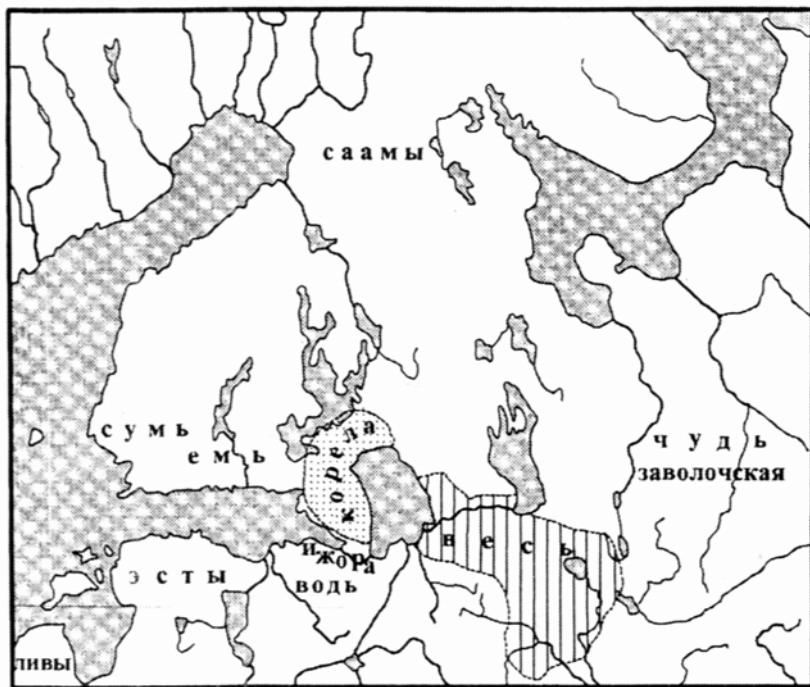

Раннесредневековые поселения и погребения

а – крупные поселения с керамикой; *б* – кратковременные поселения и местонахождения; *в* – погребения; *г* – поселения смешанного облика; *д* – крупные поселения; *е* – кратковременные поселения без керамики

Безкерамическая культура возможно сложилась в конце эпохи железа (1400–1200 л. н.) на основе местных культур под влиянием аналогичных культур северной Фенноскандии в интервале 1200–600 л. н. Поселения с лепной посудой датируются в рамках 1100–900 л. н. Сельские поселения периода заселения восточных районов Карелии русскими археологически изучены очень слабо. Культура древней Корелы в северо-западном Приладожье относится ко времени около 900–600 л. н. Миграция русских и карел в XII–XVI вв. сопровождалась вытеснением или ассимиляцией коренного саамского населения.

Сведения об археологических памятниках на указанных территориях и особенностях их развития в Раннем Средневековье можно найти в специальной литературе. Назовем научно-популярную книгу С.И. Кочкуркиной «Народы Карелии. История и культура» (2005), а также учебное пособие «Основы археологии Карелии» (2004), авторами которого являются К.Э. Герман, И.В. Мельников, А.М. Спиридонов.

*Финно-угорское население северо-запада Восточной Европы
(по С.И. Кочкуркиной)*

Для нас основные вехи в истории населения края важны, чтобы лучше понять, были ли когда-либо востребованы вновь всегда доступные и открытые взору всех любопытствующих петроглифы Карелии (хотя бы как пример для подражания). Привлекали ли они внимание? Побуждали ли к каким-то практическим действиям? К сожалению, свидетельств на этот счет почти не сохранилось, и нам остается делать лишь какие-то самые общие логические заключения. Похоже, что эти памятники позднее оставались не востребованными. Но все же как-то на их наличие люди, прежде всего, жители окрестных поселений, реагировали. Какую-то информацию об этом донесли до нас первооткрыватели онежских и беломорских петроглифов.

Глава III

Онежские петроглифы

ТОПОГРАФИЯ И ЛАНДШАФТ

Петроглифы неотделимы от окружающей природной среды, и вне ее их трудно понять. Наскальные полотна — это своего рода иконостасы первобытного храма под открытым небом без четко обозначенных границ. Вот как представлял его К.Д. Лаушкин: «Район наскальных изображений — это грандиозный первобытный храм солнца, где куполом было само небо, иконостасом — гранитные скалы с петроглифами, а алтарем — горизонт с живым солнечным богом», одно из первых в истории человеческой культуры культовых мест, организованных с учетом стран света. В этом святилище совершались разнообразные религиозные церемонии и обряды, «разворачивались сложные действия, разыгрывались первобытные мистерии, которые, возможно, длились по многу дней, с большим числом участников. Здесь, особенно, надо думать, в период голодовок и охотничьих неудач, производились колдовские действия, призванные обеспечить изобилие рыб, птиц и зверя, успех в охоте и рыболовстве, здесь магическим путем стремились добиться плодovitости женщин племени, здесь происходило поклонение и предкам, и “хозяевам” лесов, вод и т.д., здесь происходили обряды, связанные с культом мертвых».

Самой поразительной чертой онежского святилища К.Д. Лаушкин считал ясные, неоспоримые следы ярко выраженного космического культа, главным предметом которого было солнце. Остальные культы (охотничья магия, магия плодородия и т.п.) имели подчиненный по отношению к нему характер. В предложенной реконструкции, отнюдь не бесспорной, два момента подмечены точно: связь петроглифов с окружающей природной средой и их важная роль в обрядах и верованиях населения той поры. Этот «храм» все еще несколько изолирован от окружающего мира. К нему не ведут проезжие дороги, и тем, кто пожелает посетить его, придется прибегнуть к тому же способу передвижения, каким пользовались творцы рисунков, — от ближайшего населенного пункта добираться по берегу пешком или же плыть вдоль него на лодке. Отправным пунктом, связывающим район Бесова Носа с окружающим миром, остается п. Шала (с пассажирским причалом), расположенный в устье р. Водлы. Сюда во время навигации ежедневно пристает «Комета», идущая из Петрозаводска.

От Шалы до цели не так далеко — около 20 км. Еще с борта судна пассажиры видят в южной стороне устья Водлы выступающие в озеро покрытые лесом мысы. Только в пасмурную погоду или туман очертания их расплываются и даже совсем теряются из виду. К мысам ведут две дороги, проложенные еще в незапамятные времена: лесная тропа по берегу Онежского озера и водный путь вдоль его кромки. Если решили двигаться по воде, поищите попутную моторную лодку. Не

пройдет и часа, и вы на месте. Труднее и продолжительнее путь пешком. Он начинается с окраины п. Стеклянное, что напротив п. Шала, на другом берегу, откуда ведет дорога на прибрежный пляж. Впереди виден лесистый мыс, а далеко за ним – белая точка, чуть заметный маяк на оконечности Бесова Носа.

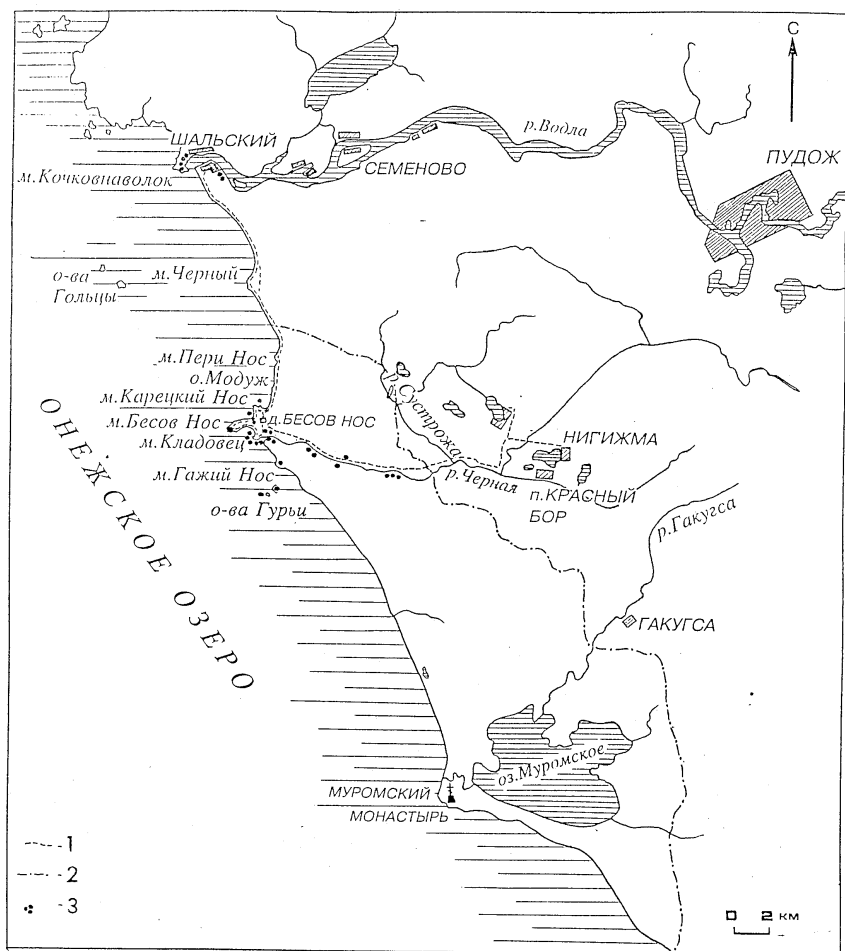

Схема расположения онежских петроглифов

1 – тропа (дорога), 2 – граница Муромского заказника,
3 – археологические памятники

Можно фиксировать начало маршрута. Справа по ходу безбрежный простор озера, слева — стена леса, впереди, как будто до самого горизонта, — путь, который еще предстоит пройти. Дорога не пугает. Вечернее солнце, богатая цветовая гамма воды, неба, облаков, шум волн, набегающих на песок, и прохлада делают ее даже приятной, особенно поначалу. Конечно, если рюкзак не очень тяжелый, нет дождя и не свирепствуют комары и гнус. Достаточно пройти около трети всего расстояния, и на пути появится мыс Черный, самый массивный из всех последующих. Лучше не огибать его, а пересечь по основанию — так короче. Тропа, ведущая через высокий, местами сырой и темный лес, иногда теряется. В поисках ее можно и поплутать. Самый надежный ориентир — шум озера, зовущий сквозь дремучий лес на открытый берег.

Здесь пора и передохнуть. До цели относительно близко. Уже видны мысы, которые надлежит миновать. До ближайшего — мыса Товстуха — дорога идет по берегу. Перед Карецким Носом лесная дорога отходит в глубь леса, и с нее можно свернуть к его основанию и подойти к мысу с южной стороны. На нем и появляются петроглифы. С Карецкого Носа можно пойти по пляжу до Пери Носа и дальше до Бесова Носа, а можно и по старой дороге, вверх по склону, прямо до заброшенной теперь д. Бесов Нос. Оттуда по прибрежному склону легко выйти на мыс Бесов Нос или к устью р. Черной. Впрочем, не мешает подумать и об отдыхе. Ведь на осмотр святылища понадобится больше времени, чем на весь путь до них. При слишком беглом знакомстве с местностью и наскальными полотнами многое остается незамеченным. Надо найти время полюбоваться и природой.

В.И. Равдоникас так запечатлел данные места: «Там и здесь массивы гранита выходят из-под ледниковых наносов на поверхность, часто образуя на берегу озера длинные скалистые выступы, или “носы”, а в самом озере небольшие гранитные острова, иногда выступающие целыми архипелагами. Там, где это наблюдается, прибрежная местность имеет поразительно живописный вид. Передвигаясь в ясный летний день по озеру вдоль берега на лодке, видишь на фоне светлого неба темно-зеленую с оранжевыми пятнами ленту густого соснового леса, под которой сверкает и от солнца, и от воды красноватая поверхность отшлифованных скал, иногда совершенно фантастических очертаний. Новое, не менее сильное впечатление, если смотреть на эти скалы и на озеро с берега. Поражает контраст между неподвижным спокойствием величавых форм первозданной природы и непрестанно волнующейся, вечно живой и, как жизнь, безбрежной поверхностью озера с его постоянно меняющимися, почти неуловимыми цветовыми оттенками. Два начала слиты в этом впечатлении в их неразрывном единстве противоположностей — движение и покой, жизнь и смерть, становление и бытие...»

Столь лирическим отступлением маститый ученый как бы ставит себя на место творцов наскальных гравюр. Исследователь убежден, что эмоционально первобытный человек воспринимал окружающую природу гораздо сильнее, чем мы. Именно поэтому он и избрал район Бесова Носа для художественного воплощения своих представлений о мироздании. Безбрежная, почти морская даль озера, волнистая линия берега, изрезанная серией гранитных мысов с манящими песчаными пляжами между ними, участки выразительных песчаных дюн, а чуть выше — кромка густого девственного леса. И так на протяжении многих километров.

В этом необычном музейном комплексе под открытым небом имеются свои «залы» — 22 разрозненные группы петроглифов, в общей сложности включающие более 1100 изображений и знаков, нередко образующих композиции. В каждой из групп свои особенности. Они проявляются и в размещении фигур, и в тематике, и в технике исполнения, и в художественных достоинствах. Каждая из них по-своему интересна и не повторяет другие.

Мало сказать, что эта местность красива. Она еще и богата, удобна для рыбной ловли, охоты и промысла на водоплавающую птицу. Относительно спокойные бухты с незапамятных времен привлекали сюда рыболовов и охотников. Мысы, особенно центральный — Бесов Нос, издревле служили хорошими ориентирами. Уходя далеко в озеро, первобытный человек все же видел родной берег, в первую очередь оконечность мыса Бесов Нос. Заброшенная деревня Бесов Нос в глубине берега, маяк на оконечности Бесова Носа да проплывающие вдали теплоходы — вот, пожалуй, и все основные приметы современности. Сами рисунки не имеют опознавательных знаков, и отыскать их без справочника или гида — дело непростое. Правда, они легко доступны для обозрения, поскольку находятся почти на горизонтальной поверхности, буквально под ногами посетителей.

Искать их следует вдоль уреза воды на пологих склонах скалистых мысов, омываемых волнами. Обычно рисунки не поднимаются выше 2,5–3 м над уровнем Онежского озера, а чаще всего располагаются на высоте от 0,5 до 1,5 м. Размеры их небольшие, как правило, от 10 до 60 см. И только в нескольких случаях длина изображений достигает 2,5–4 м. Встречаются настоящие рисунки-невидимки. Правда, они то появляются, то исчезают в зависимости от освещения. Не следует особо огорчаться, если их не окажется на том месте, где они непременно должны были бы быть. С этим сталкивались буквально все исследователи, включая В.И. Равдоникаса, который писал: «Некоторые изображения видны только при особо благоприятном боковом освещении, а в остальное время дня они совершенно исчезают из поля зрения. Бывали нередкие случаи утраты заведомо известных изображений с очень

слабым рельефом, и лишь с большим трудом они вновь обнаруживались, при этом только в ранние утренние или поздние вечерние часы — после восхода или до захода солнца».

То же самое отмечал и А.Я. Брюсов: «В плохую погоду можно стоять около некоторых изображений и видеть только гладкую поверхность скалы». А.М. Линевский также сетовал на «досадную потерю времени на розыск прежде найденных петроглифов». Одну из интереснейших сцен на Пери Носе (сцену деторождения) он обнаружил лишь во время шестого посещения скалы. Нашупать контуры некоторых изображений, по его словам, удавалось только кончиком языка.

Сколько же труда затрачено на выявление онежских петроглифов! Помимо многократных осмотров и В.И. Равдоникас, и А.М. Линевский очищали скалы от лишайников, используя раствор кислоты. Результаты не замедлили сказаться — обнаружилось десятки новых изображений. А.Я. Брюсов специально наблюдал за поверхностью скал в разные часы летнего дня и разглядел ряд плохо заметных изображений, видимых только в определенные часы — утром и вечером. Процесс выявления петроглифов затягивался. «Однажды, — пишет А.Я. Брюсов, — после большого дождя поднялся сильный ветер, который быстро высушил гладкие поверхности скал, тогда как даже в едва заметных углублениях влага окрашивала их в темный цвет. При этом на Бесовом Носу, восточнее центральной группы, за большой трещиной ярко вырисовалось несколько изображений, которые при иных условиях оставались невидимыми во все часы дня. Только резкая разница в цвете высохшей гладкой поверхности и еще влажных мельчайших выбоин, разница, которую почти невозможно ощутить искусственным путем, создала случайную возможность видеть эти изображения».

В другой раз, проявив пленку, на которой был сфотографирован один из участков Гажьего Носа, исследователь увидел фрагмент фигуры, совершенно незаметной при визуальном наблюдении. Объектив фотоаппарата оказался зорче глаза человека. Жаль только, что ни в первом, ни во втором случае неизвестно, о каких участках скалы и каких фигурах идет речь. И по сей день в каждый приезд в эти давно обжитые места ученые время от времени открывают и, скорее всего, будут еще открывать новые рисунки или же не замеченные ранее детали на известных изображениях.

Одна из причин таких сюрпризов — относительно плохая сохранность многих фигур. Время не пощадило части из них: выбитая поверхность сильно потемнела и зачастую сливается по цвету и фактуре с поверхностью данной скалы. Рельеф их сглажен, стал мельче. Сильнее стерлись рисунки, расположенные у самой воды и постоянно омываемые волнами озера. Сглаживают изображения и ледоставы. Высота ледяных торосов достигает здесь 5–6 м. Они способны отрывать от

скал целые куски, ставить их в неустойчивое положение, а то и сбрасывать в озеро. Чуть выше, куда не достигают волны, рисунки разьедаются мхами и лишайниками, подвергаются эрозии. Трещины и разломы, многочисленные выбоины и шрамы, куски скал на дне озера свидетельствуют о длительной разрушительной работе стихии.

Основная масса рисунков, к счастью, все же сохранилась и настолько, что поддается фотографированию без всякой их подкраски. Чтобы сделать петроглифы отчетливее, при осмотре их можно смочить водой. Однако четкость в основном зависит от освещения. Лучше всего осматривать их ранним солнечным утром или вечером. Косые лучи восходящего или заходящего солнца как бы оживляют изображения, делают их более рельефными и хорошо заметными. Световые эффекты здесь настолько сильны, что буквально будоражат воображение.

Вот что писал К.Д. Лаушкин, наблюдавший одну из сцен в разное время суток: «...До захода солнца петроглифы были тусклыми, почти сливались с фоном. Но все изменилось, когда солнце совсем низко склонилось к горизонту. По мысу побежали заходящие лучи, и темно-красный, отполированный до блеска гранит засиял мягким розовым светом. Плохо различимые рисунки вспыхнули ярко, как лампочки. Я вдруг очутился в кругу распутившихся ярких цветов...»

Исследователь подметил и еще более сложное взаимодействие солнца и изображений: «В лучах заходящего солнца рисунки “...двигаются”». Древние онежцы, по его мнению, сделали открытие, «в котором содержится намек на будущие “живые картинки” — современное кино. Поистине гениальное творчество онежских художников создало самый древний в мире кинематограф...». «Древние художники, — продолжает он далее, — с поразительным чутьем находили такие места на скалах, где выбитые рисунки могли “оживать” в назначенное время. Для этого им нужно было брать в расчет уклон скалы, едва заметную кривизну ее поверхности, расстояние от водного зеркала. Рисунки не раскрашивались. В этом не было нужды. При меняющемся угле падения солнечных лучей на скалы все время меняются световые гаммы. В петроглифах, как в мелких блюдецках, переливаются прозрачные, сияющие цвета. Это живопись в самом буквальном смысле слова». Наверяд ли сказанное в полной мере соответствует действительности, но глубокое впечатление от знакомства с онежскими петроглифами передано живо и красочно.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ МЕСТО БЕСОВ НОС

Бесов Нос — центральный и самый длинный из скалистых мысов, как бы организующий все окружающее пространство подобно высокой церкви или колокольне в старой деревне (но только в горизонтальной

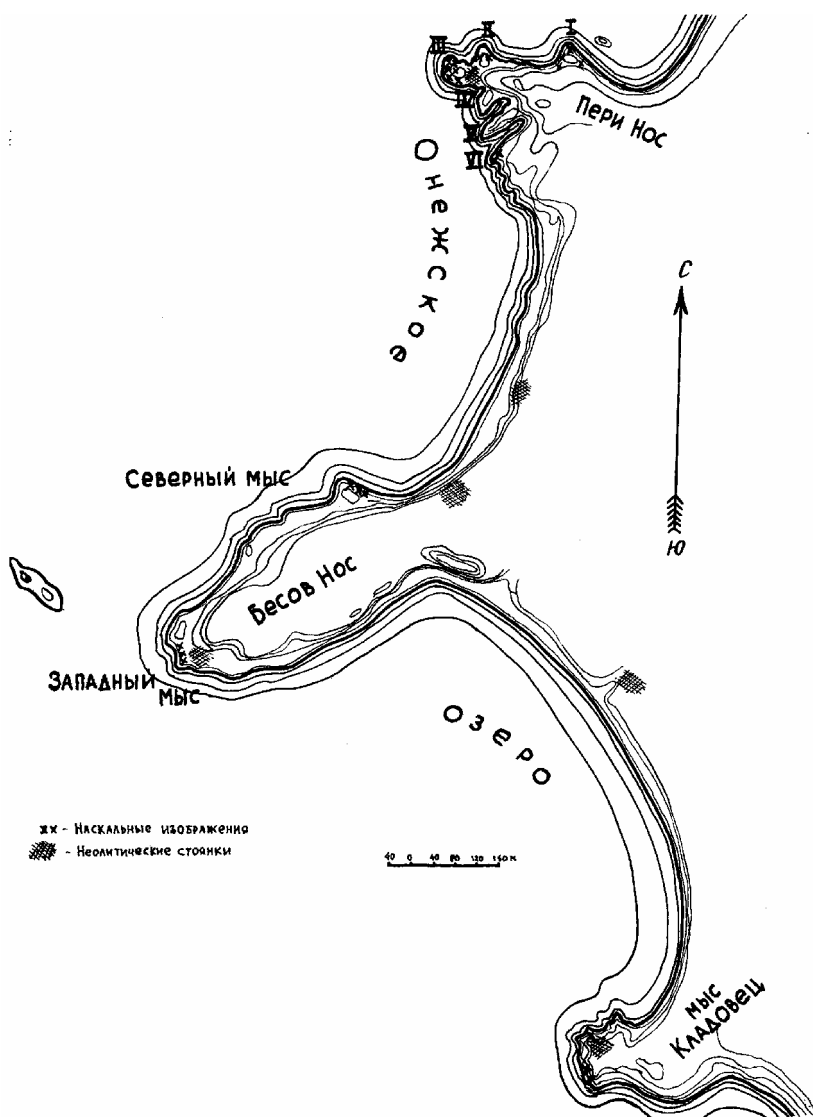

Схема расположения петроглифов и стоянок на мысах Кладовец, Бесов Нос и Пери Нос (по В. И. Равдоникасу)

плоскости). Он на 750 м выступает в озеро. Естественно, что и омывающие его бухты более обширны. У основания мыс узкий, менее 100 м, затем заметно расширяется, а где-то в средней части еще и слегка изгибается в юго-западном направлении. Он тоже покрыт шапкой густого леса, но на самой вершине. И вдоль уреза воды повсеместно обнажаются коренные скальные породы.

Мыс служит надежным ориентиром; не случайно на его оконечности в XX в. разместили маяк (вместе с домом смотрителя). Отсюда открывается отличный вид на соседние мысы и острова. У самой оконечности, за нешироким, но глубоким проливчиком расположен безымянный гранитный остров вытянутой формы – тоже превосходное место для обзора побережья, но уже со стороны озера. Здесь с особой силой ощущается стихийная мощь озера, особенно во время штормов, когда от набегающих один за другим валов воды, кажется, содрогаются скалы. Впечатляют и грозы, пробуждающие неуверенность, беспокойство и даже страх.

Но чаще мыс бывает по-своему гостеприимным. Если ветер не лобовой, то в бухтах по ту или другую сторону всегда можно укрыться и переждать непогоду. На очень разное состояние мыса, то идиллически спокойного, то капризно сурового, не могли не обращать внимание и люди, выбравшие его местом для своих удивительных творений. Судя по близости изображений к урезу воды, предпочтительным для гравировок оставалось, конечно же, спокойное состояние озера.

Отметим, наконец, что мыс удобен и для загонной охоты. Перегородить его в основании не составляло большого труда, и звери, например лоси, которые заходят сюда по своей воле и поныне, были обречены. Путь на берег отрезался, а вода вряд ли приносила спасение. На плаву или даже на гладком льду звери становились легкой добычей охотников.

По обе стороны, в бухтах, отличные рыболовные угодья, где до недавнего времени ставили длинные промысловые сети. Правда, прямых свидетельств интенсивного практического использования мыса в промысловых целях мало. Скорее, его ценили прежде всего за конфигурацию и доминирующее положение на местности. Здесь лучше всего можно было выразить свое представление о мироздании. С оконечности Бесова Носа по-особому отчетливо устанавливались взаимосвязи с окружающей территорией и всем природным миром как по горизонтали (т. е. с окрестными мысами, берегом и водой), так и по вертикали (нижним – подводным миром, средним – земным и верхним – небесной сферой). Распространенного в древности представления о трех мирах, похоже, придерживались и жители восточного побережья Онежского озера.

Видимо, сам мыс и его оконечность стали священными еще до того, как на нем появились выбивки. По мнению А.М. Линевского, первоначально почиталась и стала местом культовых действий естественная трещина в скале на самой оконечности Бесова Носа, позднее включенная в фигуру беса. А.Д. Столяр, известный специалист по искусству палеолита, доказывал, что прообразами беса и двух других крупных изображений слева и справа от него (сома и выдры) послужили «идолы» – объемные скульптурные изделия из дерева, стоявшие вертикально и опиравшиеся основаниями на скалу. Позднее их заменили изображения, в которых будто бы улавливаются какие-то отголоски первичных деревянных макетов-прототипов. Как-то трудно представить себе выдру (ящерицу), поставленную на хвост, но мысль, что святилище как таковое возникло до появления петроглифов, вполне резонна и соответствует нормам первобытного сознания.

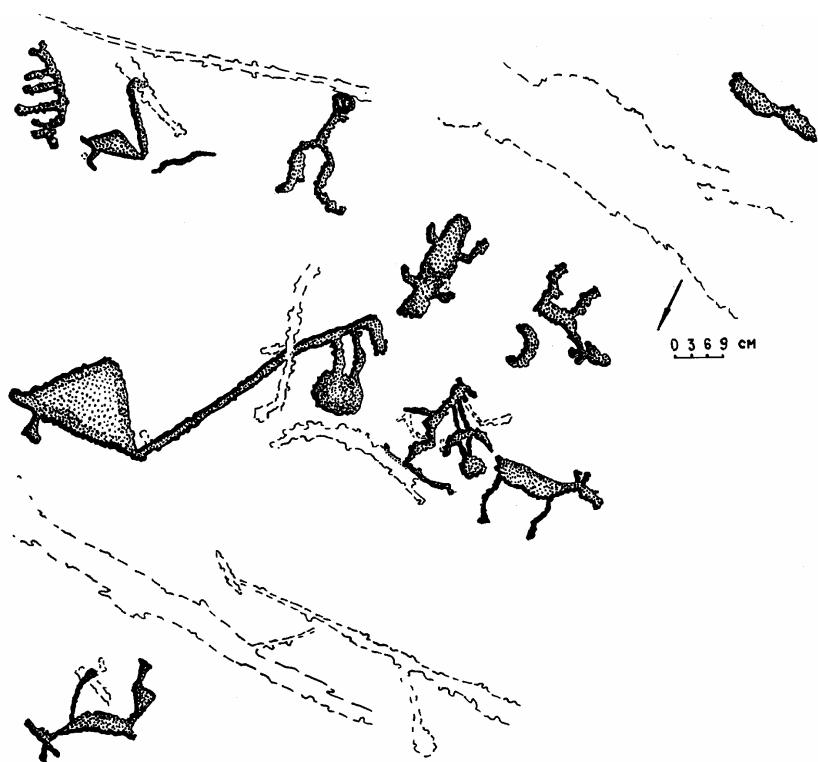

Вид на северный мыс Бесова Носа

Прежде чем выйти на оконечность, можно осмотреть сравнительно небольшое скопление на боковом, северном мысу Бесова Носа. Пери и Бесов Нос разделяет довольно широкая дугобразная бухта с песчаным пляжем почти под отвесным склоном осыпавшегося песчаного берега, покрытого густым лесом. У самой воды песок сырой и плотный, идти по нему легко и приятно. За плавным изгибом основания Бесова Носа обрывистая песчаная

осыпь высотой 2,5 м сменяется широким, но слабо выпуклым выступом гранита с пологим склоном к воде, ровным и гладким. Это и есть северный мыс Бесова Носа. Когда-то две небольшие рыбацкие избышки на мысе служили хорошим ориентиром.

Мыс отчетливо делится на две части: левую — со слабо выступающим в озеро, слегка выпуклым краем и правую — подпрямоугольных очертаний. Прибрежная кромка левой части отсечена довольно длинной продольной трещиной-разломом. Почти в центре образовавшегося сегмента пятнистой поверхности, то серовато-коричневой, то темно-черной, выбита примерно треть всех фигур северной группы Бесова Носа. Здесь же и наиболее выразительные композиции. Рисунки расположены довольно компактно, на неширокой полосе между двумя трещинами. Только два из них выходят за ее пределы: один выше, другой ниже.

Петроглифы северной группы Бесова Носа

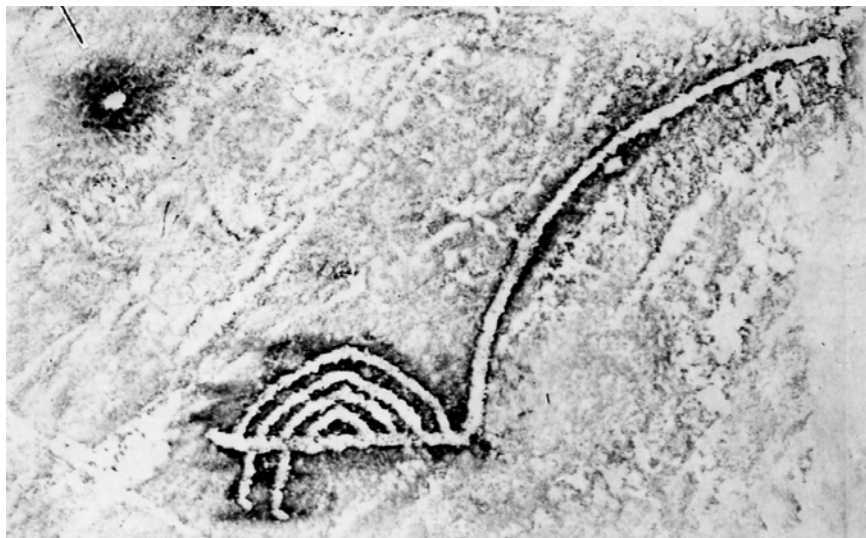
В левом верхнем углу этого небольшого полотна видны лодочка со слегка изогнутым корпусом и тремя гребцами; лебедь и человекоподобная фигура без рук и с головой, обозначенной кружочком. Ниже – крупный лебедь с солярным знаком на шее. Странный изгиб его лучей создает впечатление, что первоначально знак и птица находились раздельно и лишь позднее их соединили. Чуть выше головы лебедя какое-то животное с массивным туловищем и широким, но коротким хвостом, похожее на бобра. Немного ниже и правее другая, еще более выразительная композиция: человек в маске зверя и с совмещенными солярным и лунарным знаками в руках настигает лося (оленья?).

А.М. Линевский принял эту человекоподобную фигуру за мифологическое существо с хвостом и звериной мордой, на котором висят два капкана. По другому варианту его прочтения, это некий дух, попавший в капкан. В.И. Равдоникас же увидел здесь замаскированного под медведя человека с длинным хвостом, с солярным и лунарным знаками в руках, стоящего на змее. Он ассоциировался у исследователя с образом могущественного тотема, имевшего сложную тройственную природу – животную, человеческую и космическую. Центральная идея всей композиции понята им как борьба двух начал – света и мрака, тепла и холода, добра и зла. Человек в маске – олицетворение светлого и доброго начала, покровитель рода или племени, выступающий в роли победителя.

К.Д. Лаушкин истолковал сцену как символическое жертвоприношение в честь солнца. Вот о чем она рассказывает: «Истомленные и изголодавшиеся люди (не нашлось даже жертвенного животного), может быть, ранней – холодной и бескормной – весной, жаждая солнечного тепла, делают отчаянную попытку магическим путем заставить солнце (покровителя оленьих стад, лосей и всего живущего на земле) светить ярко и горячо, по-летнему: они приносят ему в жертву молодое животное (символически)... Они обращаются за помощью к предку, выступающему в зверином (т.е. тотемическом) облике... Предок, попирая ногами темноту, отнимающую свет от солнца, помогает ему одолеть врага. Через предка же они вызывают о помощи и к луне, чтобы она на своих рогах подняла из-под земли дарующее жизнь светило...»

При более внимательном рассмотрении данной композиции можно увидеть, что поврежденная естественным сколом линия под ногами человека обозначает вовсе не змею, а, скорее всего, лыжу. Это второй лыжник на онежских петроглифах. Торчащий из-за спины отросток – тоже не хвост, а какое-то орудие охоты или деталь охотничьей экипировки. Похоже, что выбитый перед ним зверь, как и расположенные выше, над головой лыжника серповидная фигура и опрокинутый на спину (убитый?) лось, тоже входят в состав композиции. Смысл и содержание ее остаются не вполне ясными. Попытку трактовать эту сцену в духе А.М. Линевого как охотника, отправляющегося ставить капканы, навряд ли можно признать убедительной.

Ближе к воде, за нижней трещиной выбит лось, у которого задняя нога очень напоминает антропоморфную фигурку – еще один комбинированный образ, совмещающий две ипостаси – зверя и человека (причем человек как бы включен в зверя).

«Полосатый» лебедь. Северный мыс Бесова Носа

На западной половине северного мыса преобладают одиночные фигуры. Склон здесь круче, тоже пятнистый, непосредственно у воды преимущественно темный. Изображения тянутся на протяжении 15 м: солярные знаки, птицы, серповидная фигура, неполная фигура лося, целый лось, ноги которого соединены линией (как бы спутаны), и др. Закрывает их выразительный «полосатый» лебедь с длинной изогнутой шеей и дугами внутри контурного туловища. В.И. Равдоникас причислил его к числу «наилучших по художественным достоинствам».

Напомним, что исследователю удалось зафиксировать здесь 22 фигуры, причем половина из них, по его мнению, раньше вообще не была известна. Теперь на северном мысу Бесова Носа зарегистрировано 30 фигур: водоплавающие птицы – 9, серповидные изображения – 2, солярные знаки – 3 (не считая знаков в руках лыжника), лоси и олени – 7 (два определенно лоси, а три, вероятно, олени), лодка, антропоморфное изображение, лыжник в маске зверя и пятнышки (кружки) – 2. Большинство ориентировано на юг и юго-восток, в то время как само наскальное полотно обращено на север. Р.Б. Климов считал, что тематика данной группы в значительной мере предопределена другими цен-

трами онежского комплекса, такими, как противолежащий Пери VI и западный (центральный) мыс самого Бесова Носа.

Далее вплоть до оконечности тянется гладкий, зачастую красновато-коричневатый, с так называемым пустынным загаром, отполированный до блеска пологий прибрежный склон. Казалось бы, лучшее для гравировок полотно найти трудно. Здесь могли свободно уместиться все известные онежские петроглифы, но почему-то скалы остались неиспользованными. Лишь на полпути к оконечности удалось обнаружить единственную и странного вида, вероятно более позднюю, фигуру оленя с ветвистыми рогами. Нет петроглифов и на противоположной стороне мыса Бесов Нос, правда, гораздо менее пригодной для гравировок. Там более крутые и изломанные откосы прибрежной скалы.

Западный (центральный) мыс Бесова Носа. Вид с озера

Основная часть петроглифов Бесова Носа сосредоточена на оконечности, названной западным (или центральным) мысом. Она напоминает половину овала. Вся левая, северная его часть изуродована естественными выколами. Правая, южная половина тоже повреждена трещинами и разломами, но заметно меньше. Петроглифы и здесь высечены на самой оконечности обширного прибрежного склона, полого спускающегося к воде. Они занимают около 100 м² и тянутся полосой шириной 5–8 м. Условно можно выделить два яруса: нижний (основной), с участками гладкой поверхности красновато-коричневато-го цвета («пустынный загар») и верхний, где поверхность скалы темная, патинированная, покрыта лишайниками.

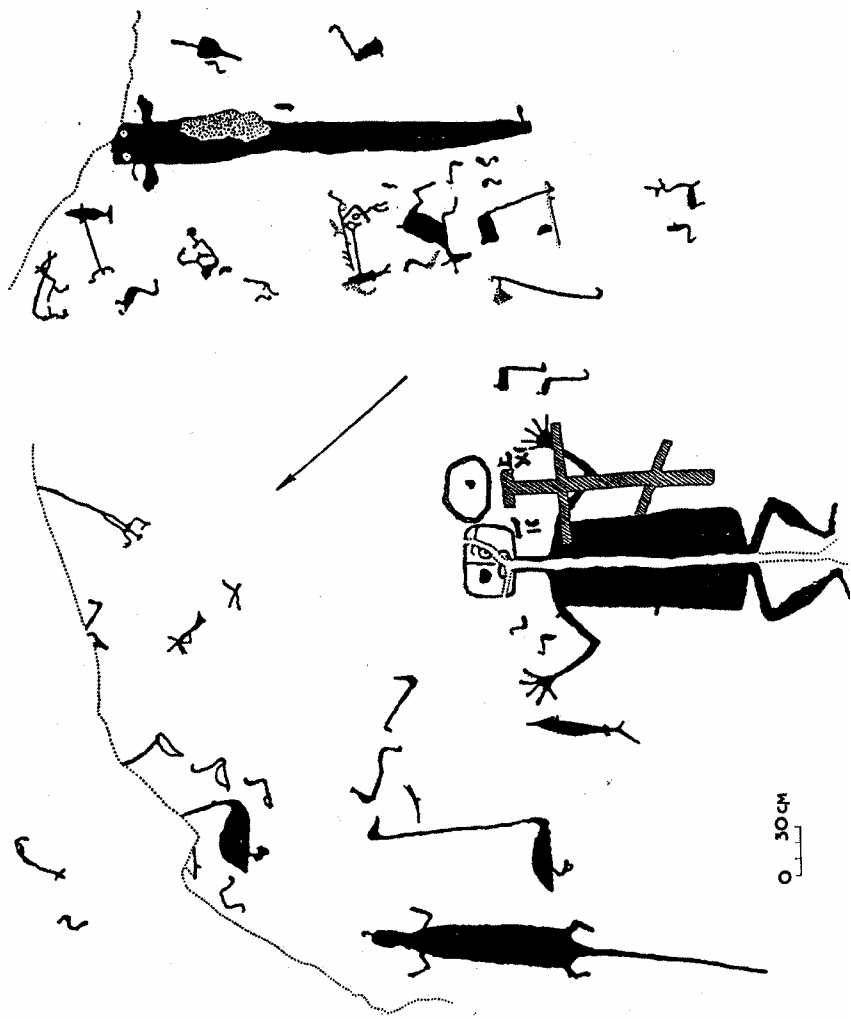

Оконечность Бесова Носа при волнении на озере

В поле зрения прежде всего попадает нижний ярус — полого спускающийся к воде склон с не совсем ровной разноцветной поверхностью, чистой и гладкой, постоянно омываемой озером. Она рассечена тонкими, почти параллельными трещинами на пять полос шириной от 1,5 до 2,4 м. В центральной части нижнего яруса и разместилась знаменитая триада — три гигантские по сравнению со всеми остальными фигуры: выдра (ящерица), бес и, наконец, налим (или сом). Длина их соответственно 2,56, 2,46 и 2,65 м.

В центре — колоритная фигура беса, рассеченная продольной трещиной почти на две пропорциональные части. Она с квадратной контурной головой, внутри которой грубо намечены рот, нос и глаза, причем один глаз показан круглым пятном, а другой — кружочком с точкой в центре. А.М. Линевский думал, что бес изображен лежащим на спине.

Высказывалось мнение, что это вовсе не бес, а бесиха. У беса длинная и тонкая (лишь немного шире трещины) шея, раскинутые в стороны и согнутые в локтях несоразмерно тонкие руки с пятью длинными растопыренными пальцами. Туловище массивное, чурбанообразное, с небольшим расширением книзу. Ноги сильно расставленные и согнутые в коленях. Они, как и руки, непропорционально тонкие и короткие. По правому боку торчит небольшой остроугольный выступ.

Центральное полого на оконечности Бесова Носа

Участок скалы с петроглифами на оконечности Бесова Носа.

Края знакомой нам уже трещины намеренно оббиты, возможно, еще до «рождения» беса. Из названия мыса и близлежащей деревни следует, что за образом беса закрепилось представление о какой-то злой, враждебной, нечистой силе, поддерживаемое веками. Не случайно он укрощен. Его левая рука перекрыта христианским крестом с монограммами Христа по обе стороны от верхнего конца и овалом над ними.

Справа от беса — исполинская рыба, налим или сом (что вероятнее). Видны два глаза, длинный, отходящий влево ус, пара плавников. Голову обычно воспроизводили выбитой сплошь, как и туловище. На самом деле она контурная. Верхняя часть туловища (с правой стороны, под плавником) на значительную глубину пострадала от естественной выщербины. Нижняя заметно сужается; один край менее ровный, слегка изогнутый. Хвост кончается почти на уровне плеча беса. От него вправо отходит короткий, как и ус, слегка изогнутый отросток.

Рыба чуть длиннее беса, хотя на глаз разница почти не заметна. Сом — прожорливый хищник, который держится обычно поодиночке в глубоких, захламленных деревьями и корягами местах. Питается он лягушками, рыбой и даже водоплавающей птицей. Самые крупные экземпляры достигают 5 м длины и свыше 300 кг веса. У сома вкусное жирное мясо, очень прочная кожа, но именно образ жизни, повадки и привлекали к нему внимание древнего человека.

Слева от беса фигура, которую чаще всего принимают за ящерицу, однако общий облик, огромные размеры и особенно переход от задних лап к хвосту не позволяют согласиться с такой идентификацией. Скорее всего, изображена выдра. Реальные размеры зверька не такие уж большие — всего 120–180 см, но все же увеличение масштаба не столь сильное, как было бы в случае с ящерицей, и в целом соответствует выбору размеров. Выдра — хищник с маленькой вытянутой головкой, короткими лапами и конусообразным хвостом длиной до 50 см. Она быстро плавает и хорошо ныряет, чрезвычайно осторожна. У нее красивый мех, исключительно прочная шкура.

Известный американский зоолог-натуралист Э. Томпсон называл выдру жизнерадостной и бесстрашной. «Любящая и ласковая по отношению к своим сородичам и благожелательная к соседям по водоему, полная игривости, отваги и силы, идеальная в своем доме, стойкая к смерти. Благороднейшая маленькая душа из всех душ четвероногих, встречающихся в наших лесах», — писал он. Первобытный человек, прекрасно знавший повадки зверей, не мог не обратить внимание хотя бы на образ жизни зверька, в которой важное место занимает и вода, и суша. Выдра могла служить естественным олицетворением связи между подводным (нижним) и земным (средним) мирами.

Триада производит большое впечатление. Мимо нее не мог пройти равнодушно ни один из исследователей, но воспринимали ее по-разному. Выдающийся финский археолог А.М. Тальгрэн, а позднее А.Я. Брюсов и В.И. Равдоникас высказывали мнение, что триада состоит из разрозненных и разновременных, не связанных между собой фигур и что изображение беса самое позднее. В.И. Равдоникасу показалось даже, что оно наносилось с использованием металлического орудия. Как позднее, но все же совокупные, эти три фигуры рассматривал известный исследователь памятников первобытного искусства А.А. Формозов. Настораживает категоричность подобных суждений, аргументированных довольно слабо. Ссылки на технику выбивки не убедительны — характер ее в принципе тот же, что и у фигур меньших размеров, а местоположение и топографическая взаимосвязь с соседними выбивками свидетельствуют скорее об обратном.

Раннее появление триады довольно простым, но остроумным и убедительным способом показал еще в 30-е гг. А.М. Линевский. По его заключению, заполнение скалы началось как раз с создания трех исполинских фигур, а точнее, с фигуры беса. Уже при первом знакомстве с ней ему стало ясно, что щель, пересекающая беса вдоль, по вертикали, образовалась до, а не после появления беса. Вовсе не случайно она делит беса на две равные половины (правую и левую). Рот выбит там, где отходит небольшой отросток. Узкая шея точно совпадает со щелью, обе кромки которой оббиты только внутри фигуры.

Следовательно, бес намеренно «привязан» к существовавшей и, вероятно, уже почитавшейся глубокой естественной трещине – разлому.

Вслед за самой ранней фигурой беса появились сом (налим) и выдра (ящерица?), расположенные на расстоянии 5,36 м друг от друга. Вот как рассуждал А.М. Линевский. Размещение беса явно зависело от щели в скале и определенно повлияло на выбор места для рыбы и выдры. Не случайно же хвост рыбы и конец туловища выдры как раз проходят на уровне плеч беса, а расстояние до беса от той и другой фигур почти равное. Следует принять во внимание и их одинаковую ориентировку.

Чтобы выяснить связь трех крупных фигур с остальными изображениями, А.М. Линевский поступил очень просто – взял и прикрыл выдру, беса и рыбу листами бумаги. И сразу же на наскальном полотне явственно проступили невосполнимые пробелы. Стало очевидным, что крупные изображения, прежде всего бес и сом, появились ранее прочих фигур и повлияли на их размещение. Наглядным свидетельством служит сом (налим). Фигуры слева от него расположены в «столбик», в виде узкой вертикальной полосы. Именно изображение сома помешало раздвинуться и соединиться с теми, что расположены справа от гигантской рыбы.

Значит, перед нами действительно три взаимосвязанные фигуры, близкие по времени создания и появившиеся на самом раннем этапе, возможно, даже самыми первыми. Бес, выдра и налим являлись главными объектами культа. Окружающие их небольшие по размерам фигуры, по мысли А.М. Линевого, всего лишь символические жертвоприношения триаде. Больше всего их получил налим. Тут и птицы, и олени, и медведь, и даже три рыбы (?), которые уже поражены, точнее, пойманы. Они, скорее, даже не жертвы, а вознаграждение налиму за удачу в рыбной ловле, которой ожидали от него в обмен за принесенных птиц и зверей. Бес «получил» стерлядь и две пары лебедей, выдра же – только птиц. Не выступает ли здесь обычай, описанный этнографами, по которому при жертвоприношениях «богу моря» нельзя давать рыбу, а «богу тайги» мяса животных, – задавал себе вопрос А.М. Линевский.

Бес, в его понимании, – это «дух-хозяин» леса и, быть может, одновременно неблагоприятного восточного ветра. Среди символических жертвоприношений ему нет лесных зверей, поскольку они и так находятся в его личном владении. Углубление в полости рта и оббитая по краям трещина свидетельствуют о том, что беса кормили и поили. Главным лакомством его, скорее всего, была кровь убитых животных, через щель бесследно исчезающая в пучине озера. Кормили и других духов, но когда они не оправдывали возлагаемых на них надежд, их серьезно наказывали. Выбоина на брюхе налима, выступ (подобие наконечника) в боку беса, трещина на голове выдры будто бы тому подтверждение.

С выдрой древние жители края, возможно, связывали понятие о зле, т.е. вреде, голоде и лишениях, поскольку она являлась главной помехой в хозяйстве древнего рыболова-охотника: разрушала птичьи гнезда, отгоняла от берега стаи рыб и птиц и т.д. Стремление умиротворить хищного зверька и привело к его почитанию, к возникновению культа выдры. Кроме того, изображение выдры могло быть связано и с культом мертвых, и с культом предков.

Причины обожествления выдры вряд ли указаны верно. Известно, что выдра не столь уж вредное животное. Скорее наоборот – там, где она водится, рыбы больше, но сам факт обожествления вполне вероятен. Можно привести этнографические примеры такого рода. Так, тлинкиты Северной Америки в былые времена испытывали сильнейший страх перед выдрой, а охота на нее была строжайше запрещена. С выдрой связывались самые фантастические поверья. И на скалах Онежского озера выдра фигурирует, скорее всего, не как промысловое животное, а как образ мифологического сознания, объект поклонения и культа.

Налима, по предположению А.М. Линевского, почитали как «хозяина» дна озера, как источник пищи в голодное время года. В конечном счете получалось, что бес олицетворяет «хозяина» суши, выдра – символ зла, налим – добра. Все окружающие их фигуры – всего-навсего символические жертвоприношения названным духам и не играют самостоятельной роли. Святилищем же в полном смысле служил только мыс Бесов Нос, а все прочие части онежского комплекса в такой роли не выступали. Лишь на Бесовом Носу совершались различные магические обряды и церемонии, главная цель которых – обеспечить удачу в охоте и промысле, выживание родовых общин.

Анализ триады А.М. Линевским признан безукоризненным даже таким строгим критиком, как К.Д. Лаушкин, но в конкретной расшифровке образов они решительно расходятся. В выдре К.Д. Лаушкин увидел ящерицу, а в образе беса существо женского рода – бесиху. Вот как он расшифровывает образуемую ими композицию: «В центре – божество смерти, которое можно сопоставить с владычицей Туонелы карело-финских эпических песен. Почти двухметровая фигура выполнена с замечательной экспрессией. Безобразная голова неестественной четырехугольной формы, ассиметричное лицо, кривой рот, западающий в воронку, растопыренные пальцы рук, вызывающие в памяти отталкивающий образ злого сына Туони с крючковатыми пальцами с железными когтями. Богиня широко распахнула объятия, как бы всегда готовая сцапать очередную жертву и упрятать ее в страшной своей утробе. Справа и слева от богини, почти на одинаковом от нее расстоянии, неизбежные спутники смерти, вызывающие чувство гадливости и ужаса, – скользкий налим и ползучая гадина. В целом композиция представляет собой нечто вроде жуткой триады смерти – смерть в ее трех ипостасях».

Более того, К.Д. Лаушкин считал, что Бесов Нос — вовсе не центральная часть святилища. Главные моления, связанные с поклонением солнцу, происходили будто бы на соседнем с севера Пери Носе, а Бесов Нос занимал подчиненное место и был посвящен культу мертвых. Слабость аргументации и в данном случае очевидна. Неясно, например, почему на мысу Бесов Нос так мало тех самых ладей мертвых, снаряжение которых, по логике вещей, должно было занимать одно из основных мест в совершавшихся здесь культовых действиях. Лодок всего три, но одна вызывает сомнения. Вслед за исследователями и посетители невольно включаются в полемику по поводу истолкования отдельных фигур и сцен. Это и понятно. Знакомство с петроглифами Карелии настраивает на самостоятельные размышления.

После знакомства с триадой еще раз зафиксируем принципиально важный для понимания всего онежского комплекса вывод. Три крупные фигуры на оконечности Бесова Носа — самые первые и, видимо, какое-то время единственные выбивки. Именно отсюда началось распространение петроглифов вширь — по самому Бесову Носу, соседним мысам и островам. Убедительность доказательств А.М. Линевского признали многие: К.Д. Лаушкин, А.Д. Столяр и др. Однако последовательность появления фигур в триаде остается предметом обсуждения. Р.Б. Климов полагал, что они действительно самые ранние, но вовсе не одновременные; сначала выбит сом, затем ящерица (выдра), а уже потом бес. Первым, на наш взгляд, скорее всего, появился все же бес, а за ним, без большого разрыва во времени — и две другие фигуры.

После рождения триады скала начинает заполняться иными, более мелкими изображениями. Правда, вспышка «гигантизма» наблюдается еще раз, когда справа от выдры выбили крупного лебедя с длинной и прямой, слегка отогнутой назад шеей. Основание его, как и нижние лапы выдры, находится почти на уровне плеч беса. Не исключено, что данный образ намеренно введен в триаду для олицетворения верхнего мира — небесной сферы и превратил ее в «квартет». Конечно, от этой общей догадки до конкретной расшифровки образа, его временной и смысловой связи с тремя остальными фигурами, прежде всего с ближайшей к нему выдрой, еще довольно далеко.

Перед клювом рассматриваемого лебедя две странные фигуры, похожие на птичьи шею и клюв, но их нельзя относить к числу незавершенных. В подобных активно и длительное время функционировавших комплексах незаконченные выбивки навряд ли уместны. Здесь требуются вполне законченные образы. Другое дело, что они могли намеренно упрощаться, деформироваться. В данном случае изображены птицы (лебеди) без туловища или же оно едва намечено, несоразмерно маленькое, буквально крошечное.

У правой руки беса выбита стерлядь — единственная среди онежских изображений, а над правым его плечом — две маленькие птички, ориентированные почти под прямым углом друг к другу. У левой руки беса — пара лебедей, расположенных друг под другом, обращенных головами и шеями вниз. Конечно, появление их здесь не случайно, но являются ли они символическими жертвоприношениями бесу, развивают и дополняют его образ или же выражают иные представления, сказать пока трудно.

Слева от выдры на изолированной плите — изображение дерева как будто со схематичной птицей на нижней ветке. Основание слегка загнуто, но понять изгиб трудно, так как он упирается в естественный выкол. У основания дерева удалось рассмотреть еще две схематичные птички.

Над выдрой и крупным лебедем в самой верхней части нижнего яруса — небольшое скопление, поврежденное довольно глубоким разломом. Здесь преобладают птицы, разные по стилю, технике выбивки и сохранности, включая схематичную птицу с двумя шеями, обращенными в разные стороны. Голова и шея лося (оленья) — еще один выразительный пример неполной фигуры. Там, где должно и могло располагаться туловище, выбит какой-то непонятный, неправильно-крестообразный знак, видимо, вовсе не связанный с лосиной головой.

Чуть западнее — странная антропоморфная фигура с длинной линией на месте ног, которая упирается в край отвесного выкола. В.И. Равдоникас принял ее за символический образ, который в реальной жизни носили как культовое изображение на шесте. Для А.М. Линевского этот «трезубец» — орудие рыбной ловли. Скорее всего, перед нами условная человекоподобная фигура, весьма необычная. Удивляет оформление нижней части — в виде длинного хвоста. Возможно, это комбинированный образ человека-змеи (или человека-зверя с длинным хвостом), наделенный какими-то сверхъестественными свойствами.

Уже упоминался выразительный «столбик» разнообразных рисунков слева от сома, вдоль него. В верхней его части — схематичное изображение зверя, скорее всего, медведя, затем птица, показанная как бы вниз головой, и сценка, изображающая морского зверя (нерпу), загарпуненного с небольшой лодки. Прежде все исследователи принимали ее за сцену рыболовного промысла. Правда, одни видели в ней рыбу, проткнутую «трезубцем», другие — небольшую лодку с одним гребцом, загарпунившим огромную рыбу. К.Д. Лаушкин по аналогии с одной из рун «Калевалы», рассказывающей о щуке из царства мертвых, решил, что в данной композиции запечатлены мифологический герой в лодке и чудовище нижнего мира — рыба.

Однако принимать загарпуненный объект за рыбу нет оснований. По общим очертаниям — он почти копия морских зверей (белух) из петроглифов Беломорья. Приходится только удивляться, что в свое время В.И. Равдоникас, как раз допускавший прямые контакты творцов беломорских и онежских петроглифов, не воспользовался такой аналогией. Теперь следует учитывать и еще одно обстоятельство. Среди костей, найденных на стоянках на соседнем с юга мысу Кладовец (непосредственно у петроглифов), оказались и кости тюленя (нерпы). Следовательно, нерпа водилась тогда в Онежском озере (с чем, однако, не согласен паразитолог Е.П. Иешко). Сейчас же она обитает только в Ладожском озере, откуда в глубокой древности и проникла сюда. Несомненно, она попала и в мифологию. Можно допускать поэтому, что у данной сцены местные корни. Ниже по краю пятна испорченной скалы несколько не вполне понятных и прежде недостаточно точно скопированных фигур. Кажется, среди них есть птицы и очень схематичная, явно мужская фигура.

В средней части «столбика» рисунков больше, и им еще теснее. Привлекает внимание многофигурная композиция, в которой человек бросает один за другим два гарпуна в крупную рыбу. Чаше всего ее так и понимали как сцену промысла на рыбу с помощью гарпуна. Пока лишь К.Д. Лаушкин увидел в ней отражение более сложного мифологического сюжета — освобождение огня-солнца из чрева чудовищной рыбы тремя гребцами-героями. Сокровенный смысл мифологической сцены, по его мнению, таков: «...некое божество подводит лодку с тремя гребцами к чудовищной рыбе, которая, должно быть, задерживает солнце в преисподней... Очень вероятно, что три гребца — это мифологические существа типа культурных героев, которые отправились в царство мертвых, чтобы в союзе с добрым божеством вернуть солнце на дневной небосвод».

Ниже выбит крупный лось (олень) в окружении разнообразных по виду и ориентировке птиц, в основном лебедей. В основании «столбика» всего две фигуры — птичка и необычного вида олень с длинной «птичьей» шеей, двумя расходящимися от одного ствола рождками (ушами) на голове и короткими, прямыми ногами. Видимо, перед нами пример переосмысления (еще в древности) первоначального образа, когда он путем нехитрых дополнений превращался в нечто иное, а в данном случае — в комбинированный образ оленя-птицы.

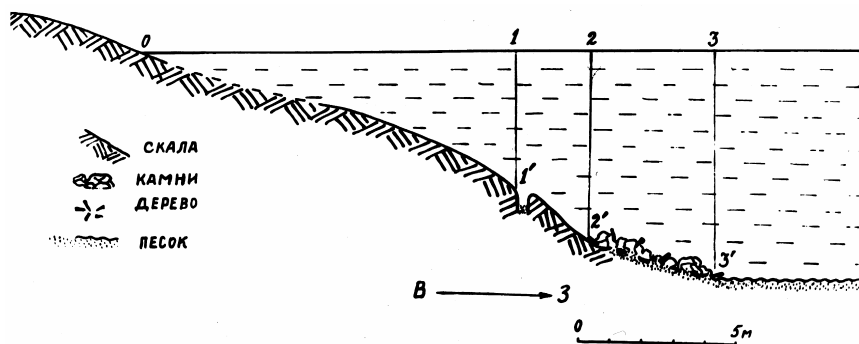
По правую сторону от сома рисунки разбросаны более свободно, но в целом тоже тянутся по склону сверху вниз, только более широкой полосой. Вверху оригинальная фигура в виде «луковицы». Почти впристык к ней выбита птица с узким, уплощенным туловищем.

Правее их еще одна комбинированная фигура, представляющая сочетание морского зверя (нерпы?) и лебедя. К сожалению, верхняя

часть шеи и головы птицы уничтожена сколом. Ниже – «двойная» птица, а также лебедь, заклеенный христианским крестом (почти таким же, как на бесе, но меньших размеров). Кроме того, имеется полоска, лебедь со странным, расширяющимся и усеченным сзади хвостом, непонятная фигура и выразительное изображение лося на очень длинных ногах. И здесь (правее от сома) удалось обнаружить несколько новых изображений: схематичную птицу, лодку и др.

Таковы петроглифы центральной части нижнего яруса, где вокруг триады рассредоточено около 50 фигур. В длину, вдоль кромки берега они тянутся на 7,7 м, в ширину – почти на 5 м. На правом краю нижнего яруса (который выдается на 5 м) еще несколько рисунков, в том числе сцена, изображающая мужчину-охотника с головой в виде контурного кружка, колющего массивного зверя (тоже контурного), видимо медведя. Чуть в стороне – лебедь, прежняя копия которого нуждается в уточнении. Туловище его вовсе не контурное, как показано В.И. Равдоникасом, а выбито сплошь по всей площади силуэта.

Наконец, немало удивляет крайняя к юго-востоку одиночная фигура – сильно схематизированная и тоже комбинированная. Верхняя часть ее – антропоморфное мужское изображение, а нижняя – птица, скорее всего лебедь. А.М. Линеvский трактует такой сложный образ как олицетворение некой стихии, вероятнее всего, неблагоприятного восточного ветра. Для ее успокоения и приносится жертва – убитый лебедь.

Профиль подводной части оконечности мыса Бесов Нос

В.И. Равдоникас воспринимал его иначе – как сложное изображение, в котором дугообразная линия с прямым отростком посредине соединяет следующие элементы: 1) обращенный вправо лебедь; 2) немного кривая линия с концом в форме наконечника копья; 3) линия с

перпендикулярным, идущим вниз отроостком, заканчивающимся схематическим изображением головы рогатого животного; 4) обращенная влево схематическая птица. По-видимому, здесь представлен комбинированный образ, в котором в единое целое слиты человеческое фаллическое существо и лебедь.

Противоположный, левый край нижнего яруса Бесова Носа длиной 5,5 м разбит разломами на четыре блока, которые ступеньками высотой от 5 до 15 см поднимаются в сторону триады. По ним почти по прямой тянется вереница крупных птиц. Всего их не менее пяти. К сожалению, часть птиц сильно пострадала от выколов и разломов. Замыкает стаю птица, в туловище которой почти в центре выбит четкий столбик. От следующей птицы сохранились лишь отрезки прямых линий, так что трудно решить, закончена ли она. У третьего по счету лебедя определенно контурное туловище. Четвертый же выбит сплошь. Правда, он без головы. Впереди стаи пятый лебедь с двумя лапами, повернут к низу и как бы слегка меняет направление общего движения. Перед ним, почти грудь в грудь, выбит другой, еще более крупный лебедь. Клюв его вонзился в маленькую птицу (утку?), с которой почти соприкасается и клюв предыдущего лебедя. В.И. Равдоникасу показалось, что изображена сцена пожирания утки двумя лебедями. Скорее всего, и данная сцена имеет мифологическую окраску.

Ниже лебедя, плывущего навстречу стае, лодка с 10 гребцами. Она привлекает повышенное внимание уже потому, что лодок в центральной группе Бесова Носа вообще очень мало. Позади, впереди, ниже и выше данной полосы фигур еще несколько выбивок. Стаю лебедей сзади как бы подгоняет небольшой человек с вытянутой рукой в позе просящего. За его спиной и чуть выше схематичная «двойная» птица в виде скобы. С подобными комбинированными образами мы уже встречались и будем встречаться еще не раз.

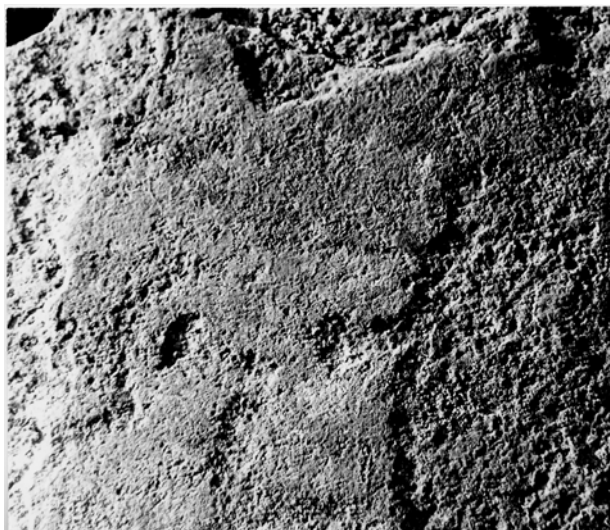
Ниже стаи видны схематичная птичка с изогнутой полукругом шейей и довольно крупный лебедь, почти касающийся клювом ног головного в стае лебедя. Наконец, внимание переключается на лебедя с длинной шейей, опущенной вниз. Ее касается клюв еще одной птицы, туловище которой не сохранилось. Над крупным лебедем перед стаей – другой, весьма необычный контурный лебедь. От его хвоста вверх и вниз отходят еще две птичьи шеи. Получается странная фантастическая птица с тремя шеями и головами и образ явно мифологический. Поодаль еще один лебедь. Впереди, на изолированной разломами плите, над сомнительной лодкой – любопытное по стилю антропоморфное изображение, почему-то не скопированное В.И. Равдоникасом, А.М. Линевский же его знал. Таковы петроглифы нижнего яруса.

Верхний ярус образуют две плиты. Одна длиной 6 м при ширине 3 м обрамлена сплошными выколами и отделена от нижнего яруса относительно широким и глубоким разломом-расщелиной. Под ее левой половиной – вторая плита длиной 5 м и шириной 2 м, разделенная трещинами на три отдельных куса. Поверхность плит темно-серого цвета, неровная, с многочисленными выщербинами и сколами. Петроглифы почти сливаются с фоном и видны значительно хуже. Их здесь немного – всего около двух десятков. Удалось обнаружить несколько новых фигур, а часть прежних копий уточнить. На месте линии с кружком на конце, отмеченной еще В.И. Равдоникасом, оказалась выразительная мужская фигура. Правее и ниже несколько разнообразных по виду птиц и какое-то крупное контурное изображение. Над ними еще одна до удивления странная человекоподобная фигура как будто с распоротым животом и птицей (лебедом) на голове. Шея птицы смыкается с рукой человека. Непропорционально большими выглядят мужские половые органы.

А.М. Линевский увидел в данной сцене «похитителя лебедя», а всю ее рассматривал как «некий документ о расправе с нарушителем собственности». К.Д. Лаушкин оспаривает такую расшифровку на том основании, что мелкий воришка не заслужил того, чтобы увековечили его память: «Уж больно мизерна кража; не очень высоко должен был цениться лебедь в глазах прионежцев, если это только всего что заурядная птица». В действительности здесь представлен мифологический персонаж, связанный с идеей размножения – мужское божество оплодотворения. Лебедь же – душа (в виде птицы) рожденного существа.

Трактовать рассмотренный образ в духе А.М. Линевого как документальную фиксацию конкретного «воровства», имевшего место в действительности, конечно же, совсем не обязательно, но появление самой темы наказания за нарушения границ промысловых угодий родовых общин и другие проступки вполне можно допустить. Она представлена и в беломорских петроглифах. Осуждение мог вызывать не столько нанесенный материальный ущерб, сколько сам факт подобных действий, решительно пресекавшихся.

Еще правее – наполовину уничтоженное поверхностным сколом крупное изображение выдры, обращенной почти навстречу выдре из триады. Если та как бы вылезает из воды, то эта «движется» вниз по склону к воде. Ниже, в правой части плиты, можно рассмотреть человека с шестом в руке и, похоже, идущего на коротких лыжах-снегоступах. По А.М. Линеvesкому, он держит пешню для добывания налимов ударами по тонкому льду. Под ногами – схематичная птица, а еще дальше почти по краю плиты – очень причудливая фигура, напоминающая антропоморфное существо в маске лося (оленья) с ветвистыми рогами на голове.

Фрагмент изображения нерпы

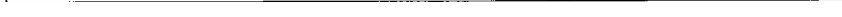
В.И. Равдоникас увидел в нем «пляшущего человечка» в маске рогатого животного. М. Биркит в свое время предположил, что имеет дело с незаконченным изображением оленя. А.М. Линевский принял фигуру за рыболовную снасть типа верши с прикрепленной к ней густой ветвью.

Столь разноречивые суждения лишний раз подтверждают объек-

тивную трудность расшифровки онежских петроглифов. Рядом – верхняя часть морского зверя. Низ его уничтожен широким разломом, разделяющим нижний и верхний ярусы рассматриваемого на скальном полотне. В древности оно было обширнее и богаче. Граница его простиралась дальше к северу. Фигура медведя, найденная в 9,2 м левее и выше стаи крупных лебедей, – лучшее тому свидетельство. Как показали подводные работы, часть плит с изображениями откололась и сползла в озеро.

В целом же число петроглифов на оконечности Бесова Носа увеличилось с 89 (данные В.И. Равдоникаса) до 115. Преобладают среди них птицы – 66. Зверей же совсем немного: лоси и северные олени – 6, морские звери (нерпы) – 3, медведи – 3, выдры – 2, бобры – 1, рыбы – 3. Относительно много антропоморфных фигур – 12. Лишь изредка выбиты лодки – 3 (с 14 гребцами в них) и гарпуны – 2. Встречаются линии, полосы, пятна – 7, непонятные фигуры – 6.

Очень странным кажется отсутствие здесь упоминавшихся уже солнечных и лунных знаков, придающих неповторимое своеобразие всему онежскому комплексу. И, наоборот, мы нигде больше не встретим изображений рыб и морских зверей. Чтобы понять причину столь разительного своеобразия западного (центрального) мыса Бесова Носа, необходимо внимательно ознакомиться и с остальными скоплениями онежских петроглифов. Вначале рассмотрим южную половину святили-

широкий в основании — около 400 м, в озеро же он выступает всего на 250 м. Оконечность его слегка скругленная, тоже довольно широкая — около 130 м. Почти на всем протяжении вдоль уреза воды на ширину до 10 м верхняя часть прибрежной скалы отслоилась на глубину 0,5–1,5 м и сползла в воду.

Основная часть петроглифов находится на центральной, в целом неровной, наиболее выступающей части мыса, где полоса выколов на время прерывается и прибрежный склон сохраняет почти первозданный вид, хотя время не пощадило и его. Сами рисунки занимают узкую полосу относительно ровной поверхности шириной 0,8–1 м. Лишь правый край ее резко поднимается вверх по склону, достигая ширины 1,6 м. Сверху полотно ограничено краем тонкого плоского скола, с боков — отвесными стенками глубоких выколов, а снизу — гребнем небольшого бугра, как бы прикрывающего полотно со стороны озера.

Петроглифы находятся на высоте 1,4–2 м над уровнем воды, но довольно далеко от ее уреза — в 8–10 м. В нижней, основной, части полотна скала красноватого цвета, с «пустынным загаром». Рисунки на ней видны особенно хорошо. Верхняя же часть, несравненно меньшая по площади и числу фигур, выступом заходит на темно-серую, изъеденную лишайниками поверхность и читается гораздо хуже. Некоторые из фигур из-за лишайников и эрозии вообще стали почти незаметны.

Наскальное полотно на мысе Кладовец

На левом краю Кладовца, в 62,6 м от центральной группы, у поворота от боковой стороны к оконечности, на очень гладкой покатой поверхности небольшого мыса высечен одиночный солярный знак. Выше его на протяжении примерно 20 м тянется удобный склон, на котором можно было свободно разместить все центральное скопление, но он почему-то не использован.

На противоположном, правом, краю, примерно в 74 м от центральной группы выбит кружок, две небольшие птички и непонятная по очертаниям фигура с необычайно тщательной, но настолько мелкой выбивкой, что ее трудно как следует скопировать. Входящие в основное скопление петроглифы сильно различаются по технике выбивки, стилю, размерам, ориентировке. Преобладают одиночные фигуры, но встречаются и композиции, их не менее четырех. Если рассматривать это небольшое полотно слева направо, то на левом краю можно увидеть пять разных по стилю и технике выбивки птиц – наглядное отражение стремления размещать разновременные фигурки близко одна к другой (в данном случае как бы по вертикали). Правее, за трещиной, уже настоящая сцена: лось с огромной, не пропорциональной туловищу вытянутой мордой, передняя нога которого касается лебедя. С крупом лося соприкасается второй лебедь, а над ним выбит и третий (часть его туловища уже утрачена).

В который раз мы встречаемся с попыткой соединить столь разных по своей природе животных: зверя и птицу. Маловероятно, что тут показаны реальные и желаемые объекты охоты или же магическое действие – жертвоприношение одной добычи ради получения другой. Скорее, это мифологические образы, олицетворяющие земную твердь и небесную сферу, но конкретный смысл сцены нам все же еще не вполне ясен.

Далее следует целая серия самых разнообразных птиц.

Петроглифы мыса Кладовец

Там, где полотно начинает расширяться, поднимаясь вверх по склону, имеется еще одна выразительная сцена – антропоморфная фигура с руками, сомкнутыми над головой. Она соприкасается с двухголовой птицей. Чуть правее – подобие морского зверя (крупной рыбы?). Выше фрагмент большой фигуры (верхняя часть ее уничтожена сколом), похожей на ногу человека. Все, что выбито еще выше, различается с трудом из-за крайне плохой сохранности поверхности, «съеденной» лишайниками.

В.И. Равдоникас полагал, что на Кладовце он имел дело лишь с остатками «некогда, по-видимому, большой группы изображений». Самому ему удалось зарегистрировать 34 фигуры (20 из них – фрагменты). Теперь их известно 43. Кроме того, не менее трех выразительных птиц (лебеди) открыто на одной из многочисленных плит на дне, отколовшихся от поверхности кромки берега. Подводные работы здесь еще не завершены.

Преобладают на Кладовце изображения птиц, преимущественно лебедей – 28. Других сюжетов совсем мало: лось, морской зверь (нерпа), антропоморфные фигуры – 2, солярный знак, пятна, овалы, полосы – 8, фрагменты – 2. Сколько изображений было первоначально, никто не знает, ведь утраты на Кладовце особенно ощутимы. Огромные площади прибрежной скалы отслоились и сползли в воду, нарушив первозданный его облик. На доминирование птиц обратил внимание еще А.М. Линевский, объяснивший это местоположением мыса и культом водоплавающей птицы, прежде всего лебедя. По мнению Р.Б. Климова, петроглифы на Кладовце стали появляться очень рано. Единичные изображения выбивались и позднее – во все основные периоды функционирования комплекса.

Отметим в заключение, что на оконечности Кладовца обнаружены и следы производственной деятельности. Кое-где вдоль уреза воды в древности скала использовалась в качестве шлифовальной плиты. Не исключено, что необычные, недвижимые шлифовальные плиты того же времени, что и рисунки. Путем шлифования доводились до завершения и затачивались сланцевые рубящие орудия. Потребность в них жителями лесного края ощущалась постоянно – для выделки лодок, деревянных рукоятей и разного рода приспособлений, строительства жилищ и т.д. Для выбивания петроглифов сланцевые орудия, естественно, не годились ввиду их недостаточной прочности. С этой целью, скорее всего, использовался кварц.

УСТЬЕ РЕЧКИ ЧЕРНОЙ И ГАЖИЙ НОС

По мере удаления от Бесова Носа к югу число изображений заметно убывает, а сами они становятся менее разнообразными и более схематичными. Правда, новые открытия несколько обогатили и их.

Это уже южная часть онежского комплекса. В 200 м от основания Кладовца в Онежское озеро впадает речка Черная. По правому берегу устье ее обрамляет массивный выход скалы, от которого в сторону Кладовца тянется небольшой отрог. Низкая перемычка в основании, как правило, заливается, и тогда отрог превращается в островок размером 25х17 м. У подошвы его выступающей бугром вершины найдена одиночная фигура человека, больше других напоминающая изображения людей в петроглифах Беломорья.

По другую сторону вершины, на небольшой, почти горизонтальной площадке, обращенной в сторону озера, оказалось подобие кольцевой композиции из семи фигур. Появились они, видимо, уже на заключительном этапе функционирования святилища. Различаются два медведя, лось (олень), две птицы, лыжник с длинной палкой и непонятная фигура. Хотя все они выбиты довольно глубоко и хорошо сохранились, но практически не видны, поскольку совершенно сливаются с темным, почти черным (из-за лишайников и других микроорганизмов) фоном скалы.

Речка Черная небольшая, всего 50–70 м шириной, но для пешехода это серьезный водный рубеж. Моста через нее нет и, чтобы переправиться, приходится ждать случайную лодку или же готовить плот. Правда, при необходимости, речку можно и переплыть. За ней хорошо виден следующий мыс – Гажий Нос. Двигаться к нему лучше всего по песчаному пляжу. Выше берег труднопроходимый, без обычной лесной тропы по его краю. Гажий Нос – массивный и высокий мыс с более крутым прибрежным склоном. Передвигаться по нему значительно труднее и даже опаснее. Местами из-под почвы, под которую уходят скалы, сочится вода, скала намокает, становится скользкой. Съехать по ней в озеро можно быстро, но выбраться оттуда много труднее, особенно когда штормит.

Петроглифы обнаружены только на северной стороне, обращенной к Кладовцу, недалеко от основания. Они занимают четко очерченный слегка выдвинутый в озеро, относительно крутой прибрежный склон шириной 7–10 м и длиной около 35–40 м. Поверхность его красновато-коричневатая, покрыта множеством неглубоких трещин и выщербин. Это крайний из трех вытянутых вдоль уреза воды в сторону оконечности участков, отделенных от коренного берега разломами и провалами, заполненными валунами. Отвесные торцы как бы находят друг на друга. Торец берегового склона с рисунками омывается небольшим заливчиком, удобным для причаливания лодок.

Далее к оконечности мыса тянется полоса крутого широкого прибрежного скалистого склона. Кромка его почти на всем протяжении отслоилась и оказалась в воде. Плохая сохранность мыса не позволяет ответить на вопрос, были ли здесь другие участки с петроглифами,

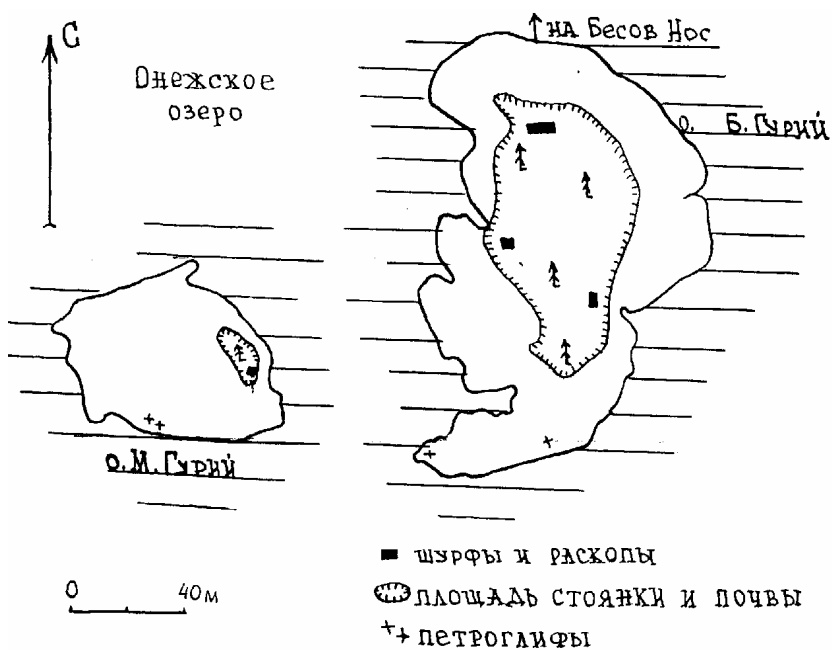
кроме того, что зафиксировал В.И. Равдоникас. Им найдено только 12 довольно схематичных фигур. Дополнительное обследование внесло лишь незначительные поправки и уточнения к прежним копиям. Всего оказалось 13 изображений. Похоже, что возникли они на заключительной стадии онежского святилища как звено, соединяющее береговую часть комплекса с Гурьими островами. Все три слегка обособленных скопления Гажьего Носа, возможно, как-то связаны между собой.

Ведущим сюжетом остаются птицы – 8 из 13 фигур. Кроме них имеются антропоморфная фигура, какой-то зверек, три линии. Выбивка довольно грубая и уже сильно сглаженная, поскольку расположены изображения на высоте 1,6–1,7 м над уровнем воды и постоянно омываются волнами. Фигуры хорошо заметны при любой погоде, однако при сильном волнении на озере они становятся труднодоступными. Данное небольшое скопление очень схематичных, грубых по технике выбивки и невыразительных по стилю фигур все же заслуживает пристального внимания уже потому, что дает некоторое представление о развитии всего комплекса, расширении его границ.

ГУРЬИ ОСТРОВА

За Гажьим Носом следуют еще два мыса, но изображений на них найти не удалось. Они оказались на близлежащих островах Большой и Малый Гурий. Назвать один из Гурьих островов большим (его диаметр всего 200 м) можно лишь по отношению к его крошечному соседу. Оба острова находятся рядом, за предпоследним и большим по площади мысом Толстый, в 5,5 км к юго-востоку от оконечности Бесова Носа и в 3,7 км от устья р. Черной. С петроглифов Гажьего Носа Гурии острова вообще не видны, хотя оттуда до них всего 2,5 км. Мешает оконечность мыса Гажий Нос. Большой Гурий остров имеет круглую форму и ровную как стол вершину, на краю которой в одном месте намыта песчаная дюна. Самая высокая точка ее над уровнем озера – 6 м.

От скалистого основания острова в юго-западном направлении отходит гранитный мыс. На его небольшой оконечности в 1934 г. Б.Ф. Земляков открыл первую островную группу онежских петроглифов. Почти у самой воды, видимо, еще на ранней стадии святилища выбито 12 фигур. Все они хорошей сохранности, но сильно сглажены, поскольку постоянно омываются водой. В их числе лось, а ниже (слева направо) лодка с 9 гребцами и лунарный знак под нею, 3 лебедя, очень грубый солярный знак и выразительная кольцевая композиция в округлом темном пятне: лебедь с дугами внутри контурного туловища, пятнышко под ним, солярный знак и 2 лося.

Острова Большой и Малый Гур'ий. План

К.Д. Лаушкин увидел в данной сцене отражение мифа о начале мира примерно следующего содержания: «Из горных сфер прилетела птица. Она снесла чудесное яйцо. Из яйца вышли и солнце и звезды, которые прячутся в образах животных». Творцы рисунков, следовательно, как и рунопевцы, начало мира связывали с островом. Миф увековечен на острове для того, чтобы магическим путем закрепить то устройство Вселенной, к которому первобытный человек привык и изменений в котором очень боялся.

В.И. Равдоникасу показалось, что данная группа петроглифов располагалась необычайно низко над водой — «настолько низко, что вода заливает их даже при самом незначительном волнении». При измерении и зарисовке изображений им пришлось стоять в воде, а калькирование и фотографирование вообще оказалось невозможным. Эта информация вызывает удивление уже потому, что рассматриваемые изображения имеют отнюдь не самые низкие высотные отметки. Они копируются и фотографируются без особых сложностей. Если допустить, что тогда уровень воды действительно был выше, то и другие петроглифы, например, на оконечности Карецкого Носа, на

Пери IV и VI, северной группы Бесова Носа, должны были бы находиться под водой, но все они скопированы В.И. Равдоникасом. Остается предположить, что работы на острове велись при сильных волнах. Напрашивается даже еретическая мысль, что сам остров с тех пор испытал некоторое поднятие.

Вид на острова Большой и Малый Гурий

Примерно в 30 м, на пологом северо-восточном склоне острова оказалось еще одно небольшое, не замеченное прежде скопление. Оно расположено на краю слабо выраженной ложбины в основании упоминавшегося мыса, в 5,5 м от воды, как бы в двух пунктах. Одна часть петроглифов покрыта темной патиной, вторая, расположенная в 1,3 м от нее, — светло-зелеными лишайниками. В общей сложности насчитывается 11 изображений. В первой группе две корзинообразные и одна еще более оригинальная фигура, лодка, солярный знак и пятно (незаконченная фигура?). Во второй — лодка с пятью гребцами, солярный и лунарный знаки, зверь с длинным хвостом, птица и полоска.

Заметны они настолько плохо, что выявлены лишь в несколько приемов. Явных композиций не видно, но смысловая связь между фигурами не исключена. В целом Большой Гурий остров, по Р.Б. Климову, возник как южный предел всего онежского комплекса-святилища и

был главным центром лунного культа. Тут будто бы отправной пункт для «движения» лунарных знаков всех групп, а для солярных — конечный. Позднее, кроме космогонической здесь развивалась и тема плодородия.

Еще более неожиданным явилось открытие петроглифов на соседнем, совсем крошечном и плоском скалистом островке Малый Гурий размером всего 30 × 40 м — излюбленном пристанище чаек. Вершина

Петроглифы на острове Большой Гурий

его, как бы смещенная к северо-восточному краю, поднимается над уровнем озера не более чем на 2 м. Только сама макушка на площади 8×15 м покрыта почвой с несколькими хвойными деревьями. По южной и западной сторонам – обширные площади идеально гладкой, плавно уходящей в воду скалы. Лишь в одном месте, на южной стороне островка (приблизительно напротив участка с деревьями), выбиты петроглифы. Здесь на площади $1,5 \text{ м}^2$ выявлено 15 фигур, в том числе 4 птицы (3 из них с дугами внутри контурных туловищ); 2 лодки (в них 15 гребцов); человек и солярный знак над его головой, полоска и 3 зверя (олени?). Они довольно однородны по стилю, технике нанесения и, вероятно, возникли на позднем этапе. Ощутимые ниточки связи отсюда тянутся к скоплениям на других мысах, где встречаются лебеди с дугами внутри контурных туловищ (северный мыс Бесова Носа, Пери III).

Новые петроглифы на острове Большой Гурий

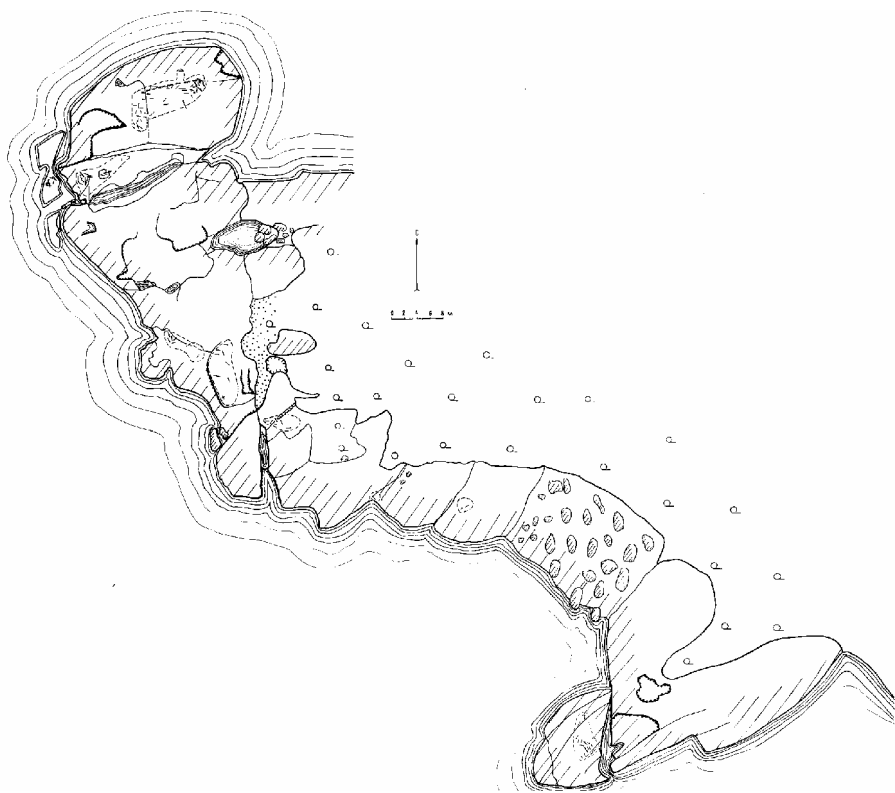
Скорее всего, островок осваивался сравнительно поздно как продолжение Большого Гурья. Здесь самое южное скопление онежских петроглифов и всего святилища. Возможно, оно как-то связано с самым северным скоплением в устье р. Водлы. Закончив обзор южной части онежского комплекса, можно двигаться обратно или по берегу (к основанию Бесова Носа), или у устья р. Черной повернуть вверх по склону к д. Бесов Нос. Оттуда недалеко до Пери Носа – самого богатого из всех мысов.

Петроглифы на островке Малый Гурий

ПЕРИ НОС

Вернемся в центр комплекса, теперь уже на Пери Нос. Он не遠далеке, севернее Бесова Носа. На нем выбито более 400 фигур и знаков — почти половина всех онежских петроглифов. Правда, часть их вывезена в музеи, отчего мыс стал беднее. Однако и сейчас Пери Нос остается одним из наиболее привлекательных для посетителей. Соляренный знак, найденный под водой в 21,5 м от его оконечности, свидетельствует, что какая-то часть изображений откололась вместе с плитами гранита и находится на дне озера. Судя по небольшому числу сколов, их все же там немного. Относительно полная и хорошая, а то и отличная сохранность петроглифов Пери Носа — также немаловажное их достоинство.

Оконечность мыса Пери Нос. План

Отыскать большинство рисунков нетрудно. Они как бы жмутся к воде, располагаясь на высоте 0,3–1,5 м. При сильном волнении их накрывают набегающие волны, и тогда поиски становятся бесполезными и даже опасными — легко поскользнуться и съехать в озеро. Такое случалось. Постоянное омывание скалы, наиболее сильное вдоль уреза воды, очищает ее, мешает закрепиться лишайникам и осадкам на этой гладкой коричневато-красноватого цвета поверхности. В то же время волны упорно, хотя и очень медленно, сглаживают поверхность изобразжений. Гораздо опаснее появление трещин и разломов. Под воздействием льда они расширяются и отделяют от края прибрежной скалы отдельные блоки. Отколовшись, они затем оказываются в озере. На эту работу природа тратит века.

Сам мыс не очень большой, но со сложной конфигурацией. У него широкое, около 300 м, основание и узкая оконечность в виде длинного

гранитного языка. Вся длина Пери Носа около 300 м. Прибрежная кромка его неровная, с семью выступами-мысками, разделенными живописными бухтами и заливчиками. И здесь петроглифы концентрируются в отдельных, порой до предела насыщенных скоплениях. Площадь их небольшая — от 0,5 до 2 м². Между ними встречаются одиночные изображения, а чаще просто неиспользованные участки. Бывает, что отдельные сцены или одиночные фигуры, как в рамку, вписаны в более темные пятна, отчетливо выделяющиеся на фоне коричневатокрасноватой поверхности.

Как творцы рисунков воспринимали причудливые очертания мыса Пери? А.М. Линевский предлагал, добравшись до его вершины, встать лицом на юго-запад. Отсюда пятый, предпоследний, выступ кажется похожим на голову гигантского пресмыкающегося, а четвертый и шестой — на его лапы. Стоит повернуться назад, и первый мыс напомнит хвост зверя. Отсюда и предположение, что, быть может, необычная форма Пери Носа ассоциировалась у древних с представлениями о чудовище. Вот поэтому-то на мысу Пери V (голова чудовища) изображений нет. Причудливые очертания прибрежных скал, их яркий цвет — одна из причин появления здесь культового места.

Скорее всего, не столько общая конфигурация мыса, вызывавшая какие-то ассоциации, сколько расчлененность прибрежных скал на отдельные, относительно изолированные части привлекала сюда творцов петроглифов. Здесь был выбор, возможность использования новых полотен в противовес старым, как бы отходившим на второй план. Видимо, сказывалось желание обновлять прежние сюжеты, думать о целенаправленности и силе воздействия выбитых изображений. Центральные группы (скопления) использовались чаще и активнее, чем периферийные. Они более насыщенные и постоянно пополнялись и обновлялись. Бросается в глаза то, что иногда рисунки находятся в относительно неудобных местах, а идеальные, казалось бы, участки прибрежных скал зачастую не использовались. Наличие удобных, более или менее обособленных и в то же время расположенных довольно компактно участков, видимо, и влекло на Пери Нос.

К.Д. Лаушкин, ссылаясь на обилие соляных и лунарных знаков (всего около 150), полагал, что именно на Пери особенно интенсивно бился пульс духовной жизни, что здесь находился центр всего онежского святилища. Его посещали чаще других, и он занимал в сознании людей особо важное место. Притягательным Пери Нос остается для современных посетителей прежде всего обилием и относительно хорошей сохранностью изображений, их доступностью для обозрения. Выбиты они на пологой, зачастую почти горизонтальной поверхности, что позволяет рассматривать рисунки стоя, сидя и даже лежа. Здесь невольно хочется задержаться подольше.

Особенно приятны скалы в теплую летнюю погоду. Нагреваясь, они затем долго излучают тепло. Прикосновение к скале босой ладонью, рукой или телом доставляет истинное удовольствие. Мелководные прибрежные бухточки между мысами (особенно справа и слева от Пери V) – идеальные естественные купальни, где всегда можно найти закуток, скрытый от ветра, иногда даже летом пронизывающе холодного. Конечно, многие из приятных современному человеку факторов как-то осознавали и древние люди. Приходили же они сюда отнюдь не ради отдыха и обыденных развлечений, а для укрепления духа, жизнестойкости. Какими же были их намерения в действительности? Можно ли судить об этом по выбитым изображениям? Попытаемся обратиться к ним, тем более что других прямых свидетельств не осталось. Первое впечатление, что рисунки примитивны, однообразны и невыразительны, обманчиво. Они вызывают живой интерес даже у непосвященных, далеких от искусства людей.

На мысах Пери Нос доминируют птицы. Несмотря на сходную стилистическую манеру и технику исполнения, они вовсе не дублируют друг друга. Напротив, нередко подчеркнуты индивидуальные признаки. У одних птиц показана нога, изредка две, а у других они не обозначены вовсе. Очень разные наклон шеи и положение головы. По-разному передаются туловище и хвост. Наконец, изредка встречаются птицы с ушами в виде двух выступов (как у лесных зверей). Говорят, уши даны, чтобы слышать. Наверное, и выбитый на монолите прибрежной скалы лебедь с ушами наделен способностью слышать, получать какую-то звуковую информацию. Кроме того, каждая из птиц находится в разном сочетании друг с другом и с остальными фигурами, по-разному ориентированы и связаны с окружающей местностью. Здесь нет нудного однообразия. Каждая фигура, сцена, скопление имеют свою самостоятельную ценность. Встречаются и близкие по виду изображения, указывающие на внутренние взаимосвязи и взаимодействие наскальных полотен.

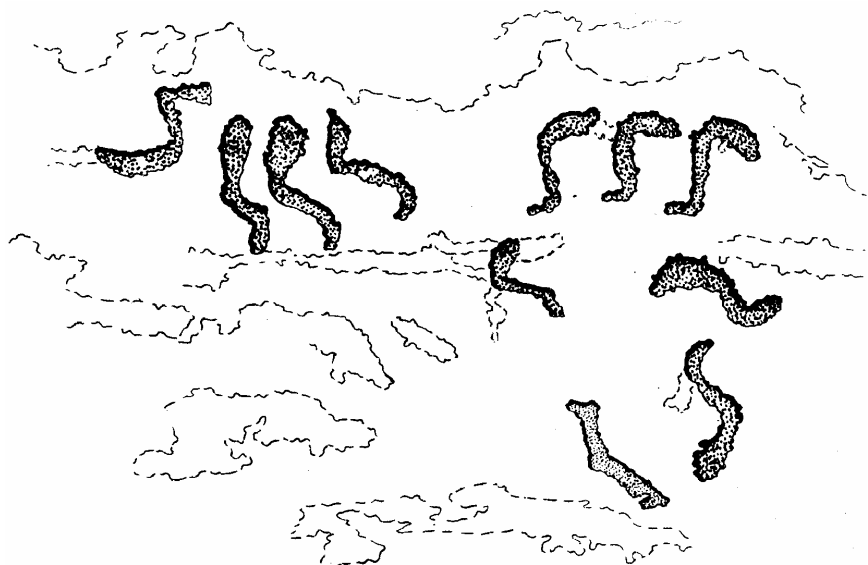
Откуда же лучше всего начинать осмотр Пери Носа? С его окраин или же с оконечности? Может, избрать хронологическую последовательность – от самых ранних групп к более поздним? Пожалуй, такой маршрут был бы наиболее интересным, но здесь он (как экскурсионный) непригоден. Пришлось бы неоднократно перемещаться из конца в конец мыса. Главная сложность даже не в этом. Хронологию, этапность петроглифов Пери Носа (как и всего онежского комплекса) предстоит еще выяснить. Это не простая и все еще не решенная проблема. Не установлена даже общая длительность функционирования петроглифов Онежского озера. Одни считают, что она измеряется веками, другие, что тысячелетиями

(от середины IV до конца II тыс. до н.э.). Можно думать, что традиция нанесения и почитания петроглифов бытовала продолжительное время и отразила существенные сдвиги в сознании обитавшего здесь населения.

Но вернемся к маршруту. Заманчиво вести обзор по ходу общего движения — от Бесова Носа к Пери и далее к следующему, Карецкому Носу. Однако, следуя давней традиции и принятой порядковой нумерации скоплений, придется сразу же пройти к Пери I и двигаться затем в обратном направлении — в сторону Бесова Носа. Наверное, так будет даже интереснее. Всего по краю Пери Носа насчитывается семь мысов, разных по размерам, конфигурации, характеру поверхности. В основном они тяготеют к оконечности и затем тянутся по южной, наиболее длинной стороне, обращенной к Бесову Носу. По найденной лесной тропе, ведущей прямо к оконечности, можно подняться на вершину мыса, затем по крутому склону спуститься на берег, обращенный к островку Модуж и мысу Карецкий. Здесь, почти у основания Пери Носа, имеющего вид плавной закругляющейся дуги (сглаживающей переход от самого гранитного мыса непосредственно к коренному берегу), и находится мыс Пери I.

Пери I — довольно обширный, слабо выступающий мыс с неровной поверхностью. Перед ним островок Модуж. Изображения находятся в центральной, пониженной части и на выступающем углом правом фланге. Их всего 11, включая 9 птиц, довольно схематичных, и две непонятные фигуры. Сосредоточены они четырьмя малочисленными, в 2–3 изображения, скоплениями и тянутся на протяжении 100 м в основном вдоль самой кромки берега на высоте 0,5–1,2 м над уровнем озера. Невыразительные, однообразные по сюжетам рисунки, которые к тому же не так легко разыскать, могут кого-то разочаровать. Стоило ли идти сюда? Не будем спешить с выводами, лучше попытаемся провести собственное полевое исследование.

Присмотревшись, увидим, что петроглифы здесь не так уж однообразны. Все они очень небольшие, а некоторые и вовсе крошечных размеров. Такая «миниатюризация», возможно, связана с состоянием скалы — очень неровной, иссеченной шрамами и выщербинами, с преобладанием темно-серой и небольшими участками красновато-коричневатой поверхности. Любопытна и топография. Обычно рисунки стремились помещать ближе к оконечности мысов, т.е. «выносить» дальше в озеро. Здесь же они находятся в основании коренного берега озера. По-видимому, мыс начал осваиваться относительно поздно и, возможно, действительно самостоятельного культового значения не имел, а выполнял роль связующего звена между Карецким Носом и мысами Пери II и III.

Петроглифы на островке Модуж

Прежде чем перемещаться к мысу Пери II, можно посетить скалистый островок Модуж с неровной поверхностью, отделенный проливом шириной 40–50 м. В маловодный год на него легко перейти вброд. Здесь, в устье узкого, врезающегося в островок заливчика, на небольшом плоском уступе с темной поверхностью, на высоте 0,9–1,1 м над уровнем воды обнаружено небольшое скопление площадью 0,4 м² с 11 фигурами: 8 определенно птицы и 3 загадочные замкнутые полосы, похоже, тоже птицы, но крайне схематизированные. Все они группируются в две стаи, причем в одной показаны необычно — друг над другом, как бы по вертикали. Не исключено, что это одна из самых поздних выбивок с целью включить данный островок в систему мысов Пери II и III.

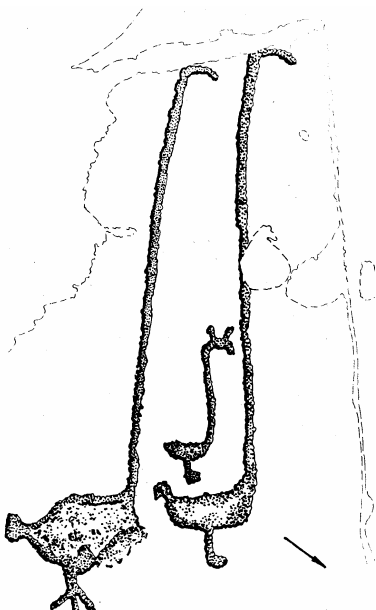
Пери II находится примерно в 100 м перед самой оконечностью. Точнее, является ее частью. Их разделяет неширокий валунно-галечный пляж, трижды прерываемый небольшими плоскими выходами скалы, но без рисунков. Пляж обрамляет густая стена леса. Мыс Пери II выступает почти прямым углом. Но если склон, обращенный к северу, в сторону открытого озера, высокий и с почти прямым краем, то западный полуовальный, более низкий и менее ровный. Поверхность скалы серая или даже темная, с сильной патиной, изображения на ней видны плохо. Не случайно В.И. Равдоникасу удалось зафиксировать всего 6 петроглифов.

Нам с немалым трудом (в несколько приемов) посчастливилось выявить еще 8, и, таким образом, их общее число возросло до 14. Опознаются птицы – 5, антропоморфные фигуры – 2, змеи – 2, непонятные фигуры и знаки. Преобладают одиночные фигуры, рассеянные по плоскости скалы довольно свободно, на значительном расстоянии друг от друга и на разной высоте над уровнем озера. Они тянутся на протяжении почти 40 м, вначале по западному, затем по северному, более прямому и ровному краю.

Среди них встречаются весьма необычные, вроде змеи с отростками на месте изгибов. Имеются и две композиции (обе на левом фланге): антропоморфная фигура, на голове которой «растет» дерево или ветка с птицей на вершине, и пара лебедей с неестественно длинными шеями, в 3,5 раза превышающими длину их тела. Между шеями птенец с небольшими «рожками» на голове, видимо, обозначающими уши.

Возможно, к данной сцене имеет отношение и контурный лебедь, голова которого уничтожена выбоиной, расположенной сзади. Содержание обеих сцен в подробностях реконструировать навряд ли удастся, но какие-то аналогии напрашиваются. Так, этнография и фольклор донесли до нас образы шаманов с веткой (деревом) на голове. Не случайно и присутствие птицы как вместилища и переносчика души. Мифологическую окраску имеет и семья лебедей. Заметим, что тематика выбивок становится разнообразнее по сравнению с Пери I. Думается, что данный мыс и использовался дольше. Человекоподобная фигура, выбитая редкими поверхностными точечными ударами (так что ее почти невозможно скопировать путем протирки), производит впечатление весьма поздней.

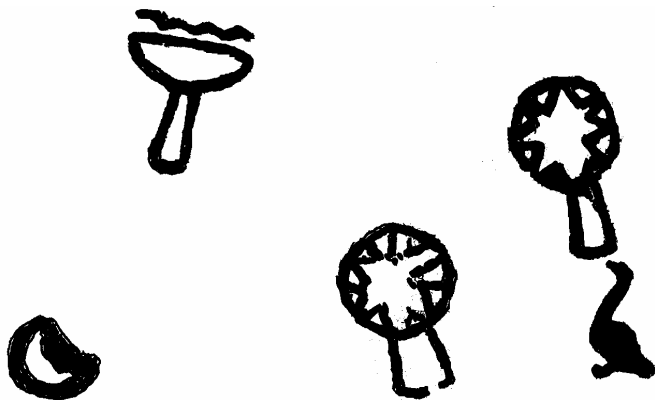
Отсюда рукой подать до самого большого и насыщенного петроглифами мыса Пери III. Это один из основных центров онежского святилища (наряду с Бесовым Носом), занимавшего оконечность Пери и часть берега, прилегающего к ней с северо-запада. Еще раз подтверждается наблюдение, что в целом петроглифы приурочены к

Петроглифы мыса Пери II

носовине, а не к основанию мысов. Пери III далеко выдается в озеро и ориентирован на запад, что и определило, по Р.Б. Климову, тематику большинства петроглифов. Они начали появляться уже на ранней стадии формирования онежского комплекса.

Между мысами Пери II и III, разделяемыми, скорее, по традиции, – заливчик с широким устьем. В основании его – небольшой внутренний мыс с расширением и легким подъемом в сторону оконечности. Этот короткий пологий склон шириной около 5 м – своеобразный мостик от Пери II к Пери III, за что и назван «переходом». Он смыкается с ложбиной, пересекающей Пери III и отделяющей его оконечность. Поверхность его серая и, на первый взгляд, малоинтересная, однако еще В.И. Равдоникас заметил здесь две фигуры: лебедя (именно он украшает обложку упоминавшейся уже его фундаментальной публикации онежских петроглифов) и солярный знак. Правда, обе скопированы были не совсем точно. Линия, которая под углом отходит от шеи лебедя, – это естественный шрам. Солярный же знак не вполне контурный; внутри кружка оставлен нетронутым четкий узкий серп естественной поверхности – возможно, еще один пример намеренного совмещения солярного и лунарного знаков. Ясно, что такие детали нельзя относить к разряду мелочей, они существенно влияют на понимание фигур.

Петроглифы мыса Пери II («на переходе»)

Еще удивительнее другое: на переходе нам удалось разыскать 15 новых фигур, включая интересное скопление из 6 изображений: лебедь, кружок с вписанной в него многоугольной звездой, еще один круг с подобным внутриконтурным заполнением, серповидная фигу-

ра с неровной соединительной линией между рожками серпа и, наконец, закрытый лунарный знак с прямым основанием. Ниже – вторая соединительная черта, но уже в виде ломаной линии. Появление столь редких солярных и лунарных знаков с необычными деталями обогащает и разнообразит всю уникальную серию подобных фигур. Кроме того, можно отметить миниатюрный солярный знак с одним лучом, схематичное изображение птицы, фрагменты выбивок и др. Среди них тоже имеются почти незаметные.

Пери III. Всего на данном мысу насчитывается теперь не менее 190 фигур, не считая тех, что стали музейными экспонатами, В.И. Равдоникас разыскал 152. Выделено около десятка компактных скоплений площадью 1–3 м². Между ними размещаются одиночные фигуры – одна, две, а то и больше. Обычно они хорошо заметны благодаря контрасту коричневато-красноватой скалы и белесой поверхности выбитого силуэта.

Чтобы продолжить знакомство с петроглифами Пери III, следует пройти на самую оконечность. Она выглядит как обширный сегмент покато́й гладкой, глянцевой поверхности с большими выколами скалы в правом и левом углах. По обе стороны от широкой трещины, которая служит основанием сегмента, на протяжении почти 11,5 м тянутся изображения. Выше трещины они иногда заходят на зеленовато-сероватую поверхность, где заметны гораздо хуже, чем под трещиной на красновато-коричневатой скале.

Крайнее с запада скопление занимает всего 1 м² скалы, но включает около 20 фигур. Благодаря довольно глубокой выбивке (то очень тщательной, то относительно грубой) и контрасту белесого силуэта с красновато-коричневым фоном рисунки хорошо видны практически в любую погоду, в косых лучах солнца они становятся еще более рельефными. Привлекает внимание небольшая сцена: мужчина с коротким, торчащим вверх выступом на затылке, держит веслообразную фигуру. А.М. Линевский трактует ее как изображение охотничьего предания – мифа о некоем удачливом охотнике, убившем огромную птицу. По расшифровке же К.Д. Лаушкина, перед нами мифологическое существо с чудесным веслом, наделенным сверхъестественными качествами.

Над головой человека две птицы, соприкасающиеся хвостами. Подобные «двойные» (или парные) образы птиц уже встречались не раз. Можно проследить и сам процесс все большего срастания таких пар, итогом которого явилось появление птиц с общим туловищем и двумя шеями.

Преобладают одиночные фигуры: лось с массивной мордой и относительно длинным хвостом, схематичная антропоморфная фигура с едва намеченными руками, пять солярных и один лунарный

знаки и др. Юго-восточнее — лодка с высоким форштевнем и четырьмя бугорками, обозначающими гребцов. Вглядываясь в сгрудившиеся на пятачке скалы рисунки, невольно задаешься вопросом: не образуют ли они (или хотя бы их часть) единую композицию? С уверенностью можно говорить только, что созданы они не в один прием. Особняком стоит несколько схематичных, грубых по контуру и выбивке фигур.

К числу самых ранних можно отнести лося, крупный солярный знак над его головой и, возможно, сцену с веслообразной фигурой, в которой, впрочем, человек мог быть пририсован и несколько позднее. Видно, что данное скопление со временем обновлялось и пополнялось. Бросается в глаза, что все пять солярных знаков близки по типу и раскрытыми лучами обращены в одном направлении — на запад или почти на запад — интересный пример «дублирования» сходных образов.

Немного западнее более явная композиция. В ней гораздо легче определить верх и низ, так как рисунки тянутся полосой, друг за другом. Если рассматривать их с запада на восток, то вначале окажутся два довольно крупных «полосатых» лебедя. Они обращены друг к другу брюшками и соприкасаются лапами. Внутри их туловищ выбито лишь по одной дуге. Такие лебеди (правда, не с одной, а с двумя дугами) встречались уже не раз. Навстречу соединенной столь странным образом паре лебедей движется выводок из трех небольших силуэтных птиц. За хвостом последней — небольшая лодочка с двумя гребцами, плывущая в противоположном направлении — на восток. Явные композиции (а таких в онежских петроглифах не так уж мало) вызывают повышенный интерес. Появление их — важный шаг в развитии послепалеолитического монументального искусства в целом. Композиции легче, чем разрозненные фигуры, поддаются расшифровке. Они выразительнее и для зрителей.

На пути к следующему скоплению можно рассмотреть маленькую схематичную фигурку человека без руки и ступни, «закрытый» солярный знак, кружок, лодку, оленя с длинной шеей. Вот и участок, сильно насыщенный рисунками. Среди них много одиночных: несколько птиц, лось (с громадной, почти квадратной мордой), три кружка, два олененка, идущих друг за другом, необычный стержень (жезл) с навершием в виде головы лося, лодка без гребцов. И, наконец, скопление из четырех фигур. В нем две птицы (одна довольно схематичная), короткая полоска и человекоподобное существо без головы, напоминающее лягушку.

Ниже по склону, ближе к урезу воды, петроглифов становится еще больше. Имеются и бесспорные композиции, например два

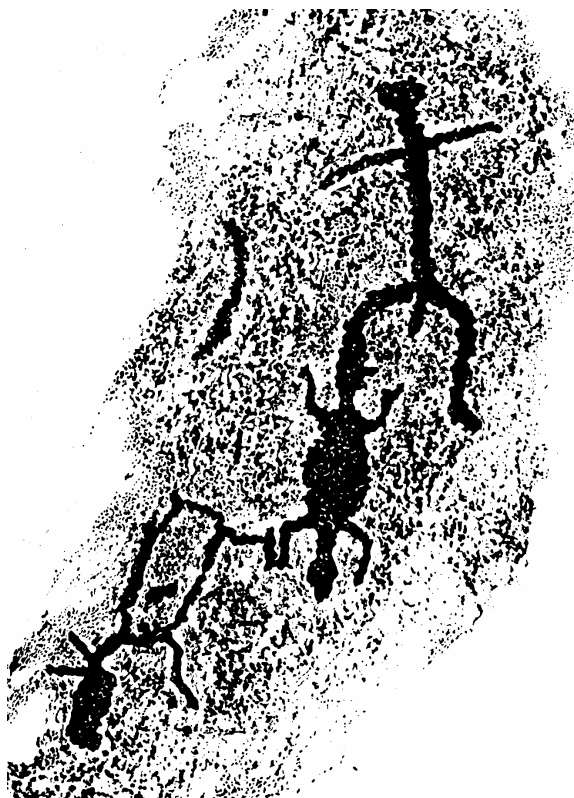
выводка из четырех и шести птиц. В том и другом случаях впереди матка, за ней в ряд плывет выводок птенцов. Дважды птицы показаны парами, тоже друг за другом. Выводки диких водоплавающих птиц можно наблюдать на водоемах Карелии и поныне. Ни одна из таких встреч не оставляет современного человека равнодушным. И все же не простое любование натурой вызывало появление подобных сцен на скальных полотнах. Нет оснований считать их сценками, воспроизводившими конкретные, живые зрительные впечатления. Не случайно они соседствуют с более сложными образами, связанными с космогоническими представлениями и темой плодородия.

Вот две похожие, почти соприкасающиеся хвостами птицы. Чуть правее — верхняя половина туловища человека с воздетыми к небу трехпалыми руками. Голова его имеет вид контурного кружка с хвостиком-отростком у шеи. Появление столь странных персонажей с недостающими частями тела А.Я. Брюсов, опираясь на этнографический и фольклорный материал, пробовал связывать с древними представлениями о лунных фазах. Ему казалось, что подобно ущербу лунного диска люди тоже изображаются без какой-нибудь части тела или с неполным набором пальцев рук. А.М. Линевский же воспринимал данный образ как олицетворение некой стихии, например восточного ветра, нежелательного для жителей побережья.

Нельзя исключить и такого объяснения: фигура выбивалась на самом урезе воды, так что отсутствующая часть приходилась на недоступное подводное пространство. На тесную связь данного образа с водой определенно указывают упомянутые птицы, выбитые рядом и как будто на плаву. Выше более грубая по технике выбивки фигурка человека с расставленными в стороны и согнутыми в коленях ногами и раскинутыми, тоже трехпалыми руками. Изображения лося и лодки с шестью гребцами, скопированные В.И. Равдоникасом, разыскать так и не удалось.

После оконечности Пери Носа легко выйти на его юго-западную сторону. За углом выкола скалы, примерно в 5 м к юго-западу, по краю очередного разлома — три плохо заметных из-за лишайников рисунка: лося, стержень (жезл) в виде рукоятки с головой лося на конце и грубая на вид фигура человека с поднятыми руками и слегка согнутыми в коленях ногами. Еще южнее довольно широкий и пологий склон скалистого берега, по которому друг за другом «спускаются» три насыщенных скопления, как бы вписанные в естественные темные пятна, отчетливо выступающие на красновато-коричневатом фоне скалы.

Вверху выразительная сцена, К.Д. Лаушкин расшифровал ее как «преступление и наказание злой лягушки». Она включает цепочку из трех относительно крупных соприкасающихся фигур, обращенных вниз по склону к воде, и двух изолированных знаков: один справа, другой слева. Чтобы понять любую композицию, нужно прежде всего точно определить ее составные части. Нередко, как и в данном случае, возникают разногласия. Край-

Петроглифы мыса Пери III

ние в цепочке фигуры всеми читаются как человек и лось. Добавим только, что внутри контурного туловища лося выбита еще и полоска, на которую не обращали внимания. Средняя же давно вызывает разночтения: то ли это собака, то ли ящерица. Не ясно также, что обозначают два оставшихся знака: кружок с двумя выступами и слегка изогнутая линия с овальным утолщением на конце.

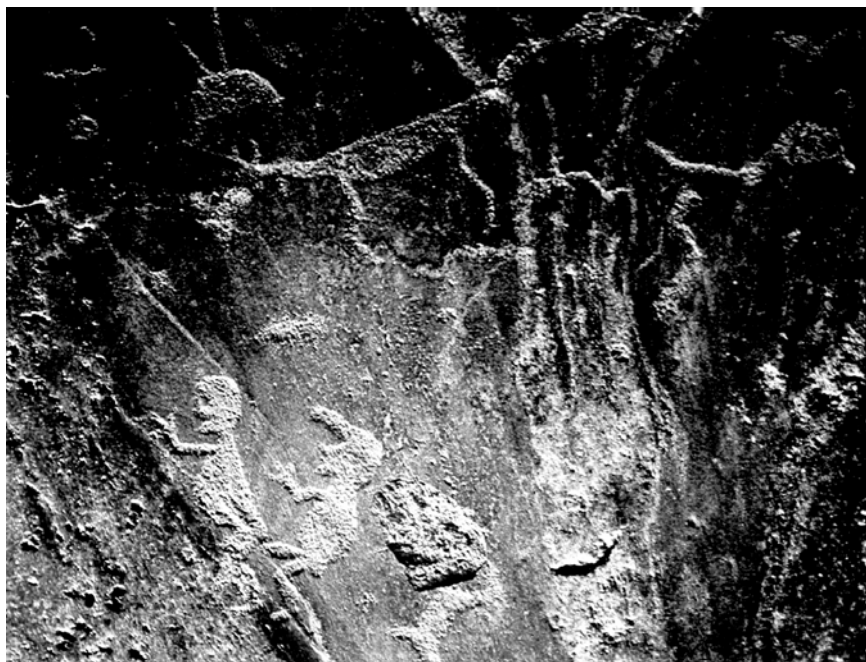
Всю композицию А.М. Линевский прочел как «замечательную сцену охоты на лося с собакой». В.И. Равдоникасу такая трактовка показала упрощенной, а собаку он принял за ящерицу. Подробнее содержание сце-

ны попытался раскрыть К.Д. Лаушкин. По его мнению, в центре композиции – лягушка. И прав будто бы В.И. Равдоникас, а не А.М. Линевский. В образе лягушки выступает чудовище, которое собирается проглотить солнце, показанное в облике лося.

Лягушку преследует чудесный охотник, чтобы уничтожить эту гадину. Он уже бросил магический топор – та самая изогнутая полоска с овальным утолщением на конце. Кружок с двумя маленькими выступами впереди лягушки обозначает зажженный очаг, в котором и будет

сожжен ее труп. Сам охотник – культурный герой типа Вьянямейнена из «Калевалы». Когда-то он, возможно, был выдающимся человеком – великим предком, родоначальником древних онежцев. Древний художник, высекая на скале такой миф, якобы помогал солнцу выдержать бой с темными силами природы.

Добрался ли исследователь до истинного смысла сцены? Думается, что нет. Фигура, принятая за лягушку, по определению зоолога П.И. Данилова, скорее всего, обозначает бобра. Следовательно, придется отклонить и предложенное толкование.

Петроглифы мыса Пери III

Чуть ниже по склону, в следующем пятне, второе скопление не менее чем из 13 фигур. Среди них небольшой кружок, от которого вверх отходит линия с перекладиной на конце. В.И. Равдоникас почему-то принял его за изображение прибора для добывания огня трением, с чем охотно, без какой-либо дополнительной аргументации, согласились и А.М. Линевский, и А.Я. Брюсов. Похоже, что это тот же соллярный знак с одним лучом, какие встречаются не раз, только он закрытый, как закрыты многие знаки с двумя и тремя лучами.

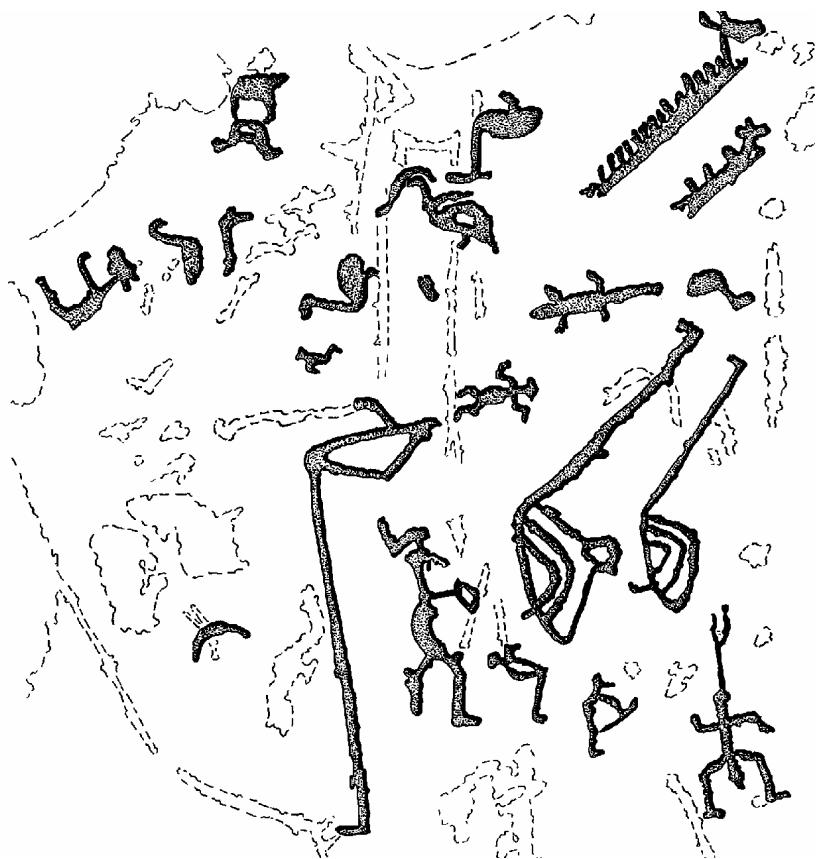
Рассматривая все полотно слева направо, увидим необычной формы птицу, лунарный знак, лося с узким вытянутым туловищем и неестественно сильно удлинённой вперед шеей. Среди четырех других птиц выделяется одна своим очень длинным клювом. Изогнутая на концах длинная полоска, видимо, обозначает лодку без гребцов.

Ниже уникальная сцена соития «Адама и Евы» – мужчина сближается с женщиной. Она выбита весьма искусно и содержит немало редких выразительных деталей. Как ни удивительно, но имеются попытки проработки лица. У женщины полуоткрытый рот, выпуклый округлый живот, прямая спина. Пятнышко нетронутого блестящего гранита имитирует глаз. Нога слегка согнута, вытянутая вперед трехпалая рука немного изогнута в локте. Мужчина огромным фаллосом соприкасается с женщиной. На его лице как будто выделены нос, рот, подбородок, а на голове (точнее, на лбу) торчит какой-то массивный выступ, возможно, часть головного убора с изображением фаллоса (?). Нога еще сильнее согнута в колене, трехпалая рука тоже вытянута вперед, а вся фигура сильно отклонена назад, как бы запрокидывается на горбатую спину. За мужчиной – изображение птицы.

По А.М. Линевскому, данная сцена – центральное звено скопления, связанная с весенними браками и стремлением обезопасить себя от свадебных порч со стороны вредных духов. Упомянутый уже лунарный знак не что иное, как своеобразный капкан – «оберег», защищающий от поползновений черепахоподобного духа, выступающего под видом одной из птиц. В основу подобных толкований положены этнографические параллели из жизни отсталых в прошлом малых народов Сибири. Интересные сами по себе, они все же не могут рассматриваться как конкретные реалии первобытной действительности. Предстоит уяснить еще и последовательность появления соседних фигур и связь с ними пары «влюбленных».

Еще ниже, уже на горизонтальной плите, отделившейся от берега, в овальном темном пятне находится выразительное, сильно сглаженное водой изображение лося с непропорционально длинными ушами. Выше его небольшое пятнышко, а поодаль изогнутая на конце полоска. Добраться до них удастся только при спокойном состоянии озера. Данные петроглифы интересны еще и тем, что опускаются на самые низкие отметки над уровнем воды и помогают уточнить нижнюю границу прибрежного яруса скал с петроглифами.

Далее по берегу на протяжении 20 м рассеяно более десятка одиноких фигур. Вероятно, именно отсюда отделена плита, экспонируемая теперь в Карельском краеведческом музее в г. Петрозаводске. Без труда определяется место, откуда выломана «крыша», вывезенная в Эрмитаж. На периферии значительного по площади вылома уцелело лишь несколько изображений: олень на очень длинных ногах, двойная

Петроглифы мыса Пери III

птица с общим туловищем и обращенными в разные стороны головами, еще одна птица, солярный знак и линия. На участке от носовины до первоначального нахождения эрмитажной «крыши» и далее обнаружено несколько новых фигур: пара птиц, маленький кружок с длинным отростком, изогнутая линия, напоминающая змею, и др.

Вот и самая возвышенная после макушки оконечности, почти горизонтальная площадка с обрывистой в сторону воды стенкой, сразу за местом вылома «крыши». С северо-запада ее обрамляет слабый склон. Здесь на площади $1,5 \times 1,5$ м выбито более 20 фигур: птицы, пара лодок, странного вида лось, выдра, несколько антропоморфных фигур. На голове одной из них дерево или ветка с двумя отростками на конце. Почти в средней части полотна — пара крупных «полосатых»

лебедей с дугами внутри контурного туловища. На спине нижнего – массивный выступ в виде пенька. Привлекает внимание еще один крупный лебедь с контурным туловищем подтреугольной формы и очень длинной прямой шеей. Над спиной его – небольшой контурный треугольник, наверное какой-то символический знак.

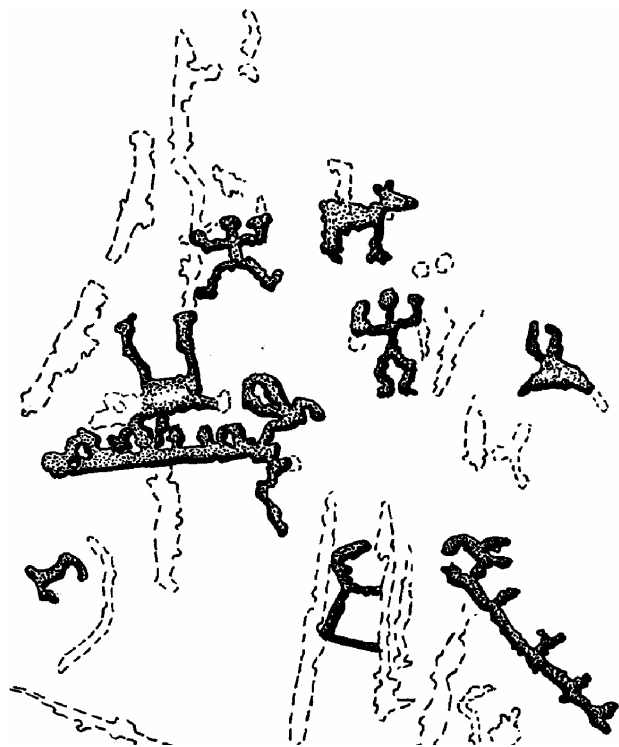
Удивляет сильная насыщенность подобных полотен с кажущимся хаотическим нагромождением фигур. Почему, например, их «лепили» так близко друг к другу или же отчего они «глядят» в разные стороны. Очень различается и масштаб: лебеди иногда оказываются значительно больше, чем люди, лодки либо лоси. Некоторые изображения (например, две лодки, пара лебедей и др.) явно взаимосвязаны друг с другом, но каково их соотношение с окружающими фигурами и есть ли у всего полотна какой-то единый стержень – предстоит выяснять. Здесь есть над чем подумать.

Непонятен и внутренний смысл изображений. Лебеди с дугами, конечно, не простые объекты охоты. Таких птиц не существовало в природе. Они созданы воображением и наделены какими-то особыми, сверхъестественными свойствами. А.М. Линевский не без основания склонен считать их персонажами мифологических поверий о лебедях. Некоторые лебеди, по его мнению, имеют знаки ранения: когда лебеди-духи не помогали, люди их наказывали, порой довольно жестоко, так что на твердом граните навечно оставался заметный след. «Полосатые» лебеди встречались также на северном мысу Бесова Носа, на Гурьих островах и, наконец, на оконечности Пери Носа. Они разные и появились не одновременно. Только их пары (самка и самец), скорее всего, высечены по единому замыслу. «Полосатые» лебеди убедительно демонстрируют взаимосвязь разных частей онежского изобразительного комплекса.

Даже после самого пристального осмотра скопления его не удастся как следует «прочитать». Загадкой осталось оно и для А.М. Линева, не раз спрашивавшего себя: почему один лебедь убит, другой ранен, а третий цел? Или почему между ними проходит цепочка мифологических существ? Ответа на подобные вопросы он так и не нашел. Правда, родилось предположение, что рассмотренные фигуры проникнуты общей идеей и «служат своеобразной таблицей» с обозначением разного вида магических ранений и даже смерти.

Что все звери уже ранены или мертвы, показывают, по его наблюдениям, выбоины на их теле, естественные трещины, использованные для «рассечения» фигур, положение зверей на спине, присутствие орудий ранения – камней, палок и т.д. У людей состояние смерти обозначалось, кроме того, и отсутствием рук. Но подобные заключения базируются не столько на материале самих петроглифов, сколько на воображении и этнографических параллелях.

На плоской, почти горизонтальной площадке имеется несколько одиночных фигур, в том числе необычное человекоподобное существо с головой в виде двух соприкасающихся контурных кружков, по А.М. Линевскому, — солнечное божество. Нам же он напоминает двуликого янусовидного человека. Привлекают внимание птицы, изогнутая полоска с подтреугольной формы кольцом на конце и сильно схематизированная антропоморфная фигурка с одной рукой (другая лишь намечена маленьким выступом).

Петроглифы мыса Пери III

В 8 м к юго-востоку, на площади около 2 м² выбито еще почти 20 изображений. Верхняя часть полотна из-за темной патины, естественных трещин и выщербин читается и копируется с большим трудом. Тут и лоси (олени), фигуры людей в традиционной позе «пляшущих человечков», лодки. Одну из них снизу как будто поддерживает человек, по К.Д. Лаушкину, мифологическое существо. Всю данную часть

скопления А.М. Линеvский понял как сцену охоты на оленей с использованием лодок и похищение добычи злоумышленником, которого ранят в ногу. В нижней, светло-серой части полотна петроглифы сохранились гораздо лучше. Преобладают птицы, имеются две лодки, короткий массивный стержень с головой лося; второй, удлиненный стержень со странным навершием, напоминающим заячью голову.

Высказывалось мнение, что в данном скоплении преобладают незаконченные фигуры и оно является отражением парциальной магии (часть вместо целого). В действительности же незавершенных фигур здесь, скорее всего, просто нет. О незаконченных или незавершенных изображениях чаще всего говорится без всяких доказательств, как о вещи вполне естественной, само собой разумеющейся. Между тем создается впечатление, что данное явление если и имело место, то, скорее, как исключение.

Такая ответственная операция, как нанесение изображения, к тому же технически не столь уж сложная и не требующая большого труда и времени, навряд ли часто оставалась незаконченной. Да и само накопление петроглифов — процесс медленный, неторопливый. Появление каждой новой фигуры становилось важным событием, подчас влиявшим на расстановку акцентов во всем святилище. Неполные фигуры действительно изредка встречаются, но они чаще всего вполне законченные образы, а не результат каких-то чрезвычайных обстоятельств, прервавших работу мастера, к которой он больше уже не смог возвратиться.

И снова на протяжении 30 м тянется неровный, теперь уже более низкий берег с одиночными петроглифами: птицы, лодка, лось. Далее, в 9 м от крайней фигуры (лось), небольшая бухта с валунами в основании, а за нею мыс Пери IV.

Пока мы двигались все время вдоль края Пери III и пропустили несколько рисунков, расположенных в глубине, в частности в ложбине, являющейся своеобразным продолжением перехода. В ней можно разглядеть схематичную антропоморфную фигуру, а поодаль — три расположенных в ряд изображения: лунарный знак, птицу с сильно геометризованными очертаниями и лося. Из-за удлиненной естественной выщербины на грудке птицы В.И. Равдоникас увидел в ней «изображение четвероногого животного с загнутым кверху хвостом, вероятно, собаки». За собаку принимал ее и А.М. Линеvский. Видимо, это иллюзия. Явное изображение собаки встретится всего единственный раз.

Итак, пройдена оконечность Пери Носа и около 80 м по юго-западной стороне, обращенной к Бесову Носу. Далее близко к воде подступает лес, но вдоль берега еще долго тянется довольно широкий, слегка бугристый склон скальных пород, менее удобных для гравировок. Это правый фланг береговой полосы, низкий и пологий, со слабо выступающим краем, расчлененный трещинами и разломами на несколько кусков.

Мыс Пери IV

Петроглифы мыса Пери IV

За неимением места и времени кое-что пришлось пропустить или оставить без должного внимания. Мы намеренно избегали иностранных описаний рисунков и их расположения. Важнее было дать общее представление о петроглифах данного мыса, выявить их основные сюжеты и особенности. В своем развитии Пери III, по Р.Б. Климову, был тесно связан с Карецким Носом, с Пери VI и обеими группами Бесова Носа. Всего на Пери III насчитывается 190 фигур, причем почти 40 из них найдены в 1970-е гг. Преобладают птицы – 72. Зверей представляют лоси и северные олени – 24, бобры – 2. Часто встречаются антропоморфные фигуры – 19 и лодки – 14 (с 45 гребцами в них). В особый класс входят солярные и лунарные знаки – 11 и 5 соответственно, а также близкие к ним кружки с одним лучом или же без лучей – 15. Много простых по виду фигур и знаков: округлые пятна, линии и полосы – 23. Упомянем и фрагменты фигур – 3, непонятные и оригинальные изображения – 2. С музейными же экспонатами число петроглифов Пери III увеличивается почти на 100 фигур. Несколько изменяется и общее соотношение сюжетов, но ведущими по-прежнему остаются птицы – 104. Число антропоморфных фигур увеличивается до 34, солярных и лунарных знаков – до 22, лодок – до 21 (с 99 гребцами в них). Заметно возрастает и число композиций.

Пери IV – совсем маленький, несоизмеримый с предыдущим мысок подтреугольной формы с округлыми очертаниями, обращенный в сторону Бесова Носа. Глубокая трещина-разлом почти по линии север–юг отделяет его от более массивного и возвышенного склона. На красновато-коричневатой глянцевой поверхности оконечности, в верхней ее части, на высоте 0,7–0,8 м над уровнем озера высечены 25 одиночных фигур, внешне слабо связанных друг с другом, по-разному ориентированных, отличающихся размерами, стилем, техникой выбивки. Почти треть составляют полосы и пятнышки – 9.

Среди птиц, очень разных, выделяется относительно крупный лебедь, контурный, с контурной же головой – единственный случай в онежских петроглифах. Имеется пустая лодка, подобие крючка, весьма схематичный вилкообразный человек с одной рукой, едва намеченной легким выступом. Удивляет изображение человеческой ноги, нигде более не встречавшееся. Собачка с торчащими ушами и загнутым кверху хвостиком, тоже, похоже, единственная среди онежских петроглифов. Рядом странного вида человек с кольцами в раскинутых руках и широко расставленными массивными ногами. А.М. Линевский увидел в нем образ, олицетворяющий заходящее и восходящее солнце, а А.Я. Брюсов связывал его и ближайшую к нему птицу с культом луны.

Небольшое, обогатившееся благодаря новым находкам, удобное для осмотра скопление на Пери IV с отлично сохранившимися изображениями производит большое впечатление. Р.Б. Климов рассматривал его как один из весьма важных центров, связанных с Бесовым Носом, мысами Пери III и VI, где петроглифы стали появляться уже в ранний период, но изредка добавлялись и позднее. Мыс Пери V можно обогнуть по лесной тропе, поскольку рисунков на нем нет, может быть, потому, что являлся внутренним мысом, скрытым в бухте между Пери IV и VI. Он имеет неровную поверхность, слабее омывается набегающими волнами, сильнее изъеден лишайниками и в целом менее удобен. Над Пери V особенно высокий, почти обрывистый песчаный берег, откуда открывается прекрасный вид на Бесов Нос — одна из лучших смотровых точек.

Пери VI представляет собой весьма привлекательный, довольно массивный овальной формы выступ скалы уже в глубине самой бухты между мысами Бесов и Пери. Вдоль уреза поверхность относительно ровная и полого спускается в озеро. Оконечность мыса отделена прямой и сравнительно широкой трещиной-разломом длиной 22 м. Почти в центральной части отсеченного сегмента на протяжении 15,6 м и размещены петроглифы. Их можно отнести к числу наиболее выразительных. Трещины, идущие по склону в сторону воды, делят данный сегмент на четыре участка. Первый и второй слева использованы

Мысы Пери V и VI

слабо — там всего несколько одиночных фигур, сильно сглаженных и почти незаметных: солярные знаки и два необычных «жезла» — длинные стержни с подтреугольным утолщением на одном конце и кольцом на другом. В древке сбоку небольшая вставка в виде головы лося.

Петроглифы мыса Пери VI

Третий, центральный участок, четко очерченный естественными сколами и трещинами, насыщен петроглифами особенно сильно, особенно его левый верхний угол. Скальная поверхность гладкая, красновато-коричневая, с темными пятнами и со слабо выраженным изломом. Его ребро отделяет верхнюю почти горизонтальную часть, богатую солярными знаками, от нижней, слегка пологой, где фигуры не-

редко крупнее и размещены свободнее. Даже при сравнительно небольшом волнении данное полотно омывается волнами, поскольку находится на высоте 0,4–0,5 м над уровнем озера. Крайний справа, четвертый участок с единственной фигурой в виде угла сильно поврежден крупными сколами.

Первое представление об основном скоплении даст его уменьшенная копия, показывающая, что, в отличие от Пери III, рисунки ориентированы здесь преимущественно от воды, на восток. Большинство сюжетов уже знакомы: знаки солнца и луны, антропоморфные фигуры, жезлы и т.п., но тут они в каком-то ином сочетании. Удивляет обилие солярных и лунарных знаков и почти полное отсутствие птиц. Правда, стая птиц имеется, но несколько в стороне.

Встречаются явные композиции. Среди них контурное изображение оленя (лося), от спины которого под прямым углом отходит линия с небольшим кружком на конце. А.М. Линевский увидел в ней сцену ранения животного «хвостягой». По В.И. Равдоникасу же, здесь изображен солярный знак на олене. К.Д. Лаушкин соглашается с ним, считая, что показано солнце, которое «едет» на олене, – сюжет, известный в верованиях саамов. Мысль, что животное (лось) не простое, а имеет отношение к луне и солнцу, допускал и А.Я. Брюсов.

Под передней ногой зверя – самый крупный на скале солярный знак, выбитый с необычайным старанием и тщательностью, – одна из лучших фигур всего онежского комплекса. Он почти смыкается с оленем, что еще не доказывает их смысловой связи: очень уж разнотипны обе фигуры. Ниже выбит более соразмерный знаку жезл – один из наиболее выразительных среди онежских жезлов.

Справа небольшая композиция: человек в маске зверя держит перед собой солярный знак, лучи которого касаются его груди. По расшифровке А.М. Линева, это человек с надетой на голову маской волка, защемленный капканом. В.И. Равдоникас принял его за антропоморфный образ полуживотного, изображающего тотемного предка с лунарным символом в руке. Под ногой человека и над лунарным знаком в его руках – еще по одному открытому лунарному знаку, обращенному почти в ту же сторону. Получается, что вытянуты они по одной линии, но с какой целью это сделано и в какой последовательности они появились, предстоит еще выяснить. И данная сцена, и солярный знак на олене, по оценке В.И. Равдоникаса, «исключительно интересные и важные для понимания наскальных изображений Онежского озера фигуры».

Все полотно А.М. Линева назвал «охотничьей скалой», поскольку, по его подсчетам, почти половина ее изображений – охотничьи снаряды (60% «капканов» Пери Носа и 35% от общего их числа). Теперь соотношение несколько изменилось, но все равно Пери VI оста-

ется самым представительным по числу солярных и лунарных знаков. Похоже, что они выступают в роли оберегов и образуют целые заградительные линии, но такая попытка обновления «капканной» гипотезы А.М. Линевского не получила поддержки.

Причины вполне понятны. Чтобы развивать ее, нужно вначале убедительно доказать наличие капканов-самоловов в репертуаре наскального творчества. Однако никаких новых аргументов в поддержку «капканной» теории пока не выдвинуто. Прежние же не выдерживают строгой критики. Остроумная догадка А.М. Линевского, поддержанная вначале рядом крупных ученых (в том числе и этнографами), кажется, не находит новых приверженцев. Почти все исследователи, которым представилась возможность ознакомиться с онежскими петроглифами в натуре, поддерживают трактовку кругов и полукругов в качестве солярных и лунарных знаков и считают ее более перспективной. Естественно, и она вызывает сомнения, поскольку не имеет бесспорных аргументов в свою пользу, но тем не менее все еще кажется более привлекательной. Истинный смысл этих полузагадочных фигур прояснится только в ходе дальнейших скрупулезных исследований.

В верхней части полотна А.М. Линевский выделил многофигурную композицию, включающую два ряда капканов. Тут же будто бы показаны убитый лосенок, несколько метательных снарядов (палок), шалаш, а рядом охотник, бьющий зверя копьем. Правда, исследователь не был до конца уверен в такой расшифровке и допускал другой вариант: это своеобразная страничка картинного письма, повествующая о том, как лось и лосенок входят в место, огражденное со всех сторон капканами. Валежник и жерди составляют изгородь, кольцеобразные фигуры – ловчую яму. На вопрос, зачем же понадобилось именно здесь, а не где-нибудь в другом месте сосредоточить столько много капканов самых разных форм и других охотничьих снарядов, исследователь отвечает вполне определенно: «Для лучшего обеспечения результатов магических действий». Он считал, что каждая семья, промышлявшая в окрестностях Пери Носа, имела свое изображение охотничьего снаряда и совершала над ним перед началом промысла магические манипуляции.

Таковы первые попытки прочесть одно из наиболее выразительных наскальных полотен Онежского озера. Двумя метрами севернее, у края большого выкола, уже на серой скале можно рассмотреть выводок из четырех лебедей, фигуру, похожую на хоккейную клюшку, солярный знак и два кружка, в том числе с одной линией-лучом. На той же скале ниже основного скопления – три лунарных знака и лодочка. Не доходя до крайней, углообразной фигуры выбито «ожерелье» – обращенная к воде дуга, по внешнему краю которой бахрома из семи выступов-кистей.

Всего же на Пери VI теперь стало известно 84 фигуры (в публикации В.И. Равдоникаса значится 77). Преобладают лунарные и солярные знаки – 32, включая 8 кружков без лучей. Много пятнышек и полосок – 20. Встречаются антропоморфные фигуры – 6, лодки – 3 (с 11 гребцами в них), жезлы – 4, птицы – 5, оригинальные и непонятные фигуры – 3 и 6 соответственно. По одному разу представлены северный олень, лось, медведь, след медведя.

Техника выбивки отдельных фигур, например крупного солярного знака и жезла рядом с ним, доведена до совершенства. Возможно, это самые ранние рисунки Пери VI. Они появлялись здесь и позднее – на всех этапах существования онежского комплекса. Встречаются и очень грубые выбивки с неровным (рваным) краем. По Р.Б. Климову, в тематике Пери VI отражена связь мыса практически со всеми основными центрами комплекса. Он обратил внимание и на то, что только здесь знаки луны и солнца имеют одинаковую ориентацию – на восток.

Прежде осмотр Пери Носа на этом заканчивался. Теперь маршрут можно продолжить до следующего, еще более массивного мыса, расположенного почти у самого основания Пери. Склон его широкий и довольно крутой, край по урезу воды имеет вид слабо выгнутой дуги. Почти посредине – глубокая впадина с отвесными стенками. Участков, пригодных для гравировок, здесь много, а изображений поразительно мало. И похоже, что все они поздние, а значит, и здесь мыски, расположенные ближе к основанию, использовались уже на заключительном этапе функционирования святилища.

На левом фланге перед устьем бухточки, отделяющей данный мыс от Пери VI, найдены антропоморфная фигура и грубый знак. В центральной, наиболее выступающей в озеро части мыса с довольно длинным (21–22 м) и крутым склоном – еще две птицы.

Таковы топография Пери Носа и главные его сокровища – 317 петроглифов, в их числе десятки новых, не известных прежде (и все еще не опубликованных). Здесь немало оригинальных фигур и сцен, не представленных ни в одной другой части обширного онежского комплекса. В целом преобладают изображения птиц – 134, которые господствуют в большинстве скоплений. Много солярных и лунарных знаков – 49 и близких к ним кружков без лучей или с одним лучом – 13. Часто встречаются антропоморфные фигуры – 47, не считая 121 гребца в 26 лодках. Среди зверей больше всего лосей и северных оленей – 37. Представлены медведи – 2, выдры и бобры – 3, а из пресмыкающихся – 3 змеи. Много простых знаков: овалы, полоски, округлые пятнышки – 52. Есть и непонятные фигуры – 10.

Каждый из мысов — неповторимая и ничем не заменимая составная часть огромного единого комплекса. Какие-то из них выступали в качестве особо важных (центральных), другие выполняли сопутствующую роль связующих звеньев с основным комплексом. Что мысы и отдельные скопления действительно как-то взаимосвязаны и определенное время функционировали одновременно, свидетельствуют специфические по стилистическим деталям изображения, конвергентное появление которых мало вероятно. Таковы, например, жезлы, «полосатые» лебеди, солярные и лунарные знаки, представленные особенно широко, но все же не во всех скоплениях.

Распространение одних и тех же сюжетов, близких по стилю и манере исполнения, — весомый довод в пользу единства всего онежского комплекса. Пристальное знакомство с изобразительным материалом, выявление каких-то неприметных деталей и особенностей, основательные сравнения и сопоставления отдельных фигур и знаков, сцен, скоплений (групп) — необходимое условие их более глубокого постижения.

Закончив осмотр Пери Носа, не спешите прощаться с ним. Возможно, захочется что-то вспомнить, уточнить или отыскать некоторые из пропущенных изображений. При благоприятной погоде, настойчивости и усердии это можно сделать, но только не за один прием. Везде требуется длительное всматривание в наскальные полотна. Наше сознание далеко не сразу способно воспринять их с достаточной полнотой и всесторонностью. Поначалу хочется побыстрее разыскать и увидеть сами рисунки, а обнаружив их, поточнее проследить очертания каждого, отделить бесчисленные естественные шрамы и пятнышки от бесспорной выбивки. И тут неминуемы затруднения, подстерегающие даже опытных специалистов.

Естественно, появляется желание определить, что же, собственно, изображает та или иная фигура или хотя бы на что она похожа. Схематизация, наличие неестественно фантастических деталей и черт затрудняют выявление жизненных прототипов того или иного изображения. На петроглифах довольно часто встречаются копытные — лоси и северные олени, но попробуйте отличить лося от оленя! Поэтому все еще приходится иметь дело с разночтениями в определении фигур, даже давно известных. А техника выбивки! Казалось, трудно ли отличить выбитые сплошь фигуры или какие-то их части от контурных? Но и здесь до последнего времени оставались неясности. Считали, например, что сом (налим) на Бесовом Носу — фигура силуэтная, но голова у сома, как и у беса, контурная. Кстати, это хорошо видно и на фотографии, и на графитной копии. Накопленный уже опыт очень пригодится на мысу Карецкий Нос, где петроглифы местами становятся настоящими фигурами-невидимками.

КАРЕЦКИЙ НОС

Следующий за Пери – мыс Карецкий, точнее, целая серия разрозненных мысов, протянувшихся вдоль берега на 750 м. Петроглифы занимают носовину и весь юго-западный склон самого крайнего к югу, выступающего в озеро примерно на 280 м. От его оконечности до Бесова Носа по воде около 2 км.

История открытия наскальных изображений Карецкого Носа не совсем ясна. В.И. Равдоникас, зарегистрировавший на нем 55 фигур, не знал, какие же из них были известны ранее, до него. Он допускал, что, продолжая расчистку скал от наростов лишайников, удастся обнаружить новые петроглифы. Правда, особой уверенности в успехе, кажется, не имел, поскольку сами поиски так и не продолжил. Часть изображений на оконечности Карецкого Носа, по его заключению, безвозвратно погибла вследствие деятельности воды, льда и выветривания.

Карецкий Нос. Вид с озера

Наше посещение мыса Карецкий в 1967 г. показало, что выявление рисунков и в самом деле не закончено. В ходе полевых работ, длившихся до 1979 г., обнаружены 83 новые фигуры. Всего же теперь здесь насчитывается 138 изображений, включающих 20 сюжетов. Больше всего солярных (21) и лунарных (6) знаков. Среди них выделяются миниатюрные солярные знаки, солярный знак с тремя лучами, сдвоенный солярный и лунарный знаки, а также контурный круг, два кружка и кружок с одним лучом.

На втором месте — изображения птиц (24), в основном водоплавающих, показанных и поодиночке, и стаями. Обращает внимание птица с необыкновенно длинным клювом: то ли цапля, то ли журавль, то ли аист, а также лебедь с крошечным туловищем и очень длинной шеей. Лесных зверей представляют лоси (15), олени (2), волк, медведь, загадочный зверь с двумя парами ног. Людей и антропоморфных существ — 10, не считая гребцов в 6 лодках. Отметим, наконец, оригинальные фигуры: 2 жезла, дерево, веслообразное изображение и простейшие знаки — пятна и полосы — 6. Имеются явные (даже многофигурные) композиции.

Преобладают же одиночные фигуры. Среди них наряду с силуэтными немало и контурных; представлен даже гибридный контурно-силуэтный стиль. Отмечены случаи заполнения внутриконтурного пространства. Выбивка сильно различается характером рельефа. Одни фигуры высечены чрезвычайно глубоко, а другие — необычайно мелко, но большинство — на глубину 2–3 мм. Поверхность нередко сглажена и чем ближе к воде, тем сильнее. Сохранность и отчетливость петроглифов самые разные. На сером и темном фоне многие едва заметны, и, чтобы разыскать их, требуются немалые усилия.

Конечно, общих сведений о числе и составе фигур явно недостаточно. Важно пройти по всему мысу, снова и снова внимательно вглядываясь в скалы, стараясь не только отыскать изображения, но и понять их связь между собой, с данным конкретным участком берега, близлежащими мысами и островами. Начать знакомство с петроглифами Карецкого Носа лучше всего с его носовины.

На повороте к ней — подобие слабовыраженного хребта, который и разделяет обширное полотно на две части: левую, занимающую саму носовину, и правую — юго-западный склон мыса. В левой части, т.е. на оконечности мыса, петроглифы тянутся по всему склону от уреза воды и до подошвы скалистого возвышения. Они захватывают все три цветовых яруса: красновато-коричневатый с вкраплениями темных пятен вдоль уреза воды, серый выше по склону и темный, почти черный еще выше, на границе с почвенным слоем, под который уходит круто поднимающийся в глубь берега скалистый склон. Рисунков теперь стало известно в два раза больше, чем прежде.

Оконечность Карецкого Носа очень низкая, плоская и гладкая. Она углом выступает в озеро и плавно уходит в воду. Достаточно сравнительно небольшого волнения, и выбитые у самого уреза воды изображения заливаются. Они заметно стерты и сглажены, особенно ближайшая к воде антропоморфная фигура, по А.М. Линевскому, «раненная в нижнюю часть ноги». Остальные тянутся на протяжении около 3 м полосой почти метровой ширины.

На левом ее краю — довольно грубый солярный знак с полукругом из трех лебедей, возможно, имеющих какую-то композиционную связь. Немного правее, тоже совсем рядом, еще две весьма примечательные фигуры: солярный знак с тремя лучами, замкнутыми прямой поперечной линией, и лодка — одна из самых выразительных среди онежских петроглифов. Ее форштевень, увенчанный головой лося, высоко поднимается над длинным узким корпусом, придавая ей отдаленное сходство с ладьями скандинавских викингов, украшенных головами драконов. Кормовая часть тоже приподнята и выступает кверху, но меньше и загнута на конце, напоминая голову и шею птицы. Экипаж насчитывает 20 гребцов, показанных короткими вертикальными столбиками. Два из них, что выше остальных, соединены. В.И. Равдоникас допускал, что так обозначен парус.

О назначении лодок, выбитых на скалах, высказывались разные мнения. Одни принимают их за копии реальных лодок, использовавшихся в промыслово-транспортных целях. Другие же — за мифологические лады мертвых, на которых перевозили души умерших в потусторонний мир, странствовали мифологические герои и т.д.

Петроглифы мыса Карецкий

На правом краю данного полотна (мы, как всегда, стоим спиной к озеру) выбита странная фигура в виде короткой двузубой вилки (остроги?). Проще всего предположить, что она не закончена, но нечто по-

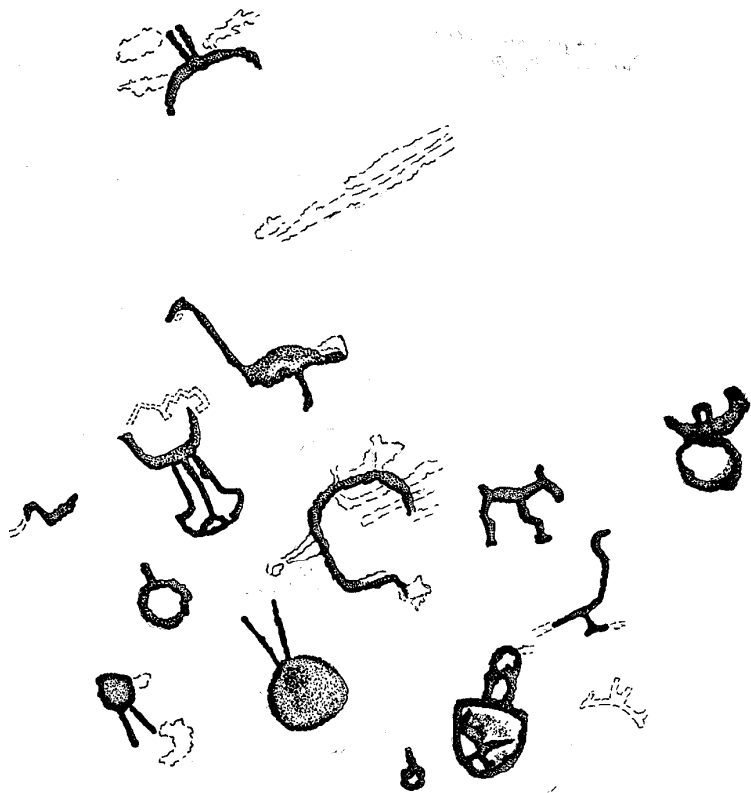
добное мы видели уже и на эрмитажной «крыше». Видимо, ее следует понимать как крайне схематизированное антропоморфное изображение. Рядом необычный солярный знак с двумя лучами, концы которых соединены не прямой, как обычно, а изогнутой (в виде угла) линией. Выше по склону следующий ярус – тоже почти горизонтальная площадка, но иная по цвету – светло-серая, с несколькими новыми изображениями: дерево, антропоморфная фигурка и др.

Поверхность верхнего яруса неровная, серая или почти черная, сильно разрушенная лишайниками. Здесь с трудом, но можно отыскать выразительного лебедя с подтреугольным контурным туловищем и длинной прямой шеей. У него не две, как показано на копии В.И. Равдоникаса, а только одна лапа. Над спиной крупный кружок, выбитый сплошь, который А.М. Линевский принял за «метательное ядро». К.Д. Лаушкин увидел в лебеде один из персонажей мифа о начале мира; кружок принял за изображение чудесного яйца, из которого выводятся необыкновенные существа и предметы. Неподалеку выбито изображение птицы. Таковы крайние на левом фланге петроглифы, которые «расползлись» на всю ширину прибрежного склона.

В среднем ярусе на пологом склоне небольшого выступа-бугра, в 1,4 м от воды и на высоте 30–40 см можно отыскать крайнюю к северу фигуру лося. Отсюда вдоль берега к юго-востоку, на высоте от 0,3 до 2,5 м и на расстоянии от 1,5 до 20 м тянутся, как правило, неприметные петроглифы. Рассмотреть их непросто, но тот, кто найдет лишь часть из них, испытает истинную радость. Двигаясь по левому флангу дальше и вправо, можно увидеть фигуру, зафиксированную В.И. Равдоникасом как «изображение в виде двух линий неправильных очертаний», не поддающееся расшифровке. На самом деле выбита еще одна явная сцена соития, хотя и сильно схематизированная. И фотографии, и графитные копии указывают на это.

Примерно в 10 м к юго-востоку – первое скопление, правда, небольшое по площади (около 1 м²), но насыщенное. В нижнем левом углу «пляшущая» женщина с поднятыми руками, расставленными и согнутыми в коленях ногами. Явный женский признак – полные груди, обозначенные массивными выпуклостями по обеим сторонам туловища. В.И. Равдоникас, по ассоциации со скульптурками полногрудых «венер» эпохи верхнего палеолита, тоже принимал ее за изображение женщины. А.М. Линевский усматривал в ней человека, подавленного тяжестью – далекий отзвук человеческих жертвоприношений. По расшифровке К.Д. Лаушкина, эта женщина – солнцева мать, образ, олицетворяющий единство и процветание рода, воплощающий идею плодородия.

Чуть правее — птица на длинной ноге, необычайно вытянутый клюв которой врезается в солярный знак. Редкий для онежских петроглифов случай, когда одна фигура явно перерезает (перекрывает) другую; сначала появился знак, а затем — цапля. К.Д. Лаушкин принял птицу за лебедя, а саму сцену истолковал как мифологический сюжет борьбы за огонь, иллюстрирующий веру древних жителей края в то, что лебедь принес огонь с неба на землю. Заметим, однако, что изображен, скорее, журавль или цапля, а возможно, и аист. При расшифровке не следует забывать второй знак, расположенный чуть ниже, но ориентированный почти в противоположном направлении.

Петроглифы мыса Карецкий

Рядом, за ступенькой невысокого уступа, на серой испещренной шрамами площадке, образующей как бы вершину всего левого фланга,

еще одно полотно. На нем два грубых лося, идущих навстречу друг другу, а ниже их солярный знак, три птицы и др. Неподалеку другое скопление, включающее довольно крупный солярный знак, небольшого (меньше знака) лося, за которым следует выводок из пяти птиц. Замыкает странную процессию человек, лежащий на боку (по отношению к выводку). Под его ногами, но на значительном расстоянии – еще одна необычная антропоморфная фигура. От ее головы веером расходятся три явных относительно длинных луча (пера?). Одна рука, согнутая в локте, поднята вверх, другая опущена вниз, ноги расставлены в стороны и согнуты в коленях. Правее и ниже, ближе к воде, еще несколько оригинальных фигур: контурный лунарный знак, птица, другая, крайне схематичная птица геометризованных очертаний и удивительный лебедь с крошечным туловищем и очень длинной, слегка изогнутой толстой шеей.

Петроглифы мыса Карецкий

На правом крыле петроглифов несколько больше. Они распространяются почти по всему юго-западному склону мыса (на протяжении около 150 м), относительно крутому, поврежденному трещинами и выколами. Лишь перед бухтой, разделяющей Карецкий и Пери мысы, гранитный склон берега сильно сужается, становится все более неровным, а в конце концов уже почти в самом основании исчезает вовсе. Далее на протяжении 40 м тянется полоса валунно-галечного пляжа, а за ней начинается прекрасный песчаный пляж самой бухты. И здесь на прибрежном склоне выделяются три знакомых цветовых яруса: красновато-коричневатый вдоль уреза воды, светло-серый с темными прожилками и вкраплениями выше и, наконец, темный, почти черный, покрытый лишайниками.

Одиночные фигуры и целые композиции сменяют друг друга. Упомянем семью лосей, в которой ранее было зафиксировано лишь два зверя, идущих первыми. Минуем еще несколько удаленных друг от друга петроглифов (лебедь, кружок, миниатюрный солярный знак и др.) и задержимся у многофигурной и довольно сложной композиции на полосе почти метровой ширины, возможно, даже не одной. Нетрудно понять, что поздние фигуры находятся здесь в явной зависимости от более ранних. На левом краю рассматриваемой полосы два контурных лося, причем первый почти соприкасается с веслообразной фигурой. К.Д. Лаушкин принял ее за магическое весло, а А.М. Линевский за огромную птицу – персонаж охотничьего эпоса. Присмотревшись к паре лосей, можно обнаружить дополнительные детали, ускользнувшие от внимания прежних исследователей. Так, над спиной головного лося выявлен еще один, крайне схематизированный лось, а над шеей и головой – небольшая лодка.

Чуть правее – более сложная двухъярусная композиция. Верхний ярус образуют два идущих друг за другом довольно схематичных контурных лося. У того, что впереди, неуклюжее, почти квадратное, контурное туловище. Внутри его выбиты овальное пятнышко и лунарный знак с двумя лучами, концы которых торчат из живота. Усеченная задняя часть позволяет предполагать, что его нанесли позднее заднего лося. Огромная морда выбита сплошь и пересечена дважды изогнутой широкой линией. Зверей разделяет жезл, поставленный почти вертикально. Угол его треугольного навершия практически соприкасается с туловищем первого лося и мордой второго, идущего следом.

В нижней части не две, а три плывущие друг за другом лодки с экипажами. Последняя почти под упомянутой ранее веслообразной фигурой. Две первые лодки как бы соединяет жезл, выбитый под ними горизонтально. Треугольное навершие его соприкасается с той, что плывет впереди. Поодаль – круг не совсем правильной формы. А.М. Линевский трактует подобные жезлы как охотничьи снаряды, имеющие двойную функцию: «колоть, как копье, и глушить, как булава». А всю композицию принимает за охоту на лосей с лодок в осенний период.

В.И. Равдоникас считал жезлы изображениями священных предметов, относящихся к солярному культу, но от расшифровки всей сцены уклонился. Крайне схематизированную фигуру неподалеку В.И. Равдоникас принял за человека в маске рогатого животного (оленья или лося), а А.М. Линевский – за «хозяина» лосей, от которого зависит, «дать или не дать охотнику добычу». Далее по обеим сторонам трещины по две фигуры: лебедь и солярный знак с одной, контурный лунарный знак и зверь с другой. По А.Я. Брюсову, здесь показан голодный, с подведенным животом волк, направляющийся к ловушке-капкану; по В.И. Равдоникасу – человек, одетый в шкуру животного, что маловероятно.

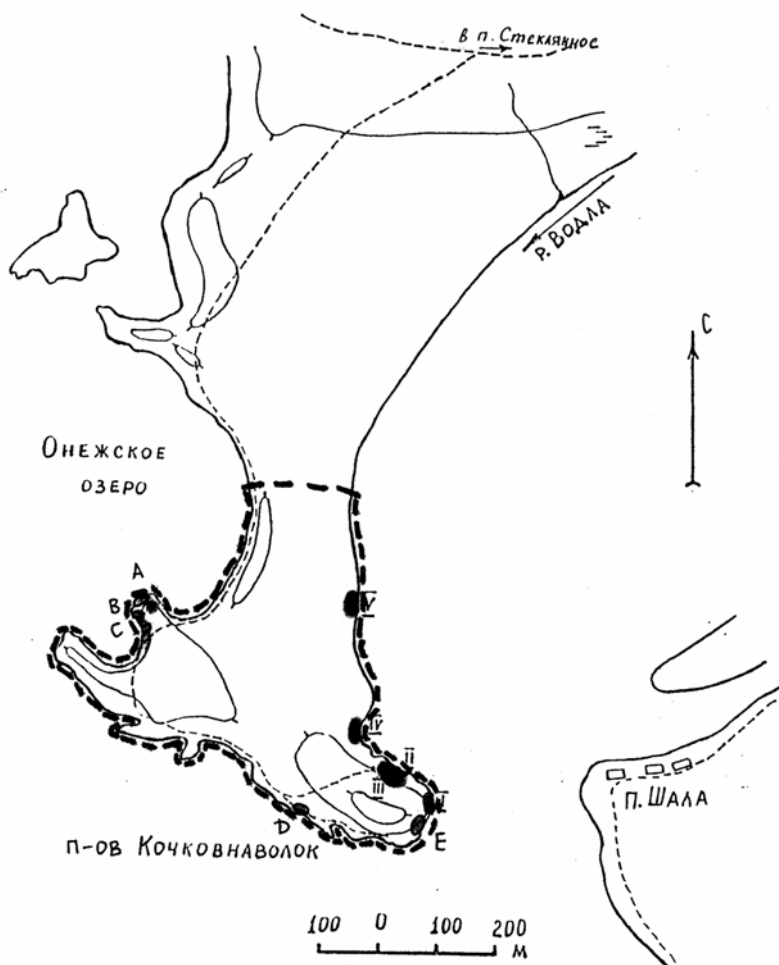
Наконец-то мы подошли к краю правого фланга, где ранее было обнаружены всего четыре фигуры. Одна из них — «схематизированное изображение обращенного вправо (к западу) человека в звериной маске» — скопирована, но неверно. Это лишь часть крупного лебедя с контурным туловищем. Совсем рядом найдено более десятка новых фигур: любопытные солярные и лунарные знаки и др. Да и сам край полотна «отодвинулся» значительно дальше, ближе к основанию мыса, где прибрежная скала заметно сужается. Здесь на неровной, шероховатой поверхности найдены лодка с гребцами, лунарный и солярный знаки.

Размышляя над петроглифами Карецкого Носа, А.М. Линевский пришел к выводу, что они не образуют общей композиции, а ведущую роль в них играют лоси, которые связаны общей идеей, доказательство тому ориентировка фигур лосей, оленей, птиц головами на юг. Их задача — притянуть к Карецкому Носу в период осенних промыслов наиболее значимую добычу. В то время для птиц наступала пора отлета, а для копытных — отхода от берегов в леса. При переправе лосей через реки во время миграций их будто бы промышляли охотники, использующие лодки. Все лоси, по наблюдениям А.М. Линецкого, со следами ранений — свидетельство магических обрядов. Магическое значение этих и почти всех других онежских петроглифов ему кажется бесспорным. Выбивая петроглифы, люди стремились гарантировать успех в предстоящем осеннем промысле. Такая утилитарно-магическая трактовка все же не подкрепляется в достаточной степени самим изобразительным материалом.

Не похоже, чтобы на мысу специализировались по какой-то особой хозяйственной теме. Карецкий Нос — одна из важных частей онежского святилища. По мнению Р.Б. Климова, он связан прежде всего с космогоническим культом и культом плодородия и изобилия. Ощутимые нити тянутся отсюда к устью р. Водлы, а затем и к мысу Пери III. Северная граница онежского святилища сместилась к устью р. Водлы, где открыты не известные прежде скопления петроглифов.

ОСТРОВ БОЛЬШОЙ ГОЛЕЦ И УСТЬЕ РЕКИ ВОДЛЫ

Благодаря целенаправленным поискам в 1973–1979 гг. севернее Карецкого Носа открыто еще три места с петроглифами. Граница онежского комплекса значительно сдвинулась к северу и северо-западу. Вначале нам удалось отыскать одну фигуру яйцевидной формы на острове Березовые Луды в 14 км от Бесова Носа и в 2,5 км западнее устья р. Водлы, выбитую на плоском, причудливых очертаний и совсем низком выступе коренных скальных пород. Аналога ей среди онежских петроглифов нет, да и за выбитую фигуру ее принимают не все.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- ПЕТРОГЛИФЫ (ГРУППЫ А-Е)
- ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-ВОДЛА I-V
- ЗОНЫ ОХРАНЫ ПЕТРОГЛИФОВ
- ЗОНЫ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ
- ⊙ ЗОНА ОХРАНЫ ЛАНДШАФТА

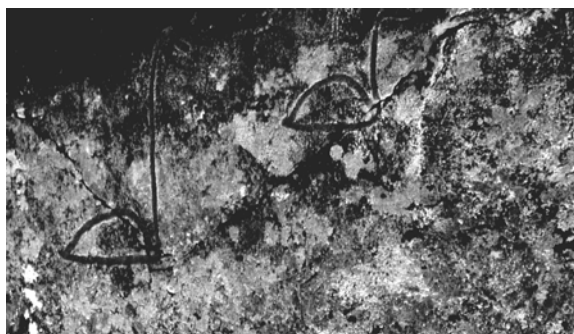
Устье р. Водлы. Полуостров Кочковनावолок
(по Н.В. Лобановой)

Ближе к Бесову Носу, в 10 км северо-западнее, расположен самый крупный (длиной 0,8 км) остров Большой Голец. Кратчайшее расстояние от него до берега (на мыс Черный) – 6,5 км. Южная часть острова, где длительное время велась добыча гранита, сильно повреждена большим карьером. Пониженная северная оконечность, отделенная широкой седловиной, сохранилась. В ее северо-восточном углу, на плоской и гладкой серой скале, на высоте 1,55 м над уровнем озера найдена еще одна островная группа петроглифов – стая из пяти небольших, плывущих друг за другом лебедей. Рисунки идеальной сохранности, с глубокой выбивкой, но почти сливаются с фоном скалы, и разглядеть их оказалось не-легко.

Данное скопление едва ли имело самостоятельное культовое значение. По мнению Р.Б. Климова, оно могло быть выбито с целью под-ключить остров к святилищу, скажем, для фиксации территории и гра-ниц комплекса со стороны озера. На островках Малые Гольцы, Ми-хайловец, Карельские, несмотря на все старания, петроглифов обнару-

жить пока так и не удалось.

Систематические поиски привели в 1978 г. к открытию новой группы в устье Водлы, крупнейшей реки в Карелии, впа-дающей в Онежское озеро севернее Бесо-ва Носа. По правому берегу со стороны от-крытого озера устье ее прикрывает невы-

Изображения на валуне

сокая прибрежная скала. Вдоль уреза воды она умеренно пологая, местами очень гладкая, красновато-коричневатого цвета. Рисунки распо-лагаются выше – на темно-серой или почти черной сильно патини-рованной, шероховатой, изъеденной лишайниками уплощенной верши-не. Странно, что о них не поступало никакой информации от жителей расположенного рядом п. Шала.

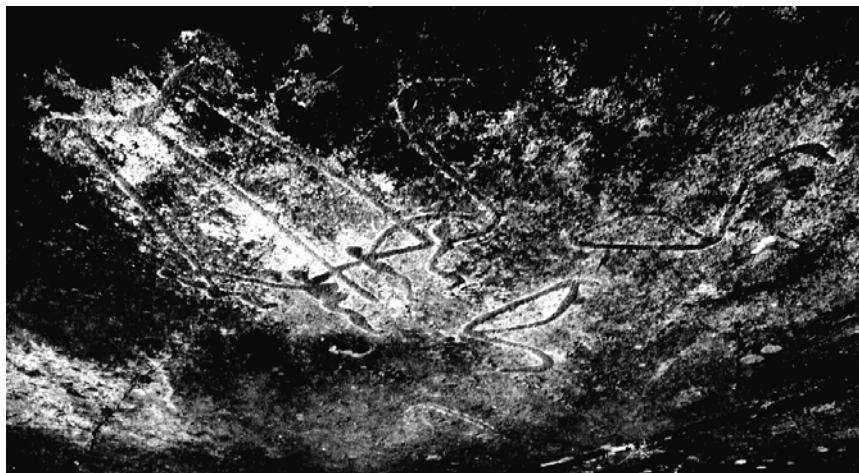
Вначале нам удалось выявить около 80 фигур, сосредоточенных до-вольно компактно на участке в 150 м² на высоте 1,3–2,5 м. Они тя-нутся вдоль берега с запада на восток почти на 50 м. Продольными тре-щинами все полотно делится на три полосы шириной 2,5–3 м. Крайняя точка – большая глыба в устье реки, как бы прислонившаяся к берегу. На ее вертикальной поверхности изображения двух лебедей.

Петроглифы Лебединого Носа

Откуда откололась глыба, какое положение занимала первоначально, и, наконец, до или после выкола появились выбивки – предстоит еще выяснить.

Большинство рисунков контурные. Преобладают лебеди – 36, тоже выбитые и поодиночке, и парами, но чаще – скоплениями. Имеются четыре изображения лося, в их числе крупный контурный; лунарный знак и 5 непонятных фигур, 3 линии, 3 фрагмента фигур и др.

Петроглифы Лебединого Носа

Основная часть петроглифов неприметна, с большим трудом поддается копированию и фотографированию. Видимо, поэтому никаких сведений от местного населения о них не поступало. Расположенные рядом с двумя населенными пунктами, на часто используемой во время купания скале, открыты они на удивление поздно и без участия местных жителей. Петроглифы в устье р. Водлы, несмотря на их своеобразие и обособленное положение, все же являются частью онежского комплекса, но столь сильный отрыв от центральной части требует объяснения.

На этом наши разведки севернее устья р. Водлы приостановились. Прервал их случай, а затем основное внимание уделялось документированию найденных уже петроглифов. Полевые работы на полуострове Кочковनावолок продолжили в 1982–1990 гг. члены Эстонского общества по изучению доисторического искусства под руководством В.К. Пойкалайнена. Им удалось открыть новые скопления на полуострове Кочковनावолок – Лебединый Нос.

ОНЕЖСКИЙ ОЧАГ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Настало время прощания с онежскими петроглифами. Часть из них покрылась темной патиной и почти не отличима от окружающего фона скалы. Разыскать их было нелегко, но многие все же неплохо заметны даже в пасмурную погоду. И снова о статистике. Состав скоплений стал разнообразнее за счет новых фигур и знаков, но по-прежнему доминируют изображения птиц. Их около 450 (примерно 40%). Все лесные звери вместе взятые (лоси, северные олени, медведи и т.д.) значительно уступают им – 102 (примерно 12%). Заметно увеличилось число солярных и лунарных знаков – 103 (а вместе с кружками их 125). Наличие значительного числа антропоморфных образов – характерная черта и важная особенность онежских петроглифов. Всего их около 90 (не считая 216 гребцов в 40 лодках). Не менее 16 явно мужского пола и 5 – женского. Много здесь и знаковых форм, таких, как полосы, линии, пятнышки – 109, которым исследователи не уделяли пока должного внимания. Бросается в глаза обилие редких фигур: бес, человеческая нога, сом (налим), собака, выдры, бобры, тюлени (нерпа), рыбы, жезлы, деревья.

Изобразительный анализ онежских петроглифов, проведенный А.М. Линевским, А.Д. Столяром, Р.Б. Климовым, позволил выделить в них как минимум три разновременных пласта с несколькими стадиями внутри них. Похоже, что общее развитие в целом идет от «схематической» к более «реалистической» (повествовательной, натуралистической) манере и завершается более условными схематизированными формами. При характеристике стиля нельзя не отметить параллельное существование силуэтных и контурных фигур. Похоже, что те и другие бытовали на всех этапах развития онежского комплекса. Заманчиво вслед за Г. Хальстремом взглянуть на онежские петроглифы как переходное звено от контурных к силуэтным рисункам в Беломорье, закрепившим традицию сплошной выбивки. В целом же наскальные рисунки Онежского озера исключительно своеобразны. Они заметно отличаются даже от ближайших к ним беломорских. Видимо, здесь формировался местный очаг монументального наскального искусства Фенноскандии со своими тематикой, стилем, собственной линией развития.

В охотничьем наскальном искусстве Скандинавии, значительно обогатившемся в XX в. благодаря новым и ярким открытиям, выделяют четыре временных этапа. Для самого раннего (4200–3600 лет до н.э.) характерны силуэтные фигуры животных и птиц, лодки с низкими бортами и небольшие, схематичные антропоморфные фигуры. Важно, что здесь уже на первом этапе появляются такие сюжеты (темы), как человекоподобные образы, средства передвижения (лодки), звери и птицы. На

втором этапе отмечаются изменения и в тематике, и в стиле. Встречаются изображения морских животных и рыб, а в лодках обозначаются гребцы. Теперь преобладают контурные фигуры.

На следующем временном отрезке (2700–1700 лет до н.э.) доминируют контурные, очень схематичные изображения птиц и рыб. Показательно появление крупных антропоморфных фигур с подчеркнутыми специфическими деталями. Наконец, на заключительном этапе (1700–500 лет до н.э.) из репертуара наскальных изображений исчезают птицы. Лоси и олени наделяются рогами. Появляются лодки с высокими бортами, а также геометризованные фигуры.

Мы привели эту давнюю общую схему (которая требует уточнения и детализации) только для того, чтобы яснее представить как общее, так и местное начало в онежских и беломорских петроглифах и охотничьем наскальном искусстве Скандинавских стран.

ПО МЕСТАМ ПЕРВОБЫТНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Отправляясь по местам древних стоянок, соседствующих с онежскими петроглифами, полезно вернуться к истории Онежского озера в голоцене. Новые данные можно получить, знакомясь с выделенной Г.А. Елиной и другими эталонной территорией «Заонежье», охватывающей около 12 тыс. км². Для нее на основе уточненной геолого-геоморфологической карты составлены карты палеоклимата, палеорастительности, изменения уровня водоемов и т.д. Природная обстановка отслеживается по шести временным срезам. Фиксируются происходящие изменения не только на материковой части Заонежского полуострова, но и за его пределами, включая восточный берег Онежского озера с петроглифами.

Данные по палеоклимату, изменению уровня воды, палеорастительности, палеоландшафтам помогут лучше выяснить связь наскальных рисунков с природным окружением. Важно, что вторая эталонная территории – «Прибеломорье» – включает низовье р. Выг с беломорскими петроглифами, что расширяет возможности их сопоставления.

Позднеледниковое время и в Заонежье отмечено похолоданием (10500 л.н.). Климат оставался еще очень холодным, а уровень водоемов высоким. Основная часть Заонежского полуострова находилась под водой. Температура июля была на 4°, января – на 14°, а всего года – на 6° ниже современной. Осадков выпадало 100 мм в год. Господствовала полярно-маревая приледниковая и тундровая палеорастительность. Массивный ледник некоторое время занимал весь северо-восток рассматриваемой территории. Обширными оставались позднеледниковые водоемы, а растительность – скудной и однообраз-

ной. По берегам крупных водоемов простирались полярно-маршевые тундростепи и галофитовые псевдотуга.

В пребореальный период (около 9500 л.н.) распространилась «белая тайга» – лесотундровое березовое криволесье. Уровень воды оставался еще высоким; палеоводоемы занимали все низменности. В растительном покрове сформировались две зоны: на Кольском полуострове тундры и лесотундры, а в Карелии – березовые и сосново-березовые северотаежные леса. Значительная часть территории Заонежья оставалась под водами озера. Все еще было холодно и сухо. Карелия оставалась недоступной для человека.

Бореальный период (8500 л.н.) – время сосновых лесов. Климат приблизился к современному и был даже несколько теплее. В растительном покрове усилилась дифференциация: четко выделялись уже четыре подзоны. На Кольском – тундры и лесотундры, в Карелии – березово-сосновые и сосновые северотаежные леса. Южнее 62° с.ш. господствовали сосновые среднетаежные леса. Третью Заонежья тогда (8500 л.н.) еще находилась под водой. Доминировали здесь среднетаежные сосновые леса; березовые реже встречались.

В атлантический период (около 6000 л.н.) распространились широколиственно-хвойные леса. Наступило время климатического оптимума голоцена. Тундра исчезла. Ее место заняла лесотундра. В растительном покрове четко обозначились четыре подзоны. Карелию покрыли елово-сосновые, сосново-еловые и еловые южноподтаежные леса. Болота занимали уже 15–18% всей суши. Появились широколиственные породы – вяз, липа и дуб. Они продвинулись далеко на север – до 65°30'. На Заонежском полуострове во время климатического оптимума голоцена (5500 л.н.) температура июля, января и годовая была на 2,5° выше современной. Распространились южнотаежные широколиственно-сосновые травяные леса с подтаежными элементами (вяз, дуб, липа).

Суббореальный период (3500 л.н.) – время суббореального термического максимума и сосново-еловых и еловых лесов. В растительном покрове четко выделились уже все пять известных сейчас в Восточной Финляндии подзон. Кольский полуостров заняли тундра, лесотундра и северная тайга в сочетании с болотами, а Карелию – средняя и южная тайга с елово-сосновыми и еловыми лесами. Болота занимали уже более 20% территории. В Заонежье 3000 л.н. температура была несколько ниже, чем теперь, осадков вызывала меньше. Здесь господствовали среднетаежные ельники и частично сосняки.

Пик *субатлантического потепления* приходится на 1200 л.н. Тогда господствовали елово-сосновые леса. В растительном покрове четко выделились четыре подзоны. Карелия входила в зону

средней и южной тайги. Болота заняли уже 25–27% территории. Наступил малый климатический оптимум, при котором доминирующие среднетаежные зеленомошные ельники постепенно уступали место сосновым лесам.

Из отмеченных временных срезов видно, что максимальное движение зонально-подзональных границ приходится на время климатического оптимума. Тогда средняя тайга продвинулась далеко на Колыский полуостров и заходила севернее современной примерно на 550–600 км. То же происходило и с южной тайгой. После глобального похолодания, наступившего около 4800 л.н., началось движение вспять. И все же, как и во время суббореального потепления (3500 л.н.), средняя и южная тайга простиралась примерно на 100–150 км севернее, чем в настоящее время. Приближение всех географических зон и подзон к современным очертаниям происходило после глубокого похолодания 2500 л.н.

Случавшиеся в течение 12000 лет неоднократные изменения термического и влажного режима зонально-географических границ, этапность в динамике лесов и болот особенно рельефно проступают на картах мелкого масштаба. Коренные смены растительного покрова, отвечающие существенным изменениям климата, естественно предопределяли возможности заселения и освоения края людьми, особенности их адаптации к местным условиям. Рассмотренные выше стадии болотоведы и палеогеографы образно называют так: «березовая» (лесотундрово-северотаежная); «сосновая» (северотаежная); «елово-сосновая» (средне- и южнотаежная); «еловая и елово-сосновая» (северо-, средне- и южнотаежная); «елово-сосновая» (северо- и среднетаежная).

При знакомстве с петроглифами невольно напрашивается вопрос: а нет ли рядом с ними следов пребывания древних людей? Выясняется, что они есть. Более того, это и следы кратковременных остановок, и временных стоянок, и постоянных поселений с остатками жилищ и хозяйственных сооружений, разнообразными орудиями труда, предметами домашнего обихода. Залегают они неглубоко от дневной поверхности, практически сразу под дерном (всего 5–15 см). И тем не менее обнаружить их не так просто, поскольку явные внешние признаки обычно отсутствуют. Не случайно вначале открыты рисунки, а уже много позднее (главным образом в 60–70-е гг. XX в.) рядом с ними удалось найти и большое число стоянок. Понадобились десятилетия, пока был накоплен и освоен необходимый опыт поисков в условиях Карелии, начинавшийся со сборов на стоянках, случайно приоткрытых природой или хозяйственной деятельностью (размытых, развеянных, распаханных, задетых песчаными карьерами). В прошлом веке археологи перешли к целенаправленным поискам их там, откуда никаких сведений вообще не поступало.

Обычно «нерельефные», т.е. слабо или ничем не выраженные на дневной поверхности, памятники – древние поселения (постоянные и временные), грунтовые могильники, мастерские – обнаруживаются во время археологических разведок, представляющих собой совокупность приемов выявления, первичного изучения и документирования памятников. Прежде ведущей нитью для любителей древности и специалистов были сведения о случайных находках (встречавшихся чаще всего на пашнях). Сейчас выработаны и оттачиваются профессиональные и весьма результативные приемы поисков археологических памятников. В Карелии теперь подавляющее число их находят археологи-профессионалы. Они подтверждают известную истину, что памятников первобытной эпохи нет только там, где их не ищут.

В Карелии, по данным А.Я. Брюсова, на 1936 г., было известно 226 названий, включая и места случайных находок дореволюционных лет. На археологической карте Карелии, опубликованной в 1961 г. Н.Н. Гურიной, значилось 413 памятников. На 1975 г. их насчитывалось 1201, на 1980 г. – около 1400. К 2005 г. зарегистрирован 1881 объект археологического наследия. В каталоге «Археологические памятники Карелии», изданном в 2007 г., значится 2497 памятников археологии.

Эффективность разведок повышалась и в качественном отношении, поскольку среди открываемых объектов резко возросла доля непо тревоженных поселений.

Особенно результативными оказались поиски по берегам Онежского озера и впадающих в него рек, когда вслед за геологом Б.Ф. Земляковым стали принимать во внимание процесс поднятия его берегов. Наиболее впечатляющих результатов добиваются те, кто умеет распознавать древние береговые террасы. Ныне это зачастую берега болот, заболоченных заливов и проливов, отодвинутые от современного уреза воды, затерянные в лесу, порой невидимые ни с воды, ни с проезжих дорог. Они-то и расширили территорию проводимых разведок, позволили открывать целые скопления из десятков памятников, расположенных по нисходящим береговым участкам и представляющих особую ценность. Неведомые прежде возможности открывает серия четко выраженных древних береговых валов и террас на северо-восточном берегу Онежского озера. Они поднимаются на высоту до 41 м над современным уровнем воды и в зависимости от крутизны береговых склонов отстоят от берега от нескольких десятков метров до 6–7 км. Расположенные на них памятники сама природа разместила в определенной временной последовательности – от ранних к поздним.

Важно помнить, что на территории Карелии древние поселения зачастую образуют целые скопления (от двух–трех до нескольких десятков), расположенные на ограниченной территории. Нередко

поселения наслаиваются одно на другое. Все это объясняется извечным стремлением людей селиться в наиболее удобных для проживания местах, ближе к промысловым угодьям, что, в свою очередь, диктует строгое правило разведок: открыв один памятник, всегда ищи поблизости следы других. Успех чаще всего обеспечен. Подобные скопления тянутся на протяжении нескольких сотен метров, реже одного-двух и более километров. Там, где прежде были зафиксированы только единичные памятники, позднее выявлены целые их скопления (до 37).

При разведках необходимо принимать во внимание и рельеф Карелии. Одна из его особенностей – озы, длинные узкие гряды, сложенные из песка, гальки, валунов и образованные в результате деятельности подледниковых рек. Может показаться, что на отлогой поверхности жить неудобно. В действительности же пологие склоны таких озов – притягательные места для поселений. Обследование озов на значительном протяжении обычно дает неплохие результаты. Конечно, при разведке не следует избегать и неудобных, на наш взгляд, участков: каменистых, глинистых или почти обнаженных скальных берегов, которые притягивали население близостью и богатством охотничье-промысловых угодий. Зачастую древние поселения располагаются на прибрежных островах.

Непосредственным и главным признаком стоянки является культурный слой, содержащий находки. Порой он ярко-красного или малинового цвета, что объясняется использованием охры или же обжигом песка вокруг очагов. В разные эпохи цвет и яркость окраски варьируют довольно сильно. Мощность слоя обычно составляет 20–50 см, изредка достигает 1 м и совсем редко его превышает. Неодинаков слой и в пределах одного поселения – мощнее и ярче на месте жилищ и хозяйственных сооружений. Признаки культурного слоя (кроме окраски) – орудия труда и их обломки, черепки глиняных сосудов. Их можно встретить и при осмотре распаханных полей, огородов, обочин шоссе, дорог, мелиоративных и дорожных канав, звериных и человеческих троп, прибрежных осыпей и пляжей. Непотревоженные памятники находят путем шурфовки наиболее перспективных участков. Шурфы позволяют выявить и культурный слой, и минимум находок, наметить границы нового памятника. Но шурфовка – дело специалистов, и увлекаться ею даже им возбраняется, поскольку шурфы нарушают целостность слоя.

Еще одним и очень важным ориентиром поисков со временем стали жилищные впадины, прослеживаемые на поверхности постоянных поселений в виде заплывших, округлой или овальной формы западин диаметром 5–7 м. Они еще до раскопок помогают

представить планировку стоянок, их размеры. Конечно, с выводами спешить не следует. Лишь раскопки позволяют выявить истинный характер и всего поселения, и его жилых и хозяйственных построек, показать, все ли они одновременны. Таковы общие признаки древних поселений, расположенных по соседству с петроглифами.

Стоянки – самый распространенный, «рядовой» тип памятников, но именно они дают основной вещественный материал для изучения древнейшего прошлого. Понятно, насколько высока ценность стоянок, расположенных по соседству с петроглифами и дающих представление о времени их создания и функционирования. Сколько бы мы ни всматривались в рисунки, на многие вопросы, даже такие основополагающие, как кто, когда, почему и зачем создал их, ответа так и не получим. Дело в том, что сами петроглифы отразили первобытную действительность хотя и ярко, но все же не полно, до некоторой степени даже односторонне. Требуется дополнительные источники, способные объективно показать также и повседневную жизнь, другие формы искусства и духовности. Отсюда и давнее стремление исследователей найти рядом с петроглифами стоянки и исследовать их, на что потрбовались десятилетия.

К началу наших работ у онежских петроглифов было известно всего семь пунктов с находками: 1) на мысу Пери Нос; 2) на берегу бухты между Пери и Бесовым Носом; 3) у основания Бесова Носа, с северной стороны; 4) на оконечности Бесова Носа; 5) на берегу бухты между Бесовым Носом и мысом Кладовец; 6) на мысу Кладовец; 7) на правом берегу р. Черной, выше устья. И только на трех из них проводились небольшие разведочные раскопки. Все они выявлены в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в.

Еще в 1927 г. в северной части мыса Бесов Нос Б.Ф. Земляков обнаружил следы стоянки с находками, представленными в основном обломками одного крупного тонкостенного плоскодонного сосуда диаметром более 50 см с примесью в глиняном тесте волокон роговообманкового асбеста. Внешняя сторона его была орнаментирована оттисками гребенчатых вдавлений. Встречались и черепки с примесью дресвы, у которых сочетания ямок с оттисками зубчатого штампа составили наиболее характерную особенность орнаментации. Орудий оказалось немного: кремневые скребки, пластинки с ретушью, обломок шлифованного сланцевого орудия, два грузила из плоских камней для оснастки сетей. Их сопровождали и отходы производства – осколки кремня, кварца и сланца. Площадь культурного слоя настолько мала (всего 8–9 м²), что Б.Ф. Земляков принял данное место за остатки лишь одного наземного жилища, по его предположению, погребенного позднее прибрежной дюной.

Вторую стоянку он нашел в 1929 г. на оконечности мыса Кладовец, немного выше скалы с петроглифами. Культурный слой прослеживался здесь уже на площади примерно 200 м². Были расчищены и остатки кострищ. Основную массу находок составили обломки глиняных сосудов с округло-коническим, или яйцевидным, дном, украшенных ямками и зубчатыми линиями. Орудий мало: кремневый наконечник стрелы с черешком, скребки, ножевидные пластины, несколько долот из сланца, обломки шлифовальных плит и брусков из песчаника. Раскопки стоянки продолжил А.Я. Брюсов, в коллекции которого около 20 орудий и обломков, 27 черепков глиняных сосудов, а также обломок какой-то «фаллической скульптурки».

Несколько лет спустя на правом берегу р. Черной, в 1,5 км выше устья (при впадении в нее Рыбачьего ручья) А.Я. Брюсов обнаружил следы большого постоянного поселения. По сообщениям крестьян деревни Бесов Нос, они корзинами собирали здесь черепки на игрушки детям. При сборах и в шурфах А.Я. Брюсов нашел два десятка орудий: сланцевые шлифованные топоры, обломки топоров или долот, сверленное орудие, кремневый нож и скребок, ножевидную кремневую пластину, точило, а также 35 черепков глиняной посуды с ямочно-зубчатым орнаментом. Исследователь отметил исключительно удобное расположение поселения, с трех сторон ограниченного естественными рубежами — р. Черной, широким ручьем и топкой низиной. О том, что оно являлось постоянным, долговременным, свидетельствовала уже большая площадь, занятая им. Находки попадались на протяжении полукилометра.

По мысли А.Я. Брюсова, поселение на берегу р. Черной являлось основным в районе онежских петроглифов. На открытых же ветрам прибрежных склонах представлены только следы кратковременного пребывания многочисленных групп людей, периодически съезжавшихся на родовые или племенные религиозные празднества и ютившихся там около костров. Все обнаруженные памятники датировались им в пределах от начала до середины II тыс. до н.э. и принимались за одновременные петроглифам.

Строго говоря, небольшой (по существу, разведочный) археологический материал, добытый у онежских петроглифов в предвоенные годы, не позволял еще уверенно датировать рисунки. Сама характеристика скудного археологического материала, собранного всего в трех пунктах, оставалась слишком общей. Даже по прежним публикациям видно, что и на Бесовом Носу, и на Кладовце собранный материал явно разновременный, смешанный и в целом охватывает более длительный промежуток времени.

Главное, что эти небольшие коллекции и предварительные выводы дали толчок и ориентиры дальнейшим полевым исследованиям. Со временем все яснее осознавалось, что древние поселения у онежских петроглифов разведаны и изучены еще слишком слабо. Правда, довольно беглое предварительное обследование, проведенное в 1955 и 1957 гг., особо значимых результатов не дало. Шли годы, навыки ведения разведок совершенствовались и накопленный опыт благотворно сказался при проведении полевых работ в районе онежских петроглифов в 1967 г. Тогда удалось открыть новые стоянки и даже новые петроглифы, пока еще единичные.

Позднее по соседству с петроглифами зафиксировано более 50 поселений и мест отдельных находок. Все они группируются небольшими гнездами, разделенными нейтральными пространствами. Обзор их лучше всего начать с севера, с устья р. Водлы, где не раз встречались отдельные находки. В 1979 г. на правом берегу, наконец, открыты стоянки, сохранившие культурный слой. Они тянутся от скалы с петроглифами с небольшими перерывами на 200 м. Позднее найдены еще несколько новых

По маршруту от устья Водлы до мыса Карецкий следов поселений пока не обнаружено, хотя, казалось бы, удобных мест немало. То ли они уничтожены размывом песчаного берега (который идет весьма активно), то ли на данном отрезке, служившем нейтральной полосой, вообще их не было, то ли археологам пока просто не повезло. Стоянки начинаются на Пери Носе, но в основном концентрируются на мысах Кладовец, Бесов Нос и по берегам р. Черной. Южнее число их вновь резко сокращается, а за мысом Гажий Нос и Гурьими островами вплоть до Муромского монастыря тянется низкий заболоченный берег, менее привлекательный для поисков.

Стоянка Пери Нос I. Расположена на оконечности мыса Пери и отмечена еще Б.Ф. Земляковым, но она не раскапывалась, а следы ее удалось выявить лишь в 1974 г. Выяснилось, что стоянка располагается между основанием мысов Пери II, III и IV на высоте 1,9–3 м. Площадь ее около 900 м². В небольших шурфах выявлен культурный слой мощностью до 40 см и обнаружены наконечник стрелы из лидита, два обломка шлифовальных плит, несколько осколков и отщепов кремня со следами обработки, небольшая плоская сланцевая подвеска и 17 фрагментов сосудов неолитического облика. По расположению и высотным данным стоянку можно считать близкой по времени петроглифам Пери Носа. Правда, характер ее пока не вполне ясен. Думается, что для постоянного, зимнего, поселения оконечность низкого, далеко выступающего в озеро мыса просто непригодна, а временами, особенно при сильных

штормах, и небезопасна. Здесь трудно было строить полуземлянки — слишком близко от дневной поверхности распространяются коренные кристаллические породы. Наконец, вся площадка мала по размерам. А с тыльной части ее ограничивает довольно крутой подъем на песчаную вершину мыса.

По берегу бухты между Пери и Бесовым Носом, почти посредине ее Б.Ф. Земляковым отмечены признаки еще одной стоянки. Следы ее с трудом, но все же удалось отыскать в 1979 г. Случайные находки попадались и на пляже бухты между Бесовым Носом и мысом Кладовец. Похоже, в древности поселения располагались не только на мысах, но и на берегах бухт. И именно в бухтах первоначальная конфигурация коренного берега изменилась особенно сильно. Плавные дуги их все глубже врезаются в коренной берег, размывая и тесня его.

Стоянки Бесова Носа. Несравненно лучше сохранились стоянки на мысах, где от размыва их защищал широкий пояс коренных пород вдоль уреза воды. Несколько их найдено и на мысу Бесов Нос: Бесов Нос I, II, IIIa, IV–VIII. Непосредственно в основании (с северной стороны), в 230 м северо-восточнее петроглифов северного мыса, на высоте 2,5–3 м обнаружены два поселения. Они частично наслоились друг на друга. Одно из них — остатки неолитической стоянки Бесов Нос V, площадью около 200 м² почти полностью уничтоженной подмывом песчаного берега. При его зачистке и найдено два десятка орудий и изделий из камня и около 20 фрагментов ямочно-ребристой керамики. Позднее на месте стоянки возникло селище. Оно тоже в значительной степени подмыто. Уцелело 250–300 м² культурного слоя (черного песка со значительной примесью углей мощностью 15–40 см), содержащего железные шлаки, кусочки глиняной обмазки, фрагменты гончарной посуды.

Стоянка Бесов Нос VI. Находится уже в самом основании Бесова Носа, еще ближе к петроглифам северной группы, на высокой (6 м) береговой террасе с серией небольших сглаженных береговых валов, занимает ровную площадку между оврагами и подошвой каменистого хребта (длина его всего около 45 м). В глубину берега стоянка вытянута почти на 50 м. Площадь ее примерно 3500 м². На ее современной поверхности отчетливо прослеживалось около десятка заплывших жилищных впадин размером 4 × 5 м и глубиной до 40–50 см. Сами углубленные в землю жилища давно сгнили, края их оплыли и как бы сглажены, однако прежние «котлованы» все еще хорошо заметны. Почвообразовательный процесс в Карелии настолько замедленный, что любые раны, причиненные земле, заживают очень долго.

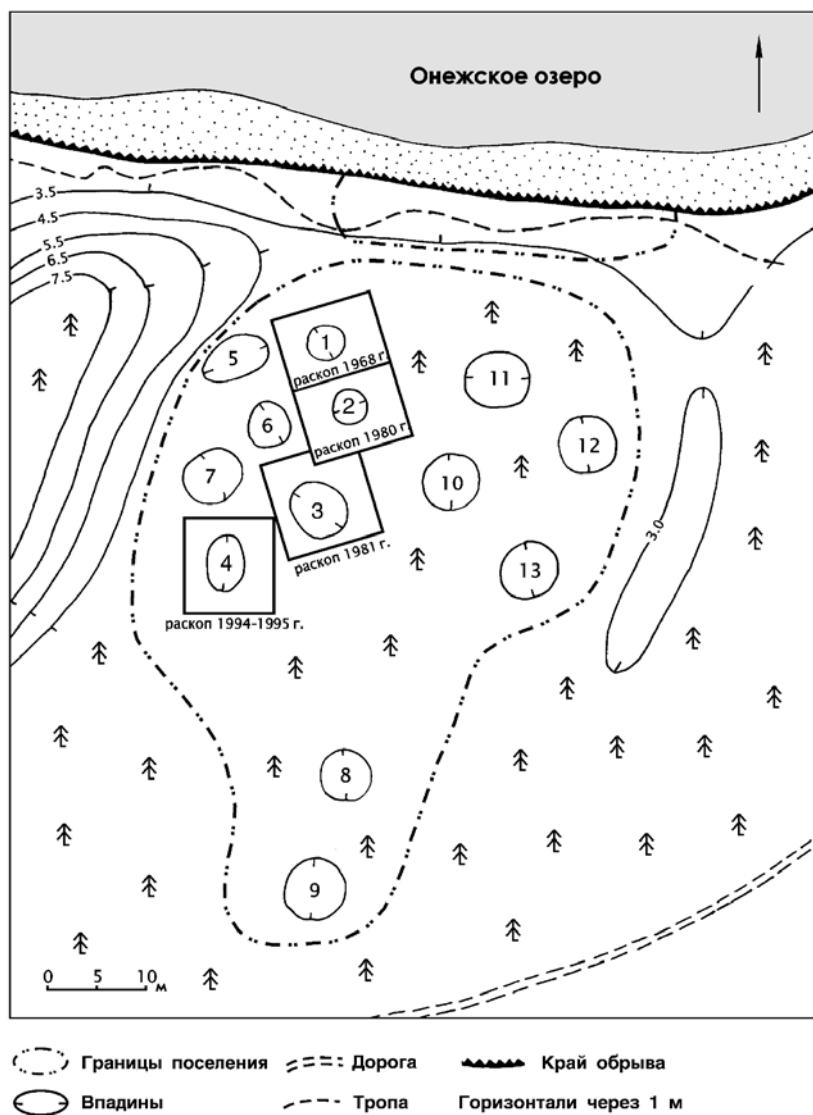
Четыре впадины расположены непосредственно вдоль древнего берега Онежского озера. Три идут почти вплотную друг к другу, образуя вторую линию. Остальные разбросаны более свободно в глубине берега. Раскопки стоянки начаты Г.А. Панкрушевым в 1967 г., а затем продолжены в 1968–1969 гг. и 1980 г. В 1981 г. раскопки велись Н.В. Лобановой, а в 1994 г. они проводились под руководством В.Ф. Филатовой и Ю.А. Савватеева. Всего вскрыто 382 м². Глубина раскопа достигала 2,2–2,3 м, что бывает весьма редко. Выяснилось, что на данном месте люди селились дважды. Под грязно-желтым, местами почти оранжевым, насыщенным гумусом песчаным слоем мощностью от 15 до 70 см залегал еще один – нижний культурный слой толщиной от 30 до 70 см с резко отличающимися по цвету линзами темного, сильно гумусированного песка.

В нижнем, мезолитическом, слое, сформировавшемся задолго до появления петроглифов, найдены небольшие острообушные сланцевые стамески, обломки заготовок орудий, обломок пилы из гранита, грузило от рыболовной сети с боковыми выемами, узкие кремневые пластинки, сколотые с нуклеусов, обломки микролитических ножевидных пластинок-сечений и др. Верхний слой, сформировавшийся в эпоху позднего неолита, оказался гораздо богаче и содержал много рубящих орудий, заготовок и обломков абразивов, сланцевую подвеску подтреугольной формы с отверстиями, много кремневых скребков и ножевидных пластин, включая 8 микролитических. Самое удивительное, что среди находок оказалось очень мало керамики – всего два фрагмента. Вскрыты остатки полуземляночного прямоугольного в плане жилища площадью 32–33 м². За его пределами встречались ямы, видимо, хозяйственного назначения.

Верхний культурный слой вряд ли не мог быть синхронным петроглифам Бесова Носа. Он формировался тогда, когда уровень воды в Онежском озере держался как минимум на 1,5 м выше современного и заливал прибрежные скалы. Два разновременных культурных слоя стоянки образуют таким образом хронологическую вилку, в которую, видимо, и попадают петроглифы. Похоже они создавались и функционировали как раз в промежуток времени, когда первое поселение было уже заброшено и забыто, а второе, несомненно, еще не появилось. Имеются материалы и раннего Средневековья.

*Скульптурка со стоянки
Бесов Нос IV*

Поселение Бесов Нос VI. План (по В. Ф. Филаатовой)

Еще одна стоянка — Бесов Нос I — находилась непосредственно на оконечности Бесова Носа, выше петроглифов, во впадине гранитного берега. При раскопках А.Я. Брюсову встречались сланцевые орудия и обломки, камни с надпилом и обломки пил, значительное количество мелких кремневых орудий, листовидные наконечники стрел, скребки, нуклеусы, обломки. Исследователь отметил необычную однородность керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом строгого геометрического стиля, а само местонахождение принял за временное стойбище, совершенно неудобное для постоянного поселения из-за ветров и трудности причаливания лодок.

Отыскать его удалось только в 1974 г. Стойбище площадью около 300 м² располагалось за скалой с петроглифами (с тыльной стороны), на месте фундамента какого-то еще довоенного строения. Небольшая площадка почвенного слоя на всю глубину многократно перекопана и перемешана. В нем найдены несколько орудий из сланца, кремня, кварца и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, позволяющие датировать стоянку неолитом — началом IV тыс. до н.э. Видимо, она и по времени близка петроглифам центральной группы Бесова Носа. Для постоянного проживания стоянка (стойбище) и в самом деле мало пригодна. Раскопки Н.В. Лобановой в 1993 г. (вскрыто 46 м² площади) дают о ней более полное представление.

Стоянка Бесовы Следки IIIa. Уже за основанием Бесова Носа, на берегу бухты, отделяющей его от Кладовца, на месте широкого, видимо, искусственного коридора в береговой дюне обнаружены следы развееванной стоянки Бесовы Следки IIIa площадью около 300 м². На поверхности небольшого по площади, выделяющегося цветом пятна собраны орудия и неолитическая керамика. Ниже, под чистым слоем песка, выявлен темный культурный слой с находками, видимо, мезолитический. Вскрыто 6 м². Наслоившиеся друг на друга поселения позднее погребены высокой прибрежной дюной. Значит, в эпоху, близкую петроглифам, берег имел совсем иной вид. Дюн еще не было.

Можно назвать так же энсолитическое поселение Бесов Нос IV (с площади в 9 м², раскопанной почти полностью) неолитическое, Бесов Нос VII (площадью 100 м²), селище позднего Средневековья Бесов Нос VIII.

Стоянка Кладовец VII. Самое крупное и компактное скопление стоянок сосредоточено на мысу Кладовец: Кладовец I, Ia, Ib, II, IIa, III–Va, VI–IX. Они занимают почти всю его территорию — от основания до конечности, включая участки в глубине берега. Названная стоянка расположена на северной стороне мыса, перед

небольшим выступом прибрежной скалы, у подошвы песчаной дюны. Занимает относительно ровную площадку, примыкающую к бровке высокого (6 м), крутого склона длиной 17 м. В раскопе площадью 36 м² выявлен довольно мощный культурный слой – яркий, неоднородный по цвету: желтый гумусированный песок – 12–72 см (но обычно около 40 см) и темно-серый, сильно гумусированный песок с угольками – от 20 до 60 см. Вещевой материал подтвердил, что люди селились тут неоднократно. Даже керамика (хотя ее всего 11 фрагментов) трех типов: сперрингс, ямочно-гребенчатая и асбестовая (только 1 фрагмент). Сильная окатанность некоторых черепков свидетельствует о том, что верхний слой стоянки, несмотря на значительную высоту, все же перемывался. Следовательно, уровень Онежского озера временами поднимался относительно высоко. Если первые два типа керамики можно отнести к неолиту, то асбестовую определенно к энеолиту, имеются и мезолитические материалы.

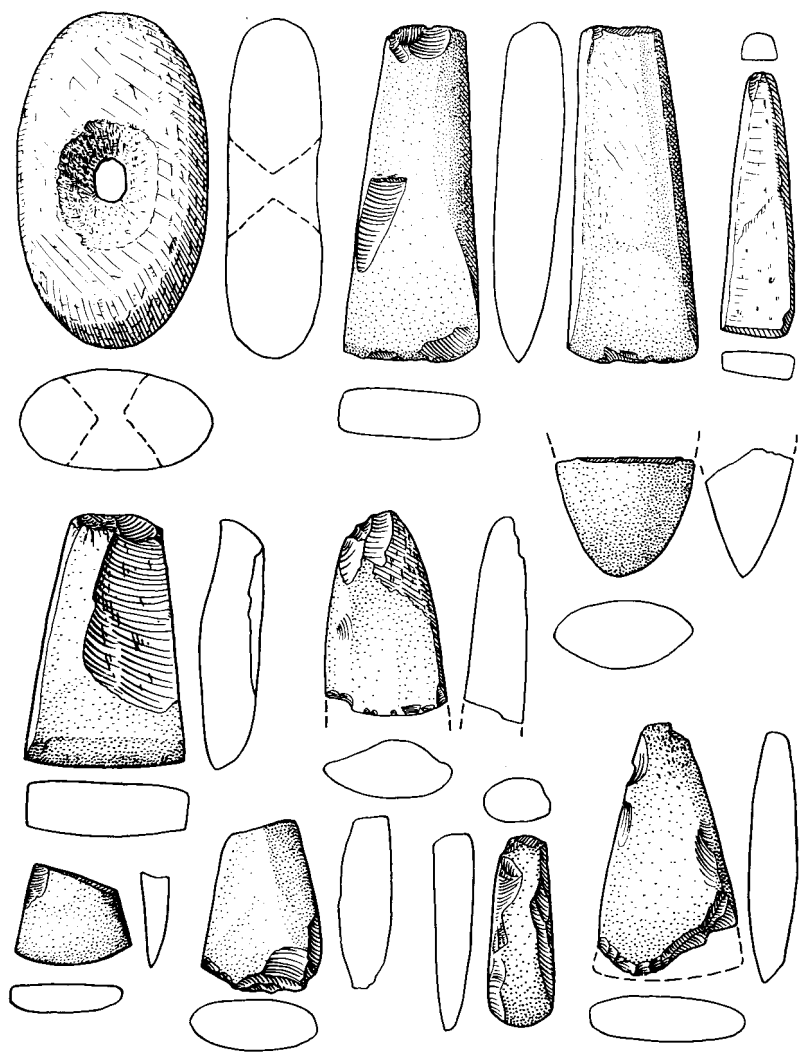
Среди орудий (169) доминируют кремневые: ножевидные пластины – 64 (чаще всего без ретуши), скребки – 29, осколки и отщепы (обработанные ретушью или же сколами) – 42. Представлены и кремневые нуклеусы – 7. Довольно много отщепов, осколков и чешуек кремня – 577. Имеются рубящие орудия из сланца и их обломки (15), лезвия которых сильно изношены – выкрошены или сбиты. Выделяется небольшой предмет (4,3 см длиной и 3 см шириной) ромбовидной формы с отверстием посередине, возможно амулет. На его конце как будто канавка для привязывания. Другой конец обломан. Кварцевые изделия представлены единственным осколком с обработкой. Преобладает кремневый каменный инвентарь позднемезолитического облика. Получается, что стоянка Кладовец VII – еще один многослойный памятник, который существовал при более высоком, чем сейчас, уровне воды в озере. Петроглифы не могли выходить ни за нижнюю, ни за верхнюю его границу. Перед нами снова хронологическая вилка типа той, о которой уже шла речь в связи с поселением Бесов Нос VI.

Стоянка Кладовец I. Правая оконечность Кладовца небольшим углом выступает в озеро в сторону Бесова Носа. На гладком выступе небольшого мыса выбит одиночный солярный знак, а выше по берегу, на высоте 7–8 м над уровнем озера, располагается упоминавшаяся уже неолитическая стоянка Кладовец I. Она исследовалась еще Б.Ф. Земляковым, а затем А.Я. Брюсовым. Впоследствии небольшие раскопки показали, что ее посещали в разные эпохи: в позднем неолите, энеолите и изредка в бронзовом веке. Мезолит на ней не представлен. Длительное поселение, синхронное петроглифам, здесь вряд ли могло существовать.

Стоянка Кладовец III. Занимает всю южную и юго-западную оконечность мыса непосредственно над пологим прибрежным склоном с петроглифами, шириной 10–20 м. Площадь ее около 2500 м², высота над Онежским озером 4–5,9 м. Она захватывает и часть слегка вогнутого высокого и крутого южного берега Кладовца. В шурфах и двух небольших раскопах площадью 20 и 24 м² вскрыт культурный слой. В нем найдены обломки сланцевых орудий, кремневые ножевидные пластины – 4 целых и 7 обл., скребки – 7, осколки кремня, сланца, лишь изредка – кварца. Керамики всего 18 фрагментов. Относится она (за исключением одного черепка) к типу ямочно-гребенчатой. При столь близком соседстве с петроглифами Кладовца стоянка все же не обязательно синхронна им. Их взаимосвязь предстоит еще выяснить. Датируется неолитом и энеолитом

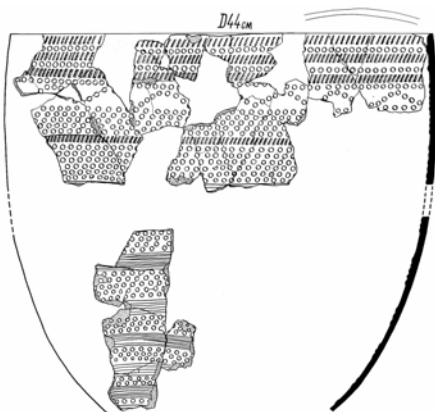
Стоянка Кладовец IV. Восточнее, почти сразу за вытянутой грядой, упирающейся в высокий (6 м) и крутой, осыпающийся берег, находится следующая стоянка. На ее территории, занимающей около 800 м² (вскрыто 468 м²), прослеживаются четыре жилищные впадины. При раскопках (в 1969, 1978, 1980 гг.) выяснилось, что и здесь находятся следы более поздних поселений. Они частично перекрывают позднемезолитическую стоянку. В результате образовался необычно мощный (более 2 м) культурный слой. Нижний выделяется темной окраской и содержит типично мезолитический, в основном кремневый, инвентарь. Для него характерна микролитическая техника – узкие ножевидные пластинки, сечения пластин и даже классические вкладыши.

Вскрыты и основания округлого в плане мезолитического жилища диаметром 6 м с мощным кострищем в центре и многочисленными находками. Его заполнял темный, практически черный слой. Два жилища (тоже округлой формы) относятся к позднему времени. Одно имеет диаметр 5,7 м и кострище в центре. Второе жилище, тоже округлое, диаметром 6 м. Оно более сложной конструкции и сильнее других углублено в почву (примерно на 2,9 м над самой высокой точкой дневной поверхности стоянки). Центральная часть жилища диаметром 3 м опускается приблизительно на 0,5 м. Ее обрамляет площадка шириной 1,5 м, на которой и расположено кострище. Находок в том и другом жилищах очень мало. Видимо, они представляли собой постройки типа чумов, рассчитанных на одну семью. Особенностью верхнего энеолитического слоя является крайне незначительное количество керамики – всего несколько черепков. Мезолитический слой ориентировочно датируется концом VI, неолитическим и энеолитический IV–III тыс. до н.э.

Стоянка Кладовец IV. Каменные орудия

Сразу же за стоянкой Кладовец IV склон берега, прежде почти отвесный, резко расширяется и становится более пологим. На нем появляются два довольно отчетливых террасовидных уступа: первый очень низкий, тянется непосредственно вдоль уреза воды, второй – в глубине берега. На том и другом обнаружены стоянки Кладовец II, IIa. Расстояние между раскопами всего 24 м), но, учитывая топографию и обособленное положение, разные высоты, особенность стратиграфии и вещевого материала, их можно рассматривать как самостоятельные, что и подтвердили последующие раскопки Н.В. Лобановой.

***Сосуд с ямочно-гребенчатым
орнаментом
Стоянка Кладовец IIa.***

Стоянка Кладовец IIa. Площадь 600 м². Удивляет необычно низким (примерно 0,5 м) положением ее над современным уровнем Онежского озера. Не менее странным кажется и то, что она занимает довольно ровную, но чрезвычайно каменистую площадку, примыкающую к современному неширокому валунному пляжу. Только стремлением поселиться как можно ближе к воде можно объяснить такой выбор. В раскопе площадью 100 м² выявился сильно каменистый культурный слой – коричневатый песок разных оттенков мощностью от 15 до 40 см, богатый находками. Среди орудий преобладают мелкие кремневые изделия с режущими и скребущими функциями – 48. Относительно много рубящих орудий из сланца: топоры, тесла, стамески и т.д. Судя по заостренным лезвиям, они еще только изготовлены или подправлены и пока не использовались. Таких рубящих инструментов, заготовленных впрок (для себя или для обмена), на других стоянках не встречалось. Здесь найдено всего три невыразительных изделия из кварца.

Привлекает обилие керамики – 641 фрагмент, в основном ямочно-гребенчатой – 601. Большая часть ее (347 фрагментов) тонкостенная, хорошего обжига, с преобладанием круглых глубоких ямок в орнаменте (оставивших бугорки на внутренней стороне стенок) при редком использовании оттисков гребенчатых штампов. Среди венчиков сосудов то плоские, то округлые неорнаментированные.

Представлена и ромбоямочная керамика — 143 фрагмента довольно раннего типа. Преобладают сосуды, сплошь покрытые ямками ромбических очертаний. Обычно они очень четкие, частые и глубокие, тоже оставившие бугорки на внутренней поверхности сосудов. Как и на сосудах с круглоямочным орнаментом, геометрические мотивы и оттиски гребенки использовались мало. Гребенчатый орнамент преобладает только на одном сосуде. Наконец, 22 фрагмента относятся к типу сперрингс. Украшены они оттисками рыбьих позвонков, веревочки и прочерченными линиями.

Керамика сперрингс могла предшествовать ранней ямочной керамике, но, скорее всего, сосуществовала с ней. Керамика с ромбоямочным орнаментом производит впечатление ранней и, похоже, отражает преемственную связь с ямочной. Следы затопления, кажется, выражены слабее, чем на более высоких памятниках, таких, как Кладовец IV, VII и др. Сам вскрытый культурный слой плотно задернован, не перебит, над ним нет сколько-нибудь заметных донных отложений. Не имеет следа окатанности и керамика. Видимо, уровень воды в озере поднялся быстро и размывания затопленной стоянки не произошло. Может быть, оказали влияние плотный дерн, каменистость слоя и другие причины.

Материалы стоянки Кладовец II, которая могла существовать только при современном (но никак не выше) уровне Онежского озера, вполне вероятно, синхронны наскальным изображениям. Следовательно, к онежским петроглифам могло быть причастно местное население, использовавшее керамику сперрингс, правда, уже вышедшую из употребления. Но основными творцами петроглифов Карелии являлись те, кто, употреблял в быту сосуды с ямочной (и ромбоямочной) керамикой раннего облика. Именно во время проживания этого населения мыс Кладовец имел примерно те же очертания, что и сегодня, а значит, и благоприятные условия для нанесения наскальных изображений. Инородными включениями выглядят 10 черепков — следы редких и более поздних посещений мыса.

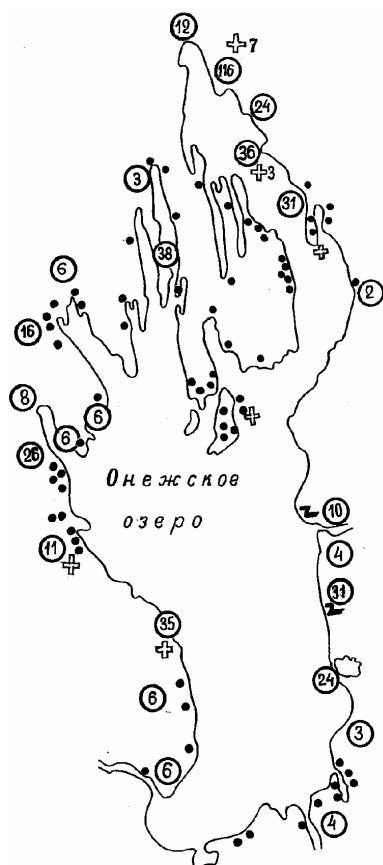
Стоянка Кладовец II. Полнее других раскопано поселение Кладовец II площадью 700 м². Вскрыто 432 м². Основная его территория приурочена ко второму террасовидному уступу и находится на высоте около 4 м над современным уровнем озера, как раз перед подошвой вершины мыса. Нижняя же часть от довольно четкой бровки спускается по пологому склону в сторону стоянки Кладовец II и почти смыкается с ней. Датруется и мезолитом, и неолитом, и энеолитом.

При раскопках одной из впадин удалось проследить основание жилища правильной прямоугольной формы, углубленного в землю на 80–100 см от современной и на 60–70 см от древней поверхности. Длина его стенок по 5,3 м. На месте стен прослеживался тлен — темные по-

лосы песка с угольками. Посредине жилища расчищен очаг округлой формы диаметром 1 м, сложенный из 18 небольших камней. По мнению руководителя раскопок Г.А. Панкрушева, жилище уничтожено пожаром, а позднее перекрыто культурным слоем следующего поселения. Во второй жилищной впадине выявлено основание постройки совсем иной формы — округлой, диаметром около 4 м. На дне ее оказался тонкий слой песка, желтого с зеленоватым оттенком, явно принесенного со стороны с целью подсыпки пола. Малые размеры, крайне небольшое число находок не позволяют принять данное сооружение за обычное жилое помещение. У него какое-то другое назначение.

План стоянки Кладовец II

- — скопление стоянок
- — одиночные стоянки
- ✚ — могильники
- ⚡ — петроглифы

Археологические памятники побережья Онежского озера

нированные обломки длиной 1–3 см или и того меньше), известному зоологу Н.К. Верещагину удалось часть из них диагностировать. Установлено, что они принадлежали северному оленю, небольшой собаке (или лисице), медведю, мелкой рыбе (окунь, плотва). И что самое ин-

Среди найденных вещей преобладают орудия, но довольно много и керамики, причем весьма разнообразной. Значит, и здесь люди селились неоднократно. Сколько же поселений сменило друг друга, как между ними распределяется добытый материал — пока однозначно сказать труднее из-за перемешанности находок в довольно однообразном по цвету и составу культурном слое.

Вероятно, вначале возникло поселение с керамикой сперрингс и сланцевым инвентарем — нижняя часть раскопа. Возможно, оно опускалось на первую береговую террасу. Одновременно или немного позднее на стоянке проживало население, владевшее ранней ямочной керамикой (так называемого льяловского или, точнее, волго-окско-клязьминского типа).

Кроме того, налицо и следы кратковременных остановок здесь в энеолите и бронзовом веке. Для датировки стоянки использовали радиоуглеродный метод. Всего получено пять абсолютных дат. Самая ранняя относится к последней четверти III тыс. до н.э., т.е. к поздненеолитическому времени. Остальные приходится на эпоху бронзы и раннего железа.

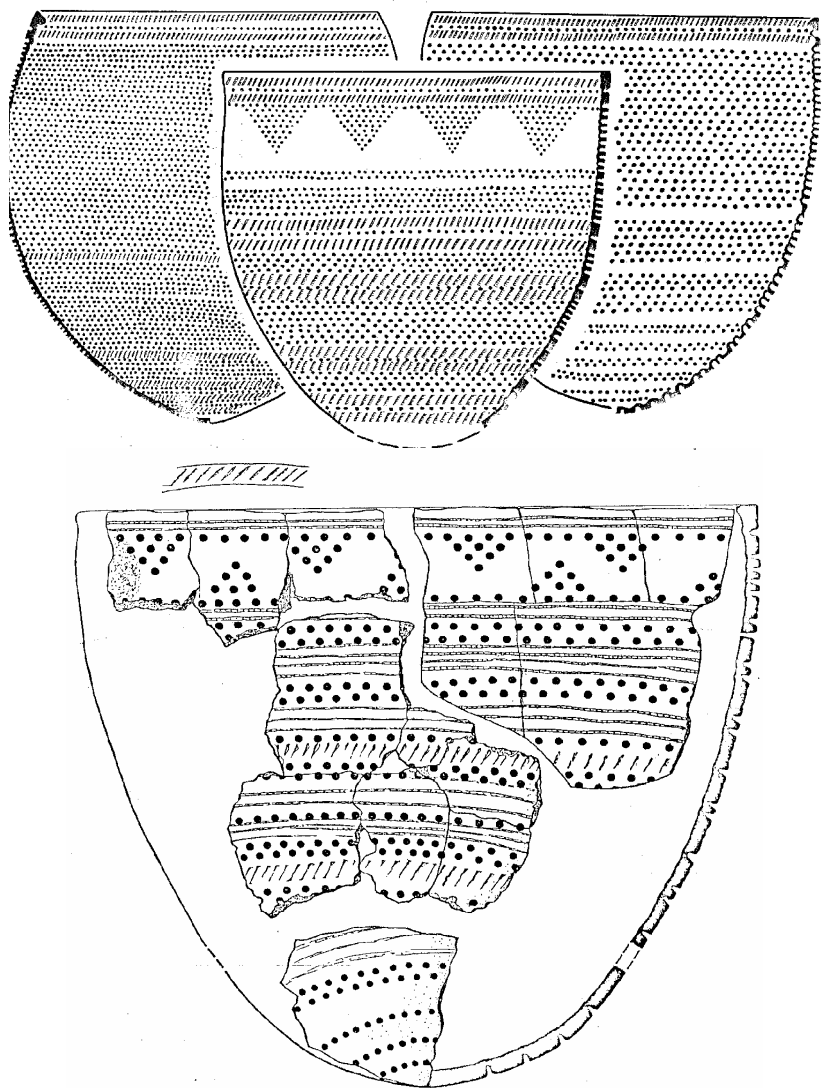
Проведены определения костного материала из раскопок стоянок, соседних с онежскими петроглифами. Несмотря на его фрагментарность (уцелели лишь пережеванные кальци-

тересное — нерпе, вообще не представленной в современной фауне Онежского озера. Возможно, она все же обитала в нем 3,5–4 тыс. лет назад.

Стоянка Кладовец V. Непосредственно в основании мыса Кладовец, на значительном удалении от того и другого берега, на высоте 4,1 м над уровнем озера, в густом сосновом лесу на ровной песчаной площадке располагается следующая, мезолитическая и энеолитическая стоянка Кладовец V. Она занимает обширную территорию, на которой зафиксировано пять впадин размером от 4 × 5 м до 6 × 12 м. Вскрыто только 36 м². Удивляет укромное положение и значительная (до 70 м) удаленность стоянки от воды. Здесь, скорее, место для могильника. При желании можно разглядеть невысокие, сильно сглаженные береговые валы, а по их расположению догадаться, что стоянка возникла еще до того, как мыс Кладовец приобрел современные очертания. Он оставался еще островом, отделенным от коренного берега мелководным проливом. Естественно, отсутствовала тогда и высокая прибрежная дюна, отделяющая сейчас стоянку от северного берега мыса. Рядом выявлены и следы могильника — довольно бесформенные могильные линзы яркой окраски. В одной из них найден архаичный сланцевый топор.

Следующий богатый куст из восьми стоянок находится в нижнем течении р. Черной, преимущественно на правом берегу. Большинство из них повреждено пахотой. Разведочное обследование в 70-х гг. Ю.А. Савватеева показало, что каждая имеет большие размеры, тянется вдоль берега на 200–300 м. Более полное представление о них дают материалы раскопок Н.В. Лобановой в 1980-е–1990-е гг.

Стоянка Черная Речка V. Она находится на самом берегу Онежского озера и интересна уже своей близостью к петроглифам в устье реки. Ее остатки уцелели на вершине низкой и плоской скалы в устье р. Черной, на высоте 1,55–2,2 м. Стоянка занимает ровную площадку, но к северу наблюдается плавное понижение, переходящее в песчано-гравийный пляж. Несмотря на относительно небольшую высоту и близость к воде, культурный слой уцелел. Он имел яркую коричневатую-красную окраску и достигал 40 см. Раскоп площадью 44 м² полностью исчерпал его. Коллекция находок включает 76 орудий и изделий из камня, преимущественно кремневых: скребки, обломки наконечников стрел и ножевидных пластин. Представлен и сланцевый инвентарь, включающий рубящие шлифованные орудия и их обломки, а также следы первичной обработки камня. Имеются осколки и отщепы кремня, сланца и в очень небольшом числе — кварца. В целом каменный инвентарь довольно невыразителен и весьма однороден.

*Стоянка Черная Речка I. Сосуды с ямочно-гребенчатым орнаментом
(по Н.В. Лобановой)*

Совсем другое впечатление производит керамика, включающая 227 черепков шести разных типов. Преобладает сетчатая и штрихованная эпохи бронзы. Довольно много ямочно-гребенчатой неолитического облика. Более двух десятков черепков с гребенчатым орнаментом имели растительную примесь к глиняному тесту, выгоревшую при обжиге, отчего стали пористыми. Еще меньше асбестовой и всего три фрагмента гладкостенной неорнаментированной керамики. Значит, в едином по цвету и структуре культурном слое перемешаны разновременные вещи.

Очевидно, что люди на данном месте селились неоднократно. Судя по соотношению обломков сосудов, более длительные остановки возникали здесь дважды — сначала в неолите, а затем в эпоху бронзы. И каждый раз уровень воды не превышал современный, иначе бы данное место становилось мало пригодным, даже для временных остановок и тем более для формирования культурного слоя такой мощности и окраски. Наиболее близок петроглифам (а то и синхронен с ними) неолитический комплекс ямочно-гребенчатой посуды. Сетчатая керамика появилась здесь значительно позднее, в раннем железном веке, где-то на рубеже нашей эры.

Стоянка Черная Речка VII. Неподалеку от Черной Речки V и почти напротив островка с петроглифами, но в глубине берега, за невысокой прибрежной дюной расположена еще одна стоянка площадью около 600 м². Она тоже занимает относительно низкое положение и близка к петроглифам. Ее культурный слой, залегающий под дерном и слоем перемытого песка, совсем иного характера — черная, желтая и зеленовато-черная глина. Судя по находкам, прежде всего наличию ямочно-гребенчатой керамики и сперрингс, поселение существовало в неолитическое время. Окатанность черепков подтверждает, что позднее оно подвергалось размыву. Посещали стоянку и в эпоху раннего металла (обнаружен фрагмент асбестовой керамики).

Стоянка на мысе Гажий. Удобные для стоянок места имеются и южнее, за р. Черной, но их там известно пока совсем мало. Одна из них находится на мысе Гажий, на прибрежной песчаной террасе высотой около 7 м над уровнем озера, выше по склону берега, почти рядом с петроглифами. Открывалась она с большим трудом. Археологи трижды возвращались сюда, и только разведочный раскоп помог, наконец, обнаружить ее. Выяснилось, что это небольшая, довольно бедная находками позднемезолитическая стоянка с одной жилищной впадиной. Существовала она задолго до появления петроглифов в мезолите. Обилие стоянок эпохи мезолита свидетельствует о том, что район Бесова Носа был освоен уже в VI–V тыс. до н.э. Любопытно и стремление людей с давних пор селиться на мысах, казалось бы, более удобных

для временного, сезонного, чем круглогодичного, обитания. Судя по характеру открытых мезолитических стоянок (мощности и яркости культурного слоя, обилию находок, наличию жилищ), среди них встречаются и постоянные, долговременные, поселения.

Стоянки на Гурых островах. По краю острова Большой Гурий намыта дюна, имеющая вид песчаного холма. Вершина его поднимается на 6 м над уровнем озера, на 1,5 м над ровной, как стол, песчаной поверхностью самого острова, прикрывающей кристаллическое основание. К сожалению, берег перед дюной сильно подмывается и осыпается. При зачистке высокой, почти отвесной осыпи под дерном и светло-желтым слоистым намывным песком Г.А. Панкрушев обнаружил ярко-красный культурный слой с линзами темного, почти черного гумусированного песка. Стоянка явно разрушилась. Уцелело не более 300 м² ее площади. В 1975 г. нами заложен раскоп в 44 м², глубиной 2 м. В нем под мощным слоем намывного песка вскрыт культурный слой чрезвычайно яркой окраски – темный, почти черный песок с красноватыми и малиновыми включениями, с четкой, но неровной верхней и нижней кромками. Толщина культурного слоя от 8 до 80 см, но чаще 24–30 см. Под ним простирался черный углистый слой, достигающий 8–30 см (в основном 20–24 см).

Каменный инвентарь небольшой и наполовину кремневый – 33 орудия и изделия (из 61). Судя по наличию осколков и отщепов, на острове тоже занимались изготовлением и ремонтом орудий. Мощный культурный слой, набор разнообразных орудий характеризуют стоянку как довольно длительное поселение со сланцевым и кремневым инвентарем. Кремневые орудия, как правило, небольшие, из случайных осколков и отщепов, к тому же довольно плохого качества (что свидетельствует о недостатке и экономном использовании сырья). Исключение составляет сечение (вкладыш) из отличного кремня кофейного цвета. Интересна небольшая, совершенно плоская сланцевая подвеска почти овальной формы с отверстием у края.

Керамики довольно много, и, несмотря на явную замытость культурного слоя, она имеет слабые следы окатанности. Судя по венчикам, представлены сосуды самых разных типов и размеров – от миниатюрных тонкостенных до довольно крупных. Преобладает гребенчато-ямочная посуда развитого и даже позднего облика (240 фрагментов). Черепков, украшенных преимущественно отпечатками гребенки, мало. Самый распространенный элемент орнамента – ямки. Любопытно, что ромбовидные ямки не представлены вовсе. Сперрингс всего 25 черепков, содержащих все основные элементы орнамента: отпечатки веревочки, рыбьих позвонков и прочерченные линии.

Наконец, встречались единичные фрагменты асбестовой, сетчатой, гладкостенной и гребенчатой керамики с растительной примесью. Найден кусочек обожженного глиняного валика, обломанного с двух концов. Привлекает внимание венчик раскрашенного охрой сосуда сперрингс с какой-то фигурой по широкому бережку. На нем имеется и отпечаток гребенчатого штампа.

Находки встречались не только в ярко выраженном культурном слое, но и в толще перекрывающего его песка, особенно на глубине до 30 см от дневной поверхности. Кроме того, они попадались и в шурфах, заложенных в разных концах от основного раскопа, но там культурный слой совсем иной – слабо окрашенный оранжевый или желтый с оранжевым оттенком песок. Он беден находками, в целом довольно разнообразными. Керамика двух типов – ямочно-гребенчатая и асбестовая. Получается, что люди селились на острове и после того как была намыта дюна. Они пользовались развитой ямочно-гребенчатой и асбестовой посудой. С каким же из комплексов можно увязывать петроглифы острова Большой Гурий? Скорее всего, они ближе к древнему, датируемому примерно IV – началом III тыс. до н.э.

И совсем трудно было предположить, что следы стоянки могут оказаться на островке Малый Гурий, сохранившем лишь небольшое пятно почвенного слоя. Удивительно, как кусочек земли веками противостоял мощной стихии огромного озера. Во время штормов весь остров неизбежно заливается, но почва как будто приросла к скале. Археологи часто бывали здесь с целью поисков (а затем и изучения) петроглифов, а значит, без своего обычного инструмента – лопаты. Никто даже не пытался произвести зачистку хилого и невзрачного слоя почвы. В конце концов постоянный участник наших экспедиций Н.В. Лобанова все же обратила на него внимание, заметила культурный слой, а в нем фрагменты сетчатой керамики, позволяющие датировать остатки стоянки эпохой бронзы. Думается, что во время существования стоянок Гурии острова имели иной вид, возможно, даже были соединены друг с другом. В таком случае понятнее становится расположение замытой стоянки на Большом Гурьем острове. Более того, высказано предположение, что сам он в недалеком прошлом соединялся с берегом и представлял, таким образом, очень длинный мыс. Но оно еще не подкреплено серьезными доводами геологов и озероведов.

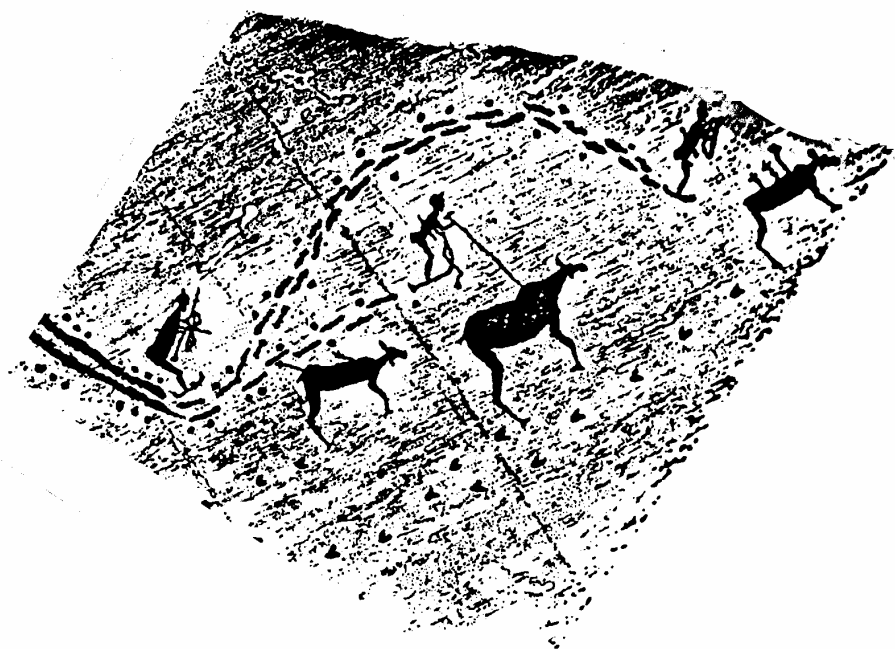
Таковы древние стоянки, расположенные совсем рядом или же по соседству с онежскими петроглифами. Они оказались очень разными по типу. В их числе и временные стойбища, и постоянные поселения с остатками зимних жилищ. Часть из них сохранилась, другие повреждены, а третьи уничтожены или почти уничтожены природой, но и уцелевшие, пригодные для раскопок площади все же огромны. Они неоднократно исследовались. Большинство

стоянок подвергалось раскопкам или тщательной шурфовке. Конечно, от более масштабных раскопок здесь можно ожидать важных, возможно сенсационных, открытий, способствующих и углубленному представлению о петроглифах. Но спешить с ними не следует. Здесь требуются особая осторожность и предусмотрительность. Те памятники, которым не угрожает гибель, необходимо сберечь для будущего. Думается, что такой путь только приблизит решение поставленных проблем, поскольку уровень полевых работ, разрешающие возможности археологии с каждым годом растут. Этому во многом способствует использование данных естественных наук и междисциплинарных исследований. В будущем из того же самого материала, из тех же стоянок можно будет извлечь гораздо больше полезной информации. Совершенствуется и сама методика разведок и раскопок, повышается достоверность выводов. Будущие работы видятся нам как обязательно комплексные — с участием палеогеографов, геологов, палеозоологов и многих других специалистов.

И все же соблазн продолжать разведки и раскоп в районе онежских петроглифов был весьма велик. С 1981 г. в них включилась Н.В. Лобанова, в 2002–2003 гг. их вел А.М. Жульников. Поводов много: более полная инвентаризация, уточнение границ и характера ранее открытых стоянок, поиски новых, доисследование особо важных памятников, спасение тех, что оказались под угрозой разрушения (разлив берегов прежде всего). Не все из проведенных работ оправданы, тем более что порой начинались и проводились стихийно, без необходимых согласований, а главное — без основательного осмысления и публикации накопленного уже материала, значительного даже по современным меркам. Мы намеренно не касались этих новых данных, включая материалы раскопок очень интересной стоянки Бесов Нос VI в основании мыса Бесов Нос, стоянки Черная Речка I в низовье р. Черной и др., поскольку готовится публикация материалов, посвященная стоянкам у онежских петроглифов. В ней, видимо, будет сказано и об их связи с наскальными рисунками.

Глава IV

Беломорские петроглифы

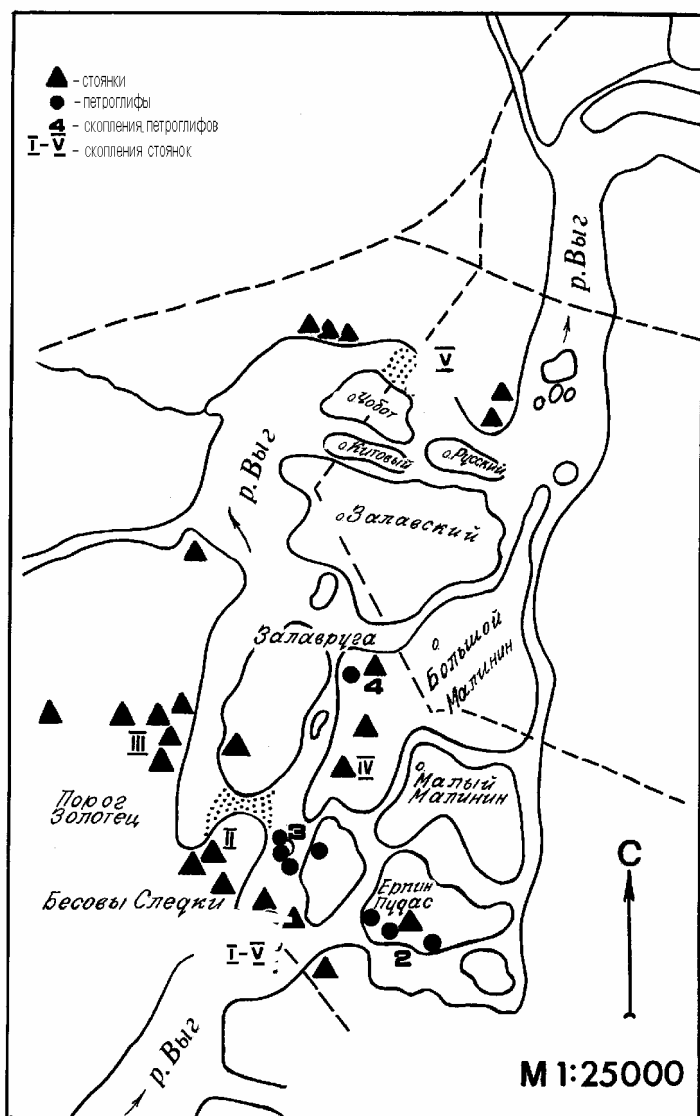
ЛАНДШАФТ

Беломорские петроглифы находятся на островах в низовье р. Выг. Добираться до них можно разными путями: железнодорожным, автодорожным, водным или даже смешанным. Заманчиво было бы проехать по Беломорско-Балтийскому каналу, который проходит у д. Выгостров недалеко от наскальных изображений, но это пока еще не освоенный туристами путь, хотя когда-то такой маршрут прошел успешную апробацию. Проще всего воспользоваться услугами железной дороги, доехать до станции Беломорск, добраться до центра города, а отсюда до желанной цели всего минут 30 езды автобусом. Можно сойти буквально у петроглифов Бесовы Следки, осмотрев их, двинуться в сторону Ерпина Пудаса, а затем и Залавруги.

Возможен и другой маршрут: от Залавруги к Бесовым Следкам. На Залавругу можно попасть с разных сторон: от д. Выгостров, от здания Выгостровской ГЭС и, наконец, от самих Бесовых Следков. В любом случае путь не совсем гладкий. Придется пересекать каменистое русло реки, острова, обсохшие протоки. Чтобы не плутать, лучше предварительно повнимательнее изучить карту-схему местности. На всякий случай желательно навести справки о главных вехах пути на Залавругу и обратно у местных жителей.

Река Выг – одна из крупных рек северной Карелии. Она образует целую водную систему, включающую верхний (южный) Выг, Выгозеро и нижний (северный) Выг, большая часть которого входит в трассу Беломорско-Балтийского канала. Сначала река протекает по холмистой равнине, а в нижнем течении пересекает Прибеломорскую низменность – широкую, плоскую, заболоченную равнину в прибрежной полосе Белого моря с чахлой болотистой растительностью. Она имеет небольшой уклон в сторону моря. Впадает р. Выг в Сорокскую губу Белого моря у г. Беломорска. В 9 км от ее устья, у д. Выгостров, и начинается интересующий нас заповедный участок низовья реки протяженностью не более 1,5–2 км.

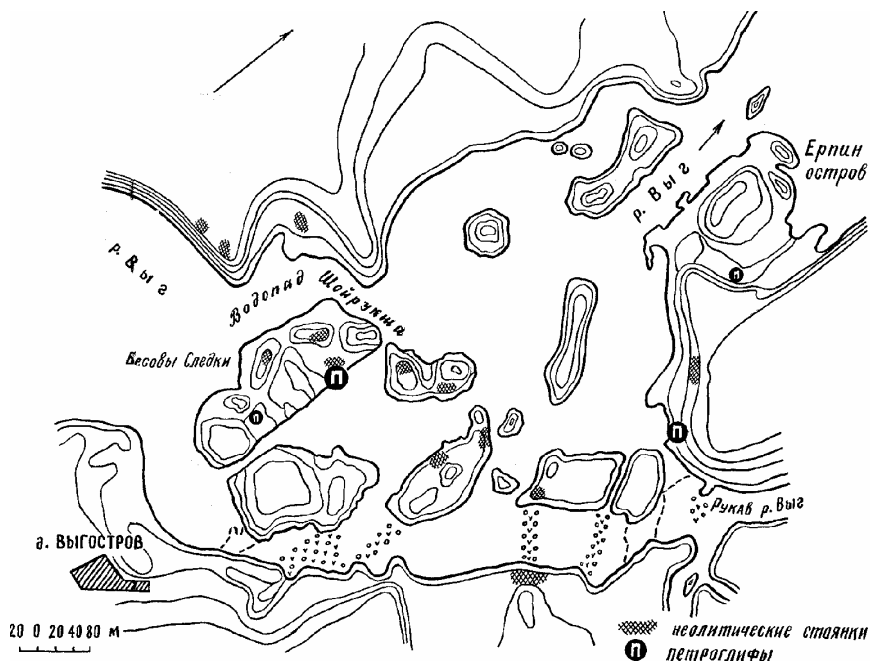
Немного выше деревни от р. Выг отделяется рукав, названный Шижной. По нему и проходит Беломорско-Балтийский канал. Чтобы поднять воду на трассе канала, реку чуть ниже Шижни перегородили невысокой плотиной, поверх которой сливалась вода. Еще ниже через Выг перебросили длинный, не в одну сотню метров, деревянный мост, соединяющий деревни Выгостров и Мати-Гора, что на левом берегу. Под мостом и ниже ширина реки достигала 400–500 м. Спокойная и полноводная, всего через 900 м, она до неузнаваемости преображалась.

Низовье р. Выг. План

Переход этот настолько стремителен, что, не увидев его, невозможно представить. И виной тому — начинающееся падение воды и цепочка гранитных островов, пересекающих реку напротив д. Выгостров и очень сильно сужающих, как бы сжимающих русло.

Не в состоянии сдвинуть или обойти их, река с ревом бросалась в оставленные ей небольшие проходы. Скорость течения возрастала почти в 5 раз. Из плесовой она на глазах превращалась в горную. Здесь то и начинались мощные пороги, которые тянулись с некоторыми интервалами вплоть до устья, образуя сбегающие к морю гигантские гранитные ступени. Наиболее крупные и красивые из них: Шойрукша — длина его 90 м, падение воды более 2 м; Малый Бараний — 155 и 4; Большой Бараний — 270 и более 1,5; Чобот — 640 и 3; Морской — 480 и 2 м соответственно. Между порогами встречались спокойные, плесовые участки.

Русло р. Выг у д. Выгостров (по В.И. Равдоникасу)

К тому же здесь река начинала сильно петлять: вначале текла в северо-восточном направлении, но у порога Золотец делала резкий поворот на север. Кроме того, уже за д. Выгостров, чуть ниже

естественной преграды из гранитных островков, русло, достигающее с островами ширины 370 м, разделялось на два. От основного (левобережного), сужающегося до 70 м, отходило второе (правобережное) шириной до 50 м. Через 3 км, ниже порога Чобот и Залавруги, они вновь сливались в одно. Между право- и левобережным руслами множество больших и малых гранитных островов, покрытых тонким чехлом почвы, а местами заболоченных и зеленых. Их разделяют живописные старицы – мелеющие или даже пересыхающие летом протоки, заключенные в гранитные ложи, нередко с валунами. После воссоединения обоих русел река на протяжении 2 км снова текла единым потоком шириной от 200 до 300 м и глубиной до 5 м. Перед устьем, в 2,5–3 км от него, вновь появляются многочисленные острова, расчленяющие русло на множество извилистых и порожистых протоков.

Приливы и отливы Белого моря распространяются всего лишь на 0,5 км вверх по течению реки и не доходят до интересующей нас заповедной местности. Предполагают, что обилие островов в устье р. Выг и объясняет старое название г. Беломорска: Сорока – поселок на 40 островах. За обилие воды и островов город называли еще и «Северной Венецией». В многочисленных островах и протоках нелегко разобраться – это настоящий лабиринт с хитроумными, запутанными ходами и выходами, с паутиной маленьких речек и ручьев. Все они текут в гранитных берегах, русла их усеяны валунами и по-своему впечатляюще живописны.

Беломорские петроглифы, казалось, оберегала сама природа. До группы Бесовы Следки раньше можно было добраться только на лодке, и то с определенными предосторожностями. До Залавруги путь пролегал по легко теряющейся лесной тропе, прерываемой несколькими стремительными протоками. Здесь не раз плутали сами исследователи. Для туристов же Залавруга долгое время оставалась вообще неизвестной.

Живописны были пороги Шойрукша и Золотец. Порог Шойрукша и служил границей между спокойной, плесовой и бурной, порожистой частями Выга. Он бушевал, пенился в узком гранитном ложе между левым коренным берегом и островом Шойрукша. Громадный рой брызг разлетался во все стороны и серебрился на солнце. Сила порога была огромна, попавшим в него путникам не оставалось надежды выйти живыми. От него по направлению к правому берегу, к д. Выгостров и тянулась вереница более мелких порогов и водопадов. Выразительно выглядел и порог Золотец. Поток воды, низвергаясь с небольшого гранитного трамплина, шумел и золотился миллионами брызг. Отсюда и название – Золотец.

Это был неповторимо красивый уголок юго-западного Прибеломорья, своего рода оазис среди унылой заболоченной низменности. Его природный ландшафт производил неизгладимое впечатление. В.И. Равдоникас, восхищавшийся красотой онежского комплекса, восторженно отзывался и о посещении низовьев Выга: «Крутые дикие скалы и каменные островки, штурмуемые низвергающимся с белой пеной потоком, оставляют сильное впечатление на тех, кто смотрел на пороги нижнего течения реки Выг». И в самом деле, бурлящие потоки воды, в которые сползают скалы, выше по склонам покрытые тонким слоем почвы или же только ягелем и лишайником, участки густого леса, бесчисленные протоки и старицы – всем этим можно было залюбоваться. Когда на скалы опускается белая ночь, они озаряются особым светом. Закаты и восходы солнца производят здесь не меньшее впечатление, чем на Онежском озере.

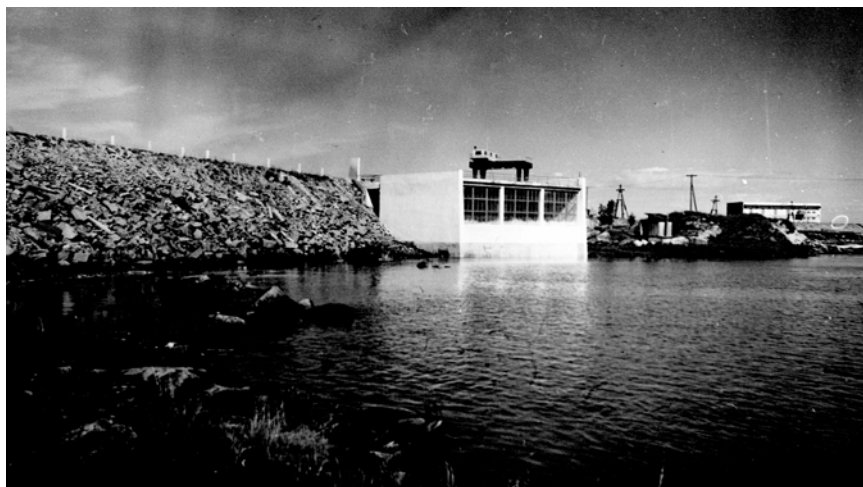
В низовье Выга богатые промысловые угодья. Сюда заходила красная рыба – семга. Отсюда открывался выход в залив Белого моря, где добывали сельдь, корюшку, навагу. Вслед за стадами сельди в залив заплывали и морские звери – белухи и др. К сожалению, теперь облик заповедной местности кардинально изменился из-за каскада Выгских ГЭС. В 50–60-е гг. XX в. Ондагэсстрой возводит здесь одну за другой Выгостровскую и Беломорскую ГЭС, которые, по замыслу проектировщиков, должны были полностью использовать гидроресурсы р. Выг.

Плотины водохранилища, дороги, сооружения до неузнаваемости изменили укромный уголок первозданной природы. Старые карты, схемы и планы здесь уже не действуют. Появились совершенно новые ориентиры. Островки напротив д. Выгостров соединила плотина Выгостровской ГЭС, по которой проходит шоссейная дорога. Существовавший выше деревянный мост за ненадобностью уничтожен. Перед плотиной разлилось широкое, полноводное водохранилище. Ниже русло обсохло, обнажилось сплошь усеянное валунами гранитное дно. И только когда в водохранилище накапливается избыток воды (а такое случается не так часто), открываются шандоры водосброса и русло оживает. На месте порога Шойрукша вновь клокочет и пенится вода. Она быстро заливает каменное русло, обрамляет острова, словом, на какое-то время река возвращается почти в прежнее состояние.

По перешейку между порогами Шойрукша и Золотец, где в древности, по предположению А.Я. Брюсова, пролегал волок, по которому в обход непроходимых порогов перетаскивали лодки, теперь проходит подводный канал, питающий Выгостровскую ГЭС. Здание ее воздвигнуто как раз на месте древних поселений у северного конца волока перед порогом Золотец, тоже исчезнувшим. Чуть дальше, на пригорке, бывший поселок строителей Золотец.

БЕСОВЫ СЛЕДКИ (СЕВЕРНАЯ ГРУППА)

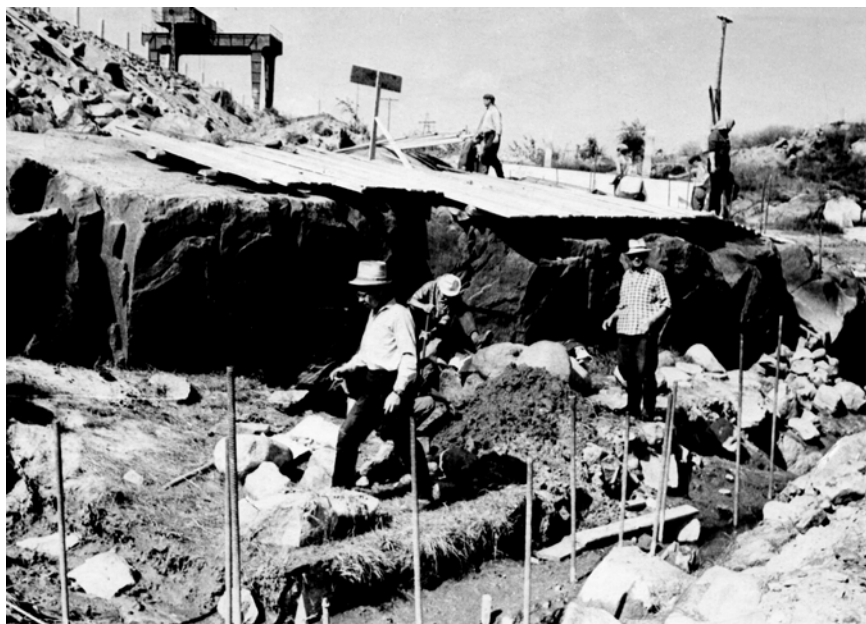
Плотина Выгостровской ГЭС по проекту должна была пройти как раз по Бесовым Следкам. По настоянию археологов ее немного сдвинули. Так удалось сберечь основную, северную, группу Бесовых Следков.

Павильон над петроглифами Бесовы Следки

Вторая, южная, сравнительно небольшая (68 фигур) и не столь выразительная группа, к великому сожалению, все же осталась под телом плотины. Это большая утрата. Чтобы надежно сохранить основную, северную, группу, над нею возведен защитный домик-павильон из стекла и бетона. Павильон накрыл большой кусок скалы площадью почти в 100 м². Вначале в нем размещался музей первобытного искусства «Бесовы Следки» — филиал Карельского государственного краеведческого музея. Затем на его базе создается районный краеведческий музей, но уже в самом г. Беломорске. Павильон же постепенно ветшал, и в конце концов доступ в него на долгие годы закрыли.

Наскальное полотно занимает небольшое обнажение скалы в северной части острова Шойрукша, почти посредине русла р. Выг. Оно тянется вдоль отвесного края скалы в направлении с юга на север на протяжении 11 м, на высоте от 19 до 20 м над уровнем моря и 2–3 м от дна русла. Ширина полотна, заполненного почти до отказа, 4 м, а общая площадь около 45 м². Трещины и разломы пересекают его вдоль и поперек и делят на несколько участков, отличающихся цветом и степенью сохранности.

Раскопки у скалы с петроглифами

Скала с петроглифами в павильоне

Гладкая, глянцевая поверхность красновато-коричневатого цвета («пустынный загар») сохранилась лишь в нижней части, где и сосредоточена основная масса фигур. Выше скала серая, сильно выветрившаяся, «изъеденная» лишайниками. Изображения на ней заметны гораздо хуже. В целом же Бесовы Следки хорошо сохранились.

В.И. Равдоникас зарегистрировал здесь 300 рисунков. Эту же цифру называет первооткрыватель и основной исследователь Бесовых Следков А.М. Линевский. Казалось, надеяться на выявление новых фигур тут уже не приходится. Не подтверждалось и предположение В.И. Равдоникаса о сокращении площади полотна за счет естественного откалывания блоков с изображениями по краю скалы. При обследовании русла реки перед Бесовыми Следками ни следов скалывания, ни отколовшихся блоков не обнаружено.

И все же общее число петроглифов выросло до 500. Увеличение произошло главным образом за счет фиксации простейших знаковых форм — округлых пятнышек, полосок и т.д., явно выбитых. Несколько новых фигур удалось обнаружить в самой верхней части полотна, на покрытой лишайниками полуразрушенной серой скале.

Похоже, что господствуют одиночные изображения, расположенные очень кучно, близко или почти вплотную. Среди поддающихся определению фигур преобладают лесные и морские звери. Больше всего оленей и лосей — 63. Правда, отличить лося от оленя и здесь не просто, но кажется все же, что преобладают северные олени. Кроме них попадаются изображения медведей — 5, лисиц — 3 и прочих лесных зверей, вид которых пока определить не удастся.

Распространенное мнение о том, что на скале в значительном числе показаны и рыбы, не соответствует действительности. За рыб принимают морских зверей — белух (36) и моржей (5). Навряд ли имеются изображения акул — это другая крайность в определении тех же самых белух. Из 34 птиц, преимущественно водоплавающих (высеченных и поодиночке, парами и целыми стаями), 8 можно уверенно принять за лебедей и столько же за гусей. Нередко встречаются лодки небольших размеров, обычно с высоким корпусом. В 19 из них показаны гребцы — всего 36 человек. Пустых лодок 16, две из них очень маленькие, нечеткие, напоминающие птиц. Из четырех лодок тянутся гарпунные ремни.

Повышенный интерес вызывают изображения людей — 17 (трое из них лыжники) и человеческих стоп — 12. Довольно много не вполне понятных — 27, полуразрушенных — 13, незаконченных (?) и сомнительных фигур (2 и 5 соответственно). Наблюдается обилие простейших знаковых форм: округлых или овальных пятен, полосок и линий, треугольников, крупных овалов и т.д. — всего 112. К числу оригинальных можно отнести рассеянные по всему полотну кресты и звезды — 8, пунктирные линии — 2, дерево, непонятный знак, а также изображения семги и трех стрел, поразили животных (но лук не показан ни разу).

Петроглифы Бесовы Следки. Северная группа

Петроглифы Бесовы Следки. Центральная часть

Здесь нельзя найти две абсолютно идентичные фигуры даже среди таких однородных, как белухи. Еще больше разнятся лесные звери, например олени и лоси, — по форме и положению головы, очертаниям туловища и ног. Некоторые из парнокопытных наделены фантастическими чертами: неестественно выгнутые спины, несоразмерно большие, странной формы головы. Определенные различия наблюдаются и в технике, и в манере исполнения, но, как правило, фигуры выбивались глубоко, сильными ударами. Изображения статичны, хотя кое-где заметны попытки передать движение, отобразить действие.

При обилии одиночных фигур появляются и композиции (их более 20), еще небольшие и несовершенные, слабо детализированные, без строгого соблюдения масштаба. Иногда они включают явно разновременные петроглифы и, следовательно, формировались уже в процессе функционирования наскального полотна. Порой композиции чувствуются и там, где изображения расположены рядом, но связь их друг с другом никак не обозначена. На полотне имеется и объединяющий рисунки стержень — цепочка из восьми следов босой ступни (то правой, то левой), которая тянется вдоль нижней кромки скалы. Восьмой, последний, след выбит выше седьмого и «придавил» голову лебедя.

Изображение беса

Следы ведут к выразительной фигуре беса, расположенной в северо-восточной части полотна, на краю основного скопления. От его головы отходит какой-то остроугольный отросток, возможно, деталь головного убора. Бросаются в глаза большой горб, огромная ступня, вытянутая вперед, слегка согнутая в локте рука с пятью растопыренными пальцами и гигантский фаллос. За спиной и под ногами — лодки, птицы, звери. Местное население называло его чертом, а все скопление изображений Чертовыми Следками. А.М. Линевский по ассоциации с наиболее известной группой онежских петроглифов поспешил переименовать их в Бесовы Следки.

Разномасштабность и разная ориентировка фигур, бессистемность расположения многих из них, почти предельная насыщенность скальной поверхности, определенные различия в стиле, тематике и технике исполнения — свидетельство длительного использования наскального полотна. Это же косвенно подтвердили и материалы раскопок в русле реки у скалы с рисунками, как напротив беса, а так и большого, прилегающего к ней с противоположной тыльной стороны углубления — по А.Я. Брюсову, святилища.

Еще А.М. Линевский на основании стилистического анализа изображений выделил три последовательные стадии в заполнении скалы. Все началось с южной ее части, где появились морские звери, сцены морского промысла, два лося, олень, гусь и другие изображения. В нижней части скалы на той же первой стадии выбиты два крупных лебедя, олени, орудия промысла, а в северной — несколько изображений, в их числе, возможно, бес и крайний с юга след.

Только на второй стадии появляются все композиции с участием людей и ряд небольших по размерам фигур. Тогда же наносятся рисунки и на нижней, восточной, части скалы. И, наконец, к третьей стадии относятся цепочка из шести следов беса и остальные мелкие фигуры, а также олень и лось в верхней части. Такова первая попытка выделить разновременные напластования на скале с Бесовыми Следками. Она требует доработки и дает импульс для нее.

Можно согласиться с тем, что вначале действительно использовались центральная и южная части скалы. Первыми, скорее всего, выбиты выразительная пара лебедей, морские звери, плывущие несколькими стадами головами в сторону суши, исключением за одного. Бес же, вероятно, входит в поздний пласт рисунков, появившихся на северном краю скалы. Он выбит на отшибе, на малоудобном бугре. И это не случайно. Лучшего места для него уже и не осталось. Бес и направленные к нему следы появились по единому замыслу. Это кульминационный пункт в заполнении наскального полотна. Теперь, на заключительной стадии, оно осмысливается как единое целое, подчиненное центральному образу беса.

Нетрудно заметить, что следы находятся в явной зависимости от ранее выбитых фигур. Последний, восьмой по счету, след придавил голову верхнего из пары лебедей. Он не обычная промысловая птица, а мифологический образ, наделенный сверхъестественными свойствами и чертами и, видимо, обладающий неземной силой. «Поражение» обоих лебедей (одного насквозь пронзила стрела с очень широким оперением, а голову другого придавил след) можно рассматривать как победу появившегося позднее антропоморфного божества – беса и как итог основательного переосмысления всего наскального полотна.

То, что фигура беса центральная, признают все исследователи, но трактуют ее по-разному. А.М. Линевский отождествлял беса с «духом - хозяином» водной стихии, а саму скалу с рисунками считал местом жертвоприношений бесу с целью привлечения из моря добычи. А.Я. Брюсов соглашался, что бес – главное божество окружающих мест, которому приносились все жертвы, а различные охотничьи сцены служили как бы заклинаниями и должны были обеспечить успех в охоте.

У Бесовых Следков, по мнению А.Я. Брюсова, совершались «исключительно охотнические» обряды и празднества перед началом сезонной охоты, преимущественно на морского зверя. Они, с одной стороны, имели цель магическими средствами обеспечить успех сезонного промысла, а с другой – закрепить на время мир между съехавшимися издалека, из различных родоплеменных общин охотниками.

В.И. Равдоникас тоже выделял беса из числа «божеств и различных мифологических персонажей» Бесовых Следков как главную фигуру, представлявшую выдающийся интерес и, возможно, имевшую отношение «к магии плодородия, магии размножения или воспроизводства охотничьей добычи».

При знакомстве с беломорскими петроглифами не стоит забывать и о небольших, малоизвестных скоплениях (группах), разбросанных на соседних с Шойрукшиным островах. Одна из них открыта экспедицией В.И. Равдоникаса в 1936 г. Спустя 10 лет после Бесовых Следков на том же острове Шойрукша, но южнее рассмотренных Бесовых Следков (северная группа) найдена новая, названная южной. Заметим, что северную группу в литературе по-прежнему порой называют Бесовы Следки.

БЕСОВЫ СЛЕДКИ (ЮЖНАЯ ГРУППА)

Единственным источником информации о южной группе остается публикация В.И. Равдоникаса, содержащая копии и фотоматериалы. Всего им зарегистрировано 68 изображений на площади около 100 м². Из них 30 отнесены к числу рыб или морских животных. На самом деле все они морские звери, скорее всего белухи. На втором

месте стоят «рогатые» животные, точнее копытные, тем более что ни одно из выбитых животных рогов не имеет. Судя по копиям, среди них преобладают лоси и олени. Их дополняют три четвероногих животных. Возможно, это какие-то лесные зверьки. Один из них показан в проекции сверху. Человеческих фигур всего четыре – три одиночные и одна в сцене охоты на лося. Двое идут на длинных (почти в их рост) лыжах. В.И. Равдоникас зафиксировал, кроме того, стрелу, крестообразный знак над вершиной дерева и само дерево, два изображения птицы, кружок, овал, округлый треугольный контур, четыре линии и восемь непонятных фигур, а также около 20 небольших пятен, видимо, тоже выбитых.

Южная группа Бесовых Следков интересна прежде всего как звено в цепочке разновременных скоплений беломорских петроглифов. Даже по сравнению с ближайшей, северной, группой она обладает рядом особенностей: скудость тематики при явном преобладании морских животных, стилистическая однородность, отсутствие выразительных композиций, своеобразие микротопографии, в частности низкие высотные отметки.

По свидетельству В.И. Равдоникаса, даже при обычном уровне воды в р. Выг петроглифы находились под водой, обнажаясь лишь в засушливые годы. Ясно, что созданы они в одну из регрессивных стадий Белого моря, когда уровень воды сильно понизился и река начала мелесть. Как только русло вновь становилось полноводным, рисунки заливало. О длительном воздействии воды свидетельствует характер поверхности скалы, прежде всего сильная сглаженность края и выбивки силуэтов, чего не наблюдается в северной группе Бесовых Следков, расположенной рядом, но немного выше и заливаемой реже.

Навряд ли можно говорить о безраздельном господстве в южной группе Бесовых Следков одиночных фигур. Похоже даже, что значительная их часть группируется в несколько (не менее десятка) композиций. Звери, идущие друг за другом, одномасштабные морские животные, показанные рядом и ориентированные в одном направлении, по-видимому, в сознании первобытных людей связывались единым замыслом. Имеются и ясно видимые композиции охоты на оленей (лосей) и белух, но они еще чрезвычайно просты, включают всего несколько изображений, однородных по составу (морские животные, лесные звери). Большинство связано с темой морской охоты.

Насколько полно сохранилась южная группа, сейчас уже судить трудно. Видимо, и в ней утрат не больше, чем в северной. Как обе они соотносились во времени? Можно ли принять южную группу за самую раннюю? Похоже, что она возникла до или на раннем этапе формирования северной группы при понижении уровня воды в реке, из-за желанного «приблизить» петроглифы к кромке берега, к воде.

ЕРПИН ПУДАС

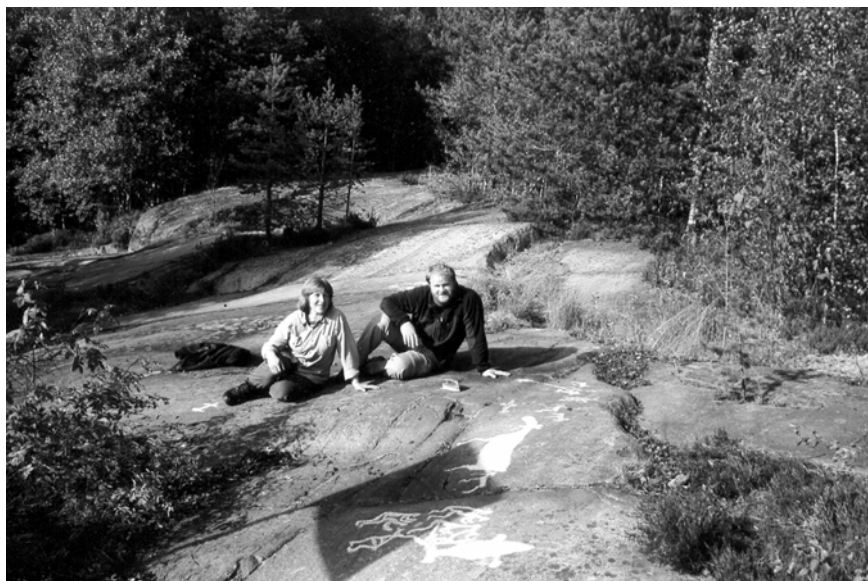
В 400 м от Бесовых Следков ниже по течению – большой остров Ерпин Пудас, который и раздваивает русло р. Выг. Он привлекал внимание всех археологов, но свои сокровенные тайны открывал неохотно. Еще А.М. Линевский и А.Я. Брюсов обнаружили здесь следы стойбища. Позднее Н.А. Лапиным, участником экспедиции В.И. Равдоникаса, на западной оконечности острова найдены две небольшие группы петроглифов – северная и южная.

Остров Ерпин Пудас

Южная группа Ерпина Пудаса расположена во внутренней части острова, на берегу глубокой ложбины в коренных породах. В ней всего три изображения, по-видимому, оленей, выбитых на горизонтальной поверхности одного из многочисленных гранитных блоков. Образовался он в результате разломов скалы. Поверхность его сильно выветрилась, стала шероховатой. Рисунки почти не заметны и с трудом поддаются копированию и фотографированию. По их высокому расположению на местности можно предполагать, что ложбина в момент их выбивки представляла собой удобную, полноводную бухту, глубоко врезавшуюся в остров. В нее могли свободно заходить лодки. Датировать рисунки помогает раннеолитическая стоянка Ерпин Пудас, расположенная поодаль, на вершине острова. Петроглифы могли появиться только после стоянки, но насколько велик разрыв между ними, пока сказать трудно. Вероятно, не очень большой.

Восточнее, практически уже в самом левом (основном) русле, гораздо ниже над уровнем реки находится другая, северная группа Ерпина Пудаса. Она включает 28 фигур, выбитых на плоской поверхности выступа серых гранитных скал, расчлененных трещинами и разломами. От самого Ерпина Пудаса его отделяла небольшая протока. Преобладают здесь одиночные изображения, размер которых не превышает 40 см (за одним исключением). Явственно выраженных композиций всего две, но и они сохранились неполностью.

Новые петроглифы острова Ерпин Пудас

Доминируют лодки (18), составляющие почти 2/3 от общего числа фигур. Чаще всего в них по одному—два гребца, показанных столбиками, перпендикулярными корме, но иногда пытались выделить голову, туловище, редко ноги. Встречаются пустые лодки. Морских животных только два. Таким же числом представлены и копытные животные, видимо олени. Отметим, кроме того, лебедя и два антропоморфных изображения. Одно из них показано в анфас. Последнее представляет особый интерес. Странный отросток (хвост), равно как и тесная связь с морским зверем, подчеркивают необычность образа, быть может, морского «божества». Ориентировочно северную группу Ерпина Пудаса можно датировать началом III тыс. до н.э. От нее через несколько скоплений ниточки связи тянутся и к Залавруге, где изображения лодок преобладают.

Безымянные островки в устье р. Выг

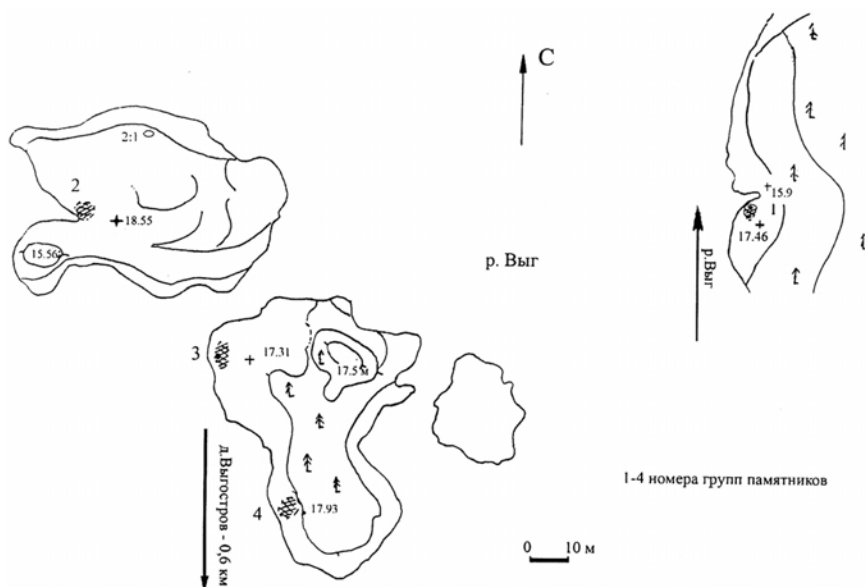
Самое большое полотно открыто нами в 1969–1971 гг. на краю упомянутой стоянки Ерпин Пудас. Общая длина его 21 м, ширина колеблется от 2,8 до 6 м. На нем около 100 фигур и знаков. Среди 79 опознаваемых сюжетов преобладают лоси – 32. Хотя все они показаны строго в профиль, с двумя ногами, почти у каждого видна пара ушей. Рога же обозначены только в двух случаях и в обоих по-разному. Примерно у трети сохатых отсутствует серьга под горлом – один из определяющих признаков лося. Холка выделяется не всегда, по-разному передаются и очертания крупа (то округлого, как у лосей, то угловатого, как у оленей). У пяти миниатюрных изображений непропорционально длинные ноги.

Все люди, а их 19, в основном сосредоточены в двух скоплениях. Они профильные, обычно в позе присевших или сидящих. Только два человека показаны в фас. Любопытно, что по меньшей мере у пяти не одна, а пара рук. В целом люди схематичны, удлинённых пропорций, как правило, выше животных. Похоже, что представлены и мужчины, и женщины.

Два изображения можно принять за собак, два крайне схематичных и грубых, – за медведей. Морских зверей (белух) – 13. Один из них, возможно, морж. Из восьми лодок бесспорных лишь три. Они небольшие, мельче загарпуненных зверей. Две можно отнести к беломорскому типу, с относительно высокими бортами. У третьей же борта низкие, как на онежских петроглифах.

Петроглифы на острове Ерпин Пудас

***Петроглифы на безымянных островах в русле р. Выг
(по Н.В. Лобановой)***

Отметим еще единственное изображение птицы, три гарпуна, три углубленные ямки-лунки и две незаконченные (?) фигуры. Подавляющее большинство рисунков включено в композиции, число которых не менее 12. Представлены и простые двух-, трехфигурные и более сложные сцены, разнообразные по компоновке, включающие до десятка фигур.

Наскальные изображения острова Ерпин Пудас – результат довольно длительного развития, о чем свидетельствуют и разнообразие сюжетов, и техника нанесения, и сценичность. Видимо, они занимают промежуточное положение между Бесовыми Следками и Залавругой. Их сближает обилие и характер композиций, значительный процент антропоморфных фигур и т.д. Похоже, они пополнялись и после того, как Залавруга ушла под воду и была замята.

Пять других изолированных скоплений расположены еще немного ниже по течению р. Выг на безымянных островах. В них всего около 50 изображений, в основном лодок. Многие находятся необычайно низко над уровнем реки и появились тогда, когда она сильно обмелела и вода едва-едва покрывала крупные валуны на дне русла. Немногочисленные и невыразительные на первый взгляд, сильно сглаженные выбивки, почти сливающиеся с фоном

темных, сильно патинированных прибрежных скал, сыграют важную роль в изучении общей эволюции наскального искусства Беломорья. Они облегчат выявление связей между Бесовыми Следками и Залавругой.

СТАРАЯ ЗАЛАВРУГА

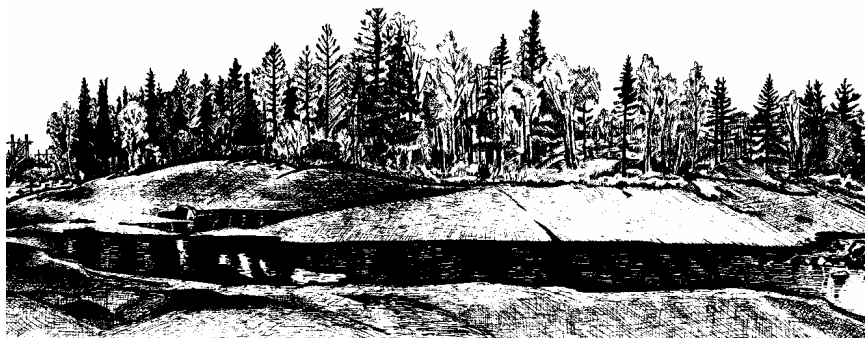
Залавруга – непонятное, ничем не мотивированное искажение топонима. В действительности, местечко Залавруга называлось иначе – Залавруда, но прижилось и утвердилось ошибочное – Залавруга. Оно находится на пологом правом берегу протоки, в западной части острова Большой Малинин, в 1,5 км от д. Выгостров. Представляет собой довольно ровную площадку с редкими соснами, примыкающую к высыхающей летом протоке-старице в месте ее сильного сужения. Прибрежный склон обнаженных кристаллических пород довольно широкий, с наклоном до 15–20°.

Прежде отыскать Залавругу было не так просто. Путь затрудняли многочисленные протоки и рукава р. Выг. После строительства Беломорской ГЭС (последней в каскаде Выгских ГЭС) Залавруга буквально преобразилась. Окрестности ее исказились, стали рукотворными. Трудно представить, что протока продолжалась еще 300 м до впадения ее в основное русло р. Выг. Само устье старицы, расположенные поблизости пороги и острова левобережного русла скрыты теперь водохранищем.

Чуть севернее Залавруги берет начало плотина Беломорской ГЭС. Перпендикулярно ей возведена небольшая дамба для отвода паводковых вод старицы. Над дамбой проходит высоковольтная линия с широкой просекой, образующая прямой путь от Выгостровской ГЭС и бывшего порога Золотец к петроглифам Залавруги. Наконец, от Беломорской ГЭС вначале по плотине, а затем по острову Большой Малинин мимо петроглифов и до шоссе Беломорск–Золотец тянется оставшаяся от строителей хорошая дорога. Правда, она прерывается правобережным руслом, мост через которое был разрушен, и доехать по ней до Залавруги на автомашине теперь нельзя, разве что окружным путем – через территорию Беломорской ГЭС. Все остальные дороги – пешеходные тропы.

Вытянутый с северо-запада на юго-восток участок площадью в несколько га, заключенный между дамбой, дорогой, берегом старицы и подошвой скалистого склона, поднимающегося к вершине острова, и стал местом многолетних исследований. Правда, полоса между дорогой и собственно Залавругой заболочена, заросла густым смешанным лесом и пока большого интереса у археологов не вызывала. Она как бы еще больше сужает исследуемую площадку.

На очерченной территории находится комплекс памятников: старая группа петроглифов Залавруги, открытая В.И. Равдоникасом в 1936 г.; стоянка Залавруга I, найденная А.Я. Брюсовым в 1947 г., и, наконец, новые группы петроглифов Залавруги, открытые в 1963–1969 гг. уже нами. На вершине, в 200 м к юго-востоку от стоянки Залавруга I и примерно на 2 м выше ее расположено еще одно поселение – Залавруга II, за которым местность снова понижается. По всей очерченной территории сплошным массивом распространяются коренные породы, местами обнаженные и сильно выветрившиеся. Основная площадь покрыта маломощным слоем песчаных отложений. Почти со всех сторон их окаймляет заболоченная низина, заросшая густым смешанным лесом.

Вид на Старую Залавругу

В Карелии непросто найти другое такое место, где бы древность и современность оказались в столь близком соседстве. В перестуке колес поездов и сигналах автомашин, в sireнах подходящих к шлюзам теплоходов, в ярких огнях электростанций – дыхание современной жизни. А рядом, на островке, которого лишь слегка коснулась цивилизация, следы первобытного прошлого – людей, творивших тут почти шесть тысячелетий назад. В память о себе они оставили гравированные скалы. Смотришь на них и как-то особенно остро ощущаешь время, его ход и всевозрастающий бег.

Есть в древних рисунках и нечто созвучное нашему времени. Человек в них выступает как великий труженик и творец. Оказавшись в суровых условиях, поглощенный тяжелой повседневной заботой о выживании, он в то же время все глубже постигал жизнь, стремился ярче выразить свое мироощущение, отразить традиции, верования и обряды, укрепить связи с окружающим миром. Сознание многое еще принимало

на веру. Убедительное свидетельство тому – петроглифы Беломорья и их эволюция. Здесь, в священном для первобытных людей месте, появляется естественное желание отдать дань уважения им.

Старая Залавруга во время паводка

Однако современный облик Залавруги и даже тот, что существовал до создания электростанций, все же отличался от древнего (эпохи создания петроглифов). Такое заключение вытекает из особенностей расположения соседних стоянок, да и самих петроглифов, представленных Старой и Новой Залавругой (иначе Залавругой I и II). Забегая вперед, отметим, что, в отличие от всех известных ранее, новые группы Залавруги обнаружены непосредственно под культурным слоем стоянки, а подчас еще и необычно далеко от современного берега. Общая площадь, занятая рисунками, составляет около 5000 м². Они тянутся вдоль гранитного берега старицы почти на 150 м по направлению с северо-запада на юго-восток, в 10–60 м от воды и на 2–3 м выше ее уровня.

На первом этапе освоения Новой Залавруги вода стояла выше современного уровня, а остров Малинин был гораздо меньше и имел совсем иную конфигурацию. Интересующее нас место представляло собой гранитный язык шириной около 670 м, протянувшийся от вершины почти на 100 м. Гладкие открытые скалы, омы-

ваемые волнами, и стали удобным естественным полотном для нанесения рисунков. Прежде всего использовалась скальная поверхность вдоль уреза воды, но по мере падения ее уровня, высвобождения все новых участков гладких и чистых скал использовались и они. Именно колебаниями береговой линии в основном и обусловлено их размещение на столь обширной территории и на разных высотах над уровнем воды.

Для заполнения всей территории потребовалось весьма длительное время, может быть, сотни лет. Судьба огромного изобразительного комплекса оказалась весьма печальной. В период очередной трансгрессии Белого моря, когда уровень воды в низовье р. Выг значительно поднялся, петроглифы оказались под водой и над ними отложился слой песка и ила мощностью до 1 м.

Затем последовал спад воды, и Залавруга вновь обнажилась, но теперь она выглядела уже совсем иначе. На месте скалистого массива образовалась довольно ровная песчаная площадка. Лишь по краю протоки ее обрамляла узкая полоса обнаженных скал. Люди оценили промысловые достоинства острова, расположенного при выходе в залив Белого моря, и стали селиться на нем. Они и не подозревали о существовании наскальных изображений. Нынешняя старица тогда была более широкой и полноводной протокой. Она-то, скорее всего, уже после того как поселение Залавруга I оказалось заброшенным, размыла и обнажила и петроглифы Старой Залавруги (расположенные на ее правом берегу) и нижний край Новой Залавруги.

Стоянка Залавруга I вытянулась вдоль старицы с северо-запада на юго-восток примерно на 100 м. В глубь берега она распространялась на ширину от 20 до 60 м (в юго-восточной части, где упиралась в пологий склон обнаженных коренных пород). В то время уровень воды в старице оставался на 1,5–2 м выше, чем в период появления самых поздних петроглифов Залавруги. Часть наскальных полотен, оказавшихся в русле полноводной протоки, постепенно покрывалась пойменными песчаными осадками очень мелкой пылеватой структуры, резко отличающейся от средне- и крупнозернистого песка, на более возвышенных участках. Стоянка омывалась и со стороны заболоченной теперь низины, где берег был более пологий. Волноприбойная линия вдоль него отмечена полосой крупнозернистого песка с галькой и гравием.

Если жители поселения не подозревали о скрытых под слоем почвы рисунках, то Бесовы Следки были им наверняка известны. Как они к ним относились — узнать уже невозможно. Не исключено, что традиция наскального искусства в крае еще не прервалась. На поверхности небольшого валуна со стоянки Залавруга I (скорее всего, принесенного самими жителями поселения) обнаружены два

выбитых изображения, правда, в несколько иной технике. Во время существования поселения Залавруга I от подошвы вершины небольшого острова отходил неширокий мыс, омываемый водой. Местами к воде простирались невысокие гранитные уступы – ступеньки куэ-стоподобного типа. Из них, собственно, и состоит весь скалистый массив.

После раскопок выяснилось, что такие уступы поднимаются от русла старицы вверх, а затем начинают ступеньками понижаться в глубь берега. В поперечном разрезе центральной части массива, где сосредоточена основная масса фигур, таких уступов насчитывается более десяти. По мере того как уровень воды понижался, остров расширялся за счет обмелевшей и заболоченной полосы. Жизнь на нем становилась все сложнее, в протоку уже с трудом заходили лодки. С последующим обмелением жители вообще вынуждены были покинуть остров. Впрочем, жизнь на поселении могла прекратиться и по другим причинам.

Знакомство с наскальными изображениями лучше всего начать с Залавруги I. Это одно из самых выразительных скоплений беломорских петроглифов, занимающих почти 200 м² скальной поверхности. В.И. Равдоникас не погрешил против истины, когда с гордостью писал, что его открытие является «совершенно исключительным по своему научному значению». Он выделил три группы, или скопления: одну на центральной скале (основную) и две боковые – на южной и северной скалах. Всего удалось зарегистрировать 216 изображений. А.М. Линевский, исследовавший данные группы чуть позднее, насчитал здесь около 200 фигур, однако более или менее точно смог зафиксировать лишь 120 – убедительное свидетельство плохой их сохранности.

Видимо, вначале лучше взглянуть на две почти незаметные небольшие группы, обрамляющие обширную центральную скалу слева (с севера) и справа (с юга). На северной скале (участок I) выявлено всего 16 изображений, разнообразных по составу, плохо сохранившихся и с трудом различимых. По определению В.И. Равдоникаса, среди них оказалось семь человеческих фигур, след человека или животного, две трехпалые лапки, олень, лодка, морское животное и, наконец, три линии. Обращает внимание высокий процент изображений людей.

На южной скале (участок II) – только 10 фигур. Четыре В.И. Равдоникасом определены как змеи, четыре – как линии, а две остальные – как птица и человек. Позднее выяснилось, что данная группа скопирована неполно и не совсем точно. Теперь она входит в XV группу Новой Залавруги. В обоих скоплениях изображения плохой сохранности. Они почти совсем сглажены и стали едва заметны на фоне темных патинированных скал. Возможно, поэтому

им не уделялось должного внимания. Их не использовали даже как надежные ориентиры, указывающие на распространение петроглифов вдоль берега старицы и, что особенно важно, в глубь его.

Основная, центральная, скала представляет собой куполообразный выступ скалистого берега протоки с длинным, пологим склоном, спускающимся в русло. Южный край ее отмечен небольшим уступом, за которым следует плавное понижение. Северный же обрамляет крутой склон с узкой, довольно глубокой ложбиной в скале, которая ограничивает полотно не только с севера, но и с северо-востока и отчасти с востока.

В.И. Равдоникас по стилистическим и топографическим признакам выделил на центральной скале два скопления (190 фигур). Одно на верхней площадке. Оно занимает около 60 м² и включает 64 фигуры: 24 оленя, 19 лодок, 8 человеческих фигур, 6 следов медведя, а также несколько единичных следов и непонятных изображений. Большая часть их, прежде всего олени и лодки, будто бы связана единым сюжетом и представляет магическую сцену охоты на оленей загоном. Исследователь рассматривал ее как «...особо выдающийся, поистине грандиозный памятник магического мышления и магического искусства». Ценность данного наскального полотна сильно возросла после недавнего неожиданного открытия целого пласта «рисунков-невидимок» о чем рассказывалось выше.

Второе скопление сосредоточено на северо-восточном склоне и насчитывает 126 фигур, резко отличающихся по составу и тематике. Преобладают изображения людей – 55. В их числе встречаются лыжники, лучники, убитые, кроме того, лодки – 11, летящие стрелы – 8, следы человека или животных – 7, «четвероногие» животные – 2. Их дополняют 20 линий, крестообразная фигура, изображение неправильных очертаний, несколько кружков, три непонятные фигуры, уникальное изображение жилища (?), остов лодки, «какой-то снаряд», четыре геометрические фигуры и большое контурное морское животное (кит?).

Удивляет, что среди человеческих фигур В.И. Равдоникас увидел «хвостатых» людей, а также метателя стрел, пускающего их не только с помощью лука, но и всем телом (вариант небесного бога-громовержца). Гораздо правдоподобнее выглядит трактовка его как персонажа, пораженного стрелами. Все изображения, по В.И. Равдоникасу, входят в состав нескольких композиций. Две из них (с участием лыжников) он отнес к числу «наиболее выдающихся памятников изобразительного искусства на Севере Европы». Отметив магический характер некоторых сцен, всю группу исследователь трактовал как представление мифологического порядка.

Детальный анализ Старой Залавруги предпринял А.М. Линевский. На верхней площадке центральной скалы он выделил не одну, а две композиции, имеющие определенную связь между собой. Позднее на

них наслоились небольшие дополнения. Первая композиция (сцена) включает трех огромных, почти в натуральную величину лосей, идущих друг за другом, и цепочку расположенных под ногами у них, как бы преградивших путь больших лодок с гребцами. Их насчитывается до 24 (48?) человек в каждой.

По А.М. Линевскому, так воспроизведена сцена осенней охоты на лосей, переправляющихся через реку во время перекочевки с севера на юг. Следует заметить, что в определении животных исследователь, видимо, ошибся. Здесь представлены северные олени, а не лоси. Нет оснований и предполагать вековые миграции сохатых в меридиальном направлении.

Вторая композиция – сцена сухопутной охоты с помощью загона. В ней два стада, сходящихся с двух сторон в одну точку и образующих угол. Первая композиция позднее будто бы сильно усложнилась за счет особого типа лодки, выбитой поперек цепи прочих лодок, а также змей, изображения человека с каким-то предметом, опрокинутой лодки, пяти медвежьих следов, одного непонятного изображения убитого (?) человека с распоротым животом и трех с поднятыми вверх руками.

Обратим внимание на лодки и вспомним, что на Бесовых Следках они небольшие, на 3–4 человека. Здесь же настоящие морские суда, свидетельствующие о довольно высокой технике судостроения. Правда, реконструируют ее по-разному. А.М. Линевский считал, например, что дном лодки, очевидно, служила долбленка, а затем шли нашивные борта. Нос в большинстве случаев украшался головой лося. Численность гребцов в них от 11 до 14 человек, а точнее, от 22 до 48, так как каждая черточка означает пару гребцов. Ведь при большой ширине судна и высоких бортах одному человеку двумя веслами грести невозможно. Всего же в семи лодках около 100, а если удвоить, то 200 гребцов – свидетельство массового скопления людей в низовье р. Выг в осеннее время, когда в Сорокскую бухту начинался заход сельди, а вместе с ней и белух, моржей, тюленей.

Период промысла рыбы и морского зверя совпадал, по мнению А.М. Линевого, с перекочевкой оленей и лосей к югу, в глубь лесов. Тогда-то и проводились крупные общественные охоты. Рассмотренная выше композиция будто бы и отразила осеннее празднество по этому поводу (во время промысла на сельдь и морских животных). Этот промысел сопровождался торжествами-забавами в виде охоты на лосей и брачными связями (свидетельство тому – известная сцена дефлорации). Такие коллективные празднества, сопровождаемые брачными связями, будто бы совершались и на восточном берегу Онежского озера. Но там они проводились весной, во время промысла птицы и лосей.

Скорее всего, одновременно с первой, думал А.М. Линевский, возникает и вторая композиция, изображающая два растянувшихся в цепочку и сходящихся стада оленей. Правда, она уже создавалась не в

один, а в несколько приемов. Самой поздней выглядит фигура лыжника с луком и копьем (по В.И. Равдоникасу, с не совсем понятным снарядом). Появление ее – следствие вторичного переосмысления композиции, когда она, возможно, уже приобрела связь с главной сценой. До появления людей являлась самостоятельной сценой магического сгона оленей. Затем число оленей доводится до священной цифры 7, появляется фигура человека, который гонит оленей, а сама композиция становится самостоятельной.

Стоит присмотреться к обеим сценам повнимательнее. Наличие лыж у охотника-загонщика, по-видимому, указывает, что действие происходит зимой или весной, в период, наиболее благоприятный для загонной охоты. В предыдущей же сцене промысел ведется с лодок, и он никак не может проходить в то же время года. Похоже, что сцены имеют какую-то невидимую внутреннюю связь. Возможно, мастер желал отразить годовой хозяйственный цикл в целом. Не исключено и другое, что здесь не одна и не две, а несколько сцен, развивающихся во времени. Посвящены ли они теме зимней охоты на оленей в разные времена года или имеют более обобщенный и отвлеченный от конкретной действительности смысл, связанный с историей родовой общины (племени), предстоит выяснить.

Петроглифы Старой Залавруги. Боковой склон

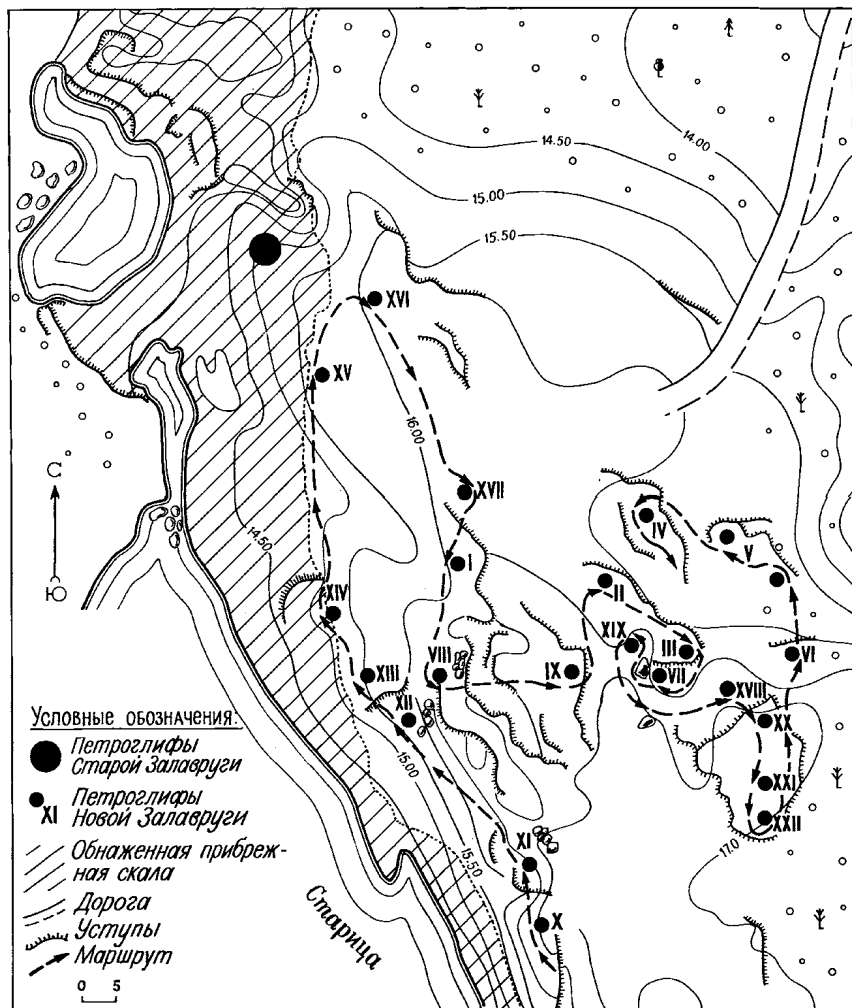
Размышляя о древней загонной охоте, А.М. Линевский пришел к заключению, что она могла быть успешной «...лишь при постройке многоверстных заборов, благодаря чему животные с широкого пространства, следуя вдоль изгороди, выбегали в определенном месте к реке, где их на лодках поджидали охотники». На скале, занятой первой (центральной) композицией, А.М. Линевский выделил еще четыре небольших самостоятельных скопления. В первом из них три культовых изображения — змеи, непонятной сложной фигуры и человека (духа), возможно, центрального персонажа всего полотна. Вторая сцена будто бы рассказывает о гибели лодки и ее экипажа. Третья же — о смерти человека, возможно, задранного медведем. И, наконец, четвертая, включающая несколько беспорядочно расположенных медвежьих следов, сохранилась очень плохо, и о расшифровке ее пока речь не шла. Таковы выводы первооткрывателей и первоисследователей Залавруги.

Вопрос о структуре центральной скалы ими поставлен, но не решен. Не выяснено взаимоотношение больших оленей и лодок. Так ли неразрывно связаны они между собой? Быть может, тут две одновременные сцены: одна включает крупных оленей, а другая — цепочку лодок. Несмотря на плохую сохранность, изображения центральной скалы очень выразительны. Впечатляют три крупных оленя, привлекающих внимание и своими размерами, и техникой исполнения, стилистическими особенностями, в частности, пропорциональностью частей тела, передачей движения, размещением на плоскости и т.д. Новые открытия требуют совершенно иного осмысления данного полотна, его эволюции.

Наконец, последнее, самое значительное по численности скопление рисунков узкой полосой протянулось по крутому северо-восточному склону той же скалы. А.М. Линевский увидел здесь два-три взаимосвязанных рассказа-повествования с самостоятельными сюжетами, посвященными одной теме — враждебному столкновению местных жителей-лыжников с иноплеменниками-мореходами. А.Я. Брюсов также считал ее мемориальной сценой, запечатлевшей столкновение местных жителей с врагами, пытавшимися захватить территорию низовьев Выга. Если это так, то здесь с особой выразительностью запечатлен мотив защиты своей территории от посягательств иноплеменников.

Рассматриваемое скопление действительно похоже на повествование. Начало его, видимо, следует искать в левой, отлично сохранившейся части композиции. Здесь представлены в основном сцены мирного труда. Например, лыжники отправляются на охоту, сама охота и т.д. Но вот произошло нападение пришельцев, и разворачивается основное действие: сражение с вторгшимися «мореходами». Нетрудно подметить несоответствие: люди на лыжах (значит, дело было зимой) сражаются с «мореходами», высадившимися с лодок, что никак не могло происходить зимой, ибо Белое море долгие месяцы покрыто льдом

и снегом, отсюда и его название. Лыжники, по А.М. Линевскому, олицетворяют местных жителей, а люди без лыж – мореходов, пришельцев. Получается, что лыжи здесь не всегда свидетельствуют о реальном времени года (зиме). Их используют в качестве отличительного признака местных жителей от пришлых мореходов-захватчиков. Любопытно обозначение признаков пола у лыжников.

Далее действие будто бы разворачивается так. Лыжник убил морехода и испортил лодку. Шесть его сородичей возвращались обратно, когда в них стали стрелять люди без лыж, очевидно, прибывшие с моря. В результате появились раненые и убитые — шесть человек. Длинная линия с петлей — очевидно, река и остров, правильный четырехугольник — селение или жилище, на которое напали мореходы. Финал оказался печальным для захватчиков-мореходов. Они ушли обратно на двух лодках, оставив несколько убитых и раненых. И число гребцов в лодках сильно уменьшилось.

Сцены, отразившие тему «войны», А.М. Линевский предлагал «...датировать весьма поздним временем. Правда, охотничья магия в них сильна: спина центрального лося имеет еще выбоину, знакомый нам след магических процедур, однако подача материала уже иная. Это, несомненно, стадия пиктографии, приближающаяся к связному письму», другими словами, «начаток записи мемориального характера».

Таковы первые попытки прочесть «каменную летопись» Старой Залавруги. Позднее выяснилось, что она лишь составная часть гораздо более крупного комплекса. Это стало ясно с открытием спустя ровно 27 лет (5 сентября 1963 г.) Залавруги II. На нее наткнулись случайно, при раскопках стоянки Залавруга I, перекрывавшей основную часть скоплений Новой Залавруги. Само открытие затянулось на несколько лет и вызвало много откликов.

НОВАЯ ЗАЛАВРУГА

Новая Залавруга включает 26 отдельных групп (1176 изображений), рассредоточенных на территории в 6000 м². Это целая галерея наскального искусства, о существовании которой долгое время даже не подозревали. В какой последовательности осматривать ее? Какой избрать маршрут? Может быть, пройти прямо к наиболее выразительной и прекрасно сохранившейся *IV группе*. Заманчиво, но пока преждевременно. Лучше всего при выработке ознакомительного маршрута опереться на микротопографию, тем более что наскальные полотна располагаются как бы ярусами. Эта ярусность в известной степени отражает и последовательность появления разных скоплений.

В схеме весь маршрут может выглядеть так:

1. Петроглифы прибрежной части, выбитые по склону берега старицы: *XVI, XV, XIV, XIII, XII, XI, X, XXVI группы*. Они тянутся, начиная от Старой Залавруги вдоль берега протоки в юго-восточном направлении. Причем вначале, от *XVI и XV групп*, наблюдается постепенное понижение берега, достигающего самых низких отметок на участке с *XIV и XIII группами*, а затем берег вновь поднимается и становится круче.

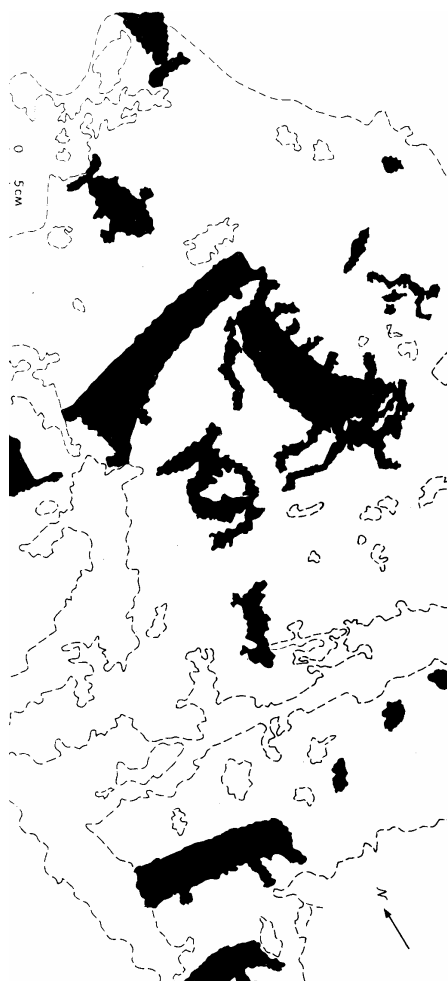
2. Плоская вершина Залавруги, или центральная ее часть. На ней выделяется северо-западный (*XVII, I и IX группы*) и юго-восточный (*XX, XXI, XXII группы*) участки.

3. Внутренний склон, имеющий вид уступов куэстообразного типа, понижающихся в глубь берега. В южной части его сосредоточены *II, XXIII, IV, XXIV, XXV и V группы*, а в северной, более возвышенной – *III, XVIII, VII, XIX и VI*. Первые ступеньками сбегают от северо-западной части плоской вершины Залавруги, вторые – в основном от юго-восточной.

Следуя намеченному пути, мы не пропустим ничего существенного и вместе с тем наиболее рационально используем время. Предложенный обзор ближе всего к исследовательскому, предполагающему определенную систему и критерии. Системного подхода требует и анализ каждого наскального полотна. В отличие от случайных посещений, когда ограничиваются тем, что удастся увидеть (а это обычно лишь небольшая часть всего комплекса), предлагается целенаправленная экскурсия с намерением увидеть все особо ценное. Те группы, которые воспроизводятся в более или менее целостном виде, сопровождаются лишь краткими комментариями. Они послужат своего рода вступлением к самостоятельным наблюдениям и размышлениям читателя.

Выше Старой Залавруги уплощенная вершина скалистого массива круто обрывается в сторону заболоченной низины. Поверхность его очень неровная и крайне плохой сохранности. И все же здесь, в 14,5 м восточнее Старой Залавруги, чудом уцелел маленький кусочек гладкой и ровной, почти горизонтальной скалы серого с желтоватым оттенком цвета. Пожалуй, самое интересное в этой *XVI группе* – сцена переноса лодки. Выразительную лодку, украшенную головой лося, с высокими бортами и командой из пяти человек, обозначенных невысокими столбиками, снизу поддерживают (несут?) три человека. Один – корму, два других – носовую часть. Правда, у одного видна только нога со ступней, зато другая, слегка сгорбленная фигура очерчена почти полностью. Оба человека как бы углублены в силуэт лодки и, следовательно, выбиты на заключительном этапе создания сцены или же вообще несколько позднее, но с явным намерением объединить все фигуры в единое целое.

Имеем ли мы здесь графическое воспроизведение какого-то культового обряда с использованием лодки или изображение мифологического сюжета, повествующего о «путешествии» душ умерших, – однозначно ответить трудно. Во всяком случае, данная сцена не похожа на «картинку с натуры». Высокий, слегка загнутый на конце кормовой выступ касается кормового же выступа другой, как бы проплывающей наперерез ей лодки с двумя гребцами.

**Новая Залавруга.
Петроглифы XVI группы**

Над основной лодкой показан миниатюрный человек, обращенный лицом к корме, а ниже его непонятная фигура в виде грубого кружка, помещенного между двумя короткими почти параллельными и очень неровными полосками. Похоже, что все они тоже имеют отношение к сцене переноса лодки, развивая и детализируя весь сюжет.

Рядом белухи, лодки, удлинённые и округлые пятнышки — всего 14 фигур. Все они уместились на площади чуть больше одного квадратного метра. Судя по фрагментам фигур вокруг, некогда все плотно было больше и богаче.

Петроглифы *XV группы* находятся в 12–13 м юго-западнее, на том же полусферическом возвышении прибрежной скалы со Старой Залавругой (но на левом ее краю, рядом с западанием в скале, заполненным мореной). Часть их выходила на поверхность и зарегистрирована В.И. Равдоникасом как южная группа Старой Залавруги, но что они продолжались и выше, под слоем почвы, для него осталось тайной. Рассмотреть эти рисунки — и новые, и те, что были открыты ранее, — нелегко. Они практически сливаются с фоном тем-

ной, почти черной скалы, к тому же местами не очень гладкой, со следами эрозии.

Лишь копия позволяет сразу, единым взглядом охватить все полотно, едва ли не главным стержнем которого является необычайно длинная, трехметровая извилистая линия шириной 2,5–3,5 см, спускающаяся по склону к старице. Нижний конец ее с петлей и ответвлением как раз и

заметил В.И. Равдоникас, оказавшийся буквально на пороге нового открытия. Перед краем почвы линию прервало пятно плоского тонкого склона, и след ее терялся. Лишь при расчистке склона удалось обнаружить продолжение. Вдоль линии по обеим сторонам выбиты лодки, плывущие в основном параллельно ей, вниз по склону, а также фигуры людей. Видимо, это изображение реки — явление в наскальном искусстве каменного века очень редкое и необычное (истоки топографии).

Справа любопытная сценка: два обращенных лицом друг к другу человека. От груди одного до лица другого тянется прямая линия, а над ней — средний из трех идущих друг за другом зверей (лосья, олени?). Чуть ниже почти под прямым углом к линии подходит и пересекает ее длинная цепочка из девяти следов пешего человека. Связь с линией, видимо, намеренная. Выбитые рядом фигуры еще больше подчеркивают ее значимость.

Вполне вероятно, что показан отрезок речного пути. Значит, здесь мы имеем дело с одной из древнейших картографических схем, пока еще весьма примитивных. Но что она обозначает? То ли мифологический сюжет с путем-дорогой потустороннего мира, то ли реальную дорогу, связывающую святилище и промысловые угодья с местами постоянного обитания. Поодаль, правее — три выразительные одиночные фигуры: лодка с округлым корпусом, лось, а в трех метрах от него — северный олень. Лось и олень — одни из самых лучших на Залавруге, своего рода изобразительные эталоны.

В 30 м южнее, на пониженной, почти плоской поверхности гранитного берега — новая, *XIV группа*. Она расположена тоже на самой границе обнаженного прибрежного склона и расчищенной от почвы его части. Основная масса рисунков найдена под слоем мелкозернистого, почти пылевидного глинистого песка. И лишь несколько заходит на открытую скалу. Они почти не заметны. Края их сильно сглажены, выбитая часть, как и вся поверхность скалы, покрылась характерной темной патиной.

В центральной части скопления, протянувшейся на 3 м с севера на юг, также имеется несколько выразительных сцен. Одна из них — стадо из восьми голов, напуганных, сбившихся в кучу оленей (лосьей?). К трем из них тянутся цепочки следов в виде пары коротких параллельных полосок неровных очертаний. Сбоку, но почти вплотную к животным показан и виновник смятения — человек с вытянутой рукой.

Рядом, немного севернее, колоритная сцена охоты на медведя с участием не менее четырех человек. Правда, роль двух очень маленьких по размерам человечков (один из них изображен перед самой мордой зверя, а другой — чуть выше) не совсем понятна, тем более что они и не вооружены, но руки их вытянуты в сторону медведя. Активные охотники показаны снизу и сверху. Первый колет зверя копьём, а второй поражает стрелами. В спину и шею медведя впилось пять стрел.

Новая Залавруга. Петроглифы XV группы

За медведем тянутся три пары крупных следов. Подобная детализация композиций подчеркивает их повествовательный характер, жизненную правдивость, достоверность происходящего, но даже в этом случае не так просто решить, имеем ли мы дело с реальным объектом охоты и охотниками или же с преданиями, мифами, сверхъестественными образами, обладающими какими-то неподвластными обычному человеку силами и свойствами. Отметим изображение мужчины, оставившего цепочку следов, рука которого длинной линией соединена с непонятной фигурой, а также след, пораженный стрелой, изображение лодок и др.

Всего в 6,5 м южнее, на ровной, горизонтальной площадке разместились рисунки *XIII группы* (около 70 фигур). Полоса совершенно испорченной поверхности шириной в 1–1,5 м разделяет все полотно площадью более 16 м² на две части: верхнюю, светло-серую, плохой сохранности, сплошь покрытую шрамами и выщербинами (где уцелели лишь фрагменты изображений), и нижнюю, с ровной поверхностью хорошей сохранности, серого с красноватым оттенком цвета. Здесь основное скопление, почти совсем незаметное, так как сливается с фоном скалы. Иное дело копии. Они получают отчетливые.

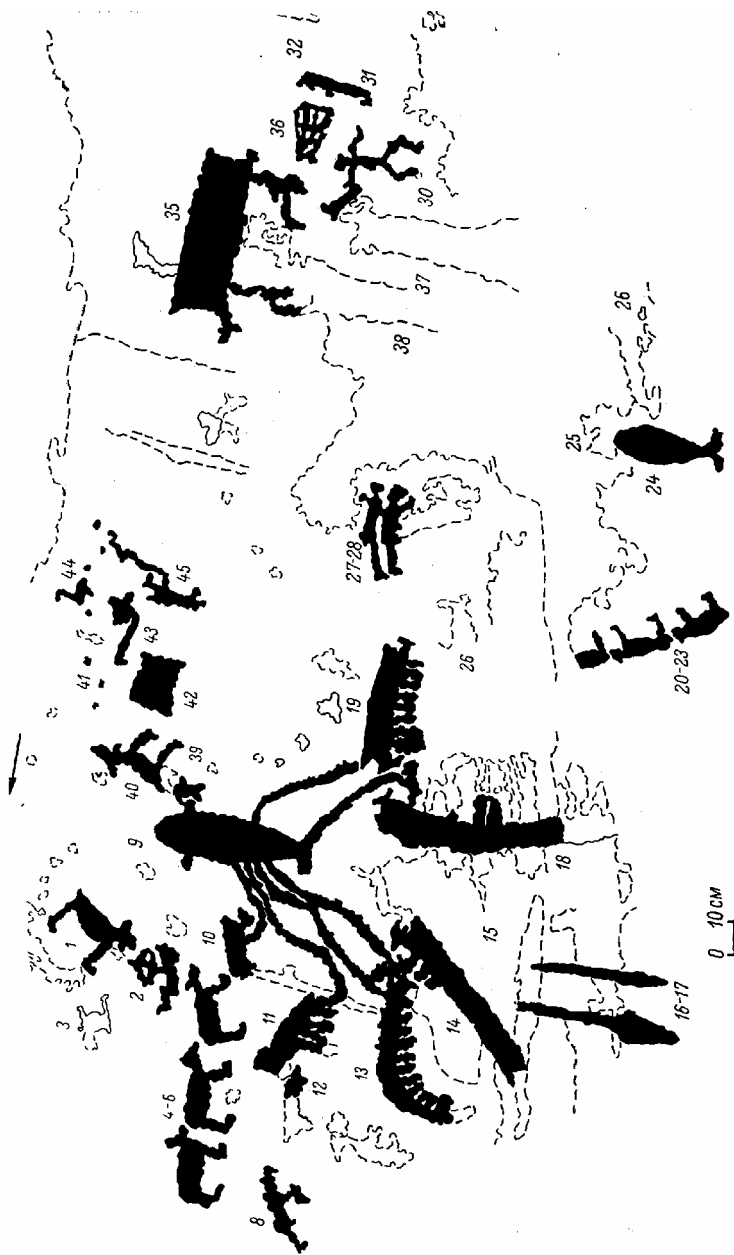
Центральная тема данного полотна — коллективный промысел белух. Показаны загарпуненные уже и преследуемые белухи. Причем обычно за каждой из них следует несколько лодок. Любопытно, что рядом с одной из белух выбит пеший человек, а с одной из лодок — три пешие, очень стилизованные антропоморфные фигуры. Тут же изображение дерева с птицей на вершине, в которую стреляют из лука. На периферии одиночные рисунки: белуха, лось (олень), человек и др.

Чуть выше по склону берега как бы следующим ярусом разместилась *VIII группа*. Поверхность полотна площадью около 40 м² очень плохой сохранности, покрыта сплошной рябью выщербин, к тому же неровная, шероховатая, местами даже слегка бугристая и имеет значительный уклон на юго-запад. Цвет ее светло-серый, с участками розоватой окраски со следами охры. Рисунки подходят к кромке первого от берега уступа с отвесным краем, вдоль которого лежит несколько крупных валунов. Данное скопление — своеобразный мостик от прибрежного склона к плоской вершине Залавруги.

Основная, наиболее компактная и лучше сохранившаяся часть находится в основании полотна. Здесь и выбита выразительная сцена, в которой белуха загарпунена с шести лодок, плывущих с боков и сзади и как бы настигающих ее. Создается впечатление, что раненый зверь увлекает их за собой. Ниже, под средней лодкой — два копыта (?), обращенные в противоположную движению белухи сторону, вниз по склону. Правее — три идущих друг за другом зверя (медведи), белуха, два человека, показанных друг за другом, лодка с высокими бортами и двумя гребцами в ней, какая-то оригинальная фигура, лодочка и «пляшущий человек».

Новая Залавруга. Петроглифы XIII группы

Новая Залавруга. Петроглифы VIII группы

Северо-восточнее, выше по склону, с большим трудом, но все же можно разглядеть фрагменты отряда лыжников, серию одиночных лодок, следы других явных фигур. Любопытно, что одна из лодок уходит под большой валун, так что скопировать ее корму не удалось. Значит, валун появился явно после создания рисунков. Еще интереснее то, что на соседнем, сравнительно небольшом камне выбито изображение лодки, довольно странной по виду, с коротким и очень высоким корпусом и, кажется, одним гребцом. Правда, выбивка иная, необычно мелкая, тщательная. Возможно, камень с изображением принадлежит жителям поселения, и, следовательно, им тоже были знакомы навыки выбивки по камню, но похоже, что гравировки на валунах не были широко распространены.

Плохая сохранность петроглифов, конечно же, затрудняет знакомство с ними. Нам пришлось немного отступить от намеченного маршрута. Теперь пора спуститься по склону к знакомой уже XIII группе и продолжить импровизированную экскурсию вдоль берега протоки, склон которого постепенно поднимается и становится круче.

Всего в двух метрах, за невысоким уступчиком, у крупных валунов на пологом склоне располагается следующая, еще более насыщенная и компактная *XII группа*. Сохранность ее неплохая, но сероватый цвет скалы и самих силуэтов делает их слабо заметными. Правда, они легко поддаются копированию. Любопытно, что снизу, со стороны протоки полотно обрамляет полукругом цепочка из 15 небольших пятнышек-точек. Похоже, что это след, который тянется к одному из участников сцены «похищения и наказания».

Внутри данного полукруга 8 мужских фигур. Двое из них с длинными шестью. Один, весьма странных очертаний, стреляет из лука. Следующий соединен короткой чертой (копьем) с каким-то зверем (оленом или лосем). Причем человек стоит почти на голове другого, обращенного лицом в противоположную сторону. Всех их можно принять за участников загонной охоты на стадо из шести идущих друг за другом оленей, показанных выше (над ними). Тогда всю сцену можно прочесть как изображение коллективной загонной охоты на северных оленей. Обращает внимание ряд странных деталей. Над спиной второго оленя выбита лодка с тремя гребцами, плывущая в противоположном направлении. Неожиданной в данном контексте кажется и одиночная птица. Оба изображения, особенно лодка, видимо, связаны с основным сюжетом.

Центральная фигура верхней части полотна, а возможно и всего скопления, — крупное изображение семги. Что это действительно она, убедиться нетрудно, наложив на рисунок настоящую семгу, что когда-то и было сделано. По левую сторону от нее изображения сохрани-

лись очень плохо. С трудом удастся рассмотреть пешего человека, соединенного с лодкой, лодку, соприкасающуюся с непонятным предметом, несколько одиночных фигур. По правую же сторону они в значительно лучшем состоянии.

Новая Залавруга. Петроглифы XII группы

Привлекает внимание необычная сцена: три странные, удлинённые фигуры людей, идущие друг за другом. У крайней сзади длинный и узкий раздвоенный на конце головной убор (заячье ухо?). Все трое соприкасаются на уровне головы и груди. Тот, что впереди, стреляет из лука. Над небольшим фаллосом у него показан огромный выступ в виде широкого листа, соединённый с необычным корзинообразным предметом. Немного впереди ещё один человек, меньших размеров (грубый по очертаниям), поражённый в спину двумя стрелами. Снизу к нему подходит упоминавшаяся цепочка следов. Возможно, их даже две. Рука касается непонятной корзинообразной фигуры, а она, в свою очередь, соединена с лосем.

Ниже данной цепочки фигур — линия из четырех пятен подчетырехугольной формы (цепочка следов?). Похоже, что перед нами графическое воспроизведение легенды или мифа о похищении чего-то и о наказании преступника. Сюжеты о похищении представлены и в

фольклоре северных и сибирских народов. Вспомним хотя бы известный цикл рун о похищении Сампо из знаменитого карело-финского эпоса «Калевала», но и они все же могут дать лишь намек на содержание наскальной композиции. Вокруг сцены серия одиночных фигур: лодки, человек, как будто стреляющий из лука, полосы, пятнышки и др.

Продолжив движение к юго-западу, примерно через 5 м окажемся у следующей, более обширной по площади, но почти одинаковой по числу фигур *XI группы*. Сохранность ее неважная; поверхность скалы очень неровная, пострадавшая от эрозии, изображения заметны плохо. Отчетливее они в нижней части полотна.

Новая Залавруга. Петроглифы XI группы

Здесь представлен довольно редкий сюжет — отряд охотников (или воинов) из тринадцати человек, движущихся друг за другом. Он расчленен надвое (с небольшим разрывом посередине). Пять из них, идущих

ших в голове колонны, держат перед собой поднятые вверх длинные шесты с утолщением на конце. У замыкающих руки свободные, вытянутые вперед, а двое крайних держат шесты. Один из них касается ногой весла (?) гребца, стоящего на корме большой лодки, как бы пересекшей путь отряду. Команда лодки состоит из четырех человек, показанных во весь рост, стоя, в напряженных позах. Видимо, вся сцена рассказывает о каком-то необычном «предприятии», например об особо важном военном или промысловом походе.

Чуть выше отряда три идущих друг за другом медведя, обращенных к отряду спиной, птица, лодки и другие фигуры. Имеют ли они отношение к отряду, сказать трудно.

Выше по склону вплоть до валунов, как бы обрамляющих полотно сверху, можно разглядеть много лодок, разных по величине и конфигурации. В их числе две небольшие «каркасные» — с поперечными столбиками внутри контурного корпуса. Видимо, показан остов лодки, обтянутой шкурой. Между двумя большими по размерам лодками, плывущими навстречу друг другу, — загарпуненная белуха. Фрагменты изображений (а их много) свидетельствуют о том, что раньше все полотно было обширнее, выразительнее. Видно, что оно сильно пострадало от времени.

Далее прибрежный склон старицы становится еще уже и круче. Верхний край его очерчен небольшим уступом, вдоль которого в 5 м южнее предыдущей и расположена *X группа*. Рисунки прослеживаются плохо, края их как бы расплылись в шероховатой, сильно выветрившейся поверхности скалы. Их можно и не заметить. Лишь присмотревшись внимательнее, на фоне светло-серой скалы заметим белесые пятна, а затем постепенно различим и контуры фигур.

Центральная часть полотна, как обычно, насыщена особенно сильно. От самого края уступа вниз по склону тянется вереница фигур: два человека, обращенные лицом друг к другу. Под ногами у них три пары лодок с гребцами. Справа и слева небольшие сцены морского промысла — лодка и загарпуненная белуха. Рядом стоя из четырех птиц, множество фрагментов фигур, несколько схематичных изображений людей и, наконец, выразительная, слегка извилистая змея. Длина ее 79 см.

Завершает прибрежную полосу петроглифов небольшая *XXVI группа*. Выбита она в 4 м от окончания склона, на смену которому приходит понижение, покрытое густым лесом. Рисунки следует искать в 7 м от уреза воды, у отвесно обрывающейся кромки довольно крутого склона. К нему и примыкает углубление скалистого берега, заполненное песком, — окраина стоянки Залавруга I. На светло-серой выветрившейся, шероховатой поверхности в коричневатом пятне с трудом прослеживается лодка, из которой загарпунена белуха, а под лодкой цепочка из трех крупных следов.

Таковы петроглифы прибрежной части. Они тянутся от Старой Залавруги почти на 100 м и включают 9 скоплений. Между ними немало единичных изображений, возможно служивших своеобразными связующими звеньями. К сожалению, местами прибрежный склон крайне плохой сохранности и какая-то часть рисунков до нас не дошла, а другая представлена маловыразительными фрагментами. И все же уцелевшие изображения дают представление о степени использования прибрежного склона.

Осмотр центральной части Залавруги (ее уплощенной вершины) лучше всего начать с I группы. Она располагается в северо-западной части верхнего яруса Залавруги (всего в 10 м севернее VIII группы), на узкой полоске хорошо сохранившейся глянцевой поверхности с коричневатым «пустынным загаром», почти по диагонали пересекающей обширный участок с заметным склоном в сторону протоки. Изображения размещены довольно свободно. Они тянутся с юга на север на протяжении 8 м и хорошо заметны только на отмеченной полоске скалы длиной 5 м и шириной 0,9 м. По обеим сторонам от нее поверхность светло-серая, выветрившаяся, сильно шероховатая, местами бугристая.

Рисунки видны очень плохо. Бросается в глаза розоватая окраска верхней части полотна. Возможно, это следствие контакта скальной поверхности с культурным слоем. Явных композиций всего две. Это отряд людей и небольшая сценка морского промысла. Вероятно, композицию образуют и восемь небольших лодок, близких по внешнему виду. Особое внимание привлекают изображения лося и лодки с массивным выступом под килем.

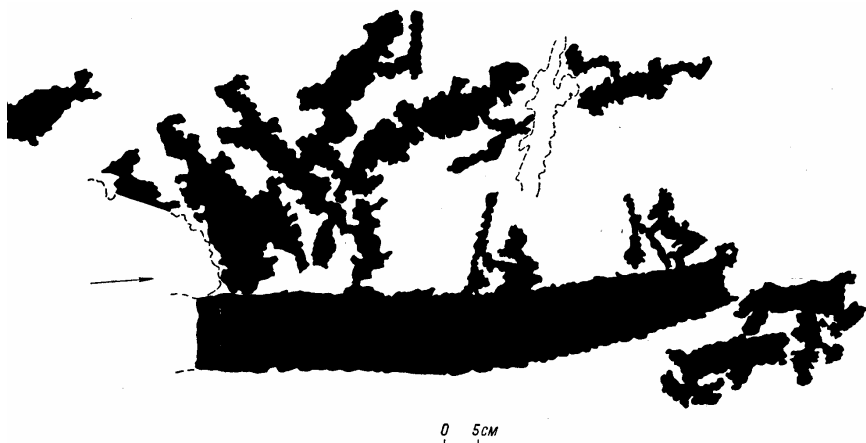
В 6 км к северу, у основания небольшого уступа подтреугольной формы находится следующая, *XVII группа*. Изображения почти сливаются со светло-серым фоном скалы, а в пасмурную погоду вообще исчезают из поля зрения. Раньше их прикрывал слой почвы в 15–18 см. Над ними проходила окраина стоянки Залавруга I. Наскальное полотно, занимающее около 12 м², то идеально гладкое, то шероховатое, выветрившееся, потревоженное эрозией. Как раз на полуразрушенной поверхности друг под другом расположены два отряда людей, идущих плотным строем. В каждом не менее десяти человек. Имелся еще и третий отряд, почти не сохранившийся.

Небольшая сцена изображает лодку, из которой загарпунили белуху. Преобладают одиночные фигуры, внешне друг с другом никак не связанные, лишь группировка их небольшими скоплениями как будто указывает на какую-то внутреннюю связь. Среди одиночных фигур особенно выделяется лодка с 12 гребцами, показанными четкими столбиками, — одна из лучших в петроглифах Карелии. Интересны лыжня и лыжник (как бы падающий на спину), две короткие извилистые линии с утолщениями на конце, контурная фигура в виде полуовала, разнообразны лодки. Из одной как будто стреляют в птицу — гуся или лебедя.

Новая Залавруга. Петроглифы XVII группы

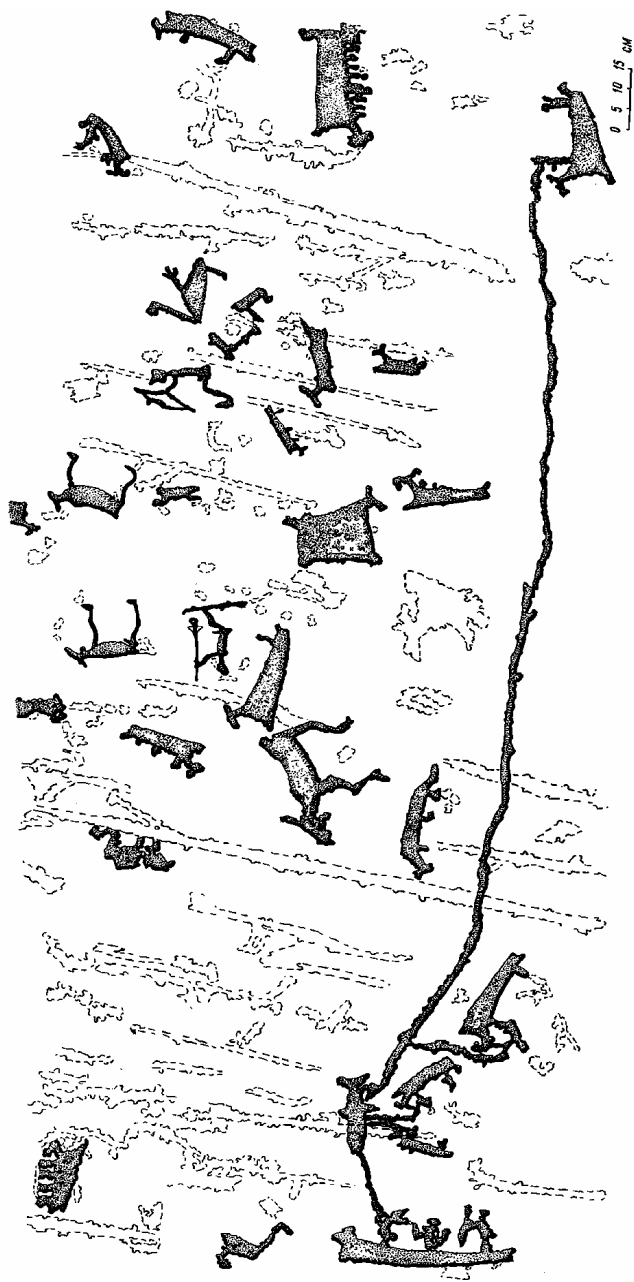
IX группа выбита на том же (верхнем) уступе, что и первая, но в центральной его части, более ровной и широкой (до 12 м). Находится она в 15 м юго-восточнее найденных первыми лодки и лося (*группа I*). Отсюда видны все уступы с петроглифами (кроме *X* и *XIII* групп, скрытых верхним краем прибрежного склона). Несмотря на значительную площадь (почти 300 м²) и отличное состояние большей части данного участка, петроглифов здесь неестественно мало. Размещены они довольно свободно, тяготея к кромке уступа и тянутся вдоль него с севера на юг на 6 м. К сожалению, именно данный участок подвергся сильному естественному разрушению, отчего пострадали и рисунки, в том числе и наиболее выразительный: большая лодка, у которой уцелела лишь кормовая часть с тремя гребцами. Над лодкой любопытное скопление людей, белуха и другие фигуры, а за ее кормой две маленькие лодочки. Возможно, все они составляют композицию.

Новая Залавруга. Петроглифы IX группы

Поодаль другая сохранившаяся и того хуже многофигурная сцена: белуха, загарпуненная минимум с пяти лодок. Между двумя упомянутыми сценами несколько лодок с экипажами и без них, медведь, которого колет копьем человек, птица, цепочка из трех следов и др.

Отсюда можно двинуться в юго-восточную часть плоской вершины Залавруги и осмотреть *XX–XXII* группы почти идеальной сохранности, а после них — петроглифы на внутреннем склоне, имеющем вид уступов, понижающихся в глубь берега. Изображения найдены под юго-восточной окраиной стоянки Залавруга I и занимают скалистый уступ, вытянутый с севера на юг. Они распространяются в этом же направлении на 15 м, тремя скоплениями с небольшими интервалами между ними.

Новая Зилавруга. Петроглифы XX группы

Петроглифы *XX группы* находятся в северной части уступа. Они начинаются у самого его края, но тянутся не вдоль кромки, а перпендикулярно ей, на всю глубину уступа, т.е. почти на 7 м. В верхней части скопления, непосредственно у края уступа, высечена необычная сцена охоты на птицу. В ней участвуют несколько человек и, кроме того, возможно, небольшая лодка с двумя гребцами. Оба показаны стоя, один из них вооружен луком. В шею, спину и живот птицы вонзились стрелы. Немного ниже – изображение дерева с птицей на вершине, пораженной стрелой. С двух сторон почти на уровне верхушки дерева показаны охотники. Здесь же рядом с деревом – еще две птицы.

Чуть далее, за нейтральной полосой почти пустой скалы, – нижняя, наиболее насыщенная часть полотна. Тут и лодки, плывущие в разных направлениях, и две, похожие сцены преследования лыжником-охотником оленей, две птицы, выразительное изображение бородастого охотника, как будто стреляющего из лука в птицу.

Далее привлекает внимание любопытная взаимосвязь фигур: на голове птицы присевший человек, рука которого соединена линией с гребцом на корме лодки. В самом низу скопления – необычная сцена морского промысла. От гребца, стоящего на носу лодки, тянется длинная (более 2 м) линия к морскому зверю – белухе. Это гарпунный ремень, размотанный на всю длину. Рядом с белухой еще несколько лодок. От них к объекту промысла тоже тянутся гарпунные ремни, но гораздо более короткие.

В 3,5 м южнее расположена *XXI группа*. Она хорошей сохранности, занимает всего около 4 м². В центре еще одна многофигурная сцена морского промысла. В белуху вонзились два гарпуна. Третий соединяет ее с лодкой, которая, в свою очередь, соприкасается с другой лодкой оригинальной конструкции. Вокруг – одиночные изображения: лежащий (?) лось, гусь, небольшая лодочка с двумя стоящими в ней гребцами и др.

И, наконец, еще в двух метрах южнее, где уступ как бы сходит на нет, – *XXII группа*, чуть бо́льшая по числу фигур и занимаемой площади. Поверхность скалы здесь особенно гладкая, рисунки отличной сохранности. В центре две выразительные композиции. Одна из них посвящена промыслу белухи с участием трех лодок. Две показаны по бокам, а одна – перед мордой зверя. Из всех трех тянутся гарпунные ремни. Другая сцена, расположенная чуть ниже, посвящена лесной охоте: охотник ранит или убивает зверя копьем, которое вонзилось в круп зверя. Вокруг много одиночных фигур: лодки, птицы, изображение человека.

Таковы петроглифы на вершине Залавруги. Отсюда лучше всего вернуться к знакомой уже I группе и продолжить обзор внутреннего склона. На этом месте находился песчаный карьер строителей с воистину золотым дном.

Новая Залавруга. Петроглифы XXI группы

Новая Залавруга. Петроглифы XXII группы

II группа расположена в 18 м восточнее первой, на возвышенном левом крыле узкого и длинного, четко выраженного, вытянутого с северо-запада на юго-восток куэстового уступа. Размещены они тоже довольно компактно, двумя скоплениями: одно очень небольшое, с выразительной фигурой выбитого в фас «пляшущего человечка» и непривычно маленькими, буквально миниатюрными лодочками. Второе, основное, включает выразительные композиции, в частности сцену зимней охоты, в которой отчетливо различаются: лыжня, спускающаяся по естественному склону, охотник на лыжах, стреляющий из лука, и мелкий лесной зверек, пораженный стрелами. Вдоль лыжни снизу тянутся две цепочки небольших углублений крестообразной и округлой формы. Одну из них можно принять за след зверя, другую – за следы лыжных палок (или же знак счета?).

Сверху к лыжне примыкает еще одна композиция, посвященная иной теме – морскому промыслу. Она значительно усложняет весь сюжет. Ниже лыжни – сцена промысла белух с участием двух лодок. Каждая соединена с белухой. Выразительны и одиночные фигуры: медвежонок, лодка со змеевидным отростком и др. Все они хорошо заметны даже в пасмурный день благодаря сильному контрасту глубоко высеченных белесых силуэтов и более темного фона скалы.

На том же уступе, в 12 м правее, на значительно более выщербленной поверхности – небольшая *III группа*. Половину фигур в ней составляют лодки. Дважды встречается изображение лося и гуся, имеются непонятные фрагменты. Всего в 4 м выше их, западнее, по обе стороны огромной плоской гранитной плиты, лежащей на следующем уступе, разместились небольшие VII и XVIII скопления. В VII имеются три похожие сценки: в каждой из них лодка и загарпуненная белуха, а рядом еще одна лодочка. Все они небольшие и довольно грубые. В XVIII – редкая сцена рыбной ловли: семга, загарпуненная с лодки, а рядом еще две одиночные лодки. Выше, на краю соседнего уступа, – одиночное изображение лодки с гребцами.

В 6,5 м к юго-востоку от XVIII группы, на правом краю того же уступа размещены рисунки *XIX группы*. Они хорошо видны на фоне коричневатой поверхности скалы опять-таки благодаря контрасту с глубокой, белесой выбивкой силуэтов. На площади около 2 м² можно рассмотреть изображение лося и несколько лодок с гребцами. Существует ли между ними какая-то связь? Судя по стилю и технике исполнения, они, скорее всего, образуют более или менее одновременный комплекс.

Теперь лучше вернуться к месту II группы и отсюда уже попытаться разыскать *XXIII группу*. Она занимает около 1 м² и находится между группами II, IV и XVII. У отвесной кромки очередного уступа выбита яркая сцена морского промысла и совершенно необычное, непонятное пока изображение в виде треугольника, заштрихованного внутри и с «бахромой» по внешнему краю.

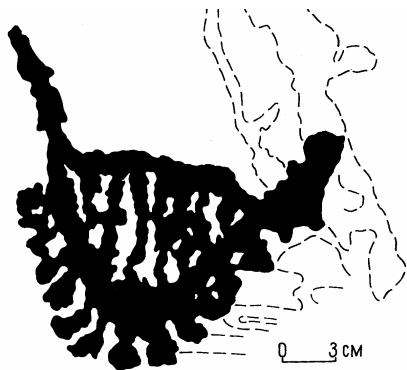

Новая Залавруга. Петроглифы II группы

Отсюда до самой выразительной, *IV группы* петроглифов совсем близко (там два уступа почти смыкаются). Ее следует искать примерно в 10 м к северо-востоку от II группы, на следующем, четком уступе, вытянутом с северо-запада на юго-восток на 25 м. Вначале он имел очень гладкую, гляцевую поверхность синевато-темного цвета, которая позднее, после расчистки, несколько выцвела и приобрела более светлый оттенок. Но рисунки по-прежнему видны отчетливо, а по сохранности относятся к числу лучших.

Интересно, что ими занята лишь середина уступа — участок длиной 6,6 м при ширине 3 м. Это самое богатое по числу фигур и композиций, наиболее выразительное скопление — подлинная жемчужина наскального творчества. По художественным достоинствам, познавательной ценности оно может соперничать почти с любым из известных ранее. Рисунки (их 121) расположены очень компактно и занимают всего 19 м² центральной части уступа, в то время как его фланги пустые, отчего все полотно кажется еще более выразительным. Здесь не менее 10 композиций, каждая из которых заслуживает повышенного внимания.

Самой крупной и выразительной является сцена зимней охоты на лосей, включающая 16 фигур. Три охотника, идущие на лыжах, преследуют трех лосей, настигают их и бьют. Действие картины начинается у кромки уступа, где берет начало лыжня. Первоначально виден след ступающих лыж, затем — скользящий, короткий отрезок лыжни в виде двух параллельных непрерывных линий и вновь ступающий, еще раз скользящий след. По-видимому, сплошные отрезки лыжни означают, что охотники съезжают по склону (или же их держит крепкий наст). Наконец лыжня круто поворачивает на северо-восток. И вновь появляется след ступающих лыж. Ниже начала лыжни видна цепочка лосиных следов. Животные, как и лыжники, вначале идут след в след. На протяжении 230 см цепочка следов и лыжня проходят рядом, но расстояние между ними постепенно сокращается до 15 см.

**Новая Залавруга. Петроглифы
XXIII группы**

Верхняя часть Новой Залавруги

Почти посредине данного отрезка пути, по обеим сторонам его два четких изолированных изображения. Выше лыжни выбита лодка. Ниже — крупный одиночный след лося в натуральную величину. Скорее всего, оба входят в сцену охоты и являются какими-то сопутствующими символическими образами. После того как лыжня и след лосей максимально сблизились, на сцене появляются главные действующие лица — охотники. Животные разбегаются, за каждым из них теперь тянется свой след. У крутого поворота лыжни один из охотников останавливается и стреляет из лука в отставшего лося. Лыжня же продолжается вверх, на восток. Какое-то время по ней идут двое, но вскоре один из них, преследующий центрального, самого крупного лося, сходит с общей лыжни, настигает сохатого и бьет копьем. От груди охотника опускается непонятная линия, свисающая ниже лыжни, — часть охотничьего снаряжения. Самый длинный путь проделал третий охотник. Он описал полукруг и, выйдя наперерез головному лосю, поразил его из лука тремя стрелами.

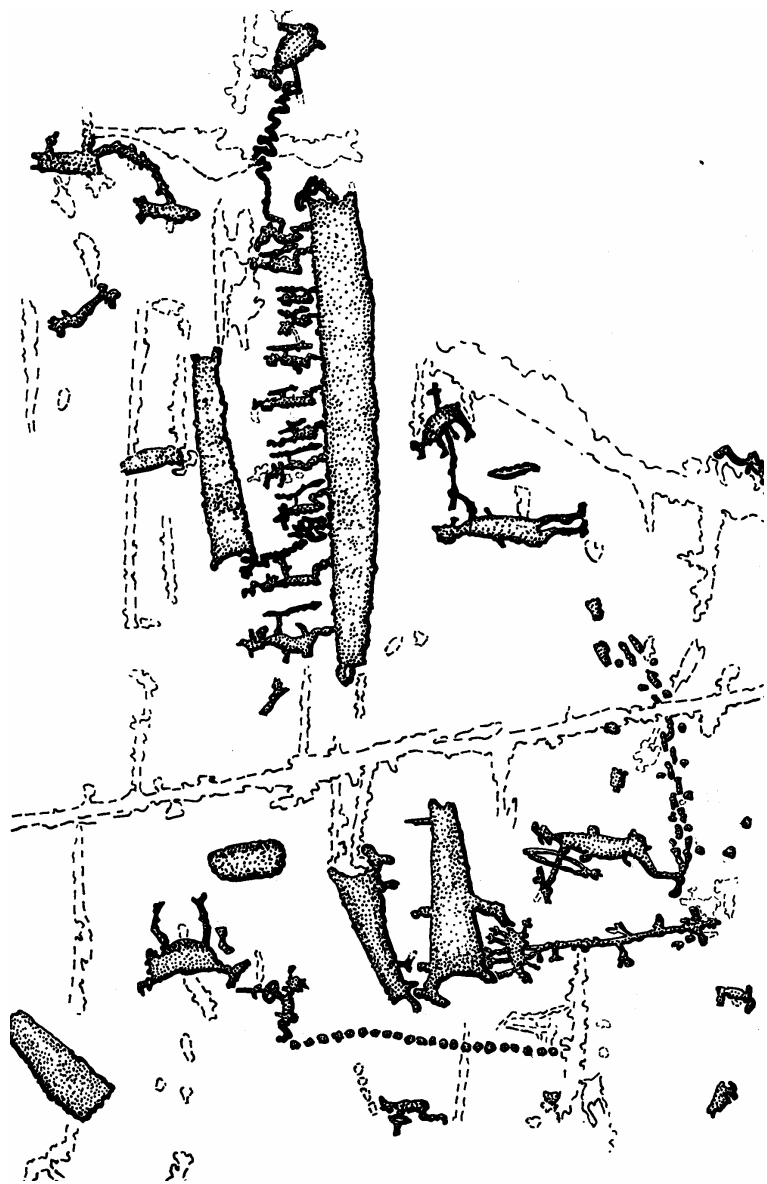

Новая Залаврута. Петроглифы IV группы

Новая Залавруга. Петроглифы IV группы. Сцена охоты на лосей

От начала лыжни по обеим ее сторонам тянутся точки: первоначально, до поворота по три, после по две, а вскоре, как только два продолжавших путь охотника разошлись, по одной вдоль каждого следа. То ли это знаки счета, фиксирующие число людей, участвующих в охоте, то ли просто следы лыжных палок. В любом случае это многозначная деталь. Обозначено и место старта охотников – тремя параллельными черточками. Самый начальный отрезок пути очень короткий и упирается в отвесный край уступа. Затем след лыжников на какое-то время исчезает и появляется чуть поодаль, но теперь тянется от кромки уступа. По общей выразительности, тщательности и мастерству исполнения, детализации и ясно выраженному повествовательному характеру данная сцена охоты на лосей уникальна. Самое подходящее время года для такой охоты, наверное, начало весны, когда появлялся наст. По затвердевшему снежному покрову охотникам легче было настичь сохатых, которых не выдерживал даже прочный наст.

Новая Залавруга. Петроглифы IV группы. Стены охоты и морского промысла

Юго-восточнее, почти сразу за рассмотренной сценой охоты, простирается часть наскального полотна, насыщенная изображениями особенно сильно. Здесь вперемешку представлены разные сюжеты, включая несколько небольших композиций: сцены морского промысла, охоты, враждебного столкновения. Привлекает внимание редкая сцена охоты на зверя, сидящего на вершине дерева, содержащая ряд интересных деталей: след зверя, ведущий к дереву, само дерево, зверь, пораженный множеством стрел, лыжня, по бокам которой тянутся точки, и, наконец, главное действующее лицо – выразительная фигура охотника на лыжах, стреляющего из лука. Пристальное внимание вызывает и пеший человек в профиль, но с двумя руками и двумя ногами, с неестественно вогнутой (видимо, от боли) спиной. Он активен – стреляет из лука, но сам уже ранен стрелами в спину и голову. Дважды встречаются небольшие сценки-поединки, в которых показаны по два человека, тоже стреляющих друг в друга из луков.

С востока IV группа заканчивается великолепной по выразительности и мастерству исполнения сценой морского промысла на крупное морское животное – белуху. В ней участвуют 12 человек. Все они стоят в лодке, по-видимому, с гарпунами в руках. Тот, что на носу, бросает гарпун и попадает в цель. К гарпуну прикреплен ремень, соединяющий лодку с раненым животным. Показан кульминационный момент промысла. Люди в лодке изображены стоя, в напряженных позах. Гарпунный ремень еще сложен «гармошкой», не успел натянуться, хотя сам гарпун уже впился в зверя. Еще секунда, и начнется напряженная схватка экипажа и пораженного зверя. Над лодкой вторая, меньшая по размерам и опрокинутая вверх дном лодка, обращенная в противоположную сторону. Нос ее соединен с одним из гребцов, стоящих в корме нижней лодки. Без сомнения, мы снова имеем дело с символическим образом, развивающим и обогащающим основной сюжет композиции. Быть может, он подчеркивает трудности и опасности подобного промысла или даже означает гибель одного из участвующих экипажей. Ниже выбита фигура человека, убивающего копьём небольшого медведя. Имеют ли они какую-то связь со сценой морского промысла, сказать трудно.

Если от IV группы двинуться на север, то через 8 м можно оказаться у XXIV группы, очень небольшой и невыразительной. В ней всего 7 изображений, разбросанных на значительной площади скалистого массива с неровной поверхностью, мало подходящей для рисунков. Кроме грубо выбитой сцены морского промысла можно разглядеть лодочку и несколько непонятных фигур.

Немного северо-восточнее, на самом нижнем, довольно широком уступе, слегка поднимающемся в северном направлении к невысокому отвесному краю, находится XXV группа. Сохранность темновато-черной скалы не

одинаковая; часть ее очень гладкая, другая же сильно шероховатая, выветрившаяся. И рисунки на ней сохранились гораздо хуже. Но и на гладкой поверхности они заметны чрезвычайно плохо, поскольку сливаются с фоном скалы. В центральной части данного полотна преобладают одиночные фигуры, главным образом лодки и белухи довольно грубых очертаний. Единственная сцена посвящена промыслу белух. В компоновке ее есть свои особенности. Примерно в 6 м к юго-западу, на узком удлинённом выступе скалы со светло-серой поверхностью выбита небольшая и довольно схематичная сцена морского промысла: лодка, из которой загарпунили белуху. В 10 м юго-восточнее основного скопления, на небольшом выступе светло-серой скалы можно увидеть лодку удлинённых пропорций, с относительно низким, слегка изогнутым корпусом и 9 гребцами.

Юго-западнее XXV группы и в 10 м к юго-востоку от IV, на уступе полукруглой формы зафиксирована *V группа*. Рисунки в ней разместились свободно, двумя небольшими скоплениями. В одном — выразительная сцена морской охоты. Пожалуй, самое необычное в ней — объект охоты — морской зверь с огромным, шире туловища, лопатообразным хвостом (возможно, морской бобр), а в 9 м восточнее — несколько одиночных фигур: белуха, лодки. Все 11 изображений отличной сохранности и хорошо видны. Строго говоря, выделение V, XIII, XXIV групп можно и оспаривать. Они так и не превратились в настоящие скопления, заполнявшие не в один прием и функционировавшие длительное время.

Завершает маршрут знакомство с последней, *VI группой* Новой Залавруги, расположенной всего в 8 м к югу от V, в левом углу широкого уступа. Его четкий отвесный край проходит по линии восток—запад. Здесь, у края уступа, на площади около 20 м² и сосредоточено 70 фигур. Прежде их перекрывал культурный слой стоянки Залавруга I мощностью до 35 см. Выделяются три обособленных скопления. Одно у самого края уступа, два других поодаль. В основном они хорошей сохранности. На участках скалы с вышербленной поверхностью фигуры прослеживаются хуже, но значительных утрат все же нет.

Наиболее выразительной кажется сцена охоты на стадо водоплавающих птиц, вероятно гусей, в период их линьки. Напуганных, сбившихся в кучу птиц бьют с лодки из лука, 14 из 15 птиц уже поражены стрелами. Сбоку от них пеший мужчина, видимо, выгоняющий птиц на открытую воду. Тот же сюжет — охота на птиц с лодок — отражен еще в двух небольших сценках. Интересна крупная фигура человека, выбитая поодаль от других, на краю уступа. За спиной его небольшая лодочка. Такое сочетание (человек и лодка) встречалось уже не раз. Можно вспомнить и лодки за спиной беса на Бесовых Следках. Кажется, небольшая сценка отражает и тему вражды. Похоже, что чаще всего показана лишь

Новая Залавруга. Петроглифы VI группы

одна сторона враждующих – пострадавшие («раненый» и «убитый»). Торжествует победа. Среди одиночных фигур много разнообразных по очертаниям лодок, бесформенных пятен и т.д. Всего в 3 м южнее, но на следующем, как бы наслоившемся на этот уступе находятся петроглифы XX группы.

Итак, подойдя вплотную к известным уже скоплениям, можно завершать знакомство с Новой Залавругой. Конечно, впечатлений много, в них трудно сразу разобраться. К некоторым сценам и отдельным фигурам захочется возвращаться снова и снова, чтобы лучше запомнить, сравнить, провести какие-то аналогии, как бы подытожить увиденное. Даже в ходе предварительного анализа выясняется, что при значительном числе изображений набор сюжетов в целом не так уж велик. Доминируют лодки, обычно с экипажами, но нередко и пустые. К ним древние мастера возвращались постоянно. Лодки разнообразны по форме, размерам, каким-то деталям, наконец, контексту, в котором представлены. Но в целом они все же образуют особый, беломорский стилистический тип лодок, сильно отличающийся от лодок других регионов, скажем, онежских. Их характерная особенность – высокие борта, носовое украшение в виде головы лося или оленя, кормовой и килевой выступы. Всего на Новой Залавруге 328 лодок, или 36,5% от общего числа петроглифов. Экипаж обычно насчитывает от одного до четырех-пяти, максимум до двенадцати человек. Всего в лодках 732 человека.

Следующий по распространенности сюжет – изображения людей: 183, или 15,6%. Они показаны и поодиночке, и целыми отрядами, и в сценах лесной и морской охоты, в поединках и других сочетаниях. Фигуры людей не повторяют в точности одна другую, но они тоже обладают определенным стилистическим единством. Как правило, это строго профильные изображения в позе слегка присевших, у которых показана одна нога и одна рука. Еще одна примечательная черта – то, что люди всегда активны. Нередко они в полной охотничьей экипировке – с луком или копьем в руках, на лыжах.

В сценах, как правило, запечатлены кульминационные моменты происходящего, будь то охота, морской промысел или враждебные стычки и поединки. Показательно, что человек обычно выступает в роли победителя. Похоже, что представлены и неудачи, связанные, например, с трагическим исходом морского промысла. Так можно истолковать сцены с пустыми, иногда опрокинутыми лодками.

Как ни странно, но основные объекты лесной охоты – лоси и северные олени – выбиты только 57 раз (4,8%), а медведи и прочие звери и того меньше – 23 (2%). Морских животных несколько

больше — 62 (5,3%). В основном это белухи, возможно, тюлени и др., а вот рыб совсем мало — всего две. Встречаются птицы, чаще водоплавающие — гуси, лебеди — 71 (6%). Все звери и птицы вместе взятые составляют лишь около 20%.

Конечно, только по числу изображений еще нельзя судить о действительной значимости тех или иных видов животных, изделий и орудий труда для творцов наскальных полотен. Морских зверей, например, гораздо меньше, чем лодок, отчасти потому, что сам промысел обычно показывается как коллективный, с участием нескольких (до 5–6) лодок. Тем не менее петроглифы Новой Залавруги убедительно свидетельствуют, что центр тяжести в монументальном изобразительном искусстве (следовательно, и в питавших его представлениях) переносится с объекта промысла на самого человека. Именно он становится главным действующим лицом и героем наскальных полотен. Люди и антропоморфные образы станут доминировать и численно, если принять во внимание экипажи (команды) лодок. Человек выступает в качестве главной силы, противостоящей возникающим препятствиям. Любопытно, что показаны только сцены активной охоты, где человек проявляет силу, ловкость, смекалку. Промысел с помощью силков, капканов и т.д. не отражен.

В Новой Залавруге немало оригинальных, редких для первобытного искусства сюжетов, таких, как деревья — 3, лыжни — 9, цепочки звериных и человеческих следов — 24, «топографические» знаки — 2, корзинообразные предметы — 3, змеи — 3, рыбы — 2, разнообразные орудия охоты. Много здесь и простейших знаковых форм — кружочков, линий, овалов.

Одно из главных достоинств петроглифов Новой Залавруги — композиции. Их почти 90. Обычно они посвящены морскому промыслу, охоте на лесных зверей и птиц. Изредка показаны враждебные столкновения и поединки. Имеется и ряд оригинальных сцен, передающих какие-то мифологические сюжеты. Сцены повествовательного характера — убедительный показатель развития и обогащения наскального искусства в Карелии. Они нередко многофигурные, с соблюдением разумных пропорций и масштабов при их компоновке, порой необычайно детализированные. Нередко в них обозначается земная опора в виде линий следов, лыжни, место действия; используется прием противопоставления и т.д.

Все это новые и показательные для процесса развития первобытного искусства явления. Избранный сюжет теперь дан не в статике, а в развитии. На первый план выдвигается кульминационный момент сюжета. Главными действующими лицами становятся люди.

Они выступают обычно в роли победителей. Объекты же промысла и охоты (будь то белуха, лось, олень, медведь, мелкие лесные звери и птицы), как правило, поражены, причем случилось это как бы только что. Умело, с учетом таких естественных факторов, как цвет скалы, ее наклон, состояние поверхности, ориентировка, урез воды, выбираются места для нанесения петроглифов. Изучая микротопографию, нетрудно заметить, что ими заняты зрительно наиболее выигрышные участки скальной поверхности. Можно говорить об элементах полихромии и объемности в наскальных рисунках, производящих особо сильное впечатление при осмотре их в косых лучах заходящего или восходящего солнца.

Интересно, что на Залавруге мало изображений, имеющих осязательную фантастическую окраску, наделенных сверхъестественными чертами и свойствами. Здесь превалируют образы вполне земные, легко узнаваемые. Понятными кажутся и сюжеты большинства сцен, ярко отразившие особенности общественно-трудовой жизни древнего населения Прибеломорья. Подчеркнута важная роль коллективного морского промысла. Кажется, что петроглифы Залавруги – те самые «картинки с натуры», о которых писал А.М. Линевский, но навряд ли здесь передается натуралистическое воспроизведение тех или иных конкретных промыслово-охотничьих ситуаций, эмоциональное впечатление от волнующих реальных событий, непосредственных воспоминаний. Связь с повседневной практической деятельностью и здесь все же не прямая. Скорее, это отражение легенд и преданий.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Перед экскурсией по местам древних стоянок уместно обратиться к упоминавшейся уже эталонной территории «Прибеломорье», выделенной Г.А. Елиной и др. (Площадь ее 5600 км²). Развитие ее на протяжении голоцена имеет свои особенности, включая палеоклимат, палеораствительность, уровень водоемов, формирование береговых террас. В настоящее время территория сильно заболочена. Г.А. Елина рассчитала и отразила на карте динамику заболоченности на нескольких временных срезах. Ныне болота занимают 45% территории; в суббореале – до 38%; в атлантический период – от 10 до 4%; в бореальный – до 2%. Таким образом, на протяжении голоцена процесс заболачивания Прибеломорья нарастал. Усредненные значения для всей приморской равнины выглядят так: в настоящее время – 45%, 2000 л.н. – 35%, 3500 л.н. – 25%, 6000 л.н. – 15%. Уровень водоема понижался, и происходило постепенное формирование морских террас,

абразионных уступов и торфяных массивов. Выясняется, что 6000 и 3500 л.н. заболоченность снижалась и из-за более высокого уровня моря, которое заполняло нижние террасы.

Обновленные геолого-геоморфологические карты и карты палеорастительности демонстрируют географическую зональность и динамику растительности, а также изменения уровня моря, его трансгрессии и регрессии. Территория Прибеломорья полностью освободилась ото льда в среднем дриасе – 12000–11200 л.н. Уже в раннем и среднем голоцене под влиянием трансгрессий и регрессий Белого моря сформировалась террасированная аккумулятивно-абразионная равнина.

10500+250 л.н. уровень моря поднялся, скорее всего, до абсолютных отметок 60–65 м (хотя есть и другие мнения, например Э.И. Девятовой). В данный период распространялись перигляционные палеосообщества, в которых присутствовали галофиты, а на более высоких уровнях встречались кустарничково-моховые тундры с редкими березами.

8500+250 л.н. Белое море опустилось примерно на 20 м (около 40 м над уровнем моря). Растительность начала приобретать северотаежный облик, хотя полосу вдоль побережья по-прежнему занимали галофитовые сообщества, напоминающие современные приморские луга. Северо-восточную часть водно-аккумулятивной равнины, сложенную алевритами и глинами, занимали березовые травяные осветленные леса со значительной примесью ольхи. Выше 60 м над уровнем моря распространились осветленные сосновые кустарничково-моховые леса, с той или иной примесью березы.

7500+250 л.н. к нижним террасам, занятым водами моря, примыкала полоса галофитовых пионерских сообществ, которые перемежались с тростниковыми зарослями. На более высоких гипсометрических уровнях низменности, сложенных морскими и озерными позднеледниковыми отложениями, распространились среднетаежные березовые крупнотравные (папоротниковые) и сфагновые леса; на скальных повышениях – сосново-березовые редкостойные леса. Сказывалось охлаждающее влияние моря. Присутствие значительного количества водных и водно-болотных растений – свидетельство активного зарастания остаточных мелководных водоемов. Для участков межлопастной аккумулятивной возвышенности были характерны сосновые и березово-сосновые леса среднетаежного типа.

5500+250 л.н. преимущественное значение приобрели сосновые и елово-сосновые травяные и травяно-моховые южнотаежные леса.

Возможны и сочетания сосновых, березовых, ольхово-березовых и еловых лесов. Первые из них тяготели к выходам на поверхность коренных пород и к песчаным почвам, остальные — к нижним террасам или речным долинам. Довольно крупные массивы елово-сосновых зеленомошных лесов образовались на Сумозерской возвышенности.

3000±250 л.н. на равнинах доминировали сосново-еловые среднетаежные леса, на возвышенности — еловые кустарничково-зеленомошные леса с минимальной примесью теплолюбивых элементов флоры. В прибрежной части низменности было много заболоченных сосняков и болот, занимавших уже около 30% площади.

1000±250 л.н. В растительном покрове преобладали северотаежные ельники кустарничково-зеленомошные: на нижних уровнях — елово-сосновые леса в сочетании с верховными болотами, на верхних — с сосной или осветленные с плаунами.

Обновленные карты палеорастительности наиболее достоверны по трем временным срезам: 2000, 3500, 6000 л.н. За их основу взяты контуры вновь составленных геолого-геоморфологических карт. Развитие растительности здесь напрямую связано с трансгрессивно-регрессивной деятельностью Белого моря. В зависимости от высоты стояния уровня моря происходило и формирование отдельных террас.

Прояснилось и геологическое строение эталонной территории. 7500 и 6000 л.н. море занимало значительную часть прибрежной низменности, а граница его проходила, возможно, вблизи изогипсы 25–30 и 20 м над уровнем моря соответственно. Уже 3500 л.н. низменность практически освободилась от морских вод, и, вероятно, только узкая ее полоса до высоты 5–10 м над уровнем моря еще покрывалась морскими водами. Палеорастительность Прибеломорья представлена по трем временным срезам.

7500 л.н. Природные и климатические условия стали особенно благоприятными: годовые и июльские температуры превышали современные на 1,5–2°. Годовая сумма осадков тоже была выше, чем в настоящее время. На равнины морского генезиса распространялись южнотаежные елово-сосновые травяные и травяно-моховые леса, но полоса, следующая за приморскими лугами разной ширины, включала уже и березовые, ольхово-березовые и сосновые травяные и сфагновые леса в различных сочетаниях. Сумозерскую возвышенность занимали сосняки травяно-моховые, а ее склоны — елово-сосновые травяные и травяно-моховые леса. Заболоченность составляла всего около 5%. Среди болот доминировали травяные и травяно-моховые эвтрофно-мезотрофные.

6000 л.н. значительная часть низменности находилась под водой, а на прибрежной полосе распространялись лугоподобные галофитовые сообщества, близкие к описанным выше палеосообществам возраста.

3500 л.н. почти вся низменность уже освободилась от морских вод. Вполне возможно, что устья рек и самые низкие террасы (1–3 м над уровнем моря) периодически заливались солеными морскими водами. Об этом говорит возраст торфа болот, тяготеющих к кромке воды (образовался примерно 1500–1000 л.н.). В пределах равнины содоминировали среднетаежные еловые кустарничково-травяные леса с мезотрофными и олиготрофными болотами. Заболоченность стала высокой (30–35%). На Сумозерской возвышенности (на ее склонах) господствовали еловые кустарничково-зеленомошные леса, на вершинах – сосново-еловые кустарничково-зеленомошные. И здесь болота занимали уже примерно 4–5% от всей территории.

2000 л.н. природные условия становятся близки современным. Среднетаежные леса сменили северотаежные. На равнине произрастают сосново-еловые кустарничково-зеленомошные леса, которые сочетались с обширными мезоолиготрофными и олиготрофными болотами, занимавшими уже до 35% территории. На возвышенности наибольшую роль играли еловые и сосново-еловые кустарничково-зеленомошные леса. Заболоченность возросла до 10–11%. Границы между палеоландшафтами близки современным (за исключением времени 6000 л.н.). Динамика их выглядит так.

6000 л.н. уровень водоема доходил до абсолютной высоты 20–25 м. Основная часть современной второй и частично третьей террас была затоплена морем. Для всей территории характерен один палеоландшафт – аккумуляторная межлопастная возвышенность с ледниковыми грядово-холмистыми и флювиогляциальными комплексами, с южнотаежными березово-сосновыми и сосновыми лесами и малой заболоченностью.

Озерность, вероятно, оставалась более высокой и могла достигать 10–15% (против 7% в настоящее время). Поэтому значительные площади занимали березовые травяные и травяно-моховые леса, приуроченные к побережьям озер и речным долинам. Здесь же размещались сосновые заболоченные леса, реже – еловые сфагново-травяные. Сосновые и травяно-кустарничково-моховые или лишайниковые типы леса занимали вершины и склоны гряд и холмов различного генезиса.

Болота только начинали формироваться и составляли еще не более 5%. Узкую приморскую полосу занимали сообщества гало-

фитных растений, а к ним примыкали тростниковые заросли и ольховые травянистые леса, которые сочетались с крупными болотами.

3500 л.н. береговая линия моря приблизилась к современной и проходила не выше отметки 3–5 м над нынешним уровнем. Поэтому на второй и третьей морских террасах формировался новый специфический палеоландшафт. Таким образом, на эталонной территории «Прибеломорье» возникло уже два палеоландшафта. Один – ледово-морская равнина с сочетанием среднетаежных лесов и болот. Здесь преобладали еловые кустарничково-травяные и сфагно-травяные леса, занимающие приречные долины и все мелкие депрессии (будущие вместилища болот). Сосновые травяно-кустарничковые типы леса в основном распространялись и на повышениях рельефа с кристаллическими породами, выходящими на дневную поверхность. Присутствовали галофитные луга, продвинувшиеся вслед за отступающим морем. Заболоченность достигла 25%.

Второй палеоландшафт – аккумулятивная межпластовая возвышенность с ледниковыми грядами холмистыми и флювиогляциальными комплексами, со среднетаежными лесами.

2000 л.н. эти палеоландшафты уже приближались к современным, однако роль лесов (с включением еловых) была несколько выше, а болот – меньше, чем теперь, – 35 и 11% соответственно.

В итоге для территории Прибеломорья выявляются следующие особенности:

- Наличие довольно резких границ между геолого-геоморфологическими контурами и палеорастительностью, что обусловило выделение двух крупных ландшафтов.

- Прибеломорье – единственная в Карелии территория (морская равнина), где в указанное время (2000 л.н.) болота занимали равную с лесами площадь.

- Палеоландшафты временных срезов 2000 и 3500 л.н. оказываются в границах современных ландшафтов. Какие-то отличия вносили только изменения уровней палеоводоемов.

- Появление в более позднее, чем 3500 и 2000 л.н., время совершенно иных палеоландшафтов связано с высоким уровнем Белого моря 6000 л.н. и последующим его снижением.

Карты палеоландшафтов с особой наглядностью демонстрируют постоянное изменение природы, среды, в том числе и в районе беломорских петроглифов, и помогают лучше понять их. Установлено, что каждому временному срезу прошлого соответствует специфический набор палеоландшафтов. Только палеоландшафты временного среза 2000 л.н. имели близкое сходство (на 70–80%) с современными.

Беломорские (как и онежские) петроглифы – лишь часть более обширного комплекса объектов археологического наследия, включающего и свыше 70 разновременных поселений и местонахождений. Все они в приустьевой части р. Выг, примерно в 7–9 км к юго-западу от г. Беломорска. Материалы раскопок интересны и сами по себе, но мы привлекаем их лишь для расширения источниковедческой базы петроглифов, чтобы лучше понять археологическое время в юго-западном Прибеломорье, уяснить датировку и периодизацию петроглифов, их эволюцию. Конечно, здесь нет возможности обстоятельно ознакомиться со всеми памятниками. Желаям придется обратиться к специальным публикациям. Мы ограничимся кратким обзором некоторых из них, особенно тесно связанных с петроглифами. Принципиально важными являются святилище, местонахождение в русле р. Выг, стоянки Ерпин Пудас, Залавруга I и II и некоторые другие.

Все они располагаются по соседству или совсем рядом с петроглифами – по берегам и островам низовья р. Выг на протяжении не более 1,5–2 км и образуют пять обособленных групп (скоплений), отстоящих одна от другой на 0,4–1 км. Их размещение (сверху вниз по течению и по высоте над уровнем моря) отражает в целом и их хронологию – чем ниже по течению находится группа, тем она моложе. Ведь на данном довольно коротком отрезке реки наблюдается крутое, до 15 м, падение русла – в сторону Белого моря. По мере врезания реки и формирования долины четвертичные отложения, заполнявшие прежнюю ложбину, размывались, а на дне обнажались коренные породы. Выходы их и обилие валунов, вымытых из морены, обусловили сильную порожистость русла.

В связи с колебаниями уровня моря и изменением его береговой линии, в ходе формирования последовательных террас на береговых склонах р. Выг менялось и местоположение древних поселений. Они как бы смещались в сторону моря, на все более низкие участки. Естественно, что данный процесс можно рассматривать только как доминирующую тенденцию, ибо общее снижение уровня воды в низовьях р. Выг и перемещение его устья вслед за отступающим морским заливом (губой) нарушались обратными процессами. Во время трансгрессий люди вынуждены были возвращаться на давно покинутые места и забытые стойбища. Это одна из главных причин появления поселений со смешанным комплексом инвентаря, на которых люди селились неоднократно. Расчлениить их бывает не так просто.

Первая из пяти групп располагается по соседству с петроглифами Бесовы Следки и Ерпин Пудас, в окрестностях д. Выгостров.

Стоянки найдены на обоих берегах, но в основном на островах в русле р. Выг на высоте 20–25 м над уровнем моря. Береговые поселения, в отличие от островных, находятся на некотором удалении от воды и значительно выше ее уровня. Они позволяют воссоздать конфигурацию берегов р. Выг перед появлением петроглифов, которая выглядела иначе, чем в недавнем прошлом. Высвобождающиеся из-под воды острова впоследствии оставались удобными прежде всего для временных остановок.

К числу наиболее ранних, судя по высотным отметкам, наличию керамики сперрингс, относятся береговые поселения Лисья Гора и Порог Шойрукша и островные Ерпина Пудаса, точнее, самые ранние материалы в их разновременных комплексах, перемешанных в одном культурном слое. Стоянка на острове Ерпин Пудас привлекает уже своей близостью к петроглифам. Сам остров — один из наиболее крупных и высоких — находится всего в 400 м ниже Бесовых Следков. Длина его около 750 м, ширина более 500 м, а высота над уровнем моря достигает 24,5 м. Это один из выходов коренных пород, имеющий вид холма с уплощенной вершиной, как бы смещенной к юго-западному углу острова. Кристаллическое основание прикрывают песчаные отложения мощностью от 0,3 до 1,5 м.

Стоянка Ерпин Пудас I занимает плоскую вершину и пологий юго-западный склон, примыкающий к поясу обнаженной прибрежной скалы. Верхнюю ее часть, где и найдены петроглифы, прикрывали пойменные пылеватые серые пески, резко отличающиеся от тех, что распространялись выше, на территории поселения, занимавшего не менее 1500–2000 м².

Данное поселение посещали все исследователи, начиная с А.М. Линевского, однако к его раскопкам приступили только в 1963 г., когда оно в значительной степени было уже разрушено и расчленено на несколько изолированных участков (здесь некоторое время располагались военные). Закончились же полевые работы в 1975 г., одновременно с расчисткой новых петроглифов Ерпина Пудаса. Всего заложено 11 раскопов общей площадью около 1000 м². Повсеместно прослеживалась довольно однообразная стратиграфия: рыхлый дерн и подзол — до 20 см; красновато-коричневый до ярко-малинового в центральной части культурный слой — 30–50 см. Общая глубина раскопа доходила до 70 см. Расчищено 12 очагов, выложенных из камней, несколько хозяйственных ям, западаний и углублений. Следов жилищ не обнаружено.

Находки встречались на глубине от 20 до 40 см. Каменный инвентарь насчитывает 1195 орудий, изделий и обломков. И почти

половина из них — кремневые. На втором месте кварцевые и на третьем — сланцевые. В отходах производства господствуют осколки и отщепы кварца, значительно меньше кремня и совсем мало сланца. Видимо, рубящие сланцевые орудия поступали готовыми или в виде заготовок. Велик и керамический материал — более 3,6 тыс. фрагментов разных типов.

Значит, люди селились здесь неоднократно. Постоянные же поселения существовали минимум дважды. Самое древнее, возникшее в IV до н.э., занимало вершину острова и представлено керамикой сперрингс и Сяр I, а также, возможно, сопутствующей ранней гребенчатой и ямочно-гребенчатой. Ранее длительные стоянки навряд ли были возможны из-за высокого уровня воды. Особенно благоприятные условия складывались на острове 2,9–2,5 тыс. лет до н.э., когда появляется поселение с ямочно-гребенчатой керамикой, разместившееся чуть южнее, в основном на пологом склоне. На рубеже атлантического и суббореального времени вся поверхность острова Ерпин Пудас вышла из-под воды.

Между стоянкой Ерпин Пудас I и скалистым берегом современного русла — плоская пойменная низина, расширяющаяся в северо-западном направлении, частично заболоченная и сильно заросшая, казалось бы, мало удобная для стойбищ, но следы их найдены и здесь, в трех пунктах. Ни в одном из них уже не встречалась ранненеолитическая керамика сперрингс. Ямочно-гребенчатая еще бытует, но чаще попадает асбестовая, с растительной примесью и другие более поздние разновидности. Значит, по мере опускания уровня воды и высвобождения новых береговых участков на них перемещались и стоянки.

Во второй половине III тыс. до н.э. условия проживания на острове ухудшаются, и Ерпин Пудас теряет былую привлекательность. Его продолжали посещать и позднее, но лишь эпизодически. Теперь стоянки появляются на небольших скалистых островках к западу и юго-западу от острова Ерпин Пудас, полукольцом охватывающих петроглифы Бесовы Следки. В их числе отметим *святилище, стоянки Остров Шойрукша, Бесовы Следки I, II, III, IIIa, IV* и др. По данным Э.И. Девятовой, подходящая для освоения этих маленьких островков обстановка складывается 2,9–2,8 тыс. лет до н.э., но особенно 2,7–2,4 тыс. лет до н.э., т.е. в начале формирования верхней границы суббореальной террасы, когда, по ее мнению, скорее всего, здесь и зародилось наскальное искусство. Позднее русло почти высохло, острова стали менее удобны для обитания. Как только оно опять стало полноводным (1,8–1,7 тыс. лет до н.э.), посещения островов возобновились.

Возможно, вновь стали функционировать петроглифы Бесовы Следки.

Из всех памятников I группы выделим святилище – заполненное песком углубление сразу же за скалой с петроглифами Бесовы Следки, открытое и раскопанное А.Я. Брюсовым. Но можно сказать, что пальма первенства принадлежит А.М. Линевскому. Открыв петроглифы, он решил поискать в окрестностях другие следы пребывания людей и путем небольших сборов подъемного материала в песчаных осыпях и на огородах выявил 13 пунктов со следами остановок древних людей. Они-то и дали ориентиры дальнейшим поискам. В 1927–1929 гг. А.Я. Брюсов, используя полученные сведения, продолжил разведку и провел первые раскопки. Правда, сам он предпочитал выявленные пункты называть не стоянками, а местонахождениями и принимал их за места кратковременных стоянок людей, совершавшихся на протяжении длительного времени.

Особое внимание А.Я. Брюсов уделил святилищу, при раскопках которого сразу же под дерном обнаружился красноватой окраски культурный слой мощностью от 30 до 85 см, насыщенный находками. Его подстилал серый намывной песок без всяких находок. Еще ниже, на глубине 100–120 см от поверхности, неожиданно появился второй, замтый культурный слой, уже темного цвета. И только под ним обнажилось дно углубления – как бы искусственно выровненный пол. Центральная его часть имела почти правильную прямоугольную форму длиной 8 м с запада на восток и 6–7 м с юга на север. Практически вертикальные южная и восточная стенки достигали высоты 170 см. Со скалы с петроглифами в углубление вели три естественные гранитные ступени. На его полу, около выхода, в центре и в юго-западном углу обнаружены три выложенных из камней очага и одно кострище. Вокруг них и располагалась основная масса находок нижнего культурного слоя.

Для какой цели служило данное углубление? В.И. Равдоникас высказал предположение, что здесь находилось жилище, однако для постоянного проживания оно навряд ли пригодно. Во время дождей или при подъеме воды в реке его заливала вода. По версии самого А.Я. Брюсова, данное «помещение» представляло собой своего рода святилище с алтарем и культовыми изображениями, выбитыми около него, на самом берегу.

Находки, сделанные при раскопках, ничем не отличались от вещей с обычных поселений Карелии. Так, в нижнем культурном слое, почти на дне углубления обнаружены шлифованные стамески из сланца и их обломки – 3, обломки сланцевого желобчатого долота, шиферная подвеска с двумя отверстиями, вторая подвеска

в виде палочки, кремневые скребки – 33, ножи и их фрагменты – 8, наконечники стрел и их обломки из кремня – 3, обломки кремневых и сланцевых орудий, осколки кремня и, наконец, около 1000 черепков глиняной посуды. Все эти вещи А.Я. Брюсов отнес к неолитическому времени и датировал примерно концом III тыс. до н.э.

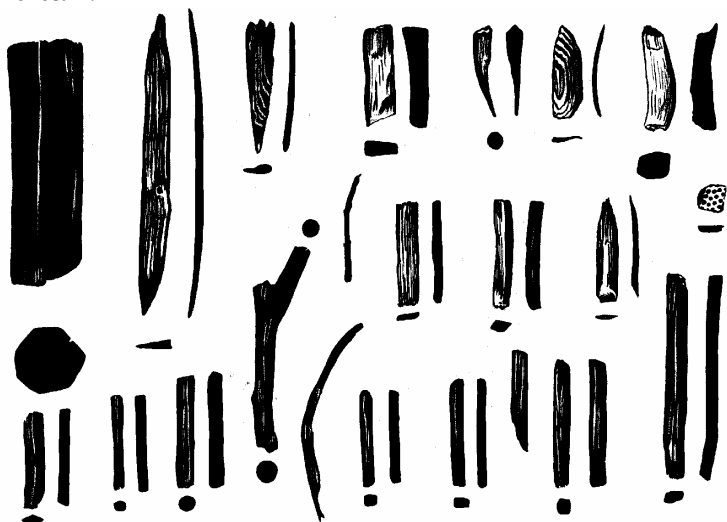
Через некоторое время обитателей низовьев р. Выг постигло стихийное бедствие – значительное повышение уровня воды, связанное либо с трансгрессией Белого моря, либо с высокими весенними паводками. Все содержимое углубления оказалось замытым почти метровым слоем песка. Когда вода спала, люди вновь освоили его. В западной части выложили два очага, между ними выявлены следы кострищ. Рядом, на выступе скалы, хранился запас чистой красной охры, возможно, для раскраски тел участников совершавшихся здесь обрядов и церемоний.

В верхнем культурном слое найдены: обломки сланцевых шлифованных топоров, включая двухлезвийные, – 4, сланцевые стамески – 2, грузила для сетей – 2, кремневые скребки – 14, наконечники стрел из кремня – 4, шаровидный отбойник, штамп для нанесения орнамента на глиняную посуду, фрагменты шиферных подвесок – 2, обломки костяного рыболовного крючка, обломки кремневых орудий – 7 и, наконец, 150 фрагментов керамики. При сравнении коллекций из нижнего и верхнего культурного слоя А.Я. Брюсов пришел к выводу, что разрыв во времени между ними небольшой, всего в несколько сотен лет. Естественно, данные заключения нуждаются в корректировке.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПЕРЕД БЕСОВЫМИ СЛЕДКАМИ

Другое местонахождение найдено нами в самом русле реки, перед отвесной скалой с Бесовыми Следками. Обнаружить его удалось только после возведения плотины Выгостровской ГЭС, ниже которой обнажилось каменистое русло. На его дне отложился пласт осадков из песка, валунов и камней толщиной от 0,4 до 1,4 м. Сверху он казался непроницаемым панцирем, но при строительстве защитного павильона над Бесовыми Следками его фасад пришлось вынести за скалу, в русло и на всю глубину до самого скалистого дна рыть траншею для фундамента. Длина ее составила 18 м, ширина – около 2 и глубина – от 0,5 до 1,5 м. Самым глубоким оказался северный конец траншеи. Он отстоял от края скалы примерно на 4 м. На глубине 50–70 см и ниже рабочим стали попадаться черепки глиняной посуды и орудия труда.

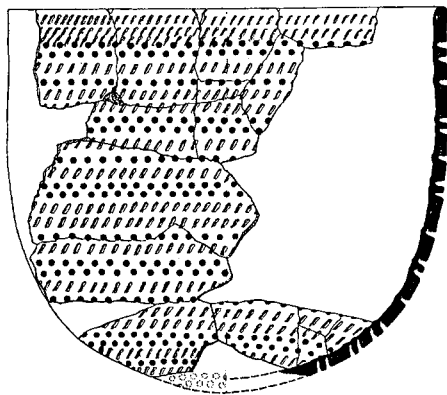
Разведочные раскопки подтвердили, что непосредственно под фигурой беса и чуть севернее к наскальному полотну примыкало линзовидное западание. Ширина его вдоль скалы всего 4–4,5 м, а глубина 1,4 м. Нижнюю часть заполнял ил. Находки появлялись уже на глубине 0,35–0,40 м, в слое валунов, но чаще стали попадаться с глубины 0,6–0,7 м. Ниже, до самого гранитного дна, т.е. на 70–80 см, распространялся иловатый песок голубовато-серого цвета. Лишь у дна на последних 20–30 см валуны и камни почти исчезли.

Остатки древесины в русле р. Выг перед скалой с Бесовыми Следками

В шурфе площадью всего 8 м² найдено 76 орудий и обломков, 408 фрагментов керамики, 1880 осколков и отщепов камня, 1200 кусков древесины. Среди орудий отметим сланцевый топор со сбитым лезвием, обломок стамески или долотца, фрагменты шлифовальных плит и брусков, два рыболовных грузила, куски кварца со следами использования, пять целых наконечников копий и стрел, кремневые ножевидные пластинки и скребки. В илистой почве хорошо сохранилось дерево — сучки и ветки, кора, щепы, тонкие сосновые брусочки и даже целый ствол березы. Керамика преимущественно ранняя ямочная. Представлена и более грубая ямочно-гребенчатая местного облика, а также асбестовая и другие разновидности — следы посещения острова в эпоху раннего металла. Перечисленные находки либо оставлены на скале и затем смыты, либо намеренно сброшены в воду.

Любопытно, что все они — обычные вещи, связанные с повседневным бытом. Значит, здесь не только совершались культовые обряды и действия, но и протекала будничная жизнь: изготавливались орудия труда, велся промысел рыбы и т.д. Похоже, что остров с петроглифами вовсе не был окружен мистическим страхом. Его посещали, на нем останавливались, он, как и соседние с ним острова, использовался в хозяйственных целях.

***Сосуд с ямочно-гребенчатым орнаментом
(реконструкция Н. В. Лобановой)***

Приходится только удивляться, как оказались разновременные находки под мощным слоем валунов и среди них. Естественнее всего было бы думать, что валуны появились уже после того, как находки отложились в

углублении русла и увязли в иле, но как все это происходило, да еще в относительно спокойной заводи перед скалой, представить трудно. По мнению Э.И. Девятовой, условия осадконакоплений в данном месте неоднократно изменялись. Обилие валунов, вымытых из морены, и их перемещение вызывались колебаниями речного потока и ледоходами, нарушавшими естественное залегание находок.

Древесина, в первую очередь ствол березы, послужила образцом для датировки по методу радиоактивного углерода C^{14} . Получены такие даты: 5430 ± 30 , 5180 ± 60 , 5000 ± 60 , 4495 ± 60 . На наш взгляд, они определяют возраст находок только самого раннего комплекса, отложившихся в конце IV — начале III тыс. до н.э. Тогда же могли появиться и первые изображения на Бесовых Следках. Однако в собранной коллекции имеются и более поздние вещи эпохи раннего металла и даже раннего железа. Среди них оказались обломки двух тонкостенных деревянных сосудов, видимо, поздних. Наиболее благоприятные природные условия для использования людьми всей группы скалистых островов, по мнению Э.И. Девятовой, существовали дважды: 2,9–2,4 и 1,8–1,7 тыс. лет до н.э.

Знакомясь с археологическими памятниками у Бесовых следков (I группа), желательно вспомнить и предположение А.Я. Брюсова о существовании волока в обход порогов Шойрукша и Золотец (служивших непреодолимой преградой для лодок, спускавшихся к устью реки). У северного конца волока в шести местах А.Я. Брю-

сов произвел шурфовку, вскрыв в общей сложности 65 м², на территории разрозненных останков мелких партий охотников. Найденная здесь керамика, по его мнению, совершенно тождественна той, что встречалась у петроглифов на острове Шойрукша. Исследователь допускал, что охотники, перетаскивая по волоку лодки в залив ниже порога Золотец, делали здесь кратковременные остановки. Следы их и являются остатки разложенных в разных местах костров.

При более детальном обследовании выяснилось, однако, что и у северного конца предполагаемого волока имелись типичные стоянки с ярко выраженным культурным слоем значительной мощности – *Золотец I, II, XXII*. Они образуют II группу, обращенную к небольшому спокойному заливу чуть ниже не существующего теперь порога Золотец. К сожалению, часть из них уничтожена песчаными карьерами или пашней.

Самая крупная и полнее других раскопанная – стоянка Золотец I, культурный слой которой содержал сильно перемешанный разновременный инвентарь. Это не так уж и удивительно. Удобных для стоянок мест здесь мало, и наиболее привлекательные заселялись многократно. На поселении хорошо представлены комплексы ямочно-гребенчатой, асбестовой и гребенчатой пористой керамики.

Неподалеку, в обрыве берега Э.И. Девятовой обнажен выразительный разрез, ставший опорным в оценке природных условий в суббореальное время и выявивший сложную динамику развития русла. В верхней части разреза илистые отложения переслаиваются торфами. Торфонакопление же стало возможным только когда река оказалась на грани высыхания, в условиях едва живого русла. Из разреза получены образцы для 4 абсолютных дат, позволивших заключить, что критической точки жизнь русла достигла 2,1–2 тыс. лет до н.э., когда оно совершенно обмелело. Разрез позволяет надежнее датировать сами береговые уровни со стоянками и петроглифами, уточнить взаимоотношение памятников из разных групп.

За окраиной п. Золотец, в 0,3 км севернее, на левом береговом склоне р. Выг – III группа стоянок. Они особенно наглядно иллюстрируют последовательное снижение береговой линии и врезание русла р. Выг. Каждая из стоянок данной группы четко фиксирует береговые террасы. Особый интерес вызывают те, что расположены по нисходящим древним берегам, почти по одной линии, перпендикулярной современному руслу. В их числе поселения Золотец XXI, XX, VI, XI, X, VIII. Они тянутся в глубь берега почти на 0,8 км с перепадом высот от 12,5 до 22 м. Такая «лестница» в промежутке между основными

скоплениями петроглифов и стоянок дает важные исходные данные для хронологии и периодизации археологических памятников низовья р. Выг.

Золотец XXII – крайняя от берега стоянка, уже полностью разрушенная карьером. На ее территории, примерно в 60 м², удалось собрать небольшую коллекцию находок, включая разнотипную керамику. Значит, и здесь люди останавливались неоднократно. Смешанные комплексы имеют и все последующие поселения.

Ниже по береговому склону, в 0,5 км к востоку, за заболоченной низиной, на высоте 18,5–19,3 м над уровнем моря расположена стоянка *Золотец XX*. Она занимает около 2500 м² древнего берега, хорошо фиксируемого двумя невысокими валами длиной 50 м, разделенными неглубокой ложбиной шириной 3–5 м. Палинологические анализы показали, что во время формирования культурного слоя вокруг произрастали сухие сосновые леса и светлые березняки.

В небольшом разведочном раскопе выявлен мощный культурный слой, богатый находками, прежде всего керамикой. Встречались крупные обломки сосудов. Преобладала керамика с ромбоямочным орнаментом. Представлены и другие типы глиняной посуды, свидетельствующие о неоднократном заселении данного поселения в неолите и энеолите. Первоначально люди могли остановиться здесь на какое-то время еще 2,7–2,4 тыс. лет до н.э., но более благоприятные условия наступили 1,9–1,7 тыс. лет до н.э.

В 115 м к востоку, на узкой вершине и склоне грядобразного всхолмления, на высоте 18,3–18,8 м раскапывалась следующая стоянка – *Золотец VI*, на которой вскрыто 526 м² культурного слоя. Поселение приурочено к центральной и западной частям всхолмления, общая протяженность которого 70 м, а ширина 20 м. Это выход коренных пород, прикрытый слоем рыхлых песчаных отложений толщиной от нескольких сантиметров до 1,5 м. В культурном слое мощностью от 20 до 60 см (а в углублениях до 90 см) четко выделяются две прослойки: нижняя, темная, пепельно-серая, местами почти черная, с большой примесью пепла, указывающего на частые пожары, и верхняя, красновато-коричневая. Местами в зоне их контакта фиксировались следы размыва. В спорово-пыльцевых спектрах также различаются две фазы растительности.

И здесь селились неоднократно в неолите, энеолите и железном веках. Обильный археологический материал оказался перемешанным. Он включает 929 орудий и изделий из камня, множество осколков и отщепов, прежде всего кварца, и богатую коллекцию керамики. Преобладает ямочно-гребенчатая и ромбоямочная, –

2787 фрагментов. Много и гребенчатой с примесью растительности к глиняному тесту — 1086 черепков. Асбестовой же только 722 фрагмента.

Данное место люди могли облюбовать еще 3,1 тыс. лет до н.э., в очередную регрессивную стадию водоема, но более подходящим для постоянного, длительного проживания оно становится 2,7–2,4/2,3 тыс. лет до н.э. Тогда уровень воды вплотную подступал к данному возвышению. В то время, видимо, и отложился комплекс с ямочно-гребенчатой керамикой. Затем вода в реке поднялась и замыла культурный слой на 200–300 лет. После ее понижения до 17–17,5 м над уровнем моря около 1,7–1,6 тыс. лет до н.э. формируется слой с асбестовой и «растительной» керамикой. На взаимосвязь той и другой указывает 21 фрагмент так называемых гибридных сосудов, в которых наряду с асбестовой присутствует и растительная примесь к глиняному тесту.

Несколько в стороне и чуть ниже на краю гряды розовато-серых гнейсов, на высоте 16,5–16,8 м располагается стоянка *Золотец XI*, обращенная к р. Выг. К подошве обрывистого склона подходит первая надпойменная терраса, частично заболоченная. Скальную поверхность прикрывали четвертичные отложения мощностью от 40 до 60 см, реже 100 см. В раскопе площадью 252 м² найдено 239 орудий и изделий из камня. Преобладала же неолитическая и энеолитическая керамика. Она трех типов: асбестовая, с растительной примесью и ямочно-гребенчатая, довольно позднего облика. Первая стоянка могла появиться здесь еще в III тыс. до н.э. Вскоре она оказалась затопленной и выходила из-под воды лишь в засушливые годы. Следующее поселение на этом же месте возникло не ранее 1,6–1,5 тыс. лет до н.э., когда у п. Золотец вновь образовалась старица, но теперь она оказалась на месте пойменной террасы, а не в русле реки.

Рукой подать и до стоянки *Золотец X*. Она размещается в 30–35 м от Золотца VI, за ложбиной, в южной части моренной гряды. Площадь около 1000 м², вскрыто 135 м². Находки разного времени: энеолит, бронзовый век и даже раннего Средневековья. Склон, обращенный в сторону р. Выг, довольно крутой. Высота гряды над современным руслом р. Выг 2,5–3, а над уровнем моря 14,5–15,6 м. Морена, залегающая на коренных породах, частично размыта еще до формирования культурного слоя. В нем вычленяются две прослойки: верхняя, грязно-желтая и нижняя, темная, сильно гумусированная. Первые поселенцы появились здесь примерно 1,3 тыс. лет до н.э. Более привлекательным для обитания данное место становится 1–0,8 тыс. лет до н.э. Посещаться же оно могло на всем протяжении от 1,3 до 0,8 тыс. лет до н.э.

Стоянка *Золотец VIII* в настоящее время затоплена. Площадь ее 800 м², раскопано 180 м². Размещалась она уже на самом берегу современного русла р. Выг и имела отметки 12,7–13,1 м над уровнем моря. Культурный слой сформирован в пойменных пылеватых песках. Сама приуроченность его к пойменной террасе р. Выг, формирование которой началось не ранее 0,5 тыс. лет до н.э., свидетельствует о сравнительно позднем возрасте памятника: неолит, энеолит, бронзовый век, железный век.

В заключение упомянем еще одно поселение из IV группы – *Залавругу IV*. Оно находится на противоположном правом берегу р. Выг, но в одном створе с только что рассмотренными стоянками, на высоте 19,4–20 м над уровнем моря. Занимает уплощенный участок обширного острова площадью 1500 м², на некотором удалении от скалистого берегового обрыва. Здесь под маломощным слоем песчаных отложений также распространяется «чешуйчатый» скалистый рельеф, образуемый чередованием невысоких скалистых уступов. Площадь раскопа составила 688 м². В культурном слое также наблюдались две прослойки: нижняя, черно-серого цвета, с большой примесью пепла и углей и верхняя, красноватого или малиново-красного. Содержащийся в нем вещественный материал явно смешанный, разновременный. Здесь найдено 1427 каменных орудий, причем около 46% из них – кремневые. Разнообразен и керамический материал, включающий энеолитовую асбестовую керамику – 1174 фрагмента, гребенчатую с растительной примесью – 1060 и неолитовую ямочно-гребенчатую – 357 (из них примерно 1/3 с ромбоямочным орнаментом). Другие разновидности – сетчатая, штрихованная и т.д. – представлены очень небольшим числом и указывают на эпизодические посещения места стоянки в эпоху бронзового и железного веков.

Впервые же люди останавливались здесь еще 2,9–2,6 тыс. лет до н.э., во время близкое стоянке *Золотец VI*. Русло реки тогда оставалось полноводным, а береговая линия проходила на высоте не менее 19,5 м над уровнем моря. Она отмечена невысокими – 0,6–0,7 м – береговыми валами шириной 1,5–2 м. Именно тогда по краю стоянки протекал ручей, следы которого сохранились и поныне. Не исключено, что люди проживали здесь и в самом начале ксеротермического периода, т.е. 2,4–2,2 тыс. лет до н.э., когда обстановка стала особо пожароопасной. Большое количество пепла в нижней части культурного слоя подтверждает, что пожары коснулись и стоянки. Однако самое большое и главное поселение, скорее всего, существовало здесь где-то 1,9–1,7 тыс. лет до н.э. Все последующие посещения носили уже эпизодический характер.

Предпоследняя IV группа очень небольшая и включает всего четыре поселения. Одно – Залавругу IV – мы только что рассмотрели. Другое – *Залавруга III*, расположено в 0,5 км к северо-западу от Ерпина Пудаса и пока исследовано недостаточно. Площадь его около 1000 м². Вскрыто 116 м². Две оставшихся стоянки – Залавруги I и II, гораздо теснее связаны с наскальными рисунками и потому более интересны.

О поселении *Залавруга I*, перекрывающем значительную часть петроглифов Новой Залавруги, речь уже шла. Оно приурочено к относительно высокому и крутому берегу озеровидного расширения протоки (старицы) и занимало около 6000 м² ровной песчаной площадки, слегка покатой к северу и северо-востоку, с отметками 15–17,1 м над уровнем моря. С трех сторон ее обрамляли выходы коренных пород – серых и розоватых гнейсов, полого покатых на север, северо-запад и северо-восток. Скальная поверхность распространялась и непосредственно под стоянкой. Рельеф ее «чешуйчатый», образованный чередованием уступов куэстового типа, то более узких, то более широких (от 1,5 до 5 м), с отвесной бровкой высотой 0,3–0,7 м и пологим склоном к тыльной части, т.е. к подошве очередного уступа. В юго-западной части Залавруги такие уступы прослеживаются особенно четко и полукольцом оконтуривают ее.

Раскоп на стоянке Залавруга I

Поселение вытянуто вдоль протоки примерно на 90 м при ширине до 70 м. Небольшие раскопки его проведены в 1947 г. А.Я. Брюсовым. Зимой 1962 г. неожиданно для археологов стоянку сильно повредил песчаный карьер строителей Беломорской ГЭС. Охранные раскопки

начались летом того же года. Они продолжались и на следующий год и привели к открытию первых групп (скоплений) петроглифов Новой Залавруги. Затем вплоть до 1969 г. шла расчистка скрытой под стоянкой скальной поверхности. Всего вскрыто 4132 м². Мощность песчаных отложений составляла всего 0,8–1 м и лишь в разломах и расщелинах скальных пород, например в юго-западной части стоянки, достигала 1,8 м. Раскопана почти вся сохранившаяся площадь (за исключением небольшого контрольного участка).

Стратиграфия стоянки несложная. Поверх нее распространялся очень тонкий и рыхлый дерн, а под ним – мелкозернистый оподзоленный песок белого или розоватого цвета с очень неровной нижней кромкой. Собственно культурный слой представлял собой слой песка ярко-малиновой окраски мощностью 30–50 см. Чаще всего его подстилал светло-желтый песок, лежащий непосредственно на скале. К окраинам культурный слой, как обычно, становился слабее и беднее находками, а затем и вовсе выклинивался. На северной, северо-западной и северо-восточной окраинах с отметками 15 м над уровнем моря он замещался мелкозернистыми супесями пойменных отложений толщиной 20–60 см.

При раскопках расчищены три довольно большие каменные кладки. Кладка № 1 размером 2 × 3,6 м состояла из 11 относительно крупных и 28 более мелких валунов и камней. Между ее основанием и скалой оставался слой песка толщиной 24–25 см. Всего в 2 м северо-западнее оказалась кладка № 2 меньших размеров – 0,8 × 0,8 м. И, наконец, ближе к северной окраине располагалась кладка № 3 размером 1,5 × 2 м, сложенная из 20 относительно крупных и 40 более мелких камней. Под ними залегал пласт сильно ожелезненного песка.

Расчищены и два очага, давших образцы для определения абсолютного возраста. Один в юго-западной части стоянки, в подошве культурного слоя (или даже под ним), почти на скале, на высоте 16,5 м над уровнем моря. Его возраст 4775±70 л. н. Участок с данной очажной кладкой оконтуривают крупнозернистые с примесью гравия осадки, по-видимому, фиксирующие древнюю береговую линию. Высота ее варьировала в пределах 14,9–16,05 м. Почти на одних отметках с данной очажной кладкой находятся петроглифы верхнего яруса – XX–XXII группы и др. Но были ли уже тогда использованы данные наскальные полотна, неизвестно. Думается, что природная обстановка оставалась здесь еще недостаточно стабильной и не способствовала появлению петроглифов.

Второй очаг расположен в дали от берега, между двумя уступами, на глубине около 60 см от дневной поверхности, почти на скале. Диаметр его 0,7–0,8 м, мощность зольно-углистого слоя 20 см, возраст

4010±70 л. н. По составу спорово-пыльцевого спектра получается, что очаг соответствует суббореальному максимуму ели. Судя по отложениям разнозернистых песков с примесью гравия и гальки, полукольцом опоясывающих Залавругу на отметках 14,4–15,5 м, береговая линия длительное время проходила на уровне не выше 15,5 м. Вблизи от нее находился и данный очаг. Следов жилищ или хозяйственных сооружений не обнаружено, отчасти потому, что они здесь должны были быть наземными, так как сколько-нибудь значительно углубить основание построек не позволяла скала. Небольшие ямы-западания, видимо, хозяйственного назначения.

Каменный инвентарь включает 1036 предметов, не считая почти 11 тыс. осколков и отщепов кремня, сланца, но преимущественно кварца. Преобладают орудия и изделия из привозного кремня – 503 экз. Судя по сравнительно небольшому числу осколков и отщепов кремня, отсутствию крупных орудий и запасов сырья, заготовок и даже нуклеусов, кремень использовался бережно и в основном для мелких орудий и изделий: скребков, ножевидных пластин, резцов и резчиков, наконечников стрел.

Самая многочисленная категория кремневых орудий – скребки. Их 240 экз. разной формы и размеров. Нередко попадались миниатюрные экземпляры диаметром 1,5–2,3 см и длиной скребкового края до 1,5 см. Представлены скребла и скобели – 18 экз. Сравнительно много наконечников стрел – 62, правда, только 33 целых или крупных обломка, позволяющих представить изначальную форму. Два обломка сланцевых наконечников относятся к так называемому узкому типу без шипов. Наконечников копий и дротиков всего 10, включая обломки. Орудия домашнего обихода представлены кремневыми ножами – 16, ножевидными пластинками длиной от 2,6 до 6,7 см при ширине 3,4 см – 37 экз. Много орудий на осколках и отщепах случайной формы – 88. Изделий из кварца – 336. Встречались кварцевые нуклеусы – 49 и относительно крупные отбойники – 54, но в основном это тоже скребки – 70, скребла и скобели – 33, ножевидные пластины с обработкой по краю – 31, резцы и резчики – 65 и т.д.

Жители Залавруги I использовали сланцевые рубящие орудия и другие изделия из сланца – 59. Сырьем для орудий служили и такие породы, как песчаник – 43, кварцит – 81, гранит – 14, из которых изготавливали шлифовальные плиты – 80, точильные бруски и камни – 27. Пилы для работы по камню (сланцу) делали из тонких плиток кварцита – всего их 15, включая обломки. Среди сланцевых шлифованных орудий 16 целых экз. и 33 обломка и осколка. В их числе около десятка топоров, в том числе один со сбитым лезвием.

На трех орудиях высверлены отверстия для лучшего скрепления их с деревянными рукоятями, естественно, до нас не дошедшими. Отметим

также обломки сланцевого кинжала, колец с отверстиями и странный конусовидный предмет, тщательно обработанный. Судя по крайне небольшому числу осколков и отщепов сланца и сопутствующих пород, такие орудия поступали сюда большей частью в готовом виде. Несколько раз попадался янтарь: подвеска неправильно-овальной формы, два невыразительных мелких обломка и обломок цилиндрической бусины с отверстием.

Преобладают в находках обломки глиняных сосудов. Около 40% их приходится на гребенчатую керамику с растительной примесью к глиняному тесту. Встречались и асбестовая, и реже — ямочно-гребенчатая. Обломки «гибридных» сосудов как будто говорят об одновременном сосуществовании некоторых разновидностей. Культурный слой основного поселения на Залавруге I мог сформироваться в период 1,5–1,3 тыс. лет до н.э. на слое аллювия, отложившегося во время трансгрессии Белого моря и подъема уровня р. Выг 1,9–1,6 тыс. лет до н.э. Если более ранние материалы здесь и были, то они затем значительно переотложены.

Итак, по всем данным, неолит и энеолит — время формирования культурного слоя стоянки Залавруга I с основным комплексом находок. Настораживает присутствие янтаря, который к этому времени у себя на родине, в Прибалтике, выходит из употребления, но в Карелии он изредка попадает еще и в эпоху бронзы.

Другая стоянка, *Залавруга II*, расположена в 200 м юго-восточнее и на 3 м выше — на высоте 17,5 м над уровнем моря, в 40 м от берега протоки. Занимает около 1000 м² на вершине куполообразного холма коренных пород, прикрытых аллювиальными песчаными отложениями небольшой мощности — 0,4–0,8 м. Разведочный раскоп площадью 52 м² заложен еще в 1964 г. и выявил слабо окрашенный культурный слой мощностью 20–25 см, небогатый находками. В 1970 г. памятник сильно пострадал при добыче песка для нужд Беломорской ГЭС. Его пришлось срочно доисследовать. Всего раскопано 104 м².

Новый раскоп захватил необычную каменную кладку, вытянутую почти с севера на юг на 9 м. Основная же ее часть, без южной, слегка изолированной и быть может «пристроенной» в последнюю очередь ее оконечности — 5,7 м. Ширина у основания 2,5 м, в средней части 1,8 м, а перед южным концом — 1 м. В этой сужающейся части камни на протяжении 2,3 м уложены сплошь, образуя плотную вымостку

В основании, севернее появлялись свободные очень небольшие камеры или окна, разделенные внутренними перегородками из камней и валунов. Внутри кладки при расчистке прослеживались розоватые с ярко-малиновыми включениями пятна. Внешняя граница всего пятна под кладкой очень четкая. По восточной стороне на протяжении 4 м, а по западной — 3 м она имела вид прямой полосы малинового цвета, резко выделявшейся на фоне светлого материкового песка и точно соответствовавшей краю кладки.

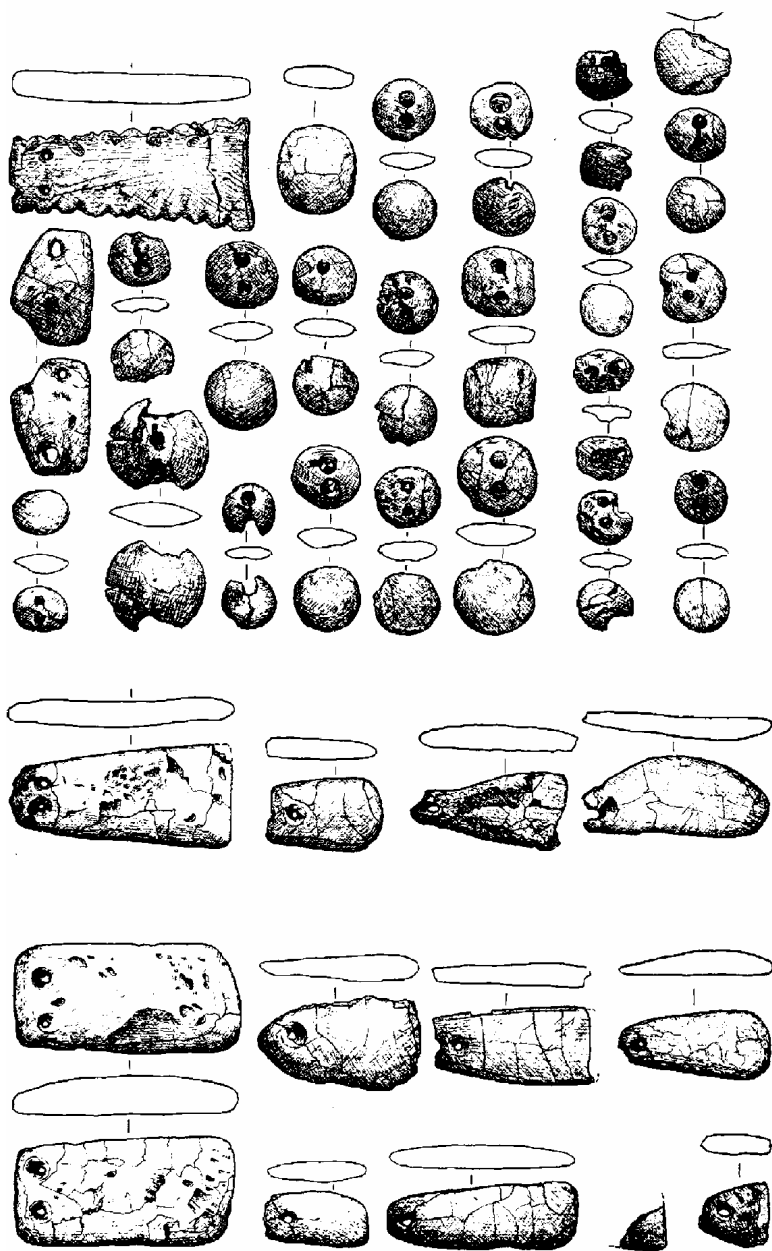
В раскопе, в основном при разборке кладки, найдено 429 орудий и обломков и 68 изделий из янтаря — самая большая коллекция, когда-либо встречавшаяся в Карелии. Больше половины орудий и основная часть отходов производства (осколки и отщепы) залегала на глубине до 10 см, керамика — на глубине до 20 см, а почти все янтарные изделия и большинство наконечников стрел — на глубине 20–30 см от дневной поверхности.

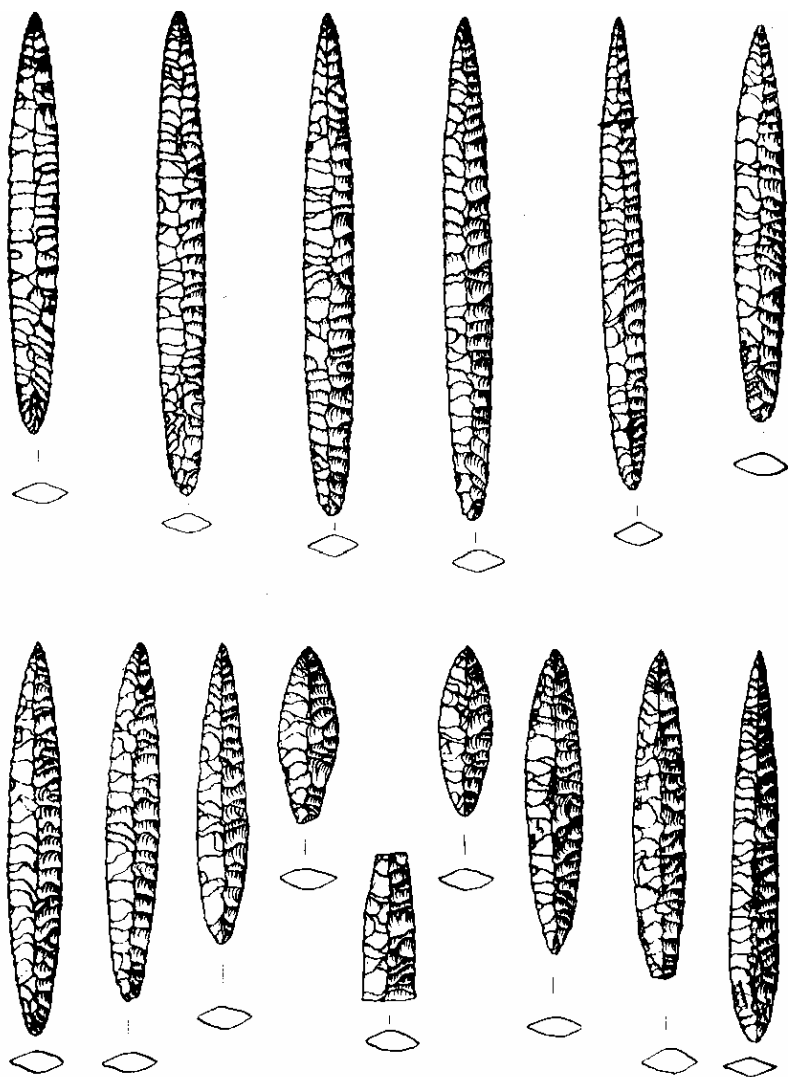
Раскоп на стоянке Залавруга II

В каменном инвентаре преобладают орудия и изделия из кварца — 249 экз. Среди них осколки и отщепы случайной формы со следами обработки — 93, ножевидные пластины — 41, скребки — 21, резцы и резчики — 21, нуклеусы — 11, отбойники — 9 и др. Сланцевых орудий и изделий всего 58: тесло, стамеска, 14 обломков рубящих орудий (шлифованных), шлифовальные плиты и бруски — 33, обломок грузила, пилы — 2, шиферный наконечник копья и др. Среди 125 кремневых орудий встречаются скребки — 15, ножи и ножевидные пластинки — 22, отщепы с обработкой — 34, нуклеусы — 2, но особенно привлекает внимание обилие наконечников стрел — их 40, включая обломки. Выделяется серия узких, удлинённых наконечников, обработанных прекрасной струйчатой ретушью.

Из 68 янтарных находок 29 составляют подвески, 3 — фрагменты подвесок, 36 — пуговицы с V-образным отверстием, 5 фрагментов пуговиц и один неопределённый фрагмент. Представлены только готовые изделия, и нет даже следов сырья. Янтарь бесспорно прибалтийского происхождения, что подтвердили соответствующие анализы.

Изделия из янтаря. Стоянка Залавруга II

Кремневые наконечники стрел. Стоянка Залавруга II

Керамики немного, всего 203 фрагмента трех разновидностей: ямочно-гребенчатая (включая ромбоямочную), асбестовая и гребенчатая с растительной примесью. Разнообразие материала, воз-

можно, объясняется тем, что между довольно бедным культурным слоем и каменной кладкой, представляющей собой какое-то погребальное сооружение, сложенное из естественных камней и валунов, существует разрыв во времени. Не исключено, что часть «рядовых» находок попала в кладку из окружающего ее культурного слоя, но наиболее ценные вещи — янтарные украшения, превосходные, не использованные еще наконечники стрел — связаны только с ней. Подходящим для заселения это место, по данным Э.И. Девятовой, стало в начале ксеротермического периода — 2,3–2,2 тыс. лет до н.э. Во время полноводного русла (1,9–1,4 тыс. лет до н.э.) люди могли появляться здесь лишь периодически, при спадах воды. Более прочно освоить данный участок стало возможным в неолите, почти одновременно с поселением Золотец XI, но расчленив археологический материал на более определенные временные отрезки не так просто.

Наконец, последнюю, V группу составляют стоянки *Горелый Мост I–VIII*, существовавшие после прекращения наскального творчества. Находятся они на левом берегу, чуть ниже по течению, в зоне пойменной террасы с отметками 7–13 м над уровнем моря. Сформировались они, по-видимому, уже в субатлантическое время, когда река приобрела современный вид. На стоянках представлен в основном кремневый инвентарь. Обилие осколков и отщепов кремня лишь подчеркивает заметное усиление притока кремня, связанного, видимо, с проникновением нового населения. Керамика представлена обломками разновременных сосудов: неолит, энеолит, бронзовый век, железный век, раннее и позднее Средневековье

Еще ярче об этом же свидетельствует распространение новых типов глиняной посуды: сетчатой, штрихованной, ананьинского типа и т.д. Исчезают из употребления каменные рубящие орудия, что объясняется, по-видимому, появлением металлических. Проникновение нового населения, изменение природных условий и вызванных ими перемен в хозяйственной и общественной жизни предопределили новый этап в истории поморской культуры. Традиция монументального наскального творчества уходит в прошлое. Наступает другое время. Развивается устное народное творчество. Появляются народные эпические песни-руны, на базе которых Э. Лённрот составил свою знаменитую «Калевалу». Здесь, в Поморье, богатейший кладёз русского фольклора, многих его жанров.

Глава V

Изучение петроглифов Карелии

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ

Петроглифы Карелии были, есть и останутся объектом научного исследования, включая их источниковедение и историографию. Тем важнее проследить, хотя бы кратко, историю их изучения, ее основные этапы и особенности. Знание наработок прошлого помогает решать и прикладные задачи, связанные с их сбережением и разумным использованием. Программно-целевой принцип управления утверждается и в отношении наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. Он предполагает предварительный углубленный анализ имеющихся источников, включая научные труды и публикации, научно-популярные издания, научные отчеты о полевых работах, выступления в СМИ, отклики в зарубежных изданиях, осуществленные программы и проекты, что помогает яснее очертить насущные проблемы, точнее поставить задачи и предложить программу на ближайшую и более отдаленную перспективу.

Изучение онежских петроглифов длится уже почти 160 лет, беломорских – 80. В этот процесс был вовлечен довольно широкий круг лиц, включая известных отечественных и зарубежных ученых, местных специалистов, любителей. Постепенно возрастали роль и вклад местных ученых. Вместе с тем петроглифы Карелии по-прежнему оставались и достоянием приезжих исследователей. Нередко они проводили свои изыскания в содружестве с местными учеными, случалось, что и независимо от них. Главное, что взгляд со стороны неизменно присутствовал, а значит, были и диалог, полемика. Подтверждением тому служит и ряд публикаций на рубеже XX и XXI вв. Среди них весьма примечательна статья москвича А.А. Фараджева «Противостояние, подходы и направления в изучении петроглифов Карелии». Не лишенная некоторого снобизма и критиканства, она только подтверждает необходимость конструктивного обсуждения «подходов и направлений» в изучении наскальных изображений Карелии.

Проблеме менеджмента археологических памятников, и в частности памятников наскального искусства, «... в целях достижения интегрирующей роли в местном сообществе, обеспечения его доступности для широкой публики, создания условий для туристской деятельности» посвятил свою статью «Археологические памятники как ресурс социально-экономического развития территории (на примере петроглифов Карелии)» Д.Н. Кузнецов. Это уже взгляд местного специалиста (зам. директора КГКМ), тоже не лишенный предубеждений, в какой-то мере ангажированный.

Можно только приветствовать горячее желание наконец-то задействовать этот ресурс в полной мере в целях развития территории. Но как это сделать, и от благих слов перейти к делу? Где же конкретные

рекомендации по способам использования данного ресурса? В том же музее А.М. Жульниковым и В.В. Фроловым разработана и неоднократно обсуждалась «Концепция развития филиала КГКМ “Онежские петроглифы”». В конце концов они, видимо, посчитали, что конкретные рекомендации лучше всего получить со стороны. Последовало обращение в Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (г. Москва), где создается рабочая группа исполнителей. Ее научным руководителем стал зам. директора института к.э.н. П.М. Шульгин.

Итогом данной заказной работы, выполненной по просьбе КГКМ и предназначенной для Министерства культуры и по связям с общественностью РК («... с целью принятия конкретных решений по сохранению археологического и ландшафтного комплекса “Бесов Нос” и эффективному использованию историко-культурного наследия Заонежья») стал отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Разработка программы действий по сохранению и музеефикации онежских петроглифов».

В конце 2005 г. отчет обсуждался на научно-экспертном совете при Министерстве культуры и по связям с общественностью РК, но как окончательный документ не получил одобрения. Его, скорее, восприняли в качестве промежуточного материала, предназначенного для обсуждения на местном уровне. В отчете признавалось, что «необходимость охраны территории распространения наскальных изображений на Онеге давно уже обсуждается в научных кругах и среди общественности, однако до сих пор не выработано серьезных научных рекомендаций». Подобное заявление невольно настораживает. Выходит, что упомянутые выше изыскания Д.Н. Кузнецова, А.М. Жульникова, В.В. Фролова и др. к числу серьезных научных рекомендаций причислить нельзя. Еще удивительнее их ответная реакция. На научно-экспертном совете они, по существу, открестились от всех высказанных замечаний по представленному отчету, проглотив и эту весьма горькую пилюлю.

Мы вернулись к материалам отчета, касающимся больше прикладных, практических дел, поскольку красной нитью в них проходит мысль о научно-исследовательском характере предлагаемых разработок. В исследовании онежских и беломорских петроглифов можно выделить несколько периодов или этапов, отличающихся размахом, интенсивностью, целенаправленностью проводимых работ, составом их участников, полученными результатами, качеством и объемом печатной научной продукции.

Первый этап связан с открытием и началом изучения онежских петроглифов. Он охватывает период с 1848 по 1917 г. Имена первопроходцев и первоисследователей уже назывались: К. Гревингк,

П. Швед, Г. Хальстрем и др. В этот период «олонецкие резьбы на камне» стали входить в научный оборот в России и за ее пределами, прежде всего в Скандинавских странах.

Второй период приходится на советское время. Он начинается в 1926 г. с открытия первой группы наскальных изображений в низовье р. Выг в юго-западном Прибеломорье, а заканчивается в 1941 г., с началом Великой Отечественной войны. То был бурный всплеск интереса к петроглифам Карелии, настоящий прорыв в их «освоении». Впервые они были так основательно задокументированы и исследованы. Самые яркие фигуры на данном этапе – А.М. Линевский, А.Я. Брюсов и, конечно же, В.И. Равдоникас. Благодаря тому что петроглифы получили отражение в художественной литературе, стали музейными экспонатами, они превратились в достояние широкого круга людей разных возрастов и профессий.

Научно-фантастическая повесть А.М. Линевого «Листы каменной книги» нашла путь к сердцу массового читателя. Позднее она многократно переиздавалась, в том числе и за рубежом. Теперь сделана попытка зачислить ее почему-то в разряд «фэнтези». Самым главным итогом данного периода явились открытия Бесовых Следков и Залавруги в Беломорье и новых скоплений на Онежском озере. Двухтомная публикация петроглифов Карелии В.И. Равдоникаса вызвала похвальные отзывы и в нашей стране, и за рубежом.

Следующий, третий этап начался сразу после окончания Отечественной войны, в 1946 г., и длился по 1959 г. Интенсивность исследований теперь заметно снизилась, полевые работы проводились эпизодически, новых открытий не происходило. Шло освоение и осмысление накопленного в 20–30-е гг. XX в. материала. Петроглифы Карелии стали неотъемлемой частью культурно-исторического наследия страны. Они начали использоваться в качестве экскурсионно-туристических объектов. Сведения о них вошли в учебники и учебные пособия. Ведется более активная и систематическая их пропаганда и популяризация в средствах массовой информации. На горизонте появились новая фигура – ленинградский этнограф К.Д. Лаушкин. Заявили о себе Я. Б. Доманский и А. Д. Столяр научно-популярной книгой «По Бесовым Следкам» (Л., 1962). В г. Петрозаводске жил и творил писатель А.М. Линевский, не забывавший и о петроглифах, которые нашли отражение в «Очерках по истории Карелии» (Т.1., 1957).

Четвертый этап начинается с открытия в сентябре 1963 г. петроглифов Новой Залавруги в Беломорье, а заканчивается он к началу 90-х годов. Вновь наблюдается повышенная интенсивность полевых работ. Они велись вначале в низовье р. Выг, а затем на восточном берегу Онежского озера экспедициями и полевыми отрядами Ю.А. Савватеева. Активное участие в них принимали специалисты из других областей знаний,

заинтересовавшиеся петроглифами: палеогеограф Э.И. Девятова, искусствовед Р.Б. Климов, зоолог Н.К. Верещагин, физик А.А. Лийва, археолог А.Д. Столяр и др. Впервые с таким размахом разворачивались междисциплинарные исследования. Никогда прежде так активно не изучались соседние с петроглифами стоянки первобытного человека. Появляются новые публикации, в частности «Залавруга» (Т.И. Петроглифы. Т.П. Стоянки).

Наконец, наступает этап, который можно назвать современным (или нынешним). Он охватывает период с 1990 г. и по настоящее время. Кардинальные перемены в стране не могли не сказаться и на состоянии науки, и на проблемах, связанных с петроглифами Карелии. Они превратились в объект повышенного внимания в процессе стихийной коммерциализации, коснувшейся и этих памятников федерального значения, подлежащих государственной охране. Финансирование полевых работ по линии РАН, по существу, прекратилось. Настало время целевых программ и проектов. Возросли роль частной инициативы, умение добывать внебюджетные средства на свои исследования.

Повышенный, к сожалению порой скандальный интерес к петроглифам, то беломорским, то онежским, стал проявлять КГКМ. Когда-то его филиалом были Бесовы Следки в Беломорье, но они ему стали в тягость, и музей при первой возможности охотно от этой «обузы» избавился. Теперь же заявки со стороны музея стали много активнее и амбициознее. Разрабатывались свои концепции сохранения, изучения и музеефикации петроглифов Карелии, без надлежащего обсуждения и поддержки со стороны других заинтересованных учреждений и лиц.

Свидетельством тому служит выпущенный в 2004 г. сборник статей «Проблемы сохранения, изучения и музеефикации петроглифов Карелии». Он представлен читателям как «... проектный и исследовательский опыт работы с петроглифами Карелии, накопленный КГКМ в течение последних пяти лет». Центральное место в нем отведено менеджменту памятников наскального искусства. Авторы убеждены, что этот опыт «... может служить основой деятельности по сохранению, изучению и использованию других подобных объектов наследия». Невольно еще раз вспоминается заключение из «Отчета...» НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (конечно же, использовавшего все наработки КГКМ), что «... до сих пор не выработано серьезных научных рекомендаций» по их охране.

Словом, современный этап петроглифоведения в Карелии (а оно включает как теоретический, так и прикладной аспекты) необычен в сравнении с предшествующим по всем основным параметрам. Никогда прежде к онежским и беломорским петроглифам Карелии не привлекалось столько внимания со стороны самих ученых, любителей, средств массовой информации, общественности, органов власти всех уровней

(вплоть до федеральных), прокуратуры. К сожалению, этот интерес порой был искусственным, вызывался и подогревался статьями о критическом состоянии памятников вплоть до их скорой гибели.

Да, сами петроглифы (как и природное окружение) требуют тщательной охраны, но ее характер и способы во многом зависят от правильной оценки их современного состояния. Одно дело, если оно действительно критическое, и совсем другое – если только тревожное.

Нагнетание страстей, акцент на критическом состоянии петроглифов, чрезмерно субъективная оценка и подача в СМИ все еще продолжающихся актов вандализма, похоже, служат то ли своего рода ширмой или завесой, то ли способом самоутверждения на поприще петроглифоведения.

В целом возросшему вниманию к петроглифам со стороны общества и власти можно было бы лишь радоваться. Жаль только, что эта активность зачастую показная и сводится к «разоблачениям», осуждениям, громким заявлениям, которые не помогают преодолеть очевидную разобщенность разных организаций и учреждений, органов исполнительной власти всех уровней, всех причастных к проблемам онежских и беломорских петроглифов.

Пока не служит примером и само научное сообщество, где противостояние стало обычным явлением. Призывы к объединению, к совместному обсуждению самых насущных тем и вопросов (включая основные понятия, терминологию, названия, рекреационные нагрузки, формы музеефикации и т.д.) не находят встречной поддержки. До недавнего времени продолжались скандалы, разбирательства, обращения в вышестоящие инстанции, вплоть до Главы РК и прокуратуры. Отголоски этой ненужной, отвлекающей от дела суеты и вседозволенности выходят порой на общероссийский уровень через центральные издания, телевидение и Интернет, общероссийские и международные научные конференции, симпозиумы, рабочие встречи.

В оценках хода и итогов полевых и теоретических исследований прошлых лет нередко допускаются субъективизм и предвзятость. Предполагаемые выводы и оценки не всегда подкрепляются убедительными аргументами, фактическим материалом и нередко выглядят пристрастными. Похоже, каждый поступает так, как считает лучше для себя. Воцарившаяся вседозволенность, отсутствие независимой экспертизы мешают объединению, во всяком случае, решению сообща главных, принципиально важных вопросов (используя компромиссы, согласования, предварительные договоренности). Попытки снизить накал страстей, ослабить противостояние, перейти к диалогу долго не находили отклика и поддержки. А обсуждать всегда было что, ибо сохранялась необходимость вести поиск практических мер, чтобы переломить ситуацию с петроглифами к лучшему.

Наглядным примером служит закрытие павильона над Бесовыми Следками. Кто инициировал и принимал это решение? Было ли оно единственно возможным? Почему решение вопроса затянулось на долгие годы? Виден ли свет в конце тоннеля? Выработан ли стратегический курс – продуманный, выверенный, учитывающий отечественный и зарубежный опыт? Есть ли программа действий? Ее можно разработать только коллективными усилиями заинтересованных сторон и лиц.

Сплочение научного сообщества, тех, кто причастен к проблемам, связанным с петроглифами, стало насущной, первоочередной задачей. Ничем не оправдано распыление сил и средств, действия по принципу «что хочу, то и ворочу». Неизбежно потребуются независимая экспертиза, объективные оценки нынешнего состояния дел. Уже сам по себе беспристрастный анализ последнего этапа петроглифоведения в Карелии покажет, «кто есть кто» в данной области.

Пришло время напомнить всем причастным к онежским и беломорским петроглифам (прежде всего ученым-исследователям) об «этике» или «морали науки», понятии философии науки и социологии науки, обозначающих совокупность моральных императивов, принятых в научном сообществе и определяющих поведение ученых. Еще Р. К. Мертон предложил «Моральный кодекс ученого». В него он включал такие понятия, как универсализм, верность научной истине, бескорыстие, коллективизм, научный скептицизм и т.д. Этот кодекс определяет главным образом отношение ученых к своему предмету и к братству ученых. Немаловажно и отношение общества (и государства) к науке и людям науки, как и науки к обществу (вне ее). Актуальным остается вопрос: действует ли ученый морально, на благо общества? Надо постараться наполнить петроглифоведение истинно философским духом – отыскание истины ради нее самой.

Сами петроглифы при общении с ними способны благотворно влиять на человека, пробуждать в нем высокие мысли, связанные с вечностью, продолжением рода, заботой о подрастающем поколении, о связи с природой, о силе духа, об истоках религиозных верований и представлений и т.д. Все суетное, сиюминутное, преходящее на время как бы отходит здесь на второй план. Пробуждаются думы о вечном.

Гравировки увлекают самой возможностью постижения жизни и духа «диких» еще обитателей Карелии, не знавших письменности, занимавшихся охотой, рыболовством и собирательством, чтобы обеспечить выживание (свое и близких). Поглощенные «производством и воспроизводством непосредственной жизни», казалось бы, скованные борьбой за существование (выживание), они тем не менее находили время и силы для «духовного производства».

В петроглифах Карелии проступает желание установить связи с высшими существами (божествами и духами), обитающими в верхнем

(поднебесном) и нижнем (подземном) мирах. Творцы их наносили на прибрежные скалы образы, которых не было в природе, но которые становились для них «живее всех живых», частью их повседневной жизни (особенно в периоды культовых обрядов). Словом, речь идет о святом, духовном — классических творениях мировой культуры эпохи каменного века. Уже сама древность и необычайность образов, запечатленная на скалах, усиливает эти глубокие чувства. Они находят отклик у посетителей, в какой-то мере способствуют духовному и интеллектуальному росту, заставляют мыслить. Уже в силу этого петроглифы нельзя превращать в арену раздоров и дележа. Они не должны опускать людей до уровня потребителей.

От тех, кто выступает посредником между петроглифами и органами власти, требуется повышенная ответственность. Необходимы точность и корректность, способность помочь каждому не только больше узнать о петроглифах, но и лучше понять их. Здесь недопустимо вольное или невольное желание приписать противнику то, о чем он даже и не помышлял. Петроглифы нуждаются в экскурсоводах высокого класса. Нам надо помнить: это памятники, объединяющие, а не разъединяющие людей, общество, власть. Одномыслие исключается, но стремление к достижению единомыслия по особо важным вопросам просто необходимо.

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ

Чтобы петроглифы стали достоянием науки и читателей, их нужно еще воспроизвести. Казалось бы, чего проще: приехал, измерил, зарисовал, скопировал, сфотографировал — документация готова, тем более что работать приходится на легкодоступных, удобных, почти горизонтальных прибрежных скалах, где можно располагаться как угодно. Однако даже в таких благоприятных условиях воспроизвести фигуры, превратить оригинал в точную копию гораздо сложнее, чем это может показаться на первый взгляд.

Труднее копировать рисунки плохой сохранности на шероховатых, выветрившихся, изъеденных лишайниками участках скалы. Даже если сохранность их хорошая, но они по цвету сливаются с поверхностью скалы (скажем, светло-серой или же темной, почти черной), при копировке неизбежно возникает много затруднений, особенно когда нужно воспроизвести всю площадь полотна. Совершенствование техники фиксации и копирования петроглифов было и остается одной из главных забот исследователей. Ведь от качества, прежде всего точности копий, зависит их расшифровка. Любая погрешность в передаче очертаний фигур, их описании может увести мысль в сторону, породить неправильную трактовку высеченных образов, как это не раз случалось.

За время полевого изучения онежских, а затем беломорских петроглифов испробовано немало разных способов их воспроизведения. Самые первые копии выполнены К. Гревингом и П. Шведом. Это зарисовки от руки, на глаз, искажающие очертания фигур, порой сильно. Они интересны прежде всего как первые попытки воспроизведения наскальных рисунков. Вместе с тем эти копии наглядно иллюстрируют объективные трудности решения самой задачи. Далеко не всем удавалось справиться с ней с первой попытки.

Удивляет большое сходство копий П. Шведа и К. Гревинга. Мало того что они воспроизводили одни и те же участки наскальных полотен, совпадения наблюдаются и в неточностях. На обеих копиях показана лжефигура, имеющая вид «метелки», на самом деле почти незаметная и даже не похожая на гравировку. Выбор одних и тех же участков, наличие на копиях схожих, но не представленных в натуре фигур и, напротив, отсутствие явных изображений, близость общей манеры зарисовок, весьма далеких от натуры, навряд ли являются простой случайностью.

Копия К. Гревинга кажется более полной и точной. На зарисовке полотна с Пери Носа П. Шведом не показан левый край, опущен ряд хорошо заметных изображений, таких, как человек на лебедь, лодка над тремя фигурами, лодка сбоку, антропоморфное существо с квадратной головой. На копии Бесова Носа опущены две птицы слева от выдры и ряд других. При всем том и более совершенная копия К. Гревинга оставалась довольно грубой зарисовкой от руки, сильно схематизирующей фигуры и запечатлевшей не все из них.

Конечно, близость копий обусловлена прежде всего тем, что К. Гревинг и П. Швед выбрали самые выразительные и отлично сохранившиеся участки наскальных полотен. Оба они, видимо, были не очень хорошими рисовальщиками и при воспроизведении передали фигуры весьма схематично, удовлетворившись общими их очертаниями. Можно допустить также, что К. Гревинг тщательно изучил рисунок, опубликованный П. Шведом, и затем внес коррективы в свою более детальную и точную зарисовку. П. Швед мог воспользоваться копией К. Гревинга только при личных контактах, но никаких сведений о них нет. Вполне вероятно, что именно информация о работах К. Гревинга побудила П. Шведа незамедлительно выполнить «снимки и краткое описание рисунков».

Теперь, благодаря архивным документам, стало известно и существование еще одной, пока не разысканной копии, выполненной по распоряжению Олонецкого губернатора в 1849 г. пудожским уездным землемером Н.В. Юматовым. Знали ли П. Швед и К. Гревинг о копии Н.В. Юматова, что она собой представляла, какие участки и сколько петроглифов включала, установить так и не удалось. Хотелось бы знать, было ли известно о петроглифах до К. Гревинга в

самом Петрозаводске? Каким образом и от кого получил первые сведения о рисунках П. Швед и когда посетил их сам? Наконец, использовал ли он копию Н. Юматова в своей заметке? Все это еще предстоит выяснить.

Естественно, что первые пробы К. Гревингга и П. Шведа не могли удовлетворить последующих исследователей. Каждый из них пытался получить более адекватные копии. В дореволюционное время наиболее точно зафиксировал онежские петроглифы Г. Хальстрем. Он копировал их самым современным по тому времени способом. К тому же параллельно велась еще и фотосъемка. Фигуры не срисовывались на глаз, а очертания их переводились на большие листы бумаги в естественном масштабе и лишь потом уменьшались. Следует пожалеть, что Г. Хальстрем не опубликовал своевременно и в полном объеме собранные материалы. По существу, проделанную им работу позднее пришлось выполнять заново.

Первым из отечественных исследователей копировкой изображений серьезно занялся А.М. Линевский, предложивший свой, «механический», как он выразился, способ их воспроизведения. Оценивался этот способ так: «наиболее простой по технике, очень быстрый и совершенно точный». Суть его сводилась к следующему: «Вся скала расчерчивается мелом на ровные квадраты величиною несколько меньше развернутого листа, затем каждый квадрат смачивается водой и чернильным карандашом обводятся контуры изображений, всегда резко выступающих на блестящей поверхности... Далее лист бумаги (лучше всегда влажной) накладывается ровно на весь квадрат скалы и приглаживается ладонью, щетками и т.п.

В результате получается точный отпечаток обратных изображений. Тотчас левая сторона с отпечатавшимися изображениями сверяется с натурой и, где нужно, подправляется карандашом. Затем уже дома, приложив под правую (чистую) сторону листа копировальную бумагу, обводят по левой стороне контуры карандашом; тогда на правой стороне эстампажа получается изображение, во всех отношениях совершенно подобное натуре. Дальнейшие уменьшения производятся пантографом». На деле копии, полученные предложенным способом, оказались не вполне точными. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить их с натурой.

В.И. Равдоникас, приступая к подготовке полной публикации петроглифов Карелии, хорошо видел изъяны прежней документации. Он учел зарубежный опыт и стал обводить контуры фигур на длинные полосы кальки, стремясь снять копии в натуральную величину со всех целостных групп изображений. Чтобы избежать ошибок, предварительно все изображения тщательно промывались раствором мела – по современным представлениям прием крайне нежелательный или же используемый только в определенных целях.

Успеху копировок В.И. Равдоникаса в немалой степени способствовало и то, что они велись хотя и небольшим, но коллективом энтузиастов, в котором работали художник, фотограф и др. Сохранилась

редкая фотография, запечатлевшая участников экспедиции на мысе Пери Нос. Диалог, взаимопроверка и строгий контроль при работах такого рода просто необходимы. Кроме того, велось фотографирование рисунков как в естественном виде, так и с пробелкой мелом. Изготавливались гипсовые и бумажные эстампажи. Ученый считал, что совокупность всех использованных им способов только и может дать наиболее точные результаты. Тем не менее он допускал, что в отдельных случаях, несмотря на все старания и предосторожности, ошибки все же возможны. Опасения весьма скоро подтвердились. Избежать неточностей, да еще при таких ударных темпах работы не удалось.

Долгое время и сам способ фиксации В.И. Равдоникаса, и его копии считались безупречными и не вызывали каких-либо серьезных нареканий. Лучшее подтверждение тому – восторженный отзыв Г. Хальстрема. Совершенной публикацией издание В.И. Равдоникаса считал и А.М. Линевский, хорошо знавший изображения в натуре. На ней позднее основывался К.Д. Лаушкин, тоже знакомый с накальными рисунками Карелии. Самую лестную оценку изданию давал академик А.П. Окладников. Лишь А.Я. Брюсов усомнился в точности и полноте воспроизведения отдельных групп и высказал несколько замечаний непосредственно по «технической части».

Между тем более тщательное и длительное полевое знакомство с петроглифами Карелии дало повод для обоснованной критики некоторых из полученных прежде копий. Еще при документации беломорских петроглифов стало ясно, что даже самая тщательная заливка изображений мелом в какой-то мере искажает их. Предпочтение стало отдаваться фотографиям рисунков без всякой подкраски. Недостатки гипсовых копий заключались прежде всего в том, что с их помощью удавалось снять лишь небольшие фрагменты наскальных полотен. Не всегда достаточно точные копии получались и при калькировании. Чтобы проследить контур, приходится постоянно разглядывать и прощупывать рисунок, а значит, приподнимать или отодвигать кальку. Это, естественно, влияет на точность прорисовок.

В Беломорье нами стал широко использоваться способ графитных протирок наскальных полотен, предложенный ленинградским художником Д.М. Плаксиным. Суть данного метода заключалась в следующем: тщательно вычищенная скала с рисунками покрывается длинными полосами бумаги так, чтобы захватить скопление на всю длину (или ширину). Затем бумага протирается куском кожи, а чаще всего просто подошвой обуви, предварительно натертой графитом на камне-«терочнике». Такой быстрый и дешевый способ позволяет копировать большие участки скал. На бумаге не только получаются силуэты рисунков или их фрагменты, но и прорисовываются поверхность скалы, ее фактура: выбоины, выщербины, волосяные трещины. Не раз именно протирки помогали распознать и зафиксировать невидимые глазу изображения.

Фиксация петроглифов Бесова Носа

И такие графитные копии все же не всегда позволяют отличить гравировку от естественных шрамов, трещин и углублений, иногда искажающих контуры самих изображений. Чтобы получить с них точные черно-белые прорисовки, следует изготовить второй экземпляр подобной копии и тут же, на месте, все время сверяясь с натурой, обвести контуры выбитых рисунков. Такая обводка — самый трудный и длительный, но необходимый прием. Воссоздать контур рисунка прямо по графитной копии бывает порой трудно, особенно когда на скальное плотно плохой сохранности.

Более надежным документом служат фотографии, конечно, без всякой предварительной подкраски и расцветки фигур. При съемках петроглифов, иногда почти незаметных, можно и нужно использовать различные световые эффекты. Уже давно установлено, что наиболее благоприятным для фотографирования является боковое солнечное освещение, утреннее или вечернее. Естественного освещения бывает все же недостаточно, тогда петроглифы приходится высвечивать с помощью большого зеркала, что возможно в любое время солнечного дня. Причем предварительно участок фотографируемой скалы затеняется, лучше всего большим куском ткани, и тогда наведенная на нее широкая полоса солнечного света делает рисунки особенно отчетливыми и контрастными. Наконец, на скальные изображения можно снимать и ночью, при свете прожектора, делающего рисунки рельефнее.

Каждый из перечисленных способов имеет свои достоинства и недостатки, но во взаимосвязи они позволяют зафиксировать любой петроглиф — задача, которая еще сравнительно недавно казалась неосуществимой. Теперь при желании можно сфотографировать любое изображение. Не отпала необходимость и в черно-белых прорисовках, наиболее четко передающих контур и силуэт рисунков, удобных для классификации и сравнительного изучения отдельных сюжетов. Желательно, чтобы такие копии были многократно проверены в поле и в них непременно указывались сомнительные места, вызывающие разночтения.

Наконец, в 1974 г. ленинградским аспирантом химиком В. Высоцким были проведены опыты для снятия объемных копий-эстампажей петроглифов с применением кремнистоорганических компаундов холодного отверждения. Данный метод позволяет получить копии площадью до 1000 см². Они достаточно тонкие, прочные, эластичные и легкие. Заливка на последнем этапе покрывается тканью (холстом) и прочно срастается с ней, делая копию удобной для транспортировки и последующего экспонирования. Естественно, получаются негативы изображений; выбитая их часть становится выпуклой. Они значительно удобнее подобных гипсовых слепков. К сожалению, предложенный способ имеет и ряд недостатков, препятствующих его использованию.

Главный из них в том, что полимер впитывается в верхний слой скалы, на время изменяя ее цвет (и делает всю покрытую поверхность водоотталкивающей).

Совершенствование методики копировок, по существу, есть и совершенствование их поисков. Ибо самыми действенными в них оказываются те же приемы – обследование скал при косом солнечном освещении, графитные протирки наиболее перспективных на рисунки участков и их фотографирование, высвечивание скал с помощью зеркал днем и прожектора ночью. Сама мысль использовать прожектора не нова. За рубежом они применяются давно. Для поисков рисунков на открытых скалах в ночное время прожектор использовался в Карелии, а, возможно, и в России, впервые.

Чем пристальней всматриваемся в наскальные изображения, тем больше возникает вопросов. Вот один из них: как и какими орудиями они выбивались? Многим кажется, что нанесение фигур было делом весьма трудоемким. Ведь они высечены на поверхности очень твердых кристаллических пород – гнейсо-гранитов. Такое мнение прочно утвердилось в научной и научно-популярной литературе. Почти каждый исследователь счел необходимым отметить, что такие камнетесные работы были очень тяжелыми. Трудоемкость их приводилась даже в качестве доказательства, что рисунки имели какое-то утилитарное назначение. Известный в Карелии журналист И.М. Бацер в свое время выразил эту мысль следующим образом: «Упрямы, неподатливы здешние скалы. Невоможно тяжким был труд первобытного художника, оставившего на них поражающие своей правдивостью изображения животных, людей, сцен охоты. Нелегко дались ему эти чертовы следки...»

Для подобных утверждений имеются определенные основания. Присмотримся к рисункам внимательнее. Неровные края, бугристый рельеф силуэта – все свидетельствует о том, что они высечены путем ударов по скале какими-то твердыми предметами, скорее всего, каменными. Такой выход можно считать общепризнанным. Еще недавно господствовало представление об очень низкой производительности труда каменных орудий. Естественно, что и труд древних художников-каменотесов казался тяжелым.

Правда, до самого последнего времени орудия, употреблявшиеся для выбивания рисунков, и те приемы, которыми пользовался древний мастер, оставались неизвестными. Высказывались лишь догадки. В.И. Равдоникас, например, допускал, что изображения выбивались с помощью каменных орудий, очевидно, молотка и заостренного клина, а иногда более тупого орудия. Ударяя молотком по обуху клина или другого рабочего орудия, приставленного острием к скале, первобытный мастер оставлял углубления в виде точки или маленького кружка неправильных очертаний, образующие выбитую поверхность рисунка.

По мнению Я. Доманского и А. Столяра, изображения «рисовались» каменными орудиями с острой рабочей частью следующим образом: «Бралось в руку каменное орудие, возможно, долото или заостренный клин, в другую – каменный молот или простой камень, острым концом орудие приставляли к скале и камнем ударяли по его обуху. Удар – и в граните появлялось точечное углубление, а конец орудия переставляется рядом. И опять удар и удар. Снова и снова, сотни раз...

Но среди орудий были тупые и поострее. Естественно, чем тупее было орудие, тем более крупный и грубый углубленный след оставляло оно. И, наоборот, чем острее, тем след мельче и тоньше – как точка. Вот почему следы ударов орудий неодинаковые. С помощью хорошо заостренных орудий, разумеется, выбивались небольшие изображения, а орудиями покрупнее и поглубже высекались крупные фигуры. Иногда даже значительные по размерам изображения выбивались в большей части своей площади просто булыжным камнем, зажатым в руке...»

Действительно, следы отдельных ударов хорошо прослеживаются на снятой площади силуэта своеобразной, неровной, шероховатой фактурой. Но вот описания орудий весьма неопределенны, не указан и материал, из которого они сделаны. По соседству с наскальными изображениями раскопано немало стоянок и стойбищ древних людей, близких по времени или даже одновременных петроглифам. Собраны обширные коллекции вещей – обломки глиняной посуды и каменных орудий, но среди них ни один исследователь не решился выделить пригодные для интересующих нас целей. Молоты отсутствуют. Клинообразные же орудия – топоры, тесла, долота и другие – встречаются часто, но они сделаны из мягкого сланца, совершенно непригодного для подобных работ. По твердости подходящими могли быть крупные орудия из кремня, однако они в Карелии представлены всего несколькими экземплярами. Из кремня изготовлялись обычно мелкие орудия домашнего обихода и охоты – скребки, наконечники стрел, копий, которые не годятся для данной цели.

Где же тогда искать нужные орудия? Еще раз взглянем на инвентарь окружающих петроглифы стоянок. В нем встречались кварцевые «булыжники» округлой формы, часто угловатые, величиной с крупный кулак, иногда больше или меньше. Обычно их называют отбойниками. Верхняя часть их обработана так, что ее удобно держать, нижняя – рабочая, всегда имеет много выщербин – следы сработанности. Такие инструменты на стоянках в низовье р. Выг находили не раз.

Кварц в изобилии встречался вокруг в виде жил в коренных породах и являлся доступным материалом для древних жителей Беломорья. Не эти ли грубые на вид кварцевые отбойники – «кисть» первобытного мастера? В такой мысли мы укрепились еще более после раскопок в русле реки у Бесовых Следков. И здесь, среди многочисленных находок, сброшенных или смытых в реку, оказались кварцевые отбойники.

Догадка требовала подтверждения. Можно ли таким орудием выбить рисунок? Чтобы ответить на данный вопрос, пришлось самим попробовать проделать то, что когда-то удавалось древним художникам. Вооружившись несколькими кварцевыми отбойниками, найденными среди разнообразных находок в русле реки у скалы с петроглифами Бесовы Следки, приступаем к эксперименту (конечно, в укромном месте, вдали от настоящих петроглифов). Свидетелем выступает ленинградский кинолюбитель, известный ученый О. Распопов, вооруженный кинокамерой. Поскольку члены экспедиции уже разъехались, автору самому пришлось защищать правоту высказанной догадки, хотя необходимыми данными для этого необычного эксперимента он не обладал. Самой простой казалась фигура морского зверя – белухи, ставшей одним из излюбленных сюжетов древних мастеров и не столь трудный для воспроизведения. Дело осложнялось тем, что не было опыта.

Усаживаюсь поудобнее на гладкую, слегка покатую скалу и при включенной кинокамере приступаю к делу. Крепко зажимаю отбойник в руке и делаю первый удар по скале, за ним еще и еще. И вот на темно-сером полотне появляется белесое пятно. Сдуваю пыль и вижу ту же неровную, шероховатую поверхность, что и на древних рисунках, правда выбивка получается поверхностной, менее глубокой. Сила удара несравненно слабее. Возможно, нужно пройти еще и еще раз по выбитой поверхности и таким образом углубить ее. Время от времени большой отбойник меняю на миниатюрный. Пятно все более расширяется, появляются тупоноса морда, плавники, хвост. И вот работа закончена. На скале отчетливо видна белуха – изображение, сделанное неумелой рукой, наспех, но в принципе схожее с теми, что выбиты в древности. Эксперимент продолжался всего 30 минут. Ни большого утомления, никаких физических перегрузок за истекшее время не наблюдалось.

С точки зрения техники нанесения труднее всего передать контур изображения. От грубых неумелых ударов края фигуры все время как бы расплываются. С такой трудностью мог столкнуться и древний художник. Ее легко избежать, если первоначально прорисовать контур задуманного изображения или всей сцены краской либо углем. Углубить пространство внутри четкого контура даже с помощью каменных орудий – дело не столь уж сложное. Еще легче провести выбивку только самого контура, когда фигура не силуэтная, а контурная.

Таким образом, в техническом отношении нанесение петроглифов не представляло большого труда и было вполне доступно широкому кругу лиц. «Кистью» служили весьма примитивные и грубые на вид кварцевые отбойники. Выбивкой только контура ограничивались редко. Чаще всего снималась вся площадь и внутри него. В результате

получались сплошные белесые силуэты, сильно контрастные на фоне окружающей, всегда более темной поверхности скалы. Высеченные изображения и сцены представляют собой плоскостное, близкое к графике искусство. Глубина рельефа изображений различна: от нескольких миллиметров до сантиметра, но чаще 2–5 мм. Не исключено, что в древности рисунки еще и раскрашивались.

Со временем под атмосферным влиянием и воздействием микроклиматов некогда белесые силуэты тускнели, темнели и приобретали в конце концов современный цвет. Кроме того, за истекшие тысячелетия изображения постепенно стирались, теряли свою былую четкость, их края «оплывали», уменьшалась глубина рельефа, но, конечно, очень и очень незначительно. Такие обесцвеченные временем и природой рисунки теперь нередко сливаются с фоном самого скалистого полотна и едва заметны. Окажись здесь при неблагоприятном освещении, например в пасмурный день, и можешь не найти многих давно известных фигур и сцен.

И совсем иначе наскальные полотна выглядят ранним солнечным утром или под вечер, на закате солнца. Благоприятный боковой свет на глазах оживляет ту самую скалу, на поверхности которой еще недавно заметить ничего не удавалось. На скале, как на фотобумаге под действием проявителя, отчетливо проступят неоспоримые, хотя и невидимые до того рисунки. Вот почему процесс выявления петроглифов в Беломорье и на восточном берегу Онежского озера затянулся на годы.

В каждый новый приезд обычно удавалось отыскать хотя бы несколько новых изображений. Вместе с тем всякий раз испытываешь, по словам А.Я. Брюсова, «досадную потерю времени на розыск прежде найденных петроглифов». А.М. Линевский заметил, что наскальные изображения меняют окраску в зависимости от времени года: поздней весной они бывают белесоватого оттенка, летом покрываются мельчайшими лишайниками и темнеют, а фон делается более светлым. Осенью волны снова смывают лишайники, и петроглифы опять светлеют. Если такие сезонные изменения в действительности имеют место, то они незначительны и не бросаются в глаза.

Естественно, до нас не дошли и не могли дойти имена тех, кто создавал эти памятники. Их было много — десятки людей многих поколений, разной степени одаренности, но среди них появлялись по-настоящему талантливые мастера. Но навряд ли рисунки выбивали (или даже участвовали в этом процессе) пришлые профессионалы, переносившие из края в край, за сотни, а то и тысячи километров секреты своего мастерства. Скорее всего, это дело рук членов местных общин, вероятно старейшин и хранителей древнего культа, которые не стояли в стороне и от хозяйственных дел.

Именно им принадлежала ключевая роль в совершении традиционных обрядов — культовых действий, во время проведения которых использовались изображения, высеченные на прибрежных скалах. Это были символические образы, наделенные необычными способностями, содержавшие богатую информацию. Видимо, наскальные полотна служили жизненно важными центрами первобытных святилищ, их своеобразными иконостасами. Заполнялись они постепенно и длительное время. Главным мотивом пополнения и обновления наскальных полотен (или замены их новыми) было желание сделать рисунки более действенными. Со временем оба изобразительных комплекса — и онежский, и беломорский — обрели свой неповторимый облик. Одним из наиболее важных результатов их эволюции можно считать появление композиций — сочетания двух и более фигур. Порой они представляют собой настоящие многофигурные сцены-повествования со многими деталями.

Насколько полно дошло до нас наскальное изобразительное искусство? Все ли полотна уже открыты? Большинство исследователей надеялись и надеются на новые находки. Похоже, не все фигуры уцелели и в известных уже скоплениях. Время действительно не щадило их. Значительные утраты фиксируются, например, на мысе Кладовец. Следы разрушений наскальных полотен наблюдаются на оконечности Пери и Бесова Носа. И тем не менее сохранность в целом неплохая.

Навряд ли можно согласиться с мнением В.И. Равдоникаса, отмечавшего, что каждая группа петроглифов Беломорья всего лишь часть крупных скоплений, уничтоженных временем. Не столь велики разрушения и на Онежском озере. Похоже, что разломы и деформация кромки прибрежных скалистых склонов начались еще до появления петроглифов. Отколовшиеся блоки с изображениями, лежащие сейчас на дне озера, можно и нужно со временем поднять на поверхность. Многие наскальные полотна близки к своему первозданному виду, что является одним из важнейших их достоинств.

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Знакомясь с наскальными изображениями Карелии, нетрудно убедиться в их архаичности. Среди них нет поздних сюжетов, например, домашних животных, сцен земледелия или скотоводства, а также орудий труда и оружия из металла. Выполнены они каменными инструментами и, наконец, находятся в окружении первобытных поселений. И все же точно определить возраст рисунков, разобраться в их хронологии и периодизации очень не просто. Мнения ученых на этот счет все еще расходятся.

Первоначально считали, что петроглифы Карелии появились весьма поздно. Так, К. Гревингк предполагал, что онежские рисунки создали карелы не ранее IX в. н. э. По мнению Е. Барсова, их оставило более развитое новгородское племя. Позднее ряд крупных зарубежных ученых, например А.М. Тальгрэн, А.В. Бреггер, высказали мысль о том, что часть онежских изображений могла появиться еще в каменном веке. Англичанин М. Биркит отнес их к эпохе бронзы, не отрицая, впрочем, возможность и более поздней датировки.

Беглые замечания о возрасте петроглифов Карелии делали и известные отечественные археологи В.А. Городцов и А.А. Спицын. А.А. Спицын писал, например: «...почти с уверенностью можно сказать, что олонечские петроглифы есть какое-то отражение скандинавских, как эти — египетских, но самое заимствование могло произойти в какое угодно время железного века вплоть до лопарской старины». В.А. Городцов тоже относил их к железному веку, но считал, однако, что распространение наскальных изображений начинается из Средней Азии.

А.М. Линевский, больше, чем кто-либо из предшественников, уделивший петроглифам времени, обошел вопрос об их абсолютной датировке. Он сосредоточил свое внимание на относительной хронологии и попытался выделить разновременные напластования внутри как беломорского, так и онежского изобразительных комплексов, их взаимоотношение во времени. В целом исследователь помещал петроглифы Карелии в довольно широкие хронологические рамки III — I тыс. до н. э.

Попытку основательнее решить поставленный вопрос предпринимают А.Я. Брюсов и В.И. Равдоникас. А.Я. Брюсов, опиравшийся главным образом на материалы окружающих петроглифы поселений, прежде всего святилища, датировал Бесовы Следки концом III, а Старую Залавругу — концом II тыс. до н. э. Ее он считал самым поздним скоплением петроглифов Карелии. Онежские же исследователь рассматривал как промежуточное звено и относил приблизительно к середине II тыс. до н. э.

В.И. Равдоникас, тоже принимавший во внимание материалы окружающих поселений, а также использовавший метод сопоставления с аналогичными памятниками наскального искусства Скандинавии, и Бесовы Следки, и Старую Залавругу отнес к неолиту и полагал, что оба скопления предшествуют онежским петроглифам. Их же он тоже датировал неолитом с той оговоркой, что пережито эти образы могут заходить даже в эпоху металла.

В итоге налицо серьезные расхождения. Хронологические границы даже основных скоплений не удалось очертить достаточно

строго. Тем не менее вслед за названными выше исследователями петроглифы Карелии все чаще стали относить к неолиту. Предпринимались попытки уточнить данную датировку и отнести эти памятники к концу неолита или концу неолита – началу раннего металла. Но если учесть, что хронологические рамки указанных периодов, прежде всего неолита, весьма продолжительны, понятно желание и необходимость уточнить время создания и функционирования изображений уже в пределах их самих вплоть до столетий. Требуется более точная и детальная хронология и периодизация наскальных галерей как в устье р. Выг, так и на восточном берегу Онежского озера. Раскопки древних поселений, расположенных поблизости от петроглифов, залегание части наскальных полотен Новой Залавруги непосредственно под культурным слоем стоянки, сопоставление с предметами искусства малых форм и орнаментальными фигурами на глиняных сосудах, систематизация и изобразительный анализ самих петроглифов под этим углом зрения – вот дополнительные опорные точки для уточнения хронологии и периодизации петроглифов Карелии.

Предшествующий опыт показал, что их возраст только методами археологии установить невозможно, пришлось использовать междисциплинарный подход. Проводились специальные палеографические исследования, получена серия абсолютных датировок по методу радиоактивного углерода C^{14} . Учитывались высотные отметки наскальных полотен и расположенных по соседству первобытных стоянок, связи их с береговыми террасами. Делались попытки выявить поселения, синхронные или близкие по времени петроглифам, предшествовавшие им и, наконец, существовавшие после прекращения самой традиции наскального творчества. Именно стоянки дают образцы для датирования по радиоуглероду C^{14} . Конечно, при использовании стоянок возникают трудности, которые по-своему проявляются в юго-западном Беломорье (низовье р. Выг) и на восточном побережье Онежского озера (участок от устья р. Водлы до мыса Кладовец и Гурьих островов).

При датировке онежских петроглифов прежде исходили из того, что расположенные по соседству с ними стоянки, скорее всего, одновременны им. Привлекались и дополнительные источники, такие, как сопоставление отдельных фигур с кремневой и костяной скульптурой, в частности из знаменитого Оленеостровского могильника, изредка – орнаментальными узорами глиняных сосудов и, наконец, сравнение с наскальными изображениями других стран, прежде всего Фенноскандии. Исходя из этих, в целом верных отправных положений, исследователи, однако, приходили к разным заключениям. Большинство стали относить онежские петроглифы к

эпохе бронзы, т. е. ко второй половине II тыс. до н. э. И все же при внимательном рассмотрении ни один из названных датирующих факторов (даже все в комплексе) пока не обладает достаточной убедительностью.

Для выяснения более достоверной и точной датировки и хронологии петроглифов приходится углубляться в их систематику и искать надежные опорные точки для вычленения разновременных напластований в конкретных скоплениях (по технике нанесения фигур, их расположению и взаимосвязи, стилю и т. д.). Наиважнейшей остается задача выявления более надежного соотношения с соседними поселениями, прежде всего раскопанными за последние годы. Онежские петроглифы, например, жестко приурочены к определенному ярусу берегового склона с отметками 0,5–2,5 м над уровнем моря. Важную роль играет то обстоятельство, что сама береговая линия Онежского озера и в районе Бесова Носа на протяжении последних 7–8 тыс. лет не оставалась стабильной, как думали прежде. Она испытывала колебания, что во многом и предопределяло расположение стоянок и рисунков.

Весьма важно и то, что все известные здесь скопления тяготеют к современному урезу воды. На первый взгляд кажется, что ничего не мешало их расползанию по пологим склонам и вниз, и вверх. Подавляющее большинство изображений (как на мысах, так и на островах) располагается на высоте 0,5–1,5 м над зеркалом воды. Данное обстоятельство облегчает увязку петроглифов с соседними стоянками. Наконец, примем во внимание гораздо лучшую, чем прежде, археологическую изученность берегов Онежского озера, на которых открыто около 609 древних поселений. Примерно 100 из них подверглись раскопкам. Получено 48 абсолютных дат по методу радиоактивного углерода C^{14} .

Еще в 30-е гг. известный геолог Б.Ф. Земляков предложил датировать стоянки северного побережья Онежского озера с учетом их высоты над современным уровнем воды в озере. В 70–80-е гг. XX в. метод датировки археологических памятников по высотным данным активно разрабатывал Г.А. Панкрушев. Данный метод основан на извечных колебательных движениях земной коры Фенноскандии, на периферии которой находится и Карелия. Она испытывает общее сводовое поднятие, вызванное глубокими тектоническими процессами в земной коре. Льды последнего валдайского оледенения как бы придавили ее поверхность, и по мере сокращения и стаивания ледника территория Фенноскандии испытывала еще и интенсивное компенсационное гляцио-изостатическое поднятие. Похоже, оно прекратилось довольно рано, еще в атлантическое время. На смену ему пришло

сводное эпейрогеническое поднятие, идущее еще от доледниковой эпохи. Со временем оно постепенно замедлялось.

В результате такого постепенно затухающего процесса поднятия, более быстрого к центру и замедленного к периферии, произошел перекося поверхности Карелии, а в озерах наблюдался слив воды в сторону более медленного поднятия, т.е. в основном в юго-западном направлении. Древние стоянки, расположенные на северо-западных берегах, постепенно приподнимаются над современным урезом воды и отдаляются от него, а на юго-восточных берегах, наоборот, опускаются, и в настоящее время подмыты или затоплены.

Особенно наглядно данный процесс иллюстрирует котловина Онежского озера, северо-западные берега которого поднимались гораздо быстрее юго-восточных. В результате произошел перекося ванны Онежского озера и слив воды на юго-восток. Линия перекося по Г.А. Панкрушеву, проходит от истока Свири к устью р. Андомы, а стекающие воды сливались в основном через р. Свирь. Скорость поднятия уменьшалась в направлении северо-запад — юго-восток, а сам процесс перекося ванны Онежского озера носил равномерно-замедленный характер и во времени, и в пространстве. Исходя из такой закономерности, исследователь с помощью формулы равномерно-ускоренного движения рассчитал прогиб ванны Онежского озера и береговых линий в разные археологические эпохи — в мезолите, неолите, энеолите, бронзе и раннем железном веке.

Затем он построил график датировки стоянок, расположенных на берегах Онежского озера. В его основу легла предварительно разработанная им, наиболее детальная на то время локальная шкала абсолютных датировок большого скопления разновременных поселений у п. Повенец, что на северном берегу. Предложенный Г.А. Панкрушевым график предполагалось использовать по всей акватории Онежского озера. Правда, эффективность его снижалась по направлению к юго-востоку. Не так уж велика она оказалась и для побережья с онежскими петроглифами. Дело в том, что вследствие более замедленного поднятия диапазон высот здесь сильно сужается. Ни один памятник не поднимается выше 5–7 м над современным уровнем воды и не отдаляется в глубь берега более чем на 70 м. Чаще всего они тяготеют непосредственно к современному берегу, где и в помине нет той лестницы, как у п. Повенца. Там памятники поднимаются на высоту до 41 м.

Здесь же четко выделяются всего два террасовидных уступа, непосредственно прилегающих к современному берегу. К тому же нередко стоянки располагаются на гранитных мысах, прикрытых

тонким чехлом песчаных отложений. Из-за довольно крутых и длинных склонов и в силу близости открытого озера с неизбежными штормами и весенними паводками они не так жестко, как на северо-западном побережье, приурочены к урезу воды, некоторые находились даже несколько выше по склонам. Наконец, из-за ограниченности удобных для остановок мест разновременные поселения у онежских петроглифов нередко наслаиваются одно на другое. Все это вместе взятое затрудняет использование метода датировок по высотным данным. Да и сам предложенный график не выдержал проверки временем и данных естественнонаучных дисциплин.

График Г.А. Панкрушев пытался использовать непосредственно для датировки онежских петроглифов. Принципиально важным при этом стало его уточнение оси перегиба и направления поднятия берегов Онежского озера. По мнению исследователя, берега с наскальными рисунками входят не в зону равновесия, как думали прежде, а в зону поднятия. Правда, не очень значительного, но все же вполне ощутимого. Оставалось уточнить взаимосвязь уреза воды и яруса прибрежных скал с петроглифами.

Основная масса их расположена на высоте 0,5–2,5 м над уровнем озера, и лишь несколько фигур опускается чуть ниже или поднимается выше. Следовательно, наиболее благоприятные условия для создания петроглифов возникли тогда, когда положение древней береговой линии приближалось к современному и она не могла находиться выше чем на 0,5–1 м. В противном случае, т. е. при более высоком стоянии воды, нижняя часть потенциальных наскальных полотен начала бы заливаться, а самая верхняя стала бы неудобной для использования.

По расчетам Г.А. Панкрушева, ярус скал, заполненных петроглифами, высвобождался из-под воды очень медленно, в промежутки времени 6,5–3,8 тыс. лет до н. э. По основанию фигуры беса урез воды проходил где-то 4500–4000 лет до н. э. Около 1850 лет до н. э., перед самым началом стремительной (неолитической) трансгрессии, уровень воды в зоне петроглифов Бесова Носа находился на 1,3 м ниже современного. Следовательно, тогда петроглифы располагались на той же высоте над водой, что и в настоящее время.

Затем непосредственно перед трансгрессией наступил период, наиболее благоприятный для нанесения петроглифов. По Г.А. Панкрушеву, сам процесс высвобождения берега из-под уровня воды шел исключительно медленно. Например, на то, чтобы появилась часть яруса прибрежных скал с отметками от 1,35 м (основание беса) до 0,3 м над современным уровнем (самые нижние петрогли-

фы), понадобилось более 1,5 тыс. лет. Получается, что время появления первых петроглифов по высотным данным определить весьма трудно.

С учетом высотных данных легче выделить стоянки, предшествовавшие петроглифам, более или менее синхронные им и возникшие после прекращения их функционирования. Выяснилось, что мезолитические слои стоянок Кладовец IV, V, Бесов Нос VI, Гажий Нос I появились определенно раньше петроглифов. Такие стоянки, как Усть-Водла III, Пери I, Кладовец IIa, Черная Речка V, Остров Большой Гурий, более или менее одновременны петроглифам. Поселения Кладовец IV, Черная Речка III и другие могли заселяться и после погружения рисунков под воду.

Особенно важным пунктом могла бы стать фиксация «энеолитической» (точнее раннесуббореальной) трансгрессии. Исследователь рассчитал, что она достигла максимума 1850 лет до н. э., когда уровень воды в озере поднялся на 3,2 м. Причиной трансгрессии будто бы послужило изменение высоты порога стока в русле р. Свири. Какое-то блоковое поднятие образовало там запруды, что и привело к стремительному (всего на несколько сезонов) подъему воды в Онежском озере. Напротив, спад же ее по мере промывания образовавшегося высокого порога стока был медленным и постепенным. И только на рубеже нашей эры Онежское озеро будто бы приобрело современные очертания, правда, его уровень все же понизился на 1 м по сравнению с тем, что наблюдалось перед трансгрессией.

Если вода во время трансгрессии действительно поднялась на 3,2 м, то петроглифы и самые низкие стоянки оказались затоплены. Об этом как будто свидетельствуют энеолитические поселения, оказавшиеся неестественно высоко на месте древних мезолитических. Пик энеолитической трансгрессии на мысу Кладовец фиксирует слой стоянки Кладовец IV. Поскольку последующая затем регрессия закончилась лишь на рубеже нашей эры, можно было думать, что традиция наскального творчества на Онежском озере была прервана навсегда именно раннесуббореальной трансгрессией.

К сожалению, и эта попытка точно датировать онежские петроглифы к полному успеху не привела. Позднее пришлось пересматривать, в том числе и представление об энеолитической трансгрессии. Не удалось определить и нижнюю хронологическую границу онежских петроглифов, поскольку пояс использованных скал начал высвобождаться из-под воды довольно рано. Верхняя его часть с высотой 1–2,5 м над уровнем озера могла появиться в промежутке времени от 6500 до 4000 лет до н. э.казалось, именно

на ней и должны были выбиваться первые рисунки (еще до того, как уровень воды снизился до максимальной отметки). Однако сразу ли после выхода из-под воды прибрежных скал на них стали появляться рисунки, мы не знаем.

Многие вслед за А.М. Линевским склоняются к мысли, что самый ранний пласт онежских петроглифов образует знаменитая триада на оконечности Бесова Носа. Более того, исследователь полагал: первым выбит бес. Напомним, что бес расположен на высоте 105–146 см над уровнем озера. Его могли выгравировать только тогда, когда уровень воды приблизился к современному и уж, во всяком случае, не мог стоять выше 1 м. Такое положение, по расчетам Г.А. Панкрушева, линия берега занимала около 4000 лет до н. э.

Выходило, что бес мог появиться в промежутке 4000–1850 лет до н. э. И, конечно, гораздо ближе к началу, чем к концу обозначенного периода, поскольку на создание всего изобразительного комплекса понадобилось время, и немалое. Получалось, что ранее начала III тыс. лет до н. э. онеж-

*Благородный олень.
Бесов Нос*

ские рисунки навряд ли могли появиться. Но, как уже сказано, эти представления нуждаются в уточнении. Мы поведали о них с одной целью — раскрыт опыт попытки выяснения хронологии и периодизации онежских петроглифов. Эта проблема остается одной из центральной в изучении наскальных изображений Карелии.

Несколько иначе развитие Онежского озера в голоцене реконструировала палеограф Э.И. Девятова. Она вместе с нами, археологами, в течение нескольких полевых сезонов исследовала скопление археологических памятников на разных участках побережья Онежского озера. Равномерно-замедленное поднятие его берегов и последовательное снижение уровня воды она относит к раннему голоцену. В дальнейшем же отмечается неоднократное колебание уровня водоема, в том числе и под влиянием климатического фактора.

Э.И. Девятова серией разрезов фиксирует не одну-единственную трансгрессию, а несколько. Самая значительная (атлантическая), по ее мнению, началась около 5,7 тыс. лет до н. э. Она прошла две фазы, но наиболее сильной была первая. Предположительно уровень воды поднялся тогда до 4 м, если не больше, а во вторую фазу, которая приходится на середину атлантического периода, — до 2 м над современным уровнем. После спада воды, уже в самом конце атлантического времени, на рубеже IV и III тыс. до н. э., имел место новый подъем.

Суббореал по природно-климатическим условиям оказался неустойчивым, с чередованием влажных и более сухих периодов. И как результат — несколько подъемов и спадов уровня Онежского озера. В самом начале суббореала, примерно 2,8–2,7 тыс. лет до н. э., — спад, а приблизительно 2,5–2,4 тыс. лет до н. э. — подъем. Во время его вода оказалась по меньшей мере на 2–2,5 м выше современного уровня. Затем около 2,3–2 тыс. лет до н. э. наблюдается очередное и наиболее значительное понижение уровня Онежского озера. Во второй половине суббореала, примерно 1,9–1,7 тыс. лет до н. э., случился новый заметный подъем (предположительно на 2–2,5 м). За ним около 1,5–1,3 тыс. лет до н. э. последовал спад воды. Уже в самом конце суббореала (около 1 тыс. лет до н. э.) произошел еще один, но уже незначительный (наверяд ли выше 1–1,5 м) подъем. Приведенные предварительные выводы Э.И. Девятовой вселяли надежду на возможность получения более основательной модели развития Онежского озера в голоцене. Она опиралась на данные палинологии и археологические памятники, их расположение, высотные отметки, датировки, инвентарь.

Теперь выясняется, что они нуждаются в уточнении, возможно, и пересмотре. Естественно, исследования Э.И. Девятовой будут учитываться и при датировке онежских петроглифов. Она тоже считала, что уровень Онежского озера в атлантическое и суббореальное время хотя и снижался, но никогда не опускался ниже современного. Верхнюю границу петроглифов, по ее данным, можно было связывать с подъемом воды во второй половине суббореала —

1,9–1,7 тыс. лет до н. э. Учет и раннесуббореальную трансгрессию, случившуюся 2,8–2,7 тыс. лет до н. э.

Могли ли выбивать рисунки позднее, при последующем спаде воды (1,4–1,3 тыс. лет до н. э.)? Э.И. Девятова такую возможность не исключает. Хотя навряд ли она была реализована. Отмеченный ею же довольно сильный подъем, скорее всего, и прервал навсегда традицию наскального творчества. И в данном случае труднее установить нижнюю границу появления онежских петроглифов. Можно предположить, что их наносили и в регрессивную фазу при понижении уровня озера около 2,6–1,5 тыс. лет до н. э.

Но, скорее всего, онежские петроглифы созданы до раннесуббореальной трансгрессии – в IV – начале III тыс. до н. э. Любопытно, единственное, видимо, более позднее изображение благородного оленя на мысе Бесов Нос, по мнению зоолога и охотоведа П. И. Данилова, могли выбить только в субатлантический период (2–1,5 тыс. лет до н. э.), когда распределялись смешанные и широколиственные леса. Благородные олени и тогда были довольно редки.

Подводя итоги, можем констатировать, что проблема датировки петроглифов Онежского озера еще в полной мере не решена. Она зависит и от общей археологической и геологической изученности побережья Онежского озера, пока явно недостаточной. Не завершены еще и комплексные междисциплинарные исследования в районе Бесова Носа. В выводах упоминавшихся авторов немало расхождений, хотя имеются и точки соприкосновения, что само по себе вселяет надежду. Требуется более основательный системный анализ палеогеографических, геологических и других материалов.

При датировке петроглифов Беломорья использовался тот же прием соотношения с окружающими стоянками. Правда, раскопаны они полнее и объем добытого археологического материала много больше. И здесь Э.И. Девятова проводила специальные многолетние целенаправленные геолого-палинологические исследования с целью воссоздания всего комплекса природных условий в низовье р. Выг в первобытную эпоху, включая климат, растительность, колебания уровня Белого моря. Получено 29 дат по методу радиоактивного углерода C^{14} .

Итоги проведенных работ опубликованы и полнее, чем прежде, раскрывают геологическую и палеографическую историю юго-западного Беломорья. Главная особенность рельефа здешних мест – Прибеломорская равнина, пологими террасовидными склонами обращенная в сторону Белого моря. Перепад высот достигает 65 м (на западе). Формирование долины р. Выг началось еще на рубеже поздне- и послеледниковья, когда образовалась ложбина стока

талых ледниковых вод в котловину Белого моря. Окончательно она оформилась в фазу послеледниковой регрессии. По мере общего подъема суши и отступления береговой линии Белого моря река врезалась в рыхлые отложения и размывала их. По ее берегам начали проступать эрозионные террасовые уступы, которые в устье переходят в поверхность морских террас и сливаются с ними.

На месте интересующих нас петроглифов и стоянок в позднеледниковье существовал обширный залив. Его осадками и сложены террасы с отметками 45–65 м над уровнем моря. Контуры самой реки наметились уже в пребореальное время. В современном рельефе они прослеживаются по очертаниям пребореальной террасы. По Э.И. Девятовой, она соответствует IV надпойменной террасе р. Выг. В бореальный период р. Выг приобрела еще более четкие очертания. Бореальная терраса с отметками 27–32 (33) м проходит теперь на уровне III надпойменной и имеет два береговых уровня: верхний и нижний. Неоднократные трансгрессивно-регрессивные циклы Белого моря видоизменяли более древние отложения и формы рельефа, приближая их к современному виду. Именно в бореале в стадию глубокой регрессии выходят из-под воды верхушки островов и часть интересующих нас береговых склонов.

Атлантическая терраса с отметками от 24 до 26,5 м (в современном рельефе это II надпойменная) тоже еще довольно глубоко вдается в сушу и имеет две ступени – верхнюю и нижнюю. И, наконец, следующая, суббореальная терраса (сейчас это I надпойменная) находится на высоте 13,5–19 м и включает четыре абразионных уступа. Самую нижнюю ступеньку на береговом склоне р. Выг образует субатлантическая терраса с максимальной высотой до 13 м. Она соответствует современной пойменной террасе р. Выг и частью заболочена или же затоплена водохранилищем.

Повышенный интерес вызывают изменения самого русла р. Выг, от которого во многом зависело и размещение археологических памятников. Они неразрывно связаны с изменениями в режиме Белого моря. В начале суббореального времени – от 2,8/2,7 до 2,3/2,2 тыс. лет до н. э. – русло р. Выг, по Э.И. Девятовой, оставалось полноводным. Стало возможным освоение участков островов и берегов, соответствующих самому верхнему уровню суббореальной террасы. Кардинальные изменения наблюдаются около 2,3–2,2 тыс. лет до н. э. Тогда русло совершенно обмелело, причем до такой степени, что в нем в районе п. Золотец образовалась старица – небольшой озеровидный водоем.

Иссушение р. Выг связано прежде всего с наступлением засушливого ксеротермического периода и очередной регрессией Белого моря. В течение первых двух столетий русло (глубина его вреза в

районе стоянок Золотца и Залавруги не превышала еще 14 м над современным уровнем) периодически наполнялось водой. Именно тогда бывали остановки на стоянке Золотец VI. В годы подъема воды до 17,5 м создались благоприятные условия для появления стоянки Залавруга II. Одновременно с ней, но при более низком уровне воды (15,5–16 м) выбивались петроглифы верхнего яруса Новой Залавруги. На нижнем же ярусе (с отметки 14,5–15 м) изображения могли наносить лишь при очень низком уровне воды, когда существовали только небольшой водоем между многочисленными островками и упомянутая старица у п. Золотец.

По данным Э.И. Девятовой, расцвет наскального творчества на Залавруге приходится на время 2,1–2 тыс. лет до н. э. Именно тогда возникает стоянка Золотец XI. В целом же Новая Залавруга формировалась, по ее мнению, в период 2,3/2,2 – 2 тыс. лет до н. э. Примерно 1,9–1,7 тыс. лет до н. э. в связи с увлажнением климата и повышением уровня Белого моря (до 15 м над современным) русло р. Выг вновь становится полноводным. Исчезла старица, а те поселения, которые возникли в ксеротермический период на нижних уровнях первой ступени суббореальной террасы (Золотец XI, Залавруга II), оказались затопленными. Замыву подверглись и петроглифы Новой Залавруги. Тогда же, во время высокого стояния воды, могли возобновиться посещения заброшенных стоянок у Бесовых Следков и на Ерпином Пудасе. Вновь благоприятными стали и условия для выбивания наскальных изображений на острове Ерпин Пудас.

Трансгрессия навряд ли продолжалась дольше чем до 1,7 тыс. лет до н. э. Уже около 1,6 тыс. лет до н. э. начинается регрессия. Происходят дальнейшее врезание р. Выг и выход верхней ступени суббореальной террасы из зоны затопления. Само русло к этому времени не только углубилось, но и на участке у п. Золотец даже сместилось к правому берегу. О таком смещении русла и последовательном снижении уровня воды в р. Выг, по Э.И. Девятовой, прежде всего свидетельствует возобновление жизни на стоянке Золотец XI. Тогда же, 1,5–1,3 тыс. лет до н. э., в северном конце острова Большой Малинин на замытых петроглифах Новой Залавруги возникает стоянка Залавруга I. По мере дальнейшего снижения уровня воды, около 1,3 тыс. лет до н. э., люди могли начать осваивать место стоянки Золотец X.

Ценность приведенных выкладок очевидна, тем более что Э.И. Девятова сделала попытку решить главный вопрос – датировать каждую из основных групп петроглифов. С учетом многих факторов – палеогеографической обстановки, геологических условий, радиоуглеродных датировок, археологического материала – получалось, что наиболее

благоприятные для зарождения и развития наскального творчества условия в низовье р. Выг начинают складываться на рубеже атлантического и суббореального периодов – 2,8–2,7 тыс. лет до н. э. Правда, Э.И. Девятова допускает, что первый крупный пласт петроглифов Бесовых Следков мог появиться и во время формирования второй ступени атлантической террасы, точнее 3,1–3 тыс. лет до н. э. Это возможно, но похоже, что их выбивали и раньше, в IV тыс. до н. э.

Главное, что гидрологическая обстановка оставалась еще неустойчивой. Между 3–2,9 тыс. лет до н. э. последовала даже кратковременная трансгрессия, когда уровень воды в низовье р. Выг в последний раз поднялся до значительных отметок – 24–24,5 м. Только в периоды особо глубоких спадов воды – 3,4 или 3,1–3 тыс. лет до н. э. – поверхность скалы выходила из-под воды и то, видимо, ненадолго. Наиболее благоприятные для беломорских петроглифов условия складываются в период формирования первой ступени суббореальной террасы, где-то 2,8/2,7 – 2,2 тыс. лет до н. э. Тогда-то, по Э.И. Девятовой, скорее всего, и появилась основная часть фигур. Судя по археологическим материалам, в то время острова действительно посещались особенно часто.

Позднее, в промежуток 2,2–1,7 тыс. лет до н. э., обстановка в русле изменялась к худшему. Похоже, что остров Шойрукша утратил прежнюю притягательную силу, но петроглифы еще не были забыты. В особо полноводные годы (и даже в период, когда Залавруга замыкалась) Бесовы Следки вновь на какое-то время могли оживать, обновляться, пополняться новыми фигурами, переосмысливаться, однако для выявления этих, самых поздних напластований Бесовых Следков и установления связи их с другими скоплениями петроглифов в низовье р. Выг требуются более основательный анализ всего изобразительного материала, уточнение хронологии береговых террас и археологических памятников на них.

И в самом деле, новые петроглифы Ерпина Пудаса обнаружены неподалеку, примерно на тех же отметках (19,5–21 м над уровнем моря), тоже на переходе атлантической террасы в суббореальную. Вместе с тем они мало похожи на Бесовы Следки. Датировку их рубежом атлантического и суббореального времени вряд ли может подтвердить и многослойное кострище перед уступом гравированной скалы, датируемое 2,7–2,4 тыс. лет до н. э. Оно, скорее, соотносится со стоянкой, где в первой половине III тыс. до н. э. жизнь стала особенно активной. Культурный ее слой с востока почти вплотную подходил к петроглифам, но все же, скорее всего, не перекрывал их. Во всяком случае, прямую связь петроглифов со стоянкой пока установить не удалось. Да и была ли она? Совсем близкое соседство стоянки и петроглифов вовсе не решающий ар-

гумент в пользу их связи. Похоже, оба археологических памятника все же разновременные. Новые петроглифы Ерпина Пудаса могли появиться позднее — 1,9–1,7 тыс. лет до н. э., во время трансгрессии, когда Залавруга оказалась под водой и была замята. Однако такой вывод требует обоснования.

Еще труднее датировать небольшие скопления петроглифов на островках в русле р. Выг размером от 20 х 30 до 60 х 120 м на расстоянии 20–150 м друг от друга. Они располагаются в основном, левобережном русле чуть ниже Ерпина Пудаса, примерно в 1–1,5 км к северу от Бесовых Следков и менее 1 км к юго-востоку от п. Золотец. Только на вершинах рассматриваемых островков имеются дерн, маломощный слой песка и редкие деревья. Склоны же полностью обнажены. Петроглифы выбиты очень низко — 14–16,5 м над уровнем моря (при отметках скального дна 13–13,5 м) в то время, когда порожистое русло, усеянное валунами, обсохло и острова стали доступными. Прежде, при полноводном русле с бурлящими протоками, добраться до них было бы непросто, если вообще возможно.

По мнению Э.И. Девятовой, все четыре островные группы петроглифов могли появиться в период расцвета наскального творчества на Новой Залавруге, т. е. 2,1–2 тыс. лет до н. э., однако такое заключение плохо согласуется с их обликом и стилистическими особенностями. Вероятнее всего, они предшествовали скоплениям Новой Залавруги. В них нет еще развернутых композиций, а изображение лодок можно принять за переходное звено к Залавруге.

Не вполне ясным остается вопрос о последовательности появления петроглифов на самой Залавруге. Старая Залавруга, находящаяся, по существу, на уровне дна реки суббореальной эпохи, могла появиться на несколько столетий позднее петроглифов Новой Залавруги, в фазу более глубокого врезания реки, возможно, даже во время функционирования стоянки Залавруга I. Допускается, что рисунки Новой Залавруги выбивались еще 2,7–2,8 тыс. лет до н. э. Никакого археологического материала (за исключением упоминавшегося очага) в пользу данного предположения нет. Сама Залавруга затем не раз погружалась под урез воды, что, конечно, прервало бы изобразительную деятельность.

Между тем в Новой Залавруге в целом наблюдается определенное единство традиции. Находятся связующие звенья и между Новой и Старой Залавругой. Конечно, нельзя забывать, что сама Залавруга вряд ли когда-либо имела современный, совершенно расчищенный вид. В складках уступов обязательно сохранялись песчаные осадки, да и края не у всех обнажились.

По мнению Э.И. Девятовой, большая часть скальной поверхности была закрыта осадками, а выбор наскальных полотен определялся в первую очередь степенью их обнаженности и положением над урезом воды. Выбитые прежде рисунки замывались и терялись из виду. Вместо них создавались новые. Скорее всего, петроглифы Новой Залавруги наносились тогда, когда склоны обнажались на значительной площади. Очищал их напористый сток протоки, временами достигавший значительной силы.

С учетом полученных данных и наблюдений можно делать вывод, что петроглифы Беломорья создавались и функционировали на протяжении длительного времени. Самые ранние появились в северной группе Бесовых Следков. Возможности для заполнения этой скалы рисунками создаются уже в IV тыс. до н. э.

Заключительный этап развития наскального творчества в Беломорье представлен Залавругой. Геолого-палинологические изыскания показали, что благоприятные условия для появления петроглифов здесь складываются в первой четверти III тыс. до н. э. Традиция нанесения петроглифов прервалась еще до затопления Залавруги 1,9–1,7 тыс. лет до н. э. Они оказались полностью замывы и погребены под покровом аллювиальных отложений. Около 1,6 тыс. лет до н. э. Залавруга вновь выходит из-под воды, и где-то 1,6–1,3 тыс. лет до н. э. возникает поселение Залавруга I.

Вопрос о взаимоотношении Новой и Старой Залавруги, расположенных рядом, но все же имеющих заметные различия в сюжетах, стиле и высотных отметках, все еще не совсем прояснен. В свое время Старую Залавругу пытались рассматривать как этап, следующий за Новой Залавругой. Не исключено, что она появилась после стоянки Залавруга I, когда омывающая ее протока сократилась в размерах, а обнажившийся выступ гранитного берега стал удобным для гравировок. Вполне возможно, что Старая Залавруга создавалась еще до появления стоянки как заключительная фаза Новой Залавруги. В таком случае самым благоприятным временем для ее появления оставался максимум катастрофического падения воды в р. Выг. Тогда русло почти обсохло и возникла потребность перемещения культового места ближе к отступающему устью реки, точнее, к выходу из реки в залив Белого моря.

Существует и другое мнение. А.А. Формозов, а вслед за ним и А.Д. Столяр считают, что Старая Залавруга, напротив, древнее Новой. По А.Д. Столяру, боковая часть Залавруги I послужила своеобразным творческим мостиком к Новой Залавруге, а само преемственное развитие изобразительной деятельности видится ему в такой трехзначной цепи: центральная площадка Старой Залавруги, ее боковое скопление и, наконец, Новая Залавруга. Ис-

следователь по-новому рассмотрел и изобразительную стратиграфию северной группы Бесовых Следков. Ранний их пласт он в согласии с предыдущими исследователями признает за самый ранний в петроглифах Беломорья в целом.

Иначе последовательность появления скоплений и отдельных петроглифов внутри беломорского изобразительного комплекса видел московский искусствовед Р.Б. Климов, полагавший, что самыми ранними являются три громадных оленя Старой Залавруги, к тому же появившиеся не в один, а в три приема. Противоречивость высказанных суждений лишний раз доказывает сложность и незавершенность разработки проблемы эволюции петроглифов.

И тем не менее мы теперь гораздо увереннее датируем петроглифы Беломорья. Появляются они примерно в то же время, что и онежские, в конце IV — начале III тыс. до н. э., в эпоху неолита, но функционируют дольше — возможно и во II тыс. до н. э. Правда, здесь верхнюю хронологическую границу определить сложнее. Археологические материалы подтверждают, что петроглифы Новой Залавруги замыты и перестали функционировать в первой половине II тыс. до н. э. Но прервалась ли в Беломорье сама традиция наскального творчества? Когда появились петроглифы Старой Залавруги, новое скопление Ерпина Пудаса, поздний пласт Бесовых Следков? Если до подъема уровня воды в р. Выг 1,9–1,7 тыс. лет до н. э. и затопления Залавруги, тогда ответ однозначен. Однако если они возникают в процессе замыва Залавруги или позднее, то верхняя граница растягивается на довольно неопределенное время, но не выходит за рамки II тыс. до н. э. Уточнить хронологию и периодизацию беломорских петроглифов поможет изобразительный анализ стиля рисунков, манеры их исполнения. По мнению Н.В. Лобановой, петроглифы Старой Залавруги относятся к концу IV — началу III тыс. до н. э.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Кто же «писал» наскальные полотна и что за народ населял Карелию в ту эпоху? С полной определенностью ответить все еще трудно, даже прибегая к помощи сравнительно-исторического финно-угорского языкознания (и финно-угроведения). Пока мало помогает и наиболее надежный ретроспективный метод этнических реконструкций, когда, отталкиваясь от бесспорных финно-угорских древностей средневековой поры, шаг за шагом прослеживают более древние пласты, сохраняющие генетическую преемственность. В условиях Карелии он не позволяет углубиться далее I тыс. н.э. Бесспорно финно-язычной считается пока лишь культу-

ра сетчатой керамики (I тыс. до н.э. — начало н.э.), представленная и на территории Карелии.

Некоторые исследователи культуру асбестовой керамики считают протосаамской. То, что современные саамы, проживающие в Норвегии, Швеции, Финляндии и на Кольском полуострове, являются одним из самых древних северных народов, свидетельствуют данные языкознания, антропологии, этнографии.

Еще раньше, в IV — начала III тыс. до н.э., Карелия входила в огромную этнокультурную общность ямочно-гребенчатой керамики, которая длительное время считалась протофинно-угорской. Теперь это мнение разделяют не многие. Как бы то ни было, для территории Карелии роль населения, владевшего такой керамикой, в последующей этнической истории, видимо, весьма значительна. Не вполне ясной остается этническая принадлежность населения эпохи раннего металла.

В раннем железном веке отчетливо прослеживается влияние восточных культур — ананьинской, позднекаргопольской и др. Распространяется оно преимущественно на восточные районы Карелии, где с эпохи бронзы и начинали отчетливо проявляться локальные особенности. В раннем железном веке, возможно, имело место и проникновение нового населения из Прибалтики. Таким образом, в I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. Карелия была не просто связана с финно-угорским миром, а сама становилась частью этого мира.

Этническую принадлежность родо-племенных общин эпохи неолита, энеолита, бронзы и раннего железа однозначно определить весьма сложно. В качестве мощной основы этнического развития в данный период выступает население с ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной, а на заключительной ее стадии — ромбоямочной керамикой. Ее сменяет культура асбестовой керамики, видимо, как-то связанная с ней. Инфильтрация населения из восточных и особенно южных и юго-западных районов (сетчатая и штрихованная керамика) приводит к смешению разноэтнических элементов прежде всего в бассейне Онежского озера и крупных рек.

Этническую принадлежность населения для эпохи мезолита и неолита на современном уровне знаний установить едва ли возможно, тем более что даже область, из которой шло преимущественное заселение Карелии, пути продвижения пока не очерчены достаточно строго. Шаткость предложенных этногенетических построений объясняется исключительной сложностью и неразработанностью самой темы, состоянием и недостаточной степенью изученности источников.

Тем не менее в целом теперь эпоху петроглифов (включая хозяйство, среду обитания и т.д.) мы знаем значительно лучше. Скорее всего, творцами петроглифов Беломорья были люди, использовавшие в быту ямочно-гребенчатую керамику и в какой-то мере гребенчато-ямочную и ромбоямочную. Онежские петроглифы тоже созданы в основном населением с ямочно-гребенчатой керамикой, включая ранний пласт ромбоямочной. Но здесь до появления рисунков доживает и керамика сперрингс, которая сосуществует с игравшей доминирующую роль ямочно-гребенчатой и вытесняется ею.

Таким образом, вопрос, было ли население, создавшее петроглифы Карелии, протофинским или же протосаамским, повисает в воздухе, но и в саамской, и в карельской культуре какие-то глухие отзвуки наскального творчества отмечались многими исследователями. Ничего удивительного в этом нет, поскольку при формировании исторических народов местный компонент, здесь, видимо, играл определенную роль.

ПЕТРОГЛИФЫ КАК ПЕРВОИСТОЧНИК

Специалисты единодушно относят рисунки на скалах Карелии к числу ценнейших историко-культурных памятников Северной Европы. Почему? Да прежде всего потому, что они проливают свет на многие стороны первобытной действительности, включая социальную и духовную жизнь, хозяйство, материальную культуру. Широкому читателю они ближе и понятнее как своеобразный этнографический документ, позволяющий лучше, нагляднее представить и культовую обрядность, и повседневную жизнь первобытной эпохи.

Возьмем к примеру материальную культуру. Сколько нового запечатлено на петроглифах! Вспомним хотя бы важнейшее средство передвижения — лодки. Их очень много: большие и малые, разнообразные по форме и мастерству исполнения, обычно с гребцами, но иногда и пустые. Лодки беломорских петроглифов существенно отличаются от онежских. Они разнообразнее и содержат много необычных деталей. Есть у них и нечто общее — устойчивая традиция украшать носовую часть (форштевень) изображением головы лося. Нередко показан и кормовой выступ, нависающий над водой. Поражает большая вместимость части лодок. В отдельных из них насчитывается от 12 до 24 гребцов.

К.Д. Лаушкин считал, что изготовление таких совершенных по форме и вместительности лодок средствами первобытной техники вряд ли возможно. На петроглифах же, по его мнению, изображены

не реально бытовавшие лодки, а символические солнечные ладьи мертвых. Вслед за уходящим в загробный мир солнцем они перевозили туда же души умерших. Их-то, а не живых гребцов и обозначают вертикальные столбики. Такое объяснение не годится для беломорских петроглифов, где многие лодки показаны в сценах промысла морского зверя и, скорее всего, отражают и хозяйственную деятельность. Напомним, что похожие большие лодки-долбенки находили и при раскопках, правда, за пределами Карелии. Одну из наиболее выразительных нашли на берегах Дона.

Ни в большом значении лодок для жителей Европейского Севера, ни в высокой технике их изготовления сомневаться не приходится. Открытие множества древних поселений, а также могильников на островах, подчас на значительном удалении от берега, — еще одно свидетельство важной роли лодки в повседневной жизни людей первобытной эпохи. Без нее немыслим промысел морского зверя — тюленей, белух, моржей, да и вообще освоение Севера. Лодка играла настолько большую роль, что еще в прошлом веке оставалась у карел объектом культа — частью похоронного обряда.

Зимой необходимой принадлежностью древнего рыболова-охотника становились лыжи. При раскопках стоянок в Карелии они не встречались ни разу. Ведь и дерево, и кость в песчаной почве, да еще неглубоко от дневной поверхности, не сохраняются. И пока, до открытия торфяниковых стоянок, в которых, вероятно, и будут найдены остатки лыж, мы не знаем, что они собой представляли. Тем не менее один надежный источник все же есть — те же самые рисунки на скалах. Судя по ним, лыжи были короткими, в половину или даже в треть человеческого роста, с загнутым носком, видимо, типа лыж-снегоступов, однако по склонам на них можно было и скользить. Чередование скользящего лыжного следа со ступающим, а также длинный скользящий след зафиксированы в сценах Новой Залавруги. Возможно, пользовались и лыжными палками. За их следы можно принять округлые пятнышки вдоль лыжни на той же Новой Залавруге. Лыжи значительно облегчали передвижение и охоту в зимних условиях.

Объектами охоты лыжников на петроглифах являются боровые птицы, мелкие лесные звери, но главное — лоси и олени. Привлекают внимание орудия охоты и промыслов, прежде всего лук и стрелы. В свое время А.Я. Брюсову казалось, что охота с луком в таежном карельском крае не получила в древности широкого распространения. Слишком уж мало наконечников стрел встречалось ему (и другим) при раскопках стоянок.

В петроглифах, особенно на Залавруге, лучники показаны не раз и свидетельствуют о разностороннем использовании лука. Су-

дя по их изображениям, с помощью лука охотились и на суше (на лосей, медведей, оленей, более мелких лесных зверей), и на воде (на водоплавающую птицу). Лук применялся и как оружие, что подтверждают сцены враждебных столкновений и поединков в Старой и Новой Залавруге. Правда, о конструкции лука судить довольно трудно. Кажется, они были сравнительно небольшими, примерно в полроста человека, а иногда и немного больше, но нигде они не достигают полного его роста. Луки на скалах самых разнообразных форм. Похоже, что у некоторых лучников обозначено подобие колчанов.

Помимо лука широко использовались копья и дротики. Сцены охоты с их применением показаны неоднократно на петроглифах Карелии. С копьем выходили на медведя, лося и оленя. В морском промысле использовались гарпуны, фигурирующие многократно. Судя по наскальным изображениям, гарпун состоял из двух частей: собственно гарпуна — небольшого древка с костяным или каменным наконечником — и привязанного к нему длинного ремня. Такой ремень на петроглифах мы видели и в натянутом состоянии, и еще не распустившимся, собранным «гармошкой». Неоднократно встречались там и загарпуненные (нередко с нескольких лодок) морские звери. Не исключено, что первобытным жителям края были знакомы и другие метательные орудия, в том числе такие хитроумные, как бумеранг. Метательные камни, дубинки и другие предметы фиксировал на петроглифах еще А.М. Линевский.

Наскальные полотна знакомят нас и с объектами охоты, в качестве которых чаще всего выступали крупные таяжные животные — лоси, лесные северные олени, реже медведи и мелкие зверьки, а также морские — белухи, тюлени, изредка моржи, возможно, даже и киты. Охотились и на птицу, причем как водоплавающую, так и боровую. Рыболовство же, несомненно, игравшее важную роль, отражено в петроглифах слабо — единичными изображениями семги, стерляди, т.е. наиболее ценных пород рыб. Надо думать, ловля рыбы по напряженности и эмоциональной окраске труда ни в какое сравнение не шла с морским промыслом и как таковая не привлекала внимания художников. Верным спутником человека была собака, запечатленная и на скалах.

На наскальных полотнах ярко отражен коллективный охотничий промысел. Имеется выразительная сцена зимней загонной охоты на лосей с участием трех человек. Особенно результативна она по затвердевшему снегу (насту), который не выдерживал веса животных, изнемогавших и становившихся в конце концов жертвами охотников. Коллективных усилий требовала и добыча

лесных оленей. На морских зверей (белух) чаще всего охотились с нескольких лодок. Можно думать, что широко практиковался древними жителями и промысел оленей при переправах их через реки во время миграций.

Любопытно, что представлена только активная охота, а пассивная — с использованием петель, силков, ловчих ям — отсутствует. Конечно, вовсе не обязательно каждую сцену понимать как мемориальную запись отдельных наиболее впечатляющих эпизодов из охотничье-промысловой жизни. Скорее, это все же обобщения, героизация с мифологической окраской. Все они отражают и жизненно важные темы, и ситуации, волновавшие древние родовые общины. Это и мечта об изобилии пищи, удачной охоте или морском промысле, стремление увековечить своих героев и предков.

Иногда, но встречаются мотивы «войны», враждебных столкновений, время от времени нарушавших мирную трудовую жизнь. Прямых свидетельств столкновений между отдельными группами населения в материалах раскопок мы не находим, но убедительных свидетельств неоднократных притоков на территорию Карелии нового населения из разных областей много. Вероятно, пришельцам не всегда удавалось сохранить мирные отношения с местным населением. Нарушение границ родовых общин, покушение на их угодья, брачные конфликты и другие недружественные действия побуждали местных жителей защищать себя и свои угодья. Одна из наиболее ярких батальных сцен выбита на боковом скоплении Старой Залавруги, где, по чтению А.М. Линевского, пришлые мореходы напали на местных лыжников, но потерпели поражение. Петроглифы свидетельствуют, что случались и поединки между отдельными людьми. Наконец, привлекают внимание цепочки людей, в которых насчитывается до 13 человек. Быть может, это тоже участники «военного похода»?

Жизненная правдивость многих сцен и образов, особенно беломорских, делает их ценным источником для реконструкции материальной культуры древнего населения, позволяет широко использовать сами петроглифы как наглядный иллюстративный материал. Не случайно они воспроизводятся во многих музеях. Среди петроглифов имеется и ряд непонятных пока, совершенно оригинальных фигур и сцен: корзинообразные предметы, подобие жилищ, «жезлы» и др. Их еще предстоит адекватно истолковать.

Главная ценность петроглифов Карелии заключается все же в том, что они отражают мыслительную деятельность, миропонимание и мировосприятие (мироощущение) древних людей, свидетельствуют об уровне развития их сознания, его особенностях, представляют монументальное изобразительное искусство.

Повышенный интерес при знакомстве как с онежскими, так и с беломорскими петроглифами вызывают композиции, особенно многофигурные, тем более повествовательного характера. Правда, собственно эстетическая, художественная сторона в петроглифах Карелии вряд ли выступает как самоцель. Главными в них остаются смысл, содержание. Связь петроглифов с религиозными культовыми обрядами и действиями несомненна. Да и сами они рассматриваются теперь как памятники синкретического сознания, когда в слитном, нерасчлененном единстве находились религия, искусство, обыденное (вненаучное) знание, выверенное тысячелетним опытом. Этот синкретизм и мифологические основы сознания – характерная особенность духовной жизни первобытных общин в каменном веке.

РАСШИФРОВКА

При знакомстве с петроглифами Карелии (по публикациям либо непосредственно на месте) у наблюдательного и вдумчивого посетителя и читателя возникает множество вопросов. Что означают те или иные из увиденных изображений и сцен? Почему люди увлеклись столь необычной изобразительной деятельностью, превратив ее в традицию? Хотя сами по себе подобные вопросы не новы, ответить на них все еще трудно.

Особо настойчивые попытки понять смысл и предназначение рисунков, «прочитать» их предприняли два человека: разносторонний ученый (историк, археолог, этнограф, фольклорист) и писатель А.М. Линевский и выдающийся ленинградский археолог член-корреспондент АН СССР, действительный член Норвежской королевской Академии наук В.И. Равдоникас.

Оба они выступили с содержательными, но совершенно различными, можно сказать взаимоисключающими, гипотезами. Разгоревшаяся в 30-е гг. между ними дискуссия так и осталась незаконченной, но начало расшифровке и онежских, и беломорских петроглифов ими было положено. Одна часть ученых приняла точку зрения А.М. Линевого, другая – В.И. Равдоникаса. К сожалению, ни тот, ни другой развить свои взгляды до конца так и не смогли. Обещанные ими завершающие части исследований не появились. Наиболее остро расхождения выявились при расшифровке онежских петроглифов, ставших основным объектом полемики.

А.М. Линевский при истолковании наскальных рисунков Карелии исходил из того, что в основном они воспроизводят повседневную действительность в ее наиболее важных проявлениях. На наскальных полотнах будто бы воспроизведены реальные звери и

птицы, лодки, капканы. Присутствуют и сверхъестественные образы, например, «духов-хозяев», мифологических персонажей. Но в основном, по мысли А.М. Линевского, художник изображал то, что видел, с чем постоянно сталкивался, в чем нуждался. Словом, это были своего рода «снимки с натуры».

В.И. Равдоникас решительно возражал против такого подхода. Изображения на скалах, в его представлении, это образы, которые прошли сквозь призму первобытного мышления и при этом значительно переосмыслены. Большинство фигур — образы символического порядка, рожденные первобытным сознанием, имеющие солярную и лунарную семантику. К числу таких солярных символов он относил не только круги и полукружия с отростками, но и лодки, фигуры птиц, пятна округлой и серповидной формы и т.д. Все они будто бы не что иное, как условные знаки небесных светил — солнца и луны.

А.М. Линевский считал возможным использовать рисунки как непосредственный, очень наглядный и достоверный источник для изучения повседневной жизни древнего человека, включая хозяйство, орудия труда, средства передвижения, верования и т.д. Подсчет сюжетов и их численное соотношение служили ему источником для выяснения действительной роли тех или иных животных как объектов охоты. Он пытался понять и религиозные представления древних, их верования, склад мышления. Первоосновой подобных выводов выступали не столько сами рисунки, сколько данные этнографии.

В.И. Равдоникасу такое понимание и прочтение рисунков казалось принципиально неверным и упрощенным. Он предлагал «восстановить сначала формы мышления данной эпохи», выяснить истинный смысл, который вкладывали в петроглифы их создатели, и только потом, зная древнюю семантику изображений, делать заключения о хозяйстве и общественной жизни.

Разошлись исследователи и в понимании отдельных фигур и композиций. Особенно рельефно их разночтения впрямь являлись при трактовке серии необычных изображений, представленных среди онежских петроглифов и принципиально важных для понимания и расшифровки. Это фигуры в форме круга или полумесяца с расходящимися под углом (изредка идущими параллельно) линиями-лучами (рукоятями?). Концы их нередко соединены прямой или изогнутой чертой. Такие знаки можно называть «закрытыми», но немало и «открытых», концы лучей которых не соединены.

А.М. Линевский увидел в них воспроизведение охотничьих самоловных орудий (капканы или кляпцы). В доказательство своей правоты он приводил поразительное сходство выбитых изображе-

ний с капканом пермяков, который увидел в музее г. Перми в 1927 г. Общий вид, принцип действия, широкое распространение в прошлом – все будто бы свидетельствовало в пользу такой трактовки. Казалось, ее подтверждали и сами онежские рисунки, их топография, взаимосвязь с другими фигурами. Предположение о том, что жители восточного побережья Онежского озера широко использовали капканы-самоловы при охоте на лесных зверей и даже в промысле водоплавающей птицы, многие считали корректным.

Для В.И. Равдоникаса же эти изображения (фигуры в виде полумесяца), равно как и округлые кружки диаметром до 4–5 см, – условные изображения солнца и луны. К сожалению, ни в одной из опубликованных работ развернутой системы доказательств нет. По существу, приводятся два неубедительных аргумента: похожесть фигур на изображения солнца и луны, а главное – ссылка на петроглифы южной Швеции. Однако эта параллель теперь еще менее убедительна, поскольку привлекательные для сравнения фигуры относятся явно к более позднему времени. Они принадлежали «фермерам» – населению, знавшему земледелие и скотоводство и, следовательно, стоявшему на иной ступени развития. Тем не менее, трактовка изображений как символов солнца и луны прижилась. На фоне приземленной капканной теории А.М. Линевского она постепенно стала казаться более выигрышной и перспективной. Других серьезных гипотез не появлялось.

За столь значительными разночтениями стоит разное понимание уровня развития общественного сознания в первобытную эпоху на территории Карелии. По А.М. Линевскому, оно не должно было существенно отличаться от сознания отсталых в прошлом народов Севера и Сибири, зафиксированного этнографами. Исследователь считал, что духовный мир древних жителей Карелии, их верования были примерно теми же. Они также верили, например, в охотничью магию, в «духов-хозяев» – злых и добрых, выступавших или в человекоподобном, или в звероподобном виде. Им люди приносили реальные или мнимые (в виде изображений) жертвы, иногда даже наказывали (повреждали).

А.М. Линевский не отрицал и существования различных мифологических представлений, охотничьих сказов у творцов петроглифов. Тем не менее, по мнению В.И. Равдоникаса и его сторонников, он занижал «идеологический» уровень жителей восточного побережья, которые будто бы стояли уже на более высокой, «космической» (по терминологии В.И. Равдоникаса), стадии развития первобытного мышления. Оно включало космические представления символического характера, в которых исключительно важное

место отводилось почитанию небесных светил — солнца и луны. Тогда же расцвета достиг и культ мертвых, появились культурные герои и божества, складывалась сложная мифология.

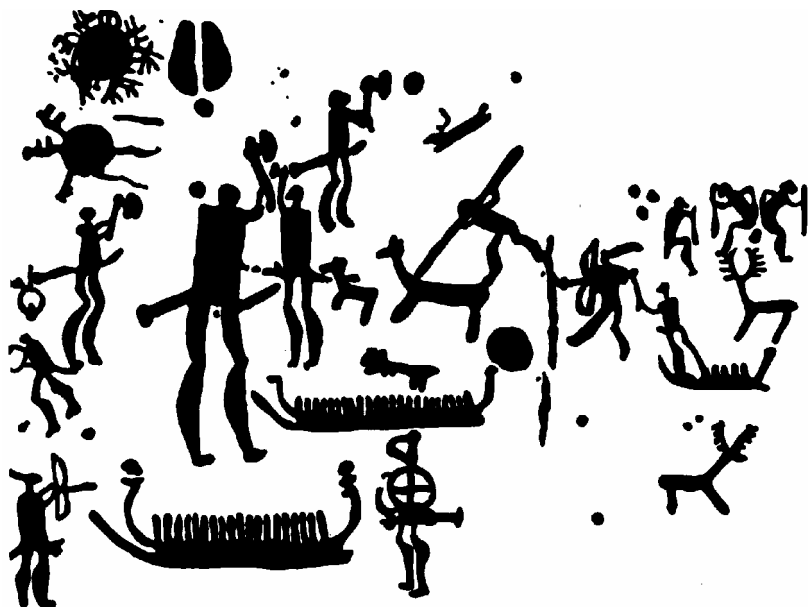
Характерное для более раннего времени «тотемическое» мышление в эпоху онежских петроглифов, по В.И. Равдоникасу, существовало лишь в пережиточной форме. Теперь же появляются солярные знаки, символизирующие верхнее небо, а также фигуры, обозначающие средний и нижний миры. Широко распространенные образы птиц и животных приобретают космическую значимость. Так, олень становится по преимуществу божеством — «умирающим и воскресающим богом». При внимательном анализе нетрудно понять, что и подобные представления не вытекают непосредственно из самого петроглифического материала. Они больше навеяны культурно-историческими параллелями и ассоциациями с Древним Востоком.

Естественно, что кардинальные расхождения наблюдались у обоих исследователей и в объяснении причин появления петроглифов и их назначения. А.М. Линевский выступил убежденным сторонником магической теории и магического истолкования петроглифов Карелии. Он полагал, что почти все онежские рисунки вызваны к жизни именно потребностями промысловой магии. Выбивая фигуры и сцены, совершая над ними различные колдовские обряды (вплоть до повреждения), люди будто бы стремились обеспечить себе удачу в реальной охоте и промысле, предопределить благоприятный исход или даже отобразить годовой цикл хозяйства.

Наглядный пример тому — письма на «крыше» с Пери III, тоже сделанные с практической целью — закрепить этот цикл навечно. И лишь небольшая часть рисунков вызвана к жизни желанием запечатлеть мифологические образы. Правда, и они имели целью помочь в удовлетворении определенных практических потребностей. Основой для выводов А.М. Линевого послужило скрупулезное изучение самих петроглифов и еще в большей мере этнографических параллелей из жизни и быта отсталых в прошлом народов Сибири. Именно этнографические сопоставления и аналогии помогали ему «оживить» рисунки, понять их сокровенный смысл.

В.И. Равдоникас вовсе не отрицал магического значения части онежских петроглифов, но считал, что большинство из них обязано своим появлением потребностям культа (поклонение небесным светилам, почитание мертвых и т.д.). Они отражают богатую мифологию древних, породивших галерею разнообразных образов религиозного характера. При интерпретации петроглифов Карелии В.И. Равдоникас опирался на работы академика Н.Я. Марра, однако «новое учение о языке» и высказывания о развитии первобыт-

ного мышления воспринимались им недостаточно критически, слишком буквально. Это была попытка практического его использования для анализа не языкового, а изобразительного материала. По собственному признанию В.И. Равдоникаса, расшифровка онежских петроглифов стала «попыткой применения... руководящих идей Н.Я. Марра к новому, не бывшему известным ему (Н.Я. Марру) материалу наскальных изображений Карелии».

Петроглифы Богуслена (Швеция)

Другой подобной попыткой стало привлечение в качестве сопоставительного материала наскальных изображений южной Швеции, прежде всего Богуслена, которые, являясь памятниками земледельческого наскального искусства, не могли дать твердой опоры для исследования охотничьего искусства Карелии. Значит, и гипотеза В.И. Равдоникаса не получила достаточно надежной аргументации.

При всех изъянах двух рассмотренных гипотез нельзя не учитывать и их важной позитивной роли. Они закладывали основы для более глубокого осмысления и понимания петроглифов Карелии. Кроме того, надолго определили два основных направления, в русле которых продолжалась дешифровка онежских петроглифов.

Немало высказанных В.И. Равдоникасом и А.М. Линевским идей и догадок было подхвачено и развито следующими поколениями ученых. Благодаря им петроглифы Карелии вошли в научный оборот, получили широкую известность как в нашей стране, так и за рубежом. Они стали ориентиром и эталоном при изучении подобных памятников в других регионах. Трудно назвать крупные обобщающие работы, посвященные истории первобытного общества, где бы не упоминались наскальные изображения (петроглифы) Карелии. Широко использовались они и в научно-популярных изданиях. Одни авторы трактовали их в духе А.М. Линевского, другие – В.И. Равдоникаса.

Естественно, осознавались и незавершенность начатых работ, наличие нерешенных или спорных вопросов. Петроглифы Карелии все еще в известном смысле оставались загадкой науки и манили к себе пытливых исследователей. Нового приверженца онежские петроглифы нашли в 50-е гг. XX в. в лице ленинградского этнографа К.Д. Лаушкина. В 1959 г. в «Скандинавском сборнике», который издавался в Эстонии (г. Таллин), появилась небольшая статья «Новое онежское святилище» (Ч. I) с многообещающим подзаголовком «Новая расшифровка некоторых петроглифов Карелии». Спустя три года публикуется более основательная вторая часть. Так стало известно имя нового энтузиаста, взгляды которого широко пропагандировались в ряде статей, заметок и книг научно-популярного характера. Написаны они самим К.Д. Лаушкиным или его активными сторонниками. Особо выделим статьи «У истоков карело-финского эпоса», «Кино сорок веков назад», «Каменные картины Карелии».

О вкладе К.Д. Лаушкина речь уже шла при знакомстве с наскальными полотнами Онежского озера. Рассматривались его впечатления, расшифровки и новые подходы. Пока они не подвергались особым сомнениям. Читатели могли оценить их сами. Теперь самое время поглубже задуматься над предложенными детальными расшифровками многих сцен. Удалась ли новая попытка снять хотя бы частично покров тайны с онежских петроглифов и углубиться в смысл образов и сцен? Свои представления автор изложил четко, в доступной читателю манере. В журнальной статье «Кино сорок веков назад» он пишет: «... Район петроглифов был для людей святилищем. Здесь совместились три части Вселенной: Земля – мир живых, Небо – мир светлых богов, Вода – нижний мир, мир мертвых и темных богов.

Все интересы первобытного человека были связаны, конечно, с миром живых – миром труда, борьбы и любви. В мир живых постоянно вторгаются потусторонние силы. Жестокая борьба, кото-

рую он вел с природой, фантастически преображалась в его голове. Ему казалось, что вокруг кипит беспощадная война между добрыми и злыми сверхъестественными силами. Отражение ее он видел в громокипящем споре между берегом и водой. Когда солнце, сверкнув последний раз похолодевшими лучами, исчезало в пучине озера, сердце человека сжималось от страха. Он обожествлял солнце и считал его живым и добрым существом, верил, что на ночь оно уходит в мир мертвых и там на него набрасываются страшные чудовища. Выдержит ли солнечное божество жестокий бой? Вернется ли снова на небосклон? К исходу битвы человек не мог оставаться равнодушным и высекал волшебные рисунки на скалах. Это была магия добрая, наивная подмога солнцу в ночной схватке его с силами мрака и зла...»

Любимыми образами творцов и почитателей онежских петроглифов, по убеждению К.Д. Лаушкина, являлись солнце и луна. Причем солнце выступало в самом разнообразном облике: антропоморфном, зооморфном, но чаще всего в виде условных знаков — кругов и полукружий. Сложная и стройная мифологическая система, сложившаяся у жителей восточного побережья, оказала затем могучее влияние на формирование карело-финского эпоса, а также на фольклор саамов. «Может быть, не слишком смелым будет утверждение, что галерею онежских гравюр в некотором условном смысле допустимо считать древнейшим изданием «Калевалы», — пишет исследователь. Отсюда и использование им «Калевалы» и саамского фольклора для расшифровки петроглифов.

Как же докопаться до первоначального смысла наскальных рисунков? К.Д. Лаушкин предлагает прибегнуть к испытанному методу двуязычной надписи (билингвы). Именно так расшифрованы древние, давно забытые письмена. Такой метод будто бы является наиболее результативным. В роли двуязычной надписи в данном случае будут выступать вовсе не письменные тексты. С одной стороны, это композиции из наскальных рисунков, а с другой — дошедший до нас фольклорный текст — миф, сказка и т.д. Если они совпадают, повествуя об одном и том же, но лишь разными художественными средствами, значит, и в том, и другом случаях в основу положен один сюжет.

Одного-двух совпадений мало. Только тогда, когда в фольклоре, в частности саамском и карело-финском, найдется серия подобных совпадений, образующая две параллельные линии графических и словесных образов, можно говорить, что метод правильный. Тогда с помощью живого слова можно смело приступать к раскрытию внутреннего смысла наскальных рисунков, их функций. Все сказанное в основном касалось композиций, т. е. сочетания двух и

более фигур. Причем, чем композиция сложнее, чем больше в ней фигур, тем достовернее станет ее расшифровка.

Докопаться до смысла одиночных изображений неизмеримо труднее, ибо отыскать аналогии им в конкретных мифологических образах — задача особой сложности. Конечно, К.Д. Лаушкин не первый попытался использовать древние предания и мифы, сохранившиеся в фольклоре северных народов, для истолкования петроглифов. Подобную попытку до него предпринимал А.Я. Брюсов, не получивший, впрочем, весомых результатов. Неудачи своих предшественников К.Д. Лаушкин объяснял тем, что у них «был принципиально неправильный подход к онежским петроглифам». Они не поняли главного, а именно: что представляют собой злополучные круги и полукружия — капканы или космические символы. Они то и «...являются своего рода музыкальным ключом для правильной интерпретации всех остальных изображений», — писал ученый. Принятые за капканы, они уведят нашу мысль в сторону от истинного значения как всего святилища в целом, так и отдельных рисунков. И только взятые за то, что они есть на самом деле, — за знаки солнца и луны, с неожиданной силой выявляют смысл всей группы наскальных изображений, когда вдруг перед нами разворачивается целая симфония образов, связанных единой идеей и проникнутых единым настроением. Еще точнее таким “музыкальным ключом” служит «...сам образ живого солнца — живая картина его перехода с высокого небосвода в пучину озера, в недра подземного мира, населенного душами умерших и злыми чудовищами».

Вот та основополагающая мысль, основа основ, на которой держатся предложенные расшифровки. У солнцепоклонников восточного берега Онежского озера, по мнению К.Д. Лаушкина, была еще одна очень важная забота — об усопших. Лодки на скалах — это не что иное, как ладьи мертвых, могилы. Памятуя о конкретном мышлении первобытных людей, исследователь убежден: повстречайся он с древним художником, тот, указывая на вертикальные столбики на изображениях лодок, не колеблясь стал бы называть подлинные имена охотников и рыболовов, мужчин и женщин.

Обитель мертвых помещается на Южном Оленьем острове, где творцы петроглифов и хоронили своих сородичей: «... в озере есть остров... туда уходят души мертвых. Туда же вместе с мертвыми уходит солнце. Оно, равно как его двойник — луна, похищается чудовищами преисподней. Путь в преисподнюю начинается с трещины в береговой скале, в царстве мертвых обитают гадины — лягушки, змеи, ящерицы». Мы уже говорили, что петроглифы и Оле-

неостровский могильник не могли принадлежать одной и той же племенной группе уже в силу их разной временной привязки.

Вдумываясь в увлекательные расшифровки К.Д. Лаушкина, постепенно осознаешь, что они тоже зиждутся на весьма спорных основаниях. Смысл и содержание онежских петроглифов еще не раскрыты. Достоверная их расшифровка остается делом будущего. По-новому взглянуть на онежские петроглифы попытался Р.Б. Климов. Правда, и он за доказанные принимает некоторые отправные положения гипотезы В.И. Равдоникаса, в частности о солярно-лунарной природе многих образов. Новым же является прежде всего осмысление всего онежского комплекса как взаимосвязанной и развивающейся во времени системы. Смысла и назначения петроглифов Карелии не раз касался в своих статьях, опубликованных в 70–90-е гг. XX в., и профессор А.Д. Столяр.

В 2006 г. появилась книга А. М. Жульникова «Петроглифы Карелии. (Образ мира и миры образов)» о мотивах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря и на их основе «предпринята попытка комплексной реконструкции фундаментальных космогонических представлений, мифологической модели мира древних жителей Карелии». Петроглифы рассматриваются как памятники архаического мышления, как универсальный «язык», доступный множеству творческих и научных интерпретаций, как «...зашифрованное в образах и символах послание, в котором таятся древнейшие пласты человеческого сознания, универсальные первообразы, отразившие опыт жизни и познания далекой эпохи, глубинные архетипы, «отягощенные немотой». Желание автора поведать читателям о первобытной культуре и мировоззрении далеких предков с опорой на археологические, этнографические и фольклорные материалы (включая петроглифы Карелии) весьма похвально. Но насколько удалось ему приоткрыть завесу над тайной карельских петроглифов — судить научному сообществу и читателям.

Пишу для ума дает еще один (уже иногородний) исследователь, москвич А. А. Фараджев. В 2002 г. в МГУ он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Петроглифы Карелии (Возможности исследования взаимосвязи со скальной поверхностью)». Она заслуживает внимания уже потому, что является итогом многолетних полевых наблюдений (всего 14 выездов), но еще больше заявленной темой. И в самом деле, каждый, кто знакомится с наскальными полотнами, в натуре обязательно так или иначе, пусть на неосознанном, интуитивном уровне, задумывается о взаимосвязи выбивок с самим наскальным полотном и природным окружением.

А.А. Фараджев напоминает, что «Способность создавать и воспринимать произведения искусства является уникальным видовым признаком Человека Разумного». При оценке обширной историографии по петроглифам Карелии, он отмечает, что спорных положений все еще остается больше, чем общепринятых. Основной изъян опубликованных трудов, будто бы, кроется в том, что они базируются преимущественно на «гуманитарном подходе», при котором каждое скопление (группа) изображений рассматривается как текст. В итоге получалась «дискуссия о словах» без извлечения из первоисточника объективных научных данных. Отсюда и желание начать поиск «объективного метода изучения петроглифов Карелии, опирающегося на факты и логику, ясность и однозначность выводов», – поиск истины и открытости к восприятию нового опыта.

Цель и задачи собственного исследования А. А. Фараджев определил «...как поиск объективно проверяемых фактов различных способов встроенности искусственных инвариантов петроглифов в естественные инварианты фона природной скальной поверхности, на которой они расположены». А как конечный результат – попытку установить «...последовательность появления наскальных изображений Карелии, выраженных в разных способах встроенности, разных этапах и нескольких периодах традиции создания петроглифов».

Предложен и новый метод – «прямого зрительного изучения взаимосвязи петроглифов со скальной поверхностью». В основу его положен экологический подход к зрительному восприятию известного американского психолога Дж. Гибсона, рассматривающий зрение в качестве воспринимающей системы как циклический процесс, включающий «...глаз – голову – мозг – тело – перемещающийся объект».

Ее то и использовал А. А. Фараджев, поставивший себе в заслугу, что именно он впервые сделал взаимосвязь петроглифов Карелии со скальной поверхностью (в качестве контекста) объектом специального изучения и привнес в него научную эвристичность. В итоге будто бы удалось «...значительно расширить границы возможности исследования» петроглифов Карелии, впервые рассмотреть вопрос о доизобразительном этапе, появлении самых первых фигур, выявить незавершенные и неопределенные, а также абстрактные изображения. Если в прежних публикациях наскальные изображения выглядели двухмерными полиграфическими иллюстрациями, то его метод, учитывает «трехмерностную объемность петроглифов». Концентрированное отражение, предложенный А.А. Фараджевым метод отражен на «Диаграмме соотношений способа

встроенности петроглифов в природные инварианты с периодами создания наскальных изображений Карелии через различные уровни». Выглядит она так:

Утверждается, что прежние методы «служили вспомогательными приемами для семантической расшифровки петроглифов, соответствующих гуманитарному подходу», а теперь уже устарели. Настораживают категоричность суждений и некая витиеватость изложения. Но в целом и метод прямого зрительного изучения самого природного контекста, и «трехмерность» петроглифов — заслуживают осмысления (анализа). Памятники первобытного изобразительного искусства — объекты повышенной сложности и для самих ученых, и для обычных посетителей. Одномерной истины о них нет. Скорее, она и впредь будет оставаться многомерной, включать разные точки зрения и подходы.

Диалог остается наиболее разумной и плодотворной формой развития знания о наскальных изображениях Карелии. Важно, чтобы культура этого диалога, его общий уровень и направленность соответствовали и современным требованиям, и этике науки. Как тут еще раз не вспомнить М. М. Бахтина: «Идея начинает жить, т. е. формироваться, развиваться, находить и обновлять свое словесное выражение, порождать новые идеи, только вступая в существенные диалогические отношения с другими чужими идеями. Человеческая мысль становится подлинной мыслью, т. е. идей, только в условиях живого контакта с чужой мыслью, воплощенной в чужом голосе, то есть в чужом, выраженном в слове сознании. В точке этого контакта голоса — сознаний и рождается и живет идея».

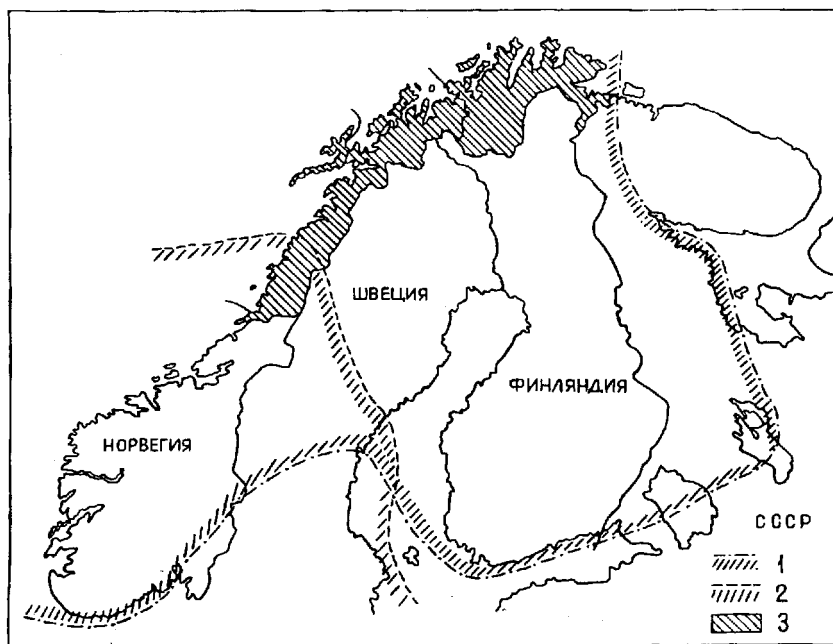
Человеку нужна система, возможность ухватиться и опереться на что-либо определенное и устойчивое, дабы «не утонуть» в потоке жизни. Противоречие между системой и потоком реальности до конца вообще не разрешимо. Оно неизбежно будет периодически возникать и разрешаться. Понимание есть введение в систему знаний нового знания, интеллектуальное освоение субъектом какого-то объекта (предмета). Способы понимания определяются именно его объектом: научное понимание осуществляется с помощью понятий, художественное – художественных образов. И рационально-гносеологический и иррационально-аксиологический подходы могут в чем-то помочь и при изучении петроглифов Карелии.

Особая тема – рождение, закрепление и передача «смыслов» в процессе освоения окружающего мира. Наши очень краткие, отрывочные извлечения из научного багажа мыслителей, изучавших проблемы познания окружающего мира и социума, возможно пригодится и при трактовке петроглифов, помогут лучше осознать общечеловеческие начала в наскальном творчестве Карелии.

НАСКАЛЬНЫЕ ПОЛОТНА КАРЕЛИИ И ПЕРВОБЫТНОЕ ИСКУССТВО

Еще одна важная и увлекательная проблема петроглифоведения – сопоставление петроглифов Карелии с наскальными изображениями Скандинавии, Урала, Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии. Она привлекала многих авторов возможностью широких и эффектных обобщений. Так, на онежских петроглифах не раз отмечалось влияние древних цивилизаций Востока – солнечные лады, солярные знаки и т.д. Их пытались рассматривать и сквозь призму скандинавского наскального искусства бронзового века и даже как прямое его ответвление. Петроглифы Карелии неоднократно сравнивались и с подобными памятниками Северной Евразии, чтобы выяснить их стадиальную принадлежность, место и роль в общей эволюции наскального творчества данной зоны. Одно дело, если скальные рисунки Карелии чисто локальное, региональное явление, и совсем другое, если они – органичная составная часть наскального искусства более обширной зоны.

Необходимость подобных сопоставлений стала осознаваться давно. Вспомним хотя бы К. Гревингга. Позднее Г.И. Спасский отметил определенное сходство томской писаницы с онежскими петроглифами и на этом основании предположил, что они созданы одним большим народом, жившим на берегах Енисея, Томи и Онежского озера. Таким народом могли быть лишь кочевники-гунны. В.А. Городцов (1860–1945), сравнив известные тогда рисунки Средней Азии, Карелии, Скандинавии и Италии, указал на большое значение их «...как вечных памятников направлений определенных международных сношений».

**Распространение наскальных изображений на территории
Фенноскандии (по П. Симонсену)**

1 — южная граница североευропейского охотничьего искусства;
2 — северная граница южноскандинавского земледельческого искусства;
3 — область распространения петроглифов северной Норвегии

К проблеме сопоставления возвращались А.А. Спицын, А.М. Линевский, А.Я. Брюсов, В.И. Равдоникас, А.П. Окладников, К.Д. Лаушкин, А.А. Формозов, В.Н. Чернецов, Н.Н. Гурина и др. И у всех одним из главных объектов сопоставления оставались петроглифы Карелии. Промежуточное географическое положение, большое число и разнообразие фигур, сравнительно хорошая сохранность, наконец, наличие обстоятельных публикаций делали их притягательным сравнительным материалом и у нас, и за рубежом.

На базе таких сопоставлений возникали впечатляющие обобщения. Так, А.А. Формозов высказывал мнение, что петроглифы Карелии ярче всего выражают главное в жизни северных племен III–II тыс. до н.э., а именно — воздействие цивилизаций Древнего Востока. Этим довольно сильным влиянием он и объяснил тот факт, что «близкие до тождества гравировки и росписи в лесах создавали охотники-рыболовы, а на юге — земледельцы

и скотоводы». В Карелии во II тыс. до н.э., по его мнению, скрещивались и переплетались местные предания каменного века и мифы, заимствованные из передовых культур юга и юго-запада.

Мысль о сходстве сибирских писаниц и петроглифов Карелии и Скандинавии неоднократно высказывал академик А.П. Окладников: «Образы и представления, возникшие, скажем, в глубине Сибири, на Томи и Ангаре, часто до мельчайших подробностей совпадают с отдельными образами и целыми сюжетными группами Карелии и Скандинавии. На всех писаницах обширной территории Северной Евразии создавшие их люди с поразительным упорством выбивали знаки плодородия, солнечные диски, лады, змей, ступни человека и самого человека».

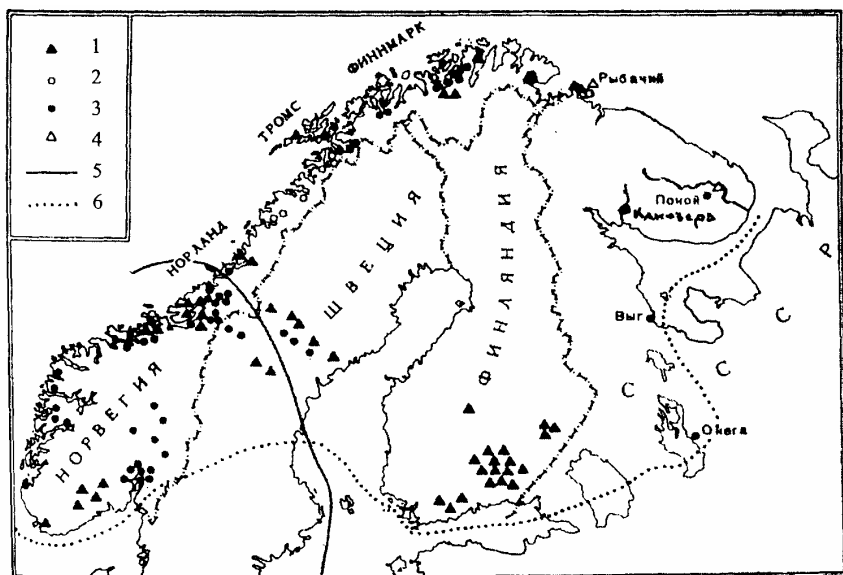
К несколько иным выводам пришел известный археолог и этнограф В.Н. Чернецов, тоже обративший внимание на значительную близость наскальных изображений северной Норвегии, Урала, Ангары, р. Томи и, возможно, Пегтымеля. Всю эту обширную зону он считал территорией расселения восточной ветви древних уральцев. Но вот петроглифы Карелии исследователь в данный ряд не включал. Более того, он подчеркивал принципиальные различия между ними и писаницами Урала, вызванные соответствующими глубокими отличиями в хозяйственном быту, общественном устройстве, мировоззрении и обрядах породивших их обществ и, наконец, разной этнической средой.

Само развитие наскальных изображений Карелии, по мнению В.Н. Чернецова, шло в ином направлении. Заключительные выводы исследователя нуждаются в дополнительных обоснованиях и проверке. Однако многообразие первобытной действительности лесной полосы Евразии, где при близости географической среды и общности основных форм хозяйства все же не было полного единообразия быта, социальной организации, религиозных концепций, придется непременно учитывать и впредь. Справедливо и то, что сопоставлению петроглифов и писаниц должно предшествовать тщательное исследование конкретных памятников «самих в себе» с привлечением местных дополнительных данных, проясняющих «исторические и этноисторические» условия их бытования.

Кардинальные изменения в развитии наскального творчества вне связи с местной почвой как результат влияния извне кажутся маловероятными. Так, С.Н. Замятнин справедливо полагал, что существенные заимствования и привнесения в традиционно устойчивую этнокультурную общность с веками вырабатывавшейся идеологией можно принять лишь при выявлении внутренних сдвигов и перемен в среде, для которой заимствования становятся исторически необходимыми или хотя бы возможными.

Приемы и методы сопоставлений еще недостаточно отработаны, хотя в последние годы накоплен определенный опыт, предложены некоторые показатели и критерии: топография, состав сюжетов, техника нанесения, прочность и длительность самой традиции, насыщенность полотен, наличие

и характер композиций, масштаб изображений, «художественные» достоинства, общая линия развития и т.д. Едва ли не главным остается сравнение стилистических форм с учетом не столько единичных черт, сколько сочетания признаков и специфических особенностей.

Основные очаги наскального искусства Фенноскандии
(по данным Г. Хальстрема, П. Симонсена, Э. Бакка, П. Сарваса,
Ю.-П. Таавитсайнена, Т. Миеттинена, с дополнениями
В. Шумкина)

1 – рисунки красной охрой (писаницы), 2 – шлифованные изображения,
3 – выбитые изображения, 4 – гравированные изображения, 5 – северная граница
земледельческого наскального искусства, 6 – южная граница охотничьей наскальной
традиции

Отрадно и то, что сам по себе сравнительный материал значительно расширился благодаря новым открытиям подобных памятников и в нашей стране, и за рубежом. Наскальные изображения появились в соседней Финляндии, где до 1963 г. была известна лишь одна небольшая писаница. С тех пор усилиями археологов и просто любителей обнаружены десятки местонахождений, включая три довольно больших полотна: Астувансалми, Лаукка и Хосса. В 1973 г. петроглифы нашли в центральной части Кольского полуострова, в местечке Чальмн-Варрэ в 100 км к северу от Поляр-

ного круга. Они имеют, по мнению их исследователей, явные точки соприкосновения с петроглифами Карелии, прежде всего беломорскими.

Исключительный интерес в плане сравнительного изучения представляют наскальные рисунки во внутренней части северной Швеции, в районе Немфорсена, примерно в 140 км от морского побережья. Охотничье наскальное искусство широко представлено в северной Норвегии. Наконец, в Скандинавии много петроглифов «земледельческого» типа эпохи бронзы (1500–500 лет до н.э.), которые нередко использовались для сопоставления с петроглифами Карелии. Правда, из огромного изобразительного материала сравнивалось не более десятка изолированных фигур. При желании число параллелей нетрудно расширить. В Скандинавии чаще всего встречаются жертвенные лунки – небольшие выдолбленные круглые ямки, сгруппированные или рассеянные среди других изображений, в большинстве случаев с ними как будто связанные. Похоже, подобные округлые углубления имеются и в наскальных полотнах Карелии, но их немного.

На втором месте там стоят корабли, распространенные почти повсеместно и в очень большом числе, порой составляющие целые «флотилии». Есть случаи, когда корабли как будто приносят в дар или жертву. Выделяется сцена, где человек почти в натуральный рост несет над собой четырехметровый корабль с гребцами, корма и нос которого украшены головами животных.

Лодки – один из наиболее распространенных сюжетов в петроглифах Карелии, а на Залавруге они вообще преобладают. Их форштевни тоже украшены головой лося или оленя. Имеются здесь и единичные экземпляры лодок с поперечными полосами внутри контурного корпуса, аналоги которым шведские и норвежские исследователи видят в умиаках эскимосов. Интересная параллель – сцена переноса лодки с гребцами из XVI группы Новой Залавруги (правда, ее несет не один, а три человека). Иначе выглядят и лодка, и «носильщики», но на близость их нельзя не обратить внимания.

Спирали и концентрические круги, окружности, спиралеобразные круговые знаки, иногда в руках людей – еще один сюжет для сопоставления. Исследователи допускают, что круги могли изображать солнечный диск и служить солярными знаками. Именно по линии солярных знаков и сближали прежде всего петроглифы Карелии и Скандинавии, но почему-то никто не желал замечать, что число таких параллелей очень невелико, что сходные «солярные» образы находятся в очень разном контексте и, наконец, что в наскальных изображениях Скандинавии вовсе отсутствуют лунарные знаки.

Изображения людей – еще одна и очень существенная черта, которая роднит петроглифы Карелии и Скандинавии. Их мифологическая основа, улавливаемая уже на стадии петроглифов Карелии, еще отчетливее проступает в петроглифах южной Швеции эпохи бронзы. Среди относительно

близких образов отмечают великана с копьем, людей в рогатых шлемах и др. Там и там имеются «батальные сцены» — враждебные столкновения двух или более человек. Как ни странно, в петроглифах Швеции нет ни одного случая, когда кто-то пострадал или пал в бою. В петроглифах же Беломорья налицо пострадавшие — «раненые» или «убитые». И здесь и там можно встретить небольшие отряды людей (процессии), отпечатки ног, цепочки следов.

И в Скандинавии, и в Карелии имеются изображения змей, правда, в разной трактовке. На петроглифах Карелии нет орудий и оружия из металла, колесниц и домашних животных, сцен пахоты, этих важных показателей уровня развития общества. Здесь таких новшеств еще не знали. Видимо, в основе подмеченной близости некоторых сюжетов лежат не прямые контакты или заимствования. Нет оснований говорить и о сильном влиянии на духовную жизнь племен Карелии скандинавской мифологии, благодаря проникновению в их среду «бродячих сюжетов». Следует учесть, что петроглифы Карелии функционировали на много столетий раньше. Возможно, имеет место какая-то общая и весьма древняя мифологическая подоснова.

Похоже, что некоторые идеи и образы, запечатленные на скалах Карелии, позднее нашли отражение в наскальном творчестве Скандинавии (конечно же, уже в переработанном, преображенном виде). Такое предположение основано на допущении, что мифы Скандинавии эпохи бронзы включали в себя более древние напластования. Конечно, убедительных доказательств наличия преемственной связи между двумя стадияльно разными комплексами наскального искусства пока нет. Мысль о том, что «формы идеологических представлений не исчезли, а наслаивались одна на другую, сохраняясь в виде пережитков», может получить подтверждение и на материале петроглифов, но требуются специальные исследования.

Не исключается и конвергентное появление схожих образов, связанное с отражением каких-то близких по форме, но очень разных по существу проявлений социально-экономической и общественной жизни, мировосприятия. В основе широкого распространения лодок и кораблей, например, могут лежать две совсем разные причины: развитие морского промысла в Карелии и история морских набегов в Скандинавии.

Основной сравнительный материал петроглифам Карелии, конечно, дает и будет давать впредь так называемое охотничье наскальное искусство Фенноскандии, в частности Немфорсен в северной Швеции, где зарегистрировано 162 изолированных скопления (образующих 60 более крупных групп) включающие 1750 фигур. Преобладают изображения животных — 719 явных и 376 фрагментов или незаконченных. На втором месте лодки — 366. Далее следуют фигуры людей — 87, не считая сидящих в лодках, подошвы ног — 25, чашеобразные углубления (бесспорных 34), «топоры» с головами лося — 11, фигуры в виде угла, иногда в комбинациях с людьми —

80 и около 30 оригинальных рисунков – «епископские посохи», солнечные ладьи и т.д. Птиц всего 9. Много неясных выбивок, линий, незаконченных фигур.

По Г. Хальстрему, от Немфорсена к онежским и беломорским петроглифам, отстоящим почти на 1000 км, тянутся все же несомненные и довольно ощутимые прямые ниточки связей. Причем самые важные точки соприкосновения обнаруживает скала («крыша») с Пери III на Онежском озере, вывезенная в Эрмитаж. Действительно, определенное сходство между наскальными изображениями Беломорья и Немфорсена прослеживается в топографии, группировке изображений, в технике нанесения, размерах фигур, в близости к ним стоянок, но прежде всего в тематике.

Совпадение типа лодок, по Г. Хальстрему, настолько поразительно, что указывает «на внутреннюю и интенсивную связь». Немалое сходство наблюдается и в наличии лосей и северных оленей. Сближает оба очага малое число рыб, хотя находятся они в местах, весьма благоприятных для рыболовства. Немного и изображений птиц. На Онежском озере имеются, где они преобладают, любопытные комбинации птиц, соприкасающихся хвостами или же с общим туловищем, а головами обращенных в противоположные стороны. Г. Хальстрем воспринял их как своеобразные дубликаты двухголовых лосей из Немфорсена.

Важный показатель близости того и другого очага – обилие людей и антропоморфных существ, нередко в сценах. Правда, позы и жесты их на петроглифах Карелии гораздо живее и разнообразнее, особенно в профильных фигурах, вовсе не представленных в Немфорсене. Имеются и близкие до тождества образы: полногрудые женщины, «пары влюбленных», люди в шапках квадратной формы, два человека с шестью. Там и там изображены орудия охоты – копыя, гарпуны, дубинки.

Налицо и своеобразие петроглифов Карелии и Немфорсена. Одну из причин различий Г. Хальстрем видел в хронологии. Обилие новых элементов в онежских петроглифах по сравнению с Немфорсеном, по его мнению, указывает на «более позднее развитие». Преобладание сплошной выбивки силуэтов в Беломорье будто бы тоже отмечает следующий шаг во времени.

В целом создается впечатление, что каждый регион первобытного охотничьего наскального искусства Европейского Севера обладает спецификой, формируется на базе местной общественно-трудовой практики, местных преданий и мифов. Это вовсе не исключает каких-то заимствований, привнесений со стороны, но они не играли доминирующей роли. Впечатляющие выводы об отражении в петроглифах Карелии очень далеких культурных связей и заимствований, отзвуков иного, земледельческого мировоззрения, вряд ли верны. Развитие племен каменного века Европейского Севера, их монументального искусства не было одноликим и однолинейным. Лучшим примером тому служат впечатляющие различия близких по времени петроглифов Онежского озера и Белого моря.

Исходной базой развития наскального творчества, выразившегося в обогащении тематики, перехода от одиночных фигур к сложным, многофигурным композициям служили местные условия. Параллелей в наскальном искусстве Карелии и Фенноскандии действительно немало, но при объяснении внешнего сходства нельзя исключать конвергентное появление некоторых образов, обусловленное близостью исходных материальных прототипов, а также наличием «идеологических наслоений», связанных со стойким сохранением в общественном сознании каких-то общих для Севера идей и представлений.

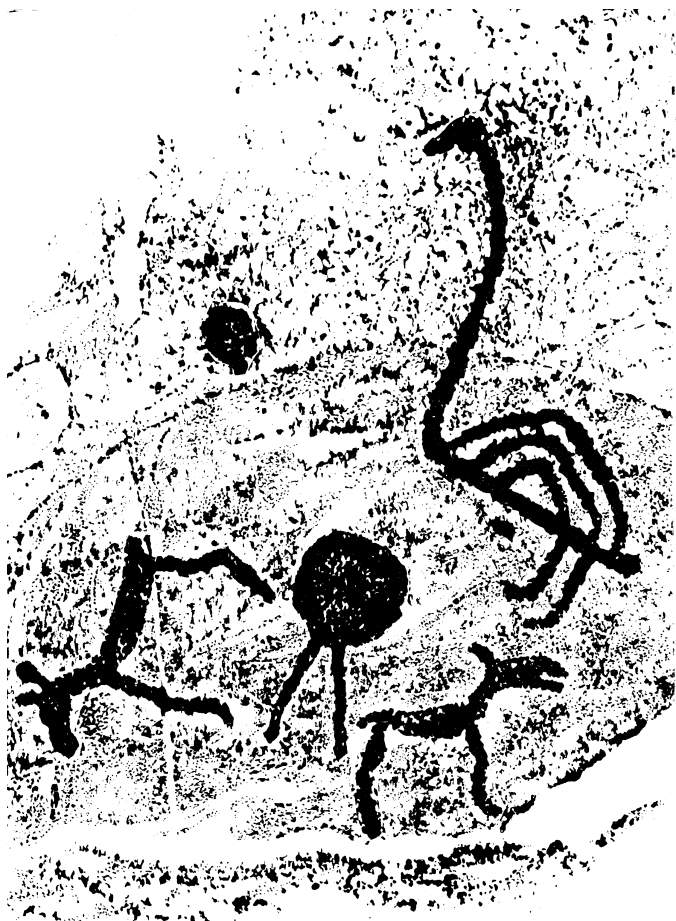
Тщательный сопоставительный анализ конкретных памятников Карелии и Фенноскандии поможет лучше понять и происхождение, и эволюцию послепалеолитического наскального искусства Европейского Севера. Эта тема поднималась уже не раз. Так, А. Брейль истоки североскандинавского наскального искусства предлагал искать на востоке и связывал его с народом, пришедшим из азиатской Сибири. По А. Брегеру, петроглифы Северной Европы возникли на Севере России и в южных районах Финляндии, а созданы они предками лопарей. На родство между норвежскими петроглифами и сибирско-монгольским материалом указывал норвежский ученый Бьерн. О том, что онежские наскальные рисунки являются арктическими и примыкают к североскандинавским, писал А.М. Тальгрэн, допускавший и их связь на востоке с уральскими писаницами и другим, урало-алтайским, миром. В то же время им подчеркивался и удивительный контакт с южноскандинавскими изображениями.

Существует и другая, прямо противоположная точка зрения. По Г. Хальстрему, «это наскальное искусство не имеет своим происхождением восток». Оно зародилось и развилось, скорее всего, на том, что мы называем норвежской почвой. Петроглифы Карелии, по его мнению, связаны со скандинавским материалом. Мысль о связи северонорвежских рисунков с русскими позднее поддержал и П. Симонсен. Общее движение культурного влияния он рассматривал в направлении с северо-запада на восток. Г. Кюн, М. Гимбутас, К. Акселн тоже полагали, что русские гравировки нельзя понять без южноскандинавских.

Обилие и противоречивость суждений – отражение значимости и реальной сложности проблемы, решение которой предполагает не механический выбор той или иной предложенной гипотезы, а творческую разработку данной проблемы с максимальной опорой на конкретный материал, накопленный к настоящему времени, системный анализ и комплексный междисциплинарный подход.

Глава VI

Сохранение и использование петроглифов Карелии

О ЧЕМ СКОРБЯТ СКАЛЫ?

Прибрежные скалы с изображениями на восточном берегу Онежского озера и в юго-западной части Белого моря давно уже требуют внимания к себе, вызывают о помощи. На них воздействуют два разрушительных фактора. Прежде всего это сама природа: волны, осадки, ветер, снег и наледь, лишайники, микроорганизмы. Происходит постоянное, хотя и замедленное разрушение. С ним приходится мириться, обдумывая меры и способы возможного противодействия этим негативным влияниям.

Случались и катастрофические воздействия природных сил. При повышении уровня воды (что нередко происходило во все времена) деформация поверхности усиливалась. Бывало, что наскальные полотна надолго погружались под воду. Так, петроглифы Залавруги оказались затопленными. Изображения исчезли, стали невидимыми для людей. После того как уровень воды спал, местность настолько преобразилась, что о рисунках (прикрытых слоем песка и ила мощностью всего не более 1 м) уже никто даже не догадывался.

На Онежском озере прибрежные скалы испещрены трещинами, расчленены разломами в результате сильных волн, перепады температур при замерзании, штормов. Часть скал обрушилась в воду и лежит теперь на дне, у кромки берега. На некоторых из них в ходе подводных работ обнаружены петроглифы. Многие обращены дневной поверхностью вниз, так что сразу определить, имеются ли на них выбивки, не удастся.

Разрушительный природный процесс связан с выветриванием скальной поверхности и ее эрозией. Под воздействием природных факторов (осадки, сток воды, прогревание и охлаждение, деятельность лишайников, процесс выветривания мельчайших частиц) наскальные полотна постепенно теряют свой первоначальный вид. Более мелкие и менее прочные частицы разрушаются и вымываются. Поверхность скалы местами становится более шероховатой и неровной, покрывается шрамами и выщербинами, иногда поверхностными выколами. Под действием лишайников выбитая часть рисунков темнеет, сливается с фоном скалы и становится визуально почти не приметной. Наглядным примером сильного разрушения поверхности самой природой служит центральное полотно Старой Залавруги. И, наоборот, часть примыкающего к нему бокового склона с петроглифами сохранилась отлично.

Очень важно вести целенаправленный, систематический мониторинг, позволяющий точно оценить состояние наскальных полотен и окружающей природной среды, лучше понять, что и как можно делать, а что исключать. Например, целесообразно ли очищать петроглифы от

лишайников? Можно ли их поверхность защитить каким-то бесцветным химическим составом? Где и как обозначить лучшие смотровые точки и площадки?

Наиболее опасным, порой непредсказуемым, является все же антропогенный фактор, т. е. неоправданное воздействие человека. Оно имело и имеет самые разнообразные формы — от промышленного освоения заповедной территории с искажением ландшафта и утратой какой-то части самих петроглифов (как в низовье р. Выг в Беломорье), до костров рыбаков на наскальных полотнах, царапанья металлическими тросами (креплениями на берегу больших промысловых сетей) и разного рода выбивок (имена, инициалы, названия, новые фигуры и знаки). Невежественные посетители, фиксирующие таким образом свое пребывание в этих заповедных местах, нанесли самый большой и непоправимый урон памятникам. Приведем только один пример такого современного варварства, когда грамотные люди не ведают, что творят. Желание увековечить себя порою оборачивается явным злом.

Скала с петроглифами в Эрмитаже. (Фото)

Стало традицией проведение на Онежском озере парусных регат. Во время одной из них (июль 1970 г.) яхта «Созь» из г. Твери, достигнув мыса Бесов Нос, пристала к нему, чтобы ознакомиться с

центральной группой петроглифов Бесова Носа и знаменитой триадой — бес, налим и сом. То ли по недомыслию, то ли по простодушию гости решили оставить на скале неподалеку от огромных впечатляющих фигур свою коллективную визитную карточку. Она имела вид старательно выбитой пятистрочной надписи с указанием родного города, названия яхты и инициалами участников «Ф-64, “Созь”, Калинин, 1970. Т. Е. В. С.».

То было определенно преступное деяние. Все попытки привлечь виновных к ответственности, включая обращение в Министерство культуры РСФСР, ни к чему не привели. Но какая-то тревожная информация до наших «героев», видимо, дошла. «Созь» приняла участие в регате и на следующий год. Яхта вновь побывала у Бесова Носа, но уже с другими намерениями — уничтожить следы прежнего присутствия здесь. Поступили просто: взяли и забили все строчки. Обратный адрес исчез, а с ним и улики, но разрушенная поверхность даже чуть увеличилась — классический пример неблагодарного поведения гостей. Любопытно, что жителям соседних деревень и в голову не приходило поступать с наскальными полотнами подобным образом.

В XX в. отношение к ним меняется, начинается порча и даже вывоз некоторых наскальных полотен. Первые заметные проявления вседозволенности относятся к 30-м гг. XX в. Тогда во имя благих целей заметно пострадал самый богатый петроглифами мыс Пери Нос. Работники Государственного Эрмитажа решили превратить наскальное полотно в музейный экспонат. Облюбовали небольшую, до предела заполненную скальную поверхность, уже выделенную отчасти естественными сколами, но еще неразрывно связанную со скалой-основой. Пришлось прибегнуть к взрыву. Пригласили специалистов каменного карьера с острова Большой Голец, которые с помощью взрывчатки скалу с рисунками действительно отделили, однако при этом несколько изобращений погибло (в частности, уникальная сцена деторождения).

Винить за вывоз плиты только рядового сотрудника Эрмитажа Ф. Морозова не вполне справедливо, чтобы перевезти такой экспонат, поместить его в выставочный зал, требовались определенные финансовые и трудовые затраты. Без согласия и участия руководства Эрмитажа, его предварительного одобрения и включения в соответствующие планы подобная акция, естественно, была бы невозможно. К тому же имелся и прецедент. Еще в 1927 г. небольшой обломок наскального полотна с того же мыса Пери Нос был доставлен в Карельский краеведческий музей. В полной мере ценность данного приобретения даже музейные работники осознали не сразу.

Нет необходимости перечислять все случаи повреждений. К сожалению, они продолжают и поныне. Неблагоприятными для петроглифов Карелии стали 90-е гг. XX в., когда в стране начались

кардинальные перемены. Наскальные рисунки стали привлекать повышенное внимание как перспективный объект коммерциализации. Даже те, кто прежде был к ним равнодушен, становятся их активными радателями, инициаторами и участниками разных акций, программ и проектов. Началась скрытая борьба и противостояние.

Институт ЯЛИ КарНЦ РАН, который всегда нес в Карелии основное бремя забот, связанных с изучением петроглифов, стремился в меру возможностей содействовать их сохранению и разумному использованию, не смог уделять им столько же внимания, как прежде. Теперь ни на издания, ни на полевые работы средств Российской Академией наук уже не выделялось. Институт оказался в трудном положении, все силы и средства концентрировал на других направлениях, учитывая, что в области петроглифоведения у него имелись уже неплохие заделы и наработки. К сожалению, ни заказчиков, ни издателей на печатную продукцию о петроглифах Карелии долгое время не находилось. Остались неопубликованными даже принятые к изданию работы.

Инициативы перешли к другим лицам и организациям. С 1982 по 1993 г. онежские петроглифы исследовали члены Эстонского общества по изучению доисторического искусства (председатель В. Пойкалайнен). Петроглифами активно занимаются Госцентр по охране объектов культурного наследия, Карельский государственный краеведческий музей (КГКМ), исследователи из Санкт-Петербурга и Москвы. К сожалению, истинного содружества специалистов на базе петроглифов Карелии все же так и не сложилось, что привело к нынешнему состоянию дел, которым недовольны все.

Состояние петроглифов порою оценивалось как критическое. Любое «покушение» на них вызывало небывалый прежде ажиотаж в СМИ. Следовали неоднократные обращения в органы власти (вплоть до Главы РК С.Л. Катанандова), и даже в прокуратуру. Слов было сказано много, а конкретных дел и позитивных результатов оказалось относительно мало.

Мешало и несовершенство федерального законодательства, затруднявшее взаимодействие федеральных и региональных служб при решении вопросов сохранения конкретных объектов культурного наследия вне зависимости от категории их историко-культурного значения (памятники истории и культуры федерального значения — это одно, а регионального и местного, муниципального, совсем другое). Возникали спорные моменты, порождавшие многочисленные запросы Министерства культуры и по связям с общественностью РК, Республиканского центра по государственной охране объектов культурного наследия, КГКМ, других учреждений и организаций. Бюрократическая волокита длилась годами и только затрудняла своевременное решение назревших вопросов.

Главным препятствием для местных инициатив служило то обстоятельство, что наскальные изображения в низовье р. Выг (у д. Выгостров) и на восточном берегу Онежского озера (в 20 км южнее устья р. Водлы, близ заброшенной уже д. Бесов Нос), а также комплекс на мысе Кладовец у устья р. Черной, включающий 12 археологических памятников, согласно постановлению Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.60 отнесены к объектам федерального значения и состоят на государственной охране. Следовательно, управляют ими федеральные органы исполнительной власти. Обращаться надлежало прежде всего к ним, что приходилось делать не раз. Одно из последних и весьма значимых таких обращений имело место в начале 2005 г.

Тогда КГКМ направил запрос в Управление по Северо-Западному федеральному округу Росохранкультуры (Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия) «О передаче петроглифов Онежского озера и Белого моря в пользование КГКМ». Надзор за соблюдением законодательства в сфере охранно-правовых мероприятий находится в компетенции именно Росохранкультуры. Вскоре (20 апреля 2005 г.) последовал ответ, в котором музею для решения проблем сохранения всех выявленных групп наскальных изображений – петроглифов Карелии – прежде всего предлагалось подготовить проектные предложения по включению названных уникальных памятников в Единый государственный реестр объектов культурного наследия.

Напоминалось, что распоряжением Председателя Правительства РК от 25.03.98 № 163-р уже был утвержден Проект зон охраны памятников археологии Беломорского района, а постановлением Правительства РК от 09.04.98 № 221 земли археологического комплекса «Беломорские петроглифы» отнесены к землям историко-культурного назначения. В тех случаях, когда в границах территории объекта культурного наследия земельный участок, являющийся землей историко-культурного назначения, не обозначен, правовой режим данной территории регулируется также и Лесным кодексом. Поэтому предлагалось «<...> разработать проекты и корректировку зон охраны территорий, на которых расположены беломорские и онежские петроглифы, с обоснованием статуса территориям как достопримечательным местам <...> с режимом их содержания в виде музея-заповедника <...> или исторического поселения». Давались и отсылки к Федеральному закону «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» за № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. и статьям Лесного кодекса РФ.

В подготовленных с учетом сказанного проектах предлагалось указать границы, режимы содержания территорий, опись предметов охраны. По завершении процедуры включения рассматриваемой

территории в реестр она становится землей историко-культурного назначения. Теперь ее правовой режим регулировался бы и земельным законодательством РФ, и законом об охране культурного наследия. Возможна передача в пользование лесного участка и непосредственно Агентству лесного хозяйства по РК (Кареллесхоза), в пределах которого располагается объект археологического наследия, но она не предполагает передачу и памятника культурного наследия.

Таким образом, передача петроглифов в пользование (и соответственно на охрану) по линии Кареллесхоза предусматривала установление ряда ограничений и участие различных органов государственного управления. В сложившейся ситуации, когда правовой статус территории с петроглифами еще четко не определен, Росохранкультура рекомендовала подготовить предложения «...по условиям лесного конкурса на аренду участков лесного фонда, в границах которых расположены петроглифы – памятники археологии как федерального, так и регионального значения». По имущественным же вопросам – обратиться в Территориальное управление Минимущества России по РК. Данный, весьма обстоятельный ответ и. о. руководителя Управления по Северо-Западному федеральному округу Росохранкультуры В.А. Калинина снял часть вопросов и дал ориентиры для практических действий.

Обеспокоенность состоянием петроглифов выражали и археологи Института ЯЛИ КарНЦ РАН. По впечатлениям от посещения беломорских петроглифов в августе-сентябре того же 2005 г. и общения с заинтересованными учреждениями, организациями и лицами было подготовлено обращение сначала на имя министра культуры и по связям с общественностью РК Г.Т. Брун, а затем и Главы РК С.Л. Катанандова. Оно не осталось без ответа. По поручению зам. Председателя Правительства РК 10 ноября состоялась рабочая встреча по вопросу сохранения беломорских петроглифов. Было дано поручение Кареллесхозу специально рассмотреть вопрос о передаче в аренду участков лесного фонда в Беломорском районе. Кареллесхоз, руководствуясь Лесным кодексом РФ (с учетом редакции федерального закона от 29.12.04 № 199), регламентирующим порядок предоставления и пользования участками лесного фонда по данному виду лесопользования (т.е. для культурно-оздоровительных, туристических и спортивных целей), извещил, что аренда участка лесного фонда Беломорского лесничества Сосновецкого лесхоза, на территории которых и расположен археологический комплекс «Беломорские петроглифы», станет возможна только после завершения Кареллесхозом всех запланированных мероприятий и проведения конкурсов в 2006 г.

Естественно, в эти годы не оставались безучастными к обострившейся проблеме охраны и использования петроглифов Карелии Мини-

стерство культуры и по связям с общественностью РК и Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия. Памятным событием стало обсуждение отчета по теме «Разработка программы действий по сохранению и музеефикации онежских петроглифов» на заседании научно-экспертного совета при Министерстве культуры и по связям с общественностью РК. Это научно-исследовательская работа, выполненная Институтом природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева (г. Москва) по контракту с КГКМ. Финансировалась она Федеральным агентством по культуре и кинематографии. Докладывал руководитель авторского коллектива, зам. директора института П.М. Шульгин.

Решение совета было кратким: информацию о проделанной работе принять к сведению, рекомендовать авторам доработать представленный отчет с учетом высказанных замечаний и пожеланий (по семи направлениям); окончательный вариант представить на рассмотрение администрации местного самоуправления Пудожского района с целью широкого обсуждения жителями и общественностью. Для принятия управленческих решений представленный в отчете материал оказался недостаточно основательным и слабо проработанным с учетом местных особенностей и возможностей. Требовались его конкретизация, более взвешенные и четкие рекомендации по использованию данного объекта культурного наследия.

Рассматриваемая стратегия развития туризма и других видов деятельности, связанных с музеефикацией онежских петроглифов, впечатляла. Разработчиками предлагалось создание историко-археологического и природно-ландшафтного музея-заповедника «Бесов Нос» как пространственной формы охраны данной историко-культурной территории. Намечались внутренняя организация территории и землепользования, перспективы деятельности нового музейного комплекса, территория которого охватывала 21 км прибрежной полосы и 16 км в глубь берега — до д. Каршево, а штат насчитывал бы около 30 человек. Рекомендовалось создание инфраструктуры в разрушенных уже деревнях Бесов Нос и Каршево с круглогодичным функционированием.

Показательно, что онежские петроглифы оценивались как «...значимый фактор экономической жизни, важная предпосылка для новой хозяйственной стратегии, обеспечивающей развитие экономики Пудожского района и всей Карелии». Такие многообещающие заявлениястораживают и порождают немало вопросов. Является ли реальной такая форма музеефикации онежских петроглифов? Гарантирует ли она сохранность наскальных изображений и природной среды всего комплекса? Каковы предельные рекреационные нагрузки и доходность новой структуры? Даст ли она упомянутый эффект? Можно ли вести речь о музеефикации онежских петроглифов в полном отрыве от беломорских?

Представленный отчет «<...>» предназначен для Министерства культуры РК с целью принятия конкретных решений по сохранению археологического и ландшафтного комплекса «Бесов Нос» и эффективному использованию историко-культурного наследия Заонежья». Министерство отреагировало незамедлительно и потребовало представить более обоснованные предложения и рекомендации, необходимые для принятия тех самых «конкретных решений». Не совсем ясно, при чем тут «историко-культурное наследие Заонежья». Еще большее недоумение вызывает попытка переименовать онежские петроглифы в заонежские. Желая поддержать конструктивный курс и некую состязательность, Министерство культуры и по связям с общественностью РК заказало уже у себя, в Карелии, проект «Беломорские петроглифы (насущные проблемы сохранения, изучения и использования)», который готовился местными силами. Цель его та же — подготовка принятия конкретных управленческих решений по обозначенным направлениям, сохранение историко-культурного и ландшафтного комплекса «Беломорские петроглифы».

Попыткой как-то осмыслить накопившиеся проблемы и предпринимаемые в 2005 г. конкретные практические шаги были две обзорные статьи Ю.А. Савватеева в газете «Карелия»: «Протописьменность: продолжение следует» (20 октября) и «Как сберечь каменную летопись Карелии» (22 декабря). Они фиксируют стремление если не снять, то хотя бы ослабить ажиотаж вокруг петроглифов Онежского озера и Белого моря, обозначить путь к конструктивному диалогу, приступить к выработке стратегии и конкретных действенных мер на ближайшую и более отдаленную перспективу с участием всех заинтересованных лиц и организаций. Предлагалось смелее использовать местную экспертизу, начать грамотный и постоянный мониторинг состояния дел, содействовать объединению всех, кто озабочен состоянием наскальных изображений Карелии как неотъемлемой и весьма выразительной части ее культурно-исторического наследия. Метод проб и ошибок в данном случае не годится. Нужны продуманная стратегия, краткосрочная и долгосрочная программы практических действий, а значит потребуются и полная информация о самих памятниках и надежное информационное обеспечение.

Итак, о чем скорбят скалы? Несмотря на необычную прочность самих пород — гранитов и гнейсов, наскальные полотна с выбитыми на них камнем по камню фигурами оказываются весьма ранимыми. Самыми разрушительными для них являются проявления вандализма невежественных посетителей и неорганизованных туристов: инициалы, имена, фамилии, надписи, подправка изображений, фигуры-новоделы. Такие выбивки искажают историческую подлинность памятника, первоначальный облик, наносят неизлечимые раны на поверхность наскальных полотен.

Сохранность этих ценнейших памятников истории и культуры во многом зависит от отношения к ним каждого из нас, прежде всего местного населения. Велика роль общественности, органов исполнительной власти всех уровней – от федеральной до местной (муниципальной).

ОХРАНА, СБЕРЕЖЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

По первоначальному замыслу предполагались две самостоятельные главы. Одна посвящалась сбережению, другая – практическому использованию петроглифов Карелии. Однако на последнем этапе их пришлось объединить. Во-первых, для того, чтобы избежать лишних повторений, но главное, чтобы еще раз подчеркнуть неразрывную связь поставленных проблем. Воистину, это двуединство – две стороны одной медали. Почему? В организационном, управленческом плане охрана и онежских, и беломорских петроглифов – особая, самостоятельная задача. Вместе с тем одним из главных, а возможно, и главным условием сохранения является их разумное использование. Там, где они не используются, остаются бесхозными, разрушение и гибель предотвратить труднее.

Даже при проведении разовых мероприятий (включая экскурсии) нужно постоянно помнить о сбережении рисунков и природного ландшафта. Известный принцип «Не навреди!» должен неукоснительно соблюдаться и здесь. Мысль о непреходящей ценности, вечности наскальных полотен, необходимости сохранения их для будущих поколений должна буквально пронизывать все формы их использования. Желательно, чтобы сами участники мероприятий, особенно массовых (экскурсии, школы, полевые семинары и т.д.), чутко реагировали на любые негативные действия (пусть даже неосознанные) со стороны отдельных лиц и пресекали их. Например, никому не позволительно ходить по самим наскальным изображениям или заниматься любой формой копирования, не получив на то специального разрешения.

Велика роль местного населения. Если жители соседних поселений будут строго выполнять правила поведения на петроглифах, не допустят впредь проявлений вандализма по отношению к наскальным полотнам, окружающей местности, можно считать, что произойдет качественный сдвиг в решении данной проблемы. Памятники культуры и истории в безопасности там, где о них заботится сам народ. Об этом свидетельствует весь мировой опыт.

Предварительным условием выработки такого отношения является знание и понимание рассматриваемых достопримечательностей. Значит, нужна более активная, разносторонняя и целенаправленная работа по просвещению местного населения. Она должна включать и

основательное знакомство с самими петроглифами, их пропаганду и популяризацию. Начинать лучше всего со школ и местного самоуправления на данной территории. Каждый школьник близлежащих населенных пунктов, районных центров (города Беломорск и Пудож) непременно должен хотя бы один раз за время учебы побывать на экскурсии по этим островкам культурного наследия.

Сбережение и охрана начинаются с определения территории достопримечательных мест с петроглифами, ее благоустройства, прокладки и разметки туристско-экскурсионных маршрутов, включая движение по самим наскальным полотнам, определения смотровых точек, подходов к основным скоплениям и т.д. Первыми «охранниками» служат щиты, содержащие необходимую предварительную информацию о самих петроглифах — маршрутах их осмотра и правилах поведения. В них своего рода этический кодекс. К сожалению, пока эти щиты сразу же становятся объектом внимания разного рода хулиганов, которые превращают их в мишени, а то и вовсе крушат. Помимо строгого наказания провинившихся, видимо, пока остается один путь сохранения таких форпостов охраны — незамедлительное восстановление щитов в прежнем виде. Скорее всего, в конце концов это возымеет действие и образумит «не помнящих родства».

Щиты и надписи на них — это лишь прелюдия к охранной деятельности, тоже, по существу, многогранной. В Карелии накоплен определенный опыт. Его нужно знать, хотя бы для того, чтобы выработать более действенную систему мер на будущее. Самый кардинальный способ — строительство над петроглифами защитных сооружений. Наглядным примером такой формы охраны является павильон над северной группой Бесовых Следков в низовье р. Выг (беломорские петроглифы). Он возведен строителями Выгостровской ГЭС и вплотную примыкает к телу плотины. Выше ее разлилось водохранилище. Ниже русло обсохло, обнажилось скалистое дно, усеянное валунами и скальными выступами, разломами и выколами.

Предлагалось возвести легкие защитные сооружения типа чумов и над основными скоплениями Залавруги. Заметим, что в мире такой способ охраны не практикуется по той причине, что он искажает первоначальный облик данного места, «выгораживает» его и снижает эффект общего восприятия рисунков на фоне окружающей природной среды. В случае с Бесовыми Следками такая мера была просто вынужденной. И она вполне себя оправдала. Другое дело, что сам проект оказался несовершенен. Какие-то изъяны, видимо, были и в конструкции защитного павильона, и в строительных деталях.

Неоправданным оказался стеклянный фасад от пола до крыши. Его стали использовать во внеурочное время вместо дверей. Стекла били и через рамы (окна) влезали внутрь павильона. Пришлось нижнюю

часть фасада заложить кирпичом. Постепенно павильон стал ветшать и наконец по заключению специальной комиссии был вообще закрыт. Рисунки засыпали более чем метровым слоем опилок. И здание стало недоступно почти на десятилетие. Побывавшие здесь специалисты из Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Мурманска, других городов утверждали, что решение о закрытии поспешное и преждевременное. Обрушение потолка павильону не грозило и не грозит. Надо лишь провести косметический ремонт. Желательно облегчить плоскую крышу (сняв часть покрытия), которая служила большой смотровой площадкой. В павильоне следует возобновить экспозицию. Когда-то здесь было электрическое освещение, подсветка наскального полотна.

По заказу Республиканского центра по государственной охране объектов культурного наследия Министерства культуры и по связям с общественностью Республики Карелия разработан новый проект, предусматривающий снос павильона и строительство на его месте более современного комфортабельного музейного комплекса, где можно не только посмотреть петроглифы и экспозиции, но и отдохнуть, перекусить в кафе и т.д. Чем руководствовались авторы этой затеи, для реализации которой потребуется 250 тыс. долларов, сказать уже трудно. Почему предварительно не была проведена повторная экспертиза состояния павильона и возможностей дальнейшего его использования? Имелись ли гарантии реализации нового проекта? Кто его должен был финансировать? Кто персонально отвечает за то, что объект культурного наследия, к тому же доступный для круглогодичного использования, оказался на годы закрытым?

Самой действенной и для онежских, и для беломорских петроглифов в современных условиях остается сторожевая охрана (хотя бы в летний период – период максимального доступа к петроглифам посетителей). Требуются штатные единицы (ставки) сторожей и желающие исполнять эту работу. Сторожа должны владеть основной информацией о петроглифах, понимать психологию посетителей, знать приемы и способы пресечения нежелательных действий (от советов, внушений и предупреждений до составления протоколов и обращений в суды и прокуратуру).

Практика показывает, что сам факт наличия сторожевой охраны создает атмосферу защищенности, служит препятствием для вседозволенности на охраняемой и контролируемой территории. И при отсутствии, и при наличии официальной сторожевой охраны существенную роль может играть и местная общественность в лице волонтеров. Получив права и инструкции на проведение охранной деятельности, они смогут хотя бы периодически совершать свои рейды и отслеживать состояние дел с охраной, незамедлительно реагировать на все случаи недозволенных действий. Своевременная информация о нарушениях правил поведения облегчает выявление виновных и их наказание.

Общественная значимость такой деятельности тем более существенна, что речь идет не только о наскальных рисунках, но и об окружающей природной среде, которую тоже нужно щадить и беречь. В подобной работе вполне могут участвовать и школьники, и краеведы, и все, кто любит и ценит родной край. Свое слово могла бы сказать и милиция. Обход достопримечательных мест хотя бы один-два раза в неделю тоже способствовал бы формированию отношения к памятникам как охраняемым государством. Пока же они, несмотря на свой высокий статус и научную ценность, остаются бесхозными. Лишь на время полевых работ или каких-то других мероприятий типа школьных лагерей они оказываются под присмотром. Отсутствие конкретного «владельца» сводит все инициативы на нет. Это одна из главных причин, неэффективности предпринимаемых усилий по охране петроглифов Карелии.

Особая тема – использовании петроглифов Карелии, поиск наиболее приемлемых форм. Осознавалась она постепенно, по мере накопления знаний о таких памятниках. Понятно, что на первом этапе внимание, как правило, концентрировалось на их выявлении и документировании, но возникали и соблазны незамедлительного практического использования петроглифов, прежде всего в качестве музейных экспонатов. Об этом тоже уже шла речь.

Важно обобщить и осмыслить накопленный опыт, собрать воедино имеющуюся информацию и представить исходные материалы, пожелания и рекомендации для принятия управленческих решений. Пожалуй, еще важнее готовить обоснование для выработки стратегии использования этих памятников на ближайшую, средне- и долгосрочную, возможно, дальнесрочную перспективу. Наличие такой стратегии необходимо для организации всей деятельности по охране и использованию петроглифов Карелии, тем более что в ней задействованы многие, часто непосредственно не связанные между собой организации и учреждения.

Необходимо единомыслие по наиболее важным, принципиальным вопросам, включая статус памятников, основные формы их музеефикации, рекреационные нагрузки и т.д. Важно определить и отразить роль органов исполнительной власти РФ, Республики Карелия и муниципальных органов, их участие в разумном использовании данного ресурса.

Практические действия на всех трех уровнях должны быть согласованы, хорошо скоординированы, нацелены на решение самых главных, жизненно важных для рассматриваемых памятников вопросов. Все три стороны должны быть кровно заинтересованы в использовании данного ресурса, который представляет повышенный интерес и сулит немалую пользу и на местном уровне, и на уровне РК, и для РФ в целом.

Обостренное внимание к наскальным полотнам Карелии всех и вся обусловлено их спецификой, научной и познавательной значимостью, интересом к ним со стороны иностранных граждан. Вероятно, они уже вошли бы в Список особо ценных памятников мирового природного и культурного наследия ЮНЕСКО, если бы были приняты необходимые организационные меры, гарантирующие их охрану и рациональное использование. Пока этого нет. Бурлят страсти, а практических дел мало, если не считать целого ряда международных программ и проектов. Похоже, что существенного влияния на состояние и беломорских, и онежских петроглифов они пока не оказали.

Использование петроглифов не может стать личным делом какого-то одного активиста и радателя, даже если он считает себя крупным специалистом в области наскального искусства. Их нельзя рассматривать как объект для извлечения личной выгоды. Объясняется это прежде всего тем, что речь идет о памятниках федерального значения. При любых формах использования они всегда останутся под контролем государства, которое будет диктовать свои условия и ограничения. Петроглифы Карелии не могут стать объектом частной собственности.

Надо учитывать их научный и познавательный потенциал – многогранный и востребованный во многих сферах современной жизнедеятельности: науке, образовании, культуре, природоведении и т. д. К ним должен быть открыт доступ соотечественников и иностранных граждан. Это один из привлекательных объектов туристско-экскурсионной деятельности. Строгая независимая экспертиза и постоянный мониторинг – неперемennые условия всей деятельности, связанной с практическим использованием петроглифов Карелии.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ БАЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ПЕТРОГЛИФОВ КАРЕЛИИ

Особая, основополагающая роль принадлежит законодательству. Любые проекты использования ресурсов, связанных с онежскими и беломорскими петроглифами, должны начинаться с проработки правовой и законодательной базы. Именно там следует искать первые ориентиры для планирования практической деятельности. Это особая тема, требующая специального рассмотрения. Мы же ограничимся лишь напоминанием о главных законах – общероссийском и Республики Карелия, регулирующих практические действия в данной сфере.

Тем, кто так или иначе причастен к петроглифам Карелии и участвует в решении проблем, связанных с деятельностью по охране и использованию), иметь представление о законодательной и правовой базе по объектам археологического наследия просто необходимо. Прежде всего это федеральные законы. Их несколько. Базовым является Закон РФ от

9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». В него неоднократно вносились изменения (последний раз 31.12. 05). В 25-й статье федерального закона № 199 теперь есть такая запись: «В собственности субъектов РФ и муниципальных образований могут находиться объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) независимо от категории их историко-культурного значения». Органам государственной власти субъектов РФ дано право участвовать в финансировании мероприятий по сохранению, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, находящихся в федеральной собственности.

Назовем и Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21 декабря 2001 г., который в новой редакции излагает пункты в отношении объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения. Условия охранных обязательств по ним определяются федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере историко-культурного наследия. Органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления муниципальных образований, на территории которых находятся объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) федерального значения, вправе вносить предложения об условиях охранных обязательств данных объектов. После надлежащего оформления его условия подлежат включению (в качестве существенных условий) в договор купли-продажи объектов культурного наследия (памятников истории и культуры).

Исключительно важен Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» за № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. Он нацелен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям, а также конституционной обязанности всех заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Указанный закон определяет государственную охрану объектов культурного наследия как одну из приоритетных задач органов государственной власти РФ и субъектов РФ.

В марте 2005 г. в Костроме на совместном заседании Президиума Госсовета и Президиума Совета по культуре и искусству В.В. Путин в своей речи отмечал, что большинство памятников истории и культуры находится в неудовлетворительном состоянии. Президент подчеркнул, что культурное наследие для нашей страны не только богатство, но и огромный ресурс. Сохранение культурного наследия – это общенациональная задача. На выполнение федерального закона и указаний Президента РФ направлены федеральная целевая программа «Культура

России: 2006–2010 годы» и входящие в ее состав подпрограммы, в частности «Культура Русского Севера». По существу, на то же ориентирует и Закон РК «О государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в Республике Карелия».

Таким образом, один из самых болезненных, негативных факторов (несовершенство законодательства на уровне РФ, затрудняющее взаимодействие между федеральными и региональными органами охраны объектов культурного наследия и решения организационно-правовых и финансовых проблем по их сохранению и использованию вне зависимости от категории их историко-культурного значения) постепенно ослабевает, но еще не ликвидирован полностью. Некоторые неясности в правовом обеспечении рассматриваемой сферы деятельности остаются, но есть и существенные подвижки. Так, Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» с внесенными в него изменениями предоставил право субъектам РФ за счет средств своих бюджетов принимать участие в финансировании мероприятий по сохранению, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия федерального значения.

Именно законы и подзаконные акты дают исходную информацию о собственниках объектов культурного наследия, самих объектах археологического наследия, требованиях к их сохранению, предупреждают от бесхозяйственности. В них говорится и о земельных и водных участках, в пределах которых располагаются объекты археологического наследия. Указывается, что в отношении объектов культурного наследия федерального значения обращаться следует прежде всего в федеральный орган охраны объектов культурного наследия, а регионального и местного (муниципального) значения – соответственно в региональные и местные органы государственной охраны памятников истории и культуры.

Обязательным условием заключения договора аренды объекта культурного наследия ставится охрannое обязательство пользователя. Оно оформляется соответственно органом исполнительной власти и излагает требования к содержанию объекта культурного наследия, условиям доступа к нему граждан, порядку и срокам работ по его сохранению. Договор безвозмездного пользования объектом культурного наследия, находящимся в федеральной собственности, заключается между федеральным органом исполнительной власти (уполномоченным на то Правительством РФ) и одним из указанных в законе лиц регионального органа исполнительной власти. Закон определяет, какие объекты культурного наследия могут находиться в собственности муниципальных образований.

В Карелии важнейшим является Закон РК «О культуре», принятый Законодательным собранием 22 декабря 2005 г. Он регулирует культурную деятельность в области «сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, расположенных на территории РК, а также в области научного исследования культуры». Согласно данному закону, Республика Карелия обязана нести расходы по сохранению объектов культурного наследия регионального значения. Закон требует обеспечения единого культурно-информационного пространства (соответственно Закон РК «О культуре» от 24 января 1995 г. утратил силу).

Принятый Закон РК «О культуре» дополняет республиканская целевая программа «Развитие сферы культуры в РК на период до 2012 года» (постановление коллегии Министерства культуры и по связям с общественностью РК от 27.10. 2005). Она представляет собой корректировку и развитие республиканской целевой программы «Развитие сферы культуры в РК на период до 2010 года». В качестве одного из приоритетных направлений выделяется разработка системы мер по сохранению историко-культурного наследия и более эффективное использование ресурсов культуры РК для воспитания подрастающего поколения в духе новой идеологии, основанной на признании ценности здоровья и чувства патриотизма. Учитываются основные направления социально-экономического развития РФ и РК, изменений федерального законодательства и задачи, поставленные в данной сфере Президентом Российской Федерации. Определены цели, задачи и этапы реализации программы.

Главной целью программы заявлено развитие культуры как важного ресурса социально-экономического развития территории, социальной стабильности и духовного здоровья населения РК. Для достижения ее ставятся задачи: повышение привлекательности РК как центра культуры, образования, науки и туризма, содействие улучшению делового климата и инвестиционной привлекательности и др. Среди предусмотренных мероприятий на первом месте обозначено «обеспечение сохранности историко-культурного наследия РК», и в частности таких уникальных памятников археологии, как беломорские и онежские петроглифы и окружающей их природной среды (Беломорский и Пудожский районы). Определены и исполнители: Министерство культуры и по связям с общественностью РК, администрация местного самоуправления (по согласованию). Предусматриваются создание и пополнение электронных баз данных, порталов по культуре, культурному наследию и культурному туризму.

Наконец, в 2005 г. принята и «Концепция развития Республиканского центра по государственной охране объектов культурного наследия». Она направлена на совершенствование системы сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного

наследия, расположенных на территории РК. Названо и общее их количество – 4374. В их числе объектов археологического наследия 1881, памятников архитектуры 1679, объектов истории и искусства 814.

Главным приоритетом в отношении петроглифов Карелии на современном этапе является их охрана. Об этом речь уже шла. Говорилось и о взаимосвязи и переплетении проблем изучения, использования и сбережения этих объектов культуры, являющихся национальным достоянием. Они не попали в число особо ценных памятников истории и культуры РФ только в силу организационных недоработок. К тому же мы считали, что прежде этот статус по праву должен был получить музей-заповедник «Кижь».

Под охраной (сохранением) в данном случае понимается система продуманных, согласованных, последовательных мер, нацеленных на то, чтобы оградить эти памятники от разрушения. Что они назрели, видно даже по многочисленным выступлениям в СМИ. Озабоченность состоянием охраны (а точнее, ее отсутствием) звучала и в заключениях специалистов, в разного рода служебных документах, отчетах, переписке. Значит настала пора заняться ею всерьез и надолго.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПЕТРОГЛИФОВ КАРЕЛИИ

Популяризация наскальных изображений – это одно из условий успешного решения и связанных с ними проблем. Она естественным образом вводит в мир наскального искусства, но знакомство с ним – это уже другая тема, другие книги, иные источники. Данное издание – региональное, научно-популярное, с элементами публицистики, диалога. Оно имеет подчеркнуто практическую направленность, выраженную в желании собрать и обобщить исходную информацию, отражающую состояние изученности, сохранности и формы использования петроглифов Карелии. Отсюда и многоплановость текста, и «сухой» язык, и «фактология», и отход от категоричности в заключениях. Довлекло желание еще раз привлечь внимание специалистов, работников властных структур, общественных организаций, туристов, населения к наскальным изображениям Карелии, заострить внимание на нерешенных вопросах, трудностях и путях их преодоления, на достижении согласия заинтересованных организаций и лиц по наиболее важным проблемам.

Думается, что самые любознательные, желающие увидеть в натуре петроглифы Карелии впервые или еще раз, тоже получают какие-то ориентиры, полезную информацию и настрой на активное, творческое восприятие памятников. Полезной может стать эта книга и для экскурсоводов. Петроглифы будят мысль, требуют ответной реакции, диалога. Добраться до их глубинных основ не так просто даже исследователям. Здесь открывается большое поле для собственного воображения, фантазии, заключений и гипотез.

Естественно, что при этом не следует отрываться от реалий времени их создания и функционирования. Кстати, это одна из задач книги: представить и дать возможность почувствовать время, саму жизнь той поры. По жанру ее можно назвать путеводителем. Правда, путеводителем не совсем обычным. С одной стороны, это путеводитель по самим памятникам, а с другой – по проблемам, с ними связанным (причем от их истоков и до дней нынешних). Обращаться к нему можно еще до непосредственного посещения петроглифов, при принятии связанных с ними управленческих решений. Может пригодиться он и при непосредственном знакомстве с наскальными полотнами и на заключительном этапе, при подведении итогов.

Полезно закрепить первые впечатления от посещения, более четко сформулировать их, высказать свои оценки. Сочетание накопленных уже научных знаний и опыта с результатами собственных наблюдений, личными размышлениями и предложениями читателя (кем бы он ни был) – одно из условий успешного продвижения вперед. Среди потенциальных читателей особо выделим местных жителей Беломорского и Пудожского районов РК, близлежащих к памятникам муниципальных образований, включая учащихся, учителей, представителей местной интеллигенции, тружеников предприятий и учреждений – всех, кому дорог и интересен родной край. Приходится вновь и вновь повторять, что судьба этих уникальных памятников во многом зависит и от отношения к ним местного населения, от включения их в общее культурное пространство районов, как весьма значимого долговременного ресурса.

И онежские, и беломорские петроглифы можно рассматривать как культурно-исторический феномен, яркую достопримечательность, одну из опор культурно-образовательной, просветительской, научно-познавательной и краеведческой деятельности, развития местного, отечественного и международного туризма. Это прекрасный объект показа даже для гостей самого высокого уровня. Музеефикация петроглифов Карелии со временем даст определенный экономический эффект. На создание собственной инфраструктуры вокруг памятников наскального искусства Карелии потребуются время, силы и средства. Но эти усилия и затраты оправданы и безусловно окупятся. Напомним, что по большому счету петроглифы и предназначались для решения одной сверхзадачи – обеспечить выживание населения, его предсказуемое развитие, уверенность в будущем.

Чем же интересны петроглифы Карелии для посетителей? В чем их привлекательность? Какое впечатление они могут оставить? Даже при беглом знакомстве с наскальными полотнами возникает масса вопросов, связанных с размещением гравировок, их топографией, окружающим ландшафтом, зрительным восприятием сцен (композиций), одиночных

фигур и знаков, их идентификацией. Непременно встанет вопрос о возрасте рисунков, их хронологии и периодизации, выделении основных этапов развития наскального творчества, включая зарождение, расцвет и упадок. Придется поразмыслить и об этнокультурной принадлежности изображений, их внутреннем смысле и содержании, месте в наскальном искусстве Фенноскандии, Евразии и мира. Каждая из обозначенных тем содержит немало нерешенных вопросов и тайн, проникнуть в которые весьма непросто. Строго говоря, наука еще не дала ответа на все из них, но база для более глубокого и всестороннего осмысления древних изображений уже заложена.

Все сказанное – своего рода ориентиры читателям и вопросы к тем, кто уже видел петроглифы Карелии в натуре. Знакомство с ними требует от каждого определенного напряжения ума, вызывает желание вникнуть в эти необычные картины, понять, что в них запечатлено, кого воспроизводит та или иная фигура, как она выполнена, осознать взаимосвязь изображений, разглядеть сцены, вычленить разновременные напластования, увидеть проявление фантазии, воображения, отступление от «правды жизни» в сторону символики, обобщений. Придется думать, думать и думать!

Желающие могут ознакомиться и с другими научными и научно-популярными изданиями, перечень которых приводится в списке литературы. Их пока не так много. Полезно еще раз прочесть упомянутую уже научно-фантастическую повесть А.М. Линевского «Листы каменной книги» и книгу К.Д. Лаушкина «Повесть о Манко Смелом». Каждый из названных авторов попытался воссоздать повседневную жизнь первобытного населения на территории Карелии, объяснить появление петроглифов, раскрыть их роль в жизни общества. Естественно, следует помнить, что это не научные труды, а художественные произведения, где высока роль вымысла, воображения. При чтении неизбежно возникнет желание понять, насколько достоверно отражена действительность эпохи петроглифов, причины их появления и роль в жизни людей. Вновь придется над чем-то поразмышлять, о чем-то поспорить, обратиться к накопленным научным знаниям.

Мы тоже рассчитываем на обсуждение, диалог с заинтересованными лицами и организациями. При обсуждении книги нужно принять во внимание, что готовилась она в трудное, переходное время, когда образованию, науке, культуре не уделялось должного внимания, когда остро встал вопрос о культурно-историческом наследии народов России, его оценки, сохранения, использования. В поле зрения общества оказались и петроглифы Карелии. Всплеск интереса к ним активно подогревался средствами массовой информации. Повышенное внимание к памятникам первобытного искусства со стороны общества, государства и отдельных его граждан радовало, к сожалению, побуждения к

активности не всегда были бескорыстными. Заявления о непреходящей ценности этих памятников, об угрожающей им опасности, необходимости их пратического использования порою скрывали желание заполучить беломорские или онежские петроглифы в свое ведение без каких-либо предварительных вложений — интеллектуальных, финансовых, организационных. Но стали появляться и обнадеживающие программы и проекты, началось обсуждение радикальных практических действий.

Монополии на информацию о состоянии петроглифов, степени их изученности и способах использования быть не может ни у кого. Своеобразной формой такой экспертизы является и данная книга, рассчитанная на тех, кто собирается посетить эти памятники (чтобы заранее подготовиться к встрече с ними), кто пожелает хотя бы на короткое время (особенно при знакомстве с наскальными полотнами на месте) погрузиться в археологическое время и мир первобытного искусства, чтобы не только узнать, но и лучше понять этот феномен, его опосредованную тысячелетиями связь с современностью.

Читатель получил ту исходную информацию, которая поможет ему впредь лучше ориентироваться на месте при первом и даже повторном знакомстве с наскальными изображениями. Выясняя, как и что изображено на скалах, посетитель сам на время становится исследователем, оказывается один на один с целым рядом загадочных проблем и вопросов. Почему эта фигура выбита именно здесь? Входит ли она в сцену или является одиночным изображением? Как все они и каждое в отдельности связаны между собой? Какие из них самые ранние и какие поздние?

Что представляют непонятные еще, загадочные фигуры и знаки? Почему для своего творчества первобытные мастера выбрали именно эти участки? Ради чего они занимались им вообще? Как долго длилась сама традиция? Как связаны рисунки с соседними древними поселениями? Одним словом, вопросов много.

Книга не дает однозначных ответов на них. Тем важнее критические замечания, пожелания, советы тех, кому не безразличны петроглифы Карелии. Что нужно развить, усилить, дополнить? О чем рассказать подробнее или, наоборот, сократить. Насколько убедителен образительный ряд иллюстративного материала? Отклики на эти (и любые другие) вопросы помогут совершенствовать подобные справочно-информационные издания, делать их более основательными, интересными и познавательными для читателя.

Глава VII

Петроглифы Карелии и наскальные изображения Фенноскандии

ФЕНОМЕН НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Петроглифы Карелии составляют неотъемлемую и выразительную часть наскального искусства мира и мирового культурного наследия в целом. Практика нанесения рисунков на пологие или отвесные скалы зародилась в глубокой древности, еще в эпоху верхнего палеолита. В Австралии, например, они стали появляться около 40 тыс. л. н. В Западной Европе известны впечатляющие росписи в пещерах. Кое-где традиция нанесения и использования рисунков дожила до современности. В прошлом веке такие случаи были зафиксированы документально.

Понятно, что в северные районы Европы и Азии традиция наскального творчества проникла позднее, после их первоначального заселения и освоения. Наскальных изображений много в Финно-скандии – природной стране на Севере Европы. Это территория современной Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании и России (Карелия и Кольский полуостров). Известны они и на северо-востоке Азиатского континента, за Полярным кругом – на прибрежных скалах р. Пегтымель в северо-восточной части Чукотки. Очаги наскального искусства разбросаны по огромным пространствам сибирской тайги и охватывают период от каменного века до этнографической современности. Они тяготеют к бассейнам великих сибирских рек: Лены, Ангары, Алдана, Олекмы и озера Байкал. Сибирские писаницы наносили на открытые скальные поверхности. Самая распространенная фигура на них – лось.

Памятники наскального искусства имеются и южнее, в лесостепной и горно-степной зонах – на Дальнем Востоке (в бассейне Амура и Уссури), в степном Забайкалье. Петроглифы известны в бассейне среднего течения Енисея, Томи, а также на Алтае. Разновременные наскальные рисунки встречаются на склонах Уральского хребта – и азиатских, и европейских. Прежде всего это знаменитая Каповая пещера. На Северном Кавказе наскальное творчество представлено в горном Дагестане. Большое и выразительное скопление выбитых рисунков известно в местечке Гобустан в Азербайджане, недалеко от Баку.

Определение зон и границ бытования самой традиции наскального искусства на разных этапах истории, выявление контактов между ними – тема специальных исследований. Бросаются в глаза региональные черты, которые отчетливо проявляются в особенностях расположения, составе сюжетов, стилистике и технике нанесения. Специфика каждого очага и региона наскального искусства обусловлена многими объективными и субъективными факторами, прежде всего природными и историко-культурными.

На Европейском Севере два памятника включены в Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО, в котором пока значатся только 12 районов наскального искусства. Это Танум в южной Швеции (классический пример земледельческих гравировок) и Альта-фьорд в северной Норвегии. На северо-западе европейской части России петроглифы известны на восточном берегу Онежского озера, в юго-западном Беломорье и на Кольском полуострове.

На территории Фенноскандии в наскальном искусстве выделяют две традиции: охотничью, тяготеющую к северным районам (на ее долю приходится 70% всех местонахождений), и земледельческую, приуроченную к более южным областям (южная Швеция, Дания).

Самыми богатыми скоплениями охотничьего наскального искусства Северной Европы являются петроглифы Альта (Норвегия), Немфорсена (Швеция), Онежского озера и Белого моря (Россия). На них, прежде всего наскальных изображениях Карелии, мы и сосредоточили основное внимание. В Скандинавии они распространены в основном в северной ее части и включают как петроглифы (высеченные фигуры) так и писаницы (изображения, нанесенные краской). В Финляндии пока известны только писаницы, в Карелии – лишь выбитые камнем по камню фигуры (петроглифы). Местами это целые картинные галереи на открытых пологих или отвесных обнажениях коренных пород – гнейсо-гранитах и др. В упомянутом уже местечке Альта на территории всего в несколько квадратных километров выявлено около 5000 фигур и знаков. В Немфорсене их около 2000. Изображения разных эпох – от каменного века до раннего Средневековья. Открытия последних лет показали, что весьма длительной традиция нанесения и использования рисунков была и на Кольском полуострове (Мурманская область).

Всего же на территории Фенноскандии известно уже более 1500 мест с наскальными изображениями, а на Европейском Севере России – пока только 5: по берегам рек Поной и Умба и на полуострове Рыбачий (Мурманская область), в северо-западном Беломорье (низовье р. Выг) и на восточном побережье Онежского озера. Научную и познавательную значимость этих археологических и историко-культурных памятников почувствовали уже их первооткрыватели. Позднее их образно называли «листами каменной книги», «картинными галереями каменного века», «каменной летописью», «великими архивами древней истории» и т.д. В таких броских определениях чувствуется попытка уловить самую суть этих объектов, их высший смысл и предназначение.

В петроглифах Карелии привлекает многое: разнообразие и относительно хорошая сохранность подавляющей части фигур и знаков, наличие странных загадочных образов и выразительных композиций. Их много и на восточном побережье Онежского озера и в низовье р. Выг

в Беломорье. Среди них встречаются уникальные, не имеющие прямых аналогов в мире. Впечатляет и окрестный ландшафт, а также обилие древних поселений, расположенных в непосредственной близости от самих изображений, а то и примыкающих к ним, имеются и одновременные петроглифам. Правда, надо помнить, что природная среда, включая уровень озера, конфигурацию кромки берега, растительный и животный мир, со временем изменялась. Сами рисунки служат своеобразным репером при выявлении колебаний уровня Онежского озера на протяжении последних 6–5 тыс. лет.

Привлекательны они и тем, что доступны и удобны для непосредственного, самого тщательного и пристального визуального осмотра. Это своего рода иконостасы, требующие особого подхода при знакомстве с ними. Не сразу удастся распознать потаенную суть примитивных на первый взгляд изображений, понять, что же воспроизведено на скальной поверхности. Это идеальный объект для образовательной и просветительской деятельности, по существу, готовые музеи под открытым небом. Интерес к ним возрастает как в нашей стране, так и за рубежом, появляются монографические труды ученых, научные статьи, научно-популярные издания, путеводители, каталоги, сведения в энциклопедиях и справочниках, базы данных, сайты в информационных системах, включая Интернет.

Многие первое представление о петроглифах Карелии получили из научно-фантастической повести А.М. Линевского «Листы каменной книги». Она издавалась много раз, в том числе и за рубежом. Общий тираж ее составляет более 2 млн экз. В 2004 г. издательство «Карелия» переиздало «Листы каменной книги» еще раз.

Лишь с начала 90-х гг. XX в. места с наскальными рисунками Карелии стали доступны для иностранных граждан. Первыми посетителями стали исследователи, но почти сразу начали практиковаться и туристические поездки, и посещения любителей. Возникло и крепло международное сотрудничество. Начались совместные программы и проекты, направленные на более полную и достоверную фиксацию рисунков, создание баз данных и продолжение комплексных исследований. Особое внимание уделялось охране и разумному использованию в культурном туризме и образовательно-просветительской деятельности.

К сожалению, больших сдвигов в решении накопившихся и возникающих в наши дни проблем не происходит. Не опубликованы сведения о новых онежских петроглифах, выявленных в течение последних 30 лет, равно как и материалы раскопок соседних с ними поселений. Необходима и более совершенная публикация о беломорских петроглифах, тоже заметно пополнившихся новыми изображениями. Желательно создание полного электронного каталога и базы данных, появление новых публикаций. Все еще далеко не всеми осознается образовательная и познавательная ценность петроглифов Карелии.

Почему они возникли и длительное время функционировали именно в этих местах? Избранные для них участки были обжиты задолго до появления нескольких полотен. Они привлекали богатыми охотничье-промысловыми угодьями. Наиболее выразительные и впечатляющие участки местности со временем становились святилищами. Для наскальных полотен выбирали поверхность скалы у самого уреза воды, гладкую, отшлифованную природой, пологую или почти горизонтальную, удобную для гравировок. Наличие поблизости пригодных для временного или постоянного проживания площадок, соседство промысловых угодий (как лесных, так и водных) только усиливали притягательность священных скал. Они находились как бы на грани трех миров: верхнего (небесного), среднего (земного) и нижнего (подводного), которые были представлены здесь наяву. Взаимодействие трех этих сфер (стихий), видимо, по-разному воспринималось при смене времен года.

Впечатляло вечно живое, движущееся водное пространство, выразительные восходы и закаты солнца, с особой силой высвечивающие изображения, делавшие их более рельефными, почти выпуклыми. Бесконечная череда облаков или бездонная голубизна неба порой просто завораживают. Впечатляющее сочетание неба, прибрежных скал и ландшафтов и водной стихии, видимо, не оставляло равнодушными и первобытных людей, как-то преломлялось, переосмысливалось в их сознании. Возможно, и они как-то пытались объяснить, почему летом при тихой погоде в небе можно наблюдать два светила одновременно – дневное (солнце) и ночное (луна). Видимо, вызвало интерес и отражение прибрежного пейзажа в зеркальной глади вод р. Выг или прибрежной части Онежского озера. Это точно такой же, как и земной, но опрокинутый в воду другой – подводный мир.

В отличие от онежских, территория беломорских петроглифов сильно изменилась благодаря строительству Беломорско-Балтийского канала, а позднее каскада Выгских ГЭС. Теперь она у д. Выгостров, обрамлена плотинной Выгостровской ГЭС, а двумя километрами ниже по течению – плотинной Беломорской ГЭС. Между ними обсохшее русло, которое лишь время от времени заполняется водой при сбросе ее излишков из водохранилища. Южная группа Бесовых Следков погребена под телом плотины, а над спасенной северной, основной возведен защитный павильон. Здесь до любого скопления можно добраться пешком или по руслу реки, или же по островам. Прежде, до строительства упомянутых сооружений, окрестности беломорских петроглифов тоже производили сильное впечатление. Разветвленная сеть рукавов и проток, множество больших и малых островов, пороги, водовороты (и даже небольшие водопады) разнообразили ее. Крупнейшими, вечно бурлящими и пенящимися оставались пороги Золотец и Черный.

Остров Шойрукша с противоположной от петроглифов стороны омывал ревущий и пенящийся порог Шойрукша. Добраться до рисунков можно было только на лодке с правого берега.

Наскальное искусство мира представлено росписями в пещерах и гротах и выбитыми или нанесенными краской фигурами и знаками под открытым небом на скальных обнажениях или же валунах. Чтобы рассмотреть рисунки в пещерах, требуется искусственное освещение. В гротах они, как правило, различаются и при дневном свете. Изображения ранней поры – эпохи палеолита – найдены теперь не только в пещерах, но и на открытых участках. Зачастую они тяготеют к воде, располагаясь по берегам рек, озер и морей. Впечатляет и длительность самой традиции – свыше 30 тыс. лет, а по данным некоторых современных исследователей, даже до 60 тыс. лет. В Австралии и Южной Африке эта традиция дожила до современности.

Велико общее число местонахождений, фигур и знаков в них. По данным на 1983 г. в 77 странах имелось 780 районов наскального искусства с 20 тыс. «участков», в которых зафиксировано около 20 млн. фигур. В 90-е гг. число районов приблизилось уже к 1000. Сильно возросло общее число памятников и изображений. Обновляются их понимание, представления о распространении по планете Земля и общем ходе их эволюции. Принятые линейные схемы развития ранних форм монументального изобразительного искусства от простых к более сложным во многих ареалах не подтверждаются. Все чаще обращаются к идее цикличности. Теперь уже более четко выделены основные регионы, хронологические пласты, доминирующие сюжеты, способы и техника нанесения.

К началу XXI в. представление о наскальном искусстве как мировом феномене стало общепризнанным. Появились профессиональные исследователи во многих странах, сформировалось их международное сообщество. Представление о нем дает биографический справочник «Кто есть кто в наскальном искусстве», издававшийся в Италии уже дважды (на английском языке). Ведется углубленное изучение памятников наскального искусства с использованием междисциплинарных подходов и данных естественнонаучных дисциплин, новых приемов документирования, исследовательских методов и методик, системного анализа и синтеза изобразительного материала.

Появилось несколько международных исследовательских центров, в частности, в Италии, Австралии, Индии и других странах. Развивается и крепнет международное сотрудничество в рамках долговременных программ и проектов. Растет число основательных монографических исследований, научно-популярных изданий. Регулярно проводятся представительные региональные и международные конференции, симпозиумы, совещания, рабочие встречи. Расширяются контакты и связи исследователей разных стран.

С осознанием непреходящей научной и познавательной ценности памятников наскального искусства, их значения для воссоздания мировой и региональной истории и культуры на первый план все явственнее выдвигается проблема сбережения и разумного использования этих общечеловеческих национальных и региональных ценностей. Они становятся одним из ресурсов будущего развития культуры и образования, тем более в условиях набирающей силу глобализации.

Являясь частью культурного достояния всего человечества, они обладают неповторимыми местными особенностями. Возрастает интерес к сравнительному изучению, сопоставлению, организации международных специализированных туристических маршрутов для желающих увидеть эти памятники в натуре, сравнить их, узреть в них общее и особенное. Практическая работа по сохранению, использованию и изучению наскального искусства ведется сейчас на всех уровнях — от местного до международного.

Очень важно, что такая работа на местах находит поддержку и по линии ЮНЕСКО. В ее структуре имеются ИКОМОС и ИККРОМ — организации, ведающие вопросами охраны и пропаганды знаний о недвижимых памятниках, расположенных под открытым небом и связанных с ними достопримечательных местах. При ИКОМОСе функционирует комитет по наскальному искусству, занимающийся популяризацией и охраной памятников наскального искусства мира, рассматриваемого как общемировой феномен. Одним из итоговых документов деятельности на этом уровне является Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО, начатый в 1979 г.

Открывают список пещерные палеолитические росписи в долине р. Везер во Франции и петроглифы Валкамоника на севере Италии. В 1982 г. в него вошли скопления наскальных изображений Тассили-Аджер в Алжире, а в 1985 г. — еще три местонахождения: знаменитая пещера Альтамира в Испании, Тадрар в Ливии и Альта на севере Норвегии. В 1994 г. в список включены петроглифы Танума в районе Богуслена на западе Швеции, а в 1998 г. — палеолитические петроглифы под открытым небом в Фош Коа в Португалии. У петроглифов Карелии есть все основания попасть в этот престижный список, если будут налажены их эффективная охрана и рациональное использование, проявится заинтересованное отношение к ним со стороны федеральных и республиканских органов власти, муниципальных образований, общественных организаций, местного населения.

Востребованным должен стать зарубежный опыт, например, Австралии. Там у таких памятников имеются традиционные и полноправные собственники — общины аборигенов. Они владеют правом на коллективное пользование землей и тем, что на ней находится, в том числе и наскальными росписями или выбивками. Это не просто их раритеты, реликвии, а святыни — реальное связующее звено с предшествующими поколениями, впитавшее прежние мифологические представ-

ления и ритуальный опыт предков, убедительное свидетельство принадлежности окружающей земли данной общине.

У аборигенов северной Австралии – это непрерывная традиция их создания, почитания и передачи запечатленных знаний из поколения в поколение, прочный канал связи с прошлым, его символическое олицетворение и вещественное воплощение. Коренное население воспринимает их как часть творения земли, истории и всего сущего, место обитания духов предков или их воплощение, гарантию благорасположения. Бывает, что росписи подновляются, перерисовываются или же наносятся заново, но лишь немногие, избранные, имеют право на такие деяния, священнодействия.

Мы вспомнили о живой памяти аборигенов Австралии потому, что она как-то приближает нас и к пониманию памятников наскального искусства Северной Европы, их места и роли в повседневной жизни людей. Естественно, что музеефикация и туристическое использование наскальных изображений в Австралии требуют осмотрительности и такта, чтобы не причинить вреда все еще действующим изображениям, не вызвать негативной реакции их владельцев – местных жителей. Главная форма их музеефикации – именно специализированный туризм. Туризм неорганизованный и неконтролируемый может причинить им немалый вред и вообще стать главной угрозой сохранности. Нужны продуманные схемы менеджмента по их управлению и использованию на ближайшую и более отдаленную перспективу.

Необходимы они и в Карелии с учетом степени сохранности, научной значимости, возможности использования, дальнейших комплексных исследований. Такая дальнесрочная стратегия должна учитывать многие объективные и субъективные факторы, включая местоположение, отношение к ним местного населения, доступность для неорганизованных посетителей, уровень культурного развития данного региона и местности в целом, степень промышленного освоения, вероятность обеспечения полной сохранности и необходимых для этого затрат, возможности и перспективы туристического использования и др. В ряде стран наскальные изображения и связанные с ними достопримечательные места стали частью национальных парков. Там они активно используются, но по принципу выборочности. Совсем не обязательно показывать все известные группы изображений, тем более легко ранимые и плохой сохранности.

Всегда и везде приходится изучать и принимать во внимание психологию посетителей, стереотипы их поведения и восприятия памятников наскального искусства. Как показывает и отечественный, и зарубежный опыт, запретительные меры или даже сверхжесткие ограничения не эффективны и к добру не приводят. Ныне предпочтение отдается ненавязчивым, незаметным оградительным и охранительным мерам, включая полноценную, доходчивую, современную информацию о таких памятниках.

Неконтролируемый доступ к наскальным изображениям, в том числе и петроглифам Карелии, чреват негативными последствиями. Отсюда стремление к более продуманной подаче информации, ее разумному дозированию. Местоположение некоторых скоплений в ряде стран, например в Швеции, теперь уже просто не указывают, чтобы не подогревать интерес случайных посетителей и оградить изображения от не санкционированного посещения.

В Российской Федерации широко известен музей-заповедник «Томская писаница», открытый в 1989 г. Он включает 12 экспозиционных зон. В его составе музей наскального искусства Азии – первый специализированный музей такого профиля. Томская писаница органично вписана в природно-исторический ландшафт, что только усиливает ее познавательную и эмоциональную притягательность. Она рассматривается и как составная часть современного культурного пространства Сибири. Интеграция древних образов в современный художественный мир, умелая популяризация и пропаганда, обоснованное повышение статуса – все это тоже необходимые условия сохранения подобных памятников.

Чтобы приобщить к наскальному искусству более широкие слои населения, включая школьников, студентов и преподавателей, молодых специалистов, людей пенсионного возраста, требуются основательные методические разработки. Они помогут в рамках специальных обучающих программ, курсов и спецкурсов готовить грамотных гидов, которые станут затем посредниками между памятниками и посетителями. Петроглифы и росписи – привлекательное место для проведения разного рода просветительных и образовательных мероприятий, как культурологических, так и природоохранных, экологических. Здесь могут проходить различные школы, студенческие практики, совещания, симпозиумы, рабочие встречи. Естественно, при обязательном условии, что никаких негативных последствий от пребывания на памятнике их участников не будет.

Сверхзадачей таких обучающих программ и проводимых в их рамках мероприятий является активизация мыслительной деятельности, расширение и углубление исторической и культурной памяти посетителей. Поможет в этом и сильное эмоциональное впечатление от выразительного единства природного и человеческого начала. Закрепить и утвердить доброжелательное отношение к петроглифам Карелии, заботу об их сохранности может помочь этический кодекс посетителей, главным требованием которого будет «Не навреди!». Другими словами – уважительное, благодарное отношение к памятникам, их творцам, исследователям и бескорыстным защитникам. Придется сообща искать и обсуждать приемлемые формы консервации наскальных полотен, устранения нанесенных повреждений.

Осмотрительности требуют планирование и проведение археологических исследований, включая раскопки соседних стоянок. Пока они

должны ограничиваться в основном спасательными работами на памятниках, подвергшихся природному или антропогенному разрушению. Археологические памятники, которым ничто не угрожает, лучше сохранить в неприкосновенности для будущих поколений исследователей. А накопленные уже материалы проводившихся здесь многолетних разведок и раскопок необходимо заново, с учетом современного уровня науки, осмыслить, систематизировать и опубликовать. На это потребуются время, силы, средства.

Пора всем понять, что петроглифы Карелии – забота не только специалистов, профессионального научного сообщества. Они требуют внимания органов власти всех уровней, включая местное самоуправление. Особая ответственность лежит на органах государственной охраны объектов культурного наследия. Немаловажным фактором выступает позиция общественных организаций, местных сообществ. Эти достопримечательные объекты должны найти отражение и в государственной политике Республики Карелия, в сфере образования и просвещения, культуры и изобразительного искусства, науки и музейного дела, краеведения и туризма, библиотечного и издательского дела. Древние образы и символы можно и нужно интегрировать в современную культуру, что только облегчит и их охрану, и разумное использование.

При разработке мер сбережения требуется индивидуальный подход к каждому такому памятнику, учитывая, что на них влияют климатические, гидрологические, биологические, золотые и другие факторы, включая привносимые водой осадки, распространение патины на поверхности наскальных полотен. Сказывается ветровая эрозия, происходят разломы и трещины под напором льда, при попадании и замерзании влаги в трещинах.

Отмечается негативное воздействие биологических агентов: высшие и низшие растения, насекомые, птицы и животные, рост лишайников (симбиоз водорослей и грибов). Лишайники – распространенный вид воздействия на поверхность скалы. Они могут разрушать, но могут и защищать изображения. В северной Норвегии даже пытаются сохранять покров из низших растений в качестве защиты поверхности с петроглифами от агрессивного атмосферного воздействия (речь идет о растительном покрове из кустистых лишайников, которые можно даже свернуть наподобие ковра). Крепится он лишь точечно. Обычно рост лишайников способствует процессу реальной деструкции поверхности скалы. Покрытые лишайником фигуры труднее разглядывать, копировать и фотографировать, а значит, и документировать.

Состояние памятников наскального искусства вызвало потребность в консервации многих из них. Задача консервации петроглифов Карелии непростая и требует основательной предварительной проработки применительно к каждому наскальному полотну. Общих

рецептов нет, да и навряд ли они появятся, слишком уж разнообразны сами памятники, их состояние, окружающая среда. Меры консервации разделяют на прямые (нацеленные на сами изображения) и косвенные, например, установка водоотводов, ограждений, решеток, настилов, регулирование растительного покрова. Последние имеют целью улучшение условий нахождения данных недвижимых памятников под открытым небом. Что можно противопоставить растрескиванию скал, ветровой эрозии, накоплению влаги в трещинах, увеличению приносимых водой осадков – предстоит выяснить. Восстановление прежнего вида наскальных изображений, их консервация, выбор материалов – все это дело профессиональных реставраторов. В России опыт консервации недвижимых «каменных посланий» еще совсем мал.

Важную роль в судьбе беломорских и онежских петроглифов будет играть современный менеджмент. Для каждого памятника нужен свой план управления, точное определение статуса охраняемой территории и входящих в нее достопримечательных мест. Неизбежен контроль за посетителями, введение сторожевой охраны (особенно если петроглифы становятся объектом туристического показа). Значит, требуются более ясное выделение экспозиционных зон и конкретных наскальных полотен, устройство подходов к ним, определение точек осмотра, облегчающих восприятие изображений, подготовка аннотаций, охранных надписей и т.д.

И, конечно же, нужны компетентные экскурсоводы, способные хорошо представить памятники, историю их изучения, показать связь с природно-историческим ландшафтом. Потребуется и создание туристской инфраструктуры (благоустройство, пешеходные дорожки, мостики, места отдыха и т.д.). Вся охранный деятельность, включая консервационные проекты, нуждается в надежном информационном обеспечении и постоянном мониторинге ее эффективности, чтобы при необходимости своевременно вносить коррективы в стратегию и текущее планирование.

Техника нанесения наскальных изображений в разных частях света в различные исторические периоды заметно отличалась. Петроглифы Карелии выполнялись прямыми ударами камня (вероятно кварца) по скале. За ее пределами известна техника резьбы, шлифования. Росписей-изображений, нанесенных на скальную поверхность какими-либо пигментами (разной консистенции), в Карелии пока не обнаружено. Среди известных в других местах повсеместно преобладали монохромные наскальные рисунки красного или черного цвета. Иногда цветовая гамма выглядела разнообразнее и включала белый, желто-коричневый, красно-вишневый тона, оттенки зеленого, синего и других цветов. Судя по анализам состава краски

творцы изображений предпочитали охру (оксиды железа) другим красителям. Любопытное наблюдение – цветообозначения в языке возникли хотя и не одновременно, но во всех языках появляются в одной и той же последовательности. Первая пара – это черно-белая. Ее иногда подменяет оппозиция – темно-светлый, за ними красный, далее в различной очередности обозначаются желтый и зеленый, а уже за ними следует синий цвета.

Техника исполнения росписей отличалась довольно большим разнообразием: краски наносили пальцами или кистью, стеблем или палочкой, тампоном или штампом. Иногда использовались кисть руки, выскабливание, выдувание или набрызгивание, сочетание различных техник. В качестве связующих и закрепляющих составов могли применяться кровь, жир, урина, сок, яичный белок, соли и т.д. Предположение о наличии связующих составов в краске росписей не нашло подтверждения ни для европейских палеолитических пещер, ни для древнего наскального искусства Канады и Австралии. Напротив, они присутствуют в росписях Южной Африки, США, Китая. Данная информация приведена на случай открытия писаниц в Карелии.

ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ФЕННОСКАНДИИ

Как известно, Фенноскандия – это природная страна на Севере Европы. Она включает территорию Скандинавии, Финляндии, Кольского полуострова и Карелии общей площадью около 1,5 млн км² и несколько природно-географических зон. На юге простирается тайга и смешанные леса, севернее лесотундра, а ее сменяет тундра. Ей свойственно разнообразие рельефа и ландшафтов: нагорья и равнины со следами древних оледенений, современные ледники в Скандинавских горах, озера, болота, фьорды и шхеры в прибрежной части. Здесь немало достопримечательных мест.

К числу особо привлекательных можно отнести и наскальные изображения, известные в Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, России (в Карелии и на Кольском полуострове). Всего зафиксировано около 2000 групп (скоплений). В основном это петроглифы – выбитые или шлифованные изображения на скалах. Реже встречаются писаницы – рисунки, нанесенные краской (чаще всего охрой).

Первые скальные изображения зафиксированы в Швеции еще в 1627 г., в Норвегии – в 1823 г., в Дании – в 1830 г., в Карелии – в 1848 г., в Финляндии – в 1911 г и на Кольском полуострове – в 1973 г. Поиски их продолжают и поныне, и приводят к новым

открытиям, порой весьма неожиданным и впечатляющим. Не имея возможности подробно осветить историю открытия и изучения всех таких памятников, отметим лишь наиболее значимые вехи на долгом и трудном пути петроглифоведения в названных странах. По мере осознания научной и познавательной ценности наскальных рисунков становилось все яснее, что их необходимо основательно задокументировать и продолжать изучать. И вместе с тем нарастала озабоченность их сбережением и вдумчивым использованием.

Систематическое исследование подобных памятников началось только в середине XIX в. Знаменательно, что как раз в год открытия онежских петроглифов появилась книга А.Е. Хольмберга о наскальных изображениях Скандинавии. Важной задачей становится совершенствование способов воспроизведения или копирования рисунков. Подтверждением тому служат копии петроглифов Восточной Швеции Б.Е. Хильденберга, выполненные в 70-х гг. XIX в. Заметную роль в становлении петроглифоведения в скандинавских странах сыграла двухтомная публикация Л. Бальцера, посвященная петроглифам Бохуслена в Западной Швеции, которые стали эталонным памятником земледельческого (фермерского) искусства Северной Европы эпохи бронзы.

Довольно рано, еще в 1705 г. были обнаружены и первые петроглифы охотничьего типа в Немфорсене – самое богатое местонахождение такого рода в Швеции. Новый всплеск интереса к наскальным рисункам наблюдался в XX в. Весьма продуктивными стали исследования Г. Хальстрема, Г. Иессинга, Дж. Бее, Э. Энгельстада, Л. Форсберга, П. Симонсена, К. Хельского, П. Рамквиста, А. Каре, П. Кивикаса и др. Можно назвать фундаментальный труд Г. Хальстрема о норвежских петроглифах, опубликованный в 1938 г. Автор много внимания уделил их документированию и заявил, что нашел «единственный удовлетворительный способ копирования». В процессе воспроизведения изображений он стремился проследить и саму последовательность заполнения наскальных полотен. В тот же год в СССР издан второй том фундаментальной публикации В.И. Равдоникаса «Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря» (М.–Л., 1938 г.).

Вторая мировая война приостановила начавшиеся исследования, но вскоре после ее окончания они возобновились и заметно расширились. Итогом стала публикация монографических трудов. Среди них отметим книгу А. Хагена «Охотничье искусство» (1976), в которой делается попытка обобщить все накопленные в Скандинавии материалы. Роль подобных трудов весьма велика, поскольку они проясняют достигнутый уровень исследований, выявляют нерешенные проблемы, помогают в выборе приоритетов на будущее. В качестве сопоставительного материала А. Хаген использовал петроглифы земледельческого типа Фоссул. Наскальное творчество он рассматривал как «...следы древнейшего духовного производства».

К 70-м годам XX в. число известных петроглифов и писаниц в скандинавских странах заметно увеличилось. Так, в Норвегии к тому времени удалось зафиксировать более 70 местонахождений охотничьего типа, протянувшихся почти вдоль всего морского побережья страны. Большой резонанс вызвало открытие петроглифов Альта у Альта-фьорда (1973–1982 гг.). Если в XIX в. преимущественное внимание привлекали памятники земледельческого типа, распространенные на территории Дании, юге Швеции и на юго-востоке Норвегии, то в XX в. заметно возрос интерес к охотничьему наскальному искусству, представленному в основном в Северной части Фенноскандии. Наметились и «контактные районы», где обе эти традиции соседствовали – северная Швеция, северная и западная Норвегия. В целом они четко различаются и по расположению, и по тематике, и по технике исполнения. На скальных полотнах охотничьего типа доминируют лоси и олени. Встречаются сцены охоты и рыбной ловли. В искусстве земледельческого типа преобладают лодки, имеются сцены пахоты, изображения рук и стоп, диски и чашеобразные углубления.

В числе самых актуальных научных проблем были и остаются происхождение и распространение наскальных изображений по территории Скандинавии. Еще Оскар Монтелиус в 1876 г. указал на связь наскальных фигур южной Скандинавии с западноевропейскими. Напротив, А. Альмгрен искал их истоки в восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

По мере увеличения числа таких памятников все активнее дискутировался вопрос об их хронологии, периодизации и взаимосвязи. Стали выявляться так называемые «группы контакта» – наскальные полотна, на которых взаимосвязь Севера и Юга Скандинавии и обеих форм наскального творчества прослеживалась с особой отчетливостью. Среди них Альта (Северная Норвегия), Аусевик (Западная Норвегия), Немфорсен (Северная Швеция). Постоянно возникал и вопрос о смысле и предназначении образов наскального искусства. Одни видели в них «документацию», отражавшую реальные события (войны, враждебные столкновения, поединки и т. д.), другие, напротив, указывали на символическое значение фигур – во всяком случае, таких как лодка и ладони. Звучала мысль о непосредственной связи изображений с верованиями (религией), культом мертвых, жертвенными подарками богам. А. Альмгрен полагал, что петроглифы представляют собой культ изобилия, культ жизни и смерти – «язык, при помощи которого племена обращались к богам». Принадлежность к разным культурно-хозяйственным типам и предопределила появление двух разных традиций. Систематические полевые работы время от времени приводят к новым открытиям. Продолжается и углубленное исследование выявленного изобразительного материала.

Значит, имеет смысл дать хотя бы самую короткую информацию о наиболее известных памятниках в таких странах Фенноскандии, как Финляндия, Швеция и Норвегия.

Со времени основополагающих полевых и теоретических исследований Г. Хальстрема, Г. Иессинга и др., поставленные ими проблемы не потеряли своей актуальности. Обращаться к ним побуждали и новые открытия. Источниковая база быстро расширялась. Л. Форсберг уже по-своему увидел очередность появления контурных и силуэтных фигур. К. Хельског отстаивает идею цикличности развития наскального искусства Северной Скандинавии. Зарождение его все чаще относят к мезолиту (6000 л. до н. э.), а финал – к эпохе бронзы (500 л. до н. э.).

Какие изображения появились раньше – силуэтные или контурные? Вопрос, который тоже не раз поднимался и пока не нашел однозначного ответа. Чаще высказываются мнения в пользу контурных фигур. Одной из центральных остается проблема дешифровки наскальных рисунков. Видимо, они тоже отразили целый комплекс «языческих» представлений и верований, включая мифологические, магические, тотемические и др. Основательное сопоставление и сравнительный анализ облегчил бы добротный Каталог всех наскальных изображений Фенноскандии. Важен и сам опыт их осмысления в этих странах. Цель данного краткого обзора – показать тот контекст, в рамках которого ведется изучение петроглифов Карелии, расширить сравнительный материал. Возможно, у кого-то возникает желание самому увидеть зарубежные памятники в натуре. Желание вполне оправданное и похвальное, особенно для тех, кто пожелает доскональнее понять мир монументальности наскального искусства.

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В 1973 г. Понойский археологический отряд ЛОИА АН СССР (ныне Институт материальной культуры РАН), возглавляемый Н.Н. Гуриной, открыл необычную группу наскальных изображений (в которой теперь насчитывается около 150 фигур). Располагается она в Восточной Лапландии, почти в центре Кольского полуострова на правом берегу р. Поной, около бывшей д. Ивановка, в местечке с саамским названием Чальмн-Варрэ. Своеобразие нового скопления подчеркивается самой местностью – высокий мыс из крупных скалистых блоков (в древности остров), выступающий над заболоченной поймой. Отсюда до Полярного Круга всего 100 км.

Рисунки размещаются на 10 отдельных камнях с горизонтальной плоской поверхностью площадью от 7 до 0,88 м². Поверхность са-

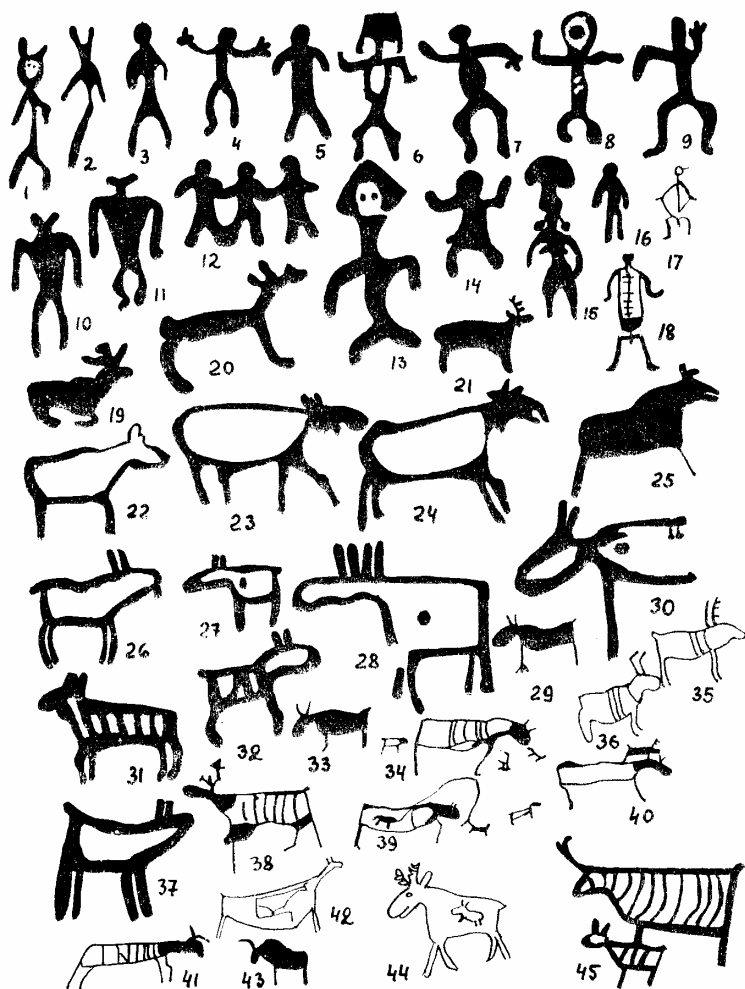
мого большого из них насыщена особенно плотно. Только в одном случае выбивки сделаны на вертикальной грани. Сами камни мелко или крупнозернистые, располагались по древнему берегу реки как минимум на двух уровнях. Рисунки на них различаются по технике нанесения, стилю, компоновке.

Первые три камня (на них 26 фигур) лежат у самой кромки современного берега реки и основное время года (примерно до начала июля) находятся под водой. Фигуры выбиты относительно глубоко («в силуэтно-линейной манере») по всей площади силуэта и включают оленей с двумя ногами, три антропоморфных фигуры в фас, композиции с их участием.

Основная масса рисунков располагается по краю более высокой, первой надпойменной террасы и на высоте не более 1 м (в настоящее время это паводковый уровень). Здесь сосредоточены в основном линейно-контурные олени, антропоморфные фигуры и фантастические существа, а также солярные знаки и чашевидные (лункообразные) углубления. Выбивка менее глубокая, иногда небрежная и выглядит детализированнее и вместе с тем схематичнее. Сильнее выражено индивидуальное начало, особенно в образах людей. Появляются звери с четырьмя ногами. Иногда выбивки соприкасаются, а нередко и перекрывают предшествующие. Чувствуется тяготение к тем полотнам, которые уже использовались ранее – наглядное отражение желания сохранять и развивать данную традицию.

Нижний пласт (или ярус) В.Я. Шумкин относит к концу III – началу II тыс. до н. э. и считает, что «...создатели первых понойских петроглифов были знакомы со скальными святилищами Белого моря и Онежского озера (может быть другими подобными) или по крайней мере, им не были чужды образы, персонажи, представления древнего населения этого региона». Второй, верхний ярус, более самобытен и датируется II–I тыс. до н. э. Здесь отмечено влияние «земледельческого ареала». Выяснение этнокультурной принадлежности рисунков, их семантики, уточнение хронологии и периодизации каждого из скоплений, более строгие сопоставления – все это дело будущего.

Там, где полотно крупнозернистое, рисунки прослеживаются хуже, порою с большим трудом. На четырех камнях (I, II, IV, V) более гладких, с пустынным загаром у гравировок края ровнее, хорошо прослеживаются детали. Доминируют одиночные изображения, но зафиксированы и композиции. Фигуры силуэтные, выполнены в точечной технике глубиной менее 0,5 см. Преобладают олени и люди. Размеры выбивок небольшие: животные – 22–25 см (оленьята же – не более 11 см), а люди – от 19 до 45 см. Антропоморфные образы даны в анфас, а животные показаны в профиль.

Чальмн-Варре

К числу ранних (конец III тыс. до н. э. отнесены фигуры на камнях I–II, где выбиты олени со сдвоенными ногами и два человека. Более поздний палст (предположительно рубеж II–I тыс. до н. э.) приурочен к коренному берегу и представлен в основном оленями, чашевидными углублениями, человекоподобными фигурами, фантастическими персонажами, солярными знаками. Головы некоторых человечков кольцеобразные, контурные. У животных показаны четыре ноги. Изображения

здесь детализированнее и схематичнее, порою образуют весьма необычные композиции. Выбивка менее глубокая, небрежная.

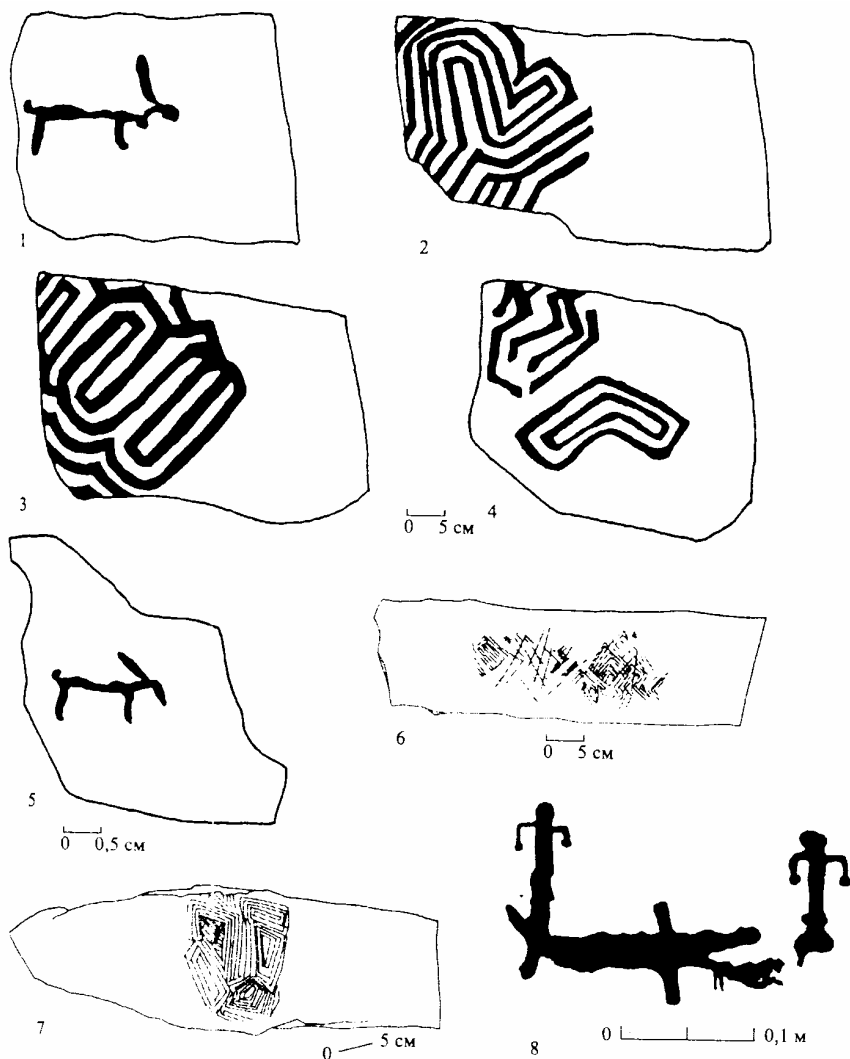
Осматривая камни, отметим, что на первом имеются и натуралистические и более схематизированные олени, возможно даже исполнены одним мастером. Центральное место занимают два пляшущих человечка с поднятыми трехпальными руками. На одном головной убор с тремя рогами, у второго подвязан хвост. Ноги той и другой фигуры выбиты поверх ног оленей, что указывает на их взаимосвязь. На камне II выбиты олень и лось, на камне III олени, на камне IV – пара оленей, на камне VI – 18 оленей и крупный, не очень отчетливый силуэт человека.

Камень V – самый насыщенный и, видимо, использовался длительное время. На нем запечатлены образы оленей, людей, антропоморфных существ, солнца, змей. Среди четвероногих животных представлены и сильно схематизированные, более натуралистические. Имеются явные сцены: рождение олененка, женщина с выпуклым животом и небольшим олененком между ног и др.

По заключению Н.Н. Гуриной, мыс Чальмн-Варре служил святилищем, где выполнялись религиозные церемонии в период позднего неолита и раннего металла. Она допускала преемственность между двумя выделенными периодами и принадлежность скальных рисунков предкам саамов. В.Я. Шумкин оба хронологических пласта относит к концу III тыс. до н. э.

Н.Н. Гурина сопоставляла понойские петроглифы с наскальными рисунками Карелии, Финляндии, Швеции, Северной Норвегии и даже Чукотки, Урала, Ангары и Байкала. Указывая на своеобразие каждого из регионов, она отмечала и немало сходных черт, в частности, тяготение к труднодоступным местам, органичную связь с окружающей природной средой. Подчеркивалось, что рисунки всегда отражают не природу вообще, а конкретную среду, с которой их творцы сталкивались повседневно. На всех охотничьих наскальных полотнах основные объекты – будто бы крупные промысловые животные: в тундре – олени, в тайге – лоси. На втором месте по численности стоят люди и антропоморфные существа. Совсем мало иных зверей, птиц, рыб, собак, змей. Среди композиций доминируют сцены охоты на сухопутного и морского зверя.

По технике нанесения Н.Н. Гурина тоже делила скальные рисунки на силуэтные (господствующие по ее мнению, на Кольском полуострове, в Карелии, на Чукотке) и контурные (преобладающие во всех других областях). Рисунки Чальмн-Варре она связывала прежде всего с магическими представлениями – стремлением к «умножению и размножению в первую очередь промысловых животных». Один из доводов в пользу магической сущности рисунков – фигуры пляшущих «шаманов». Допускалась связь святилища с тотемизмом и культом предков.

***Писаницы и гравировки полуострова Рыбачий
(Мурманская область России)***

1–5 писаницы Пяйве, 6–7 гравировки Пяйве, 8 – писаница (триптих) Майка

В 1985–1986 гг., теперь уже на северо-западной окраине Восточной Лапландии, на полуострове Рыбачий обнаружилось еще два новых скопления охотничьего типа, условно названных «Галерея» и «Пеше-

ра». «Галерея» расположена на правом берегу р. Пяйве в 1,5 км от впадения ее в Баренцево море. Здесь, на вертикальной поверхности скального останца, в нижней его части, на высоте 25,5 м под небольшим выступающим карнизом нанесены и гравировки, и писаницы, обращенные на восток, в сторону моря. Различаются геометрические фигуры (их 25), и олени. Наносились они в линейной технике, пальцами рук, которые предварительно смачивались красной охрой. Зафиксировано три случая вытирания пальцев о скалу после нанесения на нее росписей. Видимо, писаница являет собой одновременный комплекс. Зафиксированы и гравировки, размещенные на вышележащих и иначе ориентированных скальных блоках. Они тоже имеют геометрические формы. Несколько из них выполнены острым металлическим предметом (возможно, ножом) поверх писаниц. При всем сходстве рисованных и гравированных фигур последние, вероятно, отражают более поздний и более длительный этап наскального творчества, зародившегося не ранее I тыс. н. э.

В 1 км от «Галереи», на левом берегу р. Пяйве найдены четыре разрушенные стоянки. Их относят к VI тыс. до н. э. — к среднему этапу мезолитической культуры Комса. Не исключено, что их обитатели имели непосредственное отношение к наскальным рисункам.

В 1,5 км от «Галереи», на левом берегу р. Майки в гроте (пещерном углублении скалистого берега) на высоте 23,5 м над уровнем моря находится «Пещера». Здесь, в самом дальнем и темном углу красной краской и в иной технике выполнена сцена из трех фигур, включающая два антропоморфных образа (вероятно, мужской и женский) с округлыми головами, раскрытой звериной пастью, приподнятыми плечами, сомкнутыми ногами.

Писаницы на р. Пяйве, предположительно, относят к мезолитическому времени — 6–5 тыс. до н. э. А вот нижнюю границу гравировок помещают не ранее конца II—I тыс. до н. э., допуская, что некоторые, возможно захватывают и саамское средневековье.

И, наконец, в 1998 г. последовало новое впечатляющее открытие на Кенозере (расширение р. Умба), в 40 км от впадения реки в Белое море, в южной части Кольского полуострова и ближе к Карелии. Здесь выявлен новый большой комплекс петроглифов, включающий 19 групп (около 500 изображений), сосредоточенных на скальной поверхности трех островов и одного прибрежного каменного останца (в районе впадения р. Муна в озеро). Гравировки размещены на высоте от 0 до 8 м над урезом воды. В них выделяют не менее пяти последовательных напластований. Судя по техническим и стилистическим характеристикам, они появились в период с конца неолита (6000–5000 лет назад) и до саамского средневековья (900–300 лет назад). Напрашиваются прямые аналогии с наскальными рисунками Альта, Немфорсена, Карелии, Понойской группой Кольского

полуострова. Случаи перекрыwania фигур не отмечены. Видимо, здесь находился сакральный центр, функционировавший (может быть с незначительными перерывами) очень долго, около пяти тысяч лет. Он в какой-то мере отразил основные этапы изобразительной деятельности на Европейском Севере.

Открытие петроглифов и писаниц на Кольском полуострове весьма знаменательно. Кажется странным, что они обнаружены здесь так поздно. Теперь выяснилось, что граница распространения наскального искусства проходит значительно севернее и приближается к океану. И здесь присутствуют выразительные местные особенности – в их расположении, технике нанесения, стиле, сюжетах, характере композиций. Вместе с тем новые скопления дали ценный материал для сравнительно-сопоставительного анализа с другими очагами наскального искусства Евразии (вплоть до Чукотки). Они укрепляют надежды на новые открытия как на Кольском полуострове, так и в соседних регионах. Петроглифы и писаницы Кольского полуострова нуждаются в основательной публикации и дальнейшем исследовании.

ПИСАНИЦЫ ФИНЛЯНДИИ

На территории Финляндии наскальное искусство пока представлено только писаницами. Первую открыл Ян Сибелиус в 1911 г. неподалеку от своей дачи на восточном берегу озера Виттрэск, в 23 км западнее Хельсинки. Рисунки нанесены на вертикальной плоскости отвесного скалистого обрыва, уходящего в воду. Полотна находятся на высоте 0,8 – 1,8 м над ее поверхностью. Различаются пятна краски (охры) и 5 так называемых «рамочных» фигуры (в виде четырехугольников с кистями по краям и орнаментированным контуром).

Массовые находки писаниц начались в 1960-х гг. с участием любителей. Наиболее яркое открытие принадлежит известному археологу Пекке Сарвасу. В 1968 г. он отыскал на берегу озера Ювести группу Астувансалми, видимо, лучшее по сохранности, числу и опознаваемости фигур наскальное полотно. Вскоре последовали новые открытия. В итоге уже в 70-е годы XX века в Финляндии стала известна 31 писаница, в 1980-е – 17, 1990-е – 31. Результаты воистину впечатляют. По данным на 1999 г. общее число явных росписей достигло 65 (1708 изображений). Еще 20 местонахождений нуждаются в обследовании и документировании. Изображения на них возможно были, но распознаются с большим трудом. Пока идентифицировано только 443. Преобладают антропоморфные образы (примерно 2/3 общего числа) и фигуры лосей. Знакомство с необычными археологическими памятниками начнем с упомянутой выше писаницы Астувансалми.

Писаница Астувансалми (Ристина, Ювести). Названа по узкому и глубокому проливу, отделявшему остров вытянутой формы от скалистого северного берега озера Ювести. Находится в средней части пролива на поверхности крутого утеса, опускающегося в воду и обращенного к югу. Для росписей использован участок мощного горизонтального желоба с гладкой поверхностью — след, оставленный материковым льдом.

Астувансалми

Длина полотна 15,5 м. На западном его краю видны следы красной краски, а ниже — 6 отчетливых вертикальных линий. Рядом слегка обособленное скопление, в котором различается фигура человека с руками на бедрах и лодка с двумя гребцами. Слева — контурный лось.

Наиболее насыщена центральная часть. Если начать осмотр ее с левого края, то увидим схематичную фигуру человека с рогами, ноги которого пересекают корму лодки с людьми. Между лодками — небольшой лось с отчетливыми ушами и рогами. Рядом человек с дугообразно изогнутыми руками и ногами. Правее его нарисованы два лося (один над другим). У обоих округлыми пятнами обозначено сердце.

В правой части писаницы расположены лось, две лодки с гребцами и круг с перекрестием внутри. В целом здесь (в отличие от других писаниц Финляндии) преобладают изображения лосей — 19 (из них 2 фрагмента), которые различаются главным образом степенью схематизации. Одни более натуралистичны (с характерной мордой, высокой холкой), другие — более грубых очертаний. Представлены и символические образы. У 9 особей обозначено сердце (обычно в форме красного пятна), но «линия жизни», встречающаяся в петроглифах Норвегии, здесь отсутствует.

Человеческих фигур всего 15. Три из них в головных уборах с рогами (возможно, шаманы). По мнению П.Сарваса, для них характерно «...пассивное состояние, которое роднит их с скандинавским охотничьим искусством и отличает от петроглифов Карелии». Любопытно наличие отпечатков ладоней (10). Представлены и лодки – 11. У шести из них изогнутый корпус, у двух – прямой. В одной имеется солярный знак. Все звери изображены в профиль, с парой ушей. Люди же всегда в фас, с расставленными ногами. П.Сарвас датировал писаницу периодом бронзового века. И только часть лодок отнес к каменному веку. В целом Астувансалми датирована им II тыс. до н. э. Она стала привлекательным туристическим объектом.

Писаница Суомуссалми (Вярикалли). Найдена в 1977 г. у границы с Россией, примерно посередине между Немфорсеном и устьем р. Выг в беломорской Карелии. Здесь на небольшой площади выявлена 61 фигура. Все они малых размеров. Преобладают лоси – 33, антропоморфные фигуры – 21. Имеется изображение медведя – 1, следов – 2, зигзагообразных линий – 2. Лодки отсутствуют вовсе.

Писаницы Финляндии приурочены к скалистым отвесным берегам озер и обращены к солнечной стороне. Все они располагаются в непосредственной близости от важных водных артерий, а значит, были в поле досягаемости жителей близлежащих и более отдаленных поселений. Тематика их весьма однообразна: преобладают изображения лосей, антропоморфные фигуры, лодки, нарисованные одной линией.

Появились писаницы Финляндии где-то в промежутке от 3000 до 1000 лет до н. э. Допускают, что они могли создаваться и раньше, еще в мезолите, около 7000 лет назад. В них наглядно отражены местные особенности наскального творчества, обусловленные рядом факторов, как внешних, так и внутренних. Любопытно, что в Финляндии пока неизвестны выбитые изображения (возможно, за исключением одного пункта), а в Карелии – писаницы.

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ШВЕЦИИ

Они известны на побережье Ботнического залива и в материковой части страны. К числу самых известных относятся петроглифы Немфорсена (около 2000 фигур) и Норфорса (50 фигур). Ларс Форсберг полагал, что прежде и те и другие были приурочены к кромке морского побережья и появление самых ранних фигур Немфорсена по высотным данным относил ко времени 3700 лет до н. э., а Норфорса – около 2100 лет до н. э. При воссоздании общего процесса эволюции помимо высотных отметок во внимание принимались изменения в технике нанесения и в стиле наиболее распространенных и долговремен-

ных сюжетов. Эвер Бауду к числу самых ранних относил силуэтные, а самых поздних — контурные корабли. Обратил внимание он и на присутствие в наскальных полотнах охотничьей традиции, также и южно-скандинавских (земледельческих), сюжетов, например, отпечатков стоп и оригинальных кораблей.

Рассмотрев все местонахождения наскальных рисунков по берегам р. Онгермансельвен (Норланд) Э. Бауду выделил здесь три этапа (фазы) их развития. На раннем этапе (4000–2300 гг. до н. э.) наряду с силуэтными фигурируют и контурные изображения лодок, лосей и «столбикообразные» образы людей. На втором этапе (2300–1800 гг. до н. э.) появляются «ромбовидные» антропоморфные, а также абстрактные и «х-образные» фигуры. Продолжали наноситься контурные суда (лодки) и лоси, выглядевшие выразительнее, «совершеннее». Третьей фазе (1800–1400 гг. до н. э.) свойственно появление ладоней и стоп, а также нескольких новых форм кораблей (видимо, под влиянием более южной земледельческой традиции).

Независимо от Э. Бауду хронологией петроглифов Немфорсена занимался и Ларс Форсберг, рассмотревший в них фигуры разного времени и стиля. При выделении последовательных временных напластований им использован широко распространенный здесь образ лося, присутствующий на трех временных срезах: силуэтные фигуры лосей (как самые ранние), контурные лоси с длинными, согнутыми ногами (включая имеющих внутриконтурное заполнение); контурные лоси с отчетливой головой и линией туловища и короткими ногами (на позднем этапе).

Соотношение контурных и силуэтных рисунков обсуждалось не раз. Напомним, что Г. Хальстрем и М. Малмер контурные фигуры считали старше силуэтных. Напротив, Линквист и А. Бауду полагали, что древнее силуэтные. Форсберг, опиравшийся на петроглифы группы Норфос, тоже склонялся к мысли, что силуэтные рисунки более ранние.

Похоже, самыми ранними большинство исследователей признавали силуэтные фигуры, включая лосей с длинными изогнутыми ногами. На смену им приходят лоси с отчетливой головой и линией туловища, короткими ногами. И, наконец, как еще более поздние рассматривались фигуры, появившиеся под влиянием земледельческого наскального искусства бронзового века. Стилистический анализ петроглифов Немфорсена позволил вычленить там разные по времени и стилю напластования и проследить процесс заполнения наскальных полотен.

Из конкретных памятников Швеции выделил лишь несколько особо важных в качестве сопоставительного материала.

Группа Норфос (Умео, Вестерботтон). Открыта в 1984 г. на маленьком острове на р. Сторнорр Форсен на высоте 17–12 м над уровнем воды. Прежде (до постройки электростанции) здесь шумел один из самых крупных порогов Норрланда (невольно напрашивается ассоциация с Бесовыми Следками в Карелии). Здесь зафиксированы 6 сравнительно больших и 2 маленьких скопления – всего 54 фигуры, включая 25 лосей, 5 лодок, 2 человека, одну птицу, один солнечный крест и около 20 неопределенных. Сам остров по геологическим данным появился около 2100 г. до н. э. Вероятно, вскоре начались и гравировки. Их датируют временем около 2000 лет до н. э. и относят к позднему неолиту.

Петроглифы Немфорсена (Одальден, Онгерманланд). Вызывают повышенный интерес расположением и числом групп и фигур (одно из самых крупных местонахождений охотничьего наскального искусства всей Фенноскандии). Расположены они в порожистой части названной реки. Внимание науки к ним привлек Н. Эгдаль. В сентябре 1828 г. он зафиксировал и описал здесь 29 подгрупп петроглифов.

В связи с намеченным строительством на 1844–1847 гг. электростанции (всего в нескольких десятках метров от изображений) над петроглифами нависла угроза частичного затопления. Благодаря своевременно принятым мерам наскальные полотна удалось защитить и сохранить. Пострадало лишь около 20 фигур. По соседству с ними найдены древние стоянки, видимо, связанные с петроглифами, нанесенными на гладких отполированных водой прибрежных участках скал. Сохранность их в целом хорошая, местами даже отличная. Но встречаются потревоженные временем участки как на островах, так и на южном берегу реки. Основательное обследование Немфорсена провел Хальстрем в 1907 г.

При документировании он выделил здесь 262 подгруппы. На отрезке русла длиной около 0,5 км ему удалось зафиксировать около 2000 фигур, из которых 1700 поддаются определению. Значительное число петроглифов он отнес к числу поврежденных в той или иной степени. Основная часть рисунков концентрировалась на острове Нотен – 28 групп (участков), включающих 795 фигур. Правда, 196 из них не поддаются идентификации. Здесь отмечено около 110 знаков – штрихов и полосок. Имеются и незаконченные фигуры. На другой островной группе – 41 подгруппа. Встречаются они и на южном берегу реки – 14 участков со 107 подгруппами, включавшими 567 фигур.

Во всех трех основных скоплениях (группах) доминируют лоси: в 1-й – 281; во второй – 234 и в 3-й – 204 (всего 719). Около 60% из них силуэтные и лишь 40% – контурные. В ориентировке по наблюдениям Г.Хальстрема, «...не проявляется устойчивой закономерности». Все звери показаны в профиль с двумя ногами, лишь в 3 случаях обозначены 4 ноги, 341 особь обращена направо, а 299 – налево.

Петроглифы Немфорсена

Следующий распространенный сюжет – лодки и корабли. Всего их 366: в первой группе – 99; во 2-ой – 239 и в 3-й – 28. Примерно 90 из них – контурные. В некоторых обозначены экипажи в виде вертикальных столбиков (штрихов). Лодки и корабли обладают значительным стилистическим разнообразием. Г.Хальстрем использовал их как сопоставительный материал с земледельческими наскальными изображениями бронзового века.

Антропоморфных фигур всего 86: в 1-й группе – 28; во 2-й – 48 и в 3-й – 10.

К числу чужеродных причисляют и чашевидные углубления – 34, ступни (подшвы) ног – более 20, овальные фигуры – 9, «топоры» с головой лося – 11, рыбы – 19, птицы – 9. «Топоры» исследователь считал культовыми и рассматривал их как связующее звено между северо-скандинавскими и «русскими» петроглифами. Лосось, игравший важную роль в хозяйственной жизни, показан всего 20 раз. Объяснение такому несоответствию Х. Рангвинтс находил в совпадении сезона промысла лосося и времени нанесения гравировок.

Среди уникальных фигур отметим солярный знак в виде круга диаметром 21 см с четырьмя отростками (спицами) – явно чужеродный образ. Много неопознанных или поврежденных изображений. Указывается, что значительное число фигур вообще не завершено. Являются ли они следствием проб инструментов, браком (неудавшимся началом), или связаны с вынужденными перерывами в работе – можно только догадываться. Для такого эталонного памятника как Нерфорсен очень важно получить надежную датировку, разработать детальную хронологию и периодизацию. Г.Хальстрем по технике выбивки и стилю большинство изображений относил к бронзовому веку и рассматривал как «новшество в северо-скандинавском охотничьем искусстве и как, несомненно, позднее нововведение», допуская, что контурные фигуры восходят к более ранней охотничьей традиции и являются самыми ранними в Немфорсене. В целом же памятник данный рассматривался им как самый поздний в охотничьем искусстве северной Скандинавии. Один из аргументов – стиль появления зверей с открытой пастью и согнутыми (угловатыми) ногами.

П. Рамквист помещал петроглифы Нерфорсена во временных рамках между 3000–1000 гг. до н. э., уточняя, что большинство из них тяготеют к 2000 г. до н. э. Данный вывод базировался на стилистическом анализе, параллелях с Альтой (Норвегии) и Залавругой (Карелии). Сходство силуэтных фигур Немфорсена и Альты подметил и К. Хельског, датировавший их 1700–500 гг. до н. э. Те исследователи, которые опирались, прежде всего, на местные источники, силуэтные фигуры относили к числу ранних и датировали ранним и средним неолитом, а контурные – поздним неолитом (Форсберг, Линдквист, Бауду).

Примечательно, что в Немфорсене отчетливо отражено взаимодействие обеих традиций наскального искусства Фенноскандии – следствие культурных контактов севера с югом (облегчавшихся наличием морского пути) и появлением центров оживленной торговли, куда быстрее проникали влияния и инновации извне. Тем не менее, наскальные полотна прежде всего опирались на местные традиции, имели культовое назначение, служили святилищами, где совершались магические обряды и церемонии. Немфорсен дает исключительно ценный сопоставительный материал.

Группа Глеса (Алсен, Ямтланд). Найдена в 1685 г. И является первой в Норрланде. Всего здесь известно 5 групп, включающих 43 изображения, лоси, две рамочные фигуры и около 20 неразборчивых линий (полосок). Весной все они затопляются. Большинство нанесены широкими и глубокими линиями. Преобладают контурные лоси с треугольным телом и внутренним заполнением. У одних зверей показаны две ноги, у других – четыре. Подобных фигур нет ни в Немфорсене, ни в Норфорсе. Их относят к неолиту (конец III тыс. до н. э.) – времени, когда «...произошел подъем суши в районе Нордлан-Тренделаг». Само это место считается удобным для загонной охоты.

Группа Ерде (Оффеердаль, Ямтланд). Обнаружена в конце 30-х годов XX в. на берегу озера в 25 км от Глеса. Озеро связано с р. Герд и ее порогами. Зафиксировано 3 группы – одна на острове и по одной на том и другом берегах, перед порогами. На острове всего 3 крупных фигуры лосей, выбитые только по контуру с последующей шлифовкой линий. В их числе большой лось длиной 3,6 и высотой 2,4 м. При нанесении таких фигур по Г.Хальстрему использовались естественные шрамы скалы, позволяющие сэкономить «время и энергию». Рядом, левее – вторая фигура лося размером 1,15 м на 0,72 м. Задняя нога его углубляется в контурное туловище соседнего лося (с двумя ушами).

На южном берегу зафиксированы 2 небольших лося и 10 человеческих следов. Возможно, зверь поражен стрелами – второй после Немфорсена случай. Привлекает внимание «гигантизм» фигур. Аналогии им Г. Хальстрем увидел в Нурланде, где находится древнейшее в Северной Европе скопление наскальных изображений.

Близкие по времени рисунки зафиксированы и в Ландвере, где они тоже обладают местными особенностями, например в технике нанесения. И здесь выделены разновременные напластования, отмечено влияние земледельческого юга и, наконец, контакт с восточными районами. Как новшество воспринимается и появление следов животных. Г.Хальстрем склонялся к мысли, что данные изображения связаны с развитием охотничьей магии. Он относил петроглифы Ерде к эпохе мезолита и связывал их с норландской традицией.

А.Хесьедадь тоже склонялся к заключению, что данная группа действительно появилась на самой ранней стадии заселения побережья — где-то 8500–9800 лет до н. э. Похоже, что Ерте относится к кругу самых ранних петроглифов Швеции. Правда, Ларс Форсберг находил аналогии контурным лосям рассматриваемой группе в Норрфорсе, в Немфорсене и других скоплениях позднего неолита. Значит, нужны дополнительные исследования возраста Ерте.

Группа Ландверк (озеро Онн, Ямтланд). Найдена П.Олссоном в 1891 г. на одном из мысов озера Онн, близко от уреза воды. Зафиксировано 4 лося. Два из них большие и два — маленькие. Крупные лоси похожи на крупных лосей в Ерте и, возможно, тоже относятся к мезолиту. Разная техника нанесения и стиль — свидетельство их разновременности.

Группа Холтбергсуддет (Озеро Онн, Ямтланд). Найдена в 1939 г. Г. Хальстремом на мысу восточного берега озера Онн, почти у самого уреза воды. Позднее, в 1974 г. выбивки изучались Р. Енсоном. Здесь зафиксировано 12 контурных лосей и несколько фрагментов. Близкие параллели можно найти в Немфорсене II и, следовательно, датировать поздним неолитом. Возможно, представлены и более поздние фигуры.

Писаницы. В Швеции на вертикальных скальных полотнах известно 13 небольших по площади и числу фигур, групп наскальных изображений, нанесенных краской. Открытие их продолжалось с 1868 г. до современности. В каждой от нескольких до 20 фигур и пятен. Преобладают изображения лосей. Представлены и типичные для петроглифов антропоморфные фигуры. Редко, но встречаются зигзагообразные линии. Зафиксированы олень (1), медведь (1), птицы (3), «сетки», фрагменты фигур и пятна краски. При датировке учитывались высоты над уровнем водоемов и аналоги с петроглифами, в частности, Немфорсена. Все писаницы Швеции относят к позднему и среднему неолиту.

В целом в репертуаре охотничьего наскального искусства Швеции доминируют лоси, представленные во всех скоплениях (группах) петроглифов и писаниц. Любопытно, что силуэтные фигуры лосей имеются только в Немфорсене и Сямшене. Контурным свойственно больше вариаций — по размерам, наличию ушей, рогов, копыт и т. д. Вопрос, какие звери активны, какие пассивны возникал не раз и не только у исследователей, а также и у обычных посетителей. Удивительно, что в Немфорсене (как и Норрфорсе) нет ни одной явной сцены охоты (за исключением лося, пораженного копьем и стрелой). Но какая-то связь между некоторыми фигурами все же ощущается.

Лодки Немфорсена подразделяют на два основных типа: те, у которых корпус очерчен одной, и те, где он обозначен двумя линиями. Первый тип представлен в пяти сценах вместе с изображениями людей. Вы-

деляются лодки с удлиненным корпусом. Воспроизводят ли они «выдолбленные каноэ» или какие-то «килевые судна» — не вполне ясно. Экипаж лодок (кораблей) насчитывает от 5 до 16 человек (в одном случае даже до 25). Более многочисленны лодки, обозначенные двумя линиями, но в композиции они включены редко. Тем интереснее явная сцена с участием пяти лодок из Бродена. Лодки весьма разнообразны — от миниатюрных и маленьких лодочек до больших кораблей, иногда они с экипажами (люди показаны стоя с поднятыми руками). Какие из лодок «каноэ» и какие «кожаные» определить бывает трудно.

В 90-х гг. XX в. в Лапландии найдены не похожие на известные ранее изображения лодок. Там на склонах гор Сарек зафиксированы «три парусных лодки и две лодки с деталями руля, якорем, мачтами и командой». Позднее они встречаются крайне редко. Доминируют простые формы, типа «каноэ» или «кожаных лодок».

В местности Уппланд зафиксировано около 2000 изображений лодок бронзового века. Ни одна из них не имеет ни мачт, ни паруса. То же наблюдается и в других местах. В качестве аналогов им приводятся похожие по виду лодки, которыми пользовались скандинавские торговцы и фермеры во фьордах Норвегии в 800–1300 гг. н. э. Их не связывают ни с какими ритуальными обрядами или «шаманством». Правда, не исключается приуроченность к саамским захоронениям, но хотя пока это лишь догадка.

Одним из центральных остается вопрос о смысле и предназначении охотничьих наскальных полотен Швеции (как и Фенноскандии в целом). Применительно к рисункам Норланда выдвинуто несколько интерпретаций. Чаще всего отмечалось их магическое значение и связь с охотой на лосей. Выбивки использовались для привлечения лосей к данному конкретному удобному для загонной охоты месту, воздействия на охотников и зверей. Высказано предположение, что крупные лоси без рогов наносились в зимний период, поскольку именно тогда ощущалась нехватка пищи, и требовались немалые усилия для ее добычи. Отмечалась и символическая связь наскальных изображений с кланом-тотемом. Они будто бы объединяли людей, посвящали их в определенные ритуалы и символы, выделяли и обособляли группы (общины) охотников-собирателей.

Наконец, петроглифы и писаницы напрямую связывали с шаманизмом, исходя из того, что культ шаманов предполагал существование наследственных духов. Шаман мог задобрить их перед решением насущных проблем. Часто эти духи выступали в виде полулюдей — полуживотных. Возможно, изображены и сами шаманы — в виде антропоморфных существ с головой лося. Расшифровка земледельческих (фермерских) наскальных изображений Южной Швеции — другая тема. Напомним, что еще в XIX в. высказывалась мысль, что в них слышатся отголоски походов викингов. Основной довод — большое число ло-

док, которые можно относить к 800 г. н. э. Позднее было установлено, что все эти выбивки появились еще в бронзовом веке (1800–500 лет до н. э.). Правда, и присутствие более ранних фигур, относящихся к позднему неолиту (2300–1800 лет до н. э.) не исключаются.

В земледельческих (фермерских) петроглифах Южной Швеции (как и Норвегии) доминируют изображения лодок. Представлены люди, звери, колесницы, оружие, украшения. Преобладают же чашевидные углубления («лунки»). Потаенный внутренний смысл их, возможно, связан с культом смерти и изобилия. Самые богатые скопления памятников наскального искусства земледельцев (фермеров) сосредоточены в Бохуслене. Здесь зарегистрировано около 60000 фигур и знаков.

О социуме, связанном с традициями наскального творчества в раннем, среднем и позднем неолите, его этнокультурной принадлежности пока известно мало. Видимо, существовало несколько родоплеменных региональных объединений (общин). Высказывалось предположение, что Немфорсен служил местом сбора племени (а, возможно, и ряда других), расположенных по берегам реки Онгерманнелвен. Отмечалось, что около 2500 лет до н. э. имела место миграция людей вглубь побережья (в Нордланд), где уже сложилась своя материальная культура. Схожий процесс происходил на Норвежском побережье Тронделага до Северной Норвегии.

По Хейдалю, наскальное искусство в Норрланде развивалось в определенные периоды: 8500–9900 гг. до н. э. и 3100–4500 гг. до н. э. Исследователь связывает это с особенностями мировосприятия и мироощущения людей в период заселения и освоения Северной Норвегии. Тогда могла использоваться система тотемов как регулятор человеческих отношений. Во второй период проявляются и фиксируются отношения оседлых морских охотников-собирателей восточного побережья с племенами внутренних районов страны. В раннем и среднем неолите наскальные полотна служили местами встреч с прибрежными оседлыми племенами, жившими, в основном, за счет морских ресурсов. В целом временные рамки охотничьего наскального искусства Швеции, возможно, охватывают огромный по протяженности период от 8000 лет до н. э. до 1300 лет н. э. Уже само по себе наличие разновременных напластований ставит вопрос об общем процессе эволюции наскального искусства, его периодизации (этапности), закономерностях, взаимосвязи разных напластований, локальных особенностях. Обозначенные проблемы остаются предметом научных изысканий и полевых, и теоретических.

ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА НОРВЕГИИ

Первое изображение каменного века заметил профессор ботаники Копенгагенского университета Мартин Вахл в 1799 г. в районе Тресе в

Северной Норвегии. К настоящему времени в стране известны уже сотни мест с наскальными рисунками, в которых насчитывается более 10 тыс. фигур и знаков. И здесь представлены обе традиции: охотничья и земледельческая (фермерская), отражающих два типа культур, по-разному передающих представления о себе и окружающем мире.

Памятники охотничьего типа появляются раньше земледельческих, примерно с 6000 л. до н. э. и тяготеют к северным районам. Ранние петроглифы земледельческого типа обычно приурочивают к эпохе ранней бронзы (1500 л. до н. э.). Со временем между двумя названными традициями (точнее между их носителями) возникали контакты, взаимосвязь и взаимодействие. В I в. до н. э. четкая граница между ними уже начинает размываться.

В Норвегии к петроглифам тоже относят высеченные, выбитые, выдолбленные или шлифованные фигуры, а к писаницам (росписям) — нанесение краской. По мастерству исполнения пытались определить зрелость художников-творцов, различить любителей, мастеров, учеников. При анализе стиля многие склонялись к выводу, что он развивался от чисто натуралистического к символическому. Среди многочисленных выделим несколько основных.

Группа Сагельва (Ханарей, Нурланн). Включает всего два оленя длиной 2,75 и 2,35 м, выполненных техникой шлифовки на ширину 2–4 см (так назывался нурланнский стиль). Их относят к ранней фазе, в частности и по такому признаку как контурные рога.

Группа Лейкнес (полуостров Тюсн, Нурланн). Открыта в 1911 г. Включает 35 фигур (возможно даже за 55), из которых 76% составляют лоси и олени, 11% — медведи. Представлены киты, зайцы, рыбы и птицы. Под воздействием природных факторов изображения сильно сглажены и плохо заметны. Выделяются фигуры действительно гигантских размеров. Так, кит имеет длину 7,8 м (при ширине — 2,24 м) — самое большое наскальное изображение в Европе. Впечатляет и лось размером 3,5 х 3,52 м, у которого на голове обозначены глаза, рот, ноздри, показаны хвост и копыта. Внутри контура выбит олень размером 2,94 х 2,3 м, а рядом олененок (заяц).

Видимо, действительно в местах с рисунками совершались какие-то культовые действия. Допускают даже, что изображенные на скале животные обитали именно в данном районе и употреблялись в пищу непосредственно перед их воспроизведением на скальном полотне. У некоторых животных голова повернута назад. Выделяется круг с крестом, видимо, солярный знак. Г. Хальстрем считал данную группу самой ранней в Северной Европе, а ее истоки усматривал в пещерном верхнем палеолитическом искусстве.

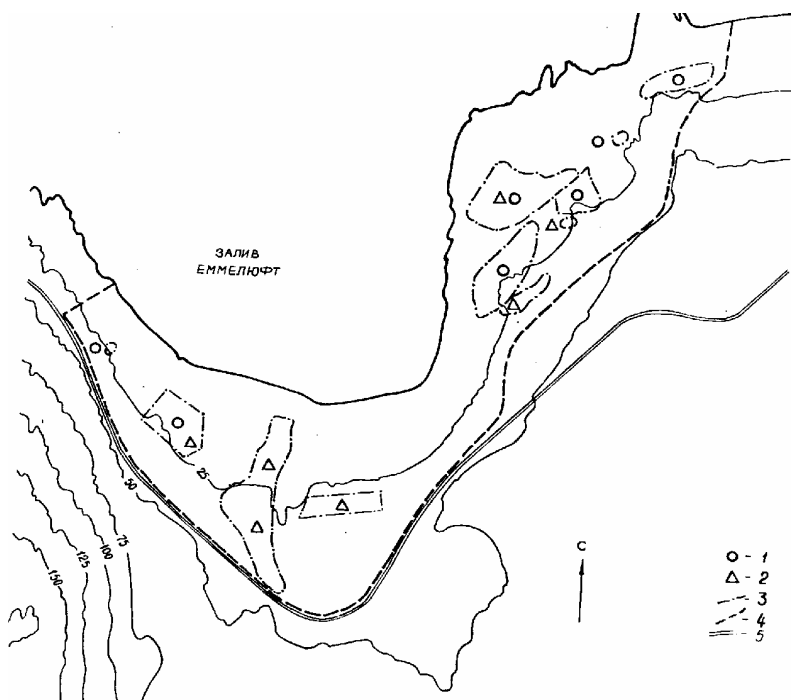
Группа Валл (Финнходен, Фьорд, Нурлани). Небольшое наскальное полотно почти в открытом море на высоте 73 м над ур. воды. Открыто в 1931 г. Включает всего 5 крупных фигур зверей: тюленей (2), оленей (2), медведей (1).

Группа Форсельв (Скьюмен, Анкенс, Нурлани). Открыта в 1929 г. посредине фьорда Скьюмен (западное побережье). Г. Хальстрем выделил здесь 3 группы, разделенных трещинами. Основная часть фигур (40) сосредоточена в центральном скоплении. В южном же их всего две, а в северном только одна. П. Симонсен зафиксировал здесь всего 40 фигур, и все объединил в единую группу. Преобладают лоси и олени – 15 (38%). Встречаются рыбы – 6 (или 15%), птицы – 1 (или 2%), лодки – 3 (или 7%), антропоморфные фигуры (1 или 2 – по 2%) и геометрические фигуры – 13 (33%). Половина оленей исполнена почти в натуральную величину. Рога показаны сплошными линиями, а не контуром (Г. Хальстрем увидел в этом признаки деградации в способе передачи рогов). Особый интерес вызывает большая антропоморфная фигура высотой 1,8 м. Внутреннее заполнение контуров крупных фигур состоит из прямоугольников или ромбов. Видимо, здесь представлены разновременные выбивки. Из них к числу более поздних относят рамочные фигуры и рыб.

Группа Альта-Фьорда (Финнмарк). Вызывает особый интерес, поскольку является новым и самым крупным местонахождением Северной Норвегии. Оно открыто в 1973–1982 гг. Всего к настоящему времени здесь зарегистрировано 42 скопления, включающих более 5000 фигур. Большая часть найдена у залива Йеммелюфт, где рисунки рассредоточены по нескольким участкам. Встречаются они и на валунах. Всего выделяется 5 отдельных участков. Один из них – Боссокоп, где выбито 450 фигур: лоси, олени, люди, геометрические фигуры. Среди них встречаются и силуэтные, и контурные. У многих обозначены ребра и рога. Кнут Хельског писал, что около 2000 л. до н. э. скала находилась еще под водой. Следовательно, фигуры появились позднее.

На участке Бергбукен I на высоте 22–25 м над ур. моря выделено 5 скоплений (всего около 700 изображений). В группе Корфьорд – 21 скопление (с 800 фигурами). К.Хельског относит их примерно к 3500 л. до н. э. В местечке Бергбукг изображена изгородь с оленями, видимо, деревянная загородка «состоящая из верхней и нижней балки с перекладинами между ними. Внутри загона изображены олени, лоси и следы зверей».

К.Хельског выделял в Альте четыре временных этапа. Ранний (4200–3600 л. до н. э.) с преобладанием изображений лосей и оленей (60%), антропоморфных фигур (31%). Присутствуют медведи (2%), лодки (2%), геометрические фигуры (2%), мелкие млекопитающие и рыбы (по 1%).

Петроглифы и стоянки. Альта-фьорд

1 – петроглифы; 2 – стоянки; 3 – граница заповедных зон; 4 – граница охранной зоны; 5 – дорога

Период (3600-2700 л. до н. э.), в котором сохраняется доминирование оленей и лосей (62%), но олени встречаются чаще. Относительно много антропоморфных фигур – 13% и лодок – 16%. Имеются птицы – 5%, медведи – 2%, геометрические фигуры – 1%.

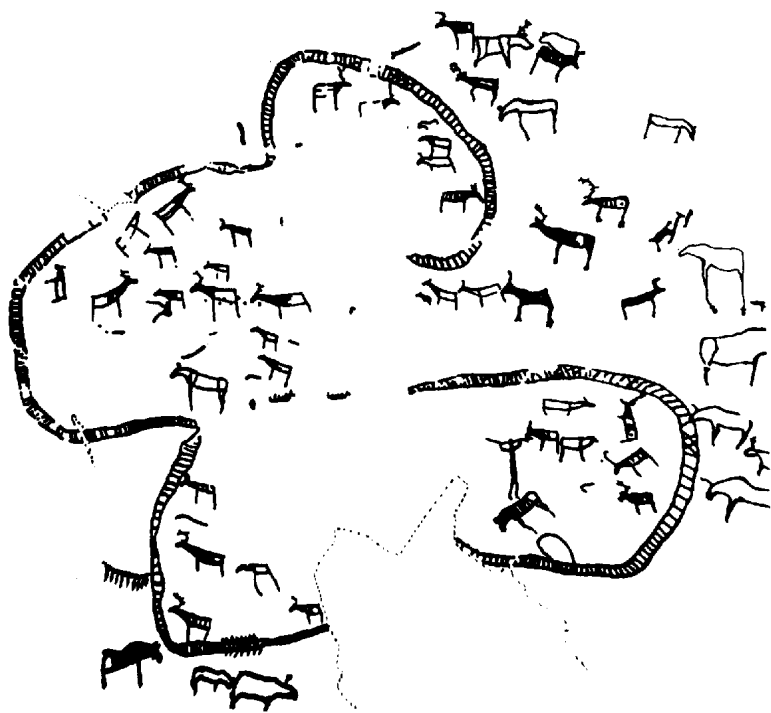
Время 2700–1700 л. до н. э., когда число лосей и оленей сокращается (45%), а антропоморфных фигур возрастает (45%). Меньше становится геометрических фигур (6%), рыб (2,5%), медведей (1%) и птиц (1%).

Наконец, заключительный, четвертый этап наскального творчества – 1700–500 лет до н. э. Теперь вновь больше всего лосей и оленей (52%), много антропоморфных фигур (23%) и лодок (22%), рыб же всего 3%. Предложенная схема, видимо, будет еще уточняться и поможет в будущем лучше понять процесс развития наскального творчества в Альта.

Другой крупный комплекс – Винген (более 1000 фигур) заслуживает специального рассмотрения в будущем, как и Йеммелюфт.

Петроглифы Альта (Норвегия)

Петроглифы Альта (Норвегия)

Группа Скогрвейн (Бускруд). Включает 42 фигуры, выбитых на высоте 69–70 м над ур. моря. Преобладают «беспорядочно размещенные» стилизованные изображения лосей. Внутри контура поверхность здесь заполняется линиями. Встречаются антропоморфные фигуры, выполненные относительно простой линейной техникой. Привлекают внимание четкие миниатюрные фигуры и отпечатки подошв. Композиции, похоже, отсутствуют. Удивляет своеобразное сочетание земледельческой и охотничьей традиций наскального искусства. Особенностью петроглифов юго-западной Норвегии является схематизация фигур, осложняющая определение видового состава, а также заполнение внутриконтурной части туловища линиями и дугами. Выделяет их приуроченность к морскому побережью и связь с местами, удобными для охоты и рыбной ловли. По Г. Хальстрему, древние жители предпочитали создавать наскальные полотна

близко к основным источникам пищи (т. е. промысловым угодьям). Так группы Осли, Сагельва, Форсельф приурочены к водопадам, Скаберг – к месту переправы оленей. Допускается, что первопричиной появления наскальных рисунков могли стать какие-то важные события из повседневной жизни: удачная охота, рождение ребенка, некий магический обряд. По мнению П. Симонсена, земледельцы вовсе не рассматривали рисунки как священные и смысл их видели в самом процессе нанесения. Напротив, охотники же стремились приобрести с их помощью «власть и силу» над обстоятельствами, уверенность в будущем. Только две группы с необычным расположением рассматриваются П. Симонсеном, как места каких-то жертвоприношений, ставших священными еще до появления здесь петроглифов.

Обратил внимание исследователь и на большое разнообразие техники нанесения изображений. Он выделил 5 технических приемов.

Один из них, видимо, самый ранний – шлифовка контура путем притирания его каким-то твердым предметом на ширину 1–2 см. Теперь такие отполированные линии контура видны плохо и распознаются, в основном, на ощупь. Они становятся заметнее, когда солнце поднимается относительно высоко. Следующий прием – выбивка контура – производилась заостренным орудием (или камнем) на глубину до 0,5 см при ширине контура 1–2 см. Такие фигуры отчетливее видны при искусственном освещении. Еще один прием назван «выдабливанием», когда контур слегка углубляется в скальную поверхность и достигает ширины 2–4 см. Наконец, выделяются выбивки по всей площади силуэта на глубину до 0,5 см (в северной Норвегии они встречаются относительно редко) и писаницы (или росписи).

При разработке проблемы датировки, хронологии и периодизации, прежде всего, используется анализ стиля, техники нанесения и высотные данные, а также сравнения и сопоставления с эталонными, уже надежно датированными изображениями. Важную роль играют данные раскопок близлежащих древних поселений.

Видимо, ближе к истине те, кто считал, что северо-скандинавское наскальное искусство появилось в Нордланде и вначале представлено весьма натуралистическими шлифованными фигурами. Со временем рисунки становились более стилизованными и абстрактными. Завершается этот процесс появлением писаниц (росписей) в раннем бронзовом веке.

В охотничьем наскальном искусстве выделялись 4 стилистических фазы: стиль I – натуралистические шлифованные контурные фигуры зверей в натуральную величину, появившиеся око-

ло 3000 л. до н. э. и распространившиеся от Бронноунеда на юге до Нарвика на Севере; стиль II – субнатуралистические почти натуральной величины контурные изображения зверей, людей и символических знаков, которые начали создаваться около 2000 л. до н. э. и распространились по всей территории современной Швеции и Норвегии (до Тромсе); стиль III (с тремя подтипами: «троннделагский», «остландский», «западноевропейский»), представленный стилизованными крупными фигурами зверей и людей с внутриконтурным заполнением. Зародился около 1000 л. до н. э. в северной Норвегии и северной Швеции. «Остландский стиль» отличает наличие стилизованных зверей в половину натуральной величины, контуры которых заполнены геометрическими узорами. Стиль IV отмечен крайней стилизацией и сильным уменьшением размеров фигур (люди, геометрические символические изображения). Появляется около 500 л. до н. э. в Скандинавии (исключая Южную Швецию и Финляндию). Видовой состав животных настолько сильно нивелируется, что зачастую не поддается определению.

Мы привели все эти заключения и выводы с целью лучше понять само движение живой мысли при осмыслении монументального наскального искусства Фенноскандии. По мере накопления новых знаний предложенные ранее схемы корректируются, а то и пересматриваются. Возраст некоторых групп удревняется, самые ранние скопления датируются временем 6000 л. до н. э. (т. е. поздним мезолитом). Общий процесс и закономерности развития наскального искусства на Севере Европы требует дальнейшего изучения. Выделить самые ранние пласты это только часть проблемы, важно также выявить и понять все этапы развития, локальные особенности стиля и техники исполнения. В прошлифованных рисунках «движение стиля» улавливается еще слабо. По мнению П.Симонсена, развитие от натуралистических форм к абстракции прослеживается только на изображениях высеченных в период 4000-500 лет до н. э.

В 90-е гг. XX века К.Хельсгог при анализе процесса развития наскального искусства Скандинавии использовал свой «комбинированный» метод, учитывающий особенности стиля рисунков и подъем земной поверхности (связь высотных отметок наскальных полотен и береговых террас). Он заметил, что «...одинаковые мотивы могут повторяться 2–3 раза и представляют собой 2–3 независимых эпизода в развитии. Значит, общий процесс в данной местности не был однолинейным.

Для сравнения вспомним давние заключения Г.Иессинга, выделявшего в памятниках Норвегии 4 стиля: троннделагский (представлен

мелкими фигурами животных с внутриконтурным заполнением); восточно-норвежский (стилизованные изображения зверей в половину натуральной величины, контуры которых заполнены символическими изображениями); западно-норвежский (сильно стилизованные и совсем маленькие – меньше четверти натуральной величины фигурки, сопровождаемые концентрическими кругами и спиралями); северо-норвежский (только контурные фигуры зверей, вид которых, как правило, удается определить),

Еще предстоит напряженная работа по уточнению предложенной хронологии и периодизации, прежде всего, отдельных групп и скоплений, что поможет выработать более надежную общую схему развития монументального наскального искусства Фенноскандии, проследить этапы его эволюции. Актуальным остается и уточнение тематики (состава) петроглифов и писаниц Норвегии, что укрепит базу для более масштабных сравнений и сопоставлений. Похоже, что на всех этапах охотничьей традиции доминируют изображения промысловых животных. На территории от Северного Мыса до Трондейма типичным образом остается северный олень. Но он отсутствует в южной Норвегии и почти не встречается в северной Швеции. Повсеместно и чаще представлены лоси. Иногда можно различить самок и самцов с большими рогами. В четырех или пяти случаях отражен процесс размножения. Относительно много антропоморфных фигур. На четвертом по численности месте – крупные млекопитающие – бурый медведь. Почему-то он не представлен в петроглифах южной Норвегии, хотя там и обитал. Довольно редким сюжетом оставались птицы – только гуси и лебеди.

Вполне ожидаемо наличие значительного числа морских животных. Вспомним хотя бы группу петроглифов Киркели около Тресе (с 20 китами). В одном случае изображена беременная самка и следующие за нею два детеныша. Внутри (в утробе) еще не родившийся детеныш. Он еще без глаз, в отличие от матери и детенышей. Совсем мало рыб, может быть, потому, что занятие рыбной ловлей оставалось менее престижным и эмоциональным, чем охота. Рыб нет и в земледельческих рисунках бронзового и железного веков и эпохи викингов. Интересно, что появляются инородные для Северной Скандинавии изображения стоп и ладоней, соляных знаков, змей. Их считают более поздними, связанными с земледельческой традицией.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТАКТЫ И СОТРУДНИЧЕСТВО

Длительное время петроглифы Карелии были закрыты для посещения иностранных граждан, даже исследователей. Единстве-

нное исключение (профессор Р.-Л. Нужье из Франции, 1968 г.) только подчеркивают правило. С распадом Советского Союза ситуация изменилась. В 90-е гг. XX в. зарубежные исследователи, эксперты, туристы стали бывать и на онежских, и на беломорских петроглифах регулярно. Кроме ознакомительных посещений начинается международное сотрудничество на долговременной основе. Разрабатываются проекты и программы, нацеленные на их изучение, сохранение, документирование, консервацию. Проводится практическая работа по их реализации. Пропагандой петроглифов Карелии за рубежом активно занималось в 1980–1990-е гг. Эстонское общество по изучению доисторического искусства (руководитель В.К. Пойкалайнен).

В 1989 г. на онежских петроглифах побывала группа финских ученых и любителей (в их числе и известный финский археолог У. Сало). В июле 1990 г. на петроглифах Карелии проводился организованный Эстонским обществом по изучению доисторического искусства международный семинар по наскальному искусству с участием ряда зарубежных специалистов (в их числе такие известные исследователи, как Р.Д. Беднарик из Австралии, Х. Киркинен из Финляндии и др.). На протяжении 1992–2004 гг. с наскальными изображениями Карелии знакомились художники из Голландии и Финляндии. Их намеревался посетить и известный ученый-мореплаватель Тур Хейердал.

В июне 1996 г. в г. Осло (Норвегия) состоялось заседание рабочей группы по культурному наследию, одоббившей предложения Госкомцентра по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РК. В сентябре 1997 г. подписан протокол об основных целях и задачах норвежско-российского проекта на 1998–2001 гг. «Сохранение петроглифов Карелии». В 1998–2001 гг. велась практическая работа по его реализации (в основном силами карельской стороны, поэтому иногда проект называли карельско-норвежским) сначала на онежских и на заключительном этапе (2001–2002 гг.) – на беломорских петроглифах.

В сентябре 1998 г. проводился еще один международный семинар «Петроглифы Онежского озера: вопросы изучения, охраны и использования» с участием представителей России, Финляндии, Эстонии, Норвегии, Дании, США. В 2003–2005 гг. осуществлялся международный проект «Беломорские петроглифы и окружающий ландшафт» с участием Кембриджского университета (Великобритания). В 2003 г. онежские и беломорские петроглифы посетили эксперты из Норвегии и Швеции (К. Хельског, У. Бертилссон, Я. Магнусон, Д. Миклебюст, А.-С. Хаген). В 2006 г. велась работа по проекту ТАСИС «Каменная книга Беломорья».

В рамках совместного норвежско-российского проекта предполагались: подготовка базы данных по петроглифам Карелии, проведение мониторинга по лишайнобиоте (лишайники), рабочие встречи и конференции, посвященные охране, консервации и использованию памятников. В 1998 г. приступили к совместным полевым работам и сбору материалов для электронной базы данных. Мониторинг по лишайнобиоте начался еще в 1997 г., а спустя 3 года, в апреле 2000 г., был представлен отчет о проведенных исследованиях.

В сентябре 1998 г. в г. Альта (Норвегия) состоялась международная конференция по проблемам наскального искусства с участием археолога Н.В. Лобановой и специалиста по лишайникам А.В. Сониной. На конференции речь шла и о совместном норвежско-российском проекте, который начался с общей оценки состояния онежских петроглифов, проведения охранных мер и образовательных акций. Финансировался проект директором по культурному наследию Министерства окружающей среды Норвегии. Организатором работ выступил Госцентр по охране и использованию памятников истории и культуры при Министерстве культуры РК.

Норвежская сторона хорошо понимала необходимость материально-технического и информационного обеспечения проекта и уже в 1999 г. выделила средства на приобретение современного компьютера, цветного принтера, двух сканеров (для сканирования фотографий и слайдов). Выделялись средства и на полевые работы, проведение детальной топоъемки, осуществленной геодезистами института «Карелпроект», и цветную фотосъемку. В распоряжении экспедиции (начальник Н.В. Лобанова), численность которой составляла от 9 до 11 человек, была моторная лодка, а в 1999 г. — еще и научно-исследовательское судно «Эколог».

Правда, в 1998 г. полевые работы продолжались только один месяц. К тому же их осложнили неблагоприятные природные условия: очень высокий уровень воды в Онежском озере, почти постоянные западные ветры, нагонявшие волны на прибрежные рисунки, частые дожди. Работы проводились в основном на полуострове Кочковнаволок в устье р. Водлы. Там петроглифы располагаются выше над урезом воды, чем в южной части онежского комплекса.

На следующий год работы велись уже в районе Бесова Носа. Теперь, напротив, погода была идеальной для документирования петроглифов. Лето очень засушливое, а уровень воды низкий. Без труда фиксировались петроглифы на Пери Носе III и VI, имеющие самые низкие высотные отметки. Столь низкого уровня воды в Онежском озере не наблюдалось много лет, пожалуй, с 1973 г. В

таких условиях облегчались топосъемка, а также фотосъемка, выполненная И. Георгиевским и отчасти Н.В. Лобановой.

В сентябре 1998 г. в г. Петрозаводске состоялся международный семинар на тему: «Петроглифы Онежского озера: проблемы охраны и использования». В нем приняли участие представители (специалисты и любители) из России, Норвегии, Швеции, Финляндии, Эстонии и США. Средства на проведение семинара выделил Нордический культурный фонд при поддержке Финляндского литературного общества и Общества по изучению доисторического искусства (председатель Р. Лаухангас). Участники семинара побывали на онежских петроглифах и получили представление об их состоянии. На месте обсудили вопросы, связанные с их охраной и разумным использованием.

В конце 1998 г. на средства Министерства культуры РК издается цветной буклет «Петроглифы Онежского озера», подготовленный в связи с 150-летием их открытия. В 2000 г. подобный буклет предполагалось подготовить и по беломорским петроглифам, но замысел осуществить пока не удалось.

Выполнены графитные копии путем протирки мелкого графитного порошка подошвами старой обуви на прикрепленную к скале клейкую малярную ленту бумаги. Скопировано около 1000 фигур, включая неясные и сомнительные. Все графитные копии для удобства пользования в дальнейшем перефотографировались. В соответствии с проектом помимо регистрации и документирования петроглифов на месте (в поле) велась и образовательно-просветительская работа среди местного населения (прежде всего школьников) близлежащих поселений Шала, Каршево, Красноборск. Особенно активно она протекала осенью 1999 г. и завершилась в декабре проведением краеведческой конференции в г. Пудожье.

В конце июня 1999 г. на причале Стеклянное п. Шала был снова установлен большой информационный щит со схемой расположения петроглифов и правилами поведения при их посещении. Аналогичные щиты появились у основания мысов Бесов Нос и Кладовец. Подобные щиты устанавливались здесь еще в 70-е гг. XX в. На Бесовом Носу, Кладовце, Пери, мысах Гажий и Карецкий вывесили небольшие охранные таблички с их названиями. В пяти пунктах определены места для стоянки туристов. У основания мыса Кладовец с северной стороны оборудована стоянка для специалистов-археологов. Скопированы петроглифы на мысе Карецкий Нос, в 3 км севернее Бесова Носа, где Ю.А. Савватеевым зарегистрированы 109 петроглифов (по В.К. Пойкалайнену – 113). По теме норвежско-российского проекта «Сохранение петроглифов Карелии» ее координатором Н.В. Лобановой в 2001 г. представлен

отчет. В 2000 г. в рамках норвежско-российского проекта проводились работы по благоустройству территории, в частности очистка от мусора участка на месте разобранного дома на «макушке» Бесова Носа, а также района, прилегающего к самому маяку, и места туристской стоянки у основания мыса Кладовец.

В 2000 г. начались полевые работы в низовье р. Выг в Беломорье – на острове Ерпин Пудас и на 4 безымянных островках поблизости от Ерпина Пудаса. Подробный отчет об обследовании этих групп беломорских петроглифов сдан в Госцентр. Особую озабоченность вызвало состояние Старой Залавруги, где основная часть гравировок подвергается сильной эрозии. И здесь были определены места для установки информационных щитов, охранных табличек и указателей, места остановок туристов (со столами, скамьями и кострищами). Благоустройство коснулось и Залавруги, где проходили основные работы в 2001 г.

В целом же исследования по проекту «Сохранение петроглифов Карелии», начатые на Онежском озере и на заключительном этапе продолженные на Залавруге (где экспедиция работала только в течение июня 2001 г.), отражены в итоговом отчете Н.В. Лобановой. Был представлен и проект благоустройства территории беломорских петроглифов (автор Е.Ю. Белавина). Начаты первоочередные работы: установлены информационные щиты и охранные таблички. При контрольном обследовании известных уже наскальных полотен уточнены очертания некоторых известных фигур. Проводились копирование и фотосъемка наскальных полотен. Велась также и разъяснительная работа среди посетителей (туристов) и местного населения. Указывалось на следы от костров, на месте которых гладкая поверхность скалы уничтожена на глубину 1–2 см, а то и больше.

Основное внимание уделялось фиксации петроглифов. Особенно трудно она давалась на полуострове Кочковнаволок и мысе Карецкий Нос, где основная часть рисунков визуально прослеживается плохо. Сложными для съемок оказались некоторые скопления на Старой Залавруге, Ерпине Пудасе и безымянных островках в низовье р. Выг. Фотосъемки велись при различном солнечном освещении (от восхода до заката). Использовались большое зеркало для подсветки и тент для затемнения снимаемого участка с изображениями. Часть рисунков, не заметных визуально, подкрашивалась акварельной краской по выбитому контуру.

Наиболее подходящее время года для фотосъемок в Беломорье – июнь. На Онежском озере неплохие условия и в августе–сентябре. Ночью можно использовать свет направленного прожектора или мощного фонаря. Всего удалось сфотографировать около 1000

петроглифов на Онежском озере (400 из них уже занесены в базу данных). Трудности возникли и при фотографировании крупных фигур длиной в 2–4 м. Выручала высокая лестница-стремянка.

В настоящее время осуществляется международный проект, связанный с выявлением и изучением археологического наследия западного побережья и островов Белого моря. Он включает и документирование беломорских петроглифов, их изучение и популяризацию. К 80-летию со дня их открытия приурочен международный семинар, на котором подведены итоги проделанной работы и обсуждены планы на будущее. Естественно, что на подобных встречах неизбежно встанут и обсуждаются вопросы сохранения и разумного использования памятников наскального искусства.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Вот и подошел к концу наш рассказ о петроглифах Карелии и связанных с ними проблемах. Читателю пришлось соприкоснуться с археологическим временем – первобытной эпохой, миром ее искусства, поразмышлять над целым рядом трудных вопросов, вступать в диалог, включиться в поиск ответов на возникающие вопросы. Петроглифы Карелии все еще таят немало трудных загадок, остаются весьма сложным объектом исследования, требующим комплексного, междисциплинарного подхода. Их познание будет расширяться и углубляться по мере развития не только собственно петроглифоведения, но и археологии, этнографии, фольклористики, геологии и других смежных наук.

Приходится признать, что предложить исчерпывающе полное и достоверное истолкование онежских и беломорских петроглифов, особенно их расшифровку, автору не удалось. В рамках научно-популярного издания сделать это не просто. Есть на то и другие объективные причины. Главная из них – незавершенность начатых исследований, включая полевые работы. Дискуссионными остаются возможности использования данных фольклора, этнографии, языкознания для реконструкции хозяйственной, духовной и социальной жизни первобытного общества. Совершенствуются сама методология и специальные методики археологии. Все это вместе с развитием петроглифоведения в будущем расширит и укрепит источниковую базу изучения петроглифов Карелии и облегчит подготовку фундаментальных трудов.

Данная научно-популярная книга содержит относительно полное на настоящий момент изложение фактического материала (быть может, даже отчасти во вред занимательности) и связанных с ним проблем – и теоретических, и прикладных. Сделана попыт-

ка обобщить с учетом открытий последних лет все основное, что известно на сегодня об этих воистину уникальных памятниках древней культуры. При их характеристике нет мелочей. Какие-то детали порой приобретают решающую роль в осмыслении выбитых образов и сцен. Более полная и самая тщательная документация – первооснова всех будущих исследований. Вместе с тем неестественным было бы знакомство с изобразительным материалом без участия тех, кто его исследовал прежде – без их размышлений, догадок, гипотез и прогнозов, дающих богатую пищу для собственных раздумий, помогающих более глубокому восприятию этих памятников.

Такое умение не приходит в готовом виде. Оно вырабатывается в диалоге с предшественниками и современниками, потратившими немало сил, времени и труда на решение проблем петроглифов. Их опыт широко использовался и в данной книге. На конкретных примерах читатель имел возможность убедиться, насколько сложен в науке путь к истине. Мало верится в то, что и впредь нерешенные проблемы петроглифов можно будет решать наскоком. Потребуются годы напряженной работы, многолетние коллективные усилия не одного поколения ученых. Важно, что у них будет фундамент (база) – опыт предшественников, который поможет будущим, более целенаправленным, междисциплинарным исследованиям. Конечно, возможны сверхусилия и озарения талантливых исследователей-одиночек, увлеченных поиском истины, и какие-то сенсационные результаты, но обязательно потребуются и напряженный коллективный труд рядовых ученых.

У обремененных другими обязанностями и заботами первооткрывателей и первоисследователей петроглифы Карелии становились предметом специального анализа только на какое-то время, и тем не менее им удалось главное – снять с них хотя бы частично покров тайны, ввести в научный оборот. Например, В.И. Равдоникас обратил внимание на пласт фигур в онежских петроглифах, которые принял за символические изображения солнца и луны. Эта мысль стала основополагающей для большинства последующих, в том числе и современных, исследователей. Сын В.И. Равдоникаса Феликс попытался развить ее и высказал предположение, что все солярные и лунарные знаки являются на самом деле лунарными знаками, а весь комплекс онежских петроглифов – это своеобразный лунный календарь, в основе которого лежит цикл 18,6 лет. Несмотря на очень существенную корректировку смысла и назначения данной серии фигур, как и всего онежского святилища в целом, преемственность идеи тут налицо.

Принципиально важным оказалось аргументированное выделение А.М. Линевским триады на оконечности Бесова Носа в качестве самых ранних фигур. Естественно, высказано и немало спорного, даже явно ошибочного, но выявив и осознав ошибки, мы уже не повторим их. Кроме того, они останутся частью историографии петроглифоведения и представляют интерес в плане истории изучения памятника.

Первоосновой данной книги послужили первоисточники – сами наскальные рисунки, включая открытые в последние годы. Они сильно обогатили и беломорские, и онежские петроглифы. Обширные новые сведения, включая материалы раскопок соседних поселений, позволили сделать ряд более обоснованных заключений по всем основным проблемам петроглифов Карелии. К тому же изображения теперь лучше документированы. Строже стал и их научный анализ. Надеемся, предлагаемое издание поможет желающим получить более полное представление об онежских и беломорских петроглифах и связанных с ними проблемах, включая сохранение, изучение и использование.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Целевая установка предложенной читателю научно-популярной книги «Вечные письмена» заключалась в том, чтобы в доступной форме, с учетом накопленных на начало XXI века знаний рассказать о петроглифах Карелии и их месте в культурном пространстве Карелии, России и Евразии. Сделать это было не так просто, несмотря на то, что изучение данных памятников археологии длится уже около 160 лет. Дело в том, что с ними связано немало нерешенных проблем. Более того, некоторые обостряются и становятся актуальнее. В настоящее время на первый план выступают прикладные работы, нацеленные на охрану и разумное практическое использование достопримечательных мест с петроглифами.

Ширится круг людей, осознающих, что эти места, где в органичном единстве находятся природа и необычные творения человеческих рук, по существу готовые музеи под открытым небом. Пожалуй, каждый посетитель, независимо от возраста, образования, профессии, непременно найдет здесь для себя много интересного и поучительного, даже таинственного. Наскальные рисунки невольно становятся объектом повышенного внимания и собственного исследования. Они будят мысль, обостряют зрительное восприятие наскальных полотен и окружающей природы. Здесь трудно оставаться в роли пассивного созерцателя и слушателя.

Вопросы напрашиваются сами собой и порою весьма сложные, на которые не просто ответить даже опытным экскурсоводам. При посещении онежских или беломорских петроглифов лучше сразу настраиваться на обсуждение спонтанно возникающих вопросов. Главное, что здесь придется думать, размышлять, наблюдать, сравнивать.

Даже для тех, кто с наскальными рисунками Карелии уже встречался, при каждом новом посещении открывается что-то новое. Наскальное творчество — одна из важнейших новаций в жизни населения Карелии в эпоху неолита, отразившая подвижки в их сознании и мышлении, появление новой формы творческой деятельности. В конечном итоге мы имеем дело с попыткой осмыслить, обобщить накопленную информацию о себе и окружающем мире, передать ее в изобразительной форме и современникам, и будущим поколениям.

Но внутренний смысл и назначение рисунков во многом остаются еще загадкой. Понять их не менее трудно, чем расшифровать неизвестную письменность. Требуется тщательный источниковедческий анализ самих фигур, включая размещение, тематику, стиль, ориентировку, взаимосвязь рисунков, сравнение с аналогичными памятниками соседних и более отдаленных регионов. Стремясь глубже постичь процесс функционирования наскальных полотен, следует помнить о критериях достоверности. Предположения и догадки по первым впечатлениям без детального изучения самих первоисточников не обладают достаточной доказательной силой.

В силу ряда причин на рубеже XX–XXI вв. к петроглифам Карелии стал проявляться повышенный интерес. На «петроглифическом поле» появились новые действующие лица, учреждения и организации, обострилось противостояние разных подходов и направлений. Вторгаться в закрытое от взора посторонних «закулисье» – значит заведомо подставлять себя. Но и проигнорировать эту тему невозможно. Не уяснив с высокой степенью достоверности «кто есть кто» в деятельности, связанной с петроглифами Карелии в прошлом и настоящем, не оценив реальный вклад каждого, не поняв упущения и промахи, не использованные возможности и резервы – труднее выработать стратегию на будущее, конкретные Программы и Проекты, нацеленные на скорейшее решение оставшихся от прошлого и появившихся недавно проблем.

Предлагаемая книга не для легкого чтения. В ней сделана попытка собрать, проанализировать и обобщить накопленный к настоящему времени материал и тем самым помочь лучше понять наскальные изображения Карелии и связанные с ними основные проблемы: изучение, охрана и использование. Данное издание скорее для «избранных», тех, кто непосредственно причастен к судьбе этих памятников (включая любителей, проявляющих к ним повышенный интерес). Книга насыщена и даже перенасыщена разнообразной сопутствующей петроглифам информацией, связанной с природой, историей и культурой Карелии. Видимо, лишь немногие пожелают и смогут прочесть книгу «от корки до корки». Тем не менее, надеемся, что каждый желающий найдет в ней какую-то исходную полезную информацию.

Самой насущной на сегодня проблемой остается сбережение и разумное использование рисунков на скалах. Несмотря на все усилия и определенные позитивные результаты, основательно решить ее так и не удалось. Продолжаются случаи их намеренной порчи невежественными посетителями. Все еще как следует не благоустроены территории изобразительных комплексов. Они не в

полной мере используются в образовательной, культурно-просветительской, туристической деятельности. Далеко не все потенциальные возможности данных памятников задействованы. Со временем ценность их будет осознаваться все больше, а желание сберечь – укрепляться. Это наш общий долг и обязанность. Рисунки на скалах и впредь будут помогать пробуждать и укреплять историческую память, связь времен и народов, служить ценнейшим источником для изучения эпохи первобытнообщинного строя в Карелии. Долг ученых – готовить о них добротные публикации и фундаментальные академические труды и научно-популярные книги, дающие представление о состоянии и уровне их изученности, месте и роли в культурном пространстве Евразии (в прошлом и настоящем).

К важнейшим результатам работ, проведенных за последние четверть века, можно отнести следующие:

Открытие новых петроглифов и на восточном берегу Онежского озера, и в низовье р. Выг, а также основательное документирование и известных ранее, и новых наскальных полотен с использованием современных технических возможностей. Создаются банки и базы данных, сайты на электронных носителях (включая систему «Интернет»).

Многолетние исследования сектора археологии Института ЯЛИ КарНЦ РАН позволили уточнить топографию, состав, технику нанесения, датировку и хронологию петроглифов Карелии. Возраст их заметно удревнен. Теперь их уверенно относят к неолиту и датируют IV – первой половиной III тыс. до н. э. По геологической и палеогеографической периодизации – это атлантический и самое начало суббореального периодов.

Подтверждается вывод о том, что основную роль в развитии наскального творчества в Карелии сыграло население археологической культуры ямочно-гребенчатой керамики. Причастны к нему были и те, кто владел керамикой сперингс, гребенчато-ямочной и ромбоямочной.

Сравнительный анализ с другими ареалами, очагами и местонахождениями наскального искусства Евразии (петроглифами и писаницами) еще сильнее подчеркнул своеобразие онежских и беломорских петроглифов, необычное богатство и разнообразие их тематики, наличие уникальных образов и сцен

В поле зрения исследователей и любителей остается вопрос о назначении и функциях онежских и беломорских петроглифов. Утверждается вывод, что скорее всего это были святилища, где совершались важнейшие обряды и культовые действия. Сами наскальные полотна служили своеобразными «иконостасами», а запечат-

ленные на них образы с особой силой отразили первобытные (языческие еще) представления и верования обитателей нашего края в каменном веке.

Уровень изученности данных памятников влияет и на ход прикладных дел по их охране и использованию. Уже на стадии обсуждения рукописи высказывались упреки в избыточности дополнительной информации. Информации действительно много. К тому же весьма разноплановой и подробной. Но она намеренно собиралась, систематизировалась и обобщалась именно в таком ключе, чтобы осветить петроглифы Онежского озера и Белого моря по возможности многогранно, непременно в более широком контексте культурного пространства Евразии (в прошлом и настоящем). Выход за рамки региональных границ усложняет восприятие книги. Но истинную ценность петроглифов Карелии без сопоставлений с другими очагами, на наш взгляд, осознать труднее. Приходится учитывать и международное сотрудничество на базе этих памятников, которое совсем исключалось в советское время и стало активно развиваться с 90-х гг. XX в.

Сама проблема историко-культурного наследия весьма многогранна и увлекательна для пытливого ума. Чтобы погрузиться в нее основательнее, нужны какие-то отправные точки и ориентиры. Можно воспользоваться предложенным указателем литературы, который знакомит со многими другими объектами культурного наследия России, Европы и мира, дает богатый сравнительный материал по наскальному искусству, облегчающий понимание и его, и общечеловеческих проблем развития сознания и мышления, ранних этапов изобразительной деятельности, мифологии, верований и обрядов. Но главной темой оставались все же сами онежские и беломорские петроглифы. Хотелось дать о них максимально полную информацию, рассмотреть весь круг связанных с ним проблем.

Предлагается и своего рода словарь основных понятий и терминов. Они тоже нуждаются в экспертной оценке и специалистов, и любителей. Формулировки должны стать более точными, понятными и лаконичными. Поскольку понятийный аппарат петроглифоведения расширяется и усложняется, приходится постоянно думать об обеспечении взаимопонимания, хотя бы по самым важным исходным понятиям и терминам, тогда станет легче вести диалог, сократятся разночтения.

Можно обсуждать и маршрут предложенных экскурсий по петроглифам Онежского озера и Белого моря. Конечно, его можно было сократить и ограничиться показом только некоторых, наиболее выразительных скоплений и изображений. Однако в данном

случае принцип «часть вместо целого» для автора показался неприемлемым. Выбирать должен прежде всего сам читатель (посетитель). И только он. Мы же стремились рассказать по возможности обо всех или почти всех наскальных полотнах и тем самым облегчить выбор, что смотреть и в какой последовательности. Именно посетители (читатели) вместе с экскурсоводом определяют для себя приоритеты. Такая избирательность (в разном проявлении) при знакомстве с наскальными полотнами в натуре вполне естественна, даже неизбежна.

Все исследователи петроглифов обращали внимание на природные факторы. И современников природа этих достопримечательных мест тоже вряд ли оставит равнодушными. Естественно, что эмоциональные чувства и впечатления у каждого будут проявляться по-своему. Книга поможет лучше проникнуть и в природный мир, окружающий ландшафт, представить водоемы в развитии (благодаря обращению к исследованиям и реконструкциям геологов, болотоведов, палеогеографов).

Попытки самостоятельного прочтения наскальных полотен можно только приветствовать при условии, что каждый будет сохранять критическое отношение к своим поискам, не станет бояться простых слов «не знаю». Важно сохранять умение слышать и понимать других, вести диалог, тогда цена собственных наблюдений и выводов будет возрастать. Легковесность, излишняя категоричность суждений только вредят делу. Автор надеется, что данная книга поможет привлечь внимание к проблемам, связанным с петроглифами Карелии, подключиться к поиску оптимальных путей и форм их сохранения и использования, активизировать дискуссии, обмен мнениями. Она рассчитана на беспристрастного читателя и его строго критическое восприятие. Ваши замечания, пожелания, советы, наблюдения помогут подготовке в будущем более совершенного и доходчивого издания, более кратких проспектов и путеводителей. Мир наскального искусства способен приносить радость познания и понимания нового, углублять историческую память, раздвигать ее временные рамки, глубже осознать связь прошлого, настоящего и будущего. Желание обобщить, закодировать и передать будущим поколениям наиболее значимую для выживания и продолжения рода информацию, вызвал появление своего рода протописьменности, ставшей важным фактором развития сознания на всех обитаемых континентах, показателем усложнения верований и обрядов, появления прочных традиций.

Как привлечь к этим памятникам истории и культуры пристальное внимание с одной стороны, органов исполнительной власти всех уровней (от муниципальных до федеральных), а с другой –

общества, общественных организаций и движений, местного населения? Как обрисовать наболевшие проблемы, нередко комплексные, решить которые можно только сообща, достигая единомыслия в постановке и путях решения хотя бы самых главных из них? К их числу относятся зонирование и благоустройство территории, определение рекреационных нагрузок и форм рационального использования, путей музеефикации этих недвижимых памятников археологического наследия и др. Ждем подсказки читателей.

Обращаясь к наскальным рисункам, невольно думаешь о настоящем и будущем, продолжении научных исследований и прикладных разработок. Надежным стимулом остаются открытия новых памятников такого рода, появление фундаментальных трудов и, наконец, заметное возрастание к ним внимания со стороны общества (как в нашей стране, так и за рубежом) и государства (которого, правда, все еще недостаточно). Значит, требуется более активная вдумчивая популяризация таких объектов культурного наследия в самых разных формах.

Состояние петроглифов Карелии, в частности онежских, порой оценивают как критическое. Это явное преувеличение. Однако поводов для озабоченности действительно много. Впредь нужна более дальновидная и результативная деятельность, углубленное изучение самих памятников в контексте наскального искусства Фенноскандии, Евразии и мира. Исследование петроглифов Карелии вели как бы две стороны, обладающие разными возможностями. Одна – это местные исследователи, а другая – ученые Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга). Такой «дуализм» сказывался на процессе изучения и его результатах. У центральных учреждений (институтов и вузов) потенциал был выше. Тем не менее своего рода состязание (порой переходящее в противостояние) продолжалось все время. Вспомним этот «дуализм» в лицах: К. Гревингк – П. Швед; В.И. Равдоникас – А.М. Линевский и т.д.

Следует учесть, что все кто занимался петроглифами Карелии, были обременены и другими обязанностями, связанными и с научной, и с научно-организационной (административной) деятельностью, и с преподаванием. Никто не смог посвятить им «все время» и «всю свою жизнь». Задуманные и обещанные итоговые исследования ни А.М. Линевский, ни В.И. Равдоникас, ни автор завершить так и не смогли. Не хватило ни времени, ни сил, ни средств. Но то, что наскальные полотна Карелии стали притягательными и для местных, и для приезжих исследователей, сыграло положительную роль в их изучении и популяризации. Эти трудные для исследования первоисточники до поры не привлекали особо большого внимания. В Карелии ни своим, ни сторонним исследователям никаких

препятствий не ставилось. Отвечавший за данную проблематику Институт ЯЛИ КФ АН СССР (ныне – КарНЦ РАН) привлекал к сотрудничеству самых разных ученых со стороны. В его экспедициях участвовали ленинградский археолог А.Д. Столяр, московский искусствовед Р.Б. Климов, другие желающие. Мы старались сотрудничать с А.Я. Брюсовым, Н.Н. Гуриной, В.Н. Чернецовым, А.А. Формозовым, М.А. Дэвлет, Е.Г. Дэвлет, С.В. Студзицкий и др. Исходили из того, что сообщая некоторые проблемы, в том числе подготовку добротных публикаций, решать легче. Однако на пути укрепления такого сотрудничества всегда возникали какие-то сложности. Кто-то из иногородних завязывать связи с местными исследователями вообще не спешил или не считал нужным.

В 90-е гг. XX в. в связи с кардинальными переменами в стране (затронувшими и науку) ситуация с петроглифами сильно изменилась. Если прежде ими занимался в основном Институт ЯЛИ КарНЦ РАН, то теперь живой интерес к ним проявляют и КГКМ, и музей «Кижы». Активно подключаются средства массовой информации. Поводом служили прежде всего акты вандализма. Но выступления в защиту петроглифов иногда больше напоминали саморекламу. Случалось, что петроглифы рассматривались не только как источник новых знаний, но и как объект коммерциализации. Развивается культурный туризм, появляются детские и юношеские школьные лагеря, словом, петроглифы становятся все более востребованными.

Появляется целый ряд программ и проектов, включая международные. На их реализацию затрачены немалые средства, но на поверку оказывается, что кардинальных сдвигов в охране и использовании онежских и беломорских петроглифов не произошло. Сами они становились не столько предметом углубленных теоретических исследований, сколько объектом полевого изучения и прикладных разработок, связанных с документированием и музеефикацией.

Эта деятельность тоже требует больших трудозатрат и времени. Видимо, какое-то, пусть относительное, разделение на «теоретиков» и «практиков» сохраняется и впредь. Но станет углубляться осознание ценности онежских и беломорских петроглифов, которые займут, наконец, достойное место в культурном пространстве Карелии, России и Евразии.

Высветить все фактические неточности и ошибочные или устаревшие представления, встречающиеся еще на страницах научных и научно-популярных изданий, и особенно в средствах массовой информации нам не удалось. Да и свою сверхзадачу мы видели в другом – привлечь внимание ко всему комплексу проблем, связан-

ных с наскальными изображениями Карелии, помочь всем желающим подключиться к поиску оптимальных путей и форм их сохранения и использования. В трудное переходное время, которое переживает страна и наука, особо востребованы диалог, дискуссия, обмен мнениями со всеми организациями, учреждениями и лицами, не равнодушными к судьбе столь значимых памятников, которые могут и должны войти в число из самых ярких брендов Карелии.

Любая деятельность, связанная с петроглифами, не должна наносить им ущерба. Это непереносимое и обязательное условие для всех – и ученых, и туристов, и местных жителей, и случайных посетителей. Каждый должен помнить: «Не навреди наскальным полотнам и выбитым на них рисункам, самим прибрежным скалам, окружающему ландшафту и его растительному миру».

Возможно, наскальное искусство (а вместе с ним и сама эпоха первобытнообщинного строя с ее особым жизненным укладом) станет кому-то из читателей чуть ближе и понятнее, обогатит его знанием и пониманием далекого прошлого, углубит историческую память. Онежские и беломорские петроглифы – памятники региональные (локальные), обладающие неповторимыми местными особенностями, ярко выраженной спецификой. И вместе с тем они отражают и общие особенности и закономерности первобытных культуры и искусства, их образов и символики. Вдумчивый читатель попутно в какой-то мере сможет приобщиться и к актуальным общечеловеческим проблемам, связанным с развитием сознания, изобразительной и обрядовой деятельности, социальным и этнокультурным процессам, другими словами, к истокам нашей культуры в ее неразрывной связи с природой и историей, общему процессу жизнедеятельности, в котором, по образному выражению К. Маркса, «...труд подливает масло в лампаду жизни, а мысль зажигает ее».

ХРОНИКА. ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ И ДАТЫ

- 1848 г.** Открытие К. Гревингом на восточном берегу Онежского озера в районе мысов Бесов Нос и Пери Нос наскальных изображений — онежских петроглифов.
- 1848 г.,
23 сентября** Сообщение о посещении г. Петрозаводска хранителем музея Академии наук К. Гревингом в газете «Олонецкие губернские ведомости».
- 1850 г.,
2 марта** Краткая информация об исследованиях К. Гревинга в газете «Олонецкие губернские ведомости».
- 1850 г.** Первая публикация об онежских петроглифах — сообщение учителя Петрозаводской гимназии П.Г. Шведа «Крестовый и Перий мысы» (с одним листом рисунков) в «Известиях Русского географического общества».
- 1854 г.** Заметка Н.Г. Чернышевского в журнале «Отечественные записки» 1854, № 9 «Запись К. Гревинга о рисунках на берегу Онежского озера».
- 1880 г.** Посещение онежских петроглифов олонецким гражданским губернатором Г.Г. Григорьевым., сделавшим первые их фотографии .
- 1910 г.** Посещение онежских петроглифов шведским археологом Г. Хальстремом.
- 1914 г.** Вторичное посещение Г. Хальстремом онежских петроглифов (с участием М. Биркита из Кембриджа и Б. Шнитгера из Стокгольма). «Калькирование» (копирование) 412 фигур.
- 1926 г.,
август** Открытие А.М. Линевским в низовье р. Выг у д. Выгостров Чертовых Следков — первой группы (скопления) беломорских петроглифов, переименованной им в Бесовы Следки.
- 1927 г.** Доставка в Карельский краеведческий музей фрагмента наскального полотна с мыса Пери Нос.
- 1928 г.** Выставка в г. Ленинграде, посвященная открытию беломорских петроглифов (по инициативе и активном участии А. М. Линевского).
- 1929–1930 гг.** Знакомство с онежскими петроглифами московского археолога А.Я. Брюсова.
- 1930 г.** Публикация в журнале «Всемирный следопыт» научно-фантастической повести А.М. Линевского «Листы каменной книги» (первый вариант).
- 1934 г.** Фотосъемка онежских петроглифов экспедицией А.Я. Брюсова.
Постановление Совнаркома КАССР о создании на мысах Бесов Нос и Пери Нос «заповедника общенародного значения».
Доставка с мыса Пери Нос в Государственный Эрмитаж большой плиты с изображениями «крыши» и нескольких небольших фрагментов

- 1935 г.** Работа на онежских петроглифах экспедиции В.И. Равдоникаса с целью их выявления, изучения, документирования.
- 1936 г.** Издание I-го тома фундаментальной публикации В.И. Равдоникаса «Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря», сыгравшей важную роль в развитии отечественного петроглифведения.
- 1936 г.,
5 сентября** Открытие В.И. Равдоникасом петроглифов на Залавруге (Старая Залавруга или Залавруга I).
- 1938 г.** Издание II-го тома публикации В.И. Равдоникаса «Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря».
- 1939 г.** Выход в свет монографии А.М. Линевского «Петроглифы Карелии».
- 1939 г.** Передача заповедника «Бесов Нос» из КНИИКа в ведение КГКМ.
- 1947 г.** Археологические разведки А.Я. Брюсова в районе беломорских петроглифов. Открытие стоянки Залавруга I.
- 1957 г.** Начало многолетних спасательных археологических работ в низовье р. Выг, в зоне строительства Выгостровской и Беломорской ГЭС.
- 1960 г.,
30 августа** Постановление Совета Министров РСФСР №1327, по которому объекты культурного наследия «Петроглифы Карелии» получили статус памятников истории и культуры федерального значения.
- 1963 г.,
5 сентября** Открытие экспедицией Ю.А. Савватеева под культурным слоем стоянки Залавруга I первой группы петроглифов Новой Залавруги(Залавруга II).
- 1964 г.,
11 апреля** Заметка с субботнем номере газеты «Вечерняя Москва» Н. Дилигенской «Летопись первобытных людей».
- 1963–1969 гг.** Полевые работы экспедиций Ю.А. Савватеева на Залавруге. Открытие I–XXVI групп петроглифов Новой Залавруги.
- 1965 г.** Съёмки документального фильма «По Бесовым Следкам».
- 1965 г.,
11 марта** Статья в газете «Комсомольская правда» ее специального корреспондента О. Кучкиной «Галерея, которой 3500 лет» – об открытии новых петроглифов в низовье р. Выг.
- 1966 г.** Постановление Совета Министров КАССР «Об охране петроглифов в КАССР».
Создание филиала КГКМ «Бесовы Следки».
- 1967 г.,
сентябрь–
октябрь** Обследование наскальных изображений в КАССР (беломорских петроглифов) комиссией Министерства культуры СССР и АН СССР, ее заключение.
- 1968 г.** Посещение онежских петроглифов французским ученым проф. Р.-Л. Нужье.
Возведение Ондагэсстроем и строителями Выгостровской ГЭС защитного павильона над центральной (северной) группой Бесовых Следков.

- 1969–1970 гг.** Открытие новой группы петроглифов на острове Ерпин Пудас.
- 1970 г.** Издание книги Ю.А. Савватеева «Залавруга» (Ч. I. Петроглифы).
- 1971 г.** Информация в газете «Правда» (орган ЦК КПСС) ее корреспондента В. Логинова «Находки под водой» — о подводных археологических исследований у онежских петроглифов
- 21 сентября**
- 1972 г.** Информация в газете «Правда» Б. Новожилова о поисках и фотографировании онежских петроглифов при ночном высвечивании прибрежных скал прожектором научно-исследовательского судна «Нептун».
- 12 октября**
- 1972 г.** Заметка в газете «Правда» ее внештатного корреспондента Б. Новожилова «Рисунка под водой» — о поисках новых петроглифов на восточном берегу Онежского озера (и на прибрежных скалах, и под водой).
- 17 июля**
- 1972–1974 гг.** Проведение под руководством Е.В. Цуцкина подводных работ у онежских петроглифов (мысы Кладовец, Пери Нос III, Бесов Нос, Карецкий Нос).
- 1973 г.** Открытие экспедицией Ю.А. Савватеева петроглифов в устье р. Водлы, на полуострове Кочковनावолок.
- 1982–1992 гг.** Исследования онежских петроглифов членами Эстонского общества по изучению доисторического искусства (руководитель В.К. Пойкалайнен). Открытие в 1986–1991 гг. новых групп на мысе Лебединый (полуостров Кочковनावолок).
- 1986 г.** Создание государственного ландшафтного заказника (местного значения) «Муромский», включающего 30-километровую полосу восточного побережья Онежского озера к югу от устья р. Водлы (вместе с онежскими петроглифами и остатками древних поселений).
- 1990 г., июль** Международный полевой семинар по наскальному искусству, организованный Эстонским обществом по изучению доисторического искусства.
- 1993 г.** Проектные предложения Госцентра по охране и использованию памятников истории и культуры (Н.В. Лобанова, Ю.А. Савватеев), по зонам охраны территории онежских петроглифов и близлежащих археологических памятников, их сохранению и использованию.
- 1994 г.** Разработка двумя группами по заказу Госцентра проектных предложений по использованию онежских и беломорских петроглифов в культурно-просветительских и туристских целях и рекомендаций по их сохранению.
- 1994–1995 гг.** Международный «Онежский проект» (Россия, Норвегия, Швеция, Финляндия).
- 1996 г., 16 апреля** Открытие в КГКМ музейно-образовательной интерактивной выставки «На пороге древнего мироздания», посвященной 150-летию открытия петроглифов Карелии. Стала частью музейно-образовательного проекта 1998–1999 гг., получившего поддержку Института «Открытое общество» (Фонд Сороса, Москва).

- 1996 г.** Предложения группы Н.В. Лобановой о создании на базе онежских петроглифов природно-археологического музея-заповедника (по типу подобных музеев в Скандинавских странах).
- 1997 г., сентябрь** Подписание протокола об основных целях и задачах норвежско-российского проекта «Сохранение петроглифов Карелии на 1998–2001 гг.»
- 1997–2001 гг.** Археологический и лихенологический мониторинг петроглифов Карелии, проведенный Госцентром (руководитель Н.В. Лобанова).
- 1998–2001 гг.** Совместный российско-норвежский проект «Сохранение петроглифов Карелии». Финансовое обеспечение – Директорат по культурному наследию Министерства окружающей среды Норвегии.
- 1998 г., 25 марта** Распоряжение Председателя Правительства РК № 163-р об утверждении проекта зон охраны памятников археологии Беломорского района.
- 1998 г., 9 апреля** Постановление Правительства Республики Карелия № 221 об отнесении земель археологического комплекса «Беломорские петроглифы» к землям историко-культурного назначения.
- 1998 г., 14–18 сентября** Международная научная конференция, посвященная 150-летию открытия онежских петроглифов.
- 1998 г., сентябрь** Международный семинар «Петроглифы Онежского озера: вопросы изучения, охраны и использования» (с участием представителей России, Финляндии, Эстонии, Норвегии, Дании и США).
- 1998 г.** Выпуск фундаментального каталога петроглифов на полуострове Кочковнаволок, включающего неопубликованную еще группу в устье р. Водлы, открытую экспедицией Ю.А. Савватеева. Авторы В. Пойкалайнен и Э. Эрнитс.
- 1998–1999 гг.** Музейно-образовательный проект КГКМ «На пороге древнего мироздания».
- 1999 г., 6 октября** Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ)» (№ 184-ФЗ), принятый Государственной Думой РФ.
- 1999 г., декабрь** Республиканская краеведческая конференция в г. Пудожье «Археологическое наследие Пудожского района».
- 1998, 1999, 2001 гг.** Детский археологический лагерь «Школа первобытных ремесел» на онежских петроглифах.
- 2000 г., ноябрь** Заявка во Всемирный фонд памятников (Нью-Йорк) по теме «Изучение, сохранение и консервация памятников наскального искусства Карелии», составители Н.В. Лобанова, Ю.А. Савватеев (при поддержке В.А. Дыбина).

- 2000 г.** Проект «Фестиваль первобытной культуры на беломорских петроглифах» (по инициативе районного краеведческого музея «Беломорские петроглифы»).
- Программа развития туризма на 2000–2002 гг., принятая администрацией Беломорского района. Поставлен вопрос о создании специального фонда охраны петроглифов.
- 2001 г., октябрь** Официальная информация из Всемирного фонда памятников о включении петроглифов Карелии в список 100 мировых объектов 2002 г., подверженных угрозе разрушения.
- 2001 г.** Разработка Госцентра и Министерства культуры РК проекта-предложения «Создание туристического маршрута на территории археологического комплекса “Беломорские петроглифы”».
- Представление проектно-сметной документации «Защитный павильон над группой наскальных изображений Бесовы Следки», выполненной ЗАО ПИ «Карелпроект» по заказу Госцентра. Предусматривалась ликвидация существующего и строительство нового павильона.
- Отчет о работе по теме «Сохранение петроглифов Карелии» в рамках совместного норвежско-российского проекта. Координатор Н.В. Лобанова.
- Возобновление полевых работ на Залавруге экспедиции Госцентра под руководством Н.В. Лобановой с целью инвентаризации, анализа состояния и сохранности петроглифов.
- Подготовка проекта благоустройства территории беломорских петроглифов (автор Е.Ю. Белавина; Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия).
- 2001 г.** Организация КРОО «Бесов Нос», председатель Н.В. Лобанова.
- 2002 г., январь** Создание ресурсно-информационного центра «Бесов Нос» как структурного подразделения КГКМ.
- 2002 г., 3 июня** Обращение зав. сектором археологии С.И. Кочкуркиной в отдел полевых исследований Института археологии РАН по проблемам, связанным с петроглифами Карелии.
- Инвентаризация археологических памятников в районе Бесова Носа, проведенная сектором археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН.
- 2002 г., 25 июня** Принятие Государственной Думой Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (73-ФЗ).
- 2002 г., 5 августа** Акт о нарушениях принятых правил на мысе Кладовец (онежские петроглифы), направленный директором КГКМ Е.Г. Зариной, В.А. Дыбину и А.Н. Камировой.
- 2002 г., 17 декабря** «Концепция развития филиала КГКМ “Онежские петроглифы” на 2003–2005 гг.», утвержденная ученым советом КГКМ.

- 2002 г.** Региональный межмузейный форум «Музеи и туризм», организованный КГКМ. Объявление о начале работы музея по открытию туристского маршрута на петроглифы Онежского озера.
Инициатива КГКМ по созданию на базе петроглифов района Бесов Нос филиала музея.
Проект КГКМ, связанный со 100-летием со дня рождения А.М. Линевского. Выставка «Преломление: этюды о первобытной культуре».
- Отчет Н.В. Лобановой по теме «Сохранение петроглифов Карелии» (об итогах совместного карельско-норвежского проекта 1998–2001 гг).
- Отчет о НИР за 1997–2001 гг. по теме «Мониторинг состояния археологических памятников “Онежские петроглифы” в связи с разрушающим воздействием лишениобиты» (научный руководитель А.В. Сони́на).
- Инвентаризация археологических памятников района мыса Бесов Нос и окружающих их ландшафтов в связи с планами КГКМ организовать филиал на мысе Бесов Нос.
- Программа научно-исследовательских, образовательных и охранных работ на петроглифах Карелии. Составлена сектором археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН и согласована с В.А. Дыбиным.
- 2002–2005 гг.** Российский открытый археологический лагерь-экспедиция «Школа первобытных ремесел» в Беломорском и Пудожском районах РК, проведенный КГКМ совместно с Министерством образования РК и Петрозаводским Дворцом творчества детей и юношества.
- Полевые археологические работы КГКМ в районе беломорских и онежских петроглифов.
- Международный проект «Когнитивные возможности беломорских петроглифов» с участием Кембриджского университета (Великобритания) и ИЯЛИ КарНЦ РАН.
- 2003 г.,
4–10 июня** Ознакомительная поездка рабочей группы по проекту РАНЕ на петроглифы Карелии. Одно из направлений проекта – «Наскальное искусство в школах».
- 2003 г.,
25 ноября** Договор между Министерством государственности РК (С.И. Денисов) и администрацией муниципального образования «Беломорский район» (Ю.С. Мухин) о безвозмездном пользовании недвижимым имуществом, находящимся в собственности РФ. (Отменен с 01.10.04 Ю.П. Юриновым.)
- 2003 г.** Создание КГКМ сайта «Петроглифы Карелии» (<http://rockart.karelia.ru>).
- Разработка КГКМ проекта ТЭО по сохранению и музеефикации онежских петроглифов и концепции филиала «Онежские петроглифы».
- Передача беломорских петроглифов администрации местного самоуправления Беломорского района Минимуществом России (территориальное подразделение в РК).

2004 г., 2 февраля	Акт приемки-передачи администрацией муниципального образования «Беломорский район» в лице первого зам. главы самоуправления В.А. Попова, ОАО «Туристический комплекс “Карелия”» в лице ген. директора В.Л. Петросяна всех групп беломорских петроглифов. Оговорен режим охранных зон и условия туристской деятельности.
2004 г., 25 июня	Постановление Правительства РФ № 301 о выдаче разрешений и заданий на проведение работ, а также согласовании проектной документации по сохранению объектов культурного наследия федерального значения Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
2004 г., 2 июля	Соглашение о совместной деятельности между администрацией муниципального образования «Беломорский район» и ОАО «Туристический комплекс “Карелия”». Отмена Прокуратурой РК договора №130 от 25.11.03 о передаче в пользование ОАО «Туристический комплекс “Карелия”» беломорских петроглифов.
2004 г., июль — сентябрь	Российский археологический лагерь по проведению спасательных раскопок на трех разрушающихся стоянках.
2004 г., 16 ноября	Преобразование Госцентра в Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия.
2004 г., ноябрь	Обращение участников Всероссийской конференции «Русская культура и XXI век: проблемы сохранения и использования наследия» (г. Вологда) к Председателю Правительства РФ М.Е. Фрадкову с просьбой «...предпринять на федеральном уровне практические шаги по защите от разрушения древних культовых памятников Севера России, в том числе петроглифов Карелии».
2004 г.	Издание сборника КГКМ «Проблемы сохранения, изучения и музеефикации петроглифов Карелии». Концепция и ТЭО раздела «Петроглифы Карелии» для постоянной экспозиции, разработанные КГКМ. Получение КГКМ гранта от Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ в рамках федеральной целевой программы «Культура России» (2001–2005 гг.) на разработку ТЭО по сохранению и музеефикации онежских петроглифов. Проект заказан в Российском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Москва). Новая инициатива КГКМ — передать онежские петроглифы музею-заповеднику «Кижі» или Ведлозерскому национальному парку, а беломорские петроглифы — в пользование Соловецкому музею-заповеднику.

КГКМ подготовлен раздел «Петроглифы Карелии» для выставки «Россия – Норвегия» в Русском этнографическом музее (СПб) в рамках федеральной целевой программы «Культура России» (2001–2005 гг.).

**2005 г.
17 октября** Статья в газете «Независимая» Андрея Фарутина (Петрозаводск) «К Катананову с протянутой рукой» с подзаголовком «Уникальные рисунки Карелии нуждаются в срочной защите».

2004–2007 гг. Международный проект «Комплексные гуманитарные исследования» в бассейне Белого моря (при финансовой поддержке Совета Министров Северных стран), руководитель Н.В. Лобанова.

**2005 г.,
22 февраля** Совещание представителей всех учреждений, причастных к природно-культурным комплексам с петроглифами Карелии в Министерстве культуры... РК. Достигнута договоренность о создании федеральными органами службы экспертов на территории РК и наделении их полномочиями по объектам культурного наследия федерального значения.

**2005 г.,
20 апреля** Ответ и.о. руководителя Управления по Северо-Западному федеральному округу Федеральной службы... Росохранкультуры В.А. Косинен директору КГКМ Е.Г. Зариной (копия Г.Т. Брун) на ходатайство о передаче петроглифов Онежского озера и Белого моря в пользование КГКМ.

**2005 г.,
август** Посещение онежских и беломорских петроглифов экспертами из Норвегии и Швеции (К. Хельског, Д. Миклесбют, А. Хиген) с целью оценки проделанной работы по проекту.

**2005 г.,
сентябрь** Открытие совместной экспедицией карельских и британских археологов (руководитель Н.В. Лобанова) в центральной, сильно поврежденной эрозией группе петроглифов Старая Залавруга около 300 новых изображений.

2005 г. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Москва) разработано ТЭО сохранения и музеефикации петроглифов Карелии (при участии КГКМ).

2005–2006 гг. Дообследование и корректировка проектно-сметной документации, разработанной ЗАО ПИ «Карелпроект». Заказчик нового варианта проектной документации – УКС Госстроя РК.

2005–2007 гг. Грант РГНФ на создание информационно-поисковой системы (ПИПС) по петроглифам Карелии, руководитель Н.В. Лобанова.

**2006 г.,
апрель** Встреча экспертов (Россия, Финляндия, Швеция, Норвегия) в г. Киерикки (Финляндия), ответственный координатор проекта Л. Лехтинен.

2006 г. Международный проект ТАСИС «Каменная книга Беломорья», руководитель Л. Лехтинен. Киерикки, Финляндия, главный эксперт с российской стороны Н.В. Лобанова.

2006 г. Выход книги А.М. Жульникова «Петроглифы Карелии (Образ мира и миры образов)», (Петрозаводск, 2006, 224 с.).

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ

Ареал наскального искусства – более крупные зоны в пределах континентов Европы, Азии, Африки, Австралии и Америки. В России в качестве ареалов можно выделить: Урал, Сибирь, Дальний Восток, Европейский Север и т.д. Понятия «ареал» и «регион» важны для изучения распространения наскального искусства по земному шару, выявления взаимодействия и влияния их исходных очагов, общего процесса развития.

Группа петроглифов – как правило, изображения одного полотна, расположенные рядом друг с другом и отражающие традицию нанесения гравировок в данном пункте. Чаще всего получает собственное название и, кроме того, каждая группа обозначается римской цифрой. Например, Бесовы Следки в низовье р. Выг подразделяются на северную (центральную) и южную группы; Новая Залавруга, на группа Залавруга I–XXVI и т. д. В качестве синонима группе используется термин «скопление».

Документирование петроглифов Карелии – тщательное и детальное воспроизведение состояния петроглифов, фиксирующее происшедшие изменения под влиянием природных и антропогенных факторов. Предполагает подробную топосъемку территории с петроглифами, картографирование, копирование и описание всех фигур и знаков, детальную фотосъемку при разном (естественном и искусственном) освещении, их предварительную классификацию, идентификацию и т.д. Обозначаются границы и контуры наскальных полотен и размещение на них изображений, границы охранных зон, зон регулируемой застройки, охраняемого ландшафта, современного землепользования.

Достопримечательное место – понятие, которое стало использоваться по отношению к петроглифам Карелии недавно в связи с проблемой их музеефикации. Пример – достопримечательное место Бесов Нос на восточном берегу Онежского озера. Под ним понимается комплекс памятников археологии, органично вписанный в окружающую природную среду и образующий с ней неразрывное единство, отчетливо воспринимаемое и визуально. Оно выделяется в особо охраняемую территорию с обозначением границы, разработкой правил поведения и мер государственной охраны, с постоянным мониторингом состояния достопримечательного места. Участки, прилегающие ко всем основным группам петроглифов Карелии, приуроченные к мысам, островам и их ландшафтам, можно выделять как достопримечательные места и органично вписать их в туристско-экскурсионные маршруты.

Земли историко-культурного назначения – в соответствии с федеральным законом из земель лесного фонда могут быть выделены земли историко-культурного назначения, если на то есть веские основания. Данный вопрос неизбежно встает при музеефикации петроглифов Карелии.

Идентификация петроглифов – их опознание, выявление соответствия выбитых изображений реалиям жизни, времени их создания и функционирования. Основной прием – сопоставление изображения с его прообразами. Уже при первом знакомстве выясняется, что на наскальных полотнах представлены изображения, близкие к натуре и потому легко узнаваемые. Встречаются натуралистические в основе своей, но наделенные необычными признаками и деталями, образы. Наконец, представлены фигуры явно символические, созданные воображением. Особую разновидность составляют знаковые формы (знаки). Как правило, они очень небольшие по размерам, имеют простые геометрические очертания – округлые пятна, углубления, короткие полосы и т.д.

Идентификация в небольшой степени зависит от стиля изображений. Он может быть натуралистическим и приближаться к жизненной правде (как в Беломорье) и более символическим, сильно окрашенным фантазией (как на Онежском озере). Там и там опознаются изображения птиц, лодок, людей и антропоморфных фигур, лосей и оленей, медведей, орудий охоты (лук и стрелы, лыжи). Примером символических фигур и образов, окрашенных мифологией, служат так называемые солярные и лунарные знаки, а также жезлы и яркие одиночные фигуры на онежских петроглифах.

При более детальном рассмотрении, видимо, число опознанных рисунков станет расширяться. Похоже, что среди морских зверей удастся выделить ряд конкретных типов: киты-касатки, белухи, тюлени. При идентификации или опознании нередко используется понятие «сюжет», т.е. выяснение того, о чем повествует та или иная фигура или сцена. Например, охота на лося, промысел морского зверя, поединок, отряд людей и т.д. Синонимом слова «сюжет» может служить слово «тема». Число сюжетов, поддающихся определению, весьма ограничено. Далеко не все из реальной жизни становилось темой наскального творчества, которое больше связано с мифологией и верой и обусловлено желанием лучше, надежнее адаптироваться к окружающему миру, утвердиться в нем, сделать его более подходящим для жизни, обеспечить продолжение рода.

Интерпретация петроглифов – тот или иной метод, способ, прием выяснения смысла и назначения изображений и его результат. Могут использоваться те или иные известные уже в науке теории и гипотезы либо предлагаться новые. Прибегают и к сравнениям, аналогиям с другими подобными памятниками соседних и более отдаленных регионов, архаичным пластам в памятниках устного народного творчества, данным естественнонаучных дисциплин и методов. Принимаются во внимание материалы соседних стоянок, как и общее представление об археологическом времени той поры. Важны и данные этнографии – представления о мире и верованиях отсталых народов с традиционной культурой.

Общепризнанным становится вывод ученых, что петроглифы и писаницы являлись центрами первобытных святилищ, где совершались

определенные обряды и действия, устанавливались и поддерживались связи с потусторонними мирами — предками, богами, героями. Ход эволюции наскального творчества, как и знаний, с ними связанных, — особая и непростая тема. Возможности познания таких памятников в силу ряда объективных причин ограничены, но все же продвижение в этом направлении уже налицо.

Историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник — одна из основных форм музеефикации петроглифов Карелии и управления ими. Предварительно проводится функциональное зонирование территории. Выясняются структура историко-культурного ландшафта, режим охраны и природопользования. Подобные музеи могут быть региональными либо федеральными. Видимо, формат музея-заповедника является оптимальным и для беломорских, и для онежских петроглифов, с учетом их местных особенностей, прежде всего связанных с окружающей природной средой и общим культурным контекстом каждого из районов.

Классификация петроглифов — один из приемов их документации и систематизации. Классификация проводится по целому ряду показателей (признаков). К числу наиболее важных можно отнести следующие: по степени сохранности (отличная, хорошая, средняя, плохая и очень плохая), по глубине выбивки (очень глубокая, глубокая, средняя, мелкая и выбивка, едва углубленная в поверхность скалы), по технике нанесения (тщательная, обычная, грубая), по стилистическим особенностям (жизненно правдивые, близкие к живым прототипам, схематичные полунатуралистические, комбинированные — с признаками разных фигур), по размещению (одиночные изображения, кучное скопление с явным центром, размещение относительно свободное, заполнение до отказа), по выбивке и стилю изображения (силуэтные, контурные и смешанные — силуэтно-контурные), по размерам, (гигантские, крупные, средние, мелкие (даже миниатюрные), по выбивке края (тщательная, нормальная, грубая, с неровным краем), по направлению относительно стран света, по высотным отметкам над уровнем воды наклон наскальных полотен и т.д.

Комплекс петроглифов — совокупность петроглифов и окружающих природных участков, которые включают также соседние стоянки и другие достопримечательности.

Композиции — две или более фигур, имеющих явную изобразительную связь и образующих некое сюжетное (повествовательное) единство. Они могут быть созданы одновременно, по единому замыслу, а могут соединять и разновременные изображения, чтобы объединить их в единый сюжет. Синоним слову «композиция» — «сцена».

Копирование петроглифов — изготовление копий в натуральную величину, максимально точно передающих контуры фигур и характер выбитой поверхности. Способы и приемы копирования разные. Она постоянно совершенствовалась. В настоящее время чаще всего используется бумага, которая накладывается на изображения и протирается подошвой или специально изготовленной протиркой. Полу-

ценную копию желательно тут же сверить с натурой и отметить все естественные включения, чтобы избежать вполне реальной опасности принять естественное углубление за выбивку. Такие случаи не раз имели место. Наглядный пример тому демонстрирует публикация петроглифов полуострова Кочковनावолок на восточном берегу Онежского озера.

Менеджмент петроглифов Карелии – выработка оптимальной системы управления недвижимыми памятниками монументального наскального искусства, начиная от независимых экспертных заключений о состоянии памятника и его мониторинга вплоть до организации историко-культурных и природно-ландшафтных музеев-заповедников. Конечная цель – использование данного ресурса для развития территории Беломорского и Пудожского районов, Республики Карелия и России с учетом современных условий и возможностей.

Музеефикация петроглифов Карелии – оптимальные формы включения их в научно-образовательную, культурно-просветительскую и туристско-экскурсионную деятельность путем создания музеев-заповедников или других форм управления и практического использования.

Наскальное (скальное) полотно – участок поверхности скалы (или валуна) с петроглифами или писаницами. Площадь его может колебаться от 0,5 до нескольких м². Два или более наскальных полотен образуют их скопление. Наскальные полотна могут быть горизонтальными, наклонными и вертикальными. Они различаются по общей площади, высотным отметкам и удаленности от уреза воды. У наскального полотна можно выделить фасадную и тыльную части, центр, левый и правый фланги, а также обозначить одиночные изображения поодаль от основной части.

Объекты культурного наследия – по современному законодательству это памятники и памятные места, взятые на учет и подлежащие государственной охране. По своему охранному статусу они подразделяются на объекты федерального, регионального и муниципального значения. Еще одна категория охраны – выявленный объект. Петроглифы Карелии относятся к объектам культурного наследия федерального значения, а значит, остаются в ведении федеральных органов власти, которые и несут главную ответственность за их состояние и использование. Недоработки в законодательной базе, отсутствие необходимых подзаконных правовых актов, специальных положений затрудняют и работу на местах, в субъектах РФ. Долго не решался вопрос о конкретных владельцах данных памятников, пользовании ими, персональной ответственности. Дело в том, что объекты археологического наследия и участки, в пределах которых они располагаются, в гражданском обороте земли находятся раздельно. При пользовании объектами культуры «Росохранкультура» может вводить определенные ограничения. Создан единый Государственный реестр объектов культурного наследия страны. Участки лесного фонда, в пределах которых располагаются объекты археологического наследия, разрешено выделять в земли историко-культурного назначения.

Охраняемые историко-культурные территории – вокруг петроглифов в соответствии с федеральным законодательством выделены охраняемые государством историко-культурные территории. Определены их статус и границы.

Памятники наскального искусства – группы и скопления петроглифов и писаниц, включенные в природный ландшафт и образующие с ним неразрывное единство. Относятся к категории недвижимых археологических памятников и, по существу, являются готовыми музейными объектами под открытым небом. В Карелии недвижимыми памятниками древнего монументального искусства являются онежские и беломорские петроглифы.

Петроглифоведение – область знания, связанная с изучением памятников наскального искусства мира. Является составной частью археологии и истории первобытного общества. В целом данное, еще совсем новое научное направление комплексное. Базируется оно на широком использовании методов и данных естественнонаучных дисциплин. Особенность петроглифоведения – триединство составляющих его основных частей (или блоков): собственно научное исследование, сохранение, рациональное использование. Естественно, оно включает и популяризацию знаний о петроглифах.

Несмотря на молодость, петроглифоведение накопило уже немалый опыт, имеет и способно развивать свои источниковедение и историографию, давать рекомендации для принятия управленческих решений по охране и рациональному использованию памятников наскального искусства. В организации полевых и теоретических исследований, в выработке их методов и приемов большую роль играют международные связи и сотрудничество.

Петроглифы – в переводе с древнегреческого значит резьба на камне (скале).

Петроглифы Карелии – изображения, выбитые камнем на прибрежных скалах – выходах коренных пород (кристаллические сланцы или гранито-гнейсы) на восточном побережье Онежского озера и в низовье р. Выг в юго-западном Беломорье. Официально их именуют как онежские и беломорские петроглифы. Переименование, например, онежских в заонежские ничем не оправдано и не корректно. Синонимы слову «петроглифы» – «наскальные изображения», «рисунки», «выбивки», «гравировки», «фигуры и знаки», «письмена».

Используются и иные синонимы, чтобы более образно выразить их культурно-историческую значимость как составной части феномена первобытного изобразительного искусства и мирового культурного наследия: «вечные письмена», «листы каменной книги», «протописьменность», «наскальные полотна», «каменная летопись», «каменные архивы истории» и т.д.

Петроглифы Карелии как объект культурного наследия – памятники истории и культуры, но прежде всего памятники археологии. И вместе с тем наскальные полотна – ценнейшие памятники монументального изобразительного искусства. Это триединство – одна из

главных их особенностей. Они являются частью ансамблей, включающих памятники природы и органической составляющей общекультурной среды.

Писаницы – наскальные изображения, нанесенные краской, обычно охрой. В Карелии пока не найдены, но их много в соседней Финляндии. Встречаются они и в Сибири. Синонимы слову «писаницы» – «росписи», «живопись», «наскальные изображения».

Регион наскального искусства – вся территория с памятниками наскального искусства. Она может совпадать с территорией современных субъектов РФ. Например, Карельский регион наскального искусства (с природно-географическими зонами) или Кольский регион наскального искусства.

Рекреационные нагрузки – один из важнейших критериев охраны и использования петроглифов Карелии. Предполагает объективное выявление и определение рекреационного потенциала территорий с петроглифами, возможностей его использования, установление допустимых рекреационных нагрузок, оптимальной планировочной организации всей используемой территории. Рекреационные рекомендации должны учитываться при проведении всей туристско-экскурсионной и образовательной работы.

При соблюдении всех предосторожностей и установленных правил поведения число ежегодных посетителей беломорских петроглифов в ближайшие 7–10 лет можно довести до 50–60 тыс., онежских – до 30–40 тыс. без ущерба для памятников. Требуются и хорошо подготовленные экскурсоводы, обустройство территории, меры надежной охраны. Здесь должен действовать неписанный моральный кодекс посетителя петроглифов Карелии, обязательный для всех – будь то ученый, турист, местный житель или случайный посетитель. Главный принцип поведения на петроглифах: «Не навреди и рисункам, и окружающей природной среде».

Скопление – сосредоточение фигур на отдельных участках внутри групп. Как правило, все они оказываются в поле зрения, если рассматривать их в непосредственной близости и стоя. В скоплении может быть от нескольких единиц до нескольких десятков, а то и сотен фигур и знаков. Они, как и в группе в целом, обычно разновременные и отражают процесс бытования традиции в данном пункте на определенном отрезке времени.

Иногда слово «скопление» употребляется и в расширительном смысле – для обозначения того или иного местонахождения в целом. Например, скопления петроглифов в низовье р. Выг или на восточном берегу Онежского озера. Группа и скопление порой используются как синонимы. Кроме того, встречаются одиночные разрозненные фигуры, расположенные поодаль от зафиксированных групп и скоплений. Выделять такие одиночные фигуры в отдельные самостоятельные скопления, а тем более группы, скорее всего, не следует. Они трудно сопоставимы.

Эрозия – следы разрушения поверхности наскального полотна и самих изображений под воздействием выветривания, деятельности лишайников, других простейших микроорганизмов, волн и льда. Там, где эрозия проходит активно, поверхность скалы и петроглифов становится шероховатой, даже бугристой. Естественные выщербины сливаются с выбивкой. Воспроизведение рисунков путем копирования и фотографирования сильно осложняется. Эрозия особенно сильно повредила центральную часть Старой Залавруги.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Абрамова З.А.* Ранние формы искусства. Древнейшие формы изобразительного творчества. М., 1972.
- Аллахверов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
- Анохин А.В.* Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924.
- Археологический фактор в планировочной организации территории: Материалы семинара. М., 1997.
- Археологическое наследие Пудожского района (материалы научной конференции 08.12.1999). Пудож, 1999.
- Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск, 2007.
- Археология Севера: Сб. науч. статей. К 10-летию археологических экспедиций КГКМ. Вып. 1. Петрозаводск, 1997.
- Археология Якутии. Якутск, 1988.
- Бадер О.Н.* Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М., 1965.
- М.М. Бахтин и проблемы методологии гуманитарного знания. Сб. научных статей. Петрозаводск, 2000.
- Брюсов А.Я.* История древней Карелии. М., 1940.
- Брюсов А.Я.* К критике ошибок археологов при истолковании древних петроглифов // Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953. С. 94–113.
- Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004.
- Вуд Дж.* Солнце, Луна и древние камни. Пер. с англ. М., 1981.
- Габричевский А.Г.* Мифология искусства. М., 2002.
- Геологические памятники природы Карелии. Петрозаводск, «Карелия», 2006.
- Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник. Вступительная статья В.И. Равдоникаса // МИА. М.–Л., 1956. № 47.
- Гурина Н.Н.* Мир глазами древнего художника Карелии. Л., 1967.
- Гурина Н.Н.* Искусство неолитических племен лесной полосы Европейской части СССР // История искусства народов СССР. Т. 1. М., 1971. С. 64–71.
- Данилов П.И.* Охотничьи звери Карелии: экология, ресурсы, управление, охрана. М., 2005.
- Девятова Э.И.* Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в юго-западном Беломорье. Петрозаводск, 1973.
- Девятова Э.И.* Природная среда плейстоцена и ее влияние на расселение человека в Северодвинском бассейне и в Карелии. Петрозаводск, 1982.
- Девятова Э.И.* Природная среда и ее изменения в голоцене. Петрозаводск, 1986.
- Джафарадзе И.* Гобустан. Баку, 1999.
- Диков Н.Н.* Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М., 1971.
- Доманский Я.Б., Столяр А.Д.* По бесовым следам. Л., 1962.

- Древнее искусство Азии. Кемерово, 1995.
- Древняя история Алтая. Барнаул, 1980.
- Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М., 2002.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Духовная культура древних народов Северной и Центральной Азии. Мир петроглифов. Нью-Йорк, 2000.
- Дэвлет Е.Г. Альтамира: у истоков искусства. М., 2004.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне (Мир наскального искусства России). М., 2005.
- Дэвлет М.А. Большая боярская писаница. М., 1976.
- Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргала. М., 1980.
- Дэвлет М.А. Листы каменной книги Енисея. Кызыл, 1987.
- Дэвлет М.А. Каменный «компас» в Саянском каньоне Енисея. М., 2004.
- Елина Г.А. Принципы и методы реконструкции и картирования голоцена. Л., 1981.
- Елина Г.А. Многоликие болота. Л., 1987.
- Елина Г.А. Аптека на болотах. СПб., 1993.
- Елина Г.А., Лукашев А.Д., Токарев П.Н. Картографирование растительности и ландшафтов на временных срезах голоцена таежной зоны Восточной Фенноскандии. СПб., 2005.
- Жульников А.М. Петроглифы Карелии (Образ мира и миры образов). Петрозаводск, 2006.
- Задачи советской археологии. М., 1987.
- Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
- Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб., 2004.
- История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.
- Каган М.С. Морфология искусства. Л., 1972.
- Керам К. Боги, гробницы, ученые. Пер. с нем. М., 1964.
- Комплексная охрана природно-исторического ландшафта бассейна Онежского озера (На примере ландшафтного заказника «Муромский». Карельская АССР). АН СССР. Карельский филиал. Ин-т. биологии. Петрозаводск, 1988.
- Комплексные исследования древних традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.
- Кондратов А. От тайны к знанию. М., 1969.
- Кочкуркина С.И. Народы Карелии. История и культура. Петрозаводск, 2005.
- Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. Новосибирск, 1994.
- Кривцов Н. Бесово наследие // Отдых в России и странах ближнего зарубежья. 2004. № 8. С. 64–69.
- Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. Академический проект. Гаудеамус, 2004.
- Кубарев В.Д. Наскальное искусство Алтая. Новосибирск, 2002.
- Кудряшов И.К. Путеводитель по Каповой пещере. Уфа, 1969.
- Культурный ландшафт как объект наследия. М. – СПб., 2004.
- Кэрлот Х.Э. Словарь символов. М., 1994.

- Лаушкин К.Д.* Новое онежское святилище. Ч. I (Новая расшифровка некоторых петроглифов Карелии) // Скандинавский сборник. 1959. Т. IV. С. 83–111. Ч. II (Опыт новой расшифровки некоторых петроглифов Карелии) // Скандинавский сборник. 1962. Т. V. С. 177–298.
- Лаушкин К.Д.* Кино сорок веков назад // Знание – сила. 1966. № 1. С. 38–39.
- Лаушкин К.Д.* Новое об искусстве древних художников Прионежья // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1966. № 27. С. 48–50.
- Линевский А.М.* Петроглифы Карелии. Ч. I. Петрозаводск, 1939.
- Линевский А.М.* Очерки по истории древней Карелии. Ч. I. Петрозаводск, 1940.
- Линевский А.М.* Листы каменной книги. Петрозаводск, 2004.
- Лобанова Н.* Тайны петроглифов Карелии. Петрозаводск, 2005.
- Лукашев А.Д.* Неотектоника Карелии. Л., 1976.
- Лукашев А.Д.* Земная кора восточной части Балтийского щита. Л., 1978.
- Мазин А.И.* Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск, 1986.
- Мазин А.И.* Древние святилища Приамурья. Новосибирск, 1994.
- Мартынова Г.С., Покровская А.Ф.* Исследователи Томской писаницы. Кемерово, 2000.
- Мельников И.В.* Святилища древней Карелии (палеоэтнографические очерки о культовых памятниках). Петрозаводск, 1998.
- Мир наскального искусства: Сб. докладов международной конференции.* М., 2005.
- Мириманов В.Б.* Искусство и миф. Центральный образ картины мира. М., 1997.
- Мировоззрение древнего населения Евразии.* М., 2001.
- Мировоззрение финно-угорских народов.* Новосибирск, 1990.
- Мифы народов мира. Т. 2.* М., 1992.
- Мифы, предания сказки хантов и манси.* М., 1990.
- Музееведение. На пути к музею XXI века: Сб. науч. тр. НИИ культуры.* М., 1989.
- Музееведение. Проблема культурной коммуникации в музейной деятельности.* М., 1988.
- Музей-заповедник «Томская писаница». Вып. I. Природа.* Кемерово, 1998.
- Наскальные изображения на территории СССР. Указатель литературы 1962–1975 гг. / Составитель Р.А. Нисканен.* Петрозаводск, 1977.
- Наскальные рисунки Евразии.* Новосибирск, 1992.
- Наследие и государственная культурная политика: Сб. аналитических и информационных материалов.* М., 1996.
- Невский археолого-историографический сборник (к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова).* СПб., 2004.
- Новгородова Э.А.* Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
- Новожинов В.А.* Петроглифы Сары-Арки. Алматы, 2002.
- Образы и сакральное пространство древних эпох.* Екатеринбург, 2003.
- Окладников А.П.* Петроглифы Ангары. М.–Л., 1966.
- Окладников А.П.* Утро искусства. Л., 1967.

- Окладников А.П.* Петроглифы Байкала – памятники древней культуры Сибири. Новосибирск, 1974.
- Окладников А.П.* Петроглифы верхней Лены. Л., 1977.
- Окладников А.П.* Древнее искусство Приамурья. Альбом. Л., 1981.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Забайкалья. Ч. 1. Л., 1969. Ч. 2. Л., 1970.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы средней Лены. Л., 1972.
- Окладников А.П., Мазин А.И.* Писаницы реки Олекмы и верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976.
- Окладников А.П., Мазин А.И.* Писаницы бассейна р. Алдан. Новосибирск, 1979.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.* Сокровища томских писаниц. М., 1972.
- Окладников А.П., Окладникова Е.А.* Древние рисунки Кызыл-Келя. Новосибирск, 1985.
- Окладникова Е.А.* Петроглифы средней Катунь. Новосибирск, 1984.
- Окладникова Е.А.* Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. СПб., 1995.
- Основы теории коммуникаций. М., 2003.
- Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986.
- Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие. Менеджмент. Документация. Консервация. Алматы, 2004.
- Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск, 2002.
- Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и реконструкции. Сб. статей и докладов. Соловки, 2006.
- Петроглифы Онежского озера: вопросы изучения, охраны и использования: Материалы международного семинара. Петрозаводск, КарНЦ РАН, 18–21 сентября 1998 г.
- Петров К.* Краткое сообщение о петроглифах у с. Бесов Нос Пудожского уезда ... в 1880 г. // ИРАО. Т. 9. 1904. С. 443–444.
- Пещерный палеолит Урала. Уфа, 1997.
- Пойкалайнен В., Эрнстс Э.* Кочковнаволоок. Район Водлы. Каталог. 1998.
- Проблемы и программы туристско-рекреационного использования природного и историко-культурного потенциала в регионах России: Сб. научных трудов. М., 1995.
- Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.
- Проблемы каменного века Евразии. Красноярск, 1984.
- Проблемы сохранения и музеефикации петроглифов Карелии. Петрозаводск, 2004.
- Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 2002.
- Пяткин Б.Н., Мартынов А.И.* Шалаболинские петроглифы. Красноярск, 1985.
- Равдоникас В.И.* К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря // Советская археология. 1936. Вып. 1. С.9 –50.

- Равдоникас В.И.* Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря // Советская археология. 1937. Вып. III. С. 3–32.
- Равдоникас В.И.* Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // Там же. Вып. IV. С. 11–32.
- Равдоникас В.И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. I. М.–Л., 1936. Ч. II. М.–Л., 1938.
- Равдоникас В.И.* История первобытного общества. Ч. II. Л., 1947.
- Равдоникас Ф.В.* Тексты перцентуальной хронометрии. Спб., 1998.
- Ранние формы искусства. М., 1972.
- Реальные культурные ресурсы и развитие территорий. Проектно-экспертный семинар. Основные материалы. г. Петрозаводск, 25 ноября – 1 декабря 1998. Петрозаводск, 1998.
- Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. 1991–1996. М., 1996.
- Рустамов Дж.* Гобустан – очаг древней культуры Азербайджана. Баку, 2000.
- Савватеев Ю.А.* Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967.
- Савватеев Ю.А.* Залавруга. Ч. I. Петроглифы. Л., 1970. Ч. II. Стоянки. Л., 1977.
- Савватеев Ю.А.* Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1976.
- Савватеев Ю.А.* Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск, 1983.
- Савватеев Ю.А.* Каменная книга Карелии. Петрозаводск, 1990.
- Савельев Ю.В., Немкович Е.Г., Курило А.Е., Лаптев А.А.* Туризм в Республике Карелия: современное состояние и перспективы развития. Петрозаводск, 2002.
- Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991.
- Синицын А. А.* Олонекские петроглифы (По поводу А. И. Линецкого) // Сб. ЛОИКФУН, Л., 1904. 1. С. 42–52.
- Советова О.С.* Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск, 2005.
- Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера Сибири и Дальнего Востока. М., 2004.
- Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л., 1976.
- Степанов Ю.* Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. 2004.
- Столяр А.Д.* Некоторые итоги источниковедческого изучения петроглифов Карелии // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976. Вып. 3. С. 110–126.
- Столяр А.Д.* Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья (Карелия) // Советская археология. 1977. № 3. С. 24–41.
- Столяр А.Д.* О генетической природе «Беса» онежских петроглифов Карелии // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978. С. 209–221.
- Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.

- Тальгрэн А. М.* Доисторические памятники на восточном берегу Онежского озера: К ст. А. Ф. Шидловского // Изв. Об-ва изуч. Олон. губ. Т. 3. № 4. С. 227–228.
- Токарев С.А., Метелинский Е.М.* Мифология // МНМ. Т. I. М., 1987.
- Трессидер Дж.* Словарь символов. М., 1999.
- Труды ГИМ. Вып. 113. М., 2000.
- Филатова В.Ф.* Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2009.
- Филиппов А.К.* Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб., 2004.
- Формозов А.А.* Очерки по первобытному искусству (Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР). М., 1969.
- Формозов А.А.* О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства // Советская археология. 1979. № 3. С. 5–15.
- Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. Серия «Страницы истории нашей Родины». Изд. 2-е. М., 1980.
- Фрайденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала. М., 1971.
- Швед П.* Крестовый и Пелий мысы // Геогр. изв. РГО. Кн. 1. 1850. С. 68–71.
- Швед П.* Крестовый и Пелий мысы на Онежском озере // Олон. губ. вед. 4. Неофиц. № 37. 1858. С. 135.
- Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Шорохов Е.В.* Композиция. М., 1986.
- Шорохов Е.А., Кучко А.А.* Туристский потенциал городов и районов Республики Карелия. Петрозаводск, 2000.
- Шукуров Ш.М.* Искусство и тайна. М., 1999.
- Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева и др. М., 2002.
- Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. Киев–М., 1997.

Научно-популярное издание

Ю. А. Савватеев

ВЕЧНЫЕ ПИСЬМЕНА
(наскальные изображения Карелии)

Редактор *Л. С. Баранцева*
Оригинал-макет *Е. Е. Насонкова*

Фото *И. Ю. Георгиевского и др.*

Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99 г. Сдано в печать 18.07.07.

Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура QuantAntigua.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 27,0. Усл. печ. л. 27,0.

Тираж 800 экз. Изд. №. 34. Заказ № 630.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
Петрозаводск, пр. А. Невского, 50